

75 ЛЕТ
А.А. КАДЫРОВ

АЛЬМАНАХ

НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, ЮГА РОССИИ И КРЫМА

АЛЬМАНАХ

**НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА,
ЮГА РОССИИ И КРЫМА**

Грозный – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

М.Г. Халилов, А.Н. Андреев. «Альманахам современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)».....	17

ЧАСТЬ I. ПОЭЗИЯ

Поэзия Чеченской Республики

Лечи Абдулаев

«Вновь и вновь разгораясь, огонь призывает с ним слиться...».....	20
«Сын!» – окликал меня дада...».....	21
«Ты, наверное, думаешь, нана...».....	21
«Я с годами стараюсь навзрыд не рыдать...».....	22
Ночь, когда не пишутся стихи.....	22

Люба Арсалиева

В единстве – наша сила!.....	25
Отчизне моей.....	25
Национальному Герою.....	26
Чеченским бойцам.....	26
Отцовские дороги.....	27

Адам Ахматукаев

Гимн жизни.....	28
С надеждой.....	29
Железная дорога.....	29
Дома.....	29
Увоз невесты.....	30
Я – чеченец!.....	31

Асламбек Тугузов

«Падал снег, и вьюжили снежинки...».....	32
«Проходит? Ничто не проходит...».....	33
«По весне, когда треснут по рекам таежные льды...».....	34
Паук и Пчела.....	35

Асет Халикова

«В тонкой книжице жизни, исписанной легкой рукой...».....	36
«Одних обходит счастье стороной...».....	37
«Забудется имя, иные придут...».....	37
Я – цветочек.....	38
«Я так радуюсь ныне и горячим слезам...».....	39

Шарип Цуруев

Матери.....	40
«Товарищ, что со мной издал свой первый крик...».....	41
«Моя печаль не связана с войной...».....	41
«В ночной тиши, под синим небосводом...».....	42

<i>«Вначале мы были в печали...»</i>	43
Ильман Юсупов	
<i>«Я тебя, мое отчее поле...»</i>	44
<i>Матери</i>	45
<i>Васильки</i>	45
<i>«Полночной порою от спящего мира...»</i>	46
<i>Воспоминания из детства</i>	46
<i>Капли печали</i>	47
Руслан Юсупов	
<i>Благодарю</i>	48
<i>Из души</i>	49
<i>Однажды</i>	9
<i>Если</i>	50
<i>Что скажут люди обо мне</i>	50
<i>Вдвоем</i>	51
Поэзия Адыгей	
Шхамбий Куев	
<i>Отражение</i>	52
<i>Человеческий путь</i>	53
Исхак Машбаш	
<i>Откуда эти крылья – два моих крыла</i>	55
<i>Ты в сердце моем одна</i>	56
<i>Путь к тебе, Россия</i>	57
<i>Мосты</i>	58
<i>Доброта</i>	59
<i>Честность</i>	60
Поэзия Дагестана	
Аминат Абдулманапова	
<i>Старик</i>	61
<i>Батырай</i>	63
<i>Родник</i>	63
Багаутдин Аджиев	
<i>«Гнездовье орла – на вершинах высоких гор...»</i>	65
<i>Ты князем песен был, отец</i>	66
<i>«Для человека нынче что правда, что хула...»</i>	66
<i>«Мыслители древности, алхимики, звездочеты...»</i>	67
<i>«Собор Покровский и велик, и строен...»</i>	67
<i>«Словно дервиш, напуганный временем, я...»</i>	68
<i>«Жизнь – священная книга...»</i>	68
Марина Ахмедова	
<i>Детство</i>	69
<i>Гуниб</i>	70
<i>«Я так люблю большие города...»</i>	71

<i>О национальном вопросе.....</i>	<i>72</i>
Мурад Ахмедов	
<i>«Начинаю дорогу с молитвы...».....</i>	<i>73</i>
<i>Глаза отца.....</i>	<i>74</i>
<i>«Что в этой жизни нам принадлежит?...».....</i>	<i>76</i>
<i>«Не мое это время, совсем не мое...».....</i>	<i>75</i>
<i>«Кто из нас хороший, кто плохой...».....</i>	<i>75</i>
<i>Школа в Беслане.....</i>	<i>76</i>
Залму Батирова	
<i>Последнее письмо с фронта.....</i>	<i>77</i>
Гульфира Бекмуратова	
<i>Я жду тебя, Неизвестный солдат!.....</i>	<i>81</i>
<i>«О Смерть! Ты объятья свои разомкни...».....</i>	<i>82</i>
<i>«Война... За тобою скитается смерть...».....</i>	<i>83</i>
<i>«Спешила напевно заря заалеть...».....</i>	<i>84</i>
Арбен Кардаш	
<i>Голубые небеса.....</i>	<i>85</i>
<i>«Как панцирь кожа... Дни мои...».....</i>	<i>86</i>
<i>Осколки Шалбуздага.....</i>	<i>87</i>
Сувайнат Кюребекова	
<i>У памятника Матери в Дербенте.....</i>	<i>89</i>
<i>«Когда-то ходила и я босиком...».....</i>	<i>90</i>
<i>«Состарилось мое село...».....</i>	<i>91</i>
<i>«Мир стал глухонемым в тот момент...».....</i>	<i>91</i>
Миясат Муслимова	
<i>Ты не случайно здесь.....</i>	<i>94</i>
<i>Россия.....</i>	<i>94</i>
<i>Это твое Макондо.....</i>	<i>95</i>
<i>Камни моей родины.....</i>	<i>95</i>
Фейзудин Нагиев	
<i>Два мастера.....</i>	<i>98</i>
<i>«И будет день, наверняка...».....</i>	<i>98</i>
<i>Река Самур.....</i>	<i>99</i>
<i>Суд совести.....</i>	<i>99</i>
<i>На Босфоре.....</i>	<i>99</i>
Супиян Омаров	
<i>Махачкала.....</i>	<i>101</i>
<i>Горный сокол.....</i>	<i>102</i>
<i>Простите, матери.....</i>	<i>103</i>
Тамила Хуршидова	
<i>Объятья матери.....</i>	<i>105</i>
<i>«Собрату чувств, что берегла...».....</i>	<i>106</i>
<i>Братьям.....</i>	<i>106</i>
<i>Блеск кувшина.....</i>	<i>107</i>

«Смогу ль бежать и бросить я...».....	107
«Иную дверь и ветерок толкает...».....	107
Дерево инжира.....	108
Хамис Шамилова	
Бабушкина седина.....	109
Брат матери.....	110
Та, что следовала за любовью.....	110
«В утренней росе...».....	111
Поэзия Ингушетии	
Раиса Дидигова	
Поэзия Кавказа.....	112
Я дочь народа своего.....	115
Якуб Патиев	
«Народы спорят, кто древнее...».....	116
О, как опасна женщина во гневе...».....	117
Женщина боксирует на ринге.....	117
«Мечети строя, мой народ...».....	118
«Нам цель одна желанна...».....	119
«Гаджеты попробуй ты отвергни-ка...».....	119
«Ведут себя, как соль земли...».....	119
«Уверяет цитатой мудрец не один...».....	119
Малика Сагова	
Мерзнут кости.....	120
«Острога, тюрьма, золотая клетка...».....	121
«Мы с тобою две души «беспланетные»...».....	121
Одиночество.....	122
«Эти осколки из прошлой весны...».....	122
Поэзия Кабардино-Балкарии	
Исмаил Бейтуганов	
«В прошедшее уходят день за днем...».....	124
Завет родителей.....	125
Родина моя – Россия.....	125
Анатолий Бицуев	
«Жизнь наша удивительно мудра...».....	127
«Летел по небу журавлиный клин...».....	128
Портрет.....	128
«Однажды, возвращаясь от любимой...».....	128
«Когда ты письма жгла мои, желая...».....	129
Снег идет.....	129
Сердце матери.....	130
Мольба.....	130
Аскар Додуев	

<i>Вечер.....</i>	<i>133</i>
<i>Камень и трава.....</i>	<i>133</i>
<i>Черед.....</i>	<i>134</i>
<i>Коршун.....</i>	<i>135</i>
Танзиля Зумакулова	
<i>Два языка.....</i>	<i>136</i>
<i>«Меня в огонь швыряли столько раз...».....</i>	<i>137</i>
<i>«Всевышний, я прошу Тебя об одном...».....</i>	<i>137</i>
<i>«Мы временем умеем дорожить...».....</i>	<i>138</i>
Нелли Лукожева	
<i>«Грести по волнам тяжких испытаний...».....</i>	<i>139</i>
<i>«Близился твой мир ко мне...».....</i>	<i>140</i>
<i>«Его увидев, каждый раз...».....</i>	<i>140</i>
<i>«Как в этом мире пусто... Пустота...».....</i>	<i>141</i>
<i>«Махонькое детство...».....</i>	<i>141</i>
<i>«Тебя оплетающих жизнью число бесконечно...».....</i>	<i>142</i>
Сакинат Мусукаева	
<i>Беседа.....</i>	<i>143</i>
<i>Навсегда.....</i>	<i>144</i>
<i>Жизнь.....</i>	<i>145</i>
Мурадин Ольмезов	
<i>«Устала течь река...».....</i>	<i>147</i>
<i>Все одному.....</i>	<i>148</i>
<i>Объятие.....</i>	<i>148</i>
<i>Дорога к тебе.....</i>	<i>149</i>
Поэзия Калмыкии	
Татьяна Бадакова	
<i>Моя бабушка.....</i>	<i>150</i>
<i>Здравствуй, Цаган Сар!.....</i>	<i>151</i>
<i>Калмыцкий чай.....</i>	<i>152</i>
Эрдни Канкаев	
<i>Наставления деда.....</i>	<i>153</i>
<i>Пять стихий.....</i>	<i>154</i>
<i>Пыль родной земли – золото.....</i>	<i>155</i>
Поэзия Карачаево-Черкесии	
Науруз Байрамкулов	
<i>Ночь в городе.....</i>	<i>157</i>
<i>В тиши гор.....</i>	<i>157</i>
<i>К 70-летию со дня рождения Альберта Магомедовича Узденова.....</i>	<i>157</i>
<i>Тот перевал.....</i>	<i>158</i>
<i>Я преклоняюсь перед вами, горы.....</i>	<i>158</i>
<i>О край родной.....</i>	<i>159</i>

Мамаев курган.....	159
Я пью бокал.....	159
Зухра Булгарова	
«В один из дней на родине своей...».....	161
«Не торопись закрыть мои глаза...».....	162
Волчья шкура.....	162
Хизир Тахтамышев	
Родина.....	165
Солдатам безымянным.....	165
Очаг погас.....	166
Послевоенная война.....	166
Остановись, прохожий.....	167
Алла Чотчаева	
Победа.....	169
Солдаты России – могучая сила.....	170
Райский уголок земли.....	171
Великого рода потомок – алан.....	171
Лариса Шебзухова	
В абазинский наш дом загляните!.....	173
В родном краю.....	175
Поэзия Краснодарского края	
Лидия Вдовченко	
Весна на пороге.....	176
Ошибка.....	177
Настроение.....	178
Николай Зиновьев	
Неизреченное.....	179
«Глядит сквозь тучи месяц тонкий...».....	180
Родине.....	180
Печальное.....	180
«В этом мире все больше пустот...».....	181
Музыка.....	181
Светлана Макарова-Гриценко	
Сторона родная.....	182
«Вызываю огонь на себя!...».....	183
«Заметает степь курганную зимушка...».....	183
«Эти улицы – словно страницы...».....	184
Мамины глаза.....	185
Оберег России.....	185
Нездешнее метро.....	186
В горах.....	186
Далекая родная Беларусь.....	186
Друзьям.....	187
Ангел.....	187

«Ладонями прижмусь к печи...».....	188
«Расшумелись березы...».....	189
«О, этот мир снова уйдет...».....	190
Олег Селедцов	
<i>Молитва</i>	191
<i>Литургия</i>	192
<i>Папа</i>	192
<i>Пасха</i>	193
<i>Счастье</i>	193
Поэзия Республики Крым	
Сейран Сулейман	
<i>Голубь</i>	194
<i>Поверил</i>	195
<i>Поэт</i>	195
<i>Ты словно пери</i>	196
Поэзия Ростовской области	
Роза Агоева	
<i>Кто ближе по духу</i>	197
<i>А Истина – в единстве двух начал!</i>	198
<i>Дар нести надежды свет</i>	198
<i>Жизнь примеряет новый наряд</i>	199
<i>На просторах милой Кабарды</i>	199
<i>Что может быть чище воды родниковой</i>	200
<i>Чарующий звуками, нежный</i>	200
Елена Альмалибре	
«Моя душа не миновала моря...».....	201
«Тут осталось уже, по-хорошему, Господи...».....	202
«Пока растаптывался снег...».....	202
<i>Донской сонет</i>	203
Ольга Губарева	
<i>Жизнь</i>	204
<i>Вальс</i>	205
<i>Провинция</i>	206
<i>Выбор</i>	206
«Никуда уже не спешу...».....	207
<i>Гуси-лебеди</i>	207
Виктория Можаяева	
«А я все помню те глаза...».....	209
«Глядит в окно моя луна...».....	210
«На моем берегу...».....	211
«Запеклись в душе слова, как на ране...».....	211
«Там за степями, за ярами...».....	212
«Города далеки...».....	213

Ирина Сазонова	
<i>Ростовская набережная.....</i>	<i>214</i>
<i>Отец.....</i>	<i>215</i>
<i>«Осень. Грачи. Качели...».....</i>	<i>216</i>
<i>Пусть останется.....</i>	<i>216</i>
Анжелика Салтанова	
<i>Зерно.....</i>	<i>219</i>
<i>Возвращайся.....</i>	<i>219</i>
<i>«Верни меня, пожалуйста, верни...».....</i>	<i>219</i>
<i>«Нежность моя спит внутри много сотен лун...».....</i>	<i>220</i>
<i>Слова.....</i>	<i>220</i>
Дмитрий Ханин	
<i>«Хоть этот город настолько мал...».....</i>	<i>221</i>
<i>«Так хочется сердцу читать научиться...».....</i>	<i>222</i>
<i>Герань.....</i>	<i>222</i>
<i>Бревно.....</i>	<i>223</i>
 Поэзия Северной Осетии-Алании	
Залина Басиева	
<i>Гора Казбек.....</i>	<i>224</i>
<i>«О Гимерот! Бог сердца моего!..».....</i>	<i>225</i>
<i>Молитва.....</i>	<i>225</i>
<i>Азау и Таймураз.....</i>	<i>226</i>
<i>Амазонка.....</i>	<i>227</i>
Наталья Куличенко	
<i>Посвящается моей Родине.....</i>	<i>228</i>
<i>«Понимаю, конечно, писательский зуд – маета...».....</i>	<i>228</i>
<i>«Стареем, не постигнув сущность...».....</i>	<i>229</i>
<i>«Когда война шагала по стране...».....</i>	<i>230</i>
<i>«Мы с тобою расстались – и точка...».....</i>	<i>231</i>
<i>«И откуда бы взяться добру?...».....</i>	<i>232</i>
<i>Посвящается Владикавказу.....</i>	<i>233</i>
<i>«Что с тобою, подруга, случилось-то?...».....</i>	<i>234</i>
Валерий Цариев	
<i>Солнце.....</i>	<i>235</i>
<i>Мама.....</i>	<i>236</i>
<i>Конь.....</i>	<i>236</i>
<i>Молоток и гвозди.....</i>	<i>237</i>
<i>Кинжал.....</i>	<i>238</i>
 Поэзия Ставропольского края	
Сусанна Баграмян	
<i>Русскому народу.....</i>	<i>239</i>
<i>Язык дружбы.....</i>	<i>240</i>
<i>Преданность.....</i>	<i>241</i>

<i>«Бегут проворные ручьи...»</i>	242
<i>Дарите вовремя любовь</i>	242
Александр Комаров	
<i>Родная Русь</i>	244
<i>Здравствуй, Ставрополье!</i>	245
<i>Держусь</i>	246
Александр Куприн	
<i>Милая Россия</i>	247
<i>Мы – из детского дома</i>	248
<i>Не надо золота и славы</i>	249
<i>Торжественная песня</i>	249
<i>Море – горы</i>	250
Екатерина Полумискова	
<i>Скифский курган</i>	251
<i>Клятва предков</i>	252
<i>Ставрополье</i>	252
<i>Ставрополь</i>	253
<i>Пятигорск</i>	254

ЧАСТЬ II. ПРОЗА

Проза Чеченской Республики

Муса Ахмадов

<i>Деревянные куклы</i>	255
<i>Ореховые деревья шумят</i>	264

Муса Бексултанов

<i>Хорошо, что ты есть</i>	271
<i>Девушка моего брата</i>	276

Аламахад Ельсаев

<i>Грозный – Буденновск – Москва</i>	287
<i>Жаркие дни холодного февраля 1996 года</i>	291
<i>Цена вопроса</i>	294
<i>Честь имею</i>	297

Сайд-Хамзат Нунуев

<i>Вертолет</i>	300
<i>У могилы бабушки</i>	304

Проза Адыгеи

Санят Гутова

<i>Тлехудидж – Грозный мужчина</i>	306

Проза Дагестана

Руслан Башаев

<i>Ночь над горами</i>	313

Гамзат Изудинов	
<i>Глаза войны</i>	318
Абдуселим Исмаилов	
<i>Архивариус</i>	326
<i>Кровь жеребца</i>	332
Гебек Конакбиев	
<i>В автобусе</i>	339
Бийке Кулунчакова	
<i>Дети за домом</i>	343
<i>Где мой папа?</i>	349
Шахвелед Шахмарданов	
<i>Груша изаган</i>	354

Проза Ингушетии

Хаваш Накостоев	
<i>Башня Страны</i>	362
<i>Легенда о женском платке и об очажном огне</i>	364
Руслан Паров	
<i>Дни, что нами пройдены</i>	366

Проза Кабардино-Балкарии

Евгений Листопадов	
<i>Камушек</i>	383
<i>Пахари</i>	384
<i>Островок</i>	385
<i>Курам на смех</i>	385
<i>У вечного порога</i>	386
<i>Случай в горах (алмасты)</i>	388
<i>Дюймовочка</i>	392
<i>Альпинист</i>	393
<i>Жучок майский</i>	394
<i>Кавказ, где все течет</i>	396
Амир Макоев	
<i>Золотые апельсины</i>	400
<i>Буйволиная тропа</i>	405
Мадина Хакуашева	
<i>Лева</i>	412

Проза Калмыкии

Виктор Коксадаев	
<i>Блаженный и чеки</i>	426
Елена Ользеева	
<i>Степной ангел</i>	438
<i>Онори</i>	440

<i>Из цикла «12 степных сюжетов».....</i>	<i>442</i>
Римма Ханинова	
<i>Пуля.....</i>	<i>444</i>
<i>Меч для героя.....</i>	<i>446</i>
<i>Знамя.....</i>	<i>450</i>
<i>Второй исход.....</i>	<i>453</i>
Проза Карачаево-Черкесии	
Султан Айбазов	
<i>Волчица.....</i>	<i>462</i>
Иса Капаев	
<i>Карабатыр.....</i>	<i>471</i>
<i>Мамет Кельдиев.....</i>	<i>475</i>
<i>Джамиля делает лето.....</i>	<i>481</i>
Владимир Романенко	
<i>Архызские сказания.....</i>	<i>485</i>
Проза Краснодарского края	
Людмила Бирюк	
<i>В садах Лицея.....</i>	<i>490</i>
Юрий Васин	
<i>Ефрейтор Машенька.....</i>	<i>500</i>
Николай Ивеншев	
<i>Сахарная голова.....</i>	<i>504</i>
<i>Скелет в рассрочку.....</i>	<i>509</i>
<i>Свежати́на.....</i>	<i>513</i>
Проза Республики Крым	
Владимир Сорокин	
<i>Ополчение.....</i>	<i>517</i>
Сейран Сулейман	
<i>Камень.....</i>	<i>530</i>
Проза Ростовской области	
Алексей Береговой	
<i>Игрушка.....</i>	<i>532</i>
<i>Птицы и люди.....</i>	<i>534</i>
Виктор Вирченко	
<i>Как в сказке.....</i>	<i>536</i>
Марина Ганзенко	
<i>Крик.....</i>	<i>539</i>
Ольга Лозбенева	
<i>Крокусы.....</i>	<i>542</i>
Александр Можаяев	
<i>За чертой.....</i>	<i>545</i>

Проза Северной Осетии-Алании

Сергей Хугаев

Осетинская скрипка.....551

Изатбек Цомартов

Светились горы в лунном сиянии.....563

Проза Ставропольского края

Владимир Бутенко

Победа сердца.....570

Судный камень.....580

Ирина Калус

Цвет неба.....588

ЧАСТЬ III. ДРАМАТУРГИЯ

Драматургия Кабардино-Балкарии

Зарина Канукова

Жили-были и всегда.....596

Драматургия Ставропольского края

Виктор Кустов

Я – кавказец.....610

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Альманахам современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)»

Уважаемые коллеги!
Дорогие друзья!

2026 год объявлен в России Годом единства народов России. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». В Указе, в частности, сказано: «В целях укрепления национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации постановляю:

1. Провести в 2026 году в Российской Федерации Год единства народов России».

Союз писателей России отреагировал на это важное для страны событие собственной культурной инициативой. С целью изучения современного состояния национальных литератур народов нашей страны было решено провести ряд межрегиональных научно-практических Конференций национальных литератур народов России. Подобные Конференции предложено было провести в г. Грозном (Конференция национальных литератур народов Северного Кавказа, юга России и Крыма, июнь 2026 г.), в г. Казани (Конференция национальных литератур народов Приволжского, Северо-Западного, части Уральского и Сибирского ФО, июнь 2026 г.), а также провести в формате онлайн Конференцию национальных литератур народов части Сибирского и Дальневосточного ФО (июль 2026 г.).

Итоговая Общероссийская Конференция национальных литератур народов России запланирована на ноябрь 2026 г. в г. Москве.

В рамках подготовки конференций был дан старт проекту, целью которого было объявлено создание в электронном виде региональных «Альманахов современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)».

На основе региональных Альманахов мы планируем издать ко времени проведения Общероссийской Конференции один итоговый «Альманах», куда войдут лучшие произведения авторов, составляющих гордость национальных литератур.

С целью отбора лучших произведений национальных авторов в профессиональных переводах было создано многоступенчатое Специальное жюри, включающее в себя сеть региональных Экспертных Советов, возглавляемых авторитетнейшими специалистами. В составе Советов шесть докторов наук из разных регионов нашей страны, а также известные всей читающей России писатели и поэты.

Если посмотреть на наш проект в контексте реформирования функций СПР, следует отметить, что СПР поставил перед собой весьма амбициозную задачу. Она заключается не в том, чтобы просто издать «Альманахи» и провести Конференции, посвященные Году единства народов России; это, безусловно, важно, но мы не хотим ограничиваться выставочными и, так сказать, одноразовыми мероприятиями. Наша задача, как мы ее себе представляем, состоит в том, чтобы создать инструменты и, в идеале, технологию диагностики, дающей представление об объективном состоянии национальных литератур народов России здесь и сейчас.

Это не только амбициозная, но и очень сложная задача. Каким должен быть механизм первоначального сбора и отбора материалов? Кто должен за это отвечать? Кто должен назначать ответственных? Какими должны быть критерии отбора произведений (объем, качество, жанровый состав)? Какими должны быть критерии качества переводов? Кто должен их утверждать? Как распределить полномочия федеральных и региональных структур СПР? Создание технологии требует выстраивания организационной структуры с прозрачным и понятным функционалом.

Писательское сообщество – это сообщество талантливых и, как следствие, чувствительных и ранимых людей; любой «конкурентный» проект в таком сообществе – это система весьма тонких настроек. А если учесть, что мы ставим целью укрепление национального единства разных народов, степень сложности задачикратно возрастает.

Никто не знает, как решать эти задачи, все приходится создавать и изобретать самим; и проблемы, и способы их решения постоянно возникают и варьируются в процессе продвижения нашего проекта. Собственно, анонсированные Конференции для того и нужны, чтобы создать эффективную технологию диагностики и передать ее в руки тех, кто собирается продолжить наше дело дальше.

В идеале, конечно, мы хотим создать такой проект, который будет действовать на долгосрочной основе, постоянно, на протяжении многих лет.

Зачем нужен проект, который условно можно назвать «Альманахи современной художественной литературы народов России как отражение литературного процесса»?

Альманахи и Конференции, повторим, – это не самоцель, а инструменты определенной технологии. Если СПР собирается хотя бы отчасти управлять многонациональным литературным процессом, если мы хотим понимать его природу и тенденции развития, нам необходимо иметь представление о том, что сейчас пишут в регионах, почему пишут именно это, что сегодня читают, почему читают именно это, кто это читает и что надо сделать для того, чтобы писали и читали то, что нужно писать и читать.

Как развиваются национальные литературы и языки в процессе взаимодействия с великой русской литературой и великим и могучим русским языком? Что надо сделать для того, чтобы процесс взаимодействия стремился стать процессом взаимообогащения?

Сами по себе эти вопросы не решаются, ими надо заниматься, если мы хотим иметь гармоничное соцветие национальных литератур, где всем комфортно и где само понятие «многонациональное» осознается как культурный ресурс.

Создаваемые нами «Альманахи» будут доступны и самым разным читателям, и широкой общественности, и специалистам-исследователям. Это, в свою очередь, должно пробудить интерес к национальным литературам.

Уже сам процесс создания «Альманахов» обострил многие проблемы, требующие безотлагательного решения. Например, проблему переводческих школ – точнее, их отсутствия. Переводческие школы – это ведь не только про перевод выдающихся образцов национальных литератур на русский, это и про перевод образцов русской классики на национальные языки. Перспективы и возможности здесь очевидны – как очевидно и то, что эти возможности пока не востребованы.

Теперь несколько слов о конкретных «Альманахах» – «Альманахе современной художественной литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма (проза,

поэзия, драматургия)», «Альманахе современной художественной литературы народов Приволжского, Северо-Западного, части Уральского и Сибирского ФО (проза и поэзия)» и «Альманахе современной художественной литературы народов части Сибирского и Дальневосточного ФО (проза и поэзия)».

При составлении «Альманахов» эксперты руководствовались не чутьем и наитиями, а вполне определенными принципами, которые мы сейчас прокомментируем.

Во-первых, согласно нашему писаному и неписаному уставу, в каждом конкретном «Альманахе» могут быть представлены только ныне здравствующие писатели (дай Бог им здоровья на долгие годы!). Это положение очерчивает концептуальные рамки «Альманаха»: в нем представлены не лучшие писатели всех времен, определившие лицо той или иной литературы (это уже задачи иного проекта), а лучшие из живущих, что дает представление об актуальном состоянии литературы.

Во-вторых, писатели должны быть членами СПР, ибо: проект финансируется из бюджета СПР.

Могут быть исключения? Из второго пункта могут. Но они не отменяют принципов.

Следующий принцип – критерии художественности.

Обратим внимание: в «Альманахах» представлены проза и поэзия, но почти нет драматургии (она представлена двумя произведениями только в «Альманахе современной художественной литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма»). Значит ли это, что в обозначенных национальных литературах напрочь отсутствует драматургия как таковая?

Нет, это значит совсем другое. Изначально мы предусматривали номинацию «драматургия», однако в процессе экспертного обсуждения содержательного состава «Альманахов», мы пришли к выводу, что уровень и качество драматургии не соответствует высокому уровню требований Экспертного совета. Это ни хорошо, ни плохо; это то, что мы имеем здесь и сейчас. Кстати, предложенные пьесы не назовешь плохими, они обладают определенными литературными достоинствами, некоторые весьма мастеровиты и креативны; однако сложно представить, что они могут стать основой театрального и общественного события. Мы пришли к выводу, что такого рода пьесы не стоит делать предметом широкого литературного обсуждения.

При желании наше экспертное сообщество можно упрекнуть в том, что оно не всегда руководствовалось исключительно критериями высокого художественного качества (хотя и не скрывало, что критерий этот – решающий). Поэзия и проза в отдельных случаях представлены текстами проходными, чтобы не сказать заурядными. Можно было их убрать, чтобы общий уровень «Альманахов» стал заметно выше? Можно. Но вместе с текстами ординарными мы убрали бы и то, что можно назвать маркером актуального уровня развития национальной литературы. У нас, как говорится, нет других писателей, а те, что есть, пишут то, что могут. Зачем же приукрашивать положение вещей, «лакировать действительность», как говаривали раньше?

Нам кажется, что такого рода информация, такие литературные «сигналы» тоже очень важны для понимания сути литературных процессов. Здесь тот самый случай, когда «на зеркало неча пенять», – напротив, зеркало стоит поблагодарить, хотя на это, будем откровенны, трудно надеяться.

С другой стороны, иногда приходилось отказываться включать в «Альманах» произведения, по качеству вполне соответствующие нашим требованиям, но при этом не

проходящих цензуру здравого смысла и моральных запросов общества. В авторских книгах такие произведения «с картинками и перчиком» вполне уместны, поскольку в них автор отвечает сам за себя. Что касается наших «Альманахов», то это особого рода издание, рассчитанное на широкий общественный резонанс, издание, которое будут пристально рассматривать в разных ракурсах, и даже один «неоднозначный» или дискуссионный момент может отразиться на репутации всего «Альманаха» и всего нашего проекта.

Во всяком случае, эксперты подошли к данному вопросу именно так, а не иначе.

Наконец, остановимся еще на одной проблеме, решить которую однозначно совсем не просто. В каждом национальном образовании есть ряд авторов, пишущих на русском языке, которые при этом вполне вписываются в национальные реалии (национальная принадлежность в этом случае не имеет решающего значения).

Вынуждены признать: права таких авторов были несколько ущемлены, хотя мы старались в каждом конкретном случае подходить к проблеме индивидуально. Общий наш протокол, свод правил («Альманах литератур народов России») приоритет отдает переводной литературе; однако иногда именно пишущие на русском являются лицом и «брендом» национальной литературы. Это тоже наши реалии, и это еще одна проблема, которую предстоит решать. Пока в концепции наших многонациональных «Альманахов» никак не представлены области и регионы, где пишут только на русском. В перспективе с этим, конечно, надо что-то делать.

Работа над «Альманахом» вскрыла ряд проблем как в работе центрального аппарата СПР, так и в работе региональных структур СПР. Решение этих проблем, несомненно, будет способствовать укреплению нашего писательского сообщества. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

В целом нельзя не отметить: проведена огромная, прежде всего – черновая, подготовительная, невидимая глазу работа. Но и эта работа – лишь следствие той подвижнической деятельности наших писателей и поэтов, которые работают не за деньги, а за совесть, прославляя нашу Родину, обогащая светом Истины, Добра и Красоты культурный код нашей российской цивилизации. В результате наш многонациональный культурный фонд имеет достойные наших традиций «Альманахи современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)», которые не стыдно представить «граду и миру».

Мы доказали, что литература народов России – это не пропагандистский миф, а реальное достижение нашей культуры.

Мы доказали, что наши «малые» народы в лице своих гениев (кстати, без исключения великолепно владеющих русским языком) по-прежнему способны создавать на своем родном языке блистательные шедевры, которые могли бы украсить любую литературу мира.

Мы доказали, что литература народов России – это наш культурный потенциал, который следует изучать, преумножать и грамотно развивать.

Мы поздравляем всех, причастных к работе над «Альманахами» как ключевым звеном нашего большого литературного проекта: поэтов, прозаиков, драматургов, критиков, литературоведов, корректоров, верстальщиков, руководителей всех уровней.

Особая наша благодарность региональным отделениям СПР Чечни, Татарстана и Читы, взявшим на себя основной труд по сбору материала, его структурированию, оценке и подготовке к публикации.

Первым быть труднее всего, поэтому первым часто многое прощают. Первый блин комом, как говорят в таких случаях. Но мы абсолютно убеждены, что наш пилотный проект не нуждается в снисхождении; мы убеждены, что нам есть чем гордиться по результатам нашей работы. Мы уверены, что анализ материалов «Альманахов» будет представлен в скором будущем в монографиях и статьях литературоведов.

И еще мы убеждены в том, что многонациональные «Альманахи» следует издавать регулярно, с периодичностью в два-три года, – и, соответственно, проводить Конференции, где должны оперативно осмысливаться реалии, отраженные в «Альманахах».

Всем мира и добра.

Халилов М.Г.

Сопредседатель Совета по национальным литературам
и переводческому делу СПР, руководитель
всероссийского Проекта конференций
национальных литератур народов России

Андреев А.Н.

Председатель общероссийского
Экспертного Совета по национальным
литературам, доктор
филологических наук, профессор

ЧАСТЬ I. ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Лечи АБДУЛАЕВ

Лечи Шарипович Абдулаев (1953) – поэт, прозаик, публицист и переводчик. Член Союза писателей России, народный поэт Чеченской Республики, заслуженный журналист Чеченской Республики. Родился в Средней Азии в период депортации чеченцев и ингушей. Окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета. Работал учителем в школе, сотрудником районных газет, главным редактором республиканской газеты «Даймохк». Почетный профессор ЧГУ им. А.-Х.Кадырова. Перевел на чеченский язык повесть-сказку Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц», множество стихотворений русских и европейских поэтов. Автор нескольких поэтических сборников. Пишет на чеченском языке.

Я с годами стараюсь навзрыд не рыдать,
Не смеяться до слез без причины и дела.
Не сочтите, что сердце устало страдать,
Что оно, отболев, навсегда очерствело,

Что оно навсегда перестало любить,
Равнодушно и к счастью, и к жизненной прозе.
Слезы начал с годами сильнее ценить –
Я ослепнуть боюсь, когда кончатся слезы.

«Сын!» – окликал меня дада.
«Сын!» – окликала и мать.
Просто велели что надо
Сделать, а может подать.

Сын-то давно уже дада,
Даже и дед он давно,
Но и дитя, и отрада
Для стариков все равно.

«Сын!» – не зовет уже дада.
«Сын!» – не зовет меня мать.
Больше не скажут, что надо
Сделать, а может подать.

Сын опечаленный бродит.
В грустных глазах пустота.
Если родитель уходит,
Даже и дед – сирота.

Ты, наверное, думаешь, нана,
Мир разверзнут твоим уходом,
Что у нас во дворе неустанно
Льют дожди и стоит непогода.

Может, думаешь – не рассветает,
Не темнеет под сенью жемчужин,
Что очаг без тебя остывает,
И на нем не готовится ужин.

Нет же, нана, все без изменений –
Жизнь круженье свое продолжает.
И приходит зима в свое время,
По весне все вокруг зацветает.

В этом мире, что так постоянен,
Для меня непривычно и ново,
Бедный сын твой, оставшись без наны,
Встать пытается на ноги снова.

Вновь и вновь разгораясь, огонь призывает с ним слиться.
Вновь и вновь разгораясь, война призывает смириться,
Чтобы кровь на земле мне отныне казалась цветами,
Души павших невинных – сизокрылыми голубями.

Не сольюсь я с огнем – у меня ведь другое призвание.
Не смирюсь я с войной – в моем сердце живет сострадание.
Не угаснет любовь, став заложницей злобы и гнева,
Жизнь во мне остудив, не затянется в сердце и тезет¹

Отчий дом мой в огне – я илли² свои раны врачую,
Мое сердце горит – я босой на руинах танцую.
Не покинь меня, жизнь, бесполезно растаяв в эфире...
Я клянусь, палачи, дольше вас проживу в этом мире.

Ночь, когда не пишутся стихи

Верлибр

Вот и опять пришла она – ночь...
Ночь, когда не пишутся стихи.
Так тесно становится мне в этом огромном мире,
будто она пришла лишить меня сна –
ночь, когда не пишутся стихи.

...В эту ночь, словно жизнь от смерти,
я прячу от кого-то свое перо.
Мне страшно, будто я один остался в огромном мире...
Боюсь, как боялся в детстве, что мать покинет меня.
Я напуган, ослеплен, будто горит дом, внутри которого остался
мой ребенок.
Я опозорен, будто отец сказал мне:
«Зря мать качала твою колыбель!»

Эта ночь – ночь, когда не пишутся стихи,
всегда бывает последней в моей жизни.
Она меня пугает, ругает, упрекает,
будто во всех бедах этого мира повинен я – один я.
Будто только мой голос способен привести мир к добру.

– Друг, постой!
Подойди, вскрой мою грудь, пожалуйста.
Посмотри, что там? Такая невыносимая у меня боль!

¹ Тезет – похороны.

² Илли – героико-эпическая песня.

Посмотри, что это! В моем сердце поселилась она –
ночь, когда не пишутся стихи!

В ночь, когда не пишутся стихи,
я откуда-то возвращаюсь домой,
но дома у меня нет, ни гнезда, ни дороги...
ни на одном пиршестве нет для меня места.
Нет никого, кто желал бы в минуты большой беды
Моей чуткой руки...
Нет детей, которые, увидев меня,
радостно побегут навстречу.
Каждая собака злобно лает на меня.
Я задержался, но ни в одном окне не горит свет,
ожидая моего возвращения...
Ничье сердце не защекочет звук моих шагов...

В ночь, когда не пишутся стихи, я тихо ухожу...
Какая-то тяжесть лежит на моих плечах – погребальные носилки.
И я иду в последней путь...
Так кто же на этих носилках?
Я! опять я! Эта опять моя последняя ночь.

В ночь, когда не пишутся стихи, я оторван от всех своих дел.
Я умираю! А у моего изголовья нет
ни отца, ни сына, ни жены...
В эту ночь – в ночь, когда не пишутся стихи, я покидаю мир.
Я вижу, как моя душа покидает тело
и сливается с незримой звездой.

Люди! Вы видели эту Землю?!
Вы когда-нибудь смотрели с мертвой звёзды на одинокую Землю?!
Дано ли вам знать, почему я так плачу
в эту ночь – в ночь, когда не пишутся стихи?

А Земля-то лежит, улыбаясь как сонный малыш
Она медленно меняет бок, а я закрываю глаза
и вижу, как смерть преследует каждого.
Виноват ли я, что не пишутся они,
не зная, будет ли кому их прочесть?

Нана! Нана! Открой мне дверь!
Вырвись из объятий сна!
Не я ли твоё маленькое чадо в ночь, когда не пишутся стихи?
Я напуган, Нана! Мне страшно!
Открой мне дверь,пусти меня, спрячь за своей спиной...
стучусь в дверь... стучусь в окно... стучусь в сердце...

Перевод Инги Хаяури

Люба АРСАЛИЕВА

Люба Лечаевна Арсалиева родилась 10 октября 1979 года в селе Ачхой-Мартан. В 2008 году окончила филологический факультет ЧГУ. Учебу в университете совместила с учебой в школе юных корреспондентов. Работала учительницей русского языка и литературы в средней школе №7 села Ачхой-Мартан, корректором в «Книжном издательстве», корреспондентом в Духовном Управлении Мусульман ЧР, ответственным секретарем в газете «Исламан зӀаьнариш». В настоящее время занимает должность шеф-редактора редакции художественных программ ЧГТРК «Грозный».

Пишет Люба с раннего детства. Печаталась в газетах «Иман», «Даймохк», «Исламан зӀаьнариш», «Молодежная Смена», «Вести Республики», «Хьехархо» в журналах «Орга», «Вайнах», «Нана», «Заманхо», «Йаздархо».

Соавтор коллективных сборников «МаргIали» («Ростки»), «Созвездие», «Берал-лера цIа» («Дом из детства», 2018). Автор поэтического сборника «Цархазмана аьлла доцуш» («Не ради слова»).

Участник ежегодного Форума молодых писателей Северного Кавказа (2008).

Член Союза писателей РФ. Член Союза журналистов РФ. Заслуженный журналист ЧР. Лауреат премии «Серебряная Сова» в области «Журналистика». В 2009 году награждена орденом имени М. Мамакаева, медалью имени А. Чехова. Кавалер ордена Кадырова.

Арсалиева Люба занимается переводами. Пишет на русском и чеченском языках. На ее стихи написано множество известных хитов чеченской эстрады.

Жанры: поэзия, проза, публицистика, переводы.

В единстве – наша сила!

Наша Родина – великая держава!
Пусть всегда сверкает честь ее и слава!
На земле огромной дружбой мы сплотились,
Представители народов всей России!

Мы единство воспеваем всех народов,
Пусть же крепнет наша дружба год от года,
Мы едины, значит в этом наша сила,
На просторах нашей Родины России!

Мы и в горе, мы и в радости едины!
Пусть мы разные, но все мы неделимы.
И под мирным небом вечного сиянья
Утверждаем дружно: все мы россияне!

Отчизне моей...

Быль иль небыль, правда ль, ложь иль судьбы игра...
В вечности застыло все, мой родимый край.
Бурку всех твоих невзгод из ее глубин
Я надела на себя, словно верный сын.

Спотыкаюсь, но иду, не боюсь ничуть,
Через пропасти лежит мой нелегкий путь.
Боль свою умело скрыв в глубине души,
Верю в свет грядущих дней, что к тебе спешит.

Виноватых, без вины, судеб без следа,
Ссадины грехов твоих – общая беда...
Как же трудно на себе груз нести такой,
Но умеешь всех прощать и дарить покой.

Взрывы бомб, снарядов вновь душу бережат,
Но равняюсь на тебя я во всем всегда...
На развалинах веков, всей душой с тобой,
Исполняет песнь моя танец неземной.

Быль иль небыль, правда ль, ложь иль судьбы игра,
Пропустил через себя все он, и ад, и рай.
Но всему наперекор, край родимый мой,
Твоих песен мощный дух враг сломить не смог!

Перевод Розы Агоевой

Национальному Герою

Славен путь героев наших ныне и всегда,
Не забудет славные имена Отчизна!
Шел Ахмат-Хаджи с народом вместе до конца,
И ушел непобежденным он во имя жизни.

На руинах и обломках возрождая свет,
Вместо взрывов и снарядов прозвучало слово:
«От врагов земли чеченской не оставим след,
От следов войны очистим города и села»!

И сегодня на пороге доблестных побед,
На просторах нашей красочной Отчизны,
Отражается сияньем путеводным свет,
Имя Ахмата-Хаджи на знаменах жизни!

Чеченским бойцам

Родины достойные сыны,
Это зов не памяти, а духа.
С первых дней губительной войны,
Через боль лишений и разрухи.

Сколько искалеченных сердец!
Плоть – она хоть как-то заживает.
Горечь поражений, вкус побед...
Память – ведь она не забывает.

Помнится, вчера еще в строю
Вы стояли, славные ребята.
Доблесть проявляется в бою,
Воин проверяется в атаке.

Может вам, хоть чуть, но повезло,
Многих не вернуть же с поля брани.
Вы вернулись, всем смертям назло,
Да, вернулись, но вот эти раны!

Ваши раны, шрамы на лице,
Кто без ног, без рук, без глаз, без слуха –
Как напоминанье о войне,
Как примеры доблести и духа!

Отцовские дороги

Пройдя немало тягостных путей,
Присел у края жизни мудрый старец,
Вдыхая запах вспаханных полей,
Скрывая раны от свинцовой стали.

И подозвав внучатого юнца,
Он чрез века как будто смотрит в дали.
«Смотри, сынок, на благодать Творца,
Нам эту землю предки завещали.

Смотри, запомни эту пядь земли,
Запомни цвет родной своей Отчизны.
За эту горсть мои отцы легли,
За эту пядь мы отдавали жизни.

Сынок, ты видишь на исходе дней,
На скрюченных ногах моих мозоли?
Я видел все сквозь тысячи смертей –
И вкус побед, и пораженья боли.

Но, никогда, ты слышишь, никогда,
Я не предал и не продал Отчизну,
Так довелось, в краю отцов всегда
Предателей хороним мы при жизни.

Смотри, сынок, уж близится закат,
А мы всего лишь в этом мире гости.
Вот слышится вдали грозы раскат...
Пора домой», – и старец с черной тростью

По просеке устало зашагал,
А вслед за ним – грядущая эпоха,
Юнец же шел, он думал и молчал,
Прислушиваясь к дедушкиным вздохам.

Он твердо знал, вот так из века в век,
Переступая жизни сей пороги,
Сквозь гущу поражений и побед
Проторены отцовские дороги!

Адам АХМАТУКАЕВ

Адам Абдурахманович Ахматукаев – народный писатель Чеченской Республики. Автор 13 и соавтор более 30 книг. Пишет на чеченском и русском языках. Основные направления творчества: поэзия, проза, художественный перевод, публицистика, фольклористика. Участник многих литературных форумов и круглых столов международного формата. Делегат XVII и XVIII съездов Союза писателей России (2025).

Победитель первого сезона (2024) Национальной литературной премии «Слово» в номинации «Перевод» – первое место совместно с переводчиком его книги Юрием Щербаковым. Является лауреатом премии Союза писателей-переводчиков России «Светить всегда» (2012), премии Интеллектуального центра Чеченской Республики «Серебряная сова» в области литературы (2017), премии Союза Российских писателей и Клуба писателей Кавказа имени Салиха Гуртуева (2019).

Гимн жизни

Я рос на руках материнских, воздетых в моление,
И пищу мужчины впервые с отцом я вкусил.
Небесной молитвой звучали слова колыбельной
И, как оберег, на пути придавали мне сил.

«Дороги, отцами воспетые, благословенны;
Бесславны дороги, поправшие отчий завет», –
Слова колыбельной, что были мне наною спеты,
Велел сохранить мой отец до скончания лет.

Зарубками в сердце ту песню досталось хранить мне,
Обет моей жизни под эти напевы звучит.
И коль вознесусь до ладоней, воздетых в молитве,
То нана мужскую мне трапезу благословит.

Перевод Андрея Галамаги

С надеждой

Я.З.

Как радостно, когда отец в мой сон
Является и, как живой, глядит.
Но рвется из груди печальный стон:
Неужто вновь меня покинет он?
И хочется заплакать мне навзрыд...
– Во сне ты улыбался! – мама говорит.

Железная дорога

А моя седина родилась на железной дороге
Раньше, чем в этот мир заявился за счастьем и я.
Из военных времен, из далекой жестокой эпохи
Между рельсов бездушных струится судьбы колея.

Я не слышал колес и тоскливый, и горестный клекот,
Их надсадный протест, и стальную нелепую прыть.
Но кипит моя совесть неистовым горным потоком,
Что родимую землю не в силах ничем оживить.

Я впитал до рожденья глухое проклятое время –
Время боли, разлук, неотмщенных обид и потерь.
Только пламя надежды, мое согревавшее племя,
Помогло одолеть и разлуку, и горе, и смерть.

С той надеждою мы не сломались, вернулись, воскресли.
Только чудится мне до сих пор до удушья, до слез
На железной дороге печальная скорбная песня
Увозящих в изгнание старых вагонных колес.

Дома

К родимым воротам пришел я сегодня опять.
Нетронутым снегом встречает подворье меня.
Проплачет охрипший звонок: мол, пора открывать.
Металл его сердца ржавеет в холодных сенях.

Оконную занавесь в сторону мать отведет.
Потом отзовется, прокашлявшись, старый отец.
Дороге, что честно вела до скрипучих ворот,
За этою дверью придет долгожданный конец.

Запляшет огонь в сердцевине печной веселей,
Чтоб чайник скорей замурлыкал на жаркой плите.
Затеет беседу отец об учебе моей.
Нет места в ней спешке, и мыслей, и чувств суете.

Все тот же ковер за отцовской спиной на стене.
Уютно подушка свернулась под левой рукой.
На четках болезням, что тлеют пока в глубине,
Отец счет ведет и о милости просит святой

Для нас: для меня и для той, что хранит наш очаг,
Для той, без которой бы стал сиротой этот дом.
Не каждый ли вздох материнский, не каждый ли шаг
Во имя семьи стали вечным, заветным трудом!

Гордятся родители сыном! Я нынче обрел
Их вновь и родимого дома уют и тепло!
Мать ставит то-берам с припасом чурека на стол.
Отец приосанился: стал их птенец на крыло!

От зависти вьюга всю ночь будет выть у стены
И в окна стучаться, и в дверь – видно, норов таков, –
Покуда мы, радостью встречи желанной полны,
Смакуем ту встречу до утренних до петухов.

О, снов золотых нескончаемый круговорот!
Душою владеешь, дорогой далекой маня!
...Я снова стою у заветных отцовских ворот.
Но некому встретить в родительском доме меня...

Увоз невесты

О, только ли адаты виноваты,
Что мучаешь любимого сейчас?
Как будто не звучали ваши клятвы,
И не сказали губы главных фраз!

Ты медлишь. Заждались уже джигиты,
И ружья заждались команды: «Пли!»
И мать, чтобы заплакать деловито,
И весь аул, чтоб грянуть: «Увезли!»

Перевод Юрия Щербакова

Я – чеченец!

От начала времен стали болью моей
Летописные горькие своды,
Мной – чеченцем – когда-то пугали детей
В безвозвратно ушедшие годы.

И хотя эта боль обжигает меня,
Как болезнь, что пылает в утробе,
В этом мире неправильном не было дня,
Чтоб поддался греху или злобе.

Я отцовских заветов нарушить не смел,
В каждой девушке видел сестрицу;
И с почтением в сторону каждой глядел,
Чтобы Судного дня не страшиться.

Не мирюсь с унижительным словом чечен.
Я – чеченец от самого детства;
Это имя вошло в глубину моих вен,
В нем – величье мое и наследство.

Перевод Андрея Галамаги

Асламбек ТУГУЗОВ

Асламбек Тугузов родился в 1969 году в с. Закан-Юрт. Стихи начал писать со школьной скамьи. Первая публикация появилась 2010 году в журнале «Нана». В последующем печатался во многих местных и центральных изданиях. С первых же публикаций получил широкую известность среди любителей поэзии не только в республике, но и далеко за ее пределами. Автор ряда поэтических сборников, финалист конкурса «Щит и перо», победитель литературного конкурса журнала «День и ночь» в номинации «Русская поэзия» (2021). Пишет на русском языке. Поэтические произведения А.Тугузова переведены на чеченский, осетинский, кабардинский и английский языки. Член Союза писателей России, народный писатель Чеченской Республики.

Падал снег, и вьюжили снежинки
Над седыми сопками Карпинки,
Над Нефтянкой и над Ташкалой.
Заметая черные воронки,
Падал снег стремительный и тонкий,
Словно вестник истины благой.

Падал снег и было очень тихо,
Словно, отступив, уснуло лихо,
Словно вдруг, за эти полчаса,
Кончились у времени патроны,
Все его проклятия и стоны,
Все его гудки и голоса.

Падал снег свободный и крылатый,
Весело царапая бушлаты
Павших и оставшихся лежать
Навсегда, под этими снегами,
Белыми, холодными руками
Цепко вгрызшись в ледяной асфальт.

Падал снег, и век прощался с веком
Навсегда, как будто с человеком
Близким и навеки дорогим.
И душа, свернувшаяся в льдинку,
Принимала каждую снежинку,
Окликая именем одним.

Падал снег, и бился в перепонки,
Бел как саван, или как пеленки
В темноте космической трубы,
Где уже ни смерти, ни томленья,
Только это вечное кружение,
Белый танец снега и судьбы.

2019 г.

Проходит? Ничто не проходит,
Ничто никогда не пройдет.
Тоскует, под окнами ходит,
Смеется и что-то поет.

То плачет, томясь от бессилья,
То кличет в полуночной мгле
И белые, белые крылья
Волочит по черной земле.

То рвется шершавой бумагой,
Мерцая под лампой ночной.
И ты наливаешься влагой,
Как дерево с каждой весной.

И ты понимаешь, отсюда
Из розовой тьмы бытия,
Как страшно не верящим в чудо,
Как горько забывшим себя.

Вот мальчик с краюхою хлеба
Стоит перед домом своим,
И синее, синее небо
Как вечность сияет над ним.

Проходит? Ничто не проходит,
Ничто никогда не пройдет.
Вот мама из дома выходит,
И мальчика громко зовет.

А он, задыхаясь от смеха
Бежит к ней и что-то кричит.
И долгое, долгое эхо
Над гибнущим миром летит.

2022 г.

По весне, когда треснут по рекам таежные льды
И огромные птицы опять развернутся по кругу,
Ты увидишь, как ветер, встревожив ночные сады,
Поднимает в предгорьях отчизны вишневую выюгу.

Вот тогда, вот тогда – я тебе говорю – вот тогда
Ты почувствуешь боль и надежды живую истому...
Призываю в свидетели синее зеркало льда,
Призываю в свидетели птиц, развернувшихся к дому.

А пока продышись и за буйную гриву мечты
Ухватись, как и встарь ты хватался худыми руками.
Скоро будет зима, за окном побелеют хребты
И туманная даль заметется седыми снегами.

Будешь снова блуждать вдоль по линии света и тьмы,
Спрятав грешную плоть в переносенный кокон одежды,
Призывая в свидетели бледную немощь зимы,
Призывая в свидетели каждое слово надежды.

Пусть бумага зовет, белизной первозданной дразня,
И чернила текут, не жалея живительной влаги,
Призывая в свидетели ангелов светлого дня,
Призывая в свидетели белую душу бумаги.

2022 г.

Паук и Пчела

За разбитым стеклом, в паутине осенняя мумия
Золоченной пчелы, как живая, шевелит крылом,
И паук-шелкопряд, погруженный в глухие раздумия,
Затаился в углу, уцепившись за ветхий нейлон.

Узнаю тишину в этом старом, покинутом доме,
Допотопную печь с уцелевшим одним изразцом.
И разбитый трельяж, где какой-то седой незнакомец
Из осколка стекла мне кивает безгубым лицом.

Я ведь видел ее, эту маску в серебряной тине
Небольшой бороды в запыленном пространстве стекла.
Скрипнул пол, и паук шевельнулся в своей паутине,
Как живая в ответ помахала крылами пчела.

Только это не я – я чужак в этом призрачном доме,
Ненароком зашел, ненароком ответил на стук.
Проходи, – говорю, – не смотри на меня, незнакомец,
Все мертвы, и пчела, и эпоха, и даже паук.

Только ты и живой, и твои кучевые раздумия,
Как последний залог, что не пусто за этим стеклом.
А еще... а еще, в паутине застрявшая мумия
Золоченной пчелы, как живая шевелит крылом.

2020 г.

Асет ХАЛИКОВА

Асет Хусейновна Халикова (1985) – поэтесса, писательница, переводчик, драматург, лингвист. Член Союза писателей России, член Клуба писателей Кавказа. Победитель республиканского литературного конкурса «Книга года».

Родилась в с. Новый Шарой Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики. Окончила филологический факультет Чеченского государственного университета. Работала в Министерстве по делам молодежи ЧР, в телерадиокомпании «Даймохк» («Отечество»), была преподавателем кафедры чеченской литературы и фольклора ЧГУ, куратором в литературном объединении молодых писателей при Союзе писателей Чеченской Республики «Синмаршо» («Свободомыслие»). В настоящее время – научный сотрудник Института чеченского языка Министерства образования и науки ЧР.

Автор сборника стихов, рассказов, пьес, опубликовала более тридцати научных статей. Ее пьеса ставилась на сцене Чеченского государственного драматического театра имени Ханпаши Нурадилова. Пишет на чеченском языке. Переводит на чеченский стихи русских и зарубежных классиков.

В тонкой книжице жизни, исписанной легкой рукой,
Даже буквы одной не найдешь, не замеченной мной
Карандаш – мое сердце, бумага – долина моя,
Где дороги судьбы заждались моего бытия.

В этой тонкой тетради, исписанной жизнью моей,
Души тысяч и тысяч живущих со мною людей.
Все, что я написала, мне будет последней отрадой,
Слово доброе станет в могиле надежной наградой.

Ты прочти! Но никто не решается это читать.
Верю сердцем моим – не исчезнет бесследно тетрадь...

Перевод Асламбека Тугузова

Одних обходит счастье стороной,
Других – объятьем радости встречает.
Бывает, что судьба благоволит,
Иные весь свой век живут в печали.

И мрак кромешный горестей и бед,
И свет чудесный искренней любви –
В душе одних глубокий выжгут след,
Других не тронут, сколько ни живи.

Жизнь – мельница, а люди, словно зерна,
Меж жерновов ее вращаются внутри,
Не замечают, что кому-то больно,
Стремясь друг друга в чем-то превзойти.

От этих жерновов на сердце – раны,
Ум полыхает – хоть пожар туши,
На части рвут обиды и обманы,
Облегчит боль лишь доброта души.

Все, что имеешь, то – твое по праву,
Присуще то же было и другим.
Лови успех, удачу, счастье, славу –
Все суждено, пока живем, творим.

В свой час приходит каждый в этот мир.
Пусть кто-то раньше, кто-то – много позже.
Не вечна жизнь: всего лишь – только миг,
Продлится все без нас, но так похоже.

Забудется имя, иные придут,
Когда твоих лет пожелтеет листва,
И юность на старость изменит маршрут,
В улыбке твоей поселится тоска.

Весна в неизменном наряде своем
Настанет, как прежде, но не для тебя.
Забудешь навеки про счастье вдвоем,
А дети умчатся вослед голубям.

И годы твои с журавлями весной
Уже никогда не вернутся назад.
Судьба не подарит желанный покой –
Обиды, долги, все, в чем сам виноват.

Лишь вера, рожденная в сердце твоём,
Душевные силы поддержит огнем.

Перевод Т. Потемкиной

Я цветочек...

С синевой небесной сливаясь,
Гор вершины той синью объаты.
Жизнь, чтобы слово сказать о тебе,
Я цветочек, что вырос в Чечне.

Мне Отчизна тепло подарила,
Чистоту я народа испила,
Ароматом веять по земле,
Я цветочек, что вырос в Чечне.

Здесь обычаи предков храня,
Неземную я сказку нашла,
Чтоб огонь не погас твой, Чечня!
Стала искоркой пламени я.

Когда ложью Отчизну сковали
И на горе людей обрекали,
Чтоб несчастных людей защитить,
Стала искоркой вечной тоски.

С синевой небесной сливаясь,
Гор вершины той синью объаты.
Жизнь, чтобы слово сказать о тебе,
Я цветочек, что вырос в Чечне.

Я так радуюсь ныне и горячим слезам,
Если раньше они даже очень солеными были.
Свое счастье, о люди, я вам без остатка отдам,
Знайτε, в мире я этом живу словно в сказке счастливой.

Я глазами ласкаю Отчизны прекрасный простор,
О Чечня! Стала ты для меня моей крепостью счастья.
Раз на Землю твою мне однажды вступить довелось,
Значит, жизнь не покажется страшной и даже в несчастье.

О родная Чечня, я в глаза твои гордо смотрю,
Как хочу я руками объять тебя, нежно лаская.
Твои травы, цветы, даже их как святыню ценю,
Я счастливая дочь, и к твоим я ногам припадаю.

Перевод Любы Арсалиевой

Шарип ЦУРУЕВ

Шарип Мовладович Цуруев родился в 1963 году в селе Герзель-Аул Гудермесского района ЧИАССР. Окончил филологический факультет ЧИГУ. Работал в НИИ гуманитарных наук ЧР, главным редактором республиканских периодических изданий, директором педагогического колледжа и т.д. Инициатор создания и первый редактор научного журнала «Таллам» Академии наук ЧР. Автор ряда сборников поэтических и литературно-критических произведений. Произведения Ш. Цуруева переведены на русский, балкарский, осетинский, татарский, арабский, азербайджанский, итальянский, аварский и кумыкский языки. Победитель республиканского литературного конкурса в номинации «Поэзия», лауреат премии журнала «Вайнах», лауреат премии Интеллектуального центра ЧР «Серебряная сова», лауреат Артиады народов России. Член Союза писателей России, народный писатель Чеченской Республики, заслуженный работник культуры Чеченской Республики, почетный профессор ЧГПУ.

Матери

Лишь бы сердце твое оставалось в покое,
Лишь бы меньше ему горевать и страдать –
О моя дорогая, за счастье такое
Все, что есть за душою, готов я отдать.

От вселенского зла заслонил бы собою!
Научиться бы только от горя и бед,
Словно ты – помню детство мое золотое –
И любимое сердце, и весь белый свет

Сберегать от несчастий, невзгод и обмана!
Знать бы только секрет волшебства твоего:

Стоит только позвать потихонечку: «Нана...» –
И опять наступает добра торжество!

То заветное время, что было когда-то,
Путеводной звездой несу по судьбе.
И себя ощущаю навек виноватым,
Что не смог стать надежной защитой тебе...

Да увидит Всевышний: нет лжи за строкою,
И в душе моей сможет одно прочитать:
Лишь бы сердце твое оставалось в покое,
Лишь бы меньше ему горевать и страдать...

Перевод Юрия Щербакова

Товарищ, что со мной издал свой первый крик,
сказал, что он уйдет лишь в мой последний миг.

Куда я ни пойду – товарищ мой чудной,
чтоб я ни делал, вновь увяжется за мной.

Цель у него одна: разок дожждаться дня,
чтобы, как брат, сдавить в объятиях меня.

Я жизнь не так ценю, как мой товарищ тот,
что вечно по ночам маячит у ворот.

Товарищ этот – смерть... И забывать не след,
что в жизни у людей надежней друга нет.

Перевод Виктора Куллэ

Моя печаль не связана с войной,
И не зависит от ее исхода.
Моя печаль почти всегда со мной,
Так будет впредь и в будущие годы.

Печаль о том, что все исчезнет вдруг,
Что этот мир придется нам оставить...
Любимая твоя и лучший друг
Однажды жить навеки перестанут.

Не станет всех родных тебе людей,
Смерть близкого, как поражение в битве...
И не в слезах, а в искренней молитве
Любовь и боль ты выразишь верней.

За мной вослед – о тайны бытия! –
Вопросы страшной сути вечно ходят.
Не связана с войной печаль моя,
И не зависит от ее исхода.

Что есть война? – Разборки подлецов,
Умело управляющих рабами,
И слезы матерей, и смерть юнцов...
Война – вся ложь... она как люди сами...

Безвинно гибнут люди, но война
Мелка по сути, «слишком человечна...»
Моя печаль, она сама как вечность,
Моя печаль чиста и мне верна.

2000 г.

В ночной тиши, под синим небосводом,
Наедине с природой (и с собой),
Мне все ясней – я человек свободный,
Поскольку, Боже, раб я – только твой.

Как воздух чист у горного истока!
Ласкает слух мой, нежно без конца,
Сладчайший голос – тонкий, одинокий –
Здесь рядом – соловьиного птенца.

А свет луны мне проникает в душу –
Я становлюсь светлее и сильнее.
Гармонию природы я не рушу –
Она во мне и я ведь, значит, в ней...

Когда ты сознаешь свою причастность
К Вселенной всей (ее частица – ты!),
Перестаешь чего-нибудь бояться,
Иль пребывать в плену у суеты...

А брат мне тот, кто родственен по духу,
Не так надежно братство по крови...
И потому, над смертью и разрухой,
Зову людей я к миру и любви.

Остановитесь, люди, оглянитесь!
Жизнь коротка. И Бог над нами есть!
Спасите совесть, душу вы спасите –
Забудьте сатанинскую вы «честь».

Увы! Глас вопиющего в пустыне
Услышать могут только миражи...
Я все ж зову в ночи под небом синим,
И обретает смысл земная жизнь.

2002 г.

Вначале мы были в печали –
В печали великой, как мир.
И, веруя в разум, кричали,
Теперь мы не верим – молчим.

Боятся, печалются, верят,
Покуда надежда живет...
А то, что мы люди – не звери –
Зверье никогда не поймет.

Нам люди не стали врагами,
Но падших не сможем спасти.
Лишь вера – Всевышний над нами,
Как светоч в тернистом пути.

Теперь мы другие – прозрели,
Мы молча дойдем до конца,
Сильней во Всевышнего веря,
Согласны с решением Творца.

Отвергли сомненья, как глупость,
И в вере тверды, как гранит.
И неба синеющий купол
Над нами пока лишь молчит.

2001 г.

Ильман ЮСУПОВ

Ильман Мовсурович Юсупов родился в 1951 году в Павлодарской области Казахской ССР. Живет и работает в Швеции. Выпускник исторического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. Пишет на трех языках – чеченском, русском и шведском. Стихи публиковались в периодической печати Чеченской Республики, Азербайджана, Швеции, Польши, а также в литературно-художественных изданиях «Нева», «Слово/Word», «День и ночь», «Север», «Подъем», «Лиффт», «Родная Ладога», «Литературная газета» и других. Автор 15 книг поэзии на разных языках. Стихи переводились на многие иностранные языки. Член Союза писателей России. Член Союза писателей Швеции.

Я тебя, мое отчее поле,
Размышленьям в надел отдаю.
Чтоб, вступая в чужое раздолье,
Тишь целебную помнить твою.

И, нервируя время лихое,
Буду звать тебя в холод и в зной,
Но родится лишь эхо глухое,
Распыляя печаль надо мной.

Ветер странствий, как пес одичалый,
В ноги вцепится, грозно рыча,
Выдувая из памяти скалы
И мой сад, где цвела алыча.

Расставанье с тобой так нелепо,
И, пройдя через сотни преград,

Словно дождь, покидающий небо,
Я боюсь не вернуться назад...

Матери

Тучи трутся о горные пики,
С кашля гром переходит на рык.
Вкус дождя я, как вкус земляники,
Торопливо кладу на язык.

Вот отпляшут холодные капли,
Звонкий танец на мокрой тропе,
Молний огненных съезжатся сабли,
И тогда я приеду к тебе.

Я приеду, гонимый виною,
Запоздалой, но долгой и злой.
И увяжется память за мною,
Чтоб колоть меня боли иглой.

И пройдя расстояний немало,
И дороги теряя во мгле,
Я почую душою усталой
Твой последний приют на Земле.

И меня повстречает с укором,
Осуждая мирские дела,
Огороженный скорбным забором
Сиротливый участок села.

И в содружестве с высью седой,
И от имени вечности всей
Ты взгрустнешь одинокой звездой
Надо мной и могилой своей...

Васильки

Мне шагать и привычно, и проще
Под прищмотром июльских небес.
Ветер рыщет порывами в роще,
Проявляя к листве интерес.

Не боясь наступленья ненастья
И кляня лепестками тугу,
Синеглазыми каплями счастья
Пьют росу васильки на лугу.

Мнится, что этой ночью погожей
Я стою у родного крыльца,
Ясно чувствуя сердцем и кожей
Запах сена с делянки отца.

Нет иного для памяти средства,
Чтоб святить моих дум водоем,
Чем холмистое поле из детства
С земляникой душистой на нем.

Словно знаки вселенского рая,
Без которых и жить не с руки,
Синевой мою грусть растворяя,
Все цветут, и цветут васильки...

Полночной порою от спящего мира
Меня без труда отрывает тетрадь.
И с места в карьер вдохновенья секира
Унынье мое начинает карать.

Бессонница, как шаловливая птица,
На кончике ручки сидит и поет.
Приходит надежда – моя чаровница –
И мысли мои снаряжает в полет.

Цвет ночи становится пепельно-серым,
Туман предрассветный походит на дым.
И солнце в окно мое смотрится первым,
А утро рутинное – только вторым...

Воспоминание из детства

Играет ветер с тусклою рекою,
И гладь ее морщинит стылой рябью.
Туман осенний машет мне рукою,
А яровые зерна грезят зябью.

В саду отца, с листвою теряя узы,
Не может не всплакнуть любая ветка.
Но золотом отборной кукурузы
Наполнена семейная сапетка.

Пускай застряла в горле неба комом
Охапка туч, увитая печалью:
Мне дождь, идущий над родимым домом,
Милее в едра над дал екой далью...

Капли печали

Мглу седоватую я не приемлю:
В ней задыхаются юные дали.
Словно влюбившись в осеннюю землю,
С неба срываются капли печали.

Падая с веток любимого сада,
Листья весь вечер от боли кричали.
Видя, как ссорится с сердцем отрада,
С неба срываются капли печали.

Тучи висят над нагими полями,
Словно тяжелые гири из стали.
Не захотев улетать с журавлями,
С неба срываются капли печали.

Вновь на просторах туманного края
Ветра и тленья шаги зазвучали.
Гнезда покоя в душе разоряя,
С неба срываются капли печали...

Руслан ЮСУПОВ

Руслан Хамидович Юсупов родился 29 декабря 1955 года в г. Караганде Казахской ССР. В 1992 году окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института.

Издав четыре книги: «Дорога из ада», «Огонь души», «Души натянутые струны», «От сердца к сердцу». Член Союза писателей России. Почетный председатель Союза журналистов ЧР. Победитель журналистских и литературных конкурсов республиканского, всероссийского и международного уровней.

Благодарю

Благодарю Тебя, мой Бог!
За все, за все, что я имею.
За опыт пройденных дорог,
Что как сорвавшийся листок,
Упавши духом, я не тлею.

За то, что выдержать помог
Соблазны, каверзы и беды.
За каждый жизненный урок,
И за отвергнутый порок,
И сладость внутренней победы.

За красоту, что я узрел,
Которой был облагорожен,
И описать в стихах сумел,
И даром этим преуспел,
Что был Тобой мне в руки вложен.

За дом, что стал еще светлей,
И за уют, совсем нелишний,

За близких всех и за друзей...
Еще за радость новых дней
Благодарю Тебя, Всевышний!

Из души

Гоню ветшание я прочь,
Что приближается накатом.
Еще не вечер и не ночь,
А только сумерки с закатом.

Теряют смыслы зеркала,
Когда глядишься больше в душу.
Да, жизнь мне годы намела
В большой сугроб, но я не трушу.

Я бодр и легок на подъем
И измеряю дни шагами.
Я не теряюсь под дождем,
Не простываю под снегами.

Да, я люблю побыть в тиши,
Но это, думаю, не слабость.
Беру я силы из души,
И сторонится меня старость.

Однажды

Однажды все закончатся идеи
И будут все исчерпаны слова,
И перестанет вить перо, немея,
Словесные цветные кружева.

Остепенятся вдруг души порывы,
И больше не напишутся стихи.
Тогда я разгребу свои архивы
В саду под тенью старенькой ольхи.

Приму однажды и покой, и лень,
И возрастную слабость, и озноб.
До безрукавки низложу степенность,
Оставив без вниманья гардероб.

Возиться будет спутница по дому,
Заваривая мне душистый чай,
Прислушиваясь к голосу родному,
Мелькая рядом, будто невзначай.

Если

Можешь не писать, и не пиши –
Чистый лист дороже пустословья.
Ведь стихи берутся из души,
Доверху наполненной любовью.

Если же молчат карандаши
И перо застыло в ожиданье,
Значит, тлеют залежи души
И остались лишь воспоминанья.

Но когда в обугленной тиши
В сердце засверкают искры снова,
В закоулках трепетной души
Зародится трепетное Слово!

Что скажут люди обо мне

Я знал всегда, чего хочу;
Меня не глодали сомненья.
Что было мне не по плечу,
Я отпускал без сожаленья.

Не предавался я мечтам,
В которых смысл отнюдь не видел.
Отдал рифмованным строкам
Все, что любил и ненавидел.

И не метался между строк,
Как между правдою и ложью.
Как ветром схваченный листок,
Не проникался зябкой дрожью.

Стоял я твердо на ногах,
Вбирая истин непреложность.
Не вяз в безудержных грехах
И презирал всю жизнь ничтожность.

А пребывая в седине,
Живу я мыслями чеченца:
Что скажут люди обо мне
И кем останусь в каждом сердце.

Вдвоем

Все уходит, все уходит из-под ног
Километрами проторенных дорог.

Поступь легкая, походка, бодрый дух,
Та же выправка, и зрение, и слух.

Все меняется с годами: сила, твердь.
Отпускает понемногу круговерть.

И слабее год от года, день за днем
Стойкость тела перед ветром и дождем...

Только сердце заливается огнем,
Если все это, по-прежнему, вдвоем.

ПОЭЗИЯ АДЫГЕИ

Шхамбий КУЕВ

Шхамбий Исмагилович Куев родился 3 апреля 1963 года в ауле Егурехай Кошехабльского района Республики Адыгея. Автор следующих книг: «Лунный свет», «Судьба – водопад», «Тропа надежды», «Звезда кочующего неба», «Избранные произведения» в двух томах и других.

Ш. И. Куев лауреат Государственной премии РА в области литературы.

Отражение

Я бросил в зеркало случайный взгляд
И замер, пораженный мыслью странной:
Кто он, мой собеседник безымянный,
О чем его глаза мне говорят?

Быть может, в зазеркальном положении
Уверен он, что я – его двойник...
Я с этой мыслью к зеркалу приник:
Реален? И мертво ли отражение?

Малыш, увидев в луже двойника,
Коснулся пальчиком лица его. И в луже
Все стало по-иному, стало хуже.
Запомни это, мальчик, на века.

Когда в рассветной капельке росы
Ты видишь отраженье звезд нездешних,

Движением неловким рук поспешных
Не покачни природные весы.

Сказанья нартов – мудрости родник –
Живут и дышат в голосе ашуга.
В них слово и наставника, и друга
Услышит благодарный ученик.

Зеркальным отражением полон мир.
Сын – отражение и отца, и деда.
Как в зеркало щита глядит победа,
Так в слезы неудачника – кумир.

Взгляд совести потупить не спеши,
В глаза других заглядывай почаще.
Пусть будет тебе горше или слаще,
Но будет чистым зеркало души.

Человеческий путь

Река бежит, движением жива,
Сначала вдруг в один ударит берег,
Затем в другой, не зная о потерях,
Бурлит и не скрывает торжества.

И набирает силу по пути.
А человек – он тоже в непокое.
Его влечет и мучает иное,
Он путь прямой пытается найти.

Он скалы рушит, делает мосты,
Идет наперекор, несет потери,
Растратившись, впадает в суеверье –
И впредь боится прежней прямоты.

Дорога нартов – тайная тропа,
Она заглохла в чаще лихолетья,
Она мечтает только о поэте –
Ей не нужна угрюмая толпа.

Зачем быть сильным? Это не костер,
Когда стволы столетние пылают,
Когда в огонь звезду с небес срывают,
Чтобы продолжить бесконечный спор.

А пахарю всего-то борозда
Одна нужна, чтоб было изобилье —
И это не признание бессилья,
Когда во тьме горит его звезда.

Земля, как яблоко зеленое, в руках
Ребенка, что не хочет знать заранее,
Какое ждет за шалость наказание —
Лишь недомыслие в его глазах.

Бежит река, движением жива,
Бушует, не скрывает торжества...

Исхак МАШБАШ

Исхак Машбаш родился 28 мая 1930 года в ауле Шхашефиж Успенского района Краснодарского края. В 1951 году окончил Адыгейское педагогическое училище, в 1956 году – Литературный институт им. М. Горького, в 1962 году – факультет журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Автор десятков поэтических и прозаических книг, издано собрание сочинений в 26 томах на адыгейском и русском языках. Стихи и проза И.Ш. Машбаша переведены на многие языки мира, в том числе на английский, китайский, французский, испанский, арабский, турецкий, итальянский. Он перевел на адыгейский «Слово о полку Игореве», «Медный всадник», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина, поэмы «Беглец» М.Ю. Лермонтова, «Железная дорога» Н.А. Некрасова, «Двенадцать» А.А. Блока, «Анна Снегина» С.А. Есенина, «Облако в штанах» В.В. Маяковского, «Малая земля» Л.И. Брежнева, «Коран». Исхак Машбаш – народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии, лауреат Государственных премий СССР, РСФСР, Российской литературной премии имени М.А. Шолохова, Всероссийской общественной премии «Гордость нации», Республик Адыгеи, Кабардино-Балкарии. За большой вклад в отечественную литературу удостоен звания «Герой Труда России», награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степеней, орденом «Дружбы народов», орденом «Честь и слава» Абхазии, орденами «За заслуги перед Республикой Дагестан», Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. На родине сооружен бронзовый бюст писателя.

Откуда эти крылья – два моих крыла

Откуда эта музыка во мне?
И эти крылья – два моих крыла?
Откуда эта тяга к вышине
И эта гордость горного орла?

И там, в душе, – то радость, то печаль
Без края, без начал, без берегов?
Быть может, это белая печать
Моих недостижимых снегов.

Я столько раз смотрел из-под руки –
Вершины были слишком высоки.
Снега слепили, и обвал гремел.
И я найти дороги не умел.

А кто-то поднимался по тропе
К своей вершине и своей судьбе.
Как долго я искал свое начало,
Как долго я понять его не мог.

И эхо мне мой голос возвращало.
И скалы уходили из-под ног.
Но голос мой ущелья облетал
И мудрость вашу, горы, обретал.

Я научился с ветром говорить.
Я научился грома не бояться.
И стало сердце плакать и смеяться
И людям удивление дарить.

И небо мне открыли два крыла.
И так незащищенно подо мною,
Задумавшись над миром и войною,
Планета поделенная легла.

И что-то в душу хлынуло тогда
Неумолимо, как снега в обвале.
И появились радость и беда.
...И все это поэзией назвали.

Ты в сердце моем одна

Кто смог бы научить меня – не знаю –
Словам той самой трудной простоты,
Чтоб рассказать тебе, какая ты,
Страна моя, земля моя родная!

Ты – это голубые вены рек,
Ты – это белый заполярный снег,

Ты – это степь, что от ветров горька
И, как ладонь, добра и широка.

Ты – это созревающее лето
И осень – время грустной доброты.
И гордый флаг, взлетевший над планетой,
И гроздь рябины красной – тоже ты.

Кто смог бы научить меня – не знаю –
Словам той самой трудной простоты,
Чтоб рассказать тебе, какая ты,
Страна моя, земля моя родная!

Ты – птица в бесконечном небе этом.
И первый сноп. И теплые дожди.
Ты – это яблоко, налившееся светом.
Еще ты – сердце у меня в груди.

Ты гор моих разноязычный говор
И тот язык, который нас роднит.
Но ты – и губы, сжатые сурово,
И память, обращенная в гранит.

Ты – молчаливость сел, войной сожженных,
И День Победы памятной весны.
И ждущие седеющие жены,
И те, что не придут с войны.

Ты – это все, что для меня сбывалось.
Ты – это все, что будет впереди.
И как бы ты еще ни называлась,
Ты – это сердце у меня в груди.

Путь к тебе, Россия

Как долог был и крут невыносимо
Нелегкий путь к тебе, моя Россия!
Как тяжела дорога в высях горных,
Как круты нравы предков непокорных,

Глядевших на тебя из-под бровей
В кинжальной непокорности своей!
Порой бывало, что тебя ругали
И именем твоим детей пугали,

Но каменные тронула уста
Улыбка – добродушна и всесильна...
Как тягостна была и непроста
Дорога неизбежная к России!

Но все ж навстречу мы друг другу шли.
Мы все прошли – лишения и войны,
И боль земли, и скорбь моей земли,
И оставались в памятной дали.

Могильные холмы – как будто волны...
А солнце... Солнце нам равно сияло,
Ведь солнце никогда не выбирало,
И было небо голубою чашей

Над всей землей разноплеменной нашей,
И звезды одинаково красиво
Светили и Кавказу, и России.
И я к тебе тропу свою торил.

Я шел к тебе сквозь бурные столетья,
И радости, и злое лихолетье
Не раз, как хлеб, с тобой я поделил.
Я шел к тебе, шел, не считая версты,

И жгучий ветер бил тревожно в грудь.
Я шел к тебе – не компас и не звезды,
Но сердце мне указывало путь.
Как сложен был и крут невыносимо
Неторный путь к тебе, моя Россия!

Мосты

Как хорошо, что в мире есть мосты,
Высокие и низкие мосты,
Далекие и близкие мосты, –
Из щедрости они и доброты:

От сердца к сердцу, от страны к стране,
От солнца к солнцу, от тебя ко мне,
Над горем, над ущельем, над рекою,
Над миром, над любовью и тоскою.

Посредники тоскующих сторон,
Соединенье берегов грустящих.
О, сколько их, над пропастью летящих,
Лежащих между теми, кто влюблен!

Лежат одни в смущенье оробелом,
Встают другие смело и светло.
О, сколько их на этом свете белом,
Невидимых и видимых, легло!

По ним летят куда-то поезда,
По ним стучат горячие копыта,
Как много было ими пережито:
Любая наша радость и беда.
Мосты между грядущим и вчерашним,
И те мосты, что встретятся в пути...
Мостам висеть над пропастью не страшно,
А мы по ним боимся перейти.

Как хорошо, что в мире есть мосты,
Высокие и низкие мосты,
Далекие и близкие мосты, –
Из щедрости они и доброты.

А может, это люди, или боги,
Чтоб не кончались добрые дороги,
Чтоб нас вели надежды и мечты,
Из ясных радуг сделали мосты?

Доброта

О, как нам не хватает доброты!
Но если б мы заговорили с вами
Одними только добрыми словами,
Мы б удивились, как они просты:

Просты, как хлеб, как солнце, как трава.
А мы скупы на добрые слова...
И хочется обычной доброты –
Так хочется летящим высоты.

А только в мире все наоборот.
И крыльям высоты недостает,
И в очаге огня не разведут,
И где-то пули в тело попадут.

И среди этой всей непростоты
Так не хватает людям доброты!
...Пусть мальчики уносятся в седле,
И травы вырастают на земле.

Так хочется душе моей тепла.
И добрых слов. И доброго участия.
И неуютно на земле без счастья,
Как неуютно небу без орла.

А в очаге светло трещат поленья,
И ты мне шепчешь добрые слова.
...И ждет земля добра и удивленья
От всех живущих. И она права.

Честность

Так хочется, чтоб стали все добрее,
Чтоб не было лукавства, суеты.
Так хочется, чтоб люди и деревья,
Взрослея, не теряли чистоты.

Мы все, когда рождаемся, чисты,
Как первый снег, как первые цветы.
Мы все, когда рождаемся, честны,
Мы все перед историей равны.

Но сложное откроется в простом,
Что будет с нашей честностью потом?
Одни ручьи бегут по склонам гор
Ветрам и валунам наперекор.

Другие же ручьи, наоборот,
Бегут по чистым камешкам в обход.
И к цели добегут, не уставая,
Ни времени, ни силы не теряя.

Коварство, честность, доброта и злость —
Как все непросто в нас переплелось.
Да и сама история сложна:
Она из наших судеб сплетена.

Перевод В. Твороговой

ПОЭЗИЯ ДАГЕСТАНА

Аминат АБДУЛМАНАПОВА

Аминат Абдулманаповна Абдулманапова – народный поэт Дагестана, прозаик, публицист. Родилась в 1946 г. в селении Харбук Дахадаевского района Дагестана. Окончила физико-математический факультет Дагестанского государственного педагогического института и Литературный институт им. А. М. Горького. Работала в школе учительницей физики и математики, редактором в издательстве «Дагучпедгиз», редактором детского журнала «Соколенок» на даргинском языке. В настоящее время – редактор на РГВК «Дагестан». Автор более пятидесяти поэтических сборников и нескольких сборников стихов для детей. Член Союза писателей и журналистов России, Член правления Союза писателей Дагестана. Заслуженный работник культуры РД, народный поэт Дагестана. Лауреат Государственной премии РД в области литературы. Пишет на даргинском языке.

Старик

Застыв, как незыблемый камень,
Обветренный камень гранит,
На шумном всегда годекане¹
Старик молчаливый сидит.

Морщин неразборчивый почерк
Чело его избороздил.

¹ Годекан – сельская площадь, место общинного схода.

Сынов своих старших и дочек
Давно уже дед пережил.

Сидит в гимнастике линиялой,
На посох ладони сложив,
Как будто бы смерть обвиняет
За то, что здоров он и жив.

Глаза его застланы влагой,
Но лихо под буркой горят
Простая медаль «За отвагу»
И славных «Георгиев» ряд.

Сидит молчаливый свидетель
Двух огненных бурь мировых...
А рядом аульские дети
Гарцуют на палках своих.

Пластмассовым машут оружием
И пыль поднимают столбом,
Пока их не кликнут на ужин
Усталые матери в дом,

А хмурый старик не уходит,
Сидит он в сгустившейся мгле
И посохом медленно водит
По бурой родимой земле.

А что он там пишет —
Не знаю, мудрец-аксакал нелюдим...
Я с крыши своей наблюдаю
С тоскою щемящей за ним.

О, как бы понять я хотела
Арабские те письма!..
И, может быть, жизнь до предела
Вдруг стала проста и ясна.

Но тайна останется тайной...
Молчание старец хранит,
Как будто бы на годекане
Он сам превратился в гранит.

Батырай²

Даже и под ледяною корою
Речка поет и играет волною,
Сонную рыбу вспугнув невзначай.
Может, твоя это песнь,
Батырай?

Если ее мертвый камень услышит,
Как человек, он тревожно задышит.
Гулко ему отзовется гора.
Верно, твоя это песнь,
Батырай.

Если она до луны донесется,
Птицей ночью луна встрепетается
И запоем, прославляя наш край.
Видно, твоя это песнь,
Батырай.

Если она и до солнца достанет,
Ярче намного пылать оно станет,
Чтобы созрел на земле урожай.
Значит, твоя это песнь,
Батырай!

Родник

Отец мой не читал мудреных книг,
Да и писать, как следует, не мог.
Но за аулом
Откопал родник,
Суровой жизни подводя итог.

Сложил он арку из простых камней
И кружку у подножья закрепил,
И нацарапал гвоздиком на ней:
«Благословен,
Кто жажду утолил».

С тех пор прошло уже немало лет,
А все звенит студеная струя...

² Батырай – основоположник и классик даргинской поэзии.

И парень молодой,
И древний дед
Сюда приходят так же, как и я.

И девушки с кувшинами спешат,
Им лет по двадцать,
Только и всего...
Но время не замедлило свой шаг –
Они отца не помнят моего.

И малыши горластою гурьбой
Под ругань перепуганных старух
На хворостинах
Скачут за водой
И надпись по слогам читают вслух.

И запоздалый путник в поздний час
Сидит под аркой,
Голову склоня,
Не в силах отвести печальных глаз
От трепетного лунного огня.

Не иссякает чистая вода,
Ее питает недра отчих гор,
Где мой отец, остался навсегда...
А кажется,
Что жив он до сих пор.

Перевод с даргинского М. Ахмедовой-Колюбакиной

Багаутдин АДЖИЕВ

Багаутдин Анварович Аджиев – народный поэт Дагестана, драматург и переводчик. Родился 21 февраля 1950 года в Махачкале в семье народного поэта Дагестана Анвара Аджиева. Окончил филологический факультет Дагестанского государственного педагогического института им. Г.Цадаасы. Работал помощником режиссера на телевидении, учителем, директором школы, зав. литературной частью Кумыкского музыкально-драматического театра им. А.-П.Салаватова, заведующим Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Дагестан. В настоящее время – руководитель кумыкской секции Союза писателей РД, зав. литературной частью Кумыкского музыкально-драматического театра им. А.-П.Салаватова.

Член Союза писателей СССР (России). Член правления Союза писателей РД. Заместитель председателя Правления Союза писателей РД. Пишет на кумыкском языке.

Гнездовье орла – на вершинах высоких гор,
И глубоко в земле – жилище змеи.
Никто не рискнет подходить к ним. И до сих пор
При виде таких гнездовий стихают шаги мои.

Гнездо и зверя, и птицы скрыто от глаз совсем,
И никому не известно, что таится в нем.
А вот гнездовье человека открыто всем
И утром, и вечером, и ночью, и днем.

Вот кого только пестуют в гнездах из века в век –
Змею подколенную, орленка, клекочущего по утрам.
А в гнездовье человека вырастет человек,
Пред которым головы придется склонить горам.

Ты князем песен был, отец

Не праведник, не вор, не льстец –
Отдавший дань свою судьбе,
Ты князем песен был, отец,
Я так скучаю по тебе!

Я до сих пор во всех делах
С тобой сверяюсь – рву траву
Иль коз пасу – прости, Аллах, –
Я до сих пор тобой живу.

Стихи? Я снова шел к отцу,
Чтоб обрести стихотворную статью –
Так прививается к деревцу
Почка, желающая взрослой стать.

Ты – чародей. Так народ сказал.
А я, наверное, промолчу.
Меня тоже ждет тот страшный вокзал,
Где вечность не каждому по плечу.

Если я дерево, корень – ты,
Если я пашня, ты – соль земли.
Природа не терпит той пустоты,
Где жизни нет – ты ее посоли!

Писать стихи иль пасти овец –
Какая разница, расскажи?
Ты князем песен был, отец –
Без праведности и без лжи.

Для человека нынче что правда, что хула –
Мир вечен и огромен, Создателю хвала!

Народов разных много, и вера вроде есть,
Но где они на свете – достоинство и честь?

Один рожден быть бедным и богачом другой,
Но все живут зачем-то в печали дорогой.

Казалось бы, что участь одна для всех дана –
И солнышко всем светит, и светит всем луна.

И этого бы счастья хватило бы вполне,
Не надо строить замки на призрачной луне.

И солнце брать в аренду на слишком долгий срок –
Об этом говорил нам великий наш пророк.

Он говорил: «Всевышний всегда глядит на нас.
Живите, пред Всевышним не опуская глаз!»

Мыслители древности, алхимики, звездочеты
Всех времен и народов, вам и ныне виват!
Вас на костре сжигали, с вами сводили счета,
То превращая в святых, а то предлагая ад.

Есть пророки, с небес сошедшие, есть пророки,
Вышедшие из грешной нашей сырой земли.
И тех, и других мы помним, хоть все миновали сроки,
Помним, читаем – потому что зерна их идей проросли.

Я тоже до неба дотронуться хочу рукою –
Чтобы это осуществилось, не надо лезть на Эльбрус,
Достаточно быть человеком, и на жизнь не глядеть с тоскою,
И тащить на себе человечества тяжкий груз.

Собор Покровский и велик, и строен,
К нему идет народ издалека.
Иваном Грозным был собор построен
В честь взятия Казани. Шли века,

А он стоял, и так уж получилось,
Что стен его не обступала тьма.
Сквозь эти камни праведно сочилась
История, история сама.

Я вновь вступаю под собора своды
И думаю: талантлив человек,
Когда дыханье ровное свободы
Стремится задушить железный век.

Словно дервиш, напуганный временем, я
Захотел обойти все земные края.

То лечу я по небу осенним листком,
То по полю плыву я ржаным колоском.

То рассеянным облаком я обернусь,
То, став парусом, в бурное море вернусь.

То в степи окажусь, где бушует пурга,
То согреюсь горячим дымком очага.

Я действительно дервиш, и путь мой таков –
Я хочу постучаться в сердца земляков.

Я иду вместе с песней Ирчи Казака –
Только там, где Отчизна, исчезнет тоска.

Жизнь – священная книга,
Данная нам Творцом.
Кто-то рождается глупым,
Кто-то слывет мудрецом.

Но каждый болен тщеславием,
И шаток веры алтарь.
Если холоп несчастен,
Кто знает, счастлив ли царь!?

Как жаль, что в мире убогом,
Где лишь молитвы спасут,
Человек, себя возомнивший богом,
Бредет по бесчестья пыльным дорогам
И даже под взглядом Аллаха строгим
Не помнит про Страшный Суд.

Перевод с кумыкского Сергея Васильева

Марина АХМЕДОВА

Ахмедова Марина Анатольевна (Колюбакина) – народный поэт Дагестана, переводчик, публицист. Родилась 5 января 1952 г. в Челябинске. В 1977 году окончила Литературный институт им. Горького в Москве. С 1980 года работает в Союзе писателей Дагестана. В настоящее время – председатель Правления Союза писателей Дагестана. Редактор детского журнала «Соколенок». Член Союза писателей СССР (России). Член Союза журналистов России. Автор более двадцати поэтических сборников: «Отчий свет», «Кавказская тетрадь», «Дым Отечества» и др. Автор переводов народных поэтов Дагестана Расула Гамзатова, Сулеймана Стальского, Ахмедхана Абу-Бакара и многих других авторов, вышедших многотысячными тиражами. Заслуженный работник культуры России и Дагестана. Лауреат премии Ленинского комсомола Дагестана, Государственной литературной премии РД им. Расула Гамзатова, Государственной премии Республики Дагестан в области литературы, Всероссийской литературной премии «Гипертекст» им. А.Б.Чаковского, Национальной литературной премии «Слово».

Детство

Зимний вечер – мерцание ели в углу,
мандариновых корок гора на полу
и на окнах мороза узоры...
Мама лепит пельмени, а папа под ритм
ее ловких движений коньки мастерит,
на которые встану я скоро...

Брат Алеша уже первоклассник давно
и поэтому с бабушкой ходит в кино,
а меня на сеанс не пускают...

Деда нет... Он расстрелян еще до войны,
без вины... но про страшные тайны страны
я пока, слава Богу, не знаю...

Я дышу на стекло, чтобы в нем, как всегда,
неожиданная появилась звезда,
тонкий лучик послал во спасенье...
Медный крестик мой бабушка прячет в комод.
чтоб не видел его любопытный народ,
приходящий к нам по воскресеньям.

Наш бревенчатый дом над замерзшей рекой
на заснеженной улице Береговой
дышит паром и хлопает ставней...
Как в бинокль, я глазею на мир из кружка,
что уже отдышала в размер пятака,
и таким он мне кажется славным...

Гуниб

Над горами сияющим нимбом
августовское солнце встает,
и опять над священным Гунибом
продолжают орлы свой полет.

Я люблюсь замедленным ритмом,
от восторга почти не дыша...
Может быть это души мюридов
над скалистою бездной кружат?..

А внизу, над обрывом отвесным,
с постамента родимой земли
рвутся в небо, как будто из песни,
металлические журавли.

Но застыл этот клин невесомо,
над гунибскою кручей скользя,
будто бы оторваться от дома
журавлиный не может косяк.

Он давно воссиял ярче нимба
над погибшими в страшной войне,
но на самой вершине Гуниба
ярче это сиянье вдвойне.

И когда по крутым серпантинам
на равнину спускаюсь легко,
живописная эта картина
отовсюду видна далеко.

В жизни нынешней многое мнимо,
стала черною белая нить,
только чистое небо Гуниба
продолжает незыблемым быть.

Я так люблю большие города
За то, что в них, не требуя оаций,
Иголкой в стоге можно затеряться,
Не лицемерить и не притворяться,
А просто жить – отныне и всегда.

За их античный демос площадей,
Где в толчее равны и принц, и нищий,
Среди которых вор багдадский рыщет...
Где ловкий кот, крадущийся по крыше,
Взрывает фейерверком голубей.

Люблю в час пик клаксонов водопад,
Визг тормозов и перезвон трамваев...
В колючем декабре и в нежном мае
По бесконечным улицам блуждая,
Люблю вдыхать их терпкий аромат.

И замирая мухой в янтаре
У древних стен, что помнят стрелы гуннов,
Вдруг ощутить себя бесстыдно юной,
Забыв, какое – в этот миг безумный –
«Тысячелетье нынче на дворе».

Запутаться люблю на целый день
Я в паутине улочек горбатых,
Которые хранят шаги Синдбада
И помнят, как от губельного града
Покрыла их божественная тень.

Я их непредсказуемость люблю,
И потому меня, наверно, манят

Гудки паромов в утреннем тумане,
Когда судьбу, зажав как нож в кармане,
Ты слепо доверяешь кораблю.

И кружево мостов и галерей
Люблю я расплетать по километрам,
Чтоб надышаться опиумом ветра
И, вечно оставаясь незаметной,
Среди толпы гудящей быть ничьей.

Я так люблю большие города
За то, что в них не скучно никогда.

О национальном вопросе

Нине Маркграф и Наталье Лясковской

Две поэтессы, две мои подружки,
две русские – так, что русей их нет...
На самом деле – немка и хохлушка,
но оттого еще роднее мне.

А я русачка, надо ж, как ни странно,
вдали от родовых своих корней
давным-давно в долине Дагестана
беспрекословно признана своей.

Аварка я, даргинка и кумычка –
и далее считай до тридцати...
Кавказские наречья и обычаи,
как будто жемчуга держу в горсти.

Мне в этом окружении не грустно
вдали жить от отеческих пенат,
поскольку здесь себя исконно русской
я ощущаю больше во сто крат.

Но иногда такая грусть нахлынет,
что от нее спасенья нет ни в чем...
Не по России, а по Украине,
где спят мои родные вечным сном.

Мурад АХМЕДОВ

Ахмедов Мурад Магомедович – поэт, переводчик, издатель и публицист. Родился 30 июня 1977 г. в Харькове, в семье писателей. В 1998 г. с отличием окончил исторический факультет Дагестанского государственного университета, в 2003 г. – аспирантуру ДГУ по специальности «История Отечества». В разные годы работал главным редактором республиканского еженедельника «Дагпресс-инфо», зам. главного редактора республиканского журнала «Дагестан», директором издательского дома «Эпоха», директором Литературного музея Расула Гамзатова, директором издательства «Дагестанский писатель», ведущим программы «Итоги недели» и главным редактором информационного вещания телеканала «ННТ». С 2012 года – главный редактор республиканских литературных журналов «Литературный Дагестан» и «Соколенок», ответственный секретарь Союза писателей Дагестана. Автор книг поэзии и публицистики «Расул Гамзатов: на рубеже веков», «Нашествие варваров», «Разорванное время», «Белые мысли», «Молитва в дороге» и др. Член Союза журналистов России с 2000 года. Член Союза писателей России с 2004 года. Член Правления Союза писателей Дагестана. Лауреат премии Союза журналистов Дагестана «Золотой орел» и Государственной литературной премии им. Расула Гамзатова. Награжден именными часами Председателя Госсовета РД, медалями Республики Дагестан «За доблестный труд» и Расула Гамзатова, а также медалью «За заслуги перед обществом».

Начинаю дорогу с молитвы,
Пробуждается счастье в душе,
Будто все предыдущие битвы
Не проиграны были уже...

Выступаю с немого порога
В жизнь, что больше уже не страшна,
И прошу я прощенья у Бога,
За ошибку, чья даль не видна.

Все предвидеть в судьбе невозможно,
Но предчувствовать все же дано —
То, что было фальшиво и ложно
Билось черною птицей в окно.

Отпирал я сердечную дверь,
Ожидая нелепых потерь...

Глаза отца

Глаза твои пронзительно чисты,
И кажется, что смотрят прямо в душу...
Уж не поговоришь со мною ты,
А как бы я хотел тебя послушать.

На нас теперь глядишь издалека,
Но чищу я себя под этим взглядом...
Ты смотришь через время на века,
А чудится, что ты все время рядом.

И яркий свет твоих сердечных строк
Мне путь мой освещает не случайно.
Прости, отец, что я сберечь не смог
Тебя от одинокого отчаянья...

Ты смотришь смело вечности в глаза,
И жизнь твоя прозрачна, как слеза.

Что в этой жизни нам принадлежит?
Земля, что вдаль дорогою бежит
И воздух, что для легких кислород,
Как милостыню, щедро раздает.

Что можем мы на свете сохранить,
Не зная, где судьбы прервется нить?
От первых дней до самого конца —
Скрываемся, как звери от ловца...

Что можем мы оставить для веков?
Шкатулку, что полна иных миров,
Непознанных, невиданных никем,
Пронизанных незримым бытием.

Что повредит, а что обережет,
Никто, увы, не знает наперед...

Не мое это время, совсем не мое –
Утвердились законом в нем зло и вранье,
Маски служат надежной заменой лица,
И для правды порою не жалко свинца.

Не мои эти люди, совсем не мои –
Не друзья, не враги, не свои и ничьи...
Им бы только удобней и тихо присесть,
Им бы только барыш да угоды и лесть.

Не мои эти тропы, совсем не мои –
И порою иду я по ним в забытии,
Будто мир близлежащий не вижу совсем,
Будто глух ко всему, безразличен и нем.

Остановок, как поезд, не знает судьба,
Для людей, как для зерен – вся жизнь молотьба.

Кто из нас хороший, кто плохой –
Разберет Всевышний за чертой,
Где живые с мертвыми равны,
Где слова уже не так важны...

Там у слов и дел – отдельный вес,
Там святых отделят от повес,
Черноту там белой не называть,
Маски всем придется там сорвать.

И прочтутся мысли, как слова,
И прозрачной станет голова,
Будто все в ней замыслы видны –
И в реальность превратятся сны.

Будет ясно все за той чертой,
Станет свой своим, чужим чужой.

Школа в Беслане

Следы от пуль – глазницы сатаны,
Людские в них страдания видны
И детский страх, и ужас матерей,
И горечь этих трех проклятых дней...

И будто тени среди голых стен,
Людские судьбы, запертые в плен,
Здесь безысходность черною рукой
Надежды дверь закрыла за собой...

А человечность выстрелом в упор
Убита на глазах у древних гор,
Такой беды не видевших вовек
С тех пор, как появился человек...

Число дурное – триста тридцать три...
И хоть кричи, хоть тихо говори,
Нам ничего уже не изменить,
И боль в груди пульсирует, как нить...

«Весь мир мой храм», – сказал давно поэт...
И после этих слов спустя сто лет
Святыней стал пустой спортивный зал,
Он для безмерной боли слишком мал...

Наружу рвется правда из него,
Крича о том, что нам важней всего –
Беречь детей от боли и вражды
В том мире, что устал от суеты.

Рыдает мир над горестной судьбой,
И каждый человек, Беслан, с тобой...
На эту рану глубиной в век,
Как будто бинт, ложится белый снег...

Залму БАТИРОВА

Залму Магомедовна Батирова – народный поэт Дагестана, прозаик, драматург. Родилась 27 апреля 1941 года в селении Хунзах Хунзахского района ДАССР. 1965 году окончила Дагестанский педагогический институт, работала учительницей русского языка, редактором журнала «Женщина Дагестана» (на аварском языке), начальником отдела Министерства природы РД. Автор более тридцати книг поэзии и прозы на аварском и русском языках, а также пьес на историческую тематику.

Член Союза писателей России. Член правления Союза писателей РД. Заслуженный работник культуры РД. Народный поэт Дагестана. Лауреат Государственной премии РД в области литературы. Лауреат Национальной литературной премии «Слово» за трагедию «Хунзахская ханша» (2026 г.). Пишет на аварском языке.

Последнее письмо с фронта (отрывок из поэмы)

Дорогая, пишу тебе ночью...
Рано утром уходим мы в бой.
Знаю я, ты прочтешь между строчек
Все, о чем мы мечтали с тобой.

Жизнь земная дана нам Всевышним,
Он один только знает ей срок...
Но по воле судьбы, так уж вышло,
Я покинул родимый порог.

Знаю, взвалишь на хрупкие плечи
Тяжкий груз ты неженских забот...
И помочь мне тебе будет нечем,
У меня здесь свой собственный фронт.

Каждый миг тут гремит канонада,
И не птицы, а пули свистят,
Разрываются рядом снаряды,
Молодых убивая солдат.

Здесь домов почерневших руины,
Как свидетели страшной беды...
Не дай Бог, чтобы эти картины
Хоть однажды увидела ты.

Ну, а мне суждено это видеть
Каждый день, каждый час, каждый миг,
Чтобы крепче врага ненави деть
В этой доблестной схватке за мир.

Горец я, такова моя участь –
В час суровый идти на войну...
Ты себя горькой думай не мучай,
Не терзай в сердце боли струну.

Наших предков святы е законы
Не нарушу я так же, как дед...
Для меня его веют знамена,
Перед ними держу я ответ.

Он с фашистско ю нечистью дрался,
До Донбасса свой путь проложил...
Вот и я теперь здесь оказался,
Жаль, не всех он фашистов добил!

Похоронен он в братской могиле,
Да теперь уж ее не найти...
Деда дважды фашисты убили –
Даже память посмели снести.

Но я дал ему крепкую клятву
Отомстить этим натовским псам...
И домой не вернусь я обратно,
Пока деду свой долг не отдам.

Здесь у всех нас почти свои сче ты
К этой мрази бандеровской есть...
Закаленная в битвах пехота
Отстоит нашей Родины честь.

Знай, что сыну краснеть не придется
На земле за меня никогда...
Пусть растет он и пусть не коснется
Его в жизни такая беда!

Если надо, сам пулей я стану
И навывлет пробью вражью грудь...
Никогда к моему Дагестану
Для него не откроется путь.

Жизнь дается нам всем лишь однажды,
Потому, дорогая жена,
Я по правде прожить ее жажду,
Чтоб меня не забыла страна.

В эту степь, в эти грозные дали
Я поехал не из-за наград,
Хоть уже ордена и медали
На моей гимнастерке звенят.

Я пошел из-за праведной мести
Всем предателям нашей страны...
Из-за дедов поруганной чести,
Не вернувшихся с прошлой войны.

И мечтою своей окрыленный
Быть полезным на этой войне,
Понял здесь, что у нас миллионы
Есть таких добровольцев в стране.

Нам тревожное время досталось,
Надо каждому выбрать свой путь –
Громкий бой или тихая старость?..
Мне уже с моего не свернуть.

Не кори меня горько, родная,
Что совет у тебя не спросил...
Ты же твердый характер мой знаешь –
Все осилю я, если решил.

Ну, а коль суждено будет в битве
Получить мне смертельный свинец,
Пусть твоя напоследок молитва
Долетит облегчить мой конец.

Оставайся горянкою гордой,
Никому не показывай слез,
Даже если сжимается горло,
Даже если по коже мороз!

Хоть погибну, но вас не покину,
Буду зорко следить я с небес
За тобою, за дочкой и сыном,
Ведь мой дух никуда не исчез.

На аварском пусть детки воркуют,
Этих трудных времен голубки,
Речь свою не забудут родную
Пусть мобильникам всем вопреки.

Пусть соблазнам не будут покорны
И хранят своих предков завет –
Даже если наступит день черный,
Дать сумеют достойный ответ.

...Вот уже розовеет в траншее...
Спрячу лист этот в бронежилет,
Может быть, он спасет и согреет,
Когда бой загремит на земле.

Перевод с аварского языка Марины Ахмедовой-Колюбакиной

Гульфира БЕКМУРАТОВА

Гульфира Абдулакимовна Бекмуратова – поэт, переводчик, публицист. Родилась 29 июля 1967 года в ауле Уйсалган Ногайского района ДАССР. В 1982 году окончила Уйсалганскую восьмилетнюю школу, в 1984 году – Ортатюбинскую среднюю школу. Образование – высшее: Дагестанский государственный университет, факультет журналистики. Автор трех поэтических сборников на ногайском и русском языках.

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан. Член Союза журналистов России, член Союза Писателей России. В настоящее время руководитель ногайской секции Союза писателей Дагестана, корреспондент и переводчик республиканской газеты «Голос степи». Пишет на ногайском и русском языках.

Я жду тебя, Неизвестный солдат!

(отрывок из поэмы)

*Посвящается памяти моего дяди
Курунтурсына Бекмуратва,
без вести пропавшего на
Великой Отечественной войне*

Я в руки перо без сомненья возьму,
Хотя очень страшно, не скрою,
Но сердце велит не забыть ту войну,
И тех, кто не вышел из боя.

Горит неустанно наш Вечный огонь
В солдатской души ореоле,

И капают слезы в земную ладонь,
И сердце трепещет от боли.

Я с маками здесь преклонюсь пред тобой,
Чтоб памятью жаркой согреться,
Ты будешь в душе моей вечно живой,
Трепещет во мне твое сердце.

Солдат Неизвестный, я знаю тебя,
Сказало мне сердце о многом,
Я буду с тобою – любя и скорбя,
Пройду по военным дорогам.

Я с пулей твоей на снега упаду,
И встану я в памяти чьей-то,
Твою разделю и судьбу, и беду –
Нам вместе все это отмерьте!

Лишь свет заалееет, к тебе тороплюсь,
Ладонью прижаться к ладони,
Пусть вьется в огне неизбывная грусть,
Но память никто не уронит.

Скажи, за кого ты ушел воевать,
В каком городке и селеньи
Горюет невеста, жена или мать,
Молитву шепча на коленях.

Я с ними тебя дожидаюсь, солдат,
Я в бой поднимаюсь устало,
С Бессмертным полком я пойду на парад,
Салютом взметнусь небывалым.

Война вновь вонзает жестокий кинжал
В сердца матерей на планете,
И надо, чтоб памятью вечной стоял
Твой памятник крепкий на свете!

– О Смерть! Ты объятья свои разомкни,
Не жду ледяных поцелуев,
Мне выступят жаркую память они,
Ужальят из горестных ульев.

Ладони мои отпусти, не держись,
Тепла в них немного осталось,
Но ты не бери и короткую жизнь,
Возьми только сердца усталость.

Скучаю я, Смерть, по родимой степи...
Отдам свою жизнь за победу!
Но ты не студи меня, не ледени,
Прошу, не ищи ты по свету!

– Послушай, джигит, я ведь мудрая Смерть,
Воздам нынче почесть герою,
Тебе я позволю на жизнь посмотреть,
Потом и глаза я закрою....

Я знаю, как страшно вам всем умирать,
Я знаю привязанность к жизни,
Я знаю, как вост безумная мать
Над сыном на горестной тризне.

Когда вдруг покажется тесным весь мир,
Насытится сердце любовью,
Я свой приготовлю таинственный пир,
Приду и прильну к изголовью.

Надежды светильник погасим с тобой,
Примерим излюбленный саван,
Тогда и узнаешь мою ты любовь,
И будешь любимым ты назван.

Война.... За тобою скитается смерть.
Война... Жизнь – извечная пища.
Война... Проклинаем и скажем – не сметь! –
Шагать по жестоким кострищам!

Война... Песни траура мастер слагать.
Война ... Истерзала все судьбы.
Война... И рыдает скорбящая мать.
За всех невернувшихся – судим!

Война... Опалила разлукой сердца.
Война... Нерожденные дети.

Война... Нет начала, не видно конца,
И общая боль на планете!

Спешила напевно заря заалеть,
Цветы раскрывались несмело,
Но черной бедою окутало степь –
Стервятник-война прилетела.

Объятый воскресным покоем и сном,
Любовью и верностью сложен,
Не ведал уютом затепленный дом –
Кинжал уже вынут из ножен.

А люди еще говорили: «Люблю!»,
И дети спокойно сопели...
Но люто война погасила зарю,
Ногою повышибла двери.

На головы траура бросив платки,
Кружила она над сердцами,
Нарезав смертельной угрозы витки,
Детей разлучила с отцами.

Раскрасила гарью своей небосвод,
Все звезды небес погасила...
Но встал на защиту великий народ,
Великая русская сила!

Цветы в этот день так и не расцвели,
Четыре немислимых года
Сражались все воины нашей земли –
Из каждого были народа!

В России – равнение траурных дат,
Но эта – стоит перед строем.
Известных и всех Неизвестных солдат
Помянем, как павших героев!

Перевод с ногойского языка Нины Поповой

Арбен КАРДАШ

Арбен Мехединович Кардашев – народный поэт Дагестана, лезгинский поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик. Родился 11 февраля в 1961 году в высокогорном селе Микрах Докузпаринского района Республики Дагестан. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей СССР (России). Автор двадцати книг и четырех пьес, две из которых поставлены на сцене Лезгинского государственного музыкально-драматического театра им. Сулеймана Стальского. Произведения переведены на немецкий, арабский, монгольский, таджикский, азербайджанский, татарский, башкирский и другие языки, изучаются в учебных заведениях Дагестана. Перевел на лезгинский язык стихи Н. Гянджеви, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, С. Есенина, Н. Хикмета, Л. Ошанина, Н. Тряпкина, Р. Гамзатова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского и др., сказку П. Ершова «Конек-Горбунок». Заслуженный деятель искусств РД. Лауреат Государственной премии РД, премий «Олимп» демократической молодежи Дагестана (премия бывшего Ленинского комсомола Дагестана), «Шарвили», учрежденной лезгинской общественностью, и «Золотой орел» Союза журналистов Дагестана. Награжден Почетной грамотой Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Голубые небеса

О голубые небеса!
Сияет ваша глубина,
Как света вечного краса...
И вечна ваша новизна!

Когда смотрю на вас, опять
Душой впадаю в забытье.
Хочу отчизну я обнять,
Всего себя вложив в нее.

Цветы лугов, седины гор,
Морские волны, ширь пути
Так дополняют ваш простор,
Что слов достойных не найти.

И щедрость рук, и стук сердец,
И душ тепло – все есть у нас.
Так дайте ж гордость наконец,
Чтоб дух алпанский не угас!

Реки Срединной два крыла
Жестокий век не разорвет!
Хоть буря тучу принесла,
Но не погибнет мой народ!

О голубые небеса,
Мне крылья дайте поскорей!
Я устремлю свои глаза
В просторы родины моей!

Как панцирь, кожа. Дни мои
О камень терлись, жизнь моя!
Я о народе плакал – и
Ослеп на оба глаза я.

Каких толчков, каких затей
Не испытал я на веку!
О век обвалов и смертей,
Ты всех нас погрузил в тоску!

Я говорю себе: «Певец,
Как ты вмещаешь эту боль?
Тебя колотит мир-кузнец
И терпишь ты удар любой...»

И отвечаю сам себе:
«Бегу, чтоб сбросить этот груз!
В краю отцов, в моей судьбе
Есть место у горы Шалбуз.

Там, где Большая мчит река,
В реку Срединную стремясь,
Вой мира, времени тоска
С моей душой теряют связь.

Там оба глаза у меня
Прекрасно видят. В уши слух
Приходит вновь. Печаль гоня,
Грудь наполняет бодрый дух.

И плачу там я, и смеюсь,
Как в детстве... Там над головой
Орел клекочет: «Эй, не трусь!
Ты здесь останешься живой!»

Осколок Шалбуздага

Шалбуз-гора, я молод был,
И там, где прежде не был,
Кусочек камня отломил –
Тот, что граничил с небом.

Осколок красный положив
Себе в карман украдкой,
Пошел вперед меж гор и нив
По жизни горько-сладкой.

С тех пор, куда бы века новь
Меня ни увлекала,
Тот мрамор красный, словно кровь,
Хранил мои начала:

То облегчал, как амулет,
Путь по любой теснине,
То жег меня сквозь толщу лет
Упреками в гордыне.

Вот и теперь, когда в снегу
Виски – и голос колок,
Как честь свою, я берегу
Тот мраморный осколок.

Осталась тяга к чудесам
В душе моей доселе,
Но ныне я уже не сам
Лихие ставлю цели.

Трехлетний внук мой – плоть и кровь,
Перо от крыльев деда –
Вдруг унаследовал любовь
К святыне амулета.

Берет в ладонь – и просто так
Вверх тянет красный камень.
– Что это, джан? – Мой Шалбуздаг! –
И светится, как пламень.

Когда на улицу идет
Души моей зеница,
В карман тот камушек кладет,
И с ним же спать ложится.

Нет, не погибли семена,
Не сгинула отвага!
Взрастают горцев племена
Из камня Шалбуздага!

Перевод с лезгинского Евгения Чеканова

Сувайнат КЮРЕБЕКОВА

Сувайнат Мевлютдиновна Кюребекова – народный поэт Дагестана, поэт, прозаик, публицист. Родилась в 1965 году в селе Гюхраг Табасаранского района Дагестана. Окончила музыкальное отделение Избербаишского педагогического училища и филологический факультет Дагестанского государственного педагогического института. Работает редактором табасаранского выпуска журнала «Женщина Дагестана». Автор пяти поэтических сборников на табасаранском и русском языках и книги прозы. Член СП России, Союза журналистов РФ. Член правления Союза писателей Дагестана. Заслуженный работник культуры РД. Лауреат Государственной премии им.Расула Гамзатова. Пишет на табасаранском языке.

У памятника Матери в Дербенте

По каменному лику твоему
живые слезы катятся незримо...
И шепотом невольно говорим мы,
когда к ногам твоим по одному
цветы кладем в тоске невыразимой.
А над тобой клин белых журавлей –
стремятся в небо бронзовые птицы...
И в камне сердце, кажется, стучится,
которое оплакивать стремится
по-прежнему погибших сыновей.

Им никогда уже не прилететь,
не вырваться из вязкого тумана,
и ноет твоя каменная рана,

но знаешь ты, что поздно или рано
сынов отвага побеждает смерть.

Беременная женщина кладет
к твоим ногам пылающие маки...
Тревожно ей – земля опять во мраке
безумия, и траурные флаги
беснуются над будущим дитем.
Где сделает он первый свой шаг,
неужто по земле, залитой кровью?..
И на тебя с надеждой и любовью
глядит она, закутавшись в платок,
переживая долю твою вдовью.

О Мать, как твои слезы горячи,
они, как будто угли из печи,
и тяжелее пуль тех окаянных,
которые сынов твоих сердца
пронзили смертной тяжестью свинца,
чтоб долететь к тебе до Дагестана.

Сквозь камень ощущаю эту боль
и сквозь года
плач материнский слышу...
Ладони ты протягиваешь ближе,
и в них моря бездонные я вижу
горючих слез, что пролиты тобой.

Когда-то ходила и я босиком,
заноз и колючек совсем не страшилась...
И раны мои заживали легко,
и не было непоправимых ошибок.

Я запросто землю могла обойти
и к небу, как будто к мечте, приближалась...
И все, что встречала на этом пути,
необыкновенным тогда мне казалось.

А нынче боюсь выйти я за порог –
годами теперь раны не заживают,
как будто уходит земля из-под ног,
и я равновесие сразу теряю.

Хоть день не прошел, в сердце вечер уже,
и небо несбыточно стало далеким —
занозы не в теле теперь, а в душе,
и кажется сердце таким одиноким...

Состарилось мое село
и стало серым...
Но только все, что там прошло,
осталось в сердце.
В развалинах стоит мечеть,
и лес редееет...
И я пока не знаю чем
помочь сумею.
Могилы предков заросли
и покосились...
Прощенья у родной земли
мы не просили.
Когда-то зрячие сердца
вдруг стали слепы...
Но нет у родины конца,
как и у неба.

Шамилю Казиеву

Мир стал глухонемым в тот миг,
Когда глаза твои закрылись,
И ты покинул этот мир,
Как будто обрубил мне крылья.
Твой карандаш здесь, на столе,
Но обломился грифель острый,
И хоть смириться с тем непросто,
Но образ твой исчез во мгле.

Еще твой почерк на листке,
Но прервано стихотворенье...
И оттого душа в тоске,
Что жизни не вернуть мгновенья.
А твоя книга — как мираж...
Никто ее не прочитает.
И мать твоя от горя тает,
Сгубил ее крутой вираж.

Мир сразу стал полупустым,
Его терплю я еле-еле,
Но все червивые плоды
В нем неожиданно созрели...
И безголосый вдруг запел,
Что при тебе шептать не смел,
Стыдясь бездарности своей,
Но седла сорваны с коней...
Мне сердце связано узлом,
С тех пор, как ты наш мир покинул...
Скажи теперь, как жить мне в нем,
Как жить мне в нем наполовину!?

*Перевод с табасаранского
Марины Ахмедовой-Колюбакиной*

Миясат МУСЛИМОВА

Миясат Шейховна Муслимова – поэт, переводчик, литературный критик, публицист. Председатель дагестанского отделения Союза российских писателей, президент Клуба писателей Кавказа, Русского ПЕН-центра. Родилась 31 декабря 1960 г. в с. Убра Лакского района Республики Дагестан. Окончила филологический факультет Дагестанского государственного университета.

Четырежды стипендиат Главы Республики Дагестан как выдающийся деятель культуры РД. Лауреат республиканской премии им. Расула Гамзатова, Государственной премии Республики Дагестан в области литературы, обладатель высшей журналистской награды РФ «Золотое перо России» за вклад в развитие национальной литературы. Победитель множества международных и всероссийских литературных конкурсов, финалист первой Национальной премии «Слово» в номинации «Перевод». Автор 19 книг. Составитель восьми сборников и антологий «Русскоязычная поэзия Дагестана» (Ростов, 2021); «Есть родина, а значит, счастье есть» (Москва, 2022); сборника произведений Расула Гамзатова «В горах моё сердце» (Махачкала, 2023); антологии Клуба писателей Кавказа «Солдаты России-могучая сила», «Поэты России-Дагестану» (Махачкала, 2025); «Были мы на войне...» (2026) и др. Стихи М. Муслимовой переведены на итальянский, греческий, грузинский, фарси, немецкий, осетинский, лакский, белорусский, балкарский, абхазский, ногайский, азербайджанский языки. Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «День и ночь», «Наши современники», «Дарьял», «Бег», «Дети Ра», «Русский глобус», «За-за», «Луч», «Крещатик», «Южное сияние», «Вайнах», «Неман», «Аврора», «Алтай», «Арион» и др.

Автор около двухсот научных работ, в том числе федеральных учебников по чтению для начальных классов национальной школы. Кандидат педагогических наук. Заслуженный учитель РД, Почетный работник высшего образования РФ. Работает старшим научным сотрудником сектора русского языка и литературы ДНИИ педагогики им. А.А.Тахо-Годи.

Ты не случайно здесь

Подъем был так тяжел, что звуки отступили
И воздух медлил быть... Присядь со мной, чужой.
Подъем и спуск дыхание стеснили,
Испытывая путь мой чередой.

Ты не случайно здесь, паломник, тайный друг.
Здесь нет красот, лишь высота стремленья.
Смотри, как Солнца светлоликий круг
Вверяет нам лучи благословенья.

Молчи, молчи... Пусть горы говорят,
Послушаем сердца тысячелетий.
Они, как птицы, над землей парят,
Не мы за них – они за нас в ответе.

Россия

Далеко на Оке пароход загудит,
Долгой моросью небо затянет,
Вдоль реки поплывут вереницы раkit,
Позовут, опечалят, заманят;
А потом и звезда загорится во мгле,
Освещающая великие тени.
Я живу вслед за ними на этой земле,
Пусть в далеком, другом поколеньи.

Зашумит, закачается лес за холмом –
Растревожена зовом Мещеры,
Я забуду на время и город, и дом,
И родное село, и кавказские горы.
И не будет мне в том никакой укоризны,
Потому что Россия с рожденья во мне:
И Рубцов на холмах задремавшей Отчизны,
Паустовский в Мещерской своей стороне.

И поручик в дороге к предгорьям Кавказа,
И сон его вещий, и мой Дагестан –
Все это – Россия... И дух мой, и разум
Навеки с великой культурой славян.

Это твое Макондо

Не пашет раб землю, за плугом не ходит, не сеет,
По воловьим следам тоскует в полях чернозем.
Бурый день, как отшельник, по оврагам дымится и тлеет,
И ущелья с тоскою глядятся в небесный проем.

На крыше мама с кувшином
День с молоком взбивала,
Желтое масло в лощины
Густо стекало.

В спину толкает ветер, тминной обидой веет,
На подошвах крестьянских ног уносим останки земли,
Станут ладони мягче и души чуть-чуть слабее,
Чтобы не слышать, как в поле ищут зерно ковыли

Мама в хлеву пахучем
Корову травой кормила –
Чабрец на зеленой круче
Не знает ила.

Старый Сурхай за оградой землю костями греет.
Кладкой речного камня сакля глядится в Койсу.
Это твое Макондо в чреве у времени зреет,
Чтобы кормить тобою времени пыль и тоску.

Посохом были тропы
И колыбелью горы,
Ты не услышишь ропот,
Камни укроют поле.

Камни моей родины

Разбросанные там, где нет запретов,
как вы счастливы возможностью
смотреть вверх
и видеть бесконечность щедрого неба.
Это единственное место, куда вы не можете упасть.

Ваше молчание
может высекать искры,
когда вас сталкивают лбами.

Хранимые в ладонях, чтобы ударить после ощущения тепла
и вынимаемые из-за пазухи на холод,
почему так часто падаете к ногам
удивленного человека?

Настигая его бьющееся сердце
или попадая между его лопатками,
почему не занимаете освободившееся место,
уступая его сквозному ветру,
не оставляющему щелей
там, где нет корней?

Приникая ребром к груди своих собратьев
или храня одиночество в пустыне
чужих желаний,
умеющие всегда оставаться собой
и ценить свободу ожидания,
почему вы строите крепости
для тех,
кто рушит дома?

Ваше молчание
напоминает мне надгробные плиты
на старинных кладбищах лакцев,
оставивших мне в наследство
искусство резьбы на клинописи ветра,
искусство насечки на серебре стали,
и тайну слезы, запертой в темнице глазниц,
слезы, знающей единственный способ увидеть этот мир, –
разделить с вами возможность смотреть вверх
и видеть бесконечность щедрого неба.
Это единственный способ не упасть.

Я хочу быть маленьким камешком
в ладонях твоих желаний,
о моя усталая родина!

Фейзудин НАГИЕВ

Фейзудин Рамазанович Нагиев – народный поэт Дагестана, писатель, драматург, публицист, переводчик, литературовед. Родился 15 февраля 1951 года в селе Ашага-Стал Сулейман-Стальского района Республики Дагестан. С отличием закончил инженерно-строительный институт в Одессе, Литературный институт им. М. Горького в Москве, Университет марксизма-ленинизма в Махачкале. Член Союза писателей СССР (России), член Союза журналистов СССР (России). Заслуженный работник культуры Республики Дагестан. Доктор филологических наук. Лауреат лезгинской национальной премии «Шарвили», премии Союза журналистов РД «Золотой орел», диплома и премии им. выдающегося языковеда Магомеда Гаджиева, диплома и золотой медали Артиады народов России в номинации «Литература», других общественных наград. Автор более трех десятков книг (поэзия, проза, драматургия, публицистика, монографии) и около трех сотен статей по литературоведению, текстологии, языку, истории на лезгинском и русском языках. Произведения переведены на русский, немецкий, азербайджанский, персидский, турецкий языки. Перевел на лезгинский язык стихи Н. Гянджеви, А.Х. Дехлеви, Я.Эмина, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, С. Есенина, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Н. Тихонова, Б. Чичибабина и др. Произведения поэзии и прозы Ф.Нагиева вошли в школьные учебники и хрестоматии, изучаются в вузах, по творчеству поэта, писателя написаны дипломные работы, две кандидатские диссертации. Пишет на лезгинском и русском языках.

Два мастера

Два мастера в одном ауле жили.
Их люди чтили – только к одному
Они всегда с улыбкой приходили
И грели душу радостью ему;
К другому – шли, исполнены печали...
А мастер – точно он всему виной –
Взгляд отводил, когда глаза встречали
Тех, чьи родные в мир ушли иной.
Был первый весел и со всеми дружен,
Он приходивших радостно встречал;
Другой скорбел, что тоже людям нужен,
И, разделяя горе их, молчал.
Ну, а когда Творца молить случалось,
То каждый у него просил свое:
Один – чтобы работа не кончалась,
Другой – чтоб вовсе не было ее...
Так день за днем тянулись вереницей,
А за годами шли и шли года...
И мастерство невидимой границей
Их судьбы разделило навсегда.
Они искусны оба были в деле,
Тот и другой аулу нужен был.
Веселый мастер – делал колыбели,
А грустный мастер – камни для могил.

И будет день, наверняка,
Настанет власть империй.
Словам чужого языка
Традиции мы вверим.

Язык, впитавший с молоком,
Замрет в устах, как камень.
Земля-мать и наш отчий дом –
Чужак владеть там станет.

И царь нам будет, кто жесток,
И дух наш будет смирен.
И в этот день, о, дай мне Бог,
Не жить в подлунном мире.

Река Самур

Река Самур – Срединная река,
Ты боль земли несешь издалека;
С тех дальних гор, где твой сокрыт исток,
Ты с запада стремишься на восток.
О, если б эти воды унесли
Печаль тобой поделенной земли,
И море навсегда б принять смогло
То горе, что мне на сердце легло!
Мне кажется – безмолвная вода
Не землю – сердце делит навсегда.

Суд совести

У всех у нас – один Судья.
Доживши до седин,
Хочу добиться права я
Судить себя один.
Как в зеркале, отражена
Вся жизнь. На склоне лет
Увижу, праведна ль она, –
Иль, может быть, что нет?..
И совесть смотрит на меня;
Ее суровый взор,
И защищая, и виня,
Выносит приговор.
Она спокойна и тверда,
И беспристрастен суд;
Здесь ни заслуги, ни года
От кары не спасут...
И приговор пусть будет строг:
Суди иль не суди, –
Я свой заканчиваю срок,
И вечность – впереди...

Перевод с лезгинского Михаила Крылова

На Босфоре

Вот, я пришел к Босфору.
Есенин – не дошел.
Людей об эту пору
бессчетно. Словно пчел.

Смотри, глазами хлопай:
висит моста настил.
Он Азию с Европой
навек соединил.

Зачем пришел? Не скрою:
и сам не в курсе я.
Оставил за спиною
Алпанские края.

Беспамятством сокрыты
Анатолийской тьмы,
в хурритских лабиринтах
оказывались мы.

Ассирия настала.
Вавилоняне, Рим,
Византий – здесь немало
прошлись мечом своим.

Потомки древних тюрков
пришли на этот склон.
Здесь проступает тускло
кровь кочевых племен.

Сквозь степи и пустыни
с Алтая шли в борьбе.
Теперь они взрастили
здесь – Родину себе.

История – творима
приливами армад.
Завоеванья Рима
номады сокрушат.

Кому от всех нашествий
родной язык – оплот,
тот не уронит чести,
Отчизну сбережет.

Перевод с лезгинского Виктора Куллэ

Супиян ОМАРОВ

Супиян Расулович Омаров – лакский поэт, публицист. Родился 1959 году в дагестанском селе канатоходцев Цовкра-1. В 1988 г. увидел свет его первый сборник стихов «Лунный свет», в 2019 г. вышла вторая книга стихов «Под сводами Щуну-дага», а в 2024 г. – третья книга на лакском языке «Вечная радость». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Дагестана, награжден медалью Расула Гамзатова. В настоящее время секретарь и член Правления Союза писателей РД, руководитель лакской секции, а также заместитель директора Театра поэзии. Пишет на лакском языке.

Махачкала

Нежась ночью на морских валах,
Утром первой солнце ты встречаешь,
Милая моя Махачкала,
С юности души в тебе не чаю.

С Тарки-Тау ты сбегашь вниз,
По знакомым улочкам тенистым,
С удивленьем смотрит солнца диск
И звенит лучами, как монистом.

И повсюду слышен птичий гай,
И сердца для радости открыты.
Все мы влюблены в родимый край
Горцев и поэтов знаменитых.

Облака, как дети, в вышине
Друг за другом бегая, резвятся,
И приветливо кивают мне
Гроздь ослепительных акаций.

Говорит на многих языках
Наша дружелюбная столица,
Что себя прославила в веках,
Мы по праву можем ей гордиться.

Щедростью известная везде,
Всех гостей заботливо встречает.
Каждому спешит помочь в беде,
В радости любовью отвечает.

Даже в бурю нравишься ты мне,
Когда Каспий пенится и стонет...
Самых громких титулов вполне
Ты, Махачкала моя, достойна...

Перевод с лакского М.Ахмедовой-Колюбакиной

Горный сокол

Орлы Кавказа гнезда вьют на скалах,
Чтоб вырастить птенцов вдали от бурь,
И на седых вершинах-аксакалах
Потомство учат чтить небес лазурь.

И словно по веленью Шунудага,
Что высится, как будто исполин –
Герой родился здесь, стране на благо,
В Кани среди сияющих вершин.

Закон в горах не писан, но священен,
Велит он за Отчизну жизнь отдать,
Долг сына офицера был бесценен –
Ни отступить не мог ты, ни предать.

Нурмагомед, твое бессмертно имя,
У всех оно сегодня на устах,
По праву здесь заслугами твоими
Гордятся земляки в родных местах.

И сколько б ни сменилось поколений,
Ты будешь освещать им путь всегда,

Как факел, что рассеивает тени,
Как в небе путеводная звезда.

Хоть мама твоя так тобой гордится –
Навряд ли слезы высохнут ее,
Ведь неутешна боль в груди орлицы,
Чей сын погиб сметая воронье.

Да и отец, чья гордость выше неба –
Ведь он героя-сына воспитал,
Каким бы неприступным с виду ни был,
В душе его всегда – девятый вал.

Но дочка долгожданная Теймия,
Которую обнять ты не успел,
Гордиться будет звездами твоими –
Жизнь коротка, но много ты успел!

И хоть с женой Мадиной счастье было,
На Украине взорвано навек...
Любовь к тебе граната не убила,
В семье – ты самый главный человек.

Твои черты в дочурке повторились,
В них благородство, верность и тепло.
Ты в небо взмыл, и небеса открылись,
Беспомощно поверженное зло.

Перевод с лакского Мурада Ахмедова

Простите, матери...

Ласки, доброты, заботы вашей
Сможет, хоть один, предел назвать?
Сколько капелек в терпенья чаше
Материнской, можно ль сосчитать?

Вы нежданно быстро поседели,
Как вершины наших снежных гор.
И морщин следы, подобно селю,
Прочертили лица с давних пор.

Дети, улетевшие птенцами,
Превратились в доблестных орлов.
Их печально проводив, вы сами
У потухших ждали очагов.

Ждете вы их днями и ночами,
Весточки случайной иль звонка...
Про себя считаете печали,
Молитесь за каждого сына.

Снова с увлажненными глазами
Вы с тревогой смотрите в окно...
Но сыны являются к вам снами,
От которых грустно все равно.

Крылья жизни сыновьям вы дали,
Чтобы без усталости летали.
Многokrатно даст Аллах сынам,
Кто своих не опечалит мам.

Перевод с лакского Максима Алимова

Тамила ХУРШИДОВА

Тамила Саидовна Хуришидова (Салманова) – поэт, переводчица. Родилась в 1983 году в селе Ухул Ахтынского района. Член Союза писателей Российской Федерации. Автор поэтических сборников «Блеск кувшина» («Кварцин нур»), «Объятия матери» («Дидедин къужах»), «Поэтические тропы» («Шииратдин жигъирар»); соавтор коллективных сборников «Родники вдохновения», «Радуга души ухульцев», «Зов души» и др. Совместно с вологодской поэтессой Аллой Касецкой вышла книга взаимных поэтических переводов – билингва «Объединяя сердца» (Вологда, 2025). Печатается в «Лезги газет», «Самур» (Азербайджан), литературных журналах «Самур», «Кард», «Вологодский ЛАД» (№2, Вологда, 2024), «Волга XXI век» (№6, Саратов, 2025). На ее стихи написаны песни. Пишет на лезгинском языке.

Объятия матери

С чем мне сравнить привычное годами
Тепло ладоней – с птичьих гнезд уютом?
К тебе прижмусь – в объятия укутай.
Нет никого тебя дороже, мама.

И нет дороже тех минут неспешных,
Когда меня, прижав к груди, качала.
К тебе прильнув, я сладко засыпала
Под сердца стук, чуть слышный шепот нежный.

И вот уже своих детей качаю –
Года летят и никуда не деться.
Как, мама, вновь в твоих руках согреться?
Я по твоим объятиям скучаю.

Собрату чувств, что берегла –
Перу я сердце отдала.
Тяжелых мыслей не тая,
Бумаге их раскрыла я.

Перо, мне братом назовись.
Сестрой – бумаги белой лист.
Вы – два добра, вы без грехов –
Опора для моих стихов.

Лишь кто готов мне другом стать –
Пред тем раскрою я тетрадь.
Поверьте искренним словам –
Я посвящаю их друзьям.

Но если кто душой не чист –
Мой меч – перо, и щит мой – лист.
Кто ложью очернит мой стих –
Восстанет правда строк моих.

Братьям

Зиме без лета не бывать.
Ручью без влаги не журчать.
Как не бывать спине без плеч,
Так дню не быть без наших встреч.

Вы две звезды светящих в мир,
Бальзам на душу, эликсир.
О братья, вы – фундамент мой.
Я рада вашей быть сестрой.

Мне счастье знать, что мы родня.
Два лучших брата у меня.
Вы за меня всегда горой.
Вы крылья за моей спиной.

Я знаю – в самый трудный час
Рассчитывать могу на вас.
Окликну: «Братья!» – «Да, сестра!»
Как все же жизнь ко мне добра!

Блеск кувшина

В чаду и шуме пестрого базара,
В Кубе, среди посудного товара,
Отец стоял, кувшинами любясь,
И самый лучший выбрал, не торгуясь.

Года, что реки – не стоят на месте...
Седой налет покрыл кувшин невесты.
Казалось, жизнь проходит стороною.
Кувшин, деля печаль, тускнел со мною.

Унылых мыслей тягостна рутина –
Я обновление начала с кувшина:
Кошмой и пастой долго натирала
И блеск кувшина миру показала.

Но лишь завистников я этим разозлила:
«К лудильщику, как видно, зачастила –
Вы посмотрите, как кувшин сияет».
Да, только на кувшин ли намекают?

Мне блеск кувшина прятать не годится –
Сама себе я стала мастерицей!
В глаза злословам посмотрю я смело:
«Коль в сердце свет, в лудильщике ли дело?»

Смогу ль сбежать и бросить я
Тебя, о Родина моя!
Когда на сердце тяжкий груз –
Ты за спиной горой Шалбуз,
Иль в жизни трудная пора –
Жалеешь, как Кетин-гора.
Подует ветер ледяной –
Шагдаг, как солнце за спиной.

О, как хочу крылатой стать,
Чтоб горы родины обнять!

Иную дверь и ветер не толкает,
И редкий гость обходит стороною.

В таком дому родню не собирают,
Соседи не судачат за стеною.

Но есть дома, где привечают гостя,
Посланник Бога гость, ему и место.
Пусть не богат там стол, накрытый просто,
Всем за добро воздастся, как известно.

И пусть повадки гостя не привычны –
Зажжен очаг для гостя не напрасно...
Нет в том беды, что языки различны,
Коль души схожи – и без слов все ясно.

Дерево инжира

Есть сад у меня, в нем фундук и гранат,
В нем яблони, груши листвою шелестят.

Хурма, абрикос, вишня – радуют взор,
Кизил подпирает ветвями забор.

Керемом чинара на страже стоит –
Черешню Эсли неотступно хранит,

Как в древней легенде о пылкой любви
Джигита Керема и нежной Эсли.

И деревце есть – то подарок отца,
Из саженца в стройного встало юнца.

Недобро глядит низкорослый кизил,
Как буйные ветви инжир распустил.

На добрую память – подарок отца.
Заботится дочь о судьбе деревца.

И деревце чувствуя ласку и свет,
Богато плодами одарит в ответ.

Перевод с лезгинского Аллы Касецкой

Хамис ШАМИЛОВА

Хамис Ахмедхановна Шамилова – даргинская поэтесса. Родилась в 1973 г. в селении Муги Акушинского района Республики Дагестан. Окончила отделение журналистики на филологическом факультете Дагестанского государственного университета, училась в аспирантуре на юридическом факультете ДГУ и на психологическом факультете Дагестанского государственного педагогического университета, окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Работала в СМИ, в настоящее время ведет авторские проекты на телевидении, снимает документальные фильмы. Автор двух поэтических сборников. Член СП России. Заслуженный работник культуры РД. Лауреат Государственной премии РД в области театрального искусства и кино. Пишет на даргинском и русском языках.

Бабушкина седина

Бабушка, скажи, принесена
Не весной ли эта седина?
Годы, над твоей кружась судьбой,
Инеем покрыли волос твой.
Или боль не дремлет в глубине
По убитым братьям на войне?
Семеро их было... Молодых...
Не дождались с фронта четверых.

Бабушка, ответь, не уходи –
Сталь или солнце у тебя в груди?
Траур белый носишь ты весь век,
Как с вершин высоких наших снег.
Что больней ударило всего,

Не потеря ль сына твоего?
Боль утраты сжала, как тиски,
За ночь поседевшие виски.
Бабушка, Кааба ты моя,
На тебя оглядываюсь я.

Брат матери

Брат мамы, с юности ты сед,
И за твоей спиной
Опоры и защиты нет,
Не спрятаться, родной.

Брат мамы, с юности ты стар,
Ни брата, ни отца...
И самому держать удар
Тебе приходится.

Единственным мне братом будь,
А я тебе – сестрой,
Чтоб скрасить одинокий путь,
Начертанный судьбой.

С тобой все скорби разделю,
Мой брат, седой утес...
Любые муки я стерплю,
Чтоб ты, как тополь на краю,
Поднялся в полный рост.

О, не печалься, дядя мой,
Я – веточка твоя,
Могучи корни под землей –
Их продолжение – я.

Та, что следовала за любовью

За солнцем закатным, за полночью,
Где кружится звезд хоровод,
Вся внутренним светом наполнена,
Куда эта девушка поздно так
Во тьме окаянной идет?

Гордячку вы эту не встретили,
Чье сердце любовь позвала?..

Неважно ей – снег там ли, ветер ли,
Цветок на пути иль скала.
Когда ледники превращаются
В потоки, бегущие с гор,
И с грохотом в пропасть срываются,
Мелодией их наслаждается
Она лишь одна до сих пор.

Неужто в снегу не заметили
Нигде вы босой ее след?..
На косах оставил отметины
Уж иней растраченных лет.
Все тропы как будто исхожены,
Знаком поворот ей любой...
Но все же, но все же, но все ж она,
Без устали ищет любовь.

Неужто еще не встречалась вам
Даргинская девушка та,
Что гонит по свету отчаянно
Тоска или просто мечта?
На фоне вершин розовеющих
Нечеткий ее силуэт
Маячит как отблеск слабеющий
Пожара стремительных лет.
Согнуть ее век не отважится,
Как будто не властен над ней...
А если внезапно окажется,
Что страсть ее века сильней?

В утренней росе
Колосья
Звездами горят,
Вот и примиряет
Осень
Золотой наряд.
Занавешен звездным шелком
В небе млечный след...
И сердец влюбленных шепот
Излучает свет.

Перевод с даргинского Марины Ахмедовой-Колюбакиной

ПОЭЗИЯ ИНГУШЕТИИ

Раиса ДИДИГОВА

Раиса Абукаровна Дидигова родилась 9 февраля 1956 г. Образование высшее филологическое. Педагог, поэт, государственный и общественный деятель, член Союза писателей России (2002), член Литературного фонда России (2003), член Международного литературного фонда (2007), член Международного писательского сообщества (2009), член Клуба писателей Кавказа (2009). Заместитель председателя Общественного совета при Президенте Республики Ингушетия (2003–2007). Член Общественной палаты Республики Ингушетия. «Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия»; «Народный поэт РИ»; «Почетный гражданин города Назрань»; «Отличник народного просвещения Российской Федерации»

Имеет многие награды, в том числе Литературную премию «Белые журавли России», Диплом с присуждением Почетного звания «Лауреат шестой Артиады народов России» и статуэткой «Золотой Пегас».

Стихи публиковались на страницах многих газет и журналов России.

Автор четырех сборников стихов и поэмы «Печать пророков». Многие ее стихи переведены на языки народов России.

Поэзия Кавказа

Поэзии Кавказа дух сакральный
Объял реальный мир и идеальный...
Несет он неустанно свет Творца,
Умы им просветляя и сердца.

Невыразимой красоты природа
В культуре запечатлена народов,
А в образах традиций глубина
И ценностная суть отражена.

Там древа жизни видится картина,
Где корни с кроной связаны единым,
Крепчающим из века в век стволом,
На том стволе изломов зрится сонм...

Естественное это сообщение
Скрепляет узы – зоны разветвления;
Одна из них землей поглощена,
Другая – к высоте обращена.

Родной земли живительные соки,
Вливаясь в плодородные истоки
И продвигаясь по стезе своей,
Питают ткани молодых ветвей.

Гармонии незыблемой пространство...
Изменчивость в нем служит постоянству.
Живая предков и потомков связь,
Незримою энергией вьется,

Высвечивает роль и место судеб
И связывает с прошлым все, что будет,
Пронизывает сферу бытия,
Духовностью обогащая явь.

И одухотворение поэтам
Материя, столь сущностная, эта
Приносит, погружая их тотчас
В мир Муз прекрасных, что зовут Парнас.

Сливается с тем чудотворным миром
Мир внутренний поэта, и в эфире
Генетики необычайный код
Вращает смысловой круговорот.

На матрице невероятной этой,
В объятия божественного света,
И мысли, и душа заключены,
Стремятся к высшим уровням они.

Так, избранные для благих деяний,
Мыслители уходят вглубь познаний,

Чтоб, тайны открывая языка,
К архаике пройти через века;
Историей народа непростою
Проникнуться, чтоб быть в ладу с собою,
Изведать самобытный весь уклад,
Познать обычай каждый и обряд;

Постичь древнейших символов значение,
Сокрытое в скупых обозначеньях
И в нравах жизнестойких старины,
Что неизбывной мудрости полны...

В сознание появляются сюжеты
И образы героев невоспетых;
Возвышены и целостны они,
Хотя в воображении даны.

Нисходит вскоре свыше вдохновенье
И строки создают изображение
Эпохи неисследованной той,
Сияющей непознанной звездой.

А кодекс чести горцев нерушимый
Венчает труд, поэтами вершимый;
И явленный лирический герой
Классический обогащает строй.

Он гордо предстает лицом кавказским,
Таким обворожительно прекрасным
Носителем национальных черт,
Что составляют нравственную твердь.

От всех влияний чуждых те творенья
Избавят молодое поколение,
И от глобализационных пут
Сознание его уберегут.

Была всегда спасителем народа
Поэзия бесписьменного рода,
Наследия бесценного собор,
Хранитель языка – живой фольклор.

Так важно языка родного знанье
В стремлении вершин самопознанья
Достичь и идентичность сохранить,
Чтоб никогда манкуртами не быть!

Служившее всему началом Слово –
Всего земного вечная основа,
Создателем ниспосланная в дар,
Изяществом пленяющая чар,

По-прежнему могущественно правит,
Достоинство преемственности славит
И таинствами полнится ее,
Являя все величие свое!

Декабрь 2014 года.

Я – дочь народа своего

Ингушка – я! И тем горжусь,
Я – дочь народа своего;
В благополучии его
Я блага личного добьюсь.

Всегда с народом быть хочу,
И боль, и радости деля...
Ему, взрастившему меня,
Любовью трепетной плачу.

И невозможно отыскать
Гуманнее его души;
Пройдя сквозь беды, ингуши
Не разучились сострадать.

Народ мой не в чем упрекнуть;
Трагична, но чиста стезя;
Все помним, что забыть нельзя,
Дальнейший продолжая путь...

Достойной быть его стремлюсь,
И, заблуждений не тая,
Над тусклой сферой бытия
Я высоко с ним вознесусь!

Июнь 1999 года

Якуб ПАТИЕВ

Якуб Султанович Патиев родился 11 февраля 1953 г. в Казахстане.

В 1978 г. окончил филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова (русский язык и литература). В 1990 г. заочно окончил Ростовскую высшую партийную школу и получил специальность политолога. В 1999 г. окончил курсы дипломатов при Академии Министерства иностранных дел Египта в г. Каире.

Работал на ответственных постах в Администрации Президента и Правительства Республики Ингушетия, министром культуры РИ, министром по внешним связям, национальной политике, печати и информации РИ, главным редактором Общенациональной газеты РИ «Сердало» («Свет»).

Кавалер ордена «За заслуги» РИ.

Автор более 40 книг: сборников стихов, монографий о жизни и творчестве классиков ингушской литературы, сборников документов и хроник.

Член Союза писателей России.

Член Союза журналистов России.

Народы спорят, кто древнее,
Кто первым в мир явился наш.
От самовеличия пьянея,
Вошли в бессмысленный кураж.

Одни, «освоив» земли прежде
Адама, Евы, их детей,

Зовут народ к войне в надежде
Владельцем стать планеты всей.

Ведут себя скромней другие,
Им – полстраны. Ждут до поры.
И в узлы завязав тугие
Запросы, точат топоры.

До хрипоты друг с другом спорят,
Где чей кусочек, кус земли,
Где та страна, за мир в которой
Все предки их костями легли.

Ни общность предков и религий,
Ни прошлых опытов печаль
Не учит их. Надев вериги,
Зовут людей вслепую, вдаль.

Но все ж в итоге, без сомнений,
Из прошлого известно нам:
Плоды побед и обретений
Одним достанется вождям.

О, как опасна женщина во гневе,
Коль жребий брошен, месть ее страшна.
Пушай горите в яростном огне вы,
Помиловать не вздумает она.

Опутает коварством, ложью, лестью,
Пусть смерть грозит ей, а свое возьмет.
Но только, вдоволь насладившись местью,
Проплачет горько ночи напролет.

Женщина боксирует на ринге

Женщина боксирует на ринге,
Убивает женственность свою,
И моя душа застыла в крике
На пределе гнева, на краю.

Матерится женщина похлеще
Чем мужчина, усмиряя нрав,
И спиртное без оглядки хлещет,
Напрочь материнство растеряв.

Вкалывает женщина, как лошадь,
Будто деньги хочет все собрать,
И идет на митинги, на площадь,
Призывает бить и убивать.

И глаза горят, а не сияют,
И от гнева перекошен рот,
К бою, а не к жизни призывают.
Кто же им их женственность вернет?

В сапогах солдатских, с автоматом
Маршируют женщины порой,
И витает яростным набатом
Женская жестокость над землей.

Кто виновен в этом преступлении,
Время иль мужчина? Чья вина,
Что живет как будто в исступлении
Мать, сестра, подруга иль жена?

Скажите: перевелись мужчины,
Некому лелеять, заменить,
Но такой не свете нет причины,
Чтобы женщин нежности лишить.

Возвратите женщину скорее
К колыбели детской, к очагу,
Пусть ее душа планету греет,
Перед нею мы еще в долгу.

На балы верните, в кабинеты,
На работы, где душа нужна,
Самые прекрасные на свете,
Мать, сестра, подруга иль жена.

Пусть не автоматом, а цветами
Будут руки заняты ее,
И тогда, вы убедитесь сами,
Станет краше наа земле житье!

Мечети строя, мой народ
Благим порывом движим.
Число духовных лиц растет,
А нравственность все ниже.

Нам цель одна желанна:
Богатым стать скорей.
Но чем полней карманы,
Тем нище дух людей.

Гаджеты попробуй ты отвергни-ка,
Их куда стремительнее бег.
С каждым днем все совершенней техника
И несовершенней человек.

Ведут себя, как соль земли,
Порой последние тупицы.
Но как ни складывай нули,
Из них не сложишь единицы.

Уверяет цитатой мудрец не один,
Что богатство души – над судьбой властелин,
Я и сам бы хотел обладать этим даром,
Но с богатством души не пойдешь в магазин.

Малика САГОВА

Малика Юнусовна Сагова – поэт, член Союза писателей РИ. Образование высшее филологическое и высшее экономическое.

Пишет на русском и ингушском языках. Первая книга «Безаман ала» («Пламя любви») вышла в 1996 году. В настоящее время работает в ГБОУ гимназия «Марем» учителем русского языка и литературы.

Стихотворения Саговой Малики Юнусовны в разные годы печатались на страницах газет «Сердало», «Ингушетия», «Голос Назрани», в журналах «СелаГад», «Литературная Ингушетия», «Гений», в коллективных сборниках.

Мерзнут кости...

Мерзнут кости,
Как будто холод
Обволакивает изнутри.
Приходи ты сегодня в гости,
Потуши все мои костры.
Позабавься осенней хворью
И печальки еще подкинь.
Слишком долго ты был моей кровью,
Чтоб остаться сейчас один.
Это я виновата много,
Год за годом ждала огня
И тебя совершенно чужого
За родного на миг приняла.
Это я за двоих горела,
Чтобы стало чуть-чуть теплей.
Растворилась в тебе. Заболела
И от сути ушла своей.
Этот холод, ужасный холод
Будто все превращает в лед.
Тот, кто надвое был расколот,

Непременно меня поймет.
Приходи ты сегодня в гости,
Взглядом гордым, пустым окинь.
Нет к тебе ни обиды, ни злости,
Но уйдешь ты отсюда один!

Острога,
 тюрьма,
 золотая клетка —
Называй как хочешь.
Горькую пилюлю вместо конфетки
Ты давно напророчил.
Вроде не дура,
 а жить не умею:
Все по твоим шаблонам.
Еще непонятно — горю
 или грею,
Или кошу под клоуна.
Строй фальшивый,
 или строки вшивые —
Грош цена всем страницам.
Я притворюсь безучастно-счастливой,
Нервно взмахнув ресницами.

Мы с тобой две души «беспланетные»,
В параллелях зеркальных живем.
Среди тысячи лиц незаметные
Мы навстречу друг другу идем.
И землянам, подверженным слабостям,
Не понять нашу легкую грусть,
Что их мелкие горести, радости
Изучили с тобой наизусть.
Мы с тобой, уже вечность бескрылые,
В этом мире покой не нашли.
Знаешь, папа, как долго любила я
Тех, кто даже не знал о любви!
На земле, сотворенной пороками,
Призывал ты все время к добру.
Я шагаю твоими дорогами.
И, наверно, как ты, я умру.
Летний вечер слегка загорается.
Гаснут солнца кривые лучи.
На земле в одиночестве маюсь я.
Где-то в вечности маешься ты.

Одиночество

Одинокий Есенин, тоскующий Блок
В моем сердце навеки сошлись воедино.
Есть глубокие мысли, что слышит лишь Бог,
От того на висках проступают седины.
Жаль людей. Их исход был давно предreshен,
Только каждый из них верит в счастье и чудо.
В городских «человечниках» слышится звон:
Умирают, рождаются, чувствуют люди.
Одиночество – избранных тяжкий удел.
Свет и тьма для таких, как одна безысходность:
На земле побеждает, кто выше взлетел,
А за души торгуется рай с преисподней.
И во всех измерениях какой-то лимит,
Что ни ангел, ни бес исчерпать не сумеют.
Одиночество снова во мне говорит.
И осеннее солнце на небе тускнеет.

Эти осколки из прошлой весны
Ты неуверенно держишь в руках.
Где я?
 Где ты?
 Кто мы?
Жизнь – это вечный отчаянный страх:
Страх потерять
 Или не обрести,
Страх не увидеть
 Или не спасти.
Что-то мешает любить и вздыхать,
Кто-то дышать не дает перестать.
В вечной погоне за призрачным счастьем
Боль –
 в висках,
Чувства –
 в прах,
И сердце –
 на части.
Эти осколки из прошлой весны
Детские наши простые мечты.
Чью-то сегодня играешь ты роль,
Но не выкидывай память и боль.

ПОЭЗИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Исмаил БЕЙТУГАНОВ

Исмаил Расулович Бейтуганов – балкарский поэт, писатель, общественный деятель. Родился в с.п. Нижний Чегем Кабардино-Балкарской Республики. Член Союза писателей России; член Союза журналистов России.

Председатель Правления Кабардино-Балкарского регионального отделения Союза писателей России.

Исмаил Бейтуганов является автором книг «Атламла» («Шаги»), «Ер жол» («Крутая дорога»), «Игилик излей» («В поисках добра»), «Ай жарыкъда» («Под лунным светом»), «Танг белгиси» («Признаки утра»); составителем литературно-художественных изданий: «Время слова», «Жанады энтта отубуз» («Вновь горит наш огонь»), «Тил – тин сакълар» («Язык – хранитель духа») и др.

Стихи Исмаила Бейтуганова переводились на русский, белорусский, узбекский, башкирский, казахский, кабардинский языки.

В разные годы Исмаил Бейтуганов работал редактором, ответственным секретарем литературно-художественного и общественно-публицистического журнала «Минги-Тау» («Эльбрус»), директором Центра балкарской культуры Кабардино-Балкарского государственного университета.

Он является автором более 95 научных исследований и 5 патентов на изобретение.

В прошедшее уходят день за днем,
Мечты, тревоги, думы и печали...
Сгустились тучи над моим селом –
Дома в нем сиротеть все больше стали.

Обманутых надежд и мне не счесть.
Душа болит, как раненая птица,
Припомнив беглецов из этих мест,
Молю об их прозрении Аллаха.

Кого-то проводил в последний путь,
Могил моих ровесников немало.
И скот давно селяне не пасут,
Травой земля вокруг позарастала.

Мне не везло с друзьями много раз –
Негаданно-нежданно предавали.
На тех, кто оставлял в тяжелый час,
Смотрю я из другой – правдивой дали.

Я никому плохого не желал
И помогать, чем мог, всегда старался.
Один оставшись, тихо угасал
И заново для жизни возрождался.

Друг мой сердечный, названный мой брат,
Где ты остался в горькую минуту?
Я жизнь готов был за тебя отдать,
А ты не рвешься развязать мне путы.

Придешь ко мне когда-нибудь потом,
Когда душа внезапно занедужит.
Я помогу, не помня о былом,
И радостно Пегас меня закружит...

Предательства от близких не терплю,
Прощает разум, сердце не прощает,
Когда кого-то искренне люблю,
То горевать оно не прекращает.

Перевод с балкарского языка Валерия Латынина

Завет родителей

Что было необычного в судьбе?
Что думал я не только о себе,
Не наживал врагов, добро дарил,
Работал, не жалея дней и сил?

Не хвастал я победой никогда,
Поддерживал, когда пришла беда.
Не стыдно, о Аллах, назад взглянуть,
Я никому не перешел там путь.

Я к славе не стремился ни на миг,
Не строил козни, не сплетал интриг,
С рождения учили мать с отцом:
Не быть и в самом малом подлецом.

Родина моя – Россия!

Россия, славься – Родина моя!
Пусть процветает гордая земля,
Державно протекает Енисей,
Вбирая силу водных рубежей.

От бед ты защищаешь и врагов
До самых отдаленных берегов,
Надежен материнский твой покров.
Россия, славься – Родина моя!

Ты помощь всем готова протянуть,
Добром и светом укрепляя путь,
Вся сила – в Правде, в этом будет суть!
Россия, славься – Родина моя!

Героев память чтит моя страна,
Не покорит жестокая война,
Народ врагам отпор дает сполна.
Россия, славься – Родина моя!

Ты – крепкой дружбы подлинный пример
И ничего не требуешь взамен,
В твой строй не встанет трус и лицемер.
Россия, славься – Родина моя!

Растишь детей для мирного труда,
Но защитишь границы ты всегда,
Какая б ни нагрянула орда.
Россия, славься – Родина моя!

В тяжелый час согреешь ты сердца
И слову будешь верной до конца,
В полет отправишь каждого птенца!
Россия, славься – Родина моя!

Россия, славься – Родина моя!
Пусть процветает гордая земля,
Державно протекает Енисей,
Вбирая силу водных рубежей.

Перевод с балкарского языка Нины Поповой

Анатолий БИЦУЕВ

Анатолий Муратович Бицуев – кабардинский поэт. Родился в 1946 году в селе Аушигер Черекского района Кабардино-Балкарской Республики. Учился на филологическом факультете Кабардино-Балкарского государственного университета, окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры КБР. Лауреат Государственной премии КБР.

Жизнь наша удивительно мудра,
Жизнь наша энергична без предела.
Она ребенку скажет: «Вот – игра»,
Она напомнит взрослому: «Вот – дело».

А что такое жить? Идти вперед
К вершине мастерства, познания, мысли,
И, если даже смерть тебя зовет,
Уметь услышать позывные жизни.

...Остругивая бревна для ворот,
Старик не помышляет о надгробье.
Жизнь тем мудра, что без конца живет,
А человек – он вечности подобье.

Летел по небу журавлиный клин,
От наших мест все боле удалялся.
Но так случилось, что журавль один
Не поспевал за всеми, он снижался,
Спускался он с подоблачных вершин
И на земле в конце концов остался.

Портрет

Давно мы залечили раны –
Земля родит и созидает,
Но черный пепел оседает
Еще на траурные рамы.
Вновь со стены старушка снимет
Веселый довоенный снимок
И посидит наедине
С парнишкой, павшим на войне.
Старушка слезы утирает,
Старушка имя повторяет
Того, кого на свете нет,
Кому всегда – семнадцать лет.
Ей в утешение осталась
Лишь фотография под старость...
На скольких женщин со стены
Глядят убитые сыны!
С времен войны, с минут Победы
Висят, не старятся портреты.
И лишь прибавилось морщин
У матерей за всех мужчин.
Я вижу горькую приметку:
Склонилась чья-то мать к портрету.
Смеется сын, рыдает мать... –
Не нам об этом забывать!

Однажды, возвращаясь от любимой,
Я крикнул птице в хмари голубой:
«О ты, чья тень на выси нелюдимою
Качается, сравнимая с судьбой,
Сегодня мы, как жизнь и смерть, едины,
Сегодня я могу парить с тобой!»
Но посмеялась птица надо мною.

«Ты, видно, по земле ходить устал!
Но правило одно: земным – земное,
И не видать вовек вершины скал
Тому, чья участь в небе быть изгоем...
И только так! Знай свой шесток, бахвал!» –
Промолвила она, давясь от смеха
Над глупыми, тщеславными людьми...
Она не знала, будучи от века
С небесной несмышленостью в крови,
На что способно сердце человека
В минуты вдохновенья и любви!

Когда ты письма жгла мои, желая
Совсем освободиться от меня,
Неугасимой мукою пылая,
Мои глаза глядели из огня.
Когда ты, собираясь на свиданье
С другим, смотрелась в зеркало свое, –
Вдруг накололась, как на острие,
На взгляд мой, полный боли и страданья.
Но ты забыла сразу же про это,
Воспоминания отбросив все,
Когда ты шла с ним сквозь ночное лето
По травам в холодеющей росе.
Ты шла с другим, разбрызгивая росы,
Их каблуками быстрыми дробя.
А это были слезы... просто слезы,
Которыми оплакал я тебя!

Снег идет

Снег идет...
Скрываясь от тепла,
Вслед за ним иду я наугад,
Только не уйти мне от тебя:
Ты всегда любила снегопад.
Снег идет...
А я иду за ним,
Он попутчику любому рад.
Где-то смотришь ты на снег с другим...
Ты всегда любила снегопад.
Снег идет...

Весь город замело,
Снег идет который час подряд.
Снегопаду больше повезло:
Ты всегда любила снегопад.
Мне б через сугробы и года
Миновать бы прошлое в обход...
Только как забыть тебя, когда
Снег идет?
Снег идет...

Перевод Инны Кашежевой

Сердце матери

Мать, крепи свое сердце,
Ты, верная, стала вдовой.
Мать, крепи свое сердце,
Твой сын не вернется домой.

Сколько раз приходилось
Тебе свое сердце сжимать!
Нынче снег на вершинах
Темнее волос твоих, мать.

Я боюсь за тебя,
Твое сердце истерто печалью.
Нынче стало оно
Тоньше выцветшей свадебной шали.

Горечь в сердце твоём,
В нём, как в небе, высоко и чисто.
Мать, крепи свое сердце,
Скоро радость в него постучится.

Мольба

Прошу тебя, не тронь ребенка, смерть!
Он в этой жизни ничего не видел,
Не знал еще ни счастья, ни обиды,
Не заслоняй ему собою свет!

И юношу, прошу тебя, не тронь!
Живет грядущим радостное сердце.
Быть может, он любовь сегодня встретил,
Смотри, он молод, молод и влюблен.

И старого не тронь, прошу тебя!
У деда на коленях внук смеется,
И тихо старость щурится на солнце
И радуется жизни, как дитя.

Перевод Ларисы Маремкуловой

Аскар ДОДУЕВ

Аскар Тауканович Додуев – балкарский поэт. Народный поэт Карачаево-Черкесской Республики, заслуженный работник культуры Республики Ингушетия. Родился 24 января 1953 года в Казахстане, в Каратальском районе Талды-Курганской области, в с. Тельман. Образование высшее, в 1978 году окончил физико-математический факультет КБГУ по специальности – математика, преподаватель математики. Работал учителем математики в средней школе, тренером-преподавателем по вольной борьбе в ДЮСШ КБР, завотделом поэзии в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Минги-Тау», заместителем главного редактора ГТРК КБР, ведущим художественного вещания на балкарском языке государственного ТВ КБР. В 2007 году Правление Союза писателей КБР единогласно избрало главным редактором ГКУ журнала «Минги-Тау», где работает по настоящее время.

А.Т. Додуев автор десяти поэтических сборников и более 3000 телевизионных передач и телевизионных фильмов, а также является автором проекта ТВ КБР «Венок дружбы» (1992 г.). Он печатался в центральных СМИ Москвы, Анкары, Казани, Уфы, Ташкента, Баку, Бишкека, Алматы, Софии, Владикавказа, Махачкалы, Назрани, Грозного, Элисты и др. Награжден высшей наградой КБР (Почетной грамотой Главы КБР), грамотами Правительства КБР, Парламента КБР, СЖ РФ и др.; Лауреат премий СЖ КБР (2004, 2005 г.), Правительства КБР (1998 г.), Четвертого Международного литературно-музыкального фестиваля Дружбы народов «Белые журавли России» (Москва, 2014 г.).

Избирался депутатом Парламента КБР IV созыва (2009-2014 г.).

Вечер

Однажды горизонт пылал закатом,
А я и не заметил на пути:
Так исчезала молодость куда-то,
Чтоб даже ночью в сон мой не прийти.

Но только сон порой бывает вещий,
А ночь бывает явственнее дня,
И я молчу вблизи красивых женщин –
Их чувствам больше не согреть меня.

В их твердом «нет» – величие покоя,
В их «да» – росток моей постыдной лжи...
Но стоит ли о кудрях нам с тобою,
Как о годах, утраченных тужить?

Не жаль волос – предателей отныне,
Не жаль того, что исцелит вино,
Арбы, когда-то сломанной в долине,
Дождей, упавших озеру на дно.

Не жалко понапрасну время тратить,
Ведь горизонт – не означает край,
И он всегда пылает на закате
Светлее чем заря, ты это знай.

Камень и трава

Упал на землю камень со скалы,
Как срубленная кем-то голова.
Теперь в лощине острые углы
Ему ласкает нежная трава.

Трава не знает, кем тот камень был,
Как проводил бесчисленные дни
И почему лежит теперь без сил,
Без цели и без каменной родни.

А прежде ледяному ветру брат
И проливным дождям был камень тот,
Поверил, что стал легче во сто крат,
И ринулся в единственный полет.

Он падал вниз, но прежде, чем затих,
Не ведая о том, кто впереди,
Своих не замечая и чужих,
Всех разметал без счета на пути.

Но здесь, в лощине знать не суждено,
Какой дорогой к ним пришел сосед,
С кем он боролся, с кем был заодно,
И осуждать его – причины нет...

Трава ласкает камня своего,
Траве о прошлом думать нет нужды,
Так с тем, о ком не знаем ничего
У нас не будет никакой вражды.

Перевод Александра Пряжникова

Черед

Я, утомленный, сел на камень,
Застыл в молчании святом,
Почувствовав родство с цветами,
Травой, дорогой.
Но потом
Услышал странный спор с тревогой –
Меж камнем,
Лесом и дорогой.
За непонятным этим спором
Мне странно было наблюдать,
Но силы не было вставать.
Следя за тайным разговором,
Я только голос камня слышал,
Как будто это голос свыше...
Я понял мудрость мирозданья,
Есть в этом мире свой черед.
Он не зависит от желанья.
Пускай хоть миг,
Хоть век пройдет...
Сегодня я сижу на камне,
А завтра все наоборот.

Перевод Г. Гагариной

Коршун

У вершины, закованной льдом,
Коршун чертит по небу круги,
Здесь его родовое гнездо,
Здесь его не достанут враги.

Солнце – путник, бредущий пешком,
Лишь для тех, кто живет на земле,
А для коршуна в небе живом
Солнце – всадник, сидящий в седле.

Только голода в царстве снегов
Даже коршуну не одолеть,
И тогда завлекает его
Дно ущелья, где падаль и смерть.

Пропасть ныне ему выше гор,
Краше светом залитых громад,
И милей, чем небесный простор
Мертвой плоти назойливый смрад.

Ныне коршун утробой пленен,
И, отвергнув небесную высь,
За добычею легкою он
Как подстреленный падает вниз.

Целый мир перед нами открыт,
Правда, есть упущенье одно:
Тех, чей разум утроба пленит
Ожидает паденье и дно.

Перевод А. Пряжникова

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

Танзиля Мустафаевна Зумакулова – балкарская поэтесса, народный поэт Кабардино-Балкарской Республики, народный поэт Карачаево-Черкесской Республики, Лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького. Родилась в 1934 году в селении Гирхожан (ныне город Тырныауз) Кабардино-Балкарской Республики. Десятилетней девочкой была вместе со своим народом депортирована в Киргизию, где в полной мере испытала всю горечь и тяготы жизни на чужбине.

За долгую творческую жизнь из-под пера Зумакуловой вышло более 30 книг, в том числе трехтомник избранных произведений на балкарском языке, однотомник избранных стихов и поэм на русском языке в издательстве «Художественная литература» в Москве, а книга «Сокровенность» была отмечена Государственной премией РФ им. Горького. В 2009 году за сборник «И жизнь, и песнь моя для вас» Танзиля Зумакулова была удостоена международной литературной премии им. С. В. Михалкова. По ее «Антивоенной поэме» композитор Александр Чайковский написал первую балкарскую оперу, которая была поставлена в Музыкальном театре в Нальчике.

Сегодня Танзиля Зумакулова является членом Правления Кабардино-Балкарского регионального отделения Союза писателей России.

Два языка

Родной язык – ничем не заменимый, –
Он дорог всем. Все отразилось в нем:
Земля и небо, осени и зимы.
Понятен вздох на языке родном.

Родной язык! В нем нежность, вечность, сила.
Я с ним росла: и не по букварю
Сладчайшие слова произносила –
Сначала «мама», а потом – «люблю».

На языке родимом ропщут ели,
Журчит река и шелестит листва.
Как я внимала песне в колыбели –
Так мне внимают камень и трава.

Завешанное предками богатство
Мы сохраним навек в родном краю.
Язык отцов! С тобой нельзя расстаться, –
Тобой живу и – как могу – пою.

Добра желаю людям и Отчизне.
И если с речью разлучусь живой –
Лишусь всего. Тогда не нужно жизни,
Я лучше стану камнем и травой.

Но русский есть язык. И он навеки
Мне близок и понятен, как родной.
Две речи в моем сердце, будто реки,
Звучат, текут, становятся одной.

Забыв родной язык – я онемею,
Утратив русский – стану я глухой!

Перевод Г. Ефремова

Меня в огонь швыряли столько раз
И кипятком ошпаривали тело...
Когда в глаза мне льстили напоказ,
Колючки в спину тыкали умело.
Злословили, не закрывая ртов,
И двери в ад мне отворить хотели...
Как уцелела я средь этих псов,
Как целиком они меня не съели?

Всевышний, я прошу Тебя о том,
Когда нагрянет старость ко мне в дом,
Рассудка не лишай меня, Господь,
Ведь он важней, чем немощная плоть.
А если вдруг оставишь без гроша,
Достоинства меня Ты не лишай
И чести не унижь моей, Аллах,
Не дай мне пережить потери страх.

Не причини ужасную мне боль –
Детей родных оплакать не позволь!
Молю, не дай, Всевышний, испытать
Мне в жизни одиночества печать.
И зрения меня Ты не лишай,
Пока жива в стихах моих душа.
Но если станет мне совсем невмочь,
Ни сына не обременяй, ни дочь...
Коль мой огонь погаснет изнутри,
В тот день меня к себе Ты заberi!

Перевод с балкарского Марины Ахмедовой-Колюбакиной

Мы временем умеем дорожить,
Часы бывают лишними едва ли.
И всадник друга ждет на перевале
не потому, что некуда спешить.

И ношу со спины того, кто хил
берет на спину человек прохожий
не потому, что слишком много сил
и он растратить их никак не может.

И человек не потому, что сыт,
свой скудный хлеб голодным предлагает.
И мать не от бессонницы не спит
и люльку полуночную качает.

В морских волнах, в пороховом дыму
безвестный мальчик за святое дело
жизнь отдает совсем не потому,
что жить ему на свете надоело.

Нам, людям, каждый час необходим,
ни лишних сил, ни хлеба не бывает,
и отдающий отдает другим
лишь то, что от себя он отрывает.

Ни у кого нет жизни запасной,
Как век ни долог – не хватает века,
Но все же люди жертвуют собой,
оправдывая званье человека.

Перевод Наума Гребнева

Нелли ЛУКОЖЕВА

Нелли Галимовна Лукожева – кабардинский поэт, писатель, драматург. Родилась 15 сентября 1959 года в селении Верхний Курп Терского района Кабардино-Балкарской Республики. Окончила Витебский индустриально-педагогический техникум, историко-филологический факультет КБГУ, отделение русского языка и литературы, кабардинского языка и литературы, а также отделение журналистики на факультете общественных профессий при КБГУ. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. Автор первого литературного эссе на адыгском языке, первая кабардинка, обратившаяся к балетному жанру, автор либретто балетных спектаклей «Метаморфозы души», «Рисунки ветра». По ее произведениям «Шыра» и «Благое деяние» сняты телевизионные художественные фильмы. Автор более 250 статей культурно-творческого направления, сборника рассказов и эссе «Шорох» («Щхъыщхъ макъ», 1998), сборника стихов «Лепестки» («КъапыцIий», 2000), книг «Ветерок и Перекати-поле» на кабардинском и русском языках (2006), «Метаморфозы души» (2007), «Всходы души» («Жылапхъэ», 2009), пьес «Шикумци» (2016), «Плачь дерева» (2018), «Сапфир-звезда» (2020).

Работала заместителем директора школы культурного наследия им. Ж. Казаново, заместителем директора Детской школы искусств, методистом Института бизнеса, проректором Авторского университета, главным редактором журнала «Ориентир», преподавателем Северо-Кавказского Института Искусств.

Грести по волнам тяжких испытаний,
Наперекор стихии и ветрам,
Непросто было мне. Но неустанно
Стремясь к тебе, стихии не отдам
Той песни, что несу тебе в горсти.

А нынче лодку жизни не спасти –
Вмерзает в лед, не поддается веслам,
Ни повернуть, ни плыть и ни грести,
Вода замерзла, и на льду белесо
Моя седая тень едва сквозит.

Надежды стыннут, и глаза слепит
Бескрайний лед в объятьях непогоды,
И сквозь него мерцает и горит
Один узор. И под небесным сводом
Заходит мое солнце слишком рано.
А жизнь идет своим обычным ходом.

Близился твой мир ко мне,
Я к тебе свой мир сдвигала –
Так сближались мы помалу,
Вот почти наедине.
Слишком близко подошли,
Отшатнулись – разошлись.

Его увидев, каждый раз
Я вздрагиваю. Бьется
Душа моя, клубком кружась,
И мечется, и рвется.

Неистовая, что стоишь,
Как конь неукротенный,
И мною править норовишь,
Печалью занесенной?

Как быстро прибрала к рукам
Ты вожжи одиночества!
Я буквой не солгу словам,
Словами – духу творчества.

И одиночество, и смерть,
Вы мчитесь в состязании,
Оставьте мне любовь и свет
В пути на пропитание.

Как в этом мире пусто... Пустота.
Гнетет тоска и убавляет силы.
Тянусь за жизнью, пусть невыносима,
Но призрачна земная маета.

Как в этом мире пусто... Сирота,
Сажу у одиночества в подоле;
И год тягуч, и ноша не снята,
Которую несу по чьей-то воле.

Как в этом мире пусто... Без тебя.
Нет воздуха. Ты все пропасть грозился.
Но неужели, нашу жизнь кляня,
Меня пропасть заставить торопился?

Махонькое детство,
Помню, как во сне,
Как ты с малолетства
Песни пело мне.

И сегодня тоже
Песни мне поешь.
Как забыть? – Не сможешь,
С ними и живешь.

Солнечный цыпленок
Бродит в моих снах,
Детство – как ребенок
На моих руках.

Помню юность новью
Яростных надежд.
Я больна любовью,
Юность – мой рубеж.

К ней с тех пор доныне
Я пригвождена,
А теперь морщины
Властвуют сполна.

Словно контур шрама,
Портят мне лицо,

Кажется, что раны
Нанесли резцом.

А лицо иль совесть –
Что там, не поймешь –
Шепчут: «Это повесть,
Весть, как ты живешь.

Не в морщинах беды,
Клясть их не спеши,
Сохрани от следа
Чистоту души».

Переводы Миясат Муслимовой

Тебя оплетающих жизнью число бесконечно.
Откуда взялась ты? Исчезнешь? Пребудешь ли вечно?
Земля моя, свет мой, пристанище бренного тела.
Ты знаешь, мой голос, но что бы услышать хотела?

Нужна ли я жизни, которой мне срок неизвестен?
Нужна ли мне ты, моя жизнь (коль вопрос мой уместен)?
Должна ли в закалке достичь охлажденья, нагрева
Душа моя, данная как благодарности древо?

Никто из живущих не мог отрицать – жизнь прекрасна.
Иные, итог подводя, говорили: напрасно.
А сколько людей упрекают тебя ежечасно,
И нет никого, кому в жизни все было бы ясно.

Кому-то лекарство даешь ты, кому-то – отраву,
Достойному камню достойную дашь и оправу.
От собственных выдумок ты никогда не скучала,
Ты – сказка, в которой конец это только начало!

Перевод Владимира Мамишева

Сакинат МУСУКАЕВА

Сакинат Азноровна Мусукаева – балкарская поэтесса, писатель. Родилась в 1957 году в Киргизии. Окончила филологический факультет КБГУ. Трудовую деятельность начала в издательстве «Эльбрус» в 1980 году. Была корректором, мл. редактором, тех. редактором, вед. редактором учебного отдела. в 1998 году на съезде Союза писателей КБР была избрана главным редактором республиканского журнала для детей «Нюр». С 2025 года – редактор отдела культуры газеты «Заман» («Время») ГКУ «КБР-Медиа».

Член Союза писателей России с 1991 года, Союза журналистов России с 1993 года. Награждена медалями Р. Гамзатова, К. Кулиева, М. Ломоносова, главной журналистской наградой Союза журналистов России – знаком «За честь, достоинство и профессионализм», почетными грамотами многих ведомств. Ей присвоены звания «Заслуженный работник культуры КБР» и «Отличник культуры Республики Кыргызстан».

Сакинат Азноровна автор более 40 книг прозы, поэзии, литературоведения, нескольких учебников, составитель двухтомника «Карачаево-балкарские народные сказки».

С. Мусукаевой переведены киргизский эпос «Манас» и «Древние казахские сказания», куда вошли эпосы «Кобланды-Батыр», «Кыз-Жибек», «Алпамыс», «Камбар-батыр».

Беседа

С луной начинаю беседу свою –
У прошлого встану опять на краю.
Услышит ли кто? Что захочет сказать?
А может, посмотрит с печалью в глаза.

Вот катится солнечный диск колесом...
А след он оставит? Что будет потом?
Заход вечерами, восход поутру –
Так землю светило готовит к добру.

Уходят и люди – безмолвно... опять...
Сердца уходящих не могут солгать.
Уносит их души печальный закат,
И нет им дороги вернуться назад.

Хранит память свято улыбку отца,
Шаги во дворе. Деревцо у крыльца.
И мама под яблоней... Старый сундук,
Набитый до верха, припомнится вдруг.

Нагрудник серебряный, пояс в камнях
Сверкнет позолотой в забытых вещах.
Сережки чудесные, кольца и ткань –
Ушедшему времени дивная дань.

За дверью – намазник тяжелый висит,
Из турьей он шкуры, солиден на вид,
Он бабушкин. Четки узнаю всегда!
Так память душевно листает года...

Навсегда

Я ушла навсегда. Ты меня не зови –
Родилась в холода, без весенней любви...
Без тебя я умру от студеной тоски,
Будет сердце кровить – взято болью в тиски.

Буду в лютую вьюгу незряче бродить,
Будет черная муть прятать звезды в груди...
Нет лекарства душе, ветер свился в буран,
Входит стужа в судьбу, словно чей-то обман.

Отыскала я путь, но дорога во мгле,
Все окутано тайной: на тонкой игле –
И шаги, и слова... Никого не сыскать.
И на сердце стоит роковая печать.

Что о счастье жалеть, раз не мне суждено?
Я ушла навсегда, лишь одно мне дано –

Умереть... и воскреснуть... но только – другой!
Я ушла навсегда, оставаясь с тобой.

Жизнь

1

В копилке чувств, изведанных душой,
Есть бронза, медь и золота восторг,
Цветенье вишен давнею весной
И синий шелк небесный без тревог.

На тропках неизмятая трава
Пылает изумрудом от росы,
В цветах лугов таится синева –
Нарву букет невиданной красоты.

Тускнеет солнце, чувствуя закат,
Взгрустнуло на скале, роняя свет.
Лучи, как слезы, трепетно дрожат...
Коснуться солнца бы рукой! О, нет!

Уносит солнце на рогах марал,
Слились в единстве свет и глубь реки...
Никто из нас тогда не замечал:
Аул так мал, дороги так узки!

2

Ласкает солнце наш просторный дом,
Хлопочут мама, бабушка, отец...
Там братья, сестры – вся родня кругом
И свет Отчизны в очагах сердец.

Как палочки-лошадки скачут дни,
И дразнит эхо бойкий ветерок.
Погашены далекие огни –
Коротенький всегда у детства срок...

Взлетает юность на крыле мечты,
Струятся сны, звучит любви напев,
В нем столько света, столько красоты!
Через века звучит, не устарев.

3

Нетерпелив у молодости шаг –
Преграды и невзгоды победит!

Не удержать – широк ее размах,
Она летит, как счастье, впереди!

К ее победам укоризны нет –
Настойчиво меня к себе зовет:
Смотрю назад – там лучезарный свет
И крылья рассекают небосвод.

О, сколько было чувств и ярких встреч –
В глубинах сердца или на бегу,
Но я пыталась лучшее сберечь,
И этот свет – особо берегу.

Из осени видна весны мне суть,
Ласкает молодость печальный взгляд:
Колючки и шипы – мой горький путь,
Как много мне потери говорят!

4

У жизни небывало скорый ход,
Упущенного больно хлещет плетъ.
Вот знать бы все уроки наперед! –
Что толку нам потом о них жалеть...

Возможности исправить не найти –
Ведь нет следа прошедшего дождя...
Кто растерял мечтанья на пути –
Во многом потерял и сам себя.

И я в таких потерях наравне.
И впереди – метельная зима.
Но страха нет и боли нет во мне,
Есть Божья воля, ведаю сама.

Судьбе не зачеркнуть весенних строк,
Пусть осень и приносит урожай.
Когда моей поре наступит срок,
В цветенье вишен я ушла бы – в май!

Перевод с балкарского языка Нины Поповой

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ

Мурадин Мусович Ольмезов – балкарский поэт, писатель, драматург, переводчик, лауреат Государственной премии Кабардино-Балкарии в области литературы и искусства. Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР в Москве. Автор более 20 книг, изданных на балкарском, русском, французском и азербайджанском языках в Нальчике, Москве, Париже и Баку.

Член Союза писателей СССР (России) и Союза Российских писателей. Живет в Нальчике.

Устала река течь,
ей бы в небо
взлететь,
волнами мощно взмахнуть.

Устало дерево стоять,
ему бы
за ветром
бежать,
от земли оторвавшись.

Устал от молчания
камень,
ему бы расколоться

с грохотом,
брызжа колкими искрами.

Устал ветер
бродить без конца,
ему бы раздеться
и девушкой
в воду броситься,
брызги вокруг!

Перевод с балкарского А. Прокопьева

Все одному

Сон – как ночная сорочка, вся в звездных лучах.
Сильные руки лежат у нее на плечах.

Может в постели еще полежать она час
Прежде чем встанет, в дневной свой наряд облачась.
Некуда ей торопиться – ведь день выходной.
Шторы опущены. Можно побыть ей одной.

Стройное гибкое тело и тяжесть грудей –
Все предназначено лишь одному из людей.

В платье весны суждено ей пройти этот день –
Птицы на нем, облака, первоцветы, сирень.

Радость для сердца – нести красоту по весне.
Все одному – и пока еще только во сне.

Близится вечер – ночная сорочка в лучах,
Сильные, смелые руки на юных плечах.

Объятие

А знаешь, в то утро я даже не ведал, кто ты,
Красивой тенью ты виделась мне тогда.
Но летний дождь тебя проявил как фото,
И ты не знала, где спрятаться от стыда.

Дождь обнял тебя, облепил твое тело,
Стройное, словно статуя божества.

Встречные оборачивались то и дело,
И ты краснела, слушая их слова.

Я тщился тебя оградить от людей,
Но в грешных мечтах уже миловал влюбленно
Завязи маленьких, млечных твоих грудей,
Темную впалость пупка посредине лона...

А ливень уже совсем растворил твоё платье,
И ты, растаять готовая от стыда,
Подступилась вплотную ко мне тогда
И как неизбежность мое приняла объятье.

Дорога к тебе

По грязной дороге к дому с края села
Маленькой нищенкой поздняя осень шла.
Я шел к тебе и надежду бережно нес
Перед собою словно охапку роз.

Ослик жался к забору, а сам я был
Робок, застенчив, неповоротлив, хил:
Букет подмышкой и задран ворот плаща.
И крылья ворон свисали с ворот, трепеща.

Я много слов заготовил в сердце своем,
Они живым, негасимым горят огнем.
Их не погасят ни мороси, ни ветра –
Только улыбка твоя, если нет в ней добра.

Перевод с балкарского А. Шарановой

ПОЭЗИЯ КАЛМЫКИИ

Татьяна БАДАКОВА

Татьяна Ивановна Бадакова родилась в г. Ханты-Мансийске. По профессии – инженер-программист. Стихи начала писать в юности. Окончила курс «Литературное мастерство» (преподаватель Андрей Воронцов) Литературного института им. А. Горького.

Автор 13 сборников стихов и малой прозы, публиковалась в совместных коллективных сборниках в России и за рубежом. Пишет стихи и малую прозу на русском и калмыцком языке. Произведения переведены на английский, иврит, итальянский, китайский, немецкий и многие языки народов России и стран СНГ.

Лауреат Литературной премии им. М. Луконина (2025г.), Гран-При «Наследие литературы – 2025» (Россия), Международных литературных конкурсов: «На Земле Заратуштры» (Узбекистан), «Мир для мира» (Германия), «Книга.ру» (Россия), «Куда уходит детство» (Болгария) и других. Отмечена Почетным знаком «Золотое перо русской литературы» (2024г.), Почетной грамотой Правления Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Калмыкия.

Член Союза писателей России.

Моя бабушка

О бабушка моя,
Ты – доброта сама.
Как ласковы твои
По-прежнему объятья.
Когда ты снишься мне,
То отступает тьма,

Как будто дарит свет
То ситцевое платье.

Я помню ты поешь
Про Ахтубу-реку.
Вот-вот из глаз твоих
Прекрасных слезы хлынут.
Кипит в котле джомба,
Но как унять тоску
По счастью твоему –
Единственному сыну?

Струит лампада свет
Хрустальной чистоты.
Сердечные слова твои
Летят молитвой к Будде.
Не о судьбе своей –
О внуках молишь ты,
О мире на земле
Для всех, всегда, повсюду...

Здравствуй, Цаган Сар!

Зимних вьюг испуганные стаи
По степной умчались целине.
Песне ветра суслик подпевает –
Песне долгожданной о весне.

Белый месяц мы всегда встречаем
Борцоками – солнечной едой.
А еще – калмыцким добрым чаем,
Что заварен сладкою водой.

Надеваем лучшие наряды,
Двери открывает каждый дом.
И летят, не ведая преграды,
Песни, что с друзьями мы поем!

Степь седая, становись зеленой,
Чтоб скорее множились стада!
Счастья мы желаем всем влюбленным
И семей на долгие года!

Белый месяц – белые дороги!
Принимайте, люди, скромный дар –
Это пожеланье очень многим:
Счастья вам в заветный Цаган Сар!

Калмыцкий чай

Джомбу, порою, супом называют,
А кто-то и нектаром величает.
И, без сомнения, калмык лишь знает
Всю цену удивительного чая.

В нем солнца утреннего ясный свет,
И трав степных настой и аромат.
От молока его нежнейший цвет,
Изюминка – лист лавра и мускат.

Заправлен солью. Это соль земли.
Крепчает мускул. Станет зорче взгляд.
Пиалу чая утром ты прими,
Горячим выпей, зарядись, сорад.

Джомбу в народе свято почитают,
Заслуженно нектаром величают.
Красавица-калмычка, что его вам сварит,
Тепло души, словно бальзам, подарит.

Перевод Юрия Щербакова

Эрдни КАНКАЕВ

Эрдни Потаевич Канкаев – поэт, переводчик, драматург. Родился 12 июля 1967 г. в п. Цаган-Нур Приозерного района Калмыцкой АССР. Член Союза писателей России, почетный работник культуры Монголии, заслуженный работник культуры Республики Калмыкия. Лауреат Национальной премии Республики Калмыкия «Муза» в номинации «Литературное творчество», первый лауреат межрегиональной (Республика Калмыкия – Астраханская область) литературной премии имени Народного писателя Калмыкии А.Г. Балакаева, лауреат республиканского конкурса на лучшее драматургическое произведение в номинации «Лучшая пьеса для детей и подростков», лауреат II-го международного фестиваля поэзии монголоязычных народов «Эрэн-хот – Дэлхийин хот» («Город Эрлян – город Земли»). Автор поэтических сборников «Унсн шора – алтн» («Пыль родной земли – золото»), «Калмыки, в этом жребий наш», «Харсач» («Защитник»), «Аавин заавр» («Заветы деда»). Автор-составитель книг «Сурһмжста тежсг келвмүд» («Буддийские притчи»), «И.А. Крыловин тежсгүд хальмгар» («Басни И.А. Крылова на калмыцком языке»). Перевел на калмыцкий язык «Православный катехизис», «Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского, иеромонаха, пустынножителя и затворника», «Житие и труды преподобных отцов наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских», «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» и др.

Наставления деда

Веру предков зря не бери,
Смысла не усвоив – не суди!
Виновного помалу – извини,
Нож боевой из ножен не тяни!

Бычком малолеткой зазря не пыли,
Горло напрасно в сердцах не дери!

Того, кто споткнулся, не бей, поддержи,
Бывших друзей не поставь на ножи!

«Было», сказав, не страдай, что прошло,
«Имею», сказав, не гордись, что нашел...
Силач пред тобою – не бойся его,
Он вырос горою, не больше того.

Прохожего встретишь в пути – помоги,
Глядишь, – по воде разойдутся круги
О том, что ты добр и душою правдив,
Лишь праведный муж и хорош, и красив

Пять стихий

Согласно буддистской вере
Пять сущностей есть в этом мире.
Я вам покажу на примере,
Их именно пять, не четыре!

ОГОНЬ

Все то, что прошло, свершилось,
Вселенский огонь сжигает...
А что впереди открылось –
Об этом никто не знает!

ВОДА

Она не имеет формы,
Во всякую щель проникает,
Силы ее огромны,
Она нас поит, питает!

ВОЗДУХ

Он зыбок и переменчив –
То – север, то – юг, восток...
Он чем-то похож на женщин,
Нежный... бывает жесток!

ЗЕМЛЯ

Это – опора, суша...
Наш долг – ее уберечь,
Лелеять ее и слушать
Премудрой матери речь!

ЖЕЛЕЗО

Не знала в веках Античность
Железной стихии – пятой!
У Жизни одна идентичность -
Не быть на кресте распятой!

Перевод Александра Соловьева

Пыль родной земли – золото

Я всю степь – за аймаком¹ аймак, –
Чтобы счастье найти, исходил.
И порою казалось, что шаг
Сделать новый не хватит мне сил.

Никогда бы не смог я дорог
Столько в жизни нелегкой пройти,
Если б солнце – родимый оток –
Не светило мне щедро в пути!

Каждый раз возвращался сюда
На знакомую улицу я.
Что жарища мне, что холода,
Если в сердце – родные края!

Много видел хотонов иных,
Но в душе, как святыню, берег
Тот, которому нету цены, –
Мой единственный в мире оток!

Ребятня моя! Знайте, багши²
Рад вас видеть у школьных ворот,
Чтобы благословить от души!
И душа моя звонко поет,

Чтобы вы, молодые, смогли
Жить, заветы отока храня,
Чтоб для вас пыль родимой земли
Стала золотом, как для меня...

Перевод Юрия Щербакова

¹ Аймак, оток, хотон – административно-хозяйственные единицы.

² Багши – учитель.

ПОЭЗИЯ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Науруз БАЙРАМКУЛОВ

Науруз Ильясович Байрамкулов – карачаево-балкарский (аланский) поэт, прозаик и член Союза писателей России. Родился 29 января 1993 года в г. Черкесск, Карачаево-Черкесии. Окончил с отличием МКОУ «Гимназия №5», имеет 4 высших образования, базовое в Финансовом университете при Правительстве РФ, там же окончил аспирантуру, автор 9 научных публикаций. В 2008-2017 гг. учился и работал на территории России (Москва, Щелково, Дубна) и Великобритании (Оксфорд).

По профессии – экономист, вошел в тройку лучших экономистов России (Всероссийский конкурс «Экономист года» в 2016 году), автор Инвестиционной стратегии КЧР до 2035 года, по роду деятельности – предприниматель (Победитель Всероссийского конкурса «Молодой предприниматель России» в 2018 году), создатель первого в истории КЧР коворкинг-центра и сооснователь агрокомплекса «Феникс». В прошлом – самый молодой руководитель государственной корпорации в истории современной России – АО «Корпорация развития КЧР».

Автор 3 творческих сборников – «Корабли воспоминаний», «Тюшюмю чырагъы» («Свет моего сна»), «Эски джолчукъла чакъырадыла алгъа» («Зовут в путь старые дороги»). Имеет больше десятка публикаций в периодических изданиях – газеты «День Республики», «Карачай», «Литературная Балкария и Карачай» и журнал «Минги-Тау», а также публиковался в коллективных изданиях – Антологии поэзии народов России, Антологии «Языки Кавказа», Антологии прозы народов России, Антологии «Многоголосая литература Эльбруса».

Награжден Почетными грамотами Народного Собрания (Парламента), министерства экономического развития, министерства финансов, министерств туризма, курортов и молодежной политики КЧР.

Ночь в городе

Город спит, полумраком объятый,
Кое-где лишь горят фонари,
Только мне мой характер проклятый
Тосковать приказал до зари

.

Город спит, от трудов отдыхая,
Силы копит для завтрашних дней,
Только мы с тобой, то смеясь, то вздыхая,
Эту ночь вдвоем провели.

Город спит ,тишину нарушая,
Лишь воркуют Кубань с Тебердой,
Жду! Приди же, тоску сокрушая,
Темноту озаряя собой

В тиши гор

Я стою сейчас в ночной тиши,
Я гляжу на звезды,
Я нашел покой души,
Нашел гармонию природы.

Успокоение нашел я
В лицезрении гор.
Я благодарю тебя, о Боже,
За созданный Тобой узор!

К 70-летию со дня рождения Альберта Магометовича Узденова

С юбилеем позвольте Вас поздравить
И с высоко поднятой головою
От сердца своего сей день восславить,
Альберт, Вы вдохновляете собой!

Всевышний пусть ведет Вас праведной стезею,
Пусть будут счастье, радость и успех!
И сердце искренне трепещет, словно море,
Вы это заслужили больше всех!

Что могу сказать Вам в завершение?
Вы – душа народа на сегодня!
Знать Вас лично – достижение,
И подарок для меня Господний.

Тот перевал

Тот перевал для многих стал последним,
Будь то простак, обманутый судьбой,
Иль фашист-головорез последний,
Кто в эти горы смерть принес с собой
Да, эти седоглавые вершины,
Не дав тропы чужому самому,
Лавинами суды свои вершили,
Брезгливо став могилою врагу.
Здесь каждый камень, словно бастион,
Вал неприступный огрызался смертью,
И перевал тот не был покорен
Для многих став дорогою к бессмертью.
И вот к тебе усталою походкой
Пришел почтить товарищей своих
Солдат, герой!.. Простой солдат пехотный,
Один из тех защитников твоих.
И свинцовой, нестерпимую слезою
Стиснул зубы, прошептав:
«И ныне вы доносите порою
Нам память о тех огненных годах...»

Я преклоняюсь перед вами, горы

Я преклоняюсь перед вами, горы,
С долин Архыза до верховья Теберды,
За то, что вы не знаете позора,
За то, что седоглавы и горды.

Величие, постоянство, чистоту
Вы пронесли до нас через века.
Воспеть бы в песнях вашу красоту,
Верховье Теберды и Хурзука.

О край родной

О край родной, где столько взять мне слов,
Чтоб сердце сына долг свой оплатило,
Чтоб выразить тебе свою любовь,
Да так бы, на века чтоб сердце было?

Горы устрашают только трусов,
Горы только надо полюбить,
Нужно на подъемах и на спусках
В трусости себя разубедить

Мамаев курган

Прощение прошу у погибших в бою,
Что я песню вот так исковеркал,
Как не все исполняют, ее я пою,
Но пою от души, мне поверьте!

Пусть живет только благодарность в наших сердцах!
Вы, потомки, ее сохраните,
Пусть Мамаев курган утопает в цветах,
От цветов им тепло и в граните.

Пусть болеет душа и пусть злоба кипит,
Вечно помня, что в песне слагали,
Тех, сегодня одетых в металл и гранит,
Тех, которых домой не дождались.

И по жизни шагая дорогой своей,
Той дорогой еще не заросшей
Хоть немножечко славой себя ты овей,
Хоть и средненьким просто, быть проще.

Я пью бокал

Я пью за тех, кто жизнь не пожалели,
Чтоб продолжалась жизнь и вновь цвела,
Чтобы не кровь, а лишь цветы алели,
Благословляя добрые дела.

За плач детей, свет видевших впервые,
За матерей, родивших тех детей,
За тех лишь память чью хранят живые,
За вас, друзья, вы свет моих очей.

Я пью бокал за верность и любовь
И за тосты старейших аксакалов,
За женщину, любимую и вновь
За мой Кавказ, луга его и скалы

Зухра БУЛГАРОВА

Зухра Асанбиевна Булгарова родилась 23 ноября 1979 г. в с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан. Талант к творчеству был замечен еще в детском саде «Карлыгаш» («Ласточка»). Автор двух поэтических сборников, выпущенных в Карачаево-Черкесском книжном издательстве. Печаталась в «Литературной газете», антологиях ногойской поэзии (Черкесск, Махачкала), журнале «Литературные знакомства». Принята в члены Союза писателей России в 2011 году. 1 марта 2024 г. награждена орденом «Патриот Российской Федерации». С 2025 года состоит в Клубе писателей Кавказа.

В один из дней на родине своей
Я горсть земли ногтями наскребла.
В платочек завернув, сказала ей:
«Ты будь со мною, где б я ни была».

Святая пыль, не ты ли в жаркий день
В глаза и ноздри мамы забивалась?
Кружась под ветром плавно на земле,
Ты в темные курганы превращалась.

Теперь у сердца дочери своей,
Найдя приют, ты улеглась комочком.
И, вспомнив дом, простор родных степей,
Я плачу... иль тебя вдыхаю молча.

Перебираю пальцами, к виску
Я пыль степную нежно прижимаю...
Короткой встречей долгую тоску
По родине я тихо унимаю.

Не торопись закрыть мои глаза,
Еще жива я и смотрю с укором.
Не говори, что нет пути назад,
Я вновь в пути и жизнь прерву не скоро.

Еще не надышалась я дождем,
Не напилась медов благоуханных,
И этот мир, наполненный враждой
И счастьем светлым, я люблю без страха.

Под лунным светом не сказала слов
Единственных, не обошла всю землю.
Еще свою последнюю любовь
Я не нашла и ей не спела песню.

Вершин непокоренных много есть,
В реке Эдиль еще я не купалась.
Сесть на коня еще почту за честь,
Так много еще сделать мне осталось!

Из лука не стреляла в подлеца,
Народу Эдиге не подарила.
И потому ты моего конца
Не торопи, еще я не погибла.

Волчья шкура

Из волчьей шкуры шапку сшила я –
И страхи вдруг исчезли без следа.
Уже почти увядшие мечты
Под волчьей шапкой ожили, чисты.

Из волчьей шкуры сшила сапоги –
И разбежались все мои враги.
А те, кто гордо в сторону глядел,
К моим ногам прильнули, как к воде.

Из волчьей шкуры сшила шубу я –
Исчезли недругов вдруг колкие слова.
А может в ней мне век свой доживать,
Коль так смиренна вражеская рать...

Перевод с ногайского Фариды Сидахметовой

Хизир ТАХТАМЫШЕВ

Хизир Махмудович Тахтамышев пишет на русском и черкесском языках.

Родился 17 октября 1943 г. в ауле Эрсакон Ставропольского края Черкесской автономной области. В 1967 году с отличием окончил Южно-Российский государственный политехнический университет с квалификацией инженер. В 1969 году поступил в очную аспирантуру (Национальный транспортный университет, НТУ). В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию при НТУ. В 1991 году защитил докторскую диссертацию при НТУ.

Является членом Союза писателей России с 2008 г. и регулярно печатается во всероссийских и региональных литературных изданиях и альманахах. Главное место в творчестве поэта занимает жанр стихов-миниатюр (четверостиший) .

Автор сборников стихотворений и басен «Исток один» (2006), миниатюр «Меж нами истины река» (1996), «Нет истин вечных» (2006), «Дороги истин» (2009), «И в даль влекут дороги истин» (2015), «10 Секунд Мудрости» (2017).

В 2017 и 2018 гг. финалист самой масштабной ежегодной литературной премии России – «Поэт Года», учрежденной Российским Союзом Писателей. Финалист премии им. Марины Цветаевой в рамках международного литературного конкурса «Славянское слово» в 2017 г., учрежденного Международным Союзом Писателей. Российским Союзом Писателей награжден «Медалью Маяковского» – общественной наградой «за вклад в развитие русской культуры и литературы». Российским Союзом Писателей награжден звездой «НАСЛБДИЕ» – общественной наградой «за вклад в развитие русской литературы». Российским Союзом Писателей награжден медалью «Георгиевская лента 250 лет» – общественной наградой «за вклад в укрепление национального самосознания и патриотизма». Включен в список «Люди Года 2019» по Северо-Кавказскому и Южному ФО в номинации «Поэт Года».

Родина

Рейс отложен, нас не принимают,
Пятигорье скрыто пеленой.
И в сердцах погоду мы ругаем,
Разговор в салоне деловой.

Наконец иссякла злость природы,
Лайнер плавно начал свой разбег.
Слышен говор разного народа:
Шутки, байки и девичий смех.

Справа новгородец синеокий,
Слева ненец, тундры верный сын,
Впереди мордвин из мест далеких,
У кавказских я живу вершин.

Разноликих и разноязыких,
Ровно столько, как в салоне мест.
А земля внизу в вечерних бликах.
Родина. От впадин до небес.

Рейс один и путь у нас единый,
И судьба у нас одна, как рейс.
Мы в полете яростном, орлином,
А в салоне миллионы мест.

Сыновей не счесть в ее просторах,
Родина у всех у нас одна.
Без меня – она без капли море,
Без нее – я сакля без огня.

Солдатам безымянным

Далек он, грохот лихолетья,
Но боль глаза еще мутит:
«Отец без вести... в сорок третьем...» –
В моей анкете так стоит.

Когда по рельсам шла Победа,
Ложились шпалами они.
Фамилий, званий нету следа,
Их след – история войны.

Земля кругом – одни воронки,
А батальон – один солдат.
Строчить не время «похоронки» –
Врагу свинцом писал комбат.

Не слышно дзота злого лая,
И вражья пала высота.
Но вновь она, теперь святая,
Могилой братскою взята...

Не дремлет почта полевая,
Летят, свинцом заряжены:
«Пропал без вести...», разрываясь,
Сердца родных разят они.

Далек он, грохот лихолетья,
Но боль глаза еще мутит.
Он не пропал, он в сорок третьем,
Как верный сын, ушел в гранит.

Пропавших без вести нет с нами.
В анкете строгой я грешу –
«Погиб солдатом безымянным...»
Я так считаю, так пишу.

Очаг погас

Не светят окна, в сакле пустота.
Как старики, горбом согнулись стены,
И сиротливо стонут ворота:
Их беспокоят призрачные тени.

Очаг погас, черкесы говорят,
О тех домах, где не родили сына.
А в этот дом давно попал снаряд,
Что разорвался там, у стен Берлина.

Послевоенная война

Умолкли пушки в сорок пятом,
Но не окончилась война.
Шинель осталась на солдате –
Вставала на ноги страна.

Еще, еще – четыре года
И днем, и ночью шла война
За хлеб, за мир и за свободу
Послевоенная война.

Не знали мы заумных истин,
Но понимали и без слов:
На нас надеется отчизна
За невернувшихся отцов.

Печать войны на детских лицах,
В ручонках жмых пахучий сжат,
Артезианские глазницы,
Из глубины недетский взгляд.

Штаны в бесчисленных заплатах,
Как будто их прожгла картечь.
Одни ботинки на два брата,
Морозный класс, сутулость плеч.

За нас, таких, звончей в аллеях
Шумит сегодня детвора.
Забыть, предать тебя не смею
Далеко – близкая пора.

Мы дети той поры подранной,
Хоть к нам подкралась седина.
Твои, твои мы ветераны,
Послевоенная война.

Остановись, прохожий

Остановись на миг, прохожий,
Сегодня снова я один.
Быть может, вспомнить мне поможешь,
Кого на свете я любил.

Кого когда-то ненавидел,
К чему стремился, что берег,
Кого в погоне не увидел,
Что сам себе простить я смог.

Расставив планов дальних вехи,
Жизнь мерил лестницей удач.

Где мог с друзьями мирно ехать,
Пускал коня ревниво вскачь.

Мечтам ума построив замки,
К мечтам души забыл пути.
Моих наград пылают знаки,
Но что-то холодно в груди.

Остановись на миг, прохожий,
Пока в тумане не один.
Сберечь еще, наверно, сможешь
Тепло лучистое долин.

Алла ЧОТЧАЕВА

Алла Умаровна Чотчаева – поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей и Союза журналистов России, автор восьми книг и поэтических сборников на русском и карачаевском языках.

Удостоена премии Главы Карачаево-Черкесской Республики в области литературы и искусства, награждена Почетной грамотой министерства культуры КЧР и медалью имени И. Крымишамхалова в номинации «Литература». Победитель и дипломант всероссийских и международных литературных конкурсов.

Много лет работала литературным редактором международного журнала «Золотая площадь». Лауреат Ставропольского краевого конкурса журналистов имени Германа Лопатина. Сейчас – руководитель Карачаево-Черкесского отделения Клуба писателей Кавказа, руководитель литературного объединения «Орфей», основатель и руководитель школы «Поэтическая мастерская» в городе Кисловодске.

Победа

Победа! – сквозь грохот и взрывы снарядов
Был слышен радиста ликующий крик.
И ярче рассветов и сотен закатов
Салютами небо взорвалось на миг.

Победа! – вставали солдаты в атаку.
Победа, ребята! – строчил пулемет.
Спасибо за храбрость, за честь и отвагу –
Ваш подвиг в веках никогда не умрет!

Победа! – кричал репродуктор охрипший.
И не было сводок на свете важней!
Безмерная скорбь о солдатах погибших
Застыла навечно в глазах матерей.

Победа! – ревели гудки эшелонов,
Домой возвращавших с войны сыновей.
Из окон вагонов, с площадок перронов
Улыбки, счастливые лица людей.

Победа! – шумели леса и поляны,
Встречая героев Отчизны – солдат.
А в поле тюльпаны, как раны багряны,
Как память, как горечь потерь и утрат.

Победа! – на алом полотнище флага.
Победа! – Кремлевские звезды горят.
Победа! – позорным клеймом над рейхстагом.
Победа! – на площади Красной парад!

Солдаты России – могучая сила

На запад вас мчали тогда эшелоны.
Вставали в атаки полки, батальоны...
За вами Отчизна была и Европа –
Солдаты, спасали вы мир от «потопа»!

Сияли за доблесть медали, награды,
Когда вы шагали победным парадом.
С триумфом встречала Европа, Отчизна.
Солдаты, с тех пор вам война ненавистна.

Но с запада снова слышны канонады.
И рвутся над полем пшеничным снаряды.
Над мирными селами, лугом, рекою
Вновь зарево пламени стало стеною.

Как прежде, на запад вас мчат эшелоны.
И вновь провожают родные с перронов.
Теперь Украина. За вами – Россия.
Солдаты России – могучая сила!

Бои под Донецком, бои под Луганском,
Под Суджей, Артемовском, под Лисичанском.

Славяне, кавказцы, башкиры, коряки....
Как прежде, бок о бок, в смертельной атаке.

Пусть снова сияют за доблесть награды,
Когда вы пройдете победным парадом.
Вы наша надежда, опора России!
Солдаты России – могучая сила!

Райский уголок земли

Стражи могучие райской земли –
Горы кавказские в синей дали.
Там, где в обнимку с землей облака
Тучные греют под солнцем бока.

Там, где орлы над ущельем парят,
Скалы гранитные высятся в ряд,
Воздух хрустальною нотой звенит
И тетивой – паутиная нить!

Хвойных лесов необъятная даль,
Сочных лугов разноцветная шаль.
Там, на вершинах, нетающий снег.
Горных потоков волнителен бег.

Стражи могучие райской земли –
Горы кавказские в синей дали.
Там, в облаках, седовласый Эльбрус
Гордо несет одиночества груз.

Великого рода потомок, алан

Великого рода потомок, алан,
Познал ты победы и горечь от ран.
Не меркнет в веках, твоя слава гремит,
Историей имя отлито в гранит.

Твой путь был тернистым – из пепла вставал,
И вновь за победой победу ковал.
Твой дух боевой, как шальная река,
Могучим потоком бурлит сквозь века.

Рожденный в походах военных, в бою,
Как сталь закалил ты отвагу свою.
Лишь Эльбрус достойно тебе подражал:
Ты – славой, а он – ледниками сверкал.

Но весть о тебе разошлась по земле,
Что нет тебе равных – в бою и в седле.
И недруги, тайную злобу храня,
Слетелись, как стаи вокруг воронья.

Встречая лавинами орды врагов,
Не ждал ты пощады, и сам был суров.
Победу печально трубил Тамерлан –
Узнал он о доблести славных алан!

Узнал тебя Запад, немирный Восток –
Надменному Риму преподал урок.
Ты мчался в горах и в степях на коне,
Сражался с Аттилой в строю, наравне...

Пусть в сердце живет дух свободы всегда,
Не стынет горячая кровь никогда.
Пусть множится племя твое по родам,
И славится имя, на зависть врагам.

Ты – воин с мечом или всадник лихой,
Иль наш современник, с обычной судьбой,
Хранишь ты в душе благородства печать –
Из тысяч других тебя можно узнать.

Лариса ШЕБЗУХОВА

Лариса Курманбиевна Шебзухова (Балова) родилась 6 апреля 1959 г. в ауле Кубина Карачаево-Черкесской Республики.

Окончила Пятигорский государственный институт иностранных языков.

Пишет стихи с ранних лет, публиковаться стала гораздо позже. Лариса Курманбиевна – член Союза писателей России, Абхазии, член Союза журналистов РФ, народный поэт Карачаево-Черкесии, обладатель медали М.Ю Лермонтова, Р. Гамзатова. Шебзухова – этнолог, литературовед нового поколения.

Она пришла в абазинскую литературу со своей новой «мерой вещей» – феноменом АБАЗАРА, на которую опирается парадигма нового мышления как писателей, так и читателей.

Автор 15 сборников стихов и прозы.

В абазинский наш дом загляните!

Я простая горянка. Я мать.
Существую в ладу с белым светом.
И гостей рада я принимать,
Как предписано нам этикетом.
Абазинка я. Мал мой народ,
Но числом только, а не душою.
И Абазара есть наш оплот –
В нем наследие предков большое.
И оттуда потребность так жить –
Богом посланным с миром делиться,
Я хочу от души предложить
Вам в кунацкой у нас поселиться.
Прост наш Дом. Его стены из скал,

И покрыт он небесною твердью.
Если кто-то земной рай искал,
То его здесь найдет он, поверьте.
Дом наш – Псадгил – Землею Души
Мы в народе своем называем.
Колыбели качаем в тиши –
Здесь рождаемся и умираем.
Тот не может кавказца понять,
В ком к Отчизне нет чувства святого.
На Кавказе очаг наш. Присядь.
Не держи в себе умысла злого.
Горец, может быть, строг и упрям
И в суждениях своих откровенен.
Но послужит он с гордостью вам:
Асас – гость. Он неприкосновенен.
В доме гость – это радость для нас –
Пусть отведает горского хлеба!
Любит мирного гостя Кавказ –
Мы достанем звезду ему с неба!
От души я вас в гости зову,
Приезжайте в наш дом отовсюду –
Я для вас приготовлю халву,
Приложу душу к каждому блюду.
Пусть у нас разные языки,
Говорить с вами сердцем я буду.
Посвятят в тайны вас старики,
И легко приобщат дети к чуду.
Что делить нам на этой земле,
Кроме радости и угощенья?
Навсегда позабудем о зле
И у Бога попросим прощенья.
Душу отогревая в лучах,
В час нелегкий глядим на вершины.
Абазашта – родной наш очаг.
Здесь издревле живут абазины.
Мы вас ждем. Вот для дружбы рука
И душа нараспашку – как небо.
Породнит с вами нас на века
Наш кусок абазинского хлеба.
Непростое пространство – Кавказ –
Сплошь загадки и первопричины,
Но всегда рады гостю у нас
Все народы и мы, абазины.

Приходите! Всегда мы вас ждем.
Наш очаг вас радушно согреет.
Истину мы в беседе найдем,
С нею каждый из нас пообреет!

В родном краю

Орлы парят вдали под облаками,
Эльбрус сияет снежной белизной.
Цветет, хранимый братскими руками,
Мой горный уголок земли родной.

Хребты твои спокойно-величавы,
Стоят они, гордыни не тая.
Ты – средоточье мужества и славы,
О Карачаево-Черкесия моя!

Просты твои народы и радушны.
Здесь люди свято чтут законы гор.
Открыт наш дом. Но если будет нужно,
Мы недругам всегда дадим отпор.

Пусть множит силу мудрость вековая.
Пусть чтут друзья и сторонится враг.
Пусть твой очаг горит, не уставая,
С орлами реет твой свободный стяг!

Являя миру образ доброй воли,
Пусть крепнет с каждым днем твоя семья.
На свете нет прекрасней этой доли,
Чем жить с тобой в любви, земля моя!

В семье большой равны мы и едины,
Сильны, как братья Эльбрус и Казбек –
И русские, черкесы, абазины,
И карачаевцы с ногайцами навек!

ПОЭЗИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Лидия ВДОВЧЕНКО

Родилась в конце шестидесятых годов на Кустанайщине, в семье поволжских немцев, депортированных в Казахстан во время Великой Отечественной войны. В 1998 году перебрались на Кубань, в г. Ейск.

Член Союза писателей России, народной самодеятельной общественной организации поэтов и композиторов г. Ейска «Парус». Лауреат Первого Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет» (г. Анапа, 2015 г.), краевых литературных конкурсов. Автор поэтических сборников, печаталась в журналах «Подъем», «Краснодар литературный», «Мозаика Юга» и др.

Весна на пороге

Бегите, метели! Крутите педали,
Зимы боевые ветра!
Вчера ледяные дожди осаждали
Расхристанный берег Днепра.

Вчера увязали в полях черноземья
Тяжелые берцы бойцов,
Осколки снарядов, как чертово семя,
Всходили, снега пропоров.

Вчера лиходеи Авдеевку сдали –
Кровавые были бои.

Бегите, «азовцы», крутите педали
И шеи спасайте свои!

Сегодня, на радость усталой пехоте,
Крепчает святая земля.
Деревья слезами израненной плоти
Залечат всю боль февраля...

Желание выжить викторию движет,
А вера творит чудеса.
Весна на пороге. Победа все ближе,
Все громче ее голоса.

Ошибка

Закончилась священная война.
Все реже приходили похоронки...
Цеплялась мать за сумку почтальонки:
в какое чудо верила она?

Скрывала правду горькую от всех,
держала извещение за иконой.
Оплакивать не стала – береженный
Святою Девой. Сомневаться – грех!..

...Солдат вернулся смерти вопреки –
контуженный, измотанный дорогой.
Взволнованно застыл он у порога,
под кожей дрожали желваки.

Под градом бомб родимый дом – один
все ж устоял, металлом посеченный.
Буржуйками до крыши прокопченный,
он затаился посреди руин.

Культиный дед на козырьке крыльца
латал дыру немецкою фанерой.
Сорили стены штукатуркой серой –
затворами дверей народ бряцал.

Бежали бабы воина обнять,
Худущего, как тень, но делового.
Едва взглянув на призрака живого:
«Сыночек мой!» – упала в ноги мать.

Святой Марии вверила она
судьбу дитя, крещенного с рожденья.
Бывает, врут о смерти извещенья...
Молитва верой матери сильна.

Настроение

Лети, танцуй, седая буря,
хвостом серебряным мети!
Глаза фонарные прищуря,
тебя приветствуют в пути
голодные до снега парки,
до влаги жадные сады.
Лети на дым, гаси сигарки –
костров последние следы.

Еще декабрь – дитя и нытик,
ему в новинку холода;
и меж столбов висит на нитях,
как бусы – мертвая вода.
А мы уже в плену безумства
и в эту бурю влюблены.
Приветствую стихии буйство
и совершенство белизны!

Мне город кажется театром,
подмостками – плато дворов:
как будто за балетным актом,
слежу за танцами ветров.
Любуюсь смелыми прыжками
веселой бури – па-де-баск!
...Но как же кухня манит щами
и как призывен ложек лязг!..

Николай ЗИНОВЬЕВ

Николай Александрович Зиновьев родился на Кубани. Учился на филологическом факультете Кубанского государственного университета, но после окончания вуза трудился в сфере далекой от филологии: работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком.

Автор тринадцати поэтических книг, изданных в Москве, Краснодаре, Иркутске, Киеве, Новосибирске. Лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия», Большой литературной премии России, Бунинской премии, Всероссийской православной литературной премии им.Александра Невского. С 2009 по 2025 гг – член правления Союза писателей России. Заслуженный деятель искусств Краснодарского края.

Неизреченное

Мир не казался мне нелепым,
Я не был лишним на земле,
Я мог душой коснуться неба,
Любил картошку печь в золе,
И корку хлеба ел я с хрустом,
И пахла солнышком трава...
О, как светло и больно чувствам
Не соответствуют слова!..

Глядит сквозь тучи месяц тонкий.
Присядь, мой друг, поговорим:
«Не проклянут ли нас потомки
За все, что мы сейчас творим?
Ведь мы, кто вольно, кто невольно
Грехам потворствуем...» И тут
Мой друг прервал меня: «Довольно,
Не сомневайся, проклянут!».

Хотел сказать ему: «Не верю,
Ведь есть и добрые дела!»
Но он, ужасно хлопнув дверью,
Уже мою покинул келью,
Забыв на стуле два крыла...

Родине

*Погляди мне в глаза, как бывало...
Иван Бунин*

Ты другою давно уже стала,
Не сумел я тебя уберечь,
Тьма над нами крыла распластала,
Исковеркав и душу, и речь.

Все пошло по бесовскому кругу,
От бывшего уже ни следа.
И не смотрим в глаза мы друг другу –
Ты от горя, а я от стыда...

Печальное

Ничего я не достоин,
Уж тем более похвал.
Я не пахарь и не воин,
Я всю жизнь стихи слагал,
Чтоб добром строка лучилась,
Чтоб светлее всем жилось,
Но, увы, не получилось,
К сожаленью, не сбылось...

В этом мире все больше пустот.
Все острее и зловещей тревога,
Но в душе постоянно растет
Ощущенье присутствия Бога.

И, как дьявол на зло ни горазд,
Срок его изначально отмерен.
Бог России погибнуть не даст.
И блажен тот, кто в этом уверен...

Музыка

Мне вспоминается начало:
Наш старый двор в сенной трухе,
Над ним мелодия звучала
Об одиноком пастухе.

А я сидел в тени подводы
И объяснить еще не мог,
Зачем я плачу? Через годы
Открыл мне тайну эту Бог.

И снова я под звуки эти,
Пред Ним всю душу обнажив,
Заплакал так, как плачут дети...
Пока есть музыка на свете,
Мир будет жив!..

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

Светлана Николаевна Макарова-Гриценко родилась на Кубани. Выпускница филологического факультета Кубанского государственного университета и музыкального училища им. Н.А. Римского-Корсакова. С.Н. Макарова-Гриценко – председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор журнала «Краснодар литературный», координатор международного поэтического движения «Мир без стен» по ЮФО, заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат литературных премий. Прозаик, поэт, публицист. Книги издавались в Москве и Краснодаре. Произведения переведены на английский, испанский, узбекский, белорусский и украинский языки.

Сторона родная

Здесь даль небес
знакома мне до боли,
А солнце и румяней,
и нежней.
Отцовское здесь
колосится поле.
И здесь могила
матери моей.

В саманной хате
с камышовой крышей
мой первый шаг,
улыбка, хлеб в руке.

Напев заветный
мною здесь услышан
на самом добром
Русском языке!

И здесь,
волненье больше не скрывая,
Я в церковь,
где крестили втихаря,
вхожу.
И сторона родная
по-матерински
смотрит на меня.

*Герою России
Александру Прохоренко посвящается*

«Вызываю огонь на себя!» –
Словно молнии вспышка в эфире,
Русский голос сквозь гром, шквал огня,
Русский голос в далекой Пальмире!

...И секунды замедлили счет.
И гранитный солдат с пьедестала
Вдаль глядит так сурово, устало,
Будто кровь в его жилах течет.

«Сушки» взмыли в простор голубой.
Пред иконами мать голосила.
И сплотилась, застыла Россия,
Встав стеной перед новой войной...

*Посвящается Епистинии Степановой,
отдавшей войне девять сыновей*

Заметает степь курганную зимушка,
Тучей хмурою грозит небосвод.
Вечным сном ты спишь теперь, Епистиньюшка,
Отдохни от материнских забот.

Колыбельные сыночкам все пела ты,
Напекла хлебов на век, не на год!
Только скрылася дороженька белая,
У войны кровавый начался счет.

И слетелися все черные вороны!
Вон, опять они над хатой кружат.
Погубили сыновей твоих враги,
Девять соколов, героев-солдат.

Ох, лютует, ох, сечет выюга синяя,
Да тебя ей не задеть, не пронять.
Вечным сном уснула ты, Епистиния,
Русских воинов Великая Мать.

Станице Новопокровской

Эти улицы – словно страницы
Детских радостей, школьных побед,
Я иду по кубанской станице
И мне снова четырнадцать лет.

Снова небо от края до края,
В щедрой зелени птичий трезвон,
Древней Еи дуга золотая,
Отчей славы казачий кордон.

Полыхают степные зарницы,
Новым хлебом томятся поля,
Зажигает окошки станица,
Ветерок серебрит тополя.

Здесь судьба прочертила дороги,
По которым мне в небо шагать,
Здесь истоки мои и итоги.
Здесь Покров,
здесь отец мой и мать.

Мамины глаза

Небесной сини мамины глаза
В них нежность весен, ясный свет лазури,
Надежды в них и радости слеза,
Мое спасенье от житейской бури.

...Давно умчалось детство, далеки
Теперь ступени отчего порога,
И все труднее до него дорога,
Длиннее ночь, а дни так коротки!

Так суетливы, так горьки, порой,
И я стремлюсь с упорным постоянством
Сберечь в душе любимый образ твой
И с временем поспорив, и с пространством!..

В прореху туч, в осенней парусине
Пробьется солнца луч, к себе маня,
И мамины глаза небесной сини
Увижу и опять узнаю я...

Оберег России

И гордость гор, и моря переливы
Соединил степной наш горизонт.
Казачий край, щедрот размах былинный,
Под вечным солнцем здесь из рода в род
Передаёт священные заветы
Гостеприимный труженик-народ.

Степной простор — живительная сила,
Тугие нивы, знойные сады,
Праматерь-степь, державу ты вскормила,
Твой вольный дух — защита от беды.
Тому зарок братские труды,
Тому порукой — братская могила.

И на плите гранитной имена:
Мой дед Ефим и дед Василий.
...В степи гуляет новая весна,
И маки травы окропили.
Полынный хмель, родная сторона,
Степной кордон и оберег России.

Нездешнее метро

Был вечер обычный,
Из тех — что не жаль.
Трамвай горемычный
Древней, чем скрижаль.
Вокруг проплывали
Огней мотыльки,
Привычные дали:
Мост... лента реки.
Но миг — и ожили
В трамвайном окне
Нездешние шири —
Москву видно мне!
Из мрамора гроты,
Игра изразцов,
Блестят позолоты
Подземных дворцов.
...Ты едешь, я знаю,
В метро, в Строгино.
Твоими глазами
Смотрю я в окно.

В горах

В горах нынче выпал снег.
Просыпали серебра
И резвый направили бег
В долины сухие ветра.

Упали звезды в цветы
Сквозь мертвые пальцы древ,
Глазницы солнца пусты,
Лишь слезы да речек гнев...

Далекая родная Беларусь

Я уезжаю в дальнюю страну,
Там небеса и высоки, и чисты.
Играет солнце весело-лучисто.
...Как, впрочем, и у нас в саду,
в котором ветви яблонь гнутся вниз
от тяжести плодов спело-румяных.

Я уезжаю в дальнюю страну.
Там тоже степь раскинула ладони,
Подсолнухи стоят в густом ряду
И в мареве полдневном аист тонет.
Поет река, сияют зелены,
Стоят леса торжественно и строго.
И растелилась скатертью дорога,
И мчится ветер, за собой маня.
Край вековой! Дубравная страна,
я словно заглянуть в себя стремлюсь,
Души моей заветная струна
Далекая
родная Беларусь!

Друзьям

Вновь стоят непогоды.
...Воют ветры не зря.
Только б годы-невзгоды
Вас щадили, друзья!

В стылой пасмурной дали,
Под колючей звездой,
Да минуют печали!
Да храним ваш покой!

Пусть крутой, но успешной
Будет ваша стезя!
Я молитвой и песней
Рядом с вами, друзья!

Ангел

Его искала я среди листвы
Веселых разговорчивых берез,
Среди высокой муравой травы
В погожий день и после жарких гроз.

Ждала его в сиянье золотом
Сентябрьских распахнутых небес,

А ветер пел о вечном и святом,
Раскачивая поредевший лес,

А ветер то сердито бушевал,
То ворковал, надеждами маня.
И призраком дождь у крыльца стоял,
Пугая отрешенностью меня.

И вот сегодня, здесь, среди степей,
Меж городов и сел, что скрыла мгла,
Над крышами домов, монастырей
Расправил Ангел белые крыла.

Но почему средь хладной пустоты
Ты появился? Вовсе неспроста?
Светило солнце и цвели цветы,
Но отчего же не было тебя?

Мое дыханье прерывает дрожь,
Как устоять? Крепчают холода.
Чем укрепишь? Что ты с собой несешь?
Зачем теперь ты прилетел сюда?

Ответил ангел: – Посмотри вокруг,
Весь Божий мир – подобие холста,
Деянье слов заветных, мудрых рук,
Весь Божий мир сегодня – чистота...

И на губах моих застыл вопрос,
Иссяк поток стенаний и обид.
Румяный ангел снег в ладошках нес
И чистоту целительных молитв.

Ладонями прижмусь к печи,
Кирпичной кладке.
И сердце прошлым застучит,
Вздохну украдкой.
Огонь теплом живым манит,
Печь ровно дышит,
И сокровенных слов магнит,
Их мама слышит.
И я опять держу тепло

Ее ладоней,
И на душе моей светло,
Лишь ветер стонет.
Лишь ветер вокруг трубы гудит,
Во тьму несется,
«Ах, мама, ты не уходи,
Ты – мое солнце».
Средь стылой ледяной ночи,
Средь бурь и бедствий.
Тепло мне от твоей печи,
Как в давнем детстве.

Расшумелись березы
Ветер свеж и упрям,
Прямо в руки мне бросил
Сто твоих телеграмм!

Собираю по лесу
Золотые слова.
Их читает, как пьесу,
Горевая трава,

Произносят сухими
Голосами кусты.
В каждом шорохе имя,
В каждом всполохе – ты.

Шаг за шагом все ближе
Нашей радости срок.
Я за кронами вижу
Неба синий платок.

Расступились сомненья
Златолистых костров,
Обнажив откровенье –
Зов упрямых ветров.

Только вслед неустанно
Шепот чащи лесной.
И так нежно, так странно
Август грезит весной...

О, этот мир снова остынет.

Дильбар Хайдарова

О, этот мир снова уйдет,
Вновь превратив все травы в лед,
Плотно закрыв дверь и окно,
Чтоб победить холод и зло.

...И прилетит снег на порог,
И задрожит тонкий листок,
Вновь аромат в инее роз
С памятью летних гроз...

Олег СЕЛЕДЦОВ

Член Союза писателей России. Автор 10 поэтических сборников и 10 книг прозы. Публикации в журналах: «Москва», «Наш Современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность», «Литературная учеба», «Невский альманах», «Родная Ладога», «Север» и др. Еженедельником «Литературная Россия» включен в число 50 ведущих писателей Южного федерального округа. Включен в список лучших русских писателей 21 века на сайте «Российский писатель». Участник форумов молодых писателей России 2001 и 2004 годов, стипендиат министерства культуры России по итогам 2004 года. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Лауреат Всероссийских и международных литературных конкурсов. Награжден Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3 степени и медалью Сергия Радонежского 1 степени.

Молитва

В полубреду, в полусне, через ночи вешие,
Там, где фонарщик Вечер разжег огни,
Господи, я молю, сохрани эту женщину,
Господи, эту женщину сохрани!

В ливнях ее сохрани и в жару нещадную.
В давке трамвайной, в безлюдности площадной.
Нежную, беззащитную и ненаглядную,
Господи, неведимой верни домой!

Пусть на лице не осядут заботы оспами,
Пусть не добавят морщин ей лихие дни.

Руки ее целуя, молю я: Господи!
Господи, эту женщину сохрани...

Литургия

На покосившемся кресте грустит туман.
Нет никого, хоть здесь когда-то кто-то жил.
Лишь тихий вечер посвящен в духовный сан.
Чин литургии в старой церкви отслужил.

С кадилом сумерек по храму бродит тень,
Молитв и судеб вороша водоворот.
И регент-ветер, не грешивший в этот день,
На мертвом клиросе ектинии поет.

Случайный дождь на службу капельки привел.
В сакральный час вдруг осветился «Храм в пыли».
И во Святая, где когда-то был престол,
Христовы Тайны снова чашу обрели.

Свершилось. Чудо! Чудо!! Ожил храм.
Благодарение пропел на хорах гром.
И, причастившись, где-то в прошлом, где-то там,
Забытый ангел плакал бережно псалом.

Папа

Памяти моего папы

Селедцова Валерия Федоровича

Папа, я вновь говорю с тобой,
Плетью опять за седой горой
Бьют одиночества ветер злой,
Будней бездушных каторги.

Папа, дай верную руку мне,
Сны мои часто горят в огне,
А пробуждение больней вдвойне.
Совесть не знает жалости.

Папа, ответь, я прошу, ответь!
Буду тебе я, как в детстве, петь,
Чтобы беды беспощадной плеть
Вылечить детской радостью.

Папа, верни мне забытый взгляд,
Пусть журавли наших слов летят
В пропасть бездонную лет назад,
Сбегаем к краю радуги...

Пасха

Просыпается время и солнцем швыряется ввысь.
Просыпаются город и всеми забытые дали.
Просыпается утро и каждым дыханием хвалит
Подарившего в истине время, и утро, и жизнь.

Просыпается в утренних птицах умывшийся лес.
Свежий ветер играет рассвет на псалтири и гусях.
Просыпается юный ручей в новорожденном русле.
И смеется, и хвалит Того, Кто сегодня Воскрес.

И уже не уснут, не исчезнут они никогда
В черном танце теней, в царстве мрака, и ада, и смерти.
Если скажут однажды, что умер творец – вы не верьте!
Даже в озере ночью безлунной темнеет вода.

Да темнеет на время, но снова проснется рассвет.
И планета опять расцветет и наполнится пеньем.
И нарядом украсится праздничным летне-весенним.
Потому что Воскрес этот мир написавший Поэт.

Счастье

С моря пароход не вернулся назад.
Снова черный плат покрывает луну.
Снова катастрофу прогнозы сулят,
Обрекая мир на болезнь и войну.

Но сквозь мрак небес пробивается луч,
И бессильно зло, и поругана ложь.
И к живой душе явлен нежности ключ,
Если в мире ты. Если помнишь и ждешь.

И луна к звезде будет бережно плыть,
И не рухнет мир, в суету накреньясь,
Если только крепче я буду любить,
Если только ты не разлюбишь меня.

ПОЭЗИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Сейран СУЛЕЙМАН

Сейран Сулейман (Сулейманов Сейран Акбаралиевич) родился 18 февраля 1979 г. в Узбекской ССР (г. Фергана). С 1991 года проживает в Крыму. В 1996 г. окончил Красногвардейский лицей для одаренных детей. В 2002 г. окончил филологический факультет (специальность – филолог-тюрколог) Крымского государственного инженерно-педагогического университета. Работает главным редактором газеты «Янъы дюнья» («Новый мир»). Автор пяти книг – сборники рассказов, стихотворений, публицистика.

Литературные произведения автора печатались в Крыму, Москве, Татарстане, Азербайджане, Турции и Узбекистане. Произведения автора вошли в антологию «Поэзия. Современная литература народов России» (Москва, 2017), в антологию «Современная литература народов России: Поэзия и проза» (Москва, 2024). Участник ряда международных симпозиумов и фестивалей. Переводчик. Член правления Крымскотатарского союза писателей. Заслуженный журналист Крыма. Лауреат международной литературной премии им. Махмуда Кашгари.

Голубь

Памяти Алишера Навои

В родные края, в дом родной возвращался,
Воркующий голубь, над полем летя,
Но жадному шаху он в руки попался –
И клеть окружила его золотая.

Настал день прекрасный – по воле Аллаха
Покинул наш голубь златую темницу,
Обрел он свободу от злобного шаха –
Тот взглядом свирепым спроваживал птицу.

Без устали голубь, мечтой окрыленный,
Парил над лесами родимого края,
Но дом был разрушен. Как громом сраженный,
Упал на гнездо он, над кровом рыдая:

«Не надо мне клетки великого шаха
Пусть стены в ней злато, а дно – серебро,
Гнездо мне дороже из пепла и праха,
Хоть все в нем разрушено и сожжено».

Перевод с крымскотатарского Лидии Огурцовой

Поверил

Поверил дереву джигит,
Сгорело дерево дотла.
Поверил он цветам, увя...
И те пожухли до утра.
Поверил он ветрам. И что ж?
Ветра промчались мимо прочь.
Любимой верил он. Она
В другого страстно влюблена.
Он верил другу, тем словам,
Что тот когда-то говорил.
И друга нет, и те слова
Рассеялись, словно дым.
Ужель поверит он кому?
И можно ль верить самому...

Перевод Нафисы Нейфельд

Поэт

Поэт избрал один закон –
Стоять за правду до конца.
Кровь – ранен в грудь врагами он,
Но словом жжет людей сердца.

И пусть поэт ослеп от слез,
От лжи, которой мир пропах –
Он истину с собой принес,
Бессмертие найдя в стихах.

Перевод Ольги Прилуцкой

Ты словно пери

Сонет

Напрасно вдали от тебя хотел скрыться –
Все чувства мои к тебе тянутся вспять.
Ты взглядом одним сердце в плен смогла взять,
Теперь оно – в клетке плененная птица.

Все крыльями бьет и к тебе все стремится,
Ведь жить без тебя нам с ним просто невмочь.
Тоскуем мы с ним о тебе день и ночь.
Стремленьем к тебе пусть навеки продлится.

Ты в жизни моей, словно пери, явилась,
Должно быть, спустилась с небесных высот,
Дав чувствам и крепость, и радость, и милость.

Бывает, скажу: хватит муки терпеть,
Она ведь к тебе никогда не придет.
Но жить без тебя – в сто раз хуже, чем смерть.

Перевод Венеры Рябчиковой

ПОЭЗИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Роза АГОЕВА

Роза Аминовна Агоева родилась в Кабардино-Балкарии. Окончила нальчикское педагогическое училище им. 50-летия ВЛКСМ (ныне – педколледж). Занимается переводами (переводит поэзию Северного Кавказа на русский язык).

Печаталась в газете «Вечерний Ростов», в альманахе «Вдохновение», в журналах «Литературный Кисловодск», «Литературная Кабардино-Балкария», «Вайнах», в книге переводов с армянского Риммы Ра, альманахе «Дон и Кубань», в чеченской газете «Вести республики». Под одной обложкой с ростовским поэтом И. Антоновым издала три сборника стихов: «Два крыла» (2003), «Дуэт» (2006) и «Третий взлет» (2008).

Кто ближе по духу...

Мы с Вами на многое смотрим по-разному,
Как будто пришельцы из разных миров.
Откуда тогда, неподвластное разуму,
Ожившей надеждой из сказочных снов
Особое, теплое, редкое чувство,
Желание счастье и радость дарить?
Откуда уменье улавливать чутко
Сердечного зова тончайшую нить?
Я знаю, случайной не может быть встреча
На стыке исхоженных тропок земных!
Признанием ярким пульсирует вечность:
Кто ближе по духу – роднее родных...

А Истина – в единстве двух начал!

Вопросов нескончаемых атака,
Еще немного, началась бы драка,
Еще чуть-чуть, была б я ими в плен
Захвачена, а время перемен,
Что созревало в сердце столько лет,
Вспять повернуло б жизнь мою, но свет
Божественный вдруг душу озарил,
Законы Мироздания приоткрыл...
Я поняла, что Света нет без Тьмы,
Что Минус с Плюсом в мире жить должны,
Что Верху равен Низ, а Низу – Верх,
За Неудачей вслед спешит Успех;
Что без Войны не знали б слова Мир,
Что Жизни нашей ценен каждый миг,
Без Смерти знать могли бы мы едва
(Как трудно мысли облекать в слова!)
Добро для Зла, Зло для Добра – причал,
А Истина – в единстве двух Начал!

Дар нести надежды свет...

Прикоснуться к тайне вечной
И очнуться в яви грез-
Снова девочкой беспечной
По тропе, среди берез
Пробежаться, с ветерочком,
Словно наперегонки,
Или с горки кувырочком,
Или, нацепив коньки,
В старом, теплом свитерочке,
Состоящем из заплат, –
Этот мир мечтою срочно
Переделать на свой лад.
...О поток фантазий бурных,
Подхватил меня куда?!
Мыслей сбивчивых, сумбурных,
Иллюзорных череда...
Ни конца им, ни начала...
Одного хочу теперь –
В устремлении к Идеалу
Прошлому захлопнуть дверь.

И при этом взять с собою
Только опыт прошлых лет,
И, доверенный судьбою,
Дар нести надежды свет!

Жизнь примеряет новый наряд...

Где у дороги, словно объятья,
Ветви раскинув, ивы стоят,
Сердцу приятный слышу опять я
Неугомонный топот ребят.
Там, не желая с толпою сливаться,
Мчится девчушка, силясь догнать
Ветер, ласкающий кроны акаций.
Как непокорна кудрявая прядь!
Воспоминаний светлых страницы...
Перевернулась судеб тетрадь...
Канули в Лету детства зарницы,
Жизнь примеряет новый наряд...

На просторы милой Кабарды...

Чегемград! Родной мой Чегемград!
На Пегасе видишь седока?
Приглядишься к нему, ты будешь рад –
Дочь спешит к тебе издалека!
За спиной – воспоминаний груз,
Ноша та светла, но нелегка,
А в душе накопленная грусть
По тебе, тебе, Чегем-река!
Воскрешая девичьи мечты,
Радость встречи – миру напоказ –
На просторы милой Кабарды
Держит путь крылатый мой Пегас!

Что может быть чище воды родниковой...

Что может быть чище воды родниковой?
Что может быть слаще, чем утренний сон?
Кто краше и лучше девчонки бедовой,
В которую ты безответно влюблен?
Наверное, нет однозначных ответов

На эти вопросы, к чему их искать?
Уместно ль на ветер накладывать вето,
Его обвиняя в паденье листка?!
А если вопрос мы поставим иначе:
Что в жизни любого важнее всего?
Тогда-то и будет ответ однозначен:
Жить в мире незыблемом, в мире без войн!

Чарующий звуками, нежный...

Чарующий звуками, нежный,
Красивый, певучий язык.
Он чист, как ребенок безгрешный,
Он – как животворный родник!
В огромном роскошном букете –
Диковинный чудный цветок,
Спасенным от жажды воспетый
Воды долгожданный глоток!
О! Сколько же разных наречий
Способен в себя он вместить!
Язык, на котором о вечном
Кулиев любил говорить!

Елена АЛЬМАЛИБРЕ

Елена Альмалибре (литературный псевдоним Елены Викторовны Натальченко) – магистр филологии, переводчик, член Союза писателей России, автор четырех книг. Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Дон_новый», «Север», «45 параллель» и др. Лауреат конкурса «СЕВЕРная звезда», IV международной литературной премии «Перископ-2020», Национальной премии ЮФО, дважды обладатель премии Губернатора Ростовской области для представителей творческой интеллигенции.

Моя душа не миновала моря
И марева его цветных сетей.
Я с берега не ждал дурных вестей,
Но письма долетают против воли.

Я вспомнил детство, мать,
наш домик ветхий,
Задумался, закутался, затих.
А море мной играло, словно щепкой,
Качая на ладонях вод своих.

Меня, как в шторм, бросало и мутило,
Потом шепталось:
лучше душу вынь...
Церковное, туманное кадило,
Распятие плывущего, аминь.

Небесные врата средь звездной ночи,
Как крылья, раскрываются легко.
И слышу:
«Береги себя, сыночек»,
Пока лазурь белеет в молоко.

Тут осталось уже, по-хорошему, Господи,
Перебиться не сотню, а дюжину лет,
Повалиться в перину ковылевой проседи,
До весны обмелеть.

Выдыхать потихоньку, играя снежинками,
Не прогневать бы тучу – их тучную мать.
Дети-внуки давно разбежались тропинками,
Что теперь горевать?

Прислониться к березе – одной, неприкаянной,
В тихом поле донском, от полесья вдали.
Мочи нет откликаться на чье-то раскаянье,
Все само догорит.

Стало быть, обманулась – весна не воротится.
Вот и спи, не тревожась о завтрашнем дне.
Между жизнью и смертью кривая околица,
Только я на какой стороне?

Пока растаптывался снег
И лошадь в такт зиме кивала,
Наш русский слог, что оберег,
Звенел в груди моей усталой.

Заиндевелые виски
Под шапкой не могли согреться,
Но сохраняли колоски
Зерно для птиц-переселенцев.

И вспоминались исподволь
Раскладки слов и ритмы сердца,
И храм притихший, но живой
Светился с домом по соседству.

Смотрели дети – две свечи –
На счастье выкормленной стаи,
А в играх мячики, мечи
Порой менялися местами.

Донской сонет

Донской пейзаж в окладе золотом,
На кухне пахнет блюдами Кавказа,
Но по глазам казачку видно сразу,
Сквозь осень проступает отчий дом.

Задор и злость на лужах вымещать –
Чем не забава, да еще с разбега.
На севере – по щиколотку снега,
А здесь, на юге, все еще в плащах.

Охота верить в бесконечность детства,
Когда река и степи по соседству,
Кивают райских яблок деревца.

Глубоких дум невольные печали
Пройдут от голосов родных звучанья
И песен без начала и конца.

Ольга ГУБАРЕВА

Ольга Ивановна Губарева родилась в селе Сандата Сальского района Ростовской области. По специальности экономист сельского хозяйства.

Печаталась в областных и центральных газетах и журналах, стихи выходили в Болгарии и Венгрии, положены на музыку несколькими композиторами, выходили на пластинках фирмы «Мелодия» и аудиодисках. Является лауреатом премии Союза журналистов им. селькора Баева за цикл очерков о жителях села и ветеранах Великой Отечественной войны.

Ольга Губарева выпустила более десяти сборников поэзии и прозы в различных издательствах.

В настоящее время живет в г.Батайске Ростовской области.

ЖИЗНЬ

Не лишайте себя удовольствия жить,
Неудачам и бедам не внемля,
С первым снегом и с первой травинкой дружить,
Приходящих на грешную землю.

В жизни каждого черная есть полоса,
Но не надо тоске предаваться.
Жизнь порою такие творит чудеса,
Что приходится лишь удивляться!

И в зияющей бездне проглянет рассвет,
И с небес водопадом прольется
И любовь, и удача, и молодость лет,
И надежду подарит вам солнце.

Пусть вас будет шальная кручина кружить,
Пусть бредет по пятам волчья стая,
Все равно, всем назло надо все-таки жить,
Как цветок, сквозь асфальт прорастая!

Вальс

Моим родителям

Был полон зал, а в зале – бал.
Кружились пары в вихре вальса.
И ты со мною танцевал,
И наступить на шлейф боялся.

Шел вечный счет на «раз-два-три»,
И от скольженья тел друг к другу
Дрожала у меня внутри
Струна, натянутая туго.

А за окном клубилась мгла
И в звуках музыки купалась,
А за окном сирень цвела
И подсмотреть в окно старалась.

То было много лет назад.
Конечно, даты позабылись,
Но помню я твой светлый взгляд
И то, как мы с тобой кружились.

И все, что в жизни удалось,
Все, о чем стыдиться нам не надо,
С той теплой ночи началось,
С летящего навстречу взгляда.

Опять с тобой в который раз,
Не торопясь, мы входим в осень.
Давай же тот далекий вальс
Еще для нас сыграть попросим.

В такт нежной музыке скользя,
Хочу, чтоб мы с тобой не сбились,
Хочу, чтоб дети и друзья
За нами в вальсе закружились!

Провинция

Сыплют в землю с неба звезды-льдинки,
Путаются в выкосах жнивья.
Как живешь, российская глубинка,
Тихая провинция моя?

От Кремля Московского далече –
У тебя своя печаль и боль.
У тебя свои суды и вече,
И позор, и слава, и любовь.

Что тебе элитные бомонды,
«Звезды», о которых столько лгут?
Не выходят никогда из моды
У тебя терпение и труд.

Ими только счастлива и свята,
И Москве отсюда не видна.
Ты хлебами тучными богата,
Дивными талантами красна.

Из глубинки черпаются силы
Для побед и подвигов страны.
Будешь ты всегда крепка, Россия,
Если здесь, в провинции, сильны!

Выбор

В трудные времена
Не упusti шанса.
Где-то гремит война,
Где-то гремят танцы.

Хватит на всех с лихвой
Праведности и блуда.
Кто-то из нас – герой,
Кто-то из нас – Иуда.

Годы сплетет нить...
После не злись, ибо
Как на земле жить –
Это лишь твой выбор!

Никуда уже не спешу.
Застарели мои тревоги.
В старом домике жизнь вершу,
В старом домике при дороге.

Здесь направо – река дугой,
А налево – хлеба и травы.
И нигде не найти другой
Ни околицы, ни державы.

Только эти мне – хлеб да соль,
Здесь и судьи мои, и боги,
И родительская любовь
В старом домике при дороге.

Здесь судьбы моей поворот
Так меня крутанул когда-то...
Сын мой дальше меня пойдет,
Все вобрав, что мне было свято.

И заносчивость, и вражду,
И унынье, и скорбь отринув,
В старом домике подожду
Возвращения из странствий сына.

Гуси-лебеди

То не диво, то не лихо,
То не белый снегопад.
Над моей землею тихой
Гуси-лебеди летят,

Проплывают, проплывают,
Над донской волной скользят,
Пухом сушу устилают,
Небо криком бередают.

Их из дальнего предела
Поманил весенний зов,
Их повел вожак умело
В край родимых берегов,

В край, где ночью сладко спится,
В край, где воздух свеж и пьян,
В край, где солнце в колеснице
Мчится в утро сквозь туман.

В отчий край, где пахнет мятой,
Правит крылья птичья рать,
Где так просто и понятно
Жить, любить и умирать!

Виктория МОЖАЕВА

Виктория Валерьевна Можаяева член СП России. Публиковалась в журналах «Дон», «Молодая Гвардия», «Родная Ладога», «Двина», «Подъем», «Родная Кубань», «Алтай» и многих других. Победитель Всероссийских премий: «Имени Бориса и Глеба», «Им. поэта-воина И. Григорьева», «Позывной Россия», премия им. М.А. Шолохова, Международного конкурса «Молитва», др. Проживает в хуторе Можаяевка Ростовской обл.

*«Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола».
Н. Тuroверов*

А я все помню те года,
Где в клочьях дыма и болтанках
Гремели наши поезда
На безымянных полустанках.
Я слышу, словно наяву,
Колес движенье с ветром рвущим.
С подножек прыгали в траву,
И шли пешком к огням зовущим.
Варили кашу с молоком
И борщ с грибами ради пира.
И был нам вовсе не знаком
Противный вкус чужого сыра.
И, вспоминая те года,
Я часто думаю с тоскою,

Что шли мы явно не туда
Под тяжелой бронзовой рукою.
На нас смотрел с прищуром мир,
Но мы об этом не грустили.
Мы сотворяли свой кумир,
И на костях сады растили.
И хоть от смеха разревись,
А жизни должно продолжаться...
Россия, где ты?! Отзовись...
Я так хочу к тебе прижаться!
Чтоб каждый был другому рад,
Но по любви, не поневоле,
И чтоб обнялся с братом брат
На том кровавом русском поле,
Чтоб зрели к сроку семена,
Чтоб зеркала не покривились,
Чтоб стала храмом та страна,
Где храмы прахом становились...
Но словно ворон распростер
Над нами крылья волей злою...
Все тлеет, тлеет тот костер,
И не становится золою.

Глядит в окно мое луна,
А мне темно.
Десятый год глядит война
В мое окно.
То хрип, то стон в моей груди,
То жар, то лед...
Я говорю ей: «Уходи!» –
Десятый год.
Плету, как кокон, забытье,
Но все равно
Глазницы черные ее
Глядят в окно.
Гремят разрывы по реке,
Поля красны...
Стоит мой дом на островке
Среди войны.
Ее ухмылки нет кривей,
В грязи, в крови:
«Отдай мне только сыновей...
Сама – живи...»

Мне не по силам с ней в борьбе,
Не по годам...
Но сыновей своих тебе
Я не отдам!
Они не сгинут, не падут,
Не смей, не тронь!
И невредимыми пройдут
Через огонь...
Моя молитва – им стена,
И в стынь, и в зной...
И тенью падает война
Передо мной.

На моем берегу
Может всяк человек
Пришвартовывать:
Здесь найдется ночлег,
И беседа, и ночью, и днем.
Я стрелять не могу.
Я могу только перебинтовывать,
И молиться за всех,
Кто сегодня опять
Под огнем.
Я могу только ждать.
И другого не знаю усердия.
Только плакать могу,
Как княгиня со стен в старину.
Может, стану и я
Для кого-то сестрой милосердия,
И платком с головы
Чью-то смертную боль оберну.

Запеклись в душе слова, как на ране,
И не сплю до петухов я до третьих...
Дай мне, Боже, выносить с поля брани
Во единый лазарет тех и этих.
Чтобы свечи в лазарете горели,
Чтобы стражники стояли, крылаты,
Чтоб в глаза они друг другу смотрели,
Заключенные в пространство палаты.
Чтобы понял тот, кто взял меч не правый,

Братской кровью свою душу чернивший,
Что под Киевом сидит семиглавый
Змей поганный, христиан полонивший.
Чтобы те вдруг сокрушились, как эти,
Чтобы плакали до дна, до одышки,
Чтобы спели им донецкие дети,
Прямо с неба, про рисунок мальчишки...
Запеклись в моей душе эти грезы,
И смешны они, конечно, и странны...
Дай мне, Боже, отирать эти слезы,
Дай мне, Боже, омывать эти раны...

Там, за степями, за ярами,
В глубинке русской неизвестной,
Стояла женщина во храме
Перед Царицею Небесной,
Поклоны делала земные,
А стрелы сердце разрывали:
Два сына кровные родные
Друг против друга воевали.
Ей все слова казались лживы,
Одной мольбой глаза светились:
Чтоб оба сына были живы,
И оба с миром воротились.
Стучала в стены злая слякоть,
А ей все мнилось утро мая,
Как парни будут пить и плакать,
Седую мамку обнимая,
Как после будет вишен сладость,
Вздохнет народ, сады сажая,
И будет солнце, будет радость,
И свадьбы после урожая,
Как будет жить, внучат лаская,
В семье, спасеньем осененной...
И кровью плакала «Донская»
Над головой ее склоненной.

Города далеки,
зимний ветер гудит расставаньем,
Хорошо, если есть
где укрыться в уютном тепле...
Я живу у реки
с неразгаданным древним названьем,
Только небо вокруг,
словно ты не совсем на земле.
На речном рубеже
обрываются тропки кривые,
И хранит тишина
чьи-то песни, шаги и бои...
Здесь нас мало уже,
и с умершими вместе живые
По пасхальному дню
на погосты приходят свои.
А река как текла,
так течет, от лучей золотая,
И расскажет она
тем, кто после пройдет над водой,
Как красива была
эта жизнь моя, вроде простая,
В лопухах и цветах,
и в сиянье листвы молодой.
И опять соловьи
ту же райскую радость приносят:
Не для смерти живем,
только с узкой тропы не сойди...
Распинают свои,
а чужие лишь гвозди подносят,
Но ни тех, ни других -
не суди, не суди, не суди...

Ирина САЗОНОВА

Ирина Анатольевна Сазонова – член Союза писателей России с 2008 года. Выпустила 8 поэтических сборников, три художественно-познавательных издания, четыре книги прозы. Ее произведения неоднократно публиковались в донской периодике, газете «Российский писатель», журналах «Дон_новый», «Крым», «Берега» и др., а также в зарубежных изданиях. Призер Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Дрезден-2007». Делегат 10-й и 11-й Международной писательской конференции «Побратимы светове» (Болгария). Книга И. Сазоновой «Отдашь своим детям» переведена на болгарский язык и издана в Софии. С 2015 года занимается художественными переводами стихов с болгарского, белорусского, испанского и с языков народов России на русский язык. Дважды лауреат газеты «Российский писатель» (2017, 2023).

Ростовская набережная

У набережной скрыться летним днем,
Когда в кустах подстерегает осень,
А мы уже с утра с тобой вдвоем –
Часов так семь, а может быть, и восемь.
За столик сесть, вплотную к рубежу
Воды и суши в виде парапета,
Смотреть, как катит длинную баржу
Дон, подуставший на исходе лета.
Поднять глаза в иную синеву,
Случайно опершись на низкий цоколь,
И удивиться, как, разъяв листву,

Раскинув руки, небо обнял тополь!
Виском расположиться возле глаз
Твоих – и превратиться в степень воска,
В упор не видя вперившейся в нас
Скучающей девицы из киоска.
Услышать, как ростовски гомонят
Подростки и подвыпившие дамы,
И бросить мимо л етний легкий взгляд
На выверты донской пивной рекламы.
Посожалеть, что только отвалил
Речной трамвайчик на Зеленый остров,
Присесть, уже «без ног», почти без сил,
На разогретые ступеньки просто...
А Шолохова вдруг вообразить
Живым, а не застывшею скульптурой...
И день последний лета завершить
Содружеством любви с литературой!

Отец

В отце люблю гранитность духа,
Что только тверже с каждым днем:
Почти нет зрения и слуха,
Но честь и мужество – при нем!
Он не меняет убеждений
И понимает, что к чему –
Их в жаркой кузнице сражений
пришлось выковывать ему!
Всегда отбрасывал потворство
Он, не теряя доброты,
И если есть во мне упорство,
То это след его черты.
Как он красив был в тридцать, сорок –
На фото впрямь восточный князь!
Но мне старик согбенный дорог:
Гляжу – и плачу, не таясь!
Он, защищавший Севастополь,
Нуждается в защите сам...
Позволь же мне, суровый тополь,
К седым прижаться волосам!..

Осень. Грачи. Качели.
В жарких лучах овраги.
На лиственной постели
Греют бока дворняги.
Негой зазывной, майской
Светятся ноябрины,
Золотом птицы райской
Выстлано дно лощины...
В этой весне обманной
Пальцы опять сомкнулись –
Тропкою Левитана
В прошлое мы вернулись.
Снова порыв полета,
Снова согреты плечи –
То ли приснилось что-то,
То ли случилось нечто...
Память твердит: бывали
Мы в заповедье счастья.
Солнечность этой дали
Тучи разрыва застыт...
Ступим же в реку дважды,
Волнам доверясь грозным!..
Зная: от жгучей жажды
Не откреститься. Поздно.

Пусть останется...

*«...Остановись, мгновенье!..»
Гете. «Фауст»*

Лиловеют созвучья бегоний,
Дух цветенья всевластвует тут,
По расщелинам стенки беленой
Алой стайкою розы ползут...
А плодов не рождавшая прежде,
Пустоцветна который уж год,
Наливается соком черешня,
Свесив пурпурный первый приплод!
Благодать после бури воскресла:
И отмытая светлая высь,
И трава, и плетеные кресла,
И щебечущий гомон – слились!..
Царство лиственных, вечнозеленых...

Сад небесный, эдемский – точь-в-точь!..
Древокружевом лик осененный –
В гамаке прикорнувшая дочь...
Так весны распахнувшейся много
И таким ароматом дышу,
Что, надеждой ведомая к Богу,
О застывшем мгновенье прошу.
Я молю милосердия Господня:
Пусть недужье изгонится прочь,
Но останется все, как сегодня:
Небо. Сад. Дух медовый. И дочь...

Анжелика САЛТАНОВА

Анжелика Салтанова (Анжелика Дмитриевна Шульженко) – член Союза писателей России, поэт, переводчик. Лауреат национальной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, Областного литературно-творческого конкурса «365 дней с книгой» Донского Культурного Марафона. Имеет публикации в литературных журналах. Автор сборника стихотворений «Небесные киты».

Зерно

Я поставила свечи: за здоровье, упокой,
помолилась за тех, чья душа день и ночь болит...
Отче, если услышишь надтреснутый голос мой,
спрячь Россию от бед под священный надежный щит.

Пусть она заживет, пусть утихнет ее печаль,
а твои сыновья возвратятся домой к родным.
Знаю, в сердце у каждого – личный святой скрижаль,
все заветы твои мы с надеждой и верой чтим.

Ты избави нас, Отче, от всякой беды и зла,
от греховных идей, от проклятий, лукавых слов.
Если в чьей-то душе поселилась глухая тьма,
оборви у корней, не позволяй ей пустить ростков.

Милосердный Отец, нашу землю благослови,
пусть теплом наполняет ее животворный свет.
В хрупких душах людских ты посеи по зерну любви,
где оно прорастет – там ни горя, ни смерти нет.

Возвращайся

Возвращайся всегда домой,
даже если твой путь тяжел.
Между линией огневой
и порогом – один шажок.

Если сильно болит в груди,
воздух в легкие – через раз,
знай, что ты такой не один,
помни, Бог бережет подчас.

Не сдавайся, когда темно,
свет всегда у тебя внутри.
Как зеницу храни его,
и себя ты, прошу, храни.

Если карты нещадно врут
и дорога ведет во тьму,
будь отчаянным, смелым будь, –
обыграешь свою судьбу.

Между линией огневой
и порогом – несокрушим.
Возвращайся всегда домой.
Возвращайся
домой
живым.

Верни меня, пожалуйста, верни,
в двухтысячное лето под Ростовом,
где было жарко в яблочной тени,
а счастье обжигало льдом фруктовым.
Там спал в траве скакун – велосипед,
шумели ивы вдоль неспешной речки,
венки из одуванчиков и лент,
из бисера – бесценные колечки,
любимый абрикосовый компот.

...там бабушкины руки, как могли
держали безграничный небосвод.

Верни меня, пожалуйста, верни.

Нежность моя спит внутри много сотен лун,
милым котенком свернувшись под самым сердцем.
Если под окнами дома костры зажгу,
сможет ли кто-то в полночном тепле согреться?

Пальцы озябшие робко лизнет огонь
и зашипит, моментально назад отпрянув.
Лишь на мгновенье закончится долгий сон,
нежность во мне расцветет полевым тюльпаном,
дрогнут ресницы, улыбка коснется губ –
ветер внезапный прохладой грудь потревожит...
Каждый цветок, как сокровище, берегу,
все лепестки сохраняю внутри, под кожей.

Пусть в тишине предрассветной горят костры,
кто-то любит их золотым мерцаньем...
Веки смыкаю. И вновь безмятежны сны.
нежность во мне просыпается от касанья.

Слова

Внутри слова – застывшая смола,
сковали горло. Нет во мне ни звука.
Я голос свой годами берегла,
а он исчез. Но разве это мука?
Куда страшней – не слышать этот мир
и не вдыхать его морозный воздух.
Пусть вместо текста тянется пустырь,
который мной в молчании был создан.
Быть может, там когда-то прорастут
скупые семена моих историй,
и навигатор выдаст мне маршрут,
который до сих пор был не освоен.
И я вернусь. Слова придут в мой дом,
поселятся в растопленном камине.
Я овладею новым языком,
он зазвучит в стихах моих отныне
и станет самым правильным из всех,
мой голос обретет былую силу.
На землю ляжет первый мягкий снег, –
слова взлетят снежинками к светилу.

Дмитрий ХАНИН

Дмитрий Игоревич Ханин – член Союза писателей России с 2011 года, поэт. Живет и работает в городе Ростове-на-Дону. Родился в 1989 году, выпускник факультета математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета, воспитанник Ростовского областного литературно-творческого объединения «Дон» (руководитель – И. Н. Кудрявцев). Лауреат нескольких литературных премий.

Хоть этот город настолько мал,
Что вряд ли известен гидам,
Приеду я на его вокзал –
К черешне и ветру выйду.

Нет смысла на будни свои серчать,
Сойдя у реки лучистой –
Здесь голуби будут меня встречать
На площади, как таксисты.

Пускай обветшалы кругом дворы,
Но что-то в них есть от рая,
И люди не слишком лицом добры,
А двери не запирают.

У старой калитки присяду я
И в скрипе едва расслышу,
Что не на китах возлежит Земля,
А на треугольных крышах,

Что в мире, где вóйны срываю́т кров,
Где вечность крошат на части,
Чем больше маленьких городов,
Тем меньше больших несчастий.

Так хочется сердцу читать научиться,
Да видно, пока я еще не дорос.
На тихом снегу, как на книжной странице,
Чернеют бессонные буквы берез.

С рассвета гляжу на ветвей очертанья,
На смутные знаки холодных стволов
И в них замечаю Вселенной посланье,
Где ясны душе только несколько слов.

Слова-то простые – «Любовь» да «Молитва»,
А слоги надежды от ветра звенят.
И слышатся рифмы, безумствуют ритмы,
В которых восходом наполнен закат.

И страшно мне браться за стихотворенье –
Имею ли право? Совсем не пойму.
Пока столь обрывочны навыки чтенья,
Всерьез невозможно учиться письму.

Герань

Окно на юг. Небесный луч в окне.
Любуясь им, наивная герань
Как будто говорит: «Куда ни глянь,
Все в комнате на светлой стороне».

Вповалку в тумбе спят черновики.
Сейчас бы не забыть случайно мне,
Что и они на светлой стороне
Своим земным огрехам вопреки.

В них что-то есть от листьев и стеблей,
Хотя герань любых стихов светлей.

Бревно

*И кружит старая планета
Всю современность бытия.
А. Прасолов*

В конструктивизме,
 в гуще города –
Где все бетоном стеснено, –
Взгляни – без видимого повода
Лежит столетнее бревно.

Прогресс – затея интересная,
Кругом синтетики размах!
Несовершенное древесное
Гниет в неразвитых веках.

Лоснится улица экранами,
Повсюду техника слышна,
Тарелка с инопланетянами
И то уместнее бревна.

...Но как былое ни охаивай,
Так ободрительно смешно
Себя почувствовать архаикой,
Присев на ветхое бревно.

И прорастет в душе все лучшее,
Когда невидимой листвой
Зашелестит бревно могучее
И оглушит рассудок твой.

ПОЭЗИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ – АЛАНИИ

Залина БАСИЕВА

Залина Руслановна Басиева – поэт, переводчик, заслуженный работник культуры Северной Осетии, руководитель секции поэзии Союза писателей Северной Осетии.

Лауреат Государственной литературной премии имени М.Камбердиева, Международной литературной премии «Буламаргъ», Национальной литературной премии имени Нафи Джусоева Награждена медалями Союза писателей России «Сказитель Руси – За заслуги» и золотой медалью «Василий Шукшин». А также медалью Гриша Плиева, Кайсына Кулиева, Керима Отарова, Ахмада Сулейманова, Салиха Гуртуева.

Гора Казбек

Старейшина аланских гор, Казбек,
Сияющий торжественными льдами,
Дающий рекам силу и разбег,
Ты – страж перед небесными вратами.

Ты славен красотой на весь Кавказ!
Щедра земля у твоего подножья.
В Осетии я тоже родилась,
Душою к небу устремилась тоже.

Ты видишь небо близко – что же в нем
О будущем земли моей? – ответь мне!
Неужто снова полыхнет огнем
Суровое, жестокое столетье?

Своею силой грозы отведи,
Не допусти страдания и беды.
Ты гор гора! И на твоей груди
Рождаются великие легенды.

В них подвиги и боль лихих годин,
От ран земли аланской содроганье...
Но благородный духом осетин
Не дрогнет перед новыми врагами.

Величественный, гордый наш Казбек,
Я верю, что в твоей могучей власти
Из года в год, из века в новый век
В Осетии хранить и мир, и счастье!

Перевод Нины Ягодинцевой

О Гимерот! Бог сердца моего!
Земной любви, утех земных даритель!
Покинул ты небесную обитель,
Явился в мир – и озарил его.

Мир будней – сон, и больше ничего!
Взлетаю я над скукою событий.
О Гимерот! Как смею позабыть я
Живой огонь лобзанья твоего!

Бросай меня в пучину пылкой страсти
И в небо подними на крыльях счастья –
О, неужели это наяву?

Пусть сердце, в чувстве пламенном сгорая,
Подарит мне прекрасный образ рая,
Как будто я последний день живу!

Молитва

Жизнь не всегда бывает благосклонна
И не всегда на радости щедра.
Но – есть Господь. Его любовь бездонна,
Безмерна, всеохватна и мудра.

Господь, Тебе свое дитя доверю:
Убереги его от зла и бед!

Не дай ему узнать ни боль потери,
Ни подлость лжи, ни горький вкус клевет.

Да не облитым быть людским презреньем,
Да не продавшим честь свою за грош...
Мои любовь, и слезы, и моления –
Господь, Тебе! Я верю – Ты поймешь.

А если вдруг отчаянье накроет
И крест тяжелый выпадет нести, –
Твоя любовь запасы сил утроит,
Твоя любовь унынья грех простит.

Надежды свет даруй ему, Мой Боже!
Не дай сломаться от житейских бурь,
Будь маяком в пути по бездорожью
И сохрани его души лазурь.

Но если вдруг дитя с пути собьется,
Соблазнов всех не сможет побороть
И от Тебя в безумье отречется, –
Прости его и защити, Господь!

Азау и Таймураз

Спустилась ночь на Гудское ущелье,
Над кладбищем Ганиса тишина,
Лишь ветер шепчет что-то о прощенье
Да в небе светит полная луна.

Бывает жизни ноша непосильной
Для двух сердец – и рвется с миром нить.
Трава забвенья саваном могильным
Укрыла тех, кто так мечтал любить.

Чинар склонился скорбно к изголовью,
С горы родник журчит у их могил,
Вдаль унося рассказ, какой любовью
Всевышний их при жизни наградил.

Да только счастье не сбылось земное,
Покой единый им лишь смерть дала
И в вечный путь под солнцем и луною
Двоих влюбленных вместе повела.

Ни стелы, ни креста, ни изваянья –
Лишь две могилы – как они близки!..
...Но до сих пор на их любви сиянье
Слетаются ночные мотыльки.

Перевод Натальи Куличенко

Амазонка

Простор полей и неба ширина,
Свобода в сердце – звонкая струна!
Я – амазонка, знай!
Мой конь быстрее ветра вдаль летит,
Земля дрожит от топота копыт.
Я – амазонка, знай!

Мчусь к доблести под солнцем и луной,
Моя отвага навсегда со мной.
Ведь амазонка я!
Вот лук и стрелы: бью наверняка,
В сражениях не дрогнула рука.
Да, амазонка я!

Мне никого и ничего не жаль:
Бой закаляет сердце, словно сталь.
Ведь амазонка я!
Мой острый нож на кожаном ремне,
Звенит над миром слава обо мне.
Да, амазонка я!

Я воин: честь в сраженьях берегу,
Обиду не прощаю я врагу.
Ведь амазонка я!
Пусть оборвется жизнь – ведь смерти нет!
В истории останется мой след.
Я – амазонка, знай!

Перевод Ирины Асеевой

Наталья КУЛИЧЕНКО

Наталья Владимировна Куличенко – заслуженный работник культуры РСО-Алания, народный поэт Республики Северная Осетия-Алания, награждена медалью Гриша Плиева «За достижения в области художественного перевода».

Посвящение моей Родине

Я – всего лишь частичка огромной страны,
Нас таких – миллионы идущих по свету,
И я знаю, мы Родине нашей нужны –
Педагоги, бойцы, журналисты, поэты...

Наше «МЫ» – монолит неприступной скалы,
Мы в едином порыве за Родину встали,
И поступки, и помыслы наши светлы,
А характер российский как будто из стали.

Есть кто в мире сильнее?
Я судить не берусь,
Только вижу: враги и дрожат, и бледнеют.
Словно Феникс, из пепла встает моя Русь
И победные зори сияют над нею.

Понимаю, конечно: писательский зуд – маета,
Век недолог у ветреной славы...

Но снова и снова
Ледяного молчания желтый застывший металл
Превращаю в серебряный ливень звучащего Слова.

И пускай я наивна, и тысячу раз не права,
Но в бушующем море чужих афоризмов и строчек
Я найду неизвестные миру – свои – острова
Или, может быть, остров один, или даже кусочек, -

Но найду непременно!
Спасусь от мирской суеты
На клочке каменистой земли, иссушаемой зноем,
И мои заблуждения, мысли, слова и мечты
Будут только моими, и связаны только со мною...

Понимаю, конечно: писательский зуд – маета...

Стареем, не постигнув сущность
Божественного бытия,
Живем в заботах о насущном,
Пьем ограниченности яд.

Сеем, горбимся, толстеем
Под равнодушья пеленой.
Ах, мы совсем не схожи с теми,
Кем были мы давным-давно.

Разлит отравой желчный сепсис,
Мозги затянуты в корсет,
Изъел нутро душевный сепсис,
И вдохновенья – нет как нет.

Ошибки ближних судим строго,
С инакомыслием борясь.
И поминаем всеу Бога,
Втоптав Его в людскую грязь.

Категоричны и негибки,
Необязательны, подчас
Грозим войной из детской зыбки,
Едва агукать научась.

И с каждым годом все жеманней
Возносим к Господу мольбы,
Тьмы неисполненных желаний
Пытаясь вырвать у судьбы.

Увы – старея, не мудреем,
Но костенеет во грехах.
А нам – вернуться бы к апрелям
И воздух юности вдыхать.

*Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд.
Алексей Недогонов*

Когда война шагала по стране
Под рев сирен, в чаду эвакуаций,
Я жил как все. В ту пору было мне
Уже немало лет – почти двенадцать.

В проемы битых окон падал снег,
Мазутные костры нас грели мало,
А мы трудились рядом – я и мама,
И норму втрое превышали с ней!

Не за медали, не за ордена
Был каждый день рабочий с пользой прожит:
Тогда была в опасности страна,
И мы ее спасали – кто как может.

Отец погиб зимою под Москвой.
Был под Смоленском ранен старший брат мой.
И я, подросток, так стремился в бой,
Чтоб отомстить фашистам троекратно!

Придумал лозунг в память об отце:
«Станок – ружье, участок – поле боя».
И как возмездье, с реактивным воём
Мои снаряды поражали цель!

И пусть я не был на передовой,
Не бил из пушки, не ходил в разведку –
Врагов разили моей пулей метко
И генерал, и просто рядовой.

Станок работал!
И за ратью рать
Снаряды шли повзводно и поротно.
Суворовской науке побеждать
Учились мы в тылу, вдали от фронта.

Мои друзья водили трактора
И очищали город от развалин,
Дежурили на крышах, во дворах
И уголь в шахтах на-гора давали.

И вся страна восстала, как один,
В суровую годину испытаний.
И был такой народ непобедим –
Прекрасный сплав из мужества и стали!

Мы – победили!
Миру – жить и цвести!
За всех погибших стопку поднимая,
Я знаю, и моя заслуга есть
В том долгожданном Дне Победы в мае.

Мы с тобою расстались – и точка!
Пустота...
И холодный ноябрь...
Отчего же за строчкою строчка
Возникают из небытия
Это море, залитое светом,
Серпантинный пояс дорог,
Эти дали, омытые ветром, –
Целый мир, нами созданный впрок?
От отчаянья к счастью качели,
Через годы станцованный вальс
И нежнейшая синь Боттичелли
Надо мною сияющих глаз.
Эти кипенно-белые розы,
Запах хвои и шорох листвы, –
То, что было такою не-прозой
И осталось лишь в сердце – увы...
Ты и я – до мурашек, до дрожи,
Каждый в душу любимого врос.

Мы с тобою расстаться не сможем,
Даже если – с другими.
И – врозь...

За окнами – снега, снега, снега,
Глаза слепит от яркой белизны.
От четверга идут до четверга,
От октября – до самой до весны.

И нет просвета в небе, как назло,
Среди морозом выстуженных дней.
Пути-дорожки снегом занесло,
Которые ведут тебя – ко мне.

Прошли и Новый год, и Рождество –
Мы со своих не сдвинулись орбит...
Не помогло душевное родство,
Не защитила нежность от обид.

И даже в самый жаркий летний день
(И это – Боже мой! – не в первый раз!)
Лежит снегов нетающая тень
Меж нами в бесконечности пространств.

...И все же там, за снежной пеленой,
В плену у нескончаемой зимы
Есть мальчик, тот, что счастлив был со мной,
И теплый мир, в котором были МЫ...

И откуда бы взяться добру?
Бескорыстно – кто дарит добро нам?
Если друг – обязательно Брут,
А любимый – так Прошенька Громов.

И горят в бесконечном аду
И себя непрестанно жалеют
Миллионы озлобленных дур
И погрязших в грехах дуралеев.

А казалось бы – просто живи
Без предательски подлого зуда.

Но восходят опять на крови
В черных душах драконовы зубы.

И ложатся строка за строкой
Анонимки, доносы, наветы...
И, как мусор, уносит рекой
Души грешников, канувших в Лету.

Посвящение Владикавказу

Я всегда возвращаюсь к тебе из скитаний и странствий,
Торопясь окунуться в дождливую морось ночей.
Город мой, обрамленный горами Кавказскими, здравствуй!
Здравствуй, Терек шумливый, вахтанговский дом и мечеть!

Парк старинный меня приютит под раскидистой сенью
Тополей горделивых, осин и каштановых лап.
Ляжет вечер ко мне на колени узорчатой тенью
В беспокойно-рассеянном свете оранжевых ламп.

Постою на мосту, где живут золотые грифоны,
Поброжу по Проспекту Коста под автобусный гул,
Загляну в планетарий, как в детстве,
И «щелкну» на фоне
Белокипенных кружев ротонды на том берегу.

К Осетинской слободке вернусь, как к родному истоку,
Пред талантами благоговей, войду в Пантеон:
На границе Истории с Памятью призрачно-тонкой
Помолюсь за ушедших навеки под благостный звон.

Перед факелом с Вечным огнем преклоню я колени,
Пожелаю погибшим героям в Той жизни – добра...
А потом Терренкур распахнет предо мною аллеи
В тишине и величии мудром столетних дубрав.

И опять –
На проспект Александровский в дрожках скрипящих
По мощенным булыжником улицам я тороплюсь,
Заплутав меж веками – ушедшими и настоящим, –
В город-крепость войду –
И навеки в тот город влюблюсь!

Что с тобою, подруга, случилось-то?
Взгляд потухший, платок – на глаза.
И реальность в тебе истончилась так,
Что тебя и увидеть нельзя.

Жизнь тебя прессовала и мучила...
Не давала подняться с колен...
А теперь по такому вот случаю
Грех уныния взял тебя в плен...

И трагично согбенна, как старица, –
«Все прошло...» –
Ты о чем говоришь?!
Склеить ласты, дать дуба, преставиться,
Помереть – не увидев Париж?!

Да, я тоже укатана горками
И прибита к земле нищетой.
И слезами давилась я горькими,
Безнадегой, бескрыльем, тщетой.

Было полной отмеряно мерою
И ознобных ночей, и огня,
И бездушья...
Но все же – я верую:
Мой Париж – он дождется меня!

Валерий ЦАРИЕВ

Валерий Заурбекович Цариев – член Союза писателей России, народный артист Северной и Южной Осетии, поэт, переводчик, основатель факультета искусств Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Награжден медалью Союза писателей России «Сказитель Руси – за заслуги».

Солнце

О вечное сверкающее Солнце!
Твой глаз – огонь, и ты глядишь с небес.
Едва твой взор долин и гор коснется –
Возрадуется множество сердец!

Твой неизбывный свет – любовь и милость,
Людского благоденствия оплот!
О Солнце солнц! От горя защити нас,
Пусть горьких слез никто из нас не льет.

Склоняясь над миром, как над колыбелью,
Глядишь на жизнь, как на свое дитя...
Мы все – в пути. Надеемся, робеем,
А годы скакунами пролетят.

Мгновенны мы, но ты – звезда навеки,
Ты светом призываешь нас из мглы.

Свети, сияй – чтоб в каждом человеке
Огонь любви лучи твои зажгли.

Мама

Как сны мои светлы! Они о прошлом –
И сердцу, и уму – окно в покой.
Они дают надежду осторожно
И украшают жизнь мою собой.

Я не дитя – года летят как ветер,
Но до сих пор я радуюсь во сне,
Увидев маму – взор ее приветлив,
Бегу я по росе, счастливый, к ней!

Играет солнце мягкими лучами,
Алеют земляники огоньки –
Я снова счастлив: жизнь моя – в начале,
Ем ягоды из маминой руки...

Взволнованные бабочки летают,
И щебетом наполнен небосвод...
И мамин нежный взгляд меня ласкает,
И мне смешно, и в землянике рот...

О мама! Чистый ангел снов пресветлых,
Прошу, меня покинуть не спеши!
Хотя б во снах – тебя я снова встретил,
Согрелся я теплом твоей души...

Конь

Бессильны поводья на спутанной гриве –
Их больше не держит рука.
Обрывок веревки на шее, и в мыле
Крутые гнедые бока.

А всадник – ничком. Белоснежная бурка
Вся в пятнах кровавых на нем.
Они добрались до селенья как будто,
Прошли сквозь беду напролом...

Коню вдруг припомнились зелень равнины,
Табун и любимая мать,
О, как же и резво, и неутомимо
Любил он за нею скакать!

Потом жеребенок в коня превратился,
Подпругой стянули бока,
К победе на скачках упорно стремился
И тем восхищал седока.

Наверно, на склонах седого Кавказа
И не было лучше коня!
Хозяина не подводил он ни разу,
В бою выносил из огня.

Но зависть и злость – разрушители жизни,
Гонцы неминуемой беды,
И пули горячие воздух прогрызли,
И кровь залила их следы...

Последние силы коня покидали,
Он тихо, тоскливо заржал –
И мир замолчал в бесконечной печали,
Когда он на землю упал...

Молоток и гвозди

Гвозди стальные под шляпами плоскими
Месть молотку замышляли давно –
Он, кривобокий, ударами жесткими
В доску вгонял, забивал их в бревно...

Сколько терпеть им ярмо это гнусное –
Дать бы обидчику должный отпор!
Разные гвозди – прямые и гнутые, –
Вслух в мастерской завели разговор:

«Наше терпенье иссякло! Доколе мы
Будем удары кривые сносить?
Гордо поднимем железные головы
И преисполнимся праведных сил!

Выскажем все, воспротивимся деспоту,
Прямо осудим его произвол!

Хоть и сердца заржавели в бездействии,
Сталь неизменно крепка до сих пор!»

Гвозди построились. Твердо решение –
«Где молоток? Пусть отвечает нам!»
И молоток им привычным движением
Всем настучал по стальным головам.

Перевод Нины Ягодинцевой

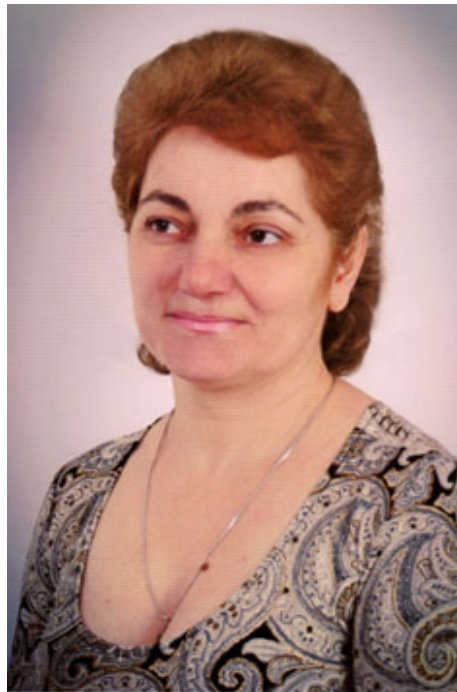
Кинжал

Ты шел сквозь века величаво и грозно,
Неся беспощадную гибель врагам.
И черные призраки прятались в гнездах,
Порою от смерти всего в двух шагах.
Как молния сталь твоя ярко сверкала,
Ты жаждою битвы всегда был гоним.
И враг не избегнул смертельного жала,
Которое вдруг появилось над ним.
Бескрайние силы в каленом железе
Созрели, чтоб точный удар нанести...
Испытывать стойкость твою бесполезно,
Она – как железное сердце в груди!
И в яростных битвах ты равных не встретил,
Но гнев обуздать неумный твой смог,
Подняв как коня на дыбы, но не плети, –
Прекрасной одной осетинки платок.

Перевод Марины Ахмедовой-Колюбакиной

ПОЭЗИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Сусанна БАГРАМЯН

Сусанна Оганесовна Баграмян родилась 28 апреля 1960 года в селе Джагир Шамхорского района Азербайджанской ССР.

В 1961 году с семьей переехала в Калмыкию, где окончила Башантинский совхоз-техникум им.Ф.Г.Попова, после чего проработала 30 лет бухгалтером на Георгиевском арматурном заводе имени В.И.Ленина. Живет в Георгиевске.

Член Союза писателей России с 2017 года.

Стихи публикуются в периодической печати. Автор пяти поэтических сборников.

С 2011 года в течение восьми лет руководила литобъединением «Слово» имени Эффенди Капиева при Российской курортной газете «Кавказская здравница» в Пятигорске.

Русскому народу

Миротлюбивый братский наш народ,
Не нам ли, малым коренным народам,
Тебя ценить, идти одной дорогой,
И жить одной судьбой из года в год?!

Не нам ли, населяющим Кавказ
Всем православной веры христианам,
Благодарить тебя, что от османов
Ты нас спасал как старший брат не раз?!

Не нам ли, мирный поднимая флаг,
Над мраком зла, над серостью рутинной, –
Быть заодно с тобою – исполином,
В минуты те, когда подступит враг?!

Не нам ли, сердцем ощущая грусть,
Боль за судьбу Отечества родного, –
Не падать духом, окрыляться снова
И укреплять духовно нашу Русь?!

Не нам ли, постигая вновь и вновь
Всю многогранность русского искусства, –
Тобой дышать, писать стихи на русском,
К святой Руси испытывать любовь?!

Не нам ли страсть к познаниям проявлять,
Перенимая русскую ученость,
Свою являя миру просвещенность,
России ломоносовых рождать?!

Не нам ли, в жизни ощутив тепло
Твоей любви, – дарить такую ж благодать,
И выражать большую благодарность
За то, что взял нас под свое крыло?!

Язык дружбы

Язык великой дружбы вековой
Для нас, потомков, стал дорожке злата.
Два родника – Капиев и Гамзатов –
Слились с могучей русской рекой.

В ней свежесть гор и аромат долин,
В ней дышат жизнью Эффенди новеллы,
И стих Расула слышится напевный
Про журавлиный в поднебесье клин.

Манил к себе загадочный Кавказ
Недаром Пушкина – великого поэта,
Чьим гением навек в стихах воспето
Величье гор, волнующее нас.

Язык любимый бережно храним.
На нем мы говорим без перевода,

Он в песнях и мелодиях народа,
Чей мировой талант неповторим.

Язык российской дружбы – он един.
Давно стал языком общения – русский.
Не потому ль владеет им искусно
Кавказ-мудрец, доживший до седин?!

Преданность

Оставлю повседневные дела
И выйду в поле, где растет пшеница,
Где в гулкой роще тенькает синица,
Купаясь в струях вешнего тепла.

Лес говорит на языке ветвей,
Особенно речист бывает в мае.
А звонкий щебет птиц напоминает
Разноязычье Родины моей.

В лихие годы, море бед познав,
Народы тяжкой не страшились доли:
С врагом сражались в огненной юдоли
И погибали, честь не запятнав.

Писали кровью предки неспроста
Великую историю Отчизны! –
Течет река свободной мирной жизни,
Ее венчает неба чистота!

И кажется, преград для счастья нет!
Здесь полной грудью дышится на воле,
Пленит родных березок белостволие,
Их нежности неповторимый свет!

Дано мне с детства Родину любить
И думать о хороших переменах.
И преданность, заложенную в генах,
Во мне никем вовек не истребить!

Бегут проворные ручьи
По склонам горным.
Рассвета теплые лучи
Ласкают город.

Весенний тонкий аромат
Вдыхаю грудью,
Пока еще спокойно спят
Под утро люди.

Пока вокруг нет суеты,
Затишье в кронах...
И дремлют милые цветы
В тугих бутонах...

Они должны вот-вот раскрыть
Свои «фужеры»,
Чтоб солнышко смогло в них влить
Тепло без меры...

Но, не меняя облик свой,
Как воин бравый,
Стоит в одежде снеговой
Эльбрус двуглавый.

Дарите вовремя любовь...

Дарите вовремя любовь,
Дарите огонечек нежный,
Который в трудности любой
Нам светит, как маяк прибрежный.

Когда, преодолевая боль,
Шагнем, спеша, в огонь и в воду, –
Протянет руку нам любовь,
Окажет верную подмогу.

Предотвратит вражду и месть,
Научит понимать друг друга.
Все лучшее, что в мире есть –
Ее великая заслуга!

Всемирных не решить проблем
Без доброго ее участия.
Она нужна народам всем
Для процветания и счастья!

И разницы нет для любви –
Мечеть ли, церковь, синагога...
Не стройте храмы на крови,
Поймите – это против Бога!

Александр КОМАРОВ

Александр Михайлович Комаров родился 28 февраля 1956 года в селе Китаевском Новоселицкого района Ставропольского края.

Окончил Ставропольский педагогический институт. Работал учителем биологии и химии, ответственным секретарем Новоселицкой районной газеты «Авангард». В настоящее время работает главным редактором этой газеты

Член Союза писателей России, поэт. Победитель международных и всероссийских поэтических конкурсов. Автор пяти книг. Лауреат литературной премии имени Александра Мосинцева

Родная Русь

Ну, вот и снова душу лечит
Простор с полями и росой.
И Русь бежит, бежит навстречу
Девчонкой с русою косой.

О, эта русская дорога!
Она звучит во мне струной,
Давно от отчего порога
Меня позвала за собой.

В круженье лет живу и помню,
Что там, в конце моих тревог,
Все ждет меня родное поле,
Мой близкий сердцу уголок.

В даль окунаюсь голубую,
Всей грудью дух степной ловлю
И землю русскую родную
Светло и бережно люблю.

Пошире расправляю плечи
И мчусь вперед с душой босой.
А Русь бежит, бежит навстречу
Девчонкой с русою косой.

Бывает, тяжкое ненастье
Стеной перекрывает путь,
Все небо тучи застыт, застыт,
И ветер злой толкает в грудь.

Но говорю: еще не вечер!
За этой черной полосой
Все та же Русь бежит навстречу
Девчонкой с русою косой.

Здравствуй, Ставрополье!

Здравствуй, здравствуй, родная земля!
Без тебя не живу, а скучаю.
Аплодируют мне тополя –
Всей листвой рукоплещут, встречая.

Ветер южный, подуй веселей!
Нам с тобой по душе и по вкусу
Каравай ставропольских полей
С горкой соли седого Эльбруса.

Крест нести – не панамку носить,
Не в бутиках судьбу выбирают.
Довелось мне не раз колесить
В стороне от родимого края.

Но всегда вдалеке от друзей
Не давал отклониться от курса
Каравай ставропольских полей
С горкой соли седого Эльбруса.

Мест немало других повидал,
Только вот отчего-то повсюду

Снилась мне эта русская даль,
Снилась мне эта русская удаль.

Здесь радушно встречает гостей,
Неизменно в традиции русской,
Каравай ставропольских полей
С горкой соли седого Эльбруса.

Держусь

Живу, держась за все земное,
У синей бездны на краю.
Живу, держась за все родное, –
Дышу, страдаю и пою.

Держусь за отчий дом и поле,
За речку, рощу и покос,
За этот край, родной до боли,
Где с тополями вместе рос.

В миг между будущим и прошлым,
С землей удерживая связь,
Я руки жму друзьям хорошим,
Корыстно так за них держась.

Держусь, чтоб не упасть до срока,
Держусь, поскольку эта жизнь,
Как другу, по плечу мне хлопнув,
Азартно говорит: держись!

За все, что не хочу терять я,
Цепляюсь, суетно кружусь.
Держу любимую в объятьях,
А значит, за нее держусь.

Держусь подальше от разлуки,
Какой, увы, не избежать.
И обнимают дети, внуки
Все крепче, чтобы удержать.

Хватаюсь я за повод каждый,
Но понимаю на ходу,
Что я не удержусь однажды –
И в бездну неба упаду.

Александр КУПРИН

Александр Иванович Куприн родился 11 ноября 1940 года в селе Каново Курского района Ставропольского края.

Отец погиб на фронте. Вскоре трагически ушла из жизни мать. Воспитывался в детском доме в станице Старопавловской на Ставрополье.

Окончил Пятигорский сельскохозяйственный техникум и Ростовский институт народного хозяйства. Работал проектировщиком, секретарем Комитета ВЛКСМ треста «Пятигорскстрой», директором кинотеатра «Космос».

Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России с 2004 года. С этого же года является Председателем правления Ставропольского краевого отделения Союза писателей России.

Милая Россия

Порывы юности мятежной
Ведут нас часто напролом.
Но честь и Родина, как прежде,
Владеют сердцем и умом.

И, набирая в жизни силы,
Я ликовал на взлете дней, —
Россия, милая Россия,
Ты всех дороже и родней!

Немало стран на белом свете,
Где жизнь богаче и вольней.

Но только здесь мне на рассвете
Поет с любовью соловей.

И, версты трудные осилив,
Я говорю в расцвете дней, –
Россия, милая Россия,
Ты всех дороже и родней!

Когда ж померкнет свет закатов
И смолкнут хоры птичьих стай,
Мне память песнею крылатой
Вновь озарит родимый край.

Но и тогда, теряя силы,
Я прошепчу на склоне дней:
Россия, милая Россия,
Ты всех дороже и родней!

Мы – из детского дома

В доме детства горит огонек –
Снова встречи и снова объятья.
И кому-то совсем невдомек,
Что по жизни мы больше, чем братья.

Дом родной никогда не забыть.
Здесь привыкли мы честно трудиться.
Научились и жить, и любить,
И землею родимой гордиться.

Наша доля была непростой.
Только милости мы не просили.
Шли по жизни мы гордо с тобой,
Мы – достойные люди России.

Та же поступь у наших детей,
И не страшен нам век наш капризный.
Мы живем среди добрых людей
Для семьи, для друзей, для Отчизны.

Не надо золота и славы

Жителям станции Старопавловской

Когда судьбы моей страницы
Листает память день за днем,
Я вижу улицы станицы
И наш уютный Отчий дом.

Вокруг меня родные лица.
И с детства памятный напев.
Встречай, встречай меня, станица,
К тебе я сердцем прикипел.

Вдали нередко я вздыхаю
О дружбе нежной и большой.
И только здесь я отдыхаю
Своей тоскующей душой.

Здесь ярче звезды в поднебесье.
Здесь вновь я счастье познаю.
И обжигает сердце песня
Про жизнь и молодость мою.

Не надо золота и славы,
По жизни вечных козырей.
Но дай пожить, о Боже правый,
Хотя бы день среди друзей.

Торжественная песня

Россия, великая наша держава,
Звездой путеводной горишь ты во мгле!
Ты наша святыня, и гордость, и слава!
И нет тебе равных на целой Земле.

Слава народам великой России!
Слава единству и братству людей!
Вместе преграды любые осилим.
Вместе могущество наше сильней.

Мы славим Отчизну своими делами,
Храним мы, как предки, величия свет.

И знамя священное реет над нами
Залогом свершений и новых побед.

Никто нас не выбьет из братского круга –
Мы честью умеем всегда дорожить.
За нашу Россию, за верного друга
Мы душу готовы свою положить.

Море – горы

Люблю море. Люблю горы.
Люблю солнце на ветру.
В Морегоры, в Морегоры
Еду завтра поутру.

Я желания не скрою
И признаться не боюсь,
Коль сразит Амур стрелою:
Сразу по уши влюблюсь.

Станем прыгать мы по скалам,
Станем бегать по волнам
Так, чтоб солнышко плясало
И завидовало нам.

А когда минуют сроки
И подступит к сердцу грусть,
Я глаза сомкну в дороге
И, конечно, улыбнусь...

Снова море, снова горы –
Заповедные края.
Морегоры, Морегоры –
Молодая жизнь моя!

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

Родилась в 1968 году. Поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России с 2003 года. Автор 8 книг. Лауреат многих всероссийских конкурсов, награждена медалями: «За заслуги перед Ставропольским краем» (2017), «За особый вклад в книжное дело» (2015), Союза писателей России «Сказитель Руси – за заслуги» (2023), «90 лет Союза писателей СССР» (2024), памятной медалью Следственного комитета России «80 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (2025) Директор регионального отделения Литфонда России. Член Общественных советов при Министерстве культуры Ставропольского края и при следственном управлении СК РФ по Ставропольскому краю.

Скифский курган

Курган едва заметный взгляду
в седой пучине ковыля.
Зачем твои хранила клады
тысячелетьями земля?
Курганы здесь не так уж редки,
и к ним – особый интерес.
А вы, таинственные предки,
не жалуете нас с небес.

Не ведая ни зла, ни страха,
вы все ж под натиском времен
рассеялись, смешались с прахом
других народов и племен.

Давно отпели ваши стрелы
и отгуляли скакуны,
и звезды, что для вас горели,
здесь навсегда погребены.

Что было? Золото и цепи,
щит, идол, крест и ятаган.
Что есть у нас? Все те же степи,
полыни горечь и курган.
Что нужно нам? Совсем немного –
от тундры и до южных гор
одна в грядущий век дорога,
орлы и кони, и простор!

Клятвы предков

Степь, бескрайние поля,
Рек и гор Кавказских сила!
Эта древняя земля
Нас навечно породнила.

Научились мы давно
В мире жить и чтить законы.
Ведь с небес на всех одно
Солнце светит с небосклона.

Быть нам вместе на века!
Дружбу выбрали мы сами.
Мощь России велика,
коль граничит с небесами.
Знают степи и поля,
Знают горные вершины:
Вместе мы – одна семья!
Клятвы предков нерушимы!

Ставрополье

Между морем Черным и Каспийским –
Степи да Кавказская гряда.
Но, внимая небесам российским,
Над равниной встали города.
И когда беда травой сорной
Проросла под ливнями свинца,

Край наш, вражьей воле не покорный,
Ты стоял за правду до конца.

Край, ветрам открытый и стихиям,
Будет пусть земля твоя щедра!
На Кавказе стал ты в дни лихие
Цитаделью мира и добра.
Благодатный край, где вдоволь хлеба,
Где нарзан струится голубой.
Мирное безоблачное небо
Да пребудет вечно над тобой!

Поколений молодые всходы
Сквозь невзгоды дружно проросли.
И нигде для счастья и свободы
Не найти другой такой земли.
Новый день парит степною птицей,
Осенья крыльями простор.
И тобою Русь всегда гордится,
Край, что сердцу дорог с давних пор.

Ставрополь

Теплый ветер повеял с востока,
Чтобы снова поверила я
В первозданную мудрость истока,
В предначертанный дар бытия,
В то, что на перекрестке историй,
На распутье времен неспроста
Средь степей, на бескрайнем просторе
Вырос город и крепость Креста.

Что столетья? Для вечности – малость.
Ведь когда-то, за гранью веков,
Здесь Сарматское Море плескалось
У подножья Кавказских хребтов.
Сенгилея священную чашу
На заре пригубила трава.
В горьких стеблях – история наша,
Наша память, что вечно жива.

Белый снег тополиного пуха,
Ледяная слеза родника,
Святость веры, бессмертие духа –

Вот опора твоя на века.
Я живу с тобой в ритме едином,
Знойным ветром надежды дыша,
Город, ставший степным исполином,
Город-Сердце и Город-Душа.

Пятигорск

В который раз к вершине Машука
Ведет меня канатная дорога.
И облаков касается рука,
И до небес – совсем уже немного.
Здесь солнцем обогретая поляна,
И бабочек стремителен полет,
И, разгоняя пелену тумана,
Свои баллады ветер мне поет.

А у подножья, в красках акварели –
Тенистый лес и голубой «Провал»,
Где Лермонтов до роковой дуэли
Грустил и восхищался, и страдал.
И жаркими июльскими ночами
Здесь льются слезы из глубин земли
Нарзанными, горячими ключами,
Что воскресить поэта не смогли.

Беш-Тау спрятал головы-отроги
В роскошные папахи серых туч,
Невольный секундант дуэлей многих
И многих битв, безмолвен и могуч.
О нем, как заповедном храме Муз,
Скажу я вдохновенными устами,
Когда тропой незримой поднимусь
За новыми «парнасскими цветами».

ЧАСТЬ II. ПРОЗА

ПРОЗА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Муса АХМАДОВ

Муса Магомедович Ахмадов (1956 – 2026) родился 28 января 1956 года в Киргизии. В 1979 году окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета.

Член Союза писателей России, народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, кавалер ордена Кадырова, почетный президент Клуба писателей Кавказа, лауреат премии «Серебряная сова».

Автор романов, повестей, рассказов, пьес, поэм, песенных текстов, учебно-методических пособий и научно-просветительской работы «Чеченская традиционная культура и этика», ставшей школьным учебником. Произведения Мусы Ахмадова переведены на русский, французский, японский и другие языки.

Деревянные куклы

Рассказ

Раздавшийся неподалеку хлесткий звук разбудил Дени, он увидел падающий в окно лунный свет, в соседней комнате слабо заплакал ребенок. Дени понял, что это за шум, когда тишину опять нарушил грохот выстрелов, вспомнил, что живет в суверенной стране, и поэтому не может быть несчастлив. Когда ребенок заплакал вновь, Дени перешел в ту комнату и, откинув полог с колыбели, прочел «Шахадат» – ребенок плакал во сне. Он вспомнил слова матери: ребенок плачет во сне, когда ангелы ему

говорят, что родители его умерли. Какая жестокая шутка для маленького, беззащитного человека, пришедшего откуда-то из вечности на эту холодную, жестокую, полную угроз землю, не имея никого, кроме родителей! А может, ангелы не шутят? Может, они готовят маленького человека к этой жизни, заранее давая ему познать горечь беды? Земля – своеобразный ад, созданный для испытания человеческих душ. Испытание начинается с момента рождения. Жизнь – тоска, жизнь – боль, редко, раз в десять лет, душа обретает покой. Проснувшаяся мать извиняется:

– Кажется, я задремала.

Колыбель, ритмично раскачивающаяся под ее рукой, просеивает плач ребенка, как сито просеивает кукурузную муку, рассыпает его по миру, пока он не исчезнет. Он идет в свою комнату и садится за стол. Вырезанные им из дерева образы, стоящие на столе, в свете луны кажутся призраками удивительных животных, живущих в непроходимой чаще леса. Дени освоил это ремесло – вырезать из дерева человеческие образы – еще в детстве, когда отец взял его в горы пасти овец. Отец не одобрил увлечения сына: бесполезное занятие, кроме того, изображать людей запрещено религией. Но вошедшая в кровь привычка гнала эти мысли прочь. А когда на его скульптурную композицию «Зимний день в горном ауле» – на доске (метр на полметра) он изобразил основные события, которые происходят в ауле в течение одного зимнего дня (в углу стояла высокая башня; вокруг беспорядочно разбросаны дома; там с горки на санках катаются дети; тут, на центральной площади аула, собрались мужчины; мимо них, погоняя двух волов, запряженных в сани, идет старик по дрова либо за сеном; чуть поодаль, у родника, стоят юноша и девушка; гонит с водопоя овец мальчик, а рядом с ним большая мохнатая собака) – обратили внимание на выставке в Москве, у него не осталось сомнений в том, что он на верном пути. И тогда весь дом заполнили деревянные скульптуры, и чем больше их становилось, тем больше росло недовольство отца: «Мой в тридцать лет играет в куклы, а чужие сыновья давно уже начали жить самостоятельно», – ворчал он. А однажды зимним утром, когда мать никак не могла растопить печь, отец взял самую крупную из его скульптур, разрубил на мелкие сухие деревяшки и положил в печь. Дени молча глядел на огонь, который мать растопила из его скульптуры, и тихо оплакивал в душе свое творение. Увидев огорчение сына, отец, казалось, тоже был огорчен: «Ты что приуныл, как на похоронах самого дорогого человека? Вырежешь новые деревянные куклы – тут во дворе жерди, привезенные мной, возьми какую хочешь, хочешь бук, хочешь липу. Закончатся они – так в лесу еще немало деревьев». Он промолчал, хотя сразу же простил отца, промолчал и за завтраком, когда отец попытался шутить (не хотел молчать, но бес попутал), промолчал и позже, когда отец запряг коня в сани и пошел на лесную поляну за сеном, оставляя следы на свежавыпавшем снеге. Досада на самого себя, возникшая у него в тот день, когда он торопливо, часто дыша, шел по следу саней за задержавшимся отцом, год за годом в душе тяжелела и росла, заставляя сердце биться все слабее и слабее. Когда посреди заметенной снегом поляны, на санях, полных сена, он увидел снежную пыль на холодном лице внезапно умершего отца, эта жестокая досада, разбив, как стекло, на мелкие осколки его сердце, попыталась вырваться и уйти в темные высоты, туда, в холодную пустоту, где скитаются беды и печали других людей. Поначалу его сознание согласилось с этим, но, вспомнив долг перед матерью и младшими братьями и сестрами, он удержал в себе эту досаду, жгущую ему сердце расплавленным свинцом.

Пламя творчества, вспыхнувшее в нем в детстве, слабело с годами, но он не сдавался, трудился день и ночь. «Ты почти уничтожил весь лес вокруг нашего села», – шутили соседи. Так проходил день за днем; сначала наступала зима, потом весна, потом лето, потом осень, а после все повторялось вновь; молодые выросли, взрослые старели, а старые, глядя усталыми глазами на оставляемый ими мир, умирали. Только он один застыл, не взрослея и не меняясь. Он изменился неожиданно, когда в гости приехала сестра, моложе его на десять лет. Сын и дочь сестры играли во дворе с сыновьями брата, который был на два года младше сестры, и во время игры кто-то из «хозяев» обидел девочку, та заревела, и Дени пришлось их мирить. Вот тогда и возникла мысль: «Чем я занимаюсь?.. У людей семьи, у них какие-то цели в жизни: построить дом, купить машину, устроить детей в школу, одеть их, обуть...» Только у него нет никаких таких дел. Его забота – вырезать из дерева куклы, но, как бы тщательно он над ними ни трудился, они никогда не улыбаются, никогда не разговаривают, не плачут, как племянники, они холодны, и этот холод пронзает его сердце. Потом, не имея сил работать, он до глубокой ночи сидел, опустив руки, а когда прилег на жесткую деревянную кровать без матраса и одеяла, так и не смог заснуть до самой зари. Когда он открыл глаза, то увидел, как в окно щедро бьют лучи летнего солнца. Во дворе играли дети, кудахтали куры. Мать, возившаяся под навесом, увидев, что он проснулся, крикнула ему, чтобы он шел завтракать. Позже, когда он сидел за круглым низким столом, обмакивая лепешку в сметану и запивая ее сладким чаем, неожиданно возникла мысль: надо уехать в город, там оценят его творчество, во всем виновато село, в городе на него обратят внимание. Он окончательно потерял интерес к селу, когда мать, вопреки его воле, пошла к живущей на краю села Бекисат засватать ее внуку. Та обошлась с ней очень невежливо, и мать, проклиная ее на чем свет стоит, вернулась домой, швырнула шаль и в сердцах сказала: «Во всем виновата я, что пошла к неблагодарным людям». Мать обиделась не на отказ Бекисат, а на слова, сказанные ею в адрес сына: «Только этого, играющего в куклы, нам и не хватало». Дени тоже сильно задел эти слова, ему показалась очень жестокой насмешка над его трудом, которому он предавался с таким усердием, как праведный мусульманин молитве. Но, прислушавшись к сельчанам, он понял, что не одна Бекисат так о нем отзывается. И однажды, взяв у матери около ста рублей, вырученных ею от продажи фасоли, он утренним автобусом уехал в город. А через несколько месяцев почувствовал себя еще более несчастным, чем в селе. В домике, снятом им на городской окраине, было холодно и одиноко. В селе согревала хотя бы мысль уехать когда-нибудь в город и стать известным. Сейчас и этого не было. Но все равно, как бы ни душил холод обиды, он, беззвучно рыдая, резал дерево. Казалось, куклы получались лучше, чем раньше. Состояние его души переходило к дереву, поэтому в глазах скульптур навсегда застыли его печаль и его ожидание. Каждого деревянного «ребенка» сразу же по рождению он выставлял на продажу в магазин художников, но покупателей все равно не находилось, хотя цена была и невысокой. Он каждый день наведывался в магазин, где продавцы каждый раз милосердно улыбались ему:

– Как красивы твои скульптуры! Только никто не покупает...

Но однажды перед его композицией «Зимний день в горном ауле» остановилась девушка. Она долго рассматривала ее, потом подошла к кассе и заплатила. Две продавщицы переглянулись и как-то странно улыбнулись.

– Что же ты не купишь еще одну? – спросила одна из них, подмигнув Дени, стоящему у окна.

– Как-нибудь в другой раз куплю, – сказала девушка.

Когда она вышла, он направился следом за ней, слыша за спиной смех продавщиц. Через несколько дней в магазине не осталось ни одной из его скульптур: некоторые купила та девушка, другие он ей подарил. Позже они вместе наблюдали, как с деревьев на городских улицах, желтея и краснея, падает листва. Потом, подобно этой листве, в воздухе начали кружиться снежинки. И их, оторванных от земли любовью, не чувствующих крепнущих морозов, подобно двум снежинкам, кружил ветер жизни. Эти дни, вечера и ночи были удивительны и сладки, но один вечер, со снегопадом и ветром, был не похож на другие. Они вдвоем стояли под высоким навесом у железной дороги и слушали скрип раскачиваемых ветром деревянных деталей. Неизвестно почему (может быть, зимняя стужа одолела и тепла их любви не хватило, чтоб растопить ее, а может, судьба посылала ему какой-то сигнал), но вся его жизнь – до этого момента и то, что будет в будущем, – показалась ему похожей на этот навес в метели. Нет, не в силах Марима превратить этот навес в дом, не в силах приручить его одичавшую душу. Неужели не в силах? Если она не сможет, то кто же? Ему захотелось обмануться: кто знает, может, этой девушке удастся защитить его от ветра одиночества, пронизывающего его тело, словно сито. Без шума, тихо, в студеную зиму привел он Мариму в арендованный им дом. Чем меньше людского внимания, тем лучше – казалось ему. Марима, оказывается, думала иначе. Позже, через полгода, она призналась ему, что ей хотелось шумной, со звонкими песнями свадьбы. А когда началась совместная жизнь, груз обязанностей с каждым днем становился все тяжелее и тяжелее, и, чтобы не пасть под его тяжестью, он, просыпаясь среди ночи, садился за рабочий стол и до утра занимался резьбой. Изредка Марима намекала, что надо бы как-нибудь заработать денег, купить жилье, кое-какую обстановку, а потом спокойно заняться творческой деятельностью. Эти нравоучения он отметал от себя, мотая головой, как конь, отгоняющий назойливых мух. А однажды ночью, после вечеринки с друзьями, придя домой слегка навеселе, он стал кричать: «Я великий художник! Я презираю тех, кто богатеет на торговле тряпками. Мое имя будет жить в веках! Кто подобен мне? А?»

Марима в ту ночь не сказала ни слова, а это было тяжелее всего. Ему казалось, что, как только он перейдет на крик, жена тут же возразит и начнет перечислять ему все, что не сделано, и все, что необходимо по дому, а он, доказывая, что все это малозначительно, будет настаивать на своем... Без лишних слов он легко получил победу, и она не принесла ему радости. Наоборот, горьким комом застыла в горле, не растворяясь даже после нескольких стаканов воды. А утром, сидя за завтраком, состоящим из хлеба и чая, он подумал: «Я, конечно, великий художник, но где-то заработать денег все равно надо». В конце холодной, влажной весны в их дом пришла маленькая гостья и через неполных два месяца научилась виновато улыбаться родителям. «Мы ждали мальчика и уже придумали ему имя, как будто не могла родиться девочка. А она пришла, хотя ее никто не ждал, поэтому чувствует свою вину за наше обманутое ожидание», – подумал отец. Эта мысль показалась ему безбожной и опасной для ребенка: никто не приходит в этот мир вместо другого, каждый идет со своей судьбой, со своим смыслом, по воле Бога, поэтому нельзя так думать, даже в шутку...

Груз ответственности стал еще тяжелее и походил на каток, выравнивающий асфальт. Эта тяжесть раскатала его в лепешку со всем его творчеством и смешала с асфальтом. Но, как травинка, тянущаяся к солнцу сквозь толщу асфальта, какая-то надежда тянулась в нем к жизни. Этой надеждой была композиция, которую он задумал создать на большом деревянном блюде. Часто эта композиция снилась ему. Вокруг большого подноса, наполненного вареным сушеным мясом и галушками из кукурузной муки, ужинает семья. Рядом стоит сноха, и старая женщина часто обращается к ней: «Садись, Аянт, садись. Отдохни немного». – «Сяду, нана», – отвечает сноха, но традиций не нарушает. Она беременна, поэтому и переживает так свекровь. Сытная пища – это благодать Бога в ответ на честный труд. Ужин заканчивается. Сноха убирает посуду. Потом, когда, очистив поднос, она берет его в руки, чтобы поставить на место, в дом, выбивая окна и двери, врывается чуждый ветер. Этот ветер сметает все в кучу, бросает людей оземь лицом вниз, леденит души, выгоняет людей из жилищ, опустошая горные аулы, и собирает их в Нашха, чтобы оттуда бросить далеко, в безжизненные земли («Куда? Куда? Куда?» – кричат застывшие от горя лица, но никто не отвечает), в Судный день, в ад. О Нашха, прародина чеченцев! Как переживешь ты тяжкое горе, которое несут с собою эти люди в твой благодатный Хайбах? Почему не расколется земля? Настолько тяжело оно, это Большое Горе, состоящее из печалей каждой души! У Аянт, шедшей с тем же подносом в руках, на окраине села Хайбах начались схватки. Женщины окружают ее. Круг расширяется, округляется, уплотняется. В центре этого круга на белом снегу постелена черная бурка, а на ней Аянт, кусая губы, сдерживает стоны, чтоб о ее муках не узнали растерянные от горя люди, чья гордость, храбрость и мужество растоптаны. «Аянт, не мучайся! Стони, кричи», – умоляет свекровь, а женщины, толпящиеся вокруг, начинают громко восхвалять Бога, чтобы заглушить ее стоны: – Ла-илаха илл-Аллаху, Ла-илаха илл-Аллаху!

Молитва женщин продолжается почти до рассвета. А на рассвете в мир, ополчившийся против него холодом, жестокостью и горем, приходит человек, с криком приходит в холодную, обездоленную страну. Девочка! Девочка... Бедная! Как не вовремя ты родилась! Ведь девочка и без этого несчастья обездолена...

– Да пошлет тебе Бог счастья... Аминь! – распространяется вокруг шепот.

– Ее будут звать Фатима, как дочь пророка, – говорит свекровь.

Круг уплотняется, желая защитить от снега, ветра и метели это нежное человеческое существо, пришедшее в заснеженный мир, но печаль в сердце каждой женщины вместо тепла, так необходимого ребенку, создает стылый холод. Женщины все равно сбиваются в плотную кучу, чтобы пламенем своих душ, своим дыханием сберечь эту жизнь, пытаясь дать столь нужное ей тепло. Но вокруг этого круга стоит еще один круг – круг вооруженных, чужих людей. Круг людей, пришедших, чтобы обездолить, уничтожить их родину. Выше них круг образуют горы. Выше гор – круг, созданный туманами и тучами, а выше них – круги, образованные небом, звездами, пустотой, холодом и мраком... И этот маленький человек должен жить, испытывая тяжесть всех этих кругов. И освободиться от них невозможно, пока живешь, – только душа после смерти разорвет кольца горя, печалей и обязанностей.

На рассвете распространяется слух, что всех, кто не может идти пешком, собирают в конюшне, чтобы потом вывезти самолетами... «Куда? Куда? Куда?» На этот вопрос никто не отвечает.

– Возьмите в конюшню сено, чтобы подложить под себя.

Аянт уговаривает свекровь уйти вместе с родственниками. Но свекровь не соглашается – и ей, и девочке нужен хоть небольшой отдых... Когда они вдвоем решили остаться, в конюшню направились еще девятнадцать родственников со стороны отца и матери, не пожелавших с ними расстаться и не подозревавших, что сложенная из тяжелых каменных плит конюшня с крышей из бревен, присыпанных землей и лежащих на больших гладких камнях, на следующий день станет адом, где они будут гореть в огне и задыхаться в дыму. Когда это начнется, ослепшие и потерявшие от гнева рассудок люди после бесполезных попыток разрушить каменные стены, ударяясь о них тугими волнами, не сумеют уйти под землю и не сумеют подняться в небеса сквозь крышу (позже, когда тела сгорят, их души уйдут сквозь эту крышу в темные глубины небес), ринутся к воротам и снесут их. Первые ряды смогут вырваться из конюшни, но тотчас же упадут под пулями. Вскоре из людских тел в воротах образуется завал, и, не найдя больше выхода, беспомощные люди, около семисот человек, сгорят, и души их будут долго бродить в долине реки Гехи, пока обгоревшие кости не похоронят те, кто скрывается в горах, оторвавшись от своего народа. Какое тяжкое испытание выпало на долю маленького человека, пришедшего в этот мир всего на двое суток – так мало времени ей было отпущено под солнцем, и за это время ей пришлось пережить ад, сгорев в огне. Можно ли передать с помощью дерева этот Судный день, этот крик ребенка, которому два дня от роду, ее протянутые к Богу ручки, ее мольбу без слов, обращенную к Богу?..

Чтобы показать случившееся в тот день в Хайбахе, нужны ноты, слова и краски. А он владеет только деревом и ножом, но все равно верит, что дерево в его руках и не умея говорить очень многое скажет людям...

Все же было бы лучше, если бы его куклы разговаривали и исполняли музыку. Тогда он смог бы по-настоящему показать весь этот ужас. Дени долго мучился, не зная, какую часть жестокой картины воссоздать... Наконец у него возникла мысль: зачем изображать весь этот ад – об этом достаточно рассказать. Лучше он изобразит круг милосердия и тепла, образованный женщинами в тот холодный, ненастный вечер вокруг только что родившегося человека. Сначала он вырежет поднос, тот самый поднос, который в тот день был на руках у Аянт. А в центре этого подноса, наполовину укутанная черной буркой, будет лежать Аянт со своим ребенком. Деревянные облики женщин, окружая их, разместятся по краю подноса. Этот круг, круг людей, круг гор, туманов и туч, а выше – круг, образованный звездами... Не в его власти краски, звуки, цвета... В его власти только дерево и нож. Но он верит: в сознании людей, рассматривающих его работы из дерева, воскреснут былые картины, цвета, звуки, запахи... Услышав, как в соседней комнате опять заплакал ребенок, он вспомнил, что у него режутся зубки и как один врач говорил, что боль, которую переносит в это время ребенок, была бы непосильна для взрослого человека. Так болезненно начало жизни...

Он вспомнил, как весной на деревьях набухают почки, они разрываются, и по ветвям стекают слезы деревьев. Они плачут от боли, которую причиняют им рождающиеся листья. Вот так же, разрывая десны, сквозь открытые раны появляются белые бусинки зубов и у детей. Дени поднялся и встал на пороге соседней комнаты. «Эсет, когда ты вырастешь настолько, что научишься ходить, твой отец повезет тебя

в село, в гости к бабушке. Он расскажет тебе, какой была твоя бабушка, в молодости известная во многих селах своим благородством и воспитанностью. Потом он расскажет, как твой дедушка женился на твоей бабушке. Это было время, когда люди уже собрали осенний урожай, подмели сады и дворы. Твоя бабушка вышла из дома около полуночи, чтобы выйти за дедушку. Провожающая пожелала ей: «Пусть Бог даст тебе счастья!» После свадьбы сестра твоего дедушки, поздравляя твою бабушку, подарила ей медный кувшин. Через три месяца после свадьбы, оставив недопеченный чурек в очаге («Я боюсь, что на мне грех того чурека, оставшегося в очаге», – часто повторяла она), жестокий вихрь бросил ее на чужую землю, лишив родины. А Фатиме из Нашха, которая была моложе тебя на девять месяцев, не дали времени даже на то, чтобы прорезались зубки... Да, тебе отец расскажет про твою бабушку, когда ты начнешь ходить и научишься говорить... И однажды в пору, когда люди будут пахать землю и сеять, вы вдвоем поедете в село, лежащее в горах, среди леса, и отец расскажет тебе, как твои дедушка и бабушка, похоронив половину из четырнадцати детей, остальных воспитали так, что они не нуждались ни в чем и выросли благородными людьми... Он расскажет тебе, как, вернувшись через тринадцать лет домой, твоя бабушка нашла сковороду, которую она в тот день положила в очаг вместе с чуреком. Как сестра твоей бабушки издалека, из села Саади-Котар, пришла в гости и привела крупную рыжую корову. Ухаживая за этой коровой и очистив заросшее бурьяном поле, засеяв его, уже в третий раз начала жить твоя бабушка... Да, отец о многом тебе расскажет, Эсет, когда ты вырастешь». Ребенок, испугавшийся звука, раздавшегося за дверью, еще сильнее заплакал. Очень скоро в дверь громко постучали.

– Кто там? – спросил Дени, подбегая к дверям.

За дверью слышались стоны: «Воды, дайте... воды...» – «Человек ранен, нужно помочь». Он распахнул дверь и сразу пожалел об этом: в его незащищенный дом тут же ворвался мрак жестокости. Мрак вошел и запер дверь изнутри, чтоб снаружи не могла прийти помощь. Внутри мрак разделился на три части! Их было трое, с горящими, как у крыс, глазами, у одного – автомат, у других – пистолеты, на поясах – длинные ножи. Одеты они в форму, оставшуюся от Советской Армии.

– Кто ты такой? – закричал один.

– Кто вы такие?

– А ты не видишь нас?

– Вижу... Потому и спрашиваю.

– Бойцы национальной гвардии!

– Кто вам дал право врываться в дом к людям посреди ночи?

– Что он сказал? Право? Какое право тебе нужно?

– Похоже, это противник революции.

– Не зная, что обманываюсь, я действительно писал для таких, как вы, обращения...

– А-а-а... Значит, ты виноват в этом бардаке! Мы из оппозиции.

– Но я быстро понял...

– А-а-а, ты понял? Так ты против власти думаешь выступить?

– Будь проклята ваша власть!

– Ты смотри! Обнаружил себя. Мы не из оппозиции!

– Откуда бы вы ни были, вон отсюда! – прокричал Дени больше для того, чтоб услышала жена в соседней комнате. Несколько недель назад, когда прошел первый

слух о появлении людей, которые врываются в дома, убивают хозяев и грабят, он как бы в шутку сказал ей: «Если такие волки ворвутся к нам, открой окно в своей комнате и беги к соседям. Ахмсолта – благородный мужчина, и у него есть оружие, он поможет». В короткой тишине, наступившей после его крика, раздался скрип открываемого окна. Чтобы его не услышали грабители, он опять закричал:

– Выйдите отсюда вон, грязные твари!

Но, заставляя проглотить последнее слово, огромная рука, царапнув глаз, заткнула ему рот. Потом та же рука отшвырнула его в угол.

– Ты что орешь?! Ты знаешь, кто ты для нас? Ты ничто... – оглядываясь вокруг, непрощенный гость стал искать какую-нибудь безделушку для сравнения. Наконец его взгляд останавливается на столе: – Ты для нас деревянная кукла.

– Все мы перед Богом куклы, а вы – Богом проклятые.

– Вот ты точно кукла передо мной! – проорал бородатый, сметая со стола вместе с подносом все его куклы. А одну из них, скульптуру Фатимы, только что родившейся на снегу, он взял в руки и со словами: – Если мы захотим, то вот так жеотрежем тебе голову, – выхватил с пояса нож, отрезал куколке голову и отшвырнул прочь.

«За что?! За что родившуюся в первый раз сожгли через двое суток, а теперь родившейся во второй раз отрезали голову?.. Дважды. За что? Что за грех совершил этот ангел, чтоб дважды познать такую жестокость?» – от этих вопросов в его сердце вспыхнуло адское пламя, и он, потеряв рассудок, вцепился в горло бородача. Увидев в нем источник всех зол мира, – если не в нем, обезглавившем ребенка, то где он? – Дени испытал непреодолимое желание этот источник уничтожить. Возможно, он и достиг бы своей цели, если бы не двое других, с женскими чулками на головах, которые до тех пор переворачивали в доме все вверх дном, ища несуществующие деньги и драгоценности. Когда эти двое вцепились ему в руки, у Дени возникла мысль: «Не сегодня-завтра, сняв чулки, они собираются стать добропорядочными людьми. А бородач и лица-то не спрятал, ему безразлично, что о нем будут думать люди, или его борода тоже накладная? Вот оно, наше несчастье, – двуличность, двоедушные: на глазах – один, за спиной – другой, говорит одно – думает другое».

Те двое так и не смогли отнять его руки. Все вместе они упали на пол, и бородач оказался снизу, так удобнее было душить.

– Что бы с ним сделать? Он же убивает его!

– Уж я-то знаю, что с ним делать...

В тот же момент Дени почувствовал холодок около своего уха. «Великий Боже...» – это его последняя мысль. Все: и сознание, и зрение, и слух – оборвалось... Потом, спустя время, он услышал дружное щебетание разных птиц. Понял, что оно не из мира живых: «Значит, он все-таки убил меня... Что же стало с женой и ребенком?» Наконец к нему вернулось зрение. Среди белых маленьких гор, с хребтами, будто вырезанными ножом, лежат небесно-голубые озера. Прямо посреди них к бело-светлому горизонту тянется светло-зеленая дорога.

– Это твой путь. С этой поры будешь идти по нему. На земле же твой путь завершен, – слышит он голос.

«Что же с ними случилось?» – думает он.

– Посмотри вниз – увидишь.

Внизу он видит, как Марима с дочерью Эсет на руках стучится в дверь Ахмсолты, как Ахмсолта и четверо его вооруженных сыновей врываются в их двор и связывают грабителей; потом он видит родное село, свои похороны; видит мать, братьев и сестер, видит, как закапывают его труп; его могила оказывается на красивом месте, куда падают первые лучи солнца.

– Пошли теперь... – слышит он голос и начинает удаляться от Земли.

Оттуда, со звездной высоты, он видит укутанную густым мраком планету. Среди этого мрака местами виден слабо мерцающий свет.

– Если эти огоньки света поглотит тьма, то Земля упадет в бездонную пропасть, где нет ни времени, ни пространства, ни размера, ни возраста... От нее не останется ничего, даже воспоминаний.

– Что это за свет? И почему этих огоньков так мало?

– Это свет людей, искренне молящихся Богу... Хочешь увидеть свой свет? Видишь вон тот, похожий на огонь от костра?

– Этот?..

– Да, да... Знаю, что у тебя на сердце... Ты говоришь, что не успел должным образом поклоняться Богу... Скульптуры, которые ты вырезал из дерева, были твоими мольбами... В них было твое доброе сердце, твое милосердие к людям, близким и чужим...

Дени опять смотрит на Землю, обернутую в несколько слоев мрака и похожую на щепку, которую в его детстве девочки, изображая куклу, оборачивали тряпками. И вдруг он узнает огоньки, которые немного рассеивают мрак. Вон тот – бездомный, безымянный бродяга-певец, второй – исследователь, воспевающий красоту природы, третий – одинокая старуха, каждую ночь обращающаяся к Богу с мольбой о милости для всей Земли, четвертый... Он идет по светло-зеленой дороге мимо белых, с ровными хребтами гор, иногда останавливаясь, чтобы выпить воды из небесно-голубых озер. Если захотеть, можно вырезать из этих белых гор скульптуры людей и животных... Они не будут похожи на деревянные куклы, вырезанные им на Земле, у них будет свой голос, цвет, походка. Но он уже не испытывает внутренней потребности в этом – то, что казалось важным на Земле, здесь теряет свою ценность. Он просто хочет идти мимо белых гор к светлому горизонту, тоскуя по тем, кто остался на Земле, и молясь за них Богу. «Где же те родственные души, пришедшие сюда раньше меня?» Вместе с этой мыслью перед ним появляется девушка. Она вся создана из чистоты и поэтому белая, как снег на вершине Башлама, а волосы – желто-золотые. Кажется, он ее где-то видел.

– Да, да, это я, чей образ ты создал из дерева, сожженная в Хайбахе Фатима.

– Но тебе же было всего несколько дней. А здесь ты взрослая!

– Да, здесь вечно один возраст у души...

– А остальные? Мой отец, братья, сестры?

– Иди по этой дороге, – и девушка исчезает.

Он идет по светло-зеленой дороге...

1992г.

Перевод Михаила Эльдиева.

Ореховые деревья шумят

Нет, не во сне почудились ей эти звуки. Семилетняя маленькая Лайса уже давно не спит, просто она лежит с закрытыми глазами, прислушиваясь к шуму деревьев за окном. Почувствовав тепло солнечных лучей на лице, Лайса открывает глаза, улыбается яркому утру. Но радость ее быстро гаснет – Лайса чувствует, как пришедшее неделю назад неясное беспокойство снова вернулось к ней. Это странное чувство было у Лайсы в тот день, когда она только приехала сюда, к своей Бабе¹. Прошло больше двух месяцев с тех пор, а Лайса и сейчас помнит, как долго она следила взглядом за маленьким желтым трактором, тяжело карабкающимся в гору. Вот он почти скрылся из виду, и у Лайсы из глаз потекли слезы: этот трактор увез ее маму, а она осталась здесь, у Бабы, на все долгое лето совсем одна – без мамы, без отца, без маленького братика Кюйри. Лайса плакала и представляла себе, как мама подъезжает к дому, а отец с маленьким Кюйри на руках встречает ее во дворе.

– Иди ко мне, Лайса, иди к своей Бабе. Если б ты знала, как я по тебе соскучилась! А твоя мама никуда не денется. Тебе понравится здесь, у нас село большое, отсюда и до города можно быстро добраться... А к вам как доберешься? Только на тракторе. Иди, девочка моя, к Бабе, сядь на колени. Ах, какая у тебя маленькая, какая красивая ножка!

Ножка, ножка, всем ножкам ножка,

Глиной запачканная ножка,
Травой вытертая ножка,
От жира заблестевшая ножка,
Ласканая-заласканая ножка,
Ягнят нежных караулившая ножка,
В танце летящая ножка,
Всем ножкам ножка...²

И Лайса, слушая тогда песенку Бабы, не выдержала, прыснула в ладошку, и грусть ее улетела прочь, словно легкое облачко. А вечером у Лайсы уже появился приятель Асхад, он был ее ровесник и осенью тоже должен был пойти в первый класс. Но почему-то в последние дни снова загрустила Лайса. Вот и сейчас ей хочется заплакать. Лайса встала с постели, пригладила свои непослушные, коротко постриженные волосы и вышла на веранду. Свежий утренний ветерок раскачивал ветви больших деревьев грецкого ореха, растущих у дома. «Шу-шу-шур», – шелестели листья. Под деревянным навесом Лайса увидела Бабу, разговаривавшую с бродившими по двору курами:

– А ну кыш под навес, не то вас съест лиса! – Баба оглянулась и увидела Лайсу. – А ты, доченька, надень-ка платье, простудишься.

Но Лайса не пошла в дом. Она присела на корточки и, ежась от холода, прислушалась... Шумят деревья, будто разговаривают.

В ту первую ночь в доме Бабы Лайса спала крепко. Но на рассвете она проснулась, разбуженная шумом деревьев, и долго лежала в постели, с удивлением и страхом

прислушиваясь к незнакомым звукам за окном. Лайсе казалось, что к их дому приближается гроза, а может, и настоящая буря... А вдруг буря опрокинет их дом?!

– Лайса, – услышала она ласковый голос Бабы, – ты уже проснулась?

– Баба, на улице дождик?

– Дождик? Да что ты, девочка моя! – Баба подошла к окну. – На небе ни одной тучки.

– А шум откуда?

– Это ветер раскачивает ореховые деревья.

И снова шумят деревья, подрагивая на ветру ветвями. Их причудливые тени скользят по двору. Сквозь густую листву едва пробивается солнечный свет.

– Вставай скорее, умойся и поешь, – говорит Баба, продолжая вылушивать из курузных початков зерна для кур. Лайса идет умываться. Умывается она тщательно, дважды моет лицо с мылом, насухо вытирается полотенцем, расчесывает волосы. И в этой комнате слышит Лайса тревожный шум орехового сада. Баба говорила, что ореховые деревья посадил вокруг дома ее отец. Он хотел, чтобы и соседи, и прохожие могли полакомиться вкусными орехами. У отца Бабы не было ни одного сына, в семье родилось шесть дочерей. Баба рассказывала Лайсе, каким искусным мастером был ее отец, как ценили люди его золотые руки: а делал отец Бабы крепкие деревянные бочки, мастерила железные печки. Благодаря отцу семья не знала нужды – в доме всегда было мясо. Баба с сестрами запрягали в сани волов и отправлялись в лес за мушмулой.³

Теперь у Бабы в живых осталась только одна сестра. Она живет за горой, в большом селе Шали. Недавно она приезжала к Бабе в гости со своим сыном – высоким усатым человеком. Они привезли много разных продуктов: мяса, конфет, вкусных булочек. Сестра Бабы совсем не похожа на Бабу: зубы у нее все целы, а у Бабы, бедной, только три зуба осталось; руки у нее были гладкие и не такие темные, как у Бабы. И говорила она как-то особенно, как та женщина, что по радио разговаривает. Недолго были у них гости: уже к вечеру, распугивая возвращающихся с пастбища коров, укатили они на красивой синей машине. Баба дала им с собой ведро орехов, зеленый лук с огорода, два кружка творога, свежесбитое масло в банке. Лишь только их машина скрылась за горой, как Баба заплакала. Вообще, Лайса часто видела Бабу плачущей. Однажды Лайса вернулась домой от соседей, где играла с Асхадом, и застала бабушку в слезах. Она сидела на веранде, раскачиваясь из стороны в сторону, то высоко вскидывая руки, то ударяя ими по коленям. Баба громко причитала:

– Маржа!⁴

Лайса очень испугалась тогда, она не знала, что делать. Ей было жаль Бабу.

– Баба! Не плачь, ну, не плачь! – девочка прижалась к старой женщине, провела ладонью по ее лицу.

Так горько плакала Баба по своему погибшему сыну. Двое детей было у Бабы: ее, Лайсы, мать и сын Рамзан. Ему едва исполнилось восемнадцать лет, когда он насмерть разбился, сорвавшись на мотоцикле в пропасть. В тот страшный день с утра шел мелкий тоскливый дождь, а уже к полудню солнце палило так нещадно, что весь мир будто плавился в его обжигающих лучах. И разум Бабы, не в силах постигнуть происшедшее, плавился в ее горестном крике. С тех пор у Бабы часто болит голова, она плохо спит по ночам, часто стонет во сне, повторяя в беспамятстве

имя сына: «Рамзан, Рамзан... Маржа, Рамзан!» Иногда она просыпается с плачем, тогда просыпается и Лайса, от страха и жалости к Бабе она тоже начинает плакать, уткнувшись лицом в подушку.

У-уф! Какая горячая кружка! Лучше перелить молоко в чашку и, дуя на него изо всех сил, потихонечку пить, еще лучше покрошить в молоко хлеб и есть ложкой, как суп. И Баба так делает.

– Эх, Лайса, мне бы твои зубы! – часто говорит Баба.

Лайса очень любит круглые чуреки из кукурузной муки, которые делает Баба. Их едят с творогом и со сметаной. А Баба иногда ест их с луком и с солью. Говорит, что так вкуснее. Странный она человек – как лук с солью может быть вкуснее творога со сметаной? Придумает тоже...

Лайса допивает молоко, надевает ситцевое платье с синими цветочками и выбегает из комнаты.

– Постой, ты поела?

– Пойду травы нарву.

– Подожди, пока роса не спадет.

– Ничего.

Лайса бежит в огород. «Шур-шур», – шумят ореховые деревья. Ветер треплет волосы Лайсы, ласкает ее лицо. Лайса вспоминает: «Баба, а что остается от человека после его смерти?» – «Душа, она превращается в ветер...»

«Значит, это сын Бабы, Рамзан, пришел к нам и растрепал мои волосы», – улыбается Лайса. Подол Лайсиного платья уже весь вымок от росы, но она все дальше и дальше забирается в кукурузные заросли и рвет мягкую траву для теленка Мимши. У Бабы, кроме Мимши, есть еще корова Деба и телочка Чама. Баба выгоняет Чаму в стадо, и она пасется на лугу. Деба и Мимши остаются дома. Дебу кормит Баба, а Лайса рвет траву для Мимши. Корове дают траву, которую Баба косит серпом, зеленые кукурузные стебли, чуть подгнившие яблоки, нападавшие в саду. Через две недели корову должны зарезать, а мясо раздадут людям. Баба говорит, что все отданное людям безвозмездно обязательно дойдет и до ее сына. А бедная Деба и не догадывается, для чего ее откармливают, – ест все, что ей приносят. А вот Мимши, если не накормить его вовремя, начинает просяще мычать.

– Лайса, неси скорее свою траву, слышишь, как Мимши орет?! Пузо у него прям разорвалось....

«Зачем ему тогда трава, если пузо разорвалось?» – недоумевает Лайса. Бабушка рассказывала, что мать их Дебы, крупную белую корову, тоже звали Дебой, и она давала очень много молока. Ее унесла стремительная речка, разбухшая от многодневного ливня. В те дни весь небесный океан, казалось, решил опрокинуться на землю. Грохот водных потоков перекрывал все звуки. В оврагах, где прежде не бывало и капли воды, бушевали разъяренные, как драконы, потоки. Они неслись к реке, превратившейся в стремительный водяной вихрь. Он-то и поглотил Дебу. На другой день, когда все стихло, ее нашли внизу, у водяной мельницы. Когда Лайса только приехала сюда, во дворе у Бабы жил большой белый пес Турпал. Сперва она побаивалась его, обходила стороной, но скоро они подружились, и Лайса смело выносила Турпалу похлебку, а он благодарно терся влажным носом о ее ноги. А однажды утром Баба и Лайса услышали жалобный вой Турпала. Они нашли пса на взгорке, у края

леса. Турпал хрипел и беспомощно сучил лапами, брюхо у него было распорото, на шерсти запеклась темная кровь. Баба долго смотрела на собаку, потом выговорила будто через силу:

– Это кабан его так... Лучше б я не выпускала Турпала этой ночью. Хотя от своей судьбы никто не уйдет... Жаль, хороший был пес, верный, – Баба наклонилась к Турпалу – хотела хоть как-то облегчить его страдания, но пес легонько – на большее у него не было сил – укусил руку Бабы. До ночи промучился Турпал, а ночью умер. С кем же теперь останется Баба, когда она, Лайса, уедет домой?! Мама обещала приехать за ней в день телочки⁵. Скоро Лайсе идти в школу – в первый класс. В прошлом году она ходила в нулевой класс. Хотя класс-то у них был какой-то ненастоящий – всего семь человек. Но все равно Лайса лучше всех читала по букварю, да и писать научилась быстро. Правда, Аслан писал лучше. За то время, что Лайса живет у бабушки, ее дважды навещал отец. Баба передавала с ним подарки – один раз послала штанишки и рубашку для маленького Кюйри, в другой раз – масло, творог и курицу. Однажды, это было вскоре после отъезда отца, Лайса случайно услышала, как Баба говорила соседке Самарт:

– Не могут они жить как люди... И когда он только за ум возьмется – видно, водка ему дороже всего в жизни!

– Ну а ты что можешь сделать?! Не будешь ведь всю жизнь им помогать.

– Да какая это помощь... – горестно вздохнула Баба.

Лайса до сих пор помнит этот разговор. Очень огорчили ее тогда бабушкины слова: не так уж часто отец выпивает. Лайса тряхнула головой, чтобы отогнать от себя грустные мысли. Она положила перед Мимши свежую траву и подошла к Бабе, месившей глину. Баба собиралась штукатурить новый курятник, который поставила в это лето с помощью старика соседа из дома с железной крышей. Баба перестает месить и спрашивает у Лайсы:

– Ну что, кончила свои дела?

– Да. А можно мне тоже месить вместе с тобой?

– Нет, я и сама справлюсь. А ты лучше-ка пойди собери орехи да покричи погромче «ку-вай»⁶, чтобы ястреб не кружил над нашим двором.

Лайса послушно кивает головой, берет синее пластмассовое ведро и начинает собирать орехи, нападавшие под деревьями. «Почему это братика называли Кюйри?»⁷ Ведь коршун плохой и злой, он ворует цыплят. А их Кюйри такой маленький, добрый, он все время улыбается. И ручки, и ножки у него такие маленькие, розовые. А коршун серый...». Скоро Лайса увидит своего брата, скоро она уедет домой – в свое село, пойдет там в школу. Их учительница Тоита Хамидовна опять будет говорить:

– Это стена, а это печь. Это ручка, а это карандаш...

Вот смешная! Кто ж этого не знает?! Лайса теперь сама читать умеет. Однажды даже читала письмо мамы, которое она прислала Бабе. Правда, по-письменному читать было трудно, Баба ей немного помогала, зато Лайса выучила письмо наизусть: «Со сладким приветом к вам. Как вы там вдвоем живете? Не скучает ли Лайса, не плачет ли она? Нана, пришли нам два кило манки, две соски, колготки для Кюйри – три пары, стаканы, если будут в магазине, купи шесть штук, и еще масло, если есть. Здесь в магазине ничего нету. Мама, как твое здоровье? Мы живем хорошо, Махмуд не пьет уже две недели. Скажи Лайсе, чтобы не скучала. Братишка шлет ей привет.

Это его рука». На обратной стороне листа зеленым карандашом была обведена ручка Кюйри. Лайса приложила свою руку к бумаге. Ее ладошка целиком накрыла зеленый контур, конечно, ее рука гораздо больше маленькой ручки брата. Лайса представила себе, как она посадит Кюйри к себе на колени, когда вернется домой, возьмет в руки его ножку и запоет:

Ножка, ножка, всем ножкам ножка,
Глиной запачканная ножка...

А что же будет с Бабой, когда она уедет?! Кто будет разговаривать с ней, кто пожалеет ее и скажет: «Не плачь»?! Ведь когда она долго плачет, у нее «голова раскалывается»... Как было бы здорово, если бы нана, дада и Кюйри приехали жить сюда, к бабушке! Как хорошо зажили бы они все вместе! Мама-то очень хочет этого, а вот дада... «Нет уж! Хотите, чтобы люди говорили, что Махмуд вышел замуж, чтобы смеялись надо мной?!» – почему дада так говорит? Разве мужчина может выйти замуж? Интересно, через сколько дней приедет мама?.. Надо спросить у Бабы. Баба уже купила для Лайсы школьную форму, красивый белый фартук, портфель, тетради, учебники для первого класса, красные туфельки. Баба с Лайсой часто рассматривают обновки, и Баба говорит:

– Самой красивой будет моя девочка...

Лайса радостно смеется, улыбается и Баба, глядя на нее. Когда наступит день отъезда, Лайса позовет свою подружку – соседскую девочку Маржан, – и они вместе пойдут за водой. Дома у Лайсы есть игрушечные зеленые ведра с цветочками... Может быть, сказать Маржан, что она уезжает не к себе в аул, а в город? Нет, наверное, не стоит придумывать. Так проходили дни: день за днем, день за днем, похожие один на другой. Целый день они с Бабой хлопочут, вот скоро новая работа начнется – сбор фасоли. Бабушка часто говорит: «Если б не работа, меня бы давно уже не было...» А Лайса спокойно прожила бы безо всякой работы, только было бы с кем играть. А здесь, у Бабы, с кем поиграешь?.. С Маржан они видятся редко, а с Асхадом играть неинтересно, хотя они и ровесники. И вообще – он даже читать не умеет, а еще ругается нехорошими словами. Отец Асхада, человек с большим красным носом, всегда ходит в черной кожаной куртке и говорит резким, пронзительным голосом. Это он заставляет Асхада говорить гостям плохие слова.

– А ну, Асхад, выдай! – говорит отец Асхада и первым громко смеется над сказанными словами.

Вот уже наполнилось ведро. Лайса выпрямилась, потянулась. Это она только первое ведро орехов собрала, а надо еще три. Баба норму установила – по четыре ведра орехов в день...

Вечереет. Солнце клонится к темной горе, поросшей лесом. Прохлада разливается в воздухе. Возвращается в село стадо, мычат коровы, слышатся крики пастуха. В ближнем болоте начали свой вечерний концерт лягушки...

– Ква, ква, ква, – смеясь, повторяет за лягушками Лайса.

– Перестань, – недовольно говорит бабушка. – Лучше посмотри, не идет ли наша Чама.

Лайса выходит на дорогу.

– Чама, Чама, – зовет она.

– Хорошая хозяйюшка растет, тьфу-тьфу, не сглазить, – обняла Лайсу за плечи соседка – старая Самарт, тоже вышедшая встречать стадо. – Придет ваша Чама, никуда не денется.

Скоро Лайса, подгоняя Чаму, возвращается во двор. Вкусно пахнет поджаренной мукой – это бабушка на веранде делает чепалгаш.

– Загони Чаму и иди ко мне, – говорит Лайсе Баба.

– Отнесешь чепалгаш соседям и сразу возвращайся.

Лайса вспомнила, какой завтра день, – пятница⁸. Вот почему бабушка затеяла чепалгаш – это было любимое блюдо погибшего Рамзана, и Баба хочет угостить соседей. С тарелкой в руке Лайса идет к соседям.

– Мелимат! – звонко кричит она.

На веранду выплывает низенькая полная женщина. Это мать Асхада Мелимат. Она покраснелась, на ее коротком носу блестят бисеринки пота. Лайса протягивает Мелимат тарелку и торопливо устремляется обратно.

– Постой, постой, доченька... – кричит ей вслед Мелимат.

Лайса в нерешительности оглядывается. Бабушка строго-настрого запретила ей брать ответный подарок.

– Куда же ты, Лайса... Подожди!

Лайса останавливается. Мелимат спешит к девочке и вкладывает в ее руку конфеты. Ну, конечно, без Асхада дело не обойдется. Вот он, всхлипывая, выскочил из дома.

– Мам, и мне дай!

– Уйди ты с моих глаз! На, возьми и иди домой.

– Еще дай, – тянет Асхад материнский подол.

– Да чтоб ты больше ничего не видел, кроме этих конфет! Мало ты их съел, горе мое...

Лайса поблагодарила соседку и пошла со двора. Минуту спустя она разжала кулачок. На ладони было четыре конфеты. А если б Асхад не выскочил, было бы целых шесть, сообразила Лайса. Противный он все-таки! Как не стыдно клянчить то, что дают другим к святому дню. А как она просила рассказать Асхада про город, куда он ездил вместе со своим отцом! «Народу, – говорит, – в городе много». Да кто ж этого не знает?! Баба тоже обещает свозить Лайсу в город. Но в это лето не успеет, наверное, – ведь скоро мама заберет ее отсюда. И тогда Баба останется совсем-совсем одна и чепалгаш сама будет разносить соседям.

Лайса возвращается в дом. Баба окунает чепалгаш в кипящую воду, выкладывает на тарелку и поливает растопленным маслом.

– Баба, а скоро будет день телочки?

– Что, что? – растерянно спрашивает бабушка.

– Ну, день скотины когда будет? – уже не так уверенно повторяет Лайса.

– А, поняла, – улыбнулась бабушка. – Это не день скотины, а день шинара – вторник. Не горюй, скоро уже приедет твоя мать... Немного осталось. А теперь садись за стол.

Лайса с бабушкой едят вкусные горячие чепалгаш, но грустные мысли не покидают девочку. «Как же Баба будет жить одна? Кто ей поможет загонять Чаму, рвать траву для теленка, собирать орехи, фасоль, вылушивать кукурузные зерна?! Кто скажет ей ласковое слово? А по ночам Баба опять не будет спать и только ореховые деревья

будут тревожно и загадочно шуметь за ее окном. Страшно ей, наверно, будет одной...» Лайса перестает жевать. Баба удивленно смотрит на внучку, на ее полные слез глаза.

– Баба, а кто будет жить с тобой, когда я уеду?..

Тут уж и бабушка не в силах сдержать слез, она крепко прижимает к себе внучку, и обе долго плачут. «Шу-шу-шур», – вторят их плачу деревья в саду. Наконец Баба вытирает слезы:

– Никуда я тебя не отпущу. Будем жить вместе, а к вам в село станем часто ездить. А там, глядишь, и они все переедут сюда жить, как думаешь, Лайса?

Баба берет ножку девочки в свои большие, с голубыми прожилками руки и тихо напевает:

Ножка, ножка, всем ножкам ножка,
Глиной запачканная ножка...

Лайса звонко и облегченно смеется. Смех Бабы поначалу почти не слышен, но вот уже их смех наполняет старый дом, давно не выдавший такого веселья... И за окнами дома будто слышится смех, но нет, это неумолчно шумят ореховые деревья.

1984.

Перевод Н. Крыловой.

¹Баба – бабушка.

²Чеченская народная детская песенка.

³Мушмула – плоды дикорастущего кустарника.

⁴Маржа – возглас горечи, отчаяния.

⁵В чеченском языке вторник (шинара) и телка-нетель (шинара) – слова-омонимы.

⁶Ку-вай – возглас, которым отгоняют хищных птиц.

⁷Кюйри – коршун.

⁸Пятница – священный для мусульман день.

Муса БЕКСУЛТАНОВ

Муса Эльмурзаевич Бексултанов родился в 1954 году в Казахстане. Детство прошло в с. Алхазурово Урус-Мартановского района Чеченской Республики. Лауреат премии Ленинского комсомола Чечено-Ингушетии, член Союза писателей России, народный писатель Чеченской Республики, лауреат премии «Серебряная сова». Работал главным редактором детского журнала «Радуга». Автор ряда книг прозаических произведений «Облаков белые журавли», «И завтра, как вчера», «Иногда, когда мне грустно», «Девушка моего брата», «И кто постучится ночью в твою дверь» и т.д. Произведения Мусы Бексултанова переведены на русский, балкарский, французский, английский, немецкий, польский, итальянский языки.

Хорошо, что ты есть... Рассказ

Отцу моему, Мози

Да-а... стареет отец. Болячки всякие копит – переживает, беспокоится за наше будущее, тревожась его неизвестности. Отец...

Сейчас он говорит со мной, – а я тем временем пристально всматриваюсь в каждую черточку его лица, такого близкого и родного. Степенна и нетороплива его речь: вот, он кивает головой в сторону, словно бы обращаясь за поддержкой к кому-то в далеком прошлом. Приводит поучительные примеры, иногда задерживая на мне свой взгляд – как будто даже укоризненный, вопрошающий: «Ну а теперь, в ваше время, разве так все?» И при этом не устает настойчиво повторять: «Садись! Возьми стул, присядь,

я сказал». Я делаю вид, что не слышу, и продолжаю стоять. Уж я-то знаю, что говорит он так к слову, по рассеянности своей – если бы я послушал его и сел, вот был бы недоволен! Не припомню, чтобы я когда-нибудь сидел в его присутствии или ел. Отец подобного не потерпел бы. Потом, словно бы спохватившись (или почувствовав мою усталость?), он говорит: «Ладно, иди. Займись своим делом... Не уверен, что вы извлечете урок из сказанного мной, но и молчать тоже не могу – потому что это мой долг, долг отца – вырастить вас мужчинами!» Я все еще продолжаю стоять. Он повторяет: «Иди, займись делом. Я немного отдохну. Если понадобится, тебя позовут». Только после этих слов я выхожу из его комнаты.

Нам было по семь-восемь лет, когда отец начинал понемногу посвящать нас в мудрости жизни: мы, его сыновья, выстраивались в отцовской комнате, недалеко от двери, и слушали его рассказы. Иногда, если мы чем-то сердили его, он выходил из себя, ругался, вытирая полотенцем пот с лица: «Нет, не выйдет из вас толку, не стать вам настоящими мужчинами!» Все его рассказы были о жизни его собственного отца, деда и о тех достойных людях, которых он знал или был наслышан.

«Как же не пожалеть этих людей, достойно проживших свою жизнь, – сокрушался он, – если у них вырастет никудышное поколение! Вместе с нашими именами люди называют и их имена: сын такого-то, говорят... упоминают имена семи отцов. Нужно чтить имена предков: не забывать о своих корнях, помнить, откуда они идут. Если держать в узде свои плотские желания, говорили мудрые люди, человек все одолеет, все вынесет. А плоть – она строптивая, с ее повадками трудно совладать. Щедрость должна быть в мужчине главной чертой, непристойно мужчине кулак зажатым держать, рука должна быть раскрытой. Если на вас нет крови, не мучает неразрешимый конфликт с людьми или нет долга, который не под силу выплатить – быть мужчинами нетрудно. Будете всегда щедры и уважительны к людям – считайте, вы все преодолели. Жизнь, она не очень-то и сложная штука...»

Отец всегда с нами такой: то суровый и властный, то приветливый и мягкий. Не потому, что мало любит нас. Это далеко не так! Даже в детстве мы понимали, что такое переменчивое отношение к нам шло от его чрезмерной любви – той особенной любви отца к сыну, которую очень трудно объяснить. Да и вообще, нужно ли объяснять любовь? Ее можно только почувствовать. И мы ее чувствовали.

К каждому сыну у него был особенный подход. Хорошо понимая наши характеры, нрав, он всегда знал, с кем из нас, о чем и как следует говорить. Мог обсуждать с одним сыном повадки другого: «Из того-то, возможно, получится хороший товарищ для вас. А этот меня беспокоит – его легко вывести из себя, слишком горяч парень. Человек не должен теряться, что бы ни случилось. Это всего лишь жизнь, против нее и цари бессильны – один миг способен все решить. Должен быть крепким внутренним стержнем...»

Возвращаясь откуда-нибудь,ходишь во двор и первое, что видишь – улыбку отца, идущего навстречу из дальнего конца двора: «О-о, приходи свободным! Хорошо, что приехал, – радостно встречает он тебя. – Пошли в дом. Ну-ка жена, приготовь нам что-нибудь, а мы пока поговорим тут». Отец начинает расспрашивать тебя – обо всем понемногу и часто переспрашивает.

Еще в ту пору, когда я и старший брат учились в городе, по возвращении домой отец часто задавал нам такие вопросы: «Как ты сдал изгам (экзамен)? Что у тебя спрашивали? А ты как ответил? Все ли твои сокурсники сдали», – неторопливо закусывая и время от времени давая знать, что пора подлить ему чаю. Иногда одобрительно кивал головой: «Ну вот, это хороший разговор... Так и должно быть. Я пока пойду, а ты отдохни... Попозже поднимешься ко мне», – наказывал он уже на выходе. Я провожаю его, помогаю обуться, а потом долго смотрю вслед, пока совсем не потеряю из виду. Возвращаюсь в дом.

«Приехал? Этот мужчина и поговорить не даст. Держит на ногах до вечера... Голоден, наверное? Что тебе приготовить? Сядь, перекуси пока, чем есть, а я сейчас мясо пожарю, – суетливо хлопочет мать, стараясь угодить мне, как желанному гостю. Я смотрю на нее, ощущая ее тепло, искренность и нежную заботу. Перед собственными детьми она ведет себя, как сноха. А мы и не задумываемся над этим, принимаем все как должное: «Хаби, принеси воды, налей чаю... нагрей воды, голову помыть... рубашку постирай...» И сколько бывает этих просьб: сделай это, то отнеси, это принеси...

Мать вскоре ставит передо мной сковородку с жареным мясом. Подает перец. Заваривает свежий чай. Так, сижу за столом, а перед глазами оживают картинки из нашего детства. Вспоминаю то утро в горах, когда я увидел отца сквозь яркий солнечный свет. Это жаркое солнечное утро навсегда останется в моей памяти – особенно то счастливое мгновение, когда отец издали показался на гнедом коне, улыбающийся – вместе с солнцем, радостью, с предвкушением чего-то хорошего, доброго и родного.

Мы были тогда детьми. В то лето отец находился с отарой овец и коз в горах, в местечке под названием Кхури. Я и мой младший брат Хасбек помогали ему. Неподалеку от родника мы соорудили большой шалаш, а немного в стороне – вырыли яму для собачьей похлебки. В горах не строят ни загонов, ни кошар: говорят, овцы становятся грязными в загоне. Вот поэтому шерсть горных овец бывает такой чистой и переливчатой, как шелк, а сами овцы издали напоминают белые кремневые камни.

Вечером отец ложился под открытым небом, возле отары. А мы с братом располагались в шалаше. Лаяли собаки. «Уй-хей-т! Эй-хей-й!» – слышались покрикивания отца.

Одним утром отец сказал, что ему нужно поехать в Терийчу – проведать свою мать, узнать, как она поживает. Заметив на моем лице беспокойство, пообещал к вечеру вернуться обратно. Он уехал на нашей гнедой лошади, наказав нам ничего не бояться.

Не рискуя уходить с отарой далеко, мы кружили в окрестностях нашего стойбища и уже после полудня с нетерпением стали смотреть на дорогу: мы боялись ночи, очень боялись, что он не успеет вернуться до наступления темноты.

Отец не появлялся. Собрав отару в одном месте, мы сели на пригорке и стали наблюдать за дорогой, поспорив, кто первый заметит его возвращение. Проглядели до вечера, но отец так и не показался на дороге. Тогда мы быстро согнали отару к нашему стойбищу, приготовили похлебку для собак, накормили их и снова уселись, в молчаливой тревоге вслушиваясь в ночные шорохи. Внезапно сгустился туман, покрыв все вокруг плотной пеленой. Воздух потемнел, а потом полил сильный дождь: не видать ничего, только слышно было, как овцы шумно жевали жвачку. Спасаясь от дождя, к шалашу жались козы...

Стараясь отогнать свой страх, мы часто окликали собак – их лай подбадривал нас. Но собаки почему-то не хотели лаять. Мой страх усилился. Я был старшим, и тогда мне казалось, что эта темная, тревожная ночь наступила только для меня одного. Да, только для меня. Отару что-то испугнуло: «Гур-р-р...», – всколыхнулась она с места. Бросаясь в разные стороны, овцы с гулким топотом и блеянием стали носиться кругами. Наконец, яростно залаяли собаки. Отара еще несколько раз метнулась, овцы продолжали жалобно блеять. Мы с братом и вовсе испугались тогда: быстро нашли таз, положили его вверх дном и стали бешено колотить по нему и громко кричать. Мы слышали, что волк боится шума и при шуме не подходит близко.

Животные все никак не могли успокоиться. В полной темноте мы нашарили в шалаше все резиновые сапоги, калоши и, взявшись за руки, понесли их к отаре, окликая собак. Овцы бросались нам навстречу с тревожным блеянием. Зажгли большой костер из всей этой поклажи. И так, поддерживая огонь и не прекращая греметь тазом, мы просидели до самого утра.

Ближе к рассвету дождь немного ослаб. Отара притихла, да и собак тоже не было слышно.

Наступило утро, и туман стал рассеиваться. Последние ватные клочья его поднимались из ущелий к небу, и ветер разносил их в вышине. Солнца за облаками видно не было – кое-где местами все еще лил дождь.

Овцы, чем-то (или кем-то) напуганные этой ночью, разбежались, и теперь стояли отдельными кучками в разных местах. Собрав отару, мы в своей мокрой одежде погнали их вниз, к дороге.

Здесь отара спокойно паслась. Некоторые овцы лежали в траве, по сторонам от овец улеглись собаки. Мы с братом тоже прилегли на склоне и стали смотреть на дорогу, по которой должен был вернуться отец. Так сами не заметили, как заснули – я проснулся от громкого собачьего лая. Меня ослепили лучи солнца. Первое, что я увидел сквозь яркий, солнечный свет – улыбающегося отца на гнедом скакуне – и больше ничего вокруг. Чувство радости и волнения переполняли меня, я не мог вымолвить ни слова. Все, что я хотел или должен был сказать, осталось в сердце – вместо меня говорили мои счастливые глаза, по которым отец сразу понял все, без слов. Я не знал, куда себя деть от счастья, вокруг ничего, все замерло, только яркое, ослепительное солнце и отец, в сиянии этого солнца... и больше ничего.

«Дада!» – вырвалось у меня и, не помня себя от радости, я побежал ему навстречу.

«Живите долго! – Он слез с коня и обнял нас – Ну, как вы, что делали? Я переживал за вас... Пошел дождь, туман был таким плотным – никак не смог выехать... Ваша бабушка Хати прислала вам яблоки... Там, в хурджинах. Возьмите, ешьте». Отец берет за уздцы коня, и мы с радостным смехом направляемся к шалашу, лакомясь по дороге бабушкиными яблоками.

Да, так было раньше. Так было и через десять лет, и пятнадцать лет спустя было так же. А теперь... теперь все изменилось. Нынче и отношения другие. Я мечтаю увидеть отца таким, как в то утро – в лучах яркого солнечного света, веселого – и снова почувствовать себя счастливым. Но увы, больше я его таким не увижу. Почему же теперь все не так, как прежде? Не знаю. Может быть, мы просто повзрослели. Теперь, когда мы навещаем отца, то и радуемся иначе – сдержанно, проявляя уважение к

его возрасту, не давая воли чувствам. Теперь и отец первым никогда не заходит к нам – ждет нас. И если мы задерживаемся, бывает недоволен, хотя и не говорит ничего.

Какая-то неопределенная озабоченность заметна в нем в последнее время, какая-то глубокая потаенная печаль... Да, теперь он совсем не такой, как прежде. Почему?

Каждый раз, возвращаясь в родительский дом, я, прежде всего, захожу к нему: пожелать доброго дня, рассказать последние новости. Часто нахожу его сидящим на паднаре, негромко напевающим зикр.

– Добрый день, дада, – говорю я ему. – Как поживаешь?

– Живи с добром. Приехал? – отвечает он мне, как гостю.

– Да, приехал...

– Чем занимался, как дела твои?

– Да, все хорошо...

Потом мы долго беседуем, я рассказываю ему, он – мне. Я вижу, как он меняется в лице, становится удрученным, задумчивым. Или мне так кажется? Не знаю. Может быть, он недоволен нами? Может, он хотел нас видеть совсем другими людьми, а мы не оправдали его надежд? Кто знает, что у него на душе!

Мать к тому времени уже приготовила поесть и зовет, чтобы я отцу отнес еду.

Он ест медленно, отламывая руками кусочки сыра и хлеба, долго жует, задумавшись о чем-то. Протягивает мне пустой стакан. Я наливаю ему горячего чая, с печи.

– Отнеси, – говорит он, закончив трапезу. – Да не лишит Бог этой милости никого!

Я отношу посуду и возвращаюсь к нему. Некоторое время стою молча. Внимательно смотрю на него, вглядываясь в его лицо, глаза, руки. Мне он таким нравится: с коротко подстриженной белой бородкой, с белой полоской зубов, проглядывающей между губ. Сидя на краю паднара, с подушкой за спиной, он тихо говорит:

– Ступай, отдохни. Дорога утомляет.

Я взбиваю ему подушку, укрываю одеялом, потеплее укутываю ноги и тихо выхожу, стараясь не поворачиваться спиной. «Как хорошо, что ты есть, – думаю я про себя, – что можно просто видеть тебя, пожелать доброго утра, вечера... Спросить, как поживаешь, не тревожит ли тебя что-нибудь, со здоровьем все ли хорошо... Как хорошо, что ты есть – что можно просто слушать тебя, наслаждаться твоей речью, делиться радостью и печалью, подолгу вглядываться в твои черты... Как хорошо, что ты есть! Знать – что ты придешь на помощь, если со мной случится что-нибудь: прижмет ли беда, одолеет жизнь со всеми лишениями и невзгодами... Появишься в лучах солнечного света, на гнедом коне – с доброй улыбкой на лице (как тогда, в то утро!) – и подаришь мне счастье одним своим появлением, одним сознанием того, что ты есть на свете, со мной, всегда и везде...»

Перевод Исы Окарова.

Девушка моего брата

Рассказ

– Хизир, родимый, что-то я этой девушки не вижу... среди ее сверстниц... она... куда она делась, девушка Арби?.. – спрашивает нана, не глядя в мою сторону, как будто разговаривает с кем-то другим или сама с собой.

Она стоит на углу дома и, прищурив глаза, вглядывается в дорогу, идущую вдаль, за голосами девушек или куда-то за горизонт.

Видны руки наны, в муке, и платок, повязанный назад, закрывая лоб.

Я возвращаюсь из школы с сумкой через плечо.

Я замечаю нану издалека, когда она меня еще не видит.

– Пока месила тесто... заслышав голоса... может она там? – нана поднимает взгляд на деревья. – Начинается цветение... весна, – отворачивается, медленно уходит.

– Она... она уехала, нана, из этого села... учиться... ее здесь нет, – говорю я. Быстро выговариваю.

– Говоришь, нет ее... уехала, – нана поворачивается лицом ко мне. Смотрит вслед девушкам, возвращающимся из школы, смотрит долго и упорно...

Взгляд застывает.

– Да, уехала... пошли, зайдем в дом, – я прохожу мимо матери, делая равнодушный вид.

Я делаю вид, будто ничего не понимаю, как будто мне все безразлично, вижу я Кемсу или нет.

Девушки смеются, останавливаются и идут дальше.

Разноцветные платья, фартуки, косы. Белые-белые носки.

Снова останавливаются, под большой сливой. Собирают сливу, осыпавшуюся алычу, кокетливо присаживаясь, отводя коленки в одну сторону.

Откидывают челки со лба, запрокидывая голову.

Видны зубы, белые кончики; они смеются, закатываясь, голоса прерываются, рассыпаются голоса, словно бабочки порхают – много бабочек.

– Бедняжка, как же далеко оказалась твоя Родина... твоя Родина, – приговаривает нана.

Кому?

Заходит и, присаживаясь, замешивает тесто.

– Нана, ты к кому... – останавливаюсь я на полуслове, не будучи в силах договорить. Я вижу фотографию на стене, на которой запечатлен весенний день, день, в который Арби уехал.

Я быстро выбегаю на улицу.

Я захожу за навес.

Весна, цветение, белые дома, белая земля и черная... брат в армию... в это день... бритый наголо, фуражка, сумка через плечо...

«Аби, Аби, письмо мне... напишешь... фотографию мне, свою фотографию... Аби, пришлешь, в форме, с орденами?»

«Конечно, пришлю, только не плачь, почему ты плачешь?»

«Я не плачу...».

«Почему она теперь не ходит здесь, почему здесь не ходит, этой дорогой, своей дорогой?» – пульсирует с кровью, обидой, болью в горле, не прорываясь, накапливаясь, на грани срыва, срываясь.

Останавливаю плач пустыми глотками.

И облаков не видно, куда делись облака... чистое небо, настолько чистое, ну почему оно настолько чистое...

Луна.

Ночь. Ветка яблони в окне.

Мы вдвоем в комнате, я и Арби, лежащий рядом. Он на кровати, стоящей у окна. Я по правую сторону, внимательно смотрю на него.

Как он дышит, вздыхает... завтра в армию... Из окна лунный свет, через кровать Арби, ложится прямо посередине комнаты; ветка яблони такая же светлая, яблоневый цвет переливается золотом.

Ни слова мне, ни слова.

Он же расскажет мне, хоть я и маленький... он ведь знает, что я в курсе... я же видел их вдвоем не один раз... А он завтра на рассвете... его забирают в армию...

– Хизир, ты не заснул... не скучай, ладно?

– А? Нет, не заснул... нет... не буду скучать, – я быстро усаживаюсь в постели, откидывая одеяло.

Я смотрю в его сторону, чтоб поймать каждое его слово, каждое...

Он замолкает.

Я вижу его глаза, устремленные в лунном свете вверх. Руки закинута за голову, одеяло по пояс.

Почему больше ни слова... ни слова не говорит... почему... Кемса, девятиклассница Кемса...

– Хизир...

– Да-а?

У меня перехватывает дыхание. Вглядываюсь. Взгляд застывает. Пустой глоток, раз, второй, много раз.

– Присматривай там, ладно?

– Да, хорошо, присмотрю... Аби, обязательно присмотрю... – я не могу произнести имя, мне очень стыдно произнести ее имя, я не могу выговорить – Кемса... он ведь про Кемсу говорит, не называя ее по имени.

– Она тебя знает... я ей рассказывал про тебя...

– Хорошо! Я никому, Аби, никому не разрешу с ней заговорить...

– Нет-нет, не надо так, ничего, если заговорит... По-другому... изредка приглядывай. Тебе она нравится, Хизир?

– А?

– Тебе она нравится?

– Мне... – я не могу этого произнести, мне стыдно в этом признаться. Она ведь самая красивая в школе. Ее все любят, все дети, даже мои одноклассники, хотя они только в пятом классе.

У нее зеленая юбка, с поясом. Есть еще такое же платье, такого же цвета, с таким же поясом. Когда мы выходим из школы после окончания уроков, я вижу ее всегда смеющейся.

Когда она смеется, ее глаза сужаются, будто капельки блестят. На щеках появляются ямочки. Такие удивительные ямочки, круглые. И одевается она красиво, у нее много вещей, и все такие легкие, разноцветные: белые, синие, зеленые...

Я встретил их однажды у ручья, Аби и ее, когда возвращался из школы. Они стояли по обе стороны ручья.

Вода протекала между ними.

Вода уносила с собой белый цвет акации.

Акация растет у обрыва, там, где протекает горный ручей. И ее соцветие опадает в воду... Поодаль виднеется зеленая поляна.

Кемса держала сумку обеими руками, будто прикрывая колени. Кемса, раскачиваясь, смотрела на Аби. Она улыбалась, не говоря ни слова.

Из сумки торчал уголок платка.

Кемса смотрела в воду.

Автобус уезжал, не было видно, что колеса крутятся – вроде как на месте стоит, несколько приподнявшись, парит.

Я виделся с Кемсой в школе.

Кемса мне улыбалась. Мне хотелось, чтобы уроки быстрее заканчивались, чтобы поскорее увидеться с Кемсой.

Я всегда засматривался на нее. Девочки смеялись, указывая на меня пальцем Кемсе – посмотри!

– Оставьте мальчика в покое, – говорила Кемса.

Кемса мне улыбалась. Я убегал, исчезая до следующей перемены. Я рассказывал маме. Мама смеялась:

– Мужчина, ты настоящий мужчина! – говорила она, обнимая меня.

Первое письмо от Аби пришло спустя месяц, в нем говорилось, что он в Узбекистане.

– Как же там жарко! – сказала нана. – Как же ему там будет тяжело!

Второе письмо было без адреса, со множеством знаков. Были только печати и два слова: «полевая почта». Когда я читал письмо, нана, слышав слово «Афганистан», резко вскочила, из ее глаз брызнули слезы. Из рук выпала фотография. На фотографии на голове Аби виднелась шляпа.

С ним было много солдат.

Мне фотография понравилась.

Я схватил фотографию и выбежал, чтобы всем ее показать – на ней был большой танк, наверху сидел Аби – дети с нашей улицы удивлялись:

– Покажи, дай взглянуть!.

Я казался себе взрослым, таким, как Аби.

Я был очень горд, горд братом. После летних каникул, осенью я пошел в шестой класс.

На мне была белая рубашка. И черные брюки.

Я не узнал Кемсу.

Кемса была красива, до слез красива, ее красота смущала.

Я не решался посмотреть ей в глаза. В такие горячие, блестящие, небесно-голубого цвета, с заметными издали иссиня-черными ресницами.

Я терялся при виде ее.

Я краснел и столбенел.

Мне было ее жаль. Без Аби, одинокую.

– Подойди сюда, подойди-ка, – позвала Кемса рукой, поманив пальцем, – каким красивым мальчиком ты стал!

Я не тронулся с места. Тогда она сама подошла ко мне. Поправила воротник моей рубашки, пригладила волосы на голове.

Мои губы горели, сердце трепетало, взгляд помутнел, в глазах потемнело...

– Фотографии... фотографии есть у тебя?

– А?

– Посмотри! – вытянула из-за спины правую руку, а в ней фотографии Аби.

Их было три: как моя, и две, которых у меня не было, с надписью сзади «К ..., тебе. Арби. 1983 г. Афганистан».

– Есть, – сказал я, хотя у меня таких не было. Прозвенел звонок.

– Беги теперь, не опоздай на уроки.

Я в ту ночь написал письмо Аби, рассказывая о Кемсе и фотографиях. Для себя я попросил прислать такие же две фотографии. «Кемса очень красива, – писал я. – Когда ты приедешь домой? Приезжай поскорее, Аби, Кемса ведь выросла».

Я уходил домой вместе с ней, дождавшись, пока у нее закончатся занятия.

Она проходила по нашей улице, мимо нашего дома. С ней бывали ее одноклассницы. Я просил разрешения понести ее сумку. Мы обменивались портфелями. Девочкам это казалось смешным, и каждая спрашивала:

– Хизир, а когда ты вырастешь, возьмешь меня замуж за себя? А?

– Оставьте парня! – Кемса заступалась за меня, будто принимала все всерьез, никогда не улыбаясь.

Я все рассказывал нана.

Нана выглядывала в окно. Мы вместе смотрели на улицу в окно, когда она проходила мимо.

– Надо же, какие красивые ножки у этого чертенка, тьфу-тьфу! – сплевывала нана. Нана смеялась. Глаза наполнялись слезами, смеющиеся глаза. – Четыре месяца прошло...Хоть бы оставили до возвращения моего сына... люди не оставят... ведь красавица... не сглазили бы...

– Пиши, Хизир, что она стала красавицей, пиши своему брату в письме... люди не оставят... скажи, что я велела ехать домой, скажи, пусть будет дома в день, когда она окончит школу... нужную бумагу, скажи, я пришлю... хоть свидетельство о моей смерти...

И тогда мы написали письмо, записывая все наказания матери, большое такое, длинное письмо на четырех тетрадных листах.

После того, как закончил писать, я прочитал письмо вслух, добавляя кое-что от себя. Нана еще наставляла, подбирая все новые и новые слова.

Я носил Кемсе орехи, лесные орехи. Лесные орехи были очень вкусные.

Потом, осенью, когда осыпалась листва, созрели каштаны. К востоку от нашего села, в местечке под названием Хилдехаройн-хутор, росли каштаны. Их охранял сторож. Это были очень высокие, прямые, устремленные вверх деревья в двадцать,

а может и все тридцать метров в высоту. Дерево было гладкое, толстое, без единого сучка, чтобы ухватиться руками и ногами, а ветки росли только на самом верху. И мы, дети, чтобы достать каштаны, снизу подкидывали палки и сбивали орехи.

Падала колючка, круглая колючка с виднеющимся изнутри каштаном цвета печени. В одной колючке их было до пяти-шести штук.

Мы носили туда женские плотные чулки, в один такой чулок помещалось около ведра орехов.

Каштаны можно было и варить, и жарить.

Ночью я вместе с товарищем – один идти я боялся темноты – перекидывал этот чулок с каштанами через Кемсин забор.

Наутро Кемса приносила в школу уже вареные каштаны, горделиво заявляя, что это я ей их принес.

Сторож был очень злой, с ружьем за спиной.

Он гонялся за нами на лошади.

Мы рассыпались по полю, как стадо овец, по одному.

Тогда он устремлялся за одним из нас. Если сторож нагонял убежавшего, тот выкидывал чулок. Потом мы делились с ним, чтобы у всех каштанов было поровну. Еще не выходя за пределы села, мы решали, кто будет убежать.

Быстрее всех бегал Салах.

Когда сторож бросался за нами, Салах немного отставал, чтобы тот погнался за ним. И он его уводил в глубь леса, в противоположную сторону, в сторону села Чишки.

Мы ходили за каштанами после обеда, когда заканчивались занятия в школе. Прятались в углублениях по двое-трое. Сторож верхом на лошади, сделав круг, призывал к полуденной молитве: «Аллаху акбар, Аллаху акбар». Затем замирал, будто прислушивался, не раздастся ли шорох.

Он два раза нас так обманывал, и только мы кидались к каштану, как он, оставив намаз, гнался за нами.

После этого мы ждали, когда он приложит руки к груди, и только после этого выбегали из укрытия.

Тогда в ход шли палки, каждый выбирал по дереву – времени было три-четыре минуты.

Сторож завел собаку. Собака была огромная, величиной с барана, с ошейником.

Он называл ее Моряк. Три дня подряд мы били этого Моряка камнями, которые специально для такого случая носили в карманах.

Собака при виде нас убегала, не отходила от хозяина ни на шаг. Сторож бил ее кнутом и проклинал.

Тогда собака исчезала, скуля и зажав хвост между задних ног. Под конец сторож стал приводить с собой своего сына.

Парень был уже взрослым, после армии. Он колотил нас, хватая по одному. Когда он гонялся за нами, мы научились бегать вместе, а не по одному, как прежде. И, когда он нас догонял, мы бросались в драку, всемером против него одного.

Все равно он побеждал.

Однажды, когда сторож пришел без сына, мы со смехом возвращались домой с висящими на шее полными чулками. Вдруг появился он, сын сторожа.

Он остановился, не говоря ни слова, посмотрел в мою сторону. У него были покрасневшие глаза.

И мы остановились, готовые к драке.

– Хизир, – сказал он, – Хизир, – губы его задрожали.

– Что тебе надо? – отозвался я, ища глазами палку. – Думаешь, тебе это сойдет с рук? Когда Аби вернется... подожди... он твою рожу...

– Хизир... ты... ты мне... мне... – как стоял, так и сел, закрыв лицо обеими руками, и его плечи затряслись от рыданий.

Мы убежали.

– Отца... отца видели? Отец был там? – крикнул он.

– Наверно, приближается к Богу, поднимаясь вверх, – сказали мы, – совершая молитвы.

– Он испугался Аби, – хихикнул я, – видели, плакал? – дети засмеялись.

И тогда я стал рассказывать про Аби, как Аби на турнике делал «солнце», больше всех поднимал штангу. «Даже сто килограмм!» – завравшись, в азарте говорил я.

Зайдя в село, мы разошлись, условившись о завтрашнем походе.

Наши ворота были широко раскрыты, тут была и милиция.

Людей было много.

Я увидел двух солдат, которые о чем-то рассказывали людям.

Люди стояли, окружив их.

Они говорили по-чеченски. Оба солдата стояли, отведя за спину руки, взглядом упираясь в землю: «Да, были... вместе были мы. Арби был танкистом... Когда взорвавшийся танк охватило пламя... кроме пепла, ничего не осталось...»

Нана со мной не заговорила.

Нана так и стояла, словно столб, так и стояла белая, как стена, с застывшим, как снег, взглядом.

– Иван Алексеевич! – позвал один из милиционеров. Я оглянулся и увидел русского в синей форме с погонами и в фуражке. Фуражка была в виде крыла с острым козырьком. Другой:

– Кто это?

– С нашего... района... военком... Езжайте, мы подежурим, – сказал милиционер, – до утра будем...

– Мои соболезнования, мать, ваш сын... погиб, как мужчина, как настоящий чеченец, защищая свою Родину, геройски погиб...

Из рук матери что-то выпало.

Какая-то женщина подобрала.

Медаль и футляр.

Я понял.

Я закричал.

Больше я ничего не видел.

Утром я увидел ящик, белый ящик из белого металла, перевязанный поперек красным лоскутом.

На нем была какая-то надпись, какие-то знаки, даты.

Много собралось людей, среди них были незнакомые люди, не с нашего села.

И русские были, и чеченцы. Русские были в военной форме, вместе с ними было много милиционеров.

– Нет, нельзя! Таков приказ, нельзя открывать... – махнул рукой русский в плаще. Он был в шляпе.

Люди ему что-то объясняли, собравшись гурьбой. Русский качал головой:

– Нет-нет, только в ящике... Москва, не я решаю, – говорил он. После этого ящик подняли и вчетвером понесли, подперев плечами. Траурная процессия последовала за ними, запевая похоронную молитву-зикр.

Во дворе поднялся женский крик, причитания.

Три дня нана не говорила. Она не плакала. Ее рот был сжат, взгляд остановился.

Я потом увидел ее в постели, рядом сидели две женщины. Окна были зашторены, внутри было глухо и темно.

Иногда кто-то заходил: «Нет-нет, не тревожьте Халист, не тревожьте... он стал гостем в раю, хороший мальчик был Арби».

За коровой ухаживала соседка.

Она же и лепешки пекла.

Пришло письмо, которое нам написал Арби. Нана не разрешила вскрыть, так оно и осталось запечатанным. Я сидел на ступенях, когда рядом заплакал какой-то мужчина. Он приехал на лошади с большим мешком.

– Я тебе каштаны принес, Хизир... каштаны принес тебе... почему ты не приходишь... – он сел рядом.

Обнял.

Опять заплакал.

Я ему не ответил.

Я не знал, что случилось, что со мною произошло – я разучился говорить.

– Эй, Хизир!.. – раздалось из дома, это был слабый голос матери.

Я подошел к ней, стал рядом с кроватью.

– Пойди в школу... две недели прошло... родной...

Дети меня будто не замечали. Они держались отдельно, особняком. Дети проходили мимо, завидев меня, они шушукались.

Как-то Кемса подошла ко мне, положила руку на мое плечо.

– Хизир, – позвала по имени. – Хизир, – позвала еще раз.

Ушла, отвернувшись, сперва медленно, потом все быстрее, почти бегом.

У меня, кроме нее, никого не было. Я никого, кроме нее, не видел.

Она иногда кивала мне головой. Старалась улыбнуться. Домой ходила по нашей улице, мимо наших окон.

Пошел снег, много снега. Белый, словно вата.

После зимних каникул, в новом году, вернувшись в школу, я увидел взрослого, очень статного парня, он был похож на актера. У него были синие глаза и длинные, до плеч, черные волосы.

Он был высоким, очень высоким и взрослым, он брил бороду.

Он учился в десятом классе, в классе, где училась Кемса, он перевелся сюда из города.

Поговаривали, что он боксер.

Я как-то даже видел, как он дрался с одним взрослым парнем из нашего села за клубом. Мы все ходили смотреть, все дети из нашей школы.

Говорили, что он избил своего одноклассника, а тот привел своего брата. Борьба была неравная – трое на одного, к тому же получивший первый удар кулаком вытащил нож. Тогда ученики бросились звать на помощь учителей.

Учителя кричали на обидчиков: «Вы нелюди, нелюди, как могли с ножом на ребенка...»

Потом учителя увели его насильно, хотя он сопротивлялся и просил, чтобы ему дали продолжить драку с каждым из троих по отдельности.

Все говорили только о нем, клялись, что он, как в кино, избил бы и одного и второго.

Все девочки из его класса были с ним, все, кроме Кемсы, моей, нашей, девушки Аби...

Кемса ни с кем не ходила, даже с девочками из своего класса. Она всегда была одна, даже после окончания уроков.

Если Кемса оказывалась с девочками, то этого парня с ними не было, а если он был с ними, отсутствовала Кемса.

Кемса прогуливалась одна, иногда ее можно было увидеть стоящую в задумчивости, прислонившись спиной к дереву.

В эти минуты мне казалось, что Кемса лучше всех, что она ни с кем не встречается. Даже на уроках физкультуры она не играла со всеми в волейбол. С начала весны физкультура проходила во дворе школы.

На дворе был апрель.

Изредка с Кемсой я видел одну из ее одноклассниц, которая все время что-то ей говорила, а потом обратно уходила в свою группу.

Спустя какое-то время они стали ходить вдвоем, везде и повсюду. Этот парень, этот высокий парень (о котором все только и говорили) стал чаще бывать с ними – с Кемсой и этой девушкой, как будто он и не с ними, не говоря ни слова, молча сопровождал их.

Теперь они всегда ходили втроем, никогда не разлучаясь.

Этот парень общался только с подругой Кемсы, он что-то ей рассказывал.

Кемсы словно не было с ними. Кемса очень сильно изменилась, она как будто ничего не видела.

При встрече она проходила, не замечая меня, смотря как-то сквозь меня.

Ее подруга также не замечала меня. Когда Кемса встречалась со мной взглядом, то отворачивалась.

Она убегала от меня.

Она от меня скрывалась.

Домой она ходила уже другой дорогой, не по нашей улице, хотя так ей было ближе к дому.

Был май, до наших каникул оставалась неделя, когда эта девушка, подруга Кемсы подошла ко мне в школьном дворе.

– Подойди сюда, – сказала она.

– Я? – спросил я.

– Да, ты, – ответила она. Я направился к ней.

– На, держи... это... – она протянула мне руку с бумагами, которую держала за спиной. Я не успел схватить.

Бумажки рассыпались.

Их было много, среди них было четыре-пять фотографий: это Аби, его фотографии с надписью «Кемса...» и письма... написанные Аби Кемсе...

– Это мне... Кемсе... – когда я поднял глаза, девушки уже не было, убежала. Громко прозвенел звонок, дети стали заходить в школу.

Я так и остался стоять один, все дети разошлись.

Тогда я... постучал в дверь, поднявшись на второй этаж нашей школы, в дверь десятого «А» класса, класса, в котором училась Кемса, чтобы отдать ей письма. Дверь открылась.

– Вам кого?

– Кем...са...

– Зулкарниева! – отвернувшись, позвала учительница, не выпуская ручку двери. Поднялся шум: «Ее нет, Надежда Васильевна... ей стало плохо, она ушла...»

– Как ушла! Я ей устрою на экзаменах, голубке этой! – стала ругаться учительница и, повернувшись ко мне:

– Ушла она, мальчик, иди, – быстро захлопнула дверь.

Я остался за закрытой дверью с письмами в руках, не зная, что с ними делать.

Я стал медленно спускаться по лестнице со своими письмами и фотографиями. Они были у меня в руках, такие живые, словно имели душу.

Мне вспомнилась нана, потом Аби, наш двор. Я все видел вместе: себя, нану, Аби, эти письма, Кемсу, как будто мы все были вместе, видели и осязали друг друга.

Когда машина просигналила, я был внизу, у ручья. Этот автомобиль ехал навстречу мне.

Как я сюда попал? Оказывается, шел домой, задумавшись, по берегу, а не по дороге, где люди ходят.

– Ты что, без глаз? – крикнул водитель. – А?.. Козявка! – автомобиль белый, как весенний цвет. Речка была загрязнена машиной.

Пойду домой вдоль ручья, поднявшись выше по берегу... Там и мост есть... рыбки... с мизинец, такие зеленые, маленькие, и река такая же зеленая, с бегущими отражениями деревьев... Нана обрадуется... тогда она и то письмо... распечатает... этот парень... чего он так смеется... Кемса... это Кемса... она с ним... с этим парнем... со своего класса... с длинными волосами... – я остановился, так и остался стоять; я увидел Кемсу, письма, – я посмотрел на письма, потом туда, – на них.

Парень смеялся.

Потом остановился.

Он оглянулся на меня.

Потом Кемса... Кемса быстро отвернулась, поворачиваясь спиной, побежала, остановилась, что-то говоря, махнула парню рукой. Ушла далеко вперед. Парень медленно пошел вслед, засунув руки в карманы брюк.

Я знал... не знал, я знал, что что-то есть – точно не мог понять, что, – что это?.. – как это?..

Ком подступил к горлу, слезы текли, дороги не было видно.

Я увидел нану, нану, стоящую с соседкой Хедой.

– Нана-а, – сказал, – нана-а, нана-а! – я кинулся к матери, стал колотить по ней кулаками, крича, плача:– Она с парнем, нана, она ведь с чужим парнем... она не девушка Аби... она плохая девушка, нана... я Аби расскажу, когда увижу... когда увижу во сне... – у меня подкосились ноги, я душераздирающе закричал, вскочил, побежал, мои письма полетели на землю.

– Нет... Хеда... лови его... не пускай...

Я убежал.

Я бежал через весь двор, забежал в сарай, чтобы меня никто не нашел, не поймал.

– Дорогой мой, – услышал я через какое-то время после крушения жизни, – это ничего, родной... Это ведь так и бывает... Что ты, что... потерял свой портфель?.. Она ведь должна выйти замуж... Когда ты вырастешь, кроме нее... Кроме той девушки, никто не обласкает твое сердце... Вставай, родной... как много писем ты принес... и красивые фотографии своего брата...

Я стоял, обняв столб.

Я держал его крепко, не отпуская. Стоны душили меня, я всхлипывал без слез. Слез не было, они иссякли, ничего не осталось... И не было ни меня, ни жизни, ни Аби, ни наны...

Перевод Исы Окарова.

Аламахад ЕЛЬСАЕВ

Аламахад Абдул-Хамидович Ельсаев родился 1 марта 1967 года в с. Мартан-Чу Урус-Мартановского района ЧИАССР. Имеет высшее журналистское образование, кандидат политических наук.

С именем Аламахада Ельсаева связывают восстановление и развитие республиканской системы телерадиовещания после двух войн.

В настоящее время – депутат Парламента Чеченской Республики, Председатель Комитета по межпарламентским связям, национальной и информационной политике и взаимодействию с общественными организациями. С ноября 2021 года совмещает должность Председателя Правления Союза писателей Чеченской Республики. С февраля 2025 года член Правления Союза писателей России.

Автор 4 книг: «Честь имею», «Стержень», «Заметки немолодого руководителя или на заметку молодым руководителям», «Заманан костаи», а также сказок, стихов и песен. Составитель книги «Время глазами журналистов». Руководитель проекта по изданию книг «Путь жизни» и «Работа Умалата Лаудаева «Чеченское племя»: суждения и комментарии». Произведения А. Ельсаева переводились на другие языки и неоднократно публиковались в республиканских и федеральных изданиях, в том числе и в «Литературной газете».

Грозный – Буденновск – Москва

Рассказ

Когда 14 июня 1995 года Шамиль Басаев с отрядом вооруженных боевиков, проехав большое расстояние и множество постов, захватил роддом в Буденновске, я оканчивал университет в Ростове-на-Дону, где нам, студентам-кавказцам, невозможно было проехать от общежития к факультету без неоднократных проверок документов и настойчивых требований не кучковаться.

А как председатель правительства страны брался по телефону с полевым командиром, мы уже слушали, находясь в районном отделе милиции, куда нас «пригласили» на беседу. Странное дело, но в голосе нашего собеседника в погонах было больше раздражения, чем в голосе Виктора Черномырдина, разговаривающего с Шамилем Басаевым, хотя счет убитым к этому времени, включая силовиков, горожан и заложников, уже перевалил за сотню, а раненые исчислялись сотнями.

Впрочем, оказалось, что это удивление было не единственным, которое мне суждено было испытать по поводу Басаева и Буденновска. Главный «сюрприз» ожидал в Грозном, где счет убитым и раненым уже и не велся толком, а все еще неубитые воспринимались как пока живые, без всякого осознания и принятия их права на жизнь и защиту...

19 июня Басаев и его боевики, прикрываясь вынужденными и добровольно ставшими ими заложниками, покинули Буденновск и, беспрепятственно добравшись до нашего края, оказались в объятиях своих сторонников...

Дней через 10–12, закрыв последнюю сессию, уже дипломированным журналистом кое-как добрался до дому и я, а 3 июля был принят на работу на должность редактора общественно-политических программ ГТРК «Вайнах». Фотоателье в разрушенной республике было днем с огнем не сыскать, и я, взяв ножницы, приспособил на удостоверение фотографию, где после посещения театра снялся в смокинге и бабочке. Это фото не раз способствовало успешному выполнению редакционных заданий. Нередко у военнослужащих на постах, открывших для себя вместе с удостоверением и тот факт, что поголовные бандиты, мягко говоря, не совсем бандиты, или совсем не бандиты, появлялась некоторая растерянность и даже чувство вины (это всегда бывало заметно), и меня с моей съемочной группой пропускали.

К этому нужно добавить и то, что МИЛОСТЬЮ ВСЕВЫШНЕГО я везуч на хороших людей...

Мой декан и наставник Евгений Алексеевич Корнилов был взволнован, когда мы беседовали с ним перед моим отъездом из Ростова.

– Ты же собирався поработать за границей, на свой проект «Долина любви» накопить. Я был рад, когда ты придумал свою творческо-экспериментальную студию телевидения, когда узнал, что хочешь рассказывать зрителям о любых проявлениях любви и доброты. Подумай еще раз!

– Если бы не война, так и поступил бы, но сейчас я еле до окончания учебного года дотянул. Последние полгода – как вечность. Каждая секунда заполнена страхом за родных и близких, рядом с ними легче будет, чем переживать вдалеке.

– Аламахад, ты понимаешь, что там убить могут?!

– Там уже убивают, Евгений Алексеевич. Сейчас время, когда специалисты должны возвращаться в Чечню. Надеюсь, война не затянется (затянулась), и тогда вернусь (не вернулся) и к вопросу работы за границей, и к «Долине любви».

– Береги себя.

– Попробую.

– И помни, воином твой народ был всегда, но адаптироваться в современном мире ему помогут только его образованные представители. Высокое понятие чести и развитое чувство справедливости в связке со стремлением сохранить свою идентичность, а она того стоит, в наше время нужно защищать силой знания, а не оружия.

– Спасибо Вам, Евгений Алексеевич, за все спасибо!

– Удачи тебе, мой друг, удачи!..

И вот мы с Виситой Халадовым (он и оператор, и водитель) по разбитым дорогам родного края едем на УАЗе в село Шалажи, где, по словам главного редактора Зулай Зайналабдиевой, ставившей нам перед выездом задачу, должен состояться митинг с призывом к примирению противоборствующих сторон и поиска мирного урегулирования вместо военных действий.

Согласно редакционному заданию, по прибытии на место нам предстояло со- стыковаться с местной пророссийской властью. Она в лице администраций вот уже несколько месяцев действовала в каждом населенном пункте наряду с отделами МВД, Прокуратуры, ФСБ, военными комендатурами, блокпостами и воинскими частями. Но ощущение такое, будто все нормальные структуры и люди парализованы отсутствием политической воли и единоначалии наверху. Мандат только у подлецов и только на мародерство и беспредел в отношении мирных жителей, независимо от национальности и вероисповедания...

Представителей власти мы на месте проведения митинга не увидели, зато здесь в избытке были вооруженные до зубов боевики и их сторонники, обвешанные всевозможной атрибутикой, вплоть до значков с изображением Джохара Дудаева и ичкерийской символики на женских платках и различных мужских головных уборах.

– Мы не туда попали, – констатирует очевидное Висита. – Надо уезжать, а то без камеры и машины останемся, если самих не заберут.

– В самое туда, – уже завелся я. – Слышал, что говорят? Ждут появления Басаева, за ним безуспешно журналисты со всего мира охотятся после Буденновска. Нам, похоже, крупно повезло. Такой материал снимем, «Вайнах» рулит!

– Я микрофон с логотипом убрал в сумку, ты хоть удостоверение спрячь – мой опытный оператор куда умнее меня.

Решил прислушаться к нему и переложить удостоверение в карман брюк. Не успел.

– Это что за двуглавая курица у тебя на корочке? – симпатичный молодой человек с чисто чеченской внешностью указывает стволом автомата прямо на передний карман рубашки, через белую ткань которой всегда четко прослеживается содержимое.

За парнем подошли еще боевики, видно, что он у них старший.

– Во-первых, это не курица, а орел. Во-вторых, какая разница, что у кого на удостоверении изображено? У тебя волк, у меня орел. Главное с людьми себя ассоциировать, а не с хищниками.

– В горах поговорим об этом, – выносит вердикт командир.

– Где угодно, – продолжаю дерзить я, но понимаю, что влип не на шутку.

Чувствую вину перед Виситой и не знаю, как отвести от него беду.

– Его не трогайте, вы видели его передачи. Никому не подыгрывает, говорит правду про всех, – оглянувшись, увидел Виситу.

Полевой командир из моего села (погиб менее года спустя в апреле 1996 года во время боев в селе Гойское), как всегда, подтянут и аккуратен. После возвращения домой и до сегодняшнего дня я успел подготовить несколько материалов, вероятно, о них и говорит мой односельчанин. В селе его уважают (хотя идейные противники и сожалеют о том, что он не услышал их), видно, что уважают его и здесь. Нас больше не беспокоят.

Вскоре приехали Аслан Масхадов, Шамиль Басаев, его брат Ширвани, другие командиры.

Толпа ликует, Шамиль упивается славой. Блокпост, находящийся вблизи скопления боевиков, притих, мы снимаем репортаж с места события...

В студии, находящейся в одном здании с правительством (в августе 1996 года оно будет сожжено), нас с оператором уже ждали назначенный на эту должность 19 июля новый (прежнего сняли после Буденновска) министр внутренних дел Российской Федерации Анатолий Куликов, премьер-министр Чеченской Республики Саламбек Хаджиев и главный редактор телевидения Зулай Зайналабдиева. Но не только: всюду охрана, много охраны. Видимо, полагали, что я приеду с Басаевым. Встретили в коридоре.

– Где кассета? – министр резок.

– А где Басаев, вас не интересует? – все поняв, язвительно отвечаю я.

Никогда не видел более мягкого применения грубой силы: к стене прижали так, что и не больно, и двигаться не могу. И еще зачем-то автоматы скрестили у меня на груди. Зафиксировали конкретно.

– По закону о СМИ я имею право... – начал было я, но Куликов прервал:

– Для всех Басаев в Абхазии – и точка.

– Приятно быть страусом?

Думаю, что меня спасло присутствие Хаджиева, да и из кабинетов, услышав шум, стали выходить коллеги. В коридоре становилось тесно. Как бы там ни было, министр оставил без реакции мой выпад, и они с премьер-министром и главным редактором удалились смотреть запись. Я видел, что такая позиция Куликова чужда и Хаджиеву, и Зайналабдиевой и даже, похоже, его охране. После просмотра мне удалось поговорить с Саламбеком Наибовичем. Он уважительно и даже дружелюбно отнесся ко мне с первого интервью, которое я с ним записал, и даже поблагодарил, как он тогда выразился, за содержательные и конкретные вопросы.

Впрочем, я сам был ему признателен за конкретику в ответах, за хорошие манеры и принципиальность в вопросах защиты населения от кого бы то ни было. Вот и сейчас он отозвался на мое обращение.

– Саламбек Наибович, я не знаю, что происходит. Может, министр обязан террористу своей должностью. Если бы не эта вылазка, мог бы так и остаться замом, но война идет на нашей земле и умирают тоже наши. Это никогда не прекратится, если мы будем прятать голову в песок. Шамиля видели сегодня многие. От того, что мы

не покажем, только авторитет власти и пострадает, ведь все знают, что не я принимаю решение показать или нет. А неавторитетная власть войну закончить не сможет!

– Все не так просто, – премьер-министр задумчив, – подожди до завтра. Подумаем. На следующий день помощник Саламбека Хаджиева вернул кассету и сказал:

– Можешь показать, только просили вырезать момент, где Басаев говорит, что это крестовый поход против мусульман. Ты знаешь, что это не так, других мусульман же не трогают.

– Знаю. Передай от меня большое спасибо!

– Передам.

Первое после теракта видео с Басаевым вышло в эфир ГТРК «Вайнах». Федеральные и мировые СМИ мгновенно подхватили новость. Никто больше не мог изображать, что нет человека, а значит, нет проблем. Доверие к республиканской власти, как кровно заинтересованной к достижению мира, начало расти вместе с ее делами. Это было видно по отзывам.

Но вскоре Саламбека Наибовича Хаджиева уволили с поста премьер-министра. Чеченской Республике предстояло пережить март, февраль, август 1996 года, три последующие года и новую войну.

ХВАЛА АЛЛАХУ за то, что заранее знать обо всех бедах не дано!!!

P.S.

Спустя двадцать лет, в 2016 году, после выборов Главы Чеченской Республики мы снова встретились с Саламбеком Наибовичем и тоже на ГТРК «Вайнах». Он специально заехал в гости ко мне, шутил:

– Расстались, когда ты был редактором «Вайнаха», а встретились, когда стал его директором.

– Я очень рад Вас видеть, Саламбек Наибович. Как хорошо, что Вы приехали на инаугурацию!

– Как не приехать на инаугурацию Рамзана Ахматовича?! Он человек на своем месте, мирная и цветущая Чеченская Республика доказательство тому. Разве мы не об этом мечтали?!

Это были слова действующего академика с мировым именем, результаты научных исследований которого реализованы не только в России, но и во многих странах. Слова человека с опытом работы министром химической и нефтехимической промышленности СССР, народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР, председателем Государственного Комитета по промышленной политике РФ, Председателем Правительства Национального Возрождения Чеченской Республики!

Мы выпили чай, вспоминали разное, в том числе и то, как я прямо во время совещания, уговорив охранника, который знал о хорошем отношении Саламбека Наибовича ко мне, и под укоризненным взглядом пресс-секретаря Заремы Исмаиловой зашел в зал заседания, прошел к президиуму и сообщил ему, тогда руководителю Чеченской Республики, о том, что только что прямо на улице задержали более двадцати молодых людей и, погрузив в автобус, увезли в сторону печально известного РПАП–5, именуемый с начала войны «фильтрационным пунктом». Зловещее место, откуда возвращались только единицы, и то калеками.

– А Вы тогда не сделали мне замечание, наоборот, поручили продолжить совещание без Вас и поехали на перехват. Ребят отпустили, не успев довести.

– Все эти ужасы происходили не по установке власти, а из-за ее отсутствия. В федеральном центре тогда царил неразбериха, порожденная борьбой кланов. Это все очень усложняло.

Саламбек Наирович пробыл в гостях недолго. Мы тепло расстались во дворе компании. Оказалось, что теперь навсегда. Через два года его не стало.

Все уходит когда-то, только нормальные люди оставляют после себя след в виде добрых дел, другие – преступные отпечатки своих злодеяний!

Жаркие дни холодного февраля 1996 года

Рассказ

Многотысячная толпа уже несколько дней жила на площади перед остатками здания Президентского дворца, который президентским стал только потому, что новоиспеченному руководителю, приговоренному к потрясениям края, Джохару Дудаеву приглянулось здание, которое прежний «плохой» руководитель Доку Завгаев строил для диагностического центра. Кстати, под председательством Завгаева 27 ноября 1990 года Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР принял «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики». Это произошло мирно и без боевых речевок, а руководство ЧИР искало пути конструктивного взаимодействия с союзным и федеративным центрами, противостояние которых собственно и спровоцировало раскол и гибель СССР, а политическую арену заполнили проходимцы и авантюристы всех мастей, национальностей и конфессий. И все получили то, что получили: чиновники с олигархами – приватизацию, банкиры с поделщиками – авизо, рядовые россияне – нищету, а жители Чечни – войну.

В феврале 1996 года у руля республики снова встал не борющийся за власть и не отказывающийся от нее Доку Завгаев, а в центре Грозного – снова митинг, грозящийся в любой момент перерасти в вооруженное столкновение.

– Для кровопролития достаточно малейшей провокации с любой стороны, – в кабинете председателя ГТРК, кроме Зулай Зайналабдиевой, мой коллега Саид-Магомед Баширов (ныне заместитель министра Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации), который согласно кивает в знак поддержки. – Поговорите с Завгаевым. Если он согласится, я то же самое предложу и дудаевской стороне: одинаковое количество участников дискуссии с одинаковым количеством времени, со мной и с их ведущим, запись на нейтральной стороне, в эфир – только после одобрения обеих сторон. Я уверен, получится выслушать друг друга. Другие пути ведут в никуда.

– Хорошо, я попробую, – Зулай Саидовна, как всегда, уважительна.

Ответ получил уже через несколько часов, и я, вдохновленный такой поддержкой, уже пробираюсь сквозь огромное скопление людей к тому, кто всей этой массой тут верховодит. За мной идет приставленный ко мне связной – наш молоденький оператор Сухраб Баштаев, но без камеры. Его задача: не привлекая внимания, следить за

тем, что происходит со мной, и если что пойдет не по плану, немедленно вернуться в студию и сообщить об этом.

Пока все идет нормально. Высокий бородач в белом тулупе и в такой же белой пастушьей шапке, припорошенной снегом, выслушал предложение достаточно дружелюбно. Он хоть и стоит у самого большого костра с большим, наполненным до краев мясом казаном, но видно, что тоже хотел бы домой.

– Я передам твое предложение наверх. Приходи завтра за ответом к двенадцати.

– Договорились, – вечером, на всякий случай, поведал о затее брату Лом-Эле, чем не на шутку озадачил майора, заместителя начальника республиканского линейного отделения внутренних дел на транспорте.

Но он всегда уважал решение человека и допускал риск ради стоящего дела.

– Хорошо, – он не в восторге, конечно, но и запрещать не стал, – ты же не случайно только сейчас об этом сообщил, когда уже обещал вернуться. Боялся, что буду против?!

Ночь тянулась долго. Спать мешали не только редкий треск автоматных очередей, гул орудий и газовая горелка, но и мысли о том, как будет развиваться ситуация, если завтра получу отказ. Понятно же, что долго так продолжаться не может, ситуация и так накалена до предела.

– Зайдем, – сегодня мой новый знакомый менее приветлив, а во взгляде – острота.

Когда мы оказались внутри Президентского дворца, сообщил решение сверху.

– Сейчас тебя отвезут куда надо вот эти люди, они же привезут обратно. Не бойся, не обманем.

– Я бы сюда не приходил, если бы боялся. К тому же, если собираетесь обмануть, то заберете силой в случае отказа, а если нет, привезете обратно, как и обещали. Поехали.

– Ты все правильно понял, – и уже обращаясь к своим товарищам: – Везите!

На выходе я успел подмигнуть Сухрабу и попытался, улыбнувшись, успокоить его и уберечь от привлекающей внимание суеты. Обошлось – везут только меня одного!

Посадили между двумя немолодыми женщинами на заднее сиденье двухдверной красной «Нивы», впереди – водитель и напарник. Ехали недолго, завезли во двор дома №107 по Старопромысловскому шоссе. (Вроде как дом двоюродного брата Джохара Дудаева. Так потом говорили, но я намеренно не уточнял.)

Внутри дома – много людей, чеченцы и не только, из знакомых – Пола (фамилию не помню), достаточно смело заявляет о том, что ситуацию нельзя накалять.

– Ассаламу Иалайкум!

– Ва Иалайкум ассалам! Говори, что хотел.

Изложил предложение, все, кто был напротив, переглянулись.

– Ничего не получится, мы с предателями за один стол не сядем.

– Они считают предательством то, что сделали вы, но согласны на диалог.

– Тут есть даже депутат Госдумы Курочкин, так что без них обойдемся.

– Курочкин? – я не смог скрыть ухмылку. – А он, наверное, с «Петуховым» посоветуется?

– Нам самим он «не очень», но на диалог с оппозицией не пойдем. Люди на площади не поймут.

– Теперь вы оппозиция. И вообще, кто у вас ведущий и кто ведомый? Что значит – на площади не поймут, разве не вы их туда зазвали?!

– Попей чаю и уезжай.

– В месяц уразы чай среди белого дня?!

– Мунафики тоже постятся? – собеседник начинает нервничать.

– Не знаю, постятся мунафики или нет, но точно одно: ими люди не становятся только оттого, что вы их так называете. В доме Правительства есть комната для намаза, а охраняют его ребята, совершившие хадж, один трижды совершил паломничество. (Тот, про кого говорю, погиб от рук соотечественников в августе того же года.)

– Я ценю твою искренность и прямоту, но ответ на твое предложение – нет.

– Я ценю твою сдержанность. Здесь я один, и не мог пятиться, это сочли бы за трусость. Вас много, и вы могли себе позволить быть терпеливыми. Ассаламу Іалайкум!

– Ва Іалайкум ассалам!

Обратно ехали тем же составом и в том же порядке, только «попутчики» были более дружелюбны.

– Ты будь осторожен, могут убить свои, чтобы списать на нас.

– Для меня вы все свои. Я уезжал учиться, был один народ, а вернулся – много группировок.

– Знаешь, я до войны был главой села Самашки. Если захочу связаться, напишу письмо и внизу поставлю арабскую букву «даль». Без нее не верь, она так пишется, – рисует на панели.

– Я читаю по-арабски, – тянусь вперед и превращаю букву в обозначение точки зрения. (Вспомнил университетский спецкурс по стенографии.) Ты не верь без этого, если кто напишет от меня, тебя тоже могут захотеть списать на них.

– Пробка, досматривают, – взволнованно показывают на длинную колонну женщины.

Наступила пауза.

– Я пройду вперед, с моим удостоверением могут пропустить без очереди. Вы подождите здесь. Выпускайте меня.

Через несколько минут я уже на посту.

– Командир, что случилось? – молоденькому солдату нравится, что к нему как к командиру обращаются.

– Журналиста похитили.

– Какого журналиста? – я растерянно пытаюсь понять, кто из моих коллег попал в беду. – Как его фамилия, не знаешь?

– Да Ельсаев какой-то, а имя с черта два выговоришь.

– Спасибо.

Возвращаюсь к машине:

– Вам лучше вернуться.

– Кого-то ищут?

– Меня. Даст Аллах, свидимся!

– Береги себя!

– Вы тоже. И поговорите со своими, вас лучше услышат. Мы не можем это противостояние передать потомкам.

Вернувшись на пост, я предъявил удостоверение и сказал, что это какое-то недо-разумение. Попросил не задерживать людей.

– Черт знает что! Дались вы мне!

– А вы – мне! Война, командир, война! В студии встретили заплаканные женщины. Как мог успокоил их и помчался в линейный отдел – брата успокоить. Опоздал!

– Не отвечают, значит, находятся в толпе на площади, – говорит дежурный после очередной неудачной попытки связаться по рации.

– Каков их план? – уже в его машине спрашиваю милиционера, вызвавшего меня отвезти.

– Остальные должны страховать Лом-Элу, а он собрался подойти к их старшему, которого описал ваш оператор и, сунув в его карман руку с гранатой без кольца, попытаться вывести его за пределы площади.

– Сколько их?

– Лом-Эла позволил пойти только родным и двоюродным братьям.

Теперь я пробираюсь сквозь толпу, стараясь быть замеченным раньше, чем брат разыщет главного среди митингующих. Уже почти потерял надежду и вдруг встречаюсь взглядом с младшим – Асламбеком. Он за локоть осторожно останавливает Лом-Элу за пару метров до цели. Старший оборачивается и, увидев меня, жестом показывает, что уходим.

Несколько милиционеров в гражданской одежде вышли за площадь с разных сторон одновременно. Все они только что были в шаге от смерти.

К местным сотрудникам силовых структур взывали все при опасности и приравнивали к врагам при ее отсутствии.

Никто из братьев меня не упрекнул. Эти люди знали, что значит служебный долг, и оправдывали риск ради благополучия людей!

P.S.

Пройдет несколько тяжелых лет, и тысячи противостоявших в это время друг другу чеченских парней станут вместе с представителями других российских национальностей на защиту снова ставшего единым народа от «своих» и «чужих» подлецов.

А мне посчастливится работать в команде Кадырова! Ахмат-Хаджи (да примет Всевышний его газават) и Рамзан (да продлит Аллах его жизнь) – это те люди, которые милостью Создателя сумели сплотить нас всех на пути созидания! Пусть никто и ничто никогда не нарушат Мир на нашей земле! АМИН!!!

Цена вопроса **Рассказ**

Лето 1996 года. В небе над городом Шали светит солнце, но на душе холодно, а еще напрягает мучительный контраст между ясным днем и не сулящим ничего хорошего вечером. Его приближение – как мрачное напоминание о том, что срок ультиматума безжалостно истекает, обрекая на мучения и гибель огромное количество людей, среди которых большинство – дети, женщины и немощные старики.

Вообще, та война была многоликой с обеих сторон: войны отважно гибли на полях сражений, трусы безжалостно отыгрывались на беззащитных мирных людях, политики, поправ мораль, создавали себе имидж с перспективой его монетизации, коммерсанты, пренебрегая имиджем, уже цинично делали эту самую монету, мировое

сообщество изображало сочувствие, а мирных жителей маленького края постигло большое несчастье...

Вот и на этот раз требование к окруженному городу озвучено предельно ясно и до отвращения беззастенчиво. Предписано сдать определенное количество оружия (для отчета в Москву и сюжета на федеральном канале) и денег (для пополнения командирских карманов). В противном случае грозятся стереть Шали с лица земли. Оружие вместо денег исключается, деньги вместо оружия до каких-то значений приветствуются.

Шалинцы встревожены, но не все. На рынке стоит потертый бильярдный стол. Те, кто ждут своей очереди играть, следят за теми, кто уже скрестил кии. Все молодые люди. До сих пор не знаю, то ли они презрели страх и тех, кто пытается его внушить им, то ли были в неведении происходящего. Но как они могли не знать то, что знают все?!

Пункт для приема оружия и денег (несколько столов и стульев) расположился прямо на площади в центре. За ними сидят в ряд старейшины и военные чины. Люди сдают последние деньги. Их разворачивают, считают, складывают купюра к купюре, обматывают, кладут в рюкзак и делают запись в тетради, но оружие никто не несет, и это не удивительно. Простое охотничье ружье, даже при наличии разрешения на него, могло стать приговором к смерти целой семьи при первой же зачистке. Естественно, от оружия давно избавились. И теперь где его взять? Пришлось отправить ходоков с частью собранных денег ко всевозможным дельцам, они немного стволов набрали, этого оказалось недостаточно, чтобы осаждавшие почувствовали себя победителями.

Обратились к боевикам, но разжалобить их не удалось. Вернулись с одной единственной гранатой из-под подствольника, оскорбленные ухмылкой, с которой протянули подачку, и разочарованные равнодушием к незащитным людям.

Теперь многие жалели, что нет этого самого оружия, чтобы с остервенением воевать против одних и других.

Обстановка накалялась. Каждая фраза – как клинок. Военным кажется, что оружия и денег у горожан в избытке, нужно только поднажать. Горожан раздражает ненасытность военных и их готовность приступить к жестоким репрессиям в случае невыполнения своих условий.

Выход все же нашли: оружия теперь тоже набралось достаточно. Его, прежде чем унести, деловито осматривают и тоже вносят в список, только уже на бумаге, напоминающей ведомость. В толпе поговаривают, что его купили у самих военных, мол, они всегда берут с собой незарегистрированные стволы. Но я это своими глазами не видел, соответственно, подтвердить или опровергнуть не могу.

– Может, попробую это снять? – презрительно показывая на возню с оружием и деньгами, говорит оператор и водитель Шамо Ховхаров.

Шамо очень добрый и щедрый человек, но сейчас зол не на шутку. Он намного старше меня, вчерашнего студента, без году неделя редактора ГТРК «Вайнах», и я вежливо прошу не делать этого и объясняю свою позицию, убеждаю, похоже, не только его, но и себя.

Накипело. Целый день об этом размышлял и злился:

– То, что здесь происходит, в Грозном и Москве устраивает не всех, но многих. Поэтому оно и происходит. Это из той же серии, когда после якобы восстановления

каких-то объектов вдруг столица на некоторое время оказывается в руках боевиков, все опять якобы разрушается в результате боестолкновений, а потом боевикам вдруг дают коридор обратно, будто бы во избежание жертв среди населения. А об уже имеющихся жертвах, и не только среди мирных людей, но и своих подчиненных, предпочитают не говорить, зато каждая из сторон рапортует о своей победе, одни – о захвате Грозного, другие – о его освобождении. Списанные деньги оседают в карманах продажных мерзавцев.

Если даже нам сейчас удастся снять эти чертовы торги, покинуть живыми Шали и выдать материал в эфир, не изменится ничего, кроме того, что по этой причине, а значит, по нашей вине, мирные жители Чечни потеряют возможность хотя бы выкупать жизни своих родных и близких!

– А если ничего не делать? – Шамо все прекрасно понимает и лучше меня, но настроен порассуждать вслух.

– Все надо делать в свое время. Мы приехали сюда вместе с председателем Правительства Чеченской Республики Н.П. Кошманом и министром по делам национальностей Лемой Дадаевым. Есть и районная власть, приехал представитель ОБСЕ Тим Гульдман, вон визитку мне после интервью всучил, прежде чем убраться. Их присутствие кого-то смутило? Ничуть. Сейчас главное – избежать жертв. Если начнется, их будет очень много. Кстати, я отдал все деньги, видел, что ты тоже подходил к столу. Если остались еще, займи. Останемся живы, верну, а погибнем, они и тебе не понадобятся.

– Сто долларов хранил на черный день, – усмехнулся Шамо.

– Он наступил, – улыбаясь, сказал я и, взяв деньги, снова подошел к столикам.

Теперь на них лежали еще и технические паспорта автомобилей. Люди готовы были отдать и отдавали все, лишь бы отвести беду от своих семей.

– Шамо, мы с тобой договорились не уезжать, пока что-то не прояснится. Может, все обойдется, но если нет, ты снимай все подряд, я буду комментировать. Кто останется последним, должен постараться не оставлять кассету в камере, военные уничтожат ее сразу – надо спрятать в какое-нибудь укрытие. Может, найдут со временем? Пусть хоть когда-нибудь узнают правду. Я уверен, в России есть другие люди в погонах, которые готовы призвать к ответу вот этих. Наши родные, наверное, будут гордиться нами!

– Договорились. Чеченские сотрудники шевроны снимали, если начнется, собираются воевать против одних и других. Они, как и гражданские, винят обе стороны в обострении ситуации.

– Так оно и есть, будем держаться поближе к ним...

Все как будто бы обошлось, но напряжение еще висит в воздухе, который нередко рассекают какие-то болванки, звук которых можно описать, как если бы огромная калоша летела бы в небе, переворачиваясь.

Ночевали мы у гостеприимных жителей Шали Абдулмуслимовых. Шамо чистил камеру и заряжал аккумуляторы, я, готовясь к завтрашнему эфиру, писал текст к будущему сюжету, чтобы поведать зрителям, среди которых будут и шалинцы, хотя бы то, что возможно.

Честный журналист на войне – это не тот, кто рассказывает всю правду о ней, такого не бывает, а тот, кто рассказывает ее не всю, но без лжи...

Получив следующую зарплату, я пошел на рынок и купил сто долларов.

– Шамо, возьми. Надеюсь, в том, что город Шали цел, есть и наша с тобой заслуга.

– Оставь, не нужно. Я и так собирался их пожертвовать.

В это время мы на его желтом и всегда чистом УАЗе ехали уже на другой выезд...

Честь имею

Рассказ

Парикмахерская, баня, армейская форма, рюкзак, портянки, кирзовые сапоги, пенек, топор и старослужащий, с ухмылкой превращающий в лоскутья гражданскую одежду призывников. Стресс, испытываемый и скрываемый каждым новобранцем в эти минуты, незабываем.

Все начиналось, как и у всех, только в обстановке более строгого соблюдения дисциплины. Пограничные войска КГБ СССР – служба не только почетная, но и ответственная.

«Попал – гордись, не попал – радуйся, – емко характеризуют его пограничники и непременно добавляют: – мы – щит страны, все остальные службы – шурупы на нем».

Я первый из моего села, кто призван охранять границу, куда чеченцев, да и кавказцев, раньше массово не брали, а в этом году нас, земляков из Чечено-Ингушетии, более пятидесяти: чеченцев, ингушей, русских. После многочисленных примеров воинской доблести, проявленных нашими ребятами в Афганистане, доверять кавказцам стали больше!

Вообще, я думаю, что большие народы боятся доверять малым не потому, что видят в них склонность к измене, а потому, что тоже помнят о своем беспределе по отношению к ним, а измениться и извиниться мешает чувство мнимого превосходства...

Мне же всю жизнь осложняет другое чувство, не знаю, откуда оно взялось, но жить мешает здорово, для себя жить: такое ощущение, что отвечаю за все и за всех. И ничего с годами не меняется! Между прочим, это не совсем легко, или, если точнее, совсем нелегко...

В армии всегда два порядка: один, установленный государством и поддерживаемый командирами, другой, взятый за традицию солдатами срочной службы и контролируемый старослужащими из них (дедам) по отношению к вновь призванным (салагам).

Похоже, что такое положение вещей было во всех армиях мира и во все времена. Но такой порядок никогда не распространялся на кавказцев, которые не просто признавали первый и просто не признавали второй, претендуя шагнуть из гражданки прямо в деда над дедами...

Но мне же больше других надо. Меня и это не устраивает. Попытки изменить армейский миропорядок начал уже с учебного пункта. Сослуживцы слушают кто с интересом, кто недоумевающе:

– У вас что, две чести? Одна, чтобы дать растоптать ее за первый год службы, это произойдет, если будете трусить, но где вы вторую возьмете, когда сами старослужащими станете?! И с чем домой вернетесь?! Наши деды дома остались! Эти, кто строит из себя крутых перед вами, не деды, а всего лишь бывшие салаги. Надо держаться сплоченно и давать отпор за каждого!..

Не все поддерживали, но и не все испугались!

История первая.

Прапорщик возник из ниоткуда. Такое ощущение, что этот неудовлетворенный жизнью человек с большим набором комплексов не ходит, а крадется. Впечатление радетеля за порядок (таких здесь много, и их уважают) не производит. Все это, похоже, для того, чтобы, застав врасплох кого-нибудь из молодых (старослужащих сам побаивается), оторваться по полной, и хотя бы ненадолго почувствовать себя немного смелее кого-либо. Типичное поведение хронического труса. Я его остерегался: армейский устав не терпит возражений старшему по воинскому званию, даже если он – ничтожество.

– Встать! – орет сходу.

– Здравия желаю, товарищ прапорщик! – беру под козырек, пытаюсь избежать проблемы. – Извините, я не заметил.

– Месяц не отслужил, а уже хамишь?! Не заметил он.

– Никак нет, товарищ прапорщик!

– На пол!

– Что?!

– Упал, отжался!

Я такое в исполнении других уже видел и решил нахамить:

– Пошел ты к черту!

Произнося эти слова, я был готов к тому, что они взбесят его. Понимал, что он может сильно испортить мне жизнь, но больше всего боялся, что начнет сквернословить и, не дай Бог, оскорбит родителей (его любимое занятие в общении с новобранцами). Тогда мне придется забыть, что нахожусь в армии, более того, в пограничных войсках.

И он открыл было пасть, в смысле, рот, но я высказался раньше и, похоже, был убедителен:

– Прапорщик, ради того, чтобы отомстить тебе, я готов сесть в тюрьму. А ты готов рискнуть своей жалкой жизнью ради того, чтобы сказать это?

Ожидал все, что угодно, но не такое!

– Ты думаешь, меня никто не боится?!

Я даже не успел сообразить, что ответить на такой поворот, а он уже вовсю заорал на уставившихся на нас двух солдат моего призыва:

– На пол!

Ребята мгновенно приняли положение лежа.

– Раз-два! Раз-два! Раз-два! – уже который раз в исступлении командует прапорщик и материт их на чем белый свет стоит.

Ребята исступленно отжимаются, я в исступлении кричу:

– Вставайте, ничего он вам не сделает, вы же видели?! Он трус!

И один, и другие предпочитают меня не слышать.

Наконец, все закончилось.

– Видал?! – прапорщик довольный, как будто с поля боя победителем вышел.

Вызывает омерзение.

Обращаюсь к сослуживцам:

– Не надо его бояться! Зачем вы даете оскорблять родителей?!

– Если бы ты выполнил приказ, ничего этого не было бы!

– Это была прихоть...

Служба только начиналась...

P.S.

К счастью, оказалось, что мне предстоит познакомиться со многими достойными прапорщиками и офицерами, для которых защита Отечества стала смыслом и целью жизни.

С ними всегда легко находить общий язык, а из-за таких, как тот прапорщик, по сей день в воинских частях и в тюрьмах ломаются судьбы многих нормальных ребят.

Саид-Хамзат НУНУЕВ

Саид-Хамзат Махмудович Нунуев родился 1 января 1952 года в Казахстане. В 1973 году окончил исторический факультет ЧИГУ, а в 1985 году – экономический факультет Горского сельскохозяйственного института в г. Орджоникидзе (ныне – Владикавказ). Кандидат исторических наук. Служил в рядах СА, воинское звание – капитан.

Работал в органах партийной и советской власти и в Аппарате ГД РФ, Председателем чеченского Центра культуры мира и ненасилия имени шейха Кунта-Хаджи в Москве под эгидой ЮНЕСКО, советником Председателя Международного сообщества писательских союзов С.В. Михалкова (1998-2004), советником Главы Администрации ЧР А.-Х. Кадырова (2000–2001), Председателем Исполкома Ассоциации чеченских общественных и культурных объединений России (2005-2007). Избирался народным депутатом ЧР, РФ, членом Верхней палаты Верховного Совета СССР. Член Союза писателей РФ, автор и составитель более сорока книг на чеченском и русском языках. Его пьесы «Соседи», «Один лишь Бог», «Новые соседи», «Возвращение Борз-Али» неоднократно ставились в республиканских театрах.

Вертолет

Рассказ

У Хадиса, сорокалетнего учителя аула Арцбасе, во время первой военной кампании пропал пятилетний сын Берса. Мать Малика ездила забрать его из Грозного, где он гостил у ее брата. Обрато ехали в колонне беженцев. Грозный интенсивно обстреливали. Но вот обстрелу подверглась и колонна. Люди выбегали из машин и прятались в овраге.

Раненная в голову Малика очнулась на третьи сутки и начала спрашивать о сыне. О нем же спрашивал у жены и супруг Хадис, навещавший жену в районной больнице.

Думал, она вспомнит, когда вылечится. Но Малика ничего не помнила. Сама мучилась больше мужа. Берса пропал. Его не обнаружили среди убитых и раненых детей. Не было его нигде. Никто ничего о нем не знал, не помнил, не было ни малейшей зацепки.

Хадис никогда не переставал искать сынишку. Ни дня, ни часа не прошло с тех пор, чтобы он не строил какие-то планы, не писал письма, а позже и сидел перед компьютером, рассылая фотографии Берсы. Он побывал везде, откуда светилась хоть какая-то надежда: во всех республиканских и федеральных правозащитных организациях, органах опекунов, больницах, военкоматах, редакциях газет и журналов. Много раз фотографию показывали по телевидению.

Так и жили, не теряя надежды, вот уже двадцать с небольшим лет.

Берсик был очень привязан к своему отцу. Это чувство у них было обоюдное. Долго у Хадиса не было сына, одни дочери. И вот – подарок от Всевышнего. Отец не верил своему счастью. Баловал сына всем, чем мог. Но тем летом он почему-то не выполнил просьбу сына – купить ему игрушечный вертолет. Берсик упорно просил, а отец то не находил его в магазинах, то забывал и каждый раз видел в глазах любимого сынишки укор: что, опять не принес? С тех пор вот уже двадцать лет Хадис, когда выезжал из села, не проходил мимо магазинов, где могли продаваться вертолеты. Покупал их и раздавал детям. И от этого на душе становилось чуть легче.

Раненого, с прострелянной печенью и легкими Берсу, еле дышащего, врачи положили на борт вместе с такими же ранеными и умирающими военнослужащими и отправили в Москву, справедливо полагая, что там его могут вылечить. В военном госпитале его, почти безнадежного, действительно прооперировали, вылечили. Лечащему врачу, Елене Валерьевне, бездетной жене генерала Игоря Евдокимова, мальчик сильно понравился, она его забрала себе. Не стала сообщать о нем в Грозный. Так и рос Берсик с новым именем Стасик.

Берса помнил многое о своем детстве до жизни в Москве. И даже помнил свой прежний язык. И когда однажды где-то в пятом классе почувствовал, что забывает его, испугался и начал записывать слова, предложения, все, что еще помнил: «Дела, дада, нана, хи, ловза вахайта, циги, говраш, латта, межарг, бешахь асар дан, хи т1е лийча ваха, малх, чорпа, ц1е, буйса, 1аьржа, к1ай...»

Берсе постепенно стало понятно, что вопросы о прошлом, которые у него возникали, новым родителям не нравятся, и где-то к одиннадцати годам перестал заговаривать об этом вообще. Но думать о родине не переставал никогда и знал, что когда-нибудь все прояснится и он вернется к своим родным, к своей речке. И постоянно шептал слова, чтобы не забыть: «Дела, дада, нана, хи...»

Где-то в девятом классе стал доставать словари, искать в интернете знакомые слова. Он все яснее понимал, кто он, откуда, и теперь внимательно следил за всем, что происходит на Кавказе. А когда в институте встретился с одним чеченским студентом, хотел подружиться с ним, попытался заговорить на родном языке, но у него это получилось плохо и над ним студент посмеялся. Больше попыток он не делал.

Школу Берса – Станислав закончил хорошо, особенно он отличился в знании математики. Побеждал на многих школьных и районных олимпиадах. Окончил институт по специальности авиационного инженера. Устроился на работу.

Однажды случилась авария. Молодой человек попросил водителя своего отца дать ему машину покататься. Было это на даче в Подмосковье, в деревне Пруды. Но не

справился с управлением, как позже протоколировали гаишники, и налетел на столб, ударился головой, потерял сознание.

Двое суток он не приходил в себя. Бредил. К удивлению приемных родителей, он бормотал какие-то совершенно непонятные слова на незнакомом языке: «Дела, дада, нана, хи...» Игорь Афанасьевич записал эти слова и проконсультировался со знакомым чеченцем. Он все понял. Все эти годы мальчик, юноша, молодой человек жил с мыслями и тоской о Родине, не забывая своих родных. И теперь ясно понял, какой грех они с супругой на самом деле совершают, думая, что обеспечивают приемному сыну благополучную столичную жизнь. В ту ночь у него состоялся трудный, со слезами на глазах, разговор с супругой. Они решили все ему рассказать, как только окончательно поправится.

Вот и пришел вечер, когда Игорь Евдокимов пригласил приемного сына в свою комнату и завел с ним серьезный разговор:

– Помнишь, Стасик, ты раньше как-то спрашивал о своем раннем детстве, что-то вспоминал про горы, речку...

– Да, папа, я и сейчас помню, как бегали на ту речку, как поднимались на какую-то гору под палящим солнцем и шли домой...

– Так вот это, сын мой – Чечня. Там тогда была война, как ты знаешь. Тебя нашли раненого и вылечили в больнице.

Дальше разговор получился тяжелым, сбивчивым.

– О твоём прошлом ничего не было известно. Елена Валерьевна тебя забрала из больницы. Мы решили, что тебе у нас в Москве будет хорошо, там ведь шла война... Мы знали, что рано или поздно ты должен все узнать. И даже, возможно, захочешь найти там своих близких, родственников...

Берса был удивлен неожиданным разговором, хотя чего-то такого от новых родителей всегда тайно ожидал. А теперь не знал, что ему говорить. А Игорь Афанасьевич продолжал:

– Недавно у нас с Еленой Валерьевной состоялся серьезный разговор. Мы решили, во что бы то ни стало, отыскать в Чечне твоих близких, а возможно и родителей. Словом, будем держать тебя в курсе...

Игорь Афанасьевич тут же выскочил со своей комнаты со слезами на глазах. Он, очевидно, думал, что теряет своего любимого сына, хотя и приемного. А Берса в эту минуту подумал: а каково его второй маме – Елене Валерьевне... И каково его настоящим родителям, если они, конечно, живы...

Хадис все эти годы успокаивал свою супругу Малику: не переживай, найдется наш сын, я его часто во сне вижу. Он сидит в деревне возле пруда и говорит: а ведь здесь раньше речка протекала. Где же она? Все пытается вспомнить, но не может. Придет день, и он все вспомнит. Вспомнит и вернется. Вот увидишь...

В тот вечер в зале собрались втроем. Елена Валерьевна, Игорь Афанасьевич и Берса – Станислав. Елена Валерьевна сидела в кресле с красными, мокрыми глазами. Очевидно, она плакала не один день.

– Вот что, Стасик, – начал отец, – скоро все прояснится, и ты в любом случае окажешься на своей родине. Останешься там, вернешься – решай, как знаешь. Наш долг и обязанность рассказать тебе все, как есть. Кстати, я подключил многих людей из МВД, ФСБ, раздал твои фотографии, что в детстве были сделаны. Будут ис-

кать по всем городам и поселкам. Найдут всех родителей, которые потеряли детей, покажут: словом, сделают все как надо и осторожно. Но я вот еще что тебе хотел сказать. Я военный, но я ненавижу войну. Вот Елена Валерьевна знает, мы об этом часто с ней говорим. Войн вообще не должно быть, потому что нет вопросов, которые невозможно решать переговорами и компромиссами. Войны – это всегда чей-то грязный интерес. Мы хотим, чтобы ты знал – нам очень жалко, и мы очень любим твой маленький, мужественный и гордый народ. А с тех пор, когда нас связываешь ты, мы любим его еще больше. Он теперь такой же родной нам народ, как и ты. Это во-первых. Во-вторых, я хочу, чтобы знал ты и через тебя твой народ – у русских и чеченцев не было никаких объективных причин, чтобы ненавидеть друг друга и воевать. Нас просто стравливают, провоцируют те, кто хотят утвердиться в России на наших костях. Нельзя этого допускать. Где бы ты ни находился, чем бы ты ни занимался, всегда помни об этом, ибо это – очень серьезно.

Игорь Афанасьевич замолчал. Потом спросил у супруги:

– Ты хочешь что-то сказать?

– Я, Стасик, всегда была и буду твоей мамой, – простонала Елена Валерьевна и тут же громко, навзрыд заплакала.

Берса – Станислав пытался ее успокоить:

– Я не пойму, вы что, хороните меня? – искренне удивлялся он, – Вы думаете, я сбегу и забуду о вас? Конечно, нужно найти, обрадовать родителей, если они найдутся, но ведь этим мы только укрепим, у нас будет большая общая семья!

В тот вечер все втроем словно освободили свои сердца и души от несказанного, сомнительного и обрели небывалую легкость и даже счастье. Ведь так долго шли к этому откровенному разговору, боясь его и чувствуя необходимость в нем.

Дней через десять генералу Евдокимову уже все было предельно ясно: кто родители Станислава, в каком селе живут, при каких обстоятельствах потерялся мальчик, как упорно с тех пор отец ищет своего сына. Посоветовавшись с супругой, Игорь Афанасьевич решил превратить возвращение Берсы в большой, светлый праздник.

– Это должно происходить необычно. Я договорюсь в Северо-Кавказском округе и доставлю Берсу в Арцбасе с воздуха, на вертолете. Чтобы не плутать по незнакомым поселкам и улицам. Среди встречающих будут и Хадис с Маликой. Так зовут его отца и мать. Но они ничего еще не знают. Им просто сказали, что в аул летят корреспонденты с хорошими новостями.

– Здорово, – согласилась супруга. – А меня возьмете с собой?

– А как же, ведь мы теперь! – одна семья, как сказал Берса.

Вертолет совершил посадку на краю села в полдень. Было много людей. Выйдя из него, Игорь Афанасьевич, Елена Валерьевна и Берса некоторое время молча стояли, не двигаясь с места. Потом Берса показал в сторону небольшого обрыва и закричал:

– Вон, вон там она, речка! – а потом направился к толпе людей. Направился и крикнул теперь на родном языке, который не забыл: – Берса ву со. Со Берса ву! Сан да а, нана а мила ду?

Все люди расступились, и в центре оказался один худощавый, седой, рано стареющий мужчина. Берса узнал его душой и сердцем. Он тихо подошел, хотел броситься в объятья. Но отец осторожно оттолкнул его:

– Здесь люди. Неудобно. Иди, обними свою мать. Вон она стоит.

А чуть дальше стоял вертолет. Перед ним – Игорь Афанасьевич и Елена Валерьевна, будто ангелы, которые спасли и вернули им, наконец, сына. Хадис шел к ним и не мог остановить, как ни старался, ручейки слез, которые стекали по заросшим щекам и падали на грудь. Никто в этот день не стеснялся слез, ни своих, ни чужих.

У могилы бабушки

Рассказ

Моя покойная бабушка, звали ее Тазару, самое святое для меня существо в этом мире. Ее желтый ситцевый платок, который она надевала по самым радостным случаям (а такие тоже были) и ее почерневшие и стертые временем деревянные четки – самые святы для меня реликвии, оставшиеся после нее.

Моя бабушка действительно была по своему характеру и рассудку другим человеком. Всевышний ее определенно любил по-своему, хотя бы потому, что даже в свои девяносто лет ее круглые щеки горели румянцем, а волшебная, добрая улыбка, кажется, никогда не сходила с ее лица. А может, это она мне все время улыбалась? Ведь я, внук, был ее последней радостью после того, как в 1957 году в возрасте тридцати семи лет в автомобильной аварии погиб ее сын Махмуд – мой отец.

Моя бабушка была ровесницей революции, о которой она говорила так: «Многие думали, что всех сделают равными, подарив скот тем, у кого его не было. А оказалось, сделали равными, отобрав скот у тех, у кого он был...»

Мужа Тазару, моего дедушку Нуну объявили кулаком и сослали в Сибирь, где он умер, заболев. Простуженного, его все равно выводили под дождь делать саманные кирпичи, таскать носилки, рассказывала бабушка.

Услышав от земляков, что бабушка с тремя детьми осталась одна в чужом диком краю, аул собрал деньги и направил к ним проводника, чтобы устроить побег. Побег удался и бабушку с детьми до Астрахани довели в проезжающих товарных вагонах. А с Астрахани до Чечни шли пешком, ночами, ориентируясь по Полярной звезде. Днями прятались в оврагах. Шли целый месяц, умирая с голоду. Проводник иногда что-то доставал поесть, но это быстро заканчивалось и дети плакали, особенно две девочки девяти и пяти лет...

Но показываться в ауле было нельзя. Жили в лесу, в шалаше. Родственники приносили еду, одежду, керосин. Так и жили до самой войны. А во время войны пришлось перебраться вообще подальше до границы с Грузией. Устроились в пещере. Потому что во время войны всех беженцев из Сибири считали сторонниками Гитлера, хотя бедолаги, прячущиеся по горам и лесам, и понятия не имели, кто такой Гитлер, что такое фашизм. И тем не менее всех в НКВД записали в политбандиты, и это дало повод расправиться с целым народом.

Но однажды в 1944 году Берия достал всех. За несколько дней в конце февраля всех чеченцев повыловили со всех хуторов, землянок и пещер, и отправили обратно в Сибирь и Казахстан. Совсем уж больных, хилых, беременных – нетранспортабельных, одним словом, – топили в озерах, сбрасывали с обрывов в реки. В одном Хайбахе в конюшне колхоза имени Берии сожгли более семисот человек.

Бабушка Тазару была трудолюбивая. Участвовала в строительстве плотины на реке Илек возле города Алга Актюбинской области. А потом трудилась на полях. Даже медаль получила «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Хотя чеченцев редко награждали.

Трудолюбивым был и мой отец, Нунуев Махмуд, сын Тазару. В 1955 году за успехи в заготовке сельхозпродуктов был премирован поездкой в Москву на ВДНХ и Большой Советской Энциклопедией. Мой отец был единственным чеченцем среди делегации Казахстана.

Вернулись на родину весной 1957 года. В ноябре мой отец погиб. Автомашина, на которой он возвращался из командировки, сорвалась в пропасть. Я был единственным внуком у бабушки. Теперь я еще лучше понимаю, как она меня любила. Больше чем мать, наверное. Бабушка много работала и в колхозе, и дома в огороде. И была у нее пенсия. Колхозной называлась. Двенадцать рублей. Из этой пенсии она ежемесячно откладывала на книжку на свои похороны.

Когда бабушка умерла, с того счета невозможно было снять ни одного рубля. Ну, Бог с ними, с этими рублями, раз стране это нужно было. Бабушка, уверен, ни на кого не в обиде. Ни на Горбачева, ни на Ельцина, ни на Гайдара, ни на Чубайса, ни на Березовского, ни на Абрамовича... Она вообще не умела ни на кого обижаться. Она прошла, прожила свой век так, как ей подсказывала ее совесть. И раз такие люди существовали и существуют на Земле, значит, Бог не напрасно крутит эту землю.

А политики, олигархи... Разве они знают что такое счастье, обретенное чистой совестью? Пускай бесятся на своих курортах, на своих яхтах и подводных лодках в окружении соvrащенных девиц. Они думают, что они хозяева Вселенной. А на самом деле все их богатства вместе взятые не стоят вот этого маленького камушка с могилы моей святой бабушки.

Они думают, что обманули, ограбили всех пенсионеров великой страны, и им ничуть не стыдно. Но ведь обманули они сами себя. И с этим обманом им предстать перед Всевышним в Судный день. Жалко их.

ПРОЗА АДЫГЕИ

Санят ГУТОВА

Санят Арамбиевна Гутова родилась 14 июля 1961 года в ауле Адамий Красногвардейского района Республики Адыгея. С.А. Гутова автор следующих книг прозы и поэзии: «Добро пожаловать», «Время загадывать желание», «Тайное знание», «Узоры», «Между двух небес», «Без лишних слов», «Вихрь раздумий», «Перекликающиеся звуки» и других.

Тлехудидж – Грозный мужчина

Рассказ

Когда родился, назвали его Тлехудидж – Грозный мужчина, словно знали, какую жизнь он проживет. Сам он большой и смуглый, буйный и сильный, большеносый, из-под густых бровей смотрит своими черными глазами.

Полагает себя милосердным, но люди считают его жестоким.

В последние годы Тлехудидж пасет аульских коров.

Тлехудидж прогоняет коров через мост на другой берег. С тихой радостью смотрит, как они жадно щиплют зеленое разнотравье. Котомку с едой вешает на один из кустов терновника, сдвигает соломенную шляпу на затылок и хозяйским взглядом оглядывает свое угодье.

В полдень Тлехудидж разводит огонь. Вешает на импровизированный крюк маленький казан. Ждет, когда закипит вода, и кидает туда готовый суп, купленный в аульском магазине.

Вечером, после того как пригонит стадо, садится к мужикам, собравшимся у магазина. Выпивает баночку, другую пива. Тогда начинает смотреть каждому в глаза и бесконечно повторять:

– Я милосердный! Сердце у меня благородное... – пристаёт он к сидящему рядом мужику. – Не веришь?! Так ударь меня... Вот сейчас же, размахнись и ударь.

К сумеркам Тлехудидж пьянеет. Потихоньку забывает, что он милосердный, начинает бить кулаком по сколоченному деревянному столу, стоящему под широкой беседкой. И каждый раз, когда огромный кулак Тлехудиджа достигает стола, шатается и сотрясается вся беседка.

Мужики знают: еще минута, и он начнет драку. Наиболее опасливые потихоньку покидают сборище. Когда Тлехудидж выходит из себя, мужики сообща связывают его. Но Тлехудидж огромный мужчина, с ним не так-то легко совладать. Рвет веревку, крушит все направо и налево.

И ночью он не может успокоиться. Ночь проходит в полудреме. Временами, после короткого сна, он выскакивает во двор и носится по нему. И только устав, тяжело шагая, заходит в дом. Следом из дома доносится шум падающих предметов, разбавленный ворчанием Тлехудиджа. Это он в темноте проходит через длинный коридор в спальню...

Рождаются в адыгских аулах такие, как Тлехудидж, могучие силой, не знающие конца своим силам. Они без видимых потерь проходят через невзгоды и лишения, через войны и болезни. Не только родственники и ровесники, но и весь аул не может их побороть. Они понимают это и начинают бесчинствовать.

Один день в месяц, получив плату за работу, Тлехудидж выпивает хорошо. Как он сам говорит, нет у него ни семьи, ни ребенка, может делать с деньгами, что хочет. Захочет, кинет в огонь и сожжет. В такой день он садится под одиноко стоящим тополем в центре аула, недалеко от перекрестка. Тогда и стар и млад стараются не проходить мимо того места.

– Эй, красавица, куда идешь?! – окликает он каждую женщину, идущую мимо него. Одним и тем же именем он зовет и старуху, и девочку, и молодуху.

– Для гостей вас слишком много, для войска слишком мало... А-ей! Мы не убоимся... – голосом выводя старинную мелодию, он поет, обращаясь к группе молодых ребят, которые вышли из-за переулка. Увидев, что те не смотрят в его сторону, недовольно кричит им: – Пусть собаки съедят голову того, кто вас воспитал. Почему они не научили вас здороваться со старшим?

Потихоньку утро передает власть дню. На улице исчезают последние прохожие. Становится жарко. Тлехудидж пересаживается поближе к дереву, под густую тень, спасаясь от полуденного солнца. Чешет затылок, внимательно разглядывает свои босые ноги. Неожиданно его взгляд падает на обувь, лежащую рядом. Какая-то обида поднимается в его душе, и он с непонятной злостью швыряет их, разбрасывая в разные стороны...

Полдень. Тлехудидж пригнал стадо к реке, сел под иву на берегу. Отсюда видно все стадо. Прислонившись широкой спиной к стволу дерева, он потягивается, стараясь дать отдых натруженным рукам и ногам. Летняя шапка, венчавшая его голову, висит рядом на низком суку. Начавшие сесть непослушные волосы топорщатся в разные стороны.

– Эй! – кричит он бодливой корове, пытающейся достать рогами стоящих рядом коров. Та смотрит в сторону пастуха своими большими влажными карими глазами и нехотя отступает. Коровы, заполонив весь берег, жадно пьют прохладную воду.

Тлехудидж изредка кричит им:

– Эй! – тем самым наводя порядок в стаде даже на водопое.

Напившись, коровы прилегли в тени под деревьями. Лежат и жуют жвачку, закрывая свои большие глаза веками с длинными ресницами.

Тлехудидж почувствовал голод. Он погладил живот. Пошел в чагарник за сухостоем. На днях прошел ураганный ливень, и под дубом было много валежника. Тлехудидж стал собирать его. Неожиданно взгляд его упал на щенка. Тот сидел возле дерева, пытался встать на ноги, но лапы его все время разъезжались.

– Что, дружок, бросили тебя? – спросил Тлехудидж. – Нехорошо ведь, грех. Я буду звать тебя Готугай (Нелегко найденный).

Тлехудидж отложил хворост, взял щенка и большими шагами направился к кусту, где висела котомка с едой.

Утром какая-то бабушка, выбежав из крайнего двора, вручила ему бутылку молока, теперь она ему ой как пригодится. В алюминиевую миску Тлехудидж налил молока и ткнул щенка мордочкой в молоко. Щенок стал брыкаться и вырываться. Отчаянно сопротивляясь, он вдохнул воздух, а с ним и молоко. Тогда он успокоился и стал неумело лакать молоко, облизываясь и урча от удовольствия.

Тлехудидж соорудил щенку постель из травы, сел рядом с ним и стал гладить его. Наевшись, тот заснул. На берегу установилась тишина. Лишь тихий всплеск воды нарушал покой, да коровы мерно жевали свою жвачку.

Через некоторое время Тлехудидж отправился к дубу. Принес охапку валежника и начал привычно готовить обед...

Дневная жара спала. Солнце село за водохранилищем, находящимся за домами. И аульскую площадь накрыли длинные тени, предвестники наступающего вечера.

Где-то на той стороне, где село солнце, над одной из кривых улиц, взмыла в небо мелодия. Играла адыгская гармонь.

Полужинав, Тлехудидж вышел двор – весь двор заполнен музыкой. Нет, не у него во дворе свадьба, играют на гармошке. Он ясно слышит все, что происходит на свадьбе. Прислушиваясь, Тлехудидж некоторое время ходит по двору, несколько раз поднимается на крыльцо и спускается. Хочет зайти в дом, но передумав, направляется к калитке. Носками босоножек собирая росу, проходит несколько метров, отделяющие крыльцо от калитки.

Мелодия вошла в сердце Тлехудиджа, захватила его всего. Покорный мелодии кругового танца-уджа, он стал танцевать, переступая с пятки на носок.

Мимо Тлехудиджа, мимо калитки, где он стоял, проехал соседский паренек. Он пронесся на велосипеде, оставляя за собой фальшивую мелодию. Его голос заглушил далекую мелодию. Тлехудиджу это не понравилось.

– Не каждый, кто поет, является певцом. Что он сделал! Что он сделал! – Тлехудидж рассердился на соседа-певца.

Тот, услышав, что мужчина недоволен им, развернулся и еще раз пронесся мимо него на велосипеде. В этот раз он проорал любимую мелодию Тлехудиджа со словами:

– А-ей! Мы не убоимся!..

– Проклятие на голову твоих родителей! – мужчина, прикрикнув на парня, стащил его с велосипеда и поставил перед собой.

– Тлехудидж, я виноват, – от неожиданных слов мальчика огромный мужчина застыл. Он думал, что тот будет плакать, просить, умолять, а тот оказался настоящим мужчиной.

В этот момент гармонист заиграл зафак. Мелодия и звуки трещотки позвали кого-то на танец.

Услышав мелодию, Тлехудидж успокоился. Черные глаза его засверкали, он наклонил голову и, отодвинувшись, внимательно посмотрел на парня, стоящего перед ним.

– Ты сказал, виноват?! – обратился он к нему басом. – Да, виноват. Хочешь, чтобы я отпустил тебя, мой брат?

Мальчик, не веря своим ушам, прошептал:

– Да.

– Тогда станцуй мне зафак.

– Тлехудидж, один человек не танцует зафак.

– Ты так говоришь? – спросил Тлехудидж. Затем еще раз повторил: – Ты так говоришь? – подумал, потом сказал весело: – Как один, я же с тобой! Мы вместе, значит, нас два человека!

Повинуясь мелодии, этот огромный мужчина стал танцевать.

– О люди, я приглашаю на танец Султана с нашей улицы. Выходи в круг, – зовет он парня, стоящего перед ним.

Дневные заботы, усталость, мысли, одолевавшие его, исчезли, оставив Тлехудиджа одного.

– О люди, я приглашаю на танец Султана, с нашей улицы. Выходи в круг, – зовет он и зовет парня, стоящего перед ним.

Сам, не останавливаясь, танцует зафак. Мелодия разносится в темноте. Мальчик сначала смотрит на него изумленно, затем тоже начинает танцевать. Так и танцуют, огромный мужчина и маленький, щуплый, уже не мальчик, но еще и не взрослый. Танцуя, идут навстречу друг другу, отдаляются и вновь сближаются, кружатся и снова идут навстречу друг другу.

– Султан, а Султан! – доносится из темноты возглас, который приводит их в чувство.

Мальчик садится на велосипед, тренькает звоночком и уезжает.

Тлехудидж остается стоять возле калитки. Тлехудидж слышит, как мальчик доехал, зашел во двор. И сам повернулся, чтобы тоже зайти в свой двор. Но гармошка на свадьбе играет, не переставая, зовет его, соблазняя, то зафаком, то исламием, то зигатлятом.

– Что, Тлехудидж, хочешь пойти? – спрашивает самого себя мужчина. Он давно разговаривает с собой. – Надо идти к тому, кто тебя зовет, Тлехудидж. Особенно, если это гармонь.

Готугай выбежал со двора, остановился и, задрав морду, посмотрел на него, словно спрашивая, в какую сторону идти.

– А ты куда собрался? Зайди сейчас же во двор, – прикрикнул он на собаку...

Тропинка, по которой идет Тлехудидж стала подниматься. Теперь она, петляя, идет сквозь мелколесье, находящееся в центре аула. Гармошка безостановочно зовет Тлехудиджа, и он, повинуясь ей, идет вперед.

Как только он проходит мелколесье, перед ним встает большой кирпичный дом, освященный тысячами лампочками. На улице, с двух сторон калитки, стоят машины,

много машин. Через открытые ворота и калитку снуют люди. Тлехудидж доходит до калитки и останавливается. Кто-то, увидев его, позвал со двора:

– Тлехудидж, а Тлехудидж, заходи, проходи во двор! Что ты так далеко остановился?!

– О народ, бросим взгляд в нижнюю часть аула! На наше торжество, на наш джегу пожаловал достойнейший Тлехудидж! О Тлехудидж, просим тебя показать свое искусство в танце, – хатяико, распорядитель торжества, пританцовывая, дошел до калитки и остановился перед мужчиной, подняв высоко длинную палку, игравшую в его руках роль распорядительного жезла.

Взмахнув палкой, дал музыканту знак, чтобы тот заиграл. Тлехудидж услышал мелодию зафак, которая издавна привела его сюда.

Хатяико вывел из строя девушку и поставил ее в круг.

– О Тлехудидж! – опять позвал хатяико. – Не заставляй девушку ждать себя.

Тлехудидж медленно пошел в круг. Затем быстро добежал до девушки, крутанулся на одной ноге. Оказавшись за девушкой, он поднял руки, как крылья орла, и повел ее.

Зафак отличается от других адыгских танцев, он свидетельство любви и нежности двух молодых сердец. Не судьба было Тлехудиджу жениться, но ему нравится этот танец. Никто из аульчан не может его перетанцевать в зафаке. Этот огромный мужчина – князь зафака.

Тлехудидж выполняет все движения танца, иногда ставя девушку в неловкое положение. То он идет навстречу ей, ласково улыбаясь. То, словно обидевшись, поворачивается к ней спиной, и тогда она вынужденно обегает его. Затем, будто помирившись, снова становится к ней лицом и танцует. Тогда девушка и Тлехудидж танцуют слаженно и гармонично. Через некоторое время мужчина меняет фигуру танца. Теперь он танцует, выставляя левую ногу вперед, а правой прихрамывая. И все это время девушка старается не отставать от него.

Тлехудидж сидит за столом. Через открытую дверь Тлехудидж слышит все, что происходит во дворе.

Разошлись и разъехались все, уехали даже родственники Куготова Бия, приехавшие из дальних аулов. Остался один Тлехудидж. Хозяин не рад ему, но как он может сказать: «Иди, уходи с моего двора»?! Тлехудидж понимает, что не хорошо поступает, но дальше этого понимания он никак не продвинется. Перевалило за полночь, а он, как клещ, вцепился в Бия, дергая его за рукав, разговаривает с ним:

– Ты говоришь, пил ли я? Да, пил. Но я в своем уме. Ты слышишь? – Тлехудидж хлопает Бия по плечу. Больше часа, спрашивая и отвечая на один и тот же вопрос, он говорит с хозяином. – Кто знает, почему я пью? Ы-ы-ы, Бий, ты знаешь? – не дожидаясь ответа, продолжает. – Я знаю. Потому что один. Человек не может быть одиноким. И Бог не хочет этого. Но, Бий, знаешь, что самое интересное: и в радости, и в горе человек прибегает к водке. Получается, водка настоящий друг человека? Ы-ы-ы, Бий, неужели водка настоящий друг? Если я скажу, что она мой друг, обману тебя. Но и врагом назвать ее не могу. Когда меня одолевает тоска от одиночества, я пью.

Тлехудидж делает большую паузу. Кладет голову на свои большие руки, лежащие на столе. Он становится похож на огромного подбитого орла. Бий осторожно поднимается и на цыпочках идет к двери. Неожиданно он цепляется за край стола, стол шатается.

– Ы-ы-ы? Что случилось? – спрашивает Тлехудидж, просыпаясь. Видит Бия, хватается его за рукав. – Заснул, да, Бий? Садись, садись сюда, давай поговорим, – говорит Тлехудидж, словно он здесь хозяин.

Нехотя, Бий садится.

– Знаешь ли ты, Бий, что такое одиночество? Не знаешь. Откуда тебе знать – у тебя жена, сын, дочь. Теперь вот сын твой женился. А я что? Один-одинешенек. Вот умру я сегодня, кто обо мне погорюет? Родственники соберутся, оплачут и разойдутся. На второй день меня никто не вспомнит.

Бий понимает душевную боль Тлехудиджа, но он устал от свадебных торжеств, хочет отдохнуть. Но не может Бий перебить этого огромного беспомощного человека, открывающего ему свою душу. Грех это. И приходится Бию выслушивать Тлехудиджа.

– Ты знаешь, Бий, что такое одиночество? Не знаешь. Если хочешь проклясть человека, попроси для него у Бога богатства, мудрости, здоровья, чтобы он жил как душа его желает. Но прокляни одиночеством.

Жалуясь на свою жизнь, с пьяной головы иногда всхлипывая, огромный мужчина устал и заснул. Тогда Бий, стараясь не разбудить, уложил его на диван. И укрыл покрывалом. Бий знает, что Тлехудидж и он погодки. При встрече здоровались, но как-то не было общих интересов. Поэтому Бия поразило услышанное. Он бы никогда не поверил, что у этого мужчины столько смятения и волнения на сердце.

На рассвете Тлехудидж проснулся, то ли от дождя, стучавшего в окно, то ли от грохота грома и свернувшей молнии. Настенные часы показывали, что спал он около получаса. Машина остановилась у калитки. Фары осветили комнату. Тут же раздались шаги, Тлехудидж услышал, как хозяин открывает дверь, калитку. Со двора донеслись мужские голоса. Через некоторое время распахнулась дверь, и на пороге показался хозяин. За ним в полумраке виднелся силуэт мужчины.

– Тлехудидж, – позвал Анзаур из-за спины Бия.

Тем временем Бий зажег лампочку. Анзаур, щурясь от яркого света, сделал несколько шагов вперед.

– Что случилось, Анзаур? – Тлехудидж встал и сразу оказался на голову выше мужчин.

Анзаур, пытаясь стряхнуть с одежды глину и копоть, посмотрел в глаза Тлехудиджу, провел руками по лицу, размазал на лбу и щеках глину.

– Тлехудидж, твой дом сгорел. Молния... Сбежавшиеся соседи еле справились с огнем.

Новость ошеломила Тлехудиджа. Он отодвинул Анзаура, выскочил из дома и, шатаясь, побежал. Дождь лил, не переставая, а он все бежал и бежал, не обращая внимания на бесконечные струи дождя. Тлехудидж поскользнулся, упал лицом на мокрую землю. Встал, снова упал.

Добежал он до чагарника в центре аула. Теперь дорога шла вниз, и ему пришлось перейти на шаг. Раскисшая тропинка норовила уйти из-под ног, Тлехудиджу приходилось цепляться за кусты и деревья. Деревья, стоящие вдоль тропики, били его по лицу и по спине, а он, скользя, падая и вставая, упорно шел вперед.

Выйдя из чагарника, Тлехудидж увидел людей, столпившихся на улице и во дворе. Уже во дворе он увидел полусгоревшие окна, обугленные стены. Возле конуры лежал Готугай.

– Что с тобой случилось? – спросил он собачку, которая последние несколько месяцев была с ним неразлучна. Сделал к ней два шага и упал без сознания. Люди, подбежавшие к нему, еще слышали. – Ты задохнулся от дыма или балка убила тебя?

Рассвело. Закончился дождь. Пробиваясь сквозь завесу дыма, лучи солнца протягивали золотые нити к верхушкам деревьев. Постепенно людям стало ясно, какой ущерб нанес ночной ливень с громом и молнией одинокому мужчине. Молния сорвала крышу, по всему двору разбросаны ошметки кровли, стропил и балок. Дом смотрел пустыми глазницами окон, осколки стекол и кирпичи из кладки валялись возле стены. На стене трещины... Среди всей этой разрухи лежит Тлехудидж... Люди подбежали к нему, подняли, положили в машину и увезли в больницу...

Было начало семи, когда машина подъехала к больнице. Выбежали санитары, положили мужчину на каталку и завезли в реанимацию. Пришел врач, поставил капельницу. Через полчаса он вышел из палаты, стянул с головы медицинский колпак и, вытирая им лицо, обратился к Анзауру:

– Ты кем ему приходишься?

– Соседом...

– Да... А что с ним случилось? Руки, ноги ободраны, на теле синяки...

Анзаур рассказал о трагических событиях прошлой ночи.

– Здоровый, сильный мужчина... – сказал Анзаур.

– Многое терпит человек. Но сердце не железное, – ответил врач. Затем кинув взгляд на Анзаура, спросил. – У него нет родственников, которые могли бы поухаживать за ним?

– Нет. Он одинокий. Сирота, дальние родственники воспитали...

– Да... – Тихо отметил врач. – Одинокий, как былинка в поле...

Дверь палаты распахнулась, и медсестра позвала врача:

– Больной приходит в себя... Бредит.

Через приоткрытую дверь Анзаур услышал голос соседа. Он едва слышно, со стоном сказал:

– Готугай... Что с тобой случилось. Ты задохнулся от дыма или балка убила тебя?

Анзаур зашел в палату. Он увидел, что непослушные волосы Тлехудиджа за одну ночь поседели. На голове, на руках повязки.

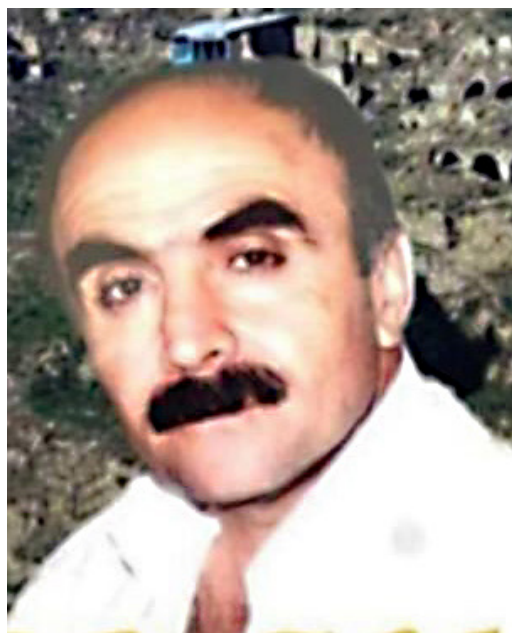
– Что ты говоришь?.. – врач склонился над Тлехудиджем.

– Я увидел страшный сон. Раньше я просыпался. А сейчас... Я долго спал. Но теперь проснулся...

Но Тлехудиджу не суждено было проснуться, выздороветь и вернуться домой. После того, как впал в кому, он прожил полмесяца под капельницей и умер.

ПРОЗА ДАГЕСТАНА

Руслан БАШАЕВ

Руслан Магомедович Башаев – народный поэт Дагестана, прозаик, публицист. Родился в 1953 году в селении Караша Лакского района. Окончил филологический факультет Дагестанского государственного педагогического института. Автор нескольких поэтических и прозаических книг. Работал редактором журнала «Соколенок» (Чавалачин). С 1986 года и по настоящее время работает редактором журнала «Цлубарз» (Новолуние), по совместительству заместителем главного редактора газеты «Илчи». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ, народный поэт Дагестана. Пишет на лакском и русском языках.

Ночь над горами

Рассказ

Углубившись с северной стороны горы в небольшую березовую рощу, по вечерней прохладе паслись лошади. Выше рощи, под поросшим истощенной травой утесом, освещающая сгущающуюся темноту, горел костер, перед которым сидел старый табунщик в наброшенной на широкие плечи порыжелой от солнца фуфайке. И без того загорелое лицо его от жара костра стало багровым.

Сухая и теплая ночь чайной кипенью разлилась внизу, в долине, и теперь наползала вверх по горе на утес, на рощу, и темнота казалась особенно плотной из-за сплошной пелены облаков, закрывшей большую часть неба. Только над дальними чернильными уступами гор краешек неба был неожиданно светел, почти розов: там собиралась всходить луна.

Табунщик сидел неподвижно, равнодушный к ночи и звукам ее: немало провел он в горах подобных ночей. Он даже не повернул головы, когда неподалеку от рощи,

перебивая довольное похрапывание пасущихся лошадей, вдруг завыл волк. И тотчас замерли таинственные шорохи в траве, перестал звенеть ночной хор цикад. Все живое затаилось, настороженно прислушиваясь. Из долины на вой отозвался еще один волк. Дуэт начался с низкой, почти угрожающей ноты, два голоса слились в один, и протяжная волчья песнь потянулась все выше и выше и закончилась высоким стонущим звуком, и разом оборвалась, словно лопнула струна.

И тогда стало слышно громкое, чуть дрожащее ржание Черного жеребца, стерегущего табун. Вожак стремительно обегал табун, собрал всех лошадей, гневно пофыркивая, прислушался к наступившей тишине, потом вывел лошадей из рощи и направил к открытой со всех сторон поляне. Жеребец при этом шел сзади, пофыркивая и подгоняя отстающих.

На поляне, заключив в середину всех жеребят и немощных лошадей, кобылы стали вокруг них, прижавшись друг к другу.

Жеребец же стал поодаль, и когда волчий вой повторялся, стремительно, на одном дыхании обегал вокруг табуна и, не переставая, ржал. И потом, когда вой снова и снова повторялся, жеребец, сильно стуча копытами, обязательно обходил табун. А когда становилось тихо, он останавливался, выжидал и, отдышавшись, устало подходил к белой кобыле-трехлетке, клал голову на ее плотную шелковистую спину и замирал. Иногда же он приставлял ухо к ее большим подрагивающим ноздрям и слушал щемящее-ароматное дыхание. Старые лошади тоскливо поворачивали к ним головы, смотрели, вздыхая, но лишь терпеливо переминались, не нарушая в табуне установившегося порядка.

Прилетел в березовую рощу порыв ветра, принес запахи свежих трав, прошумел в вершинах деревьев. За облаками взошла луна, и теперь стало видно, что там, вверху, сильный ветер гнал облака, перемещая их к горам, и в редких разрывах, как в бездонной пропасти, мелькали далекие дрожащие звезды.

Доверив лошадей Черному жеребцу, как доверял ему уже много и много ночей, укрывшись легкой буркой, табунщик спокойно лежал у ослабевшего огня, то задремывая, то прислушиваясь к беспокойному ржанию жеребца. Взволнованный голос коня, острый запах лошадиного пота, исходивший от седла, которое табунщик подкладывал себе под голову, тепло нагретой за день земли, потрескивание березового хвороста в костре – все, что долгие годы сопровождало его в жизни, отзывалось в душе табунщика уютом и покоем едва ли понятным кому-либо другому.

Сбоку и немного выше той поляны, где стоял настороженный табун, одиноко сидела на задних лапах волчица пепельно-серого цвета. Она была самой старой из живущих в окрестных лесах волков, но тем не менее, завела и в этом году волчат, и не одного, а четырех.

Облака все неслись куда-то, то открывая, то закрывая звезды, и когда в промежутках луна освещала утес, волчица становилась похожа на тонкий, перевязанный сверху снопик сена, оставленный кем-то для просушки. Черный жеребец гневно косился на неподвижную фигуру и тревожно всхрапывал, догадываясь, что за силуэт виднеется на каменистой площадке утеса, под которым спал табунщик.

Волчица знала, что ей нечем поживиться в табуне, столь бдительно охраняемом могучим вожаком – разве что случайно отбившийся или больной жеребенок, но откуда такое счастье? – поэтому она и не старалась скрываться, а продолжала сидеть

на виду. Но разве могла она оставаться спокойной, когда память ее была постоянно тревожна тем, что четверо ее волчат голодны. Она уже не кормила волчат молоком, но они еще не окрепли, чтобы добывать себе пищу, и быстро росли – это было самое трудное для волчицы время. Она, постарев, не могла уже охотиться с прежней дерзостью, и ко всему еще зимой лишилась супруга. В один из лютых зимних дней, когда в теле каждого матерого волка особенно буйствует жизнь, супруг ее, ошавевший в драках, хмельной от ярости бросился на ту самую белую кобылу, возле которой любил стоять. Черный жеребец не промахнулся, и удар подкованного копыта жоака раздробил ему череп.

Теперь каждую ночь волчица выходила на утес и следила за Черным жоаком мерцающими желтыми глазами.

И хоть она знала, что ей не справиться с врагом, лютное чувство, напоминающее жажду, заставляло ее карабкаться на площадку, прежде чем идти на охоту. Сегодня днем она видела, что на противоположном конце долины пасется одинокий мул, и сейчас держала его в памяти на всякий случай. Но, поднявшись на площадку, волчица заметила овец старого табунщика.

У табунщика было несколько овец, которых он выхаживал так, что кормил чуть ли не с рук. Сегодня он их решил оставить на ночь возле себя и разместил под утесом, а сам для гузата¹ лег с наружной стороны. И было у него два волкодава, как на подбор крупные, черно-белые.

Старая волчица зевнула, обнажая влажные желтые клыки, еще раз взглянула в сторону жеребца и медленно, крадучись, подошла к краю утеса. Ветер дул в ее сторону, и когда она поднялась повыше, теплый дразнящий запах овец зашекотал ей ноздри. Но вместе с этим запахом ветер донес и другой, враждебный, ни с чем другим не схожий, резкий и кисловатый, которым была испорчена сладость первого – запах человека. Она осторожно подползла к обрыву, теперь, чтобы добраться до овец, надо было только спрыгнуть вниз. Собаки еще не чувствовали приближение зверя, они спокойно дремали возле табунщика.

В свете луны волчица видела лицо старика, впервые, пожалуй, так близко.

Она смотрела и не могла понять, почему ей внушает страх этот спокойно спящий человек, его неподвижное лицо. От невольного страха поднималась на загривке шерсть, и волчица, с этим страхом в светящихся от голода глазах, с трудом подавляла желание уползти назад. Вот уж несколько дней ее дети не ели ничего мясного. Среди ее волчат один был хилым, и вчера, вернувшись с неудачной охоты, мать обнаружила, что он болен.

Окинув внимательным взглядом расположение овец, волчица поняла, что выбора у нее нет: можно было напасть только на козу, которая всегда паслась вместе с овцами и сейчас на ночлег забралась повыше, на второй выступ скалы. Опытный зверь знал, насколько хлопотны для охоты в отличие от овец козы: и схватить сразу не за что, и орут на всю округу. Но другого ничего не оставалось, возле овец и табунщик, и собаки: спуститься туда – значило все погубить.

А коза между тем отдыхала, подогнув одну переднюю ногу под себя и вытянув другую, дожевывая жвачку. Хоть в темноте она казалась черной, на самом деле была

¹ Гузат – охрана чабанами ночью овец.

великолепного каштанового цвета, с белым пятном на лбу. Коза изредка открывала во сне красивые, влажно блестящие глаза: ей снились козлята, которых она приносила табунщику каждый год по два.

Нашупав передними лапами удобное для броска место, волчица осторожно переместилась, вся подобравшись, прыгнула вниз и одновременно вбок, где торчал крохотный одинокий уступ, а с него она уже спрыгнула на тот, где лежала коза. Таким образом, в два стремительных прыжка она обрушилась сверху на жертву. Волчица схватила вскинувшуюся было козу за горло, резким движением закинула себе на спину и изо всех сил помчалась к ближайшему краю рощи, прыгая через крутые выступы и камни.

Как ни старался опытный зверь сделать все аккуратно, но в таком деле шума избежать нельзя. Когда волчица набросилась на козу, овцы с шумом шарахнулись из-под утеса, и тут же с хриплым лаем сорвались с места оба волкодава. Но для того, чтобы выйти к волку, им надо было обежать довольно длинную скалу. Вдогонку им раздались громкие крики и подбадривающий свист проснувшегося табунщика:

– Ну-у-у, чара-га-а-ат! Ну-у-у! Фю-й-т! – кричал он таким голосом, что собаки рвались через камни, словно бешеные, а волчица вздрагивала и глухо рычала.

Скалы отражали и одновременно усиливали крики табунщика, звуки не вдруг терялись в темных расселинах, глубоких, заросших кустарником оврагах, а потому казалось, что одновременно кричат несколько человек. От этого шума еще более растревоженно скакал вокруг табуна Черный жеребец и жарко ржал, мотая взлохмаченной гривой.

Услышав за спиной шумное дыхание приближающихся собак, волчица с тоской глянула вперед – близко ли роща, и с надеждой подумала, что она, пожалуй, успеет уйти в кустарник раньше, чем ее настигнут собаки. И в это время над ее головой, разверзая небо, пронеслось оглушительное б-бах! Потом еще громopodobное трах-х! – это табунщик стрелял в воздух. Волчице показалось, что кто-то два раза огрел ее дубинкой так, что у нее зазвенело в ушах, у нее на миг расслабились мускулы, и добыча соскользнула со спины. А когда зверь молниеносно развернулся и хотел схватить козу снова, было уже поздно – ее настигали собаки.

Табунщик собрал разбежавшихся овец, вернулся к стоянке. Он, конечно, понял, что его посетил волк, но овцы оказались целы, а Черный жеребец не дает своих кобыл в обиду. Надо было дожидаться утра, старик вновь разжег костер и прилег возле...

Проснувшийся утром табунщик еще раз осмотрел свою крохотную отару и не увидел каштановой козы. Но еще больше ему не понравилось то, что не вернулись с ночи оба его волкодава. Накинув на плечи старую фуфайку, слегка опираясь на ярлыгу, табунщик медленно поднялся на вершину скалы, окинул взглядом округу и, не увидев ничего подозрительного, взобрался на следующий холм. У его зеленого подножья, возле самой рощи, он сразу узнал своих собак, спокойно сидящих друг против друга, а между ними неподвижную каштановую козу.

Когда хозяин подошел, собаки встали, виновато опутив морды, искоса взглянули на него, словно говоря: «Что поделаешь, мы так старались...» К тому же они понимали, что мясо козы, раз уж так получилось, будет отдано им, и от этого смущались еще больше. Но табунщик не сказал ни одного бранного слова. На его памяти случалось и похуже, да и откуда могли собаки догадаться, что волк спрыгнет с утеса. Старик

поднял с земли тело козы, легко вскинул на плечи и зашагал обратно. За ним молча и виновато поплелись его печальные псы.

...Солнца еще не было видно. Но небольшая березовая роща, которая выступала из-за горы и была как бы изнутри охвачена пламенем, указывала, над каким холмом сейчас поднимается солнце. От ночных облаков на небе не осталось и следа, словно их никогда и не было там, в слепяще-розовой глубине.

К утру позволил наконец себе расслабиться и Черный жеребец. Когда стало светать, он, как бы торжествуя, громко заржал и вошел в середину табуна. Лошади стали медленно разбредаться, одни принялись с хрустом щипать траву, другие, чтобы размять уставшие за ночь тела, ложились на поляне и с удовольствием катались по влажной от росы земле, издавая шумные длинные храпы.

В двух шагах от жеребца стояла белая кобыла-трехлетка, которая еще ни раз не ожеребилась, но мечтала о жеребенке с глазами цвета шалфея.

Табунщик уже снял шкуру с козы и разделял тушу по частям, чтобы потом каждый день понемногу давать собакам.

В это время табунщику послышалось, что кто-то его зовет, он выпрямил спину, повернулся.

– Э-эй! Зайду-у-у! – внизу, возле русла Мельничной реки стоял какой-то человек и звал его.

Табунщик откликнулся.

– Нет ли там моего му-ла-а-а?! Му-л-а-а?!

Это был мельник, хозяин того самого мула, что пасся с вечера в Большой долине. Табунщик так и ответил, что видел мула именно там.

А в глубоком логове, устроенном между беспорядочно нагроможденными скальными камнями, оплетенными буйными зарослями волчьей земляники, лежала измученная волчица, и как сквозь сон до нее доносился голос человека, зовущего Зайду. Около нее в детской беспорядочной, но веселой игре, то заскакивая на спину матери, то хватая ее за бессильно откинутый хвост, носились сытые волчата. Только больной малыш забился почему-то под брюхо матери и, жалобно поскуливая, следил оттуда за веселой возней братьев.

Волчица все еще переживала ночную охоту и изредка вздрагивала. Сильно болели два сломанных ребра в левом боку, куда угодило копыто мула.

Но больше всего для волчицы было то, что самый маленький ее волчонок так и не прикоснулся к мясу и сейчас совсем затих возле ее брюха. Наверное, она опоздала накормить его.

В этот день в логове, уткнувшись усталой мордой в желтую, пахнущую ее малышами пыль, она как бы поклялась, отныне больше не заводить волчат.

И в этот же самый день вокруг того места, где была обнаружена выпотрошенная туша, хозяин мула и табунщик поставили четыре огромных железных капкана.

Перевод с лакского языка Анатолия Соловьева.

Гамзат ИЗУДИНОВ

Гамзат Магомедович Изудинов – поэт, публицист, прозаик, драматург. Родился 1 января 1981 года в селении Средний Арадерих Гумбетовского района Дагестанской АССР. Окончил с красным дипломом отделение журналистики филологического факультета ДГУ. Автор книг «Горский дух», «На Харибском перевале». Работал корреспондентом аварской республиканской газеты «Истина», ответственным секретарь духовно-просветительской газеты «Ас-Салам». В настоящее время – руководитель аварской секции Союза писателей РД и медиагруппы «Гумбет», редактор республиканского журнала «Дружба». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Пишет на аварском языке.

Глаза войны

(на основе реальных событий)

Штурм «неприступной» крепости

Огонь из миномета 19-летнего военнослужащего Советской армии Абдулкарима Османова бил по вражеским целям. Окруженный Кенигсберг пылал под ударами возмездия народов СССР. Абдулкарим бил по точным координатам, выводя из строя огневые точки, опорные пункты фашистов.

Шел апрель 1945 года. Кенигсберг, основанный рыцарями Тевтонского ордена, фашисты объявили неприступным. Через бинокли Абдулкарим видел широкие, высокие стены средневековой крепости, видел бетонные укрепления, из которых стреляли орудия врага.

Армии 3-го Белорусского фронта плотно окружили Кенигсберг и приступили к освобождению города. Враг сопротивлялся.

«За Чиркату!»

...Вместе с Абдулкаримом в штурме Кенигсберга принимали участие его боевые друзья, которые были с ним в других операциях по освобождению городов и сел от фашистов. 25-летний Турат Мирланов из Киргизии был огнеметчиком. Это был крепко сложенный молодой человек среднего роста, чуть смугловатый от яркого южного солнца. 30-летний Сергей Алексеев из Сибири до войны занимался охотой и стал искусным стрелком. Он был высокий, сухопарый. В тихие минуты ходил с фронтовыми газетами, читал «Василий Теркин» Александра Твардовского и другую военную литературу. Он сам тоже писал стихи.

Также Абдулкарим подружился с советским немцем Гансом Рудольфом. Он был сапером и расчищал путь для Красной армии от мин Третьего рейха. Гансу было 37 лет. Рост его составлял 180 см. Ловкий, терпеливый, за его плечами были десятки освобожденных населенных пунктов, сотни обезвреженных мин.

Четверо друзей подставляли друг другу плечо во время боев. В часы покоя рассказывали друг другу о своих краях, проводили свободные минуты за беседами о войне и мечтами о послевоенной жизни. Рядовые Советской армии понимали, что с фашизмом нужно покончить, чтобы не повторились зверства этих нелюдей на земле.

Утро 6 апреля 1945 года друзья встретили в готовности освободить Кенигсберг. Их разбудили залпы артиллерийских орудий Армии 3-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Советского Союза Александр Василевский.

27-летний сержант Валерий Иванов приказал отделению быть наготове утром 6 апреля. Атакующая мобильная группа, в которую вошли четверо друзей, выдвинулась в сторону внешнего подвода Кенигсберга.

Минометчики передвигались в колясках мотоциклов. Дойдя до позиции, Абдулкарим Османов установил миномет и после получения данных от корректировщика стал наносить удары по противнику. Внешний обвод старинной крепости прусского воинства был сильно укреплен. Минные поля, колючая проволока, далее – валы, линия обороны неприятеля. Друг Абдулкарима Ганс Рудольф с группой саперов приступил к разминированию подступов к городу.

Абдулкарим слышал шум советских бомбардировщиков, которые поражали военные объекты и линию обороны Кенигсберга. Над ним проносились тяжелые самолеты и сбрасывали бомбы на столицу Восточной Пруссии. Он видел опустевшие села и города, находил могилы женщин, детей, стариков на оккупированных фашистами землях. В нем кипела ярость к нацистским извергам. Целясь, он кричал: «За Чиркату, за Советский Союз, за всех погибших за Родину!»

Корректировщик минометного огня из Татарстана Дамир Ринатов называл координаты, Абдулкарим бил по врагу. В минометном расчете Абдулкарима Османова, кроме него самого (командира миномета), были: заместитель командира наводчик Мургун Сургэнов из Якутии (первый номер расчета), заряжающий Виталий Михайлов из Владивостока (второй номер расчета), снарядный Виктор Андреев из Ленинграда (третий номер расчета), подносчик Валентин Павлов из Смоленска (четвертый номер расчета).

Красная армия прорвала оборону врага, прошла внешний оборонительный обвод и устремилась в сторону первой линии обороны врага с фортами. Древняя прусская

крепость, усиленная бетонными укреплениями XX века, огрызалась. Вся мощь самой сильной сухопутной армии мира обрушилась на Кенигсберг – советские военные утюжили логово фашистов, но враг отчаянно отстреливался, фашисты пытались контратаковать. Наступающие силы преодолели вторую линию обороны крепости и вошли в город.

Абдулкарим устанавливал миномет на новых позициях, направляя на головы врагов тонны мин. Улицу за улицей, он расчищал Кенигсберг от фашистской скверны. Вместе с ним по неприятелю били много тысяч советских минометов и другие орудия.

«Сильнейшая крепость в Европе»

Подходило к концу 6 апреля 1945 года. Советская армия уже вошла в Кенигсберг, продолжались ожесточенные бои за каждый дом и улицу. Минометный расчет поражал форты, рavelины, дзоты, ликвидировал огневые точки врага. На одной из улиц Абдулкарим прочитал надпись: «Слабая русская крепость Севастополь держалась 250 дней, а Кенигсберг – сильнейшая крепость в Европе – никогда не будет побежден!» Гитлер приказал городу сражаться до последнего патрона. Абдулкарим за этот тяжелый день весны 1945 года из автомата нейтрализовал немало фашистов, были и те, кто сдавался в плен. В составе мобильного штурмового отряда минометчики поддерживали ручных пулеметчиков, стрелков, огнеметчиков, саперов, автоматчиков, которые шли в атаку первыми.

Абдулкарим и группа его минометного расчета увидели, как специальный отряд уничтожает винные погреба и другую алкоголь в городе. Эти отряды были созданы, чтобы запасы спиртного фашистов не стали оружием массового поражения, чтобы воины Красной армии не отвлекались на дегустацию напитков с градусом, а сосредоточились на освобождении крепости.

Парень из села Чирката решил внести свой вклад в уничтожение данного вида вооружения фашистов – разбил несколько бутылок с немецким спиртным о стену Кенигсберга.

– Ни фашистские сказки, ни их алкогольные миражи не помешают Советской армии отомстить за миллионы убитых, не станут препятствием в святом деле освобождения мира от нацистской нечисти, – сказал Абдулкарим. Бутылка со шнапсом Blutgeschwuer («Кровавая язва») разлетелась на куски, жидкость из нее потекла по стенам крепости, словно кровь. Виталий Михайлов также поддержал боевого товарища. Разбил несколько бутылок шнапса Blutgeschwuer.

– Гитлер капут! – воскликнул Михайлов. И ликвидировал часть пошла «сверхлюдей», планировавших прорыть вместо Москвы большое озеро.

Живой щит из женщин и детей

В некоторых домах советские военнослужащие нашли женщин и детей, гражданское население.

Абдулкарим Османов протянул немецкому мальчику и его матери хлеб и тушенку.

– Советский солдат пришел освободить Германию от нацизма. Возьмите наш хлеб и нашу тушенку.

– Danke, danke, – прошептала женщина и взяла еду.

Гитлер запретил эвакуировать гражданских из города и тем самым обрек их на лишения. Они, как террористы, прикрывались живым щитом из женщин и детей.

Полуразрушенный город пылал, закат был огненно-красный, небо заволочло дымом от пожаров. От работы артиллерии и бомбардировщиков земля ходила ходуном.

Виктор Андреев, Валентин Павлов и Мургул Сургэнов смотрели вслед уходящим гражданским и думали, что большая часть Германии в 1933 году проголосовала за Гитлера и тем самым подписала себе смертный приговор. В их сердцах теплилась надежда вернуться домой после окончания войны. Голос Юрия Левитана по радио сообщал о скорой победе над Третьим рейхом.

Кенигсберг погрузился в ночную тьму, бои продолжались до рассвета.

Мортиры против пятиметровых стен

После непродолжительного сна минометный расчет Абдулкарима Османова был готов ко второму дню боев за освобождение Кенигсберга. С утра всю работали все виды оружия. Красная армия сжимала кольцо вокруг города-крепости. Восточно-Прусская наступательная операция, начавшаяся в январе 1945 года, подходила к логическому завершению.

Командующий войсками 3-го Белорусского фронта маршал Советского Союза Александр Василевский заслушал донесения о ходе штурма Кенигсберга. В первый же день советским воинам удалось прорвать несколько линий обороны противника. Тактика мобильных штурмовых отрядов приносили свои плоды. Кенигсбергская наступательная операция (операция «Земланд»), проводимая Земландской группой войск Советской армии с 6 апреля 1945 года, шла по плану. Фашисты не сумели отвлечь на север войска Красной армии, которые двигались на запад, чтобы взять Берлин.

Александр Василевский доложил Ставке Верховного Главнокомандования о ситуации на линии боевого соприкосновения.

– Товарищ Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович! Армии 3-го Белорусского фронта с севера и с юга прорвали линии обороны города-крепости Кенигсберга. Операция «Земланд» проходит по плану.

– Молодцы! Продолжайте, – раздался в телефоне голос Сталина.

Стены фортов Кенигсберга достигали пяти метров ширины. Для уничтожения этих укреплений Советская армия использовала 280-миллиметровые мортиры БР-5 226-го артиллерийского дивизиона особой мощности.

Иммануил Кант и Али-Гаджи из Инхо

8 апреля 1945 года положение осажденных стало критическим. Несмотря на это, фашисты оказывали ожесточенное сопротивление. Комендант Кенигсберга генерал Отто Ляш надеялся на прорыв из города и соединение с войсками, расположенными на Земландском полуострове.

Продвигаясь все дальше вглубь Кенигсберга, Абдулкарим Османов и его боевые товарищи с боями дошли до острова Иммануила Канта.

Ночь 9 апреля минометный расчет Абдулкарима Османова провел на острове Канта. Советский минометчик смотрел на могилу философа Канта и незримо беседовал с ним.

– «Любовь к жизни – это значит любовь к правде», – писал ты, Кант. – Жаль, что твой народ в 1933 году выбрал ложь, и эта ложь погубила миллионы людей. Наш философ Али-Гаджи из Инхо писал так:

– Бездушных не тронешь ты словом душевным,
Нельзя им помочь в их уделе плачевном.
И знай, что ослу неизвестна цена
И свойства породистого скакуна.

– «Человек редко думает при свете о темноте, в счастье – о беде, в довольстве – о страданиях и, наоборот, всегда думает в темноте о свете, в беде – о счастье, в нищете – о достатке». Это тоже твои слова, Иммануил Кант. Мудро сказано. Жаль, что твой народ погрузил во тьму Европу на целое десятилетие, создал концлагеря, где заживо сжигали миллионы людей в газовых печах. Жаль, что Гитлер не читал твои книги, не усвоил твои уроки.

Эта крепость из красных камней сложена,
В ней из белого камня башня одна.
Ключ с собою унес я от сундука.
Пусть найдет прозорливый разгадку замка.
Кто умом одарен, кто достойно живет,
Ключ для этих речей сокровенных найдет.

Али-Гаджи из Инхо обращается к нам из XIX века. У тебя с ним получились бы прекрасные беседы, вы поняли ли бы друг друга. Твой голос слышу я из далекого XVIII века.

«Свобода – не способность делать все, что угодно, а способность следовать долгу, моральному закону, выраженному в категорическом императиве»;

«Свобода и безусловная моральная обязанность взаимно предполагают друг друга»;

«Свободной может быть только добрая (благоразумная) воля, а не злая воля. Воля на злом основании подрывает общую свободу, тогда как воля на добром основании развивает общую свободу», – это все ты, Кант. Твой народ попрал свободу половины мира, проголосовав в 1933 году за Гитлера. Хорошо, что ты не дожил до этих темных времен, философ. Так бывает, когда люди плохо читают философов, поэтов, мыслителей. Читайте Канта, Али-Гаджи из Инхо, люди мира, и не будет на свете больше войн...

В середине XX века я освобождаю твой город от ходячих мертвецов, Иммануил Кант, от детоубийц, от насильников и душегубов. Как хорошо, что ты не видишь эти ужасы, творимые фашистами, как хорошо, что ты не видишь, как твой город был захвачен фашистским зверьем. Вот как пишет Али-Гаджи из Инхо о добре и зле:

И не обижайся ты в сердце своем
На тех, кто добро не считает добром...
Осенний иней жжет траву – конец весенним всходам!
Мой друг, у времени свой счет удачам и невзгодам.
Но мудрость учит: средь людей не будь высокомерным,
Не то испепелит тебя позор пред всем народом.

Агония крепости «сверхлюдей»

Ночью боевые действия усилились. Отто Ляш предпринял попытку прорваться из окружения. Его планы были сорваны действиями советской авиации, катюш, минометчиков и других соединений. Мины Абдулкарима Османова также внесли свою лепту в разгром врага.

Комендант Отто Ляш принял решение сдать Кенигсберг. К нему с ультиматумом пришли советские офицеры Петр Яновский, Александр Федорко и Владимир Шпитальник. 9 апреля, в 21:30, Отто Ляш подписал документ о капитуляции.

Город был покрыт дымом, горели целые кварталы. Советская авиация сбросила на Кенигсберг свыше четырех тысяч тонн бомб.

Гитлер вооружил детей и отправил их в бой, члены гитлерюгенда погибали, выполняя абсурдные приказы фюрера-расиста, который делил людей, как скот, на разные породы.

Красная армия пленных не расстреливала, более 90 тысяч солдат Вермахта сдались в плен.

Знамя Победы над башней «Дона»

10 апреля 1945 года боевые друзья Абдулкарима Османова подняли Знамя Победы над башней «Дона». Но он не видел, как развевается красное полотнище Победы над поверженным городом. За его жизнь боролись врачи. Опытный хирург Иван Михайлов провел несколько долгих, сложных операций. Ему удалось спасти жизнь Абдулкарима и его правый глаз. Воину из горского аула Чирката установили новый стеклянный левый глаз. Медицинская сестра Наталья Петрова делала бойцу Красной армии перевязки, вместе с врачом она дала ему новую жизнь.

Долгие полгода провел Абдулкарим в госпитале. В первые дни он часто бредил, и в бреду к нему приходили живые и мертвые боевые друзья, родные из Дагестана, родного аула Чирката. С улучшением состояния здоровья он перестал бредить, образы из прошлого приходили к нему во сне.

Ему снились чиркатинские террасные сады, абрикосовые деревья со свисающими с ветвей спелыми солнечными плодами. В его снах была Страна солнца и гор. Часто вспоминал родной Дагестан, вершины, долины, тропы... Он мечтал вернуться домой победителем, снова увидеть лица матери, отца, односельчан...

Абдулкариму снились картины из прошлого, как он рвался на фронт, хотя и не достиг призывного возраста. Но молодой горец нашел выход – пешком добрался до военкомата, расположенный на расстоянии 36 километров, в районном центре, селе Мехельта. Это было в 1943 году. Абдулкариму было всего 17 лет.

До отправки на фронт Абдулкарим прошел учебку в городе Гори Грузинской АССР, который известен тем, что здесь родился генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин. Минуя высокогорный Крестовый перевал, по Военно-Грузинской дороге добрались новобранцы до места назначения. Несколько месяцев их обучали военному делу. Абдулкарим стал минометчиком и сапером. Он и его друзья с полной отдачей применили все полученные навыки в боях. Бойцу в госпитале снился Кавказ, снились трудные дороги Второй мировой войны, лица дорогих сердцу людей...

Кровь, пролитая за Киев

Абдулкарим сражался за Киев и многие другие города и поселения страны. Киевская наступательная операция прошла 3-13 ноября 1943 года. Ее осуществили воины 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Николая Ватутина. Фашистов прогнали дальше на запад, освободив Киев, Житомир и другие населенные пункты.

Мины Абдулкарима летали на головы фашистов, нанося невосполнимый ущерб оккупантам. Во время боев горец получил ранение. После госпиталя советский солдат вернулся в строй и продолжил разгром гитлеровских орд.

Юный кавказец видел опустошенные войной земли, зверства нацистов и страдания народа увеличивало в его сердце ненависть к фашистам. Движимый священным чувством возмездия, справедливости и правды, Абдулкарим отправлял мину за миной на позиции незваных гостей.

Сожженные дотла деревни, разрушенные города, убитые старики, дети, женщины. Глаза войны были полны ужаса, из их пустых глазниц веяло нечеловеческим холодом.

Советские воины стремились в логово зверя. Они спешили вернуть долг извергам, которые, как «коричневая чума», прошли по Европе. Обрубая одну за другой головы фашистского чудовища, освободители дошли до Восточной Пруссии. Столицу Восточной Германии, древний город-крепость Кенигсберг, Гитлер объявил неприступным. Советская армия окружила Кенигсберг. Абдулкарим в бинокли видел башни, форты и другие укрепления города. Предстояла битва за город философа Иммануила Канта...

Левый глаз Абдулкарима

Временами болел несуществующий левый глаз Абдулкарима. Хотя он считал свой левый глаз более зрячим, чем правый. Левый глаз, как в киноленте, показывал ему битвы Великой Отечественной войны, дорогие лица боевых друзей...

К непогоде, к нехорошим новостям левый глаз Абдулкарима болел, давал сигналы ему...

Когда выписали из госпиталя, минометчик вышел со стеклянным левым глазом. Долгими и длинными дорогами добравшись до родимой стороны, сакли в горном ауле Чирката, боец снял стеклянный глаз, попросил маму сшить ему из кожаного лоскута «очки», закрывающие левый глаз. До конца своей долгой жизни он носил специальный кожаный наглазник, внутри которого была вата. Глаза войны. Они вещают только правду. Они видят вглубь веков, далеко, до краев Вселенной. Челове-

честву бы поучиться у этих глаз мудрости, мирной жизни, созиданию, искренности, чистоте, величию, героизму...

Раны Великой войны были у старого воина, они не давали ему покоя и сна. Когда засыпал, ему снились кровавые башни Кенигсберга, тела павших товарищей, грохот тысячи орудий, свист пуль, воронки от падающих бомб...

Спутница жизни Рахмат Абдулаева подарила Абдулкариму Османову 12 детей, став матерью-героиней. Всю жизнь он творил добрые дела, после войны строил дома в родном ауле, оказывал благотворительную помощь мечетям, сооружал дороги, открывал родники.

Плач каштанов Кенигсберга

Над могилами боевых друзей Абдулкарима Османова в Кенигсберге плачут каштаны. О чем они плачут, о чем шепчутся? О чем они говорят через тысячи километров с садами Чиркаты? О чем беседуют каштаны Кенигсберга с яблоней, абрикосовыми деревьями Чиркаты? Каштаны города-крепости видели много смертей, они обгарены кровью. Сады Чиркаты также плачут над могилами героев Великой Отечественной войны. Они роняют листья на последнее пристанище освободителя Кенигсберга Абдулкарима Османова. Он был последним воином Великой битвы из Страны солнца. Он освободил много городов и сел, которые фашисты превратили в концлагеря. Абдулкарим завещал нам эту планету, он оставил нам мирную Землю. О мире плачут каштаны Кенигсберга, о мире щебечут абрикосовые деревья Чиркаты.

Авторский перевод с аварского языка

Абдуселим ИСМАИЛОВ

Абдуселим Абумислимович Исмаилов – народный писатель Дагестана, поэт, прозаик, драматург, публицист, заслуженный деятель искусств Республики Дагестан. Родился 16 декабря 1947 года в селении Келе Касумкентского (Сулейман-Стальского) района ДАССР.

Автор более 20 поэтических и прозаических книг на родном и русском языках, автор 9 пьес. Окончил филологический факультет ДГУ, работал учителем школ, редактором лезгинского радиовещания на Гостелерадио Дагестана, зав.отделом республиканской газеты «Коммунист», редактором литературного журнала «Самур». Ныне – заместитель главного редактора республиканских журналов «Литературный Дагестан» и «Соколенок». Член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Правления Союза писателей РД. Пишет на лезгинском языке.

Архивариус

Рассказ

Тихо в комнате, куда падает свет уличных фонарей из окна в подгорную сторону. Айвар Нажуевич, лежа навзничь, сладко спит. На лбу у него выступил пот. Воздух, скапливаясь под щеками, толчками вырывается между губ, заставляя его порой похрапывать. Некоторое время спящий перестал дышать. Он забеспокоился; стиснув зубы, со сжатыми губами, Айвар Нажуевич заходил головой из сторону в сторону. Рот неожиданно открылся. Жадно втянутый воздух вернул ему спокойствие.

Однако спокойствие было лишь внешним. Сон Айвара Нажуевича переполняли события, надо сказать, исторические и политические, решающие судьбы человека и человечества.

Началось с того, что сын Айвара Нажуевича вернулся домой за полночь. Сын, чтобы не узнали мать с отцом, еще на лестнице позвонил жене, она открыла ему дверь, но закрывая ее, он потерял осторожность: дверь захлопнулась с грохотом, от которого должны были бы проснуться все спящие. Грохот не сумел прервать сон Айвара Нажуевича, утомленного тем, что спускал с десятого этажа вниз мешки и большие картонные коробки, плотно набитые архивной документацией, и грузил их в КамАЗ соседа с высокими бортами. (Надо сказать, что пыль с этой документации он вдыхал ровно двадцать пять лет.) Но во сне его пронесли картины удивительных событий.

Видит Айвар Нажуевич себя заключенным в нечто наподобие клетки из толстых железных прутьев. Нет в клетке ни окошка, ни двери. Но лязгнуло, словно вынули засовы железных ворот, и одна сторона клетки распахнулась. Там появился человек, хотя и похожий на соседа Тураба, в чей КамАЗ он грузил архивы, хранившиеся у него двадцать пять лет, но который заговорил совершенно другим голосом. Голос тоже был металлический, абсолютно безжизненный:

– Куламов Айвар Нажуевич? Встать! Следователь ждет тебя!

Айвар Нажуевич затрясся.

– Ты не трясись! – прокричал металлический голос. – Ты отвечай за свои дела!

– За какие дела, начальник, уважаемый? – спросил он, словно пискнул. Он попытался встать с железных прутьев, от которых болели бока.

– За какие дела-а? Ты еще спрашиваешь? – теперь заговорил другой голос. Этот голос, как и первый, тоже был железным, тяжелым и принадлежал человеку, сидевшему за столом на обрубках арматуры толщиной в мужскую лодыжку. Вместе со столом он выдвинулся из темноты и встал так близко перед Айваром Нажуевичем, что слилось дыхание обоих.

– Я следователь Джаллатов, – заявил тот металлическим голосом. – Сейчас я подвергну тебя допросу, – следователь ударил кулаком по железной столешнице.

– За что-о? За мной нет никакой вины-ы.., – Айвар Нажуевич забился как мышь в захлопнувшем капкане.

– Вы слышите? – повернув голову, следователь глянул себе за спину.

Увидел Айвар Нажуевич: в крошечной тьме за спиной следователя выделяются белые пятна, они увеличиваются и принимают человеческий облик.

– Карл Маркс! – хотел крикнуть Айвар Нажуевич, но у него сел голос.

Карл Маркс поглаживал то одной, то другой рукой свою пышную бороду и смотрел глазами, полными гнева.

– Я... Мне... – голос Айвара Нажуевича сел совершенно.

Карл Маркс с гневными глазами исчез во тьме. На его месте возникло другое пятно, увеличиваясь, оно обрело облик Ленина.

– Товарищ Ленин! – восторженно воскликнул Айвар Нажуевич.

Но железные прутья держали его, словно он задом был приварен к ним.

Товарищ Ленин говорил, прорезывая взмахами руки тьму, он наставлял Айвара Нажуевича, порицал его. Но ни одно его слово не доходило до ушей бедолаги.

– Товарищ Ленин, я всегда был верен вашему пути, вашим указаниям... Я настоящий коммунист, целиком и полностью преданный делу строительства коммунизма... – хочет сказать Айвар Нажуевич. – Я настоящий ленинец! Я чист, как стеклышко!..

Айвар Нажуевич не смог заговорить, и товарищ Ленин не захотел его выслушать. Шевеля губами, взмахивая рукой, он тоже исчез во тьме.

Новое пятно, начавшееся расти, превратилось в образ Сталина. Видя, что его глаза улыбаются, Айвар Нажуевич наконец обрел дар речи:

– Товарищ Сталин! Вы вечно живой! Да здравствует товарищ Сталин и путь, указанный им!..

Айвар Нажуевич испугался пискливости и бессилия своего голоса и, чтобы больше не говорить, он обеими ладонями закрыл себе рот. Увидел он, что в глазах товарища Сталина не осталось и следа улыбки, наоборот, он смотрит сердито. Вдруг он пальцем, которым проводил по своим густым черным усам, пригрозил Айвару Нажуевичу, готовому пасть ему под ноги в надежде, что он заступится за него. У Айвара Нажуевича упало сердце. Он опять хотел говорить, но товарищ Сталин прижал свой еще подрагивающий палец к губам, тем самым запрещая Айвару Нажуевичу подавать голос...

– О Боже! – подумал Айвар Нажуевич, который никогда не верил в Бога. – Почему я стал им не нужен?

Следователь с такой силой стукнул кулаком по столешнице, что Айвар Нажуевич, казалось бы, приваренный к железным прутьям, подпрыгнул на целую пядь.

– Видел? Ты не передо мной, а перед ними будешь отвечать! – рассвирепел следователь. – Куда ты дел архивы, которые хранились двадцать пять лет?

– Погрузил в машину соседа Тураба... Мне не давали покоя мои домашние, соседи... – пискливым голосом, страшась и совестясь, заговорил Айвар Нажуевич.

– Погрузил в машину? Для чего?

– Чтобы завтра, по дороге в горы, выгрузить где-нибудь в ущелье и сжечь.

– Что-о? Архивы? Чтобы сжечь? Архиважные документы с именами членов партии? Списки пьющих, нося при этом в нагрудном кармане партбилеты с изображением Ленина, списки непьющих?..

– Но что я мог сделать? Двадцать пять лет я их хранил. Двадцать пять лет я верил, что мир повернется вспять. Я и теперь не теряю надежды. Но соседи, поганцы, и домашние вредители вынудили меня пойти на это. Они не уставали повторять, что мешки и коробки воняют, что с них слетает пыль, что их поедают червячки...

– Решения партии? На основании этих решений принятые в организациях документы? Ты больше поганец и вредитель, чем они! Я повешу тебя! Сию минуту!

Железный крючок на цепи, тут же опустившийся из-под темного потолка клетки, стукнул Айвара Нажуевича по макушке головы...

Проснувшийся таким образом Айвар Нажуевич некоторое время сидел в постели, поглаживая свою макушку, которую во сне стукнул крючок. Он дрожал, в сердце его вселился непонятный страх. Поспешно натянув брюки и рубашку, он вышел в общую комнату, осторожно открыл бронированную дверь и ступил на лестничную площадку. Зная, что поздно и лифт уже отключен, он по лестнице спустился на первый этаж.

Он собирался нажать на кнопку звонка второй раз, когда в квартире раздался мужской голос.

– Кто там? – спросил Тураб. – Кто так поздно звонит в чужую квартиру?

– Это я, сосед. Айвар Нажуевич...

– А-а, коммунист... Что опять случилось, сосед? – сосед постарался скрыть свое раздражение.

После того, как в дверях несколько раз защелкало, она открылась, и Тураб с нахмуренным лицом появился собственной персоной.

– Что-то случилось, сосед? – опять спросил Тураб голосом, каким произносят ругательства в адрес родителя.

– Где твоя машина, дорогой сосед?

– Стоит за той стеной.

– Мои архивы еще там?

– А куда они денутся? Кому они нужны? Ха-ха-ха! – Тураб забыл, что время за полночь. – Станный ты человек, ей-богу...

– Не смейся, дорогой сосед. Ты пойми меня... – Айвар Нажуевич говорил своим писклявым голосом, тоном просителя.

– Что я должен сделать, сосед? Разве ты не хочешь вывезти их? Если нет, не вывезу. Тащи обратно на свой десятый этаж. Но дай мне спать. Там машина, и твои архивы в мешках, тут ты...

Сосед собрался закрыть дверь; Айвар Нажуевич, не ожидавший от него такой резкости, растерявшись, добавил:

– Я еще подумаю до утра, пока пусть останутся в машине...

Однако думать до утра ему не пришлось. Страх, вселившийся в его сердце после приснившегося, побеждал; сначала он сходил к машине, потом, находясь на пустынной ночной улице, решил позвонить.

Айвар нажал на зеленую кнопку, потом еще и еще раз, наконец его близкий друг отозвался.

– Алло, да будет для тебя добрым это время, Байсум, – заговорил он. Непонятно, чего или кого он опасался на безлюдной улице, но Айвар Нажуевич ладонью прикрыл трубку.

– А ты знаешь, который час? – спросонок недовольным голосом спросили в трубке.

– Я старше тебя, мне позволено, – нисколько не смущаясь, отвечивал Айвар Нажуевич.

– Что-то случилось?

– Да. Нельзя выбрасывать архивы, которые ты помогал выносить.

– Дядя, ну сколько ты будешь носиться со старыми бумагами? Тебе больше делать нечего, да будет благоденствие в твоём доме!

– Молчи. Это тебя не касается. А если хочешь благоденствия в доме, помоги мне.

– Сейчас?

– И сейчас. Завтра тоже...

– Мы поговорим утром, дорогой дядя. Если ты скажешь: освежуй собаку, и то я сделаю. Но сейчас позднее время, чтобы заниматься такими вопросами.

– Мы их сожжем в твоей топке.

– Что сожжем, дядя?

– Ты очень хорошо знаешь, о чем я говорю. Нельзя их выбросить, уничтожить по-другому...

На том конце отключили трубку. Айвар Нажуевич, зная, что Байсум исполнит все, что бы он ни попросил, опять нажал на зеленую кнопку. Потом еще и еще. Но ему больше не ответили.

– Ну, хорошо, Байсум. Я поговорю с тобой утром, – сказав так, Айвар Нажуевич поднялся наверх.

Выведенный из себя сновидениями и ночными движениями, Айвар Нажуевич не просыпался. На улице спешили люди, стоял шум, а он еще лежал в постели. Но те, кому он ночью не давал спать, с утра были на ногах. Тураб и Майсум поднялись к нему на десятый этаж. Они стали тормошить Айвара Нажуевича, который все еще пребывал в постели, в то время как архивы его находились в машине.

– Мне надо ехать аж в Самурскую долину, – говорил Тураб. – освободи мою машину от твоего хлама!

– Не говори таких слов, – голос Айвара Нажуевича звучал менее пискливо, чем обычно. – Это партийные архивы.

– А ты архивариус! Так же?

– Так или не так – неважно. Я так хочу.

– Когда не осталось самой партии, кому нужны архивы, сосед? Станный ты человек, ей-богу.

– Не порть настроение дяде, – насмешливо заговорил Байсум. – Как он скажет, так мы и сделаем.

– Делайте, друзья! – занервничал Тураб. – Давайте-же, поедem, куда надо.

– Поезжай на завод Байсума...

– Пойдем, садитесь и вы. Я не знаю, где ваш завод.

В цеху, где жгли известь, никого не было. Но что в печах горел огонь, видно было по дыму, валившему из высоких труб. И тут было теплее, что почувствовал Тураб, впервые оказавшийся здесь.

– Как въехал, так жара от печей и бьет в лицо, – сказал он, открывая дверцу машины.

– Езжай следом за мной, – сказал Байсум, соскочивший с другой стороны. За ним сошел и Айвар Нажуевич.

– Хорошо, что нас никто не видит, – проговорил он, приложив ладонь ко рту.

– Здесь, дядя, и стены, и камни имеют глаза и уши. Есть такие парни, что если кто унесет извести в мешочке, тут же докладывают мне.

– Я тоже их боюсь, – не убирая ладонь со рта, сказал Айвар Нажуевич.

– А ты почему?

– Мы же сжигаем архивы. Позвонят куда-нибудь, в ФСБ ли, КГБ ли...

– Дядя, как ты с таким страхом прожил более семидесяти лет? Кому нужны твои изъеденные молью бумаги?

– Ты ничего не понимаешь. Как мне тебе объяснить?

– У тебя, дядя, просто нет ответа. Такую громадную, могучую страну развалили – и никто не ответил. Что же ты ответишь?

– Ну, молчи, парень. Показывай дорогу машине.

– Назад подавай! – закричал Байсум Турабу. – Вываливай прямо перед печами!

– Нет, нет! – это не понравилось АйваруНажуевичу. – Нельзя вываливать!..

Но Тураб так развернул громаду КамАЗа, так подал назад, что у Айвара Нажуевича не осталось возможности сказать, чего он хотел. Из поднявшегося кузова, взвихрив пыль, вывалились мешки и картонные коробки. И вместе с ними упало куда-то вниз и сердце Айвара Нажуевича.

– Нет, парень! Не так, парень! – вырвалось у него. – Вы сгубили мой дом!..

Тураб, ничего не говоря, как приехал, так и уехал. «Из-за чего моя голова болит?!» – словно думал Байсум, когда спросил:

– Теперь скажи, Айвар Нажуевич, все это ты сам будешь бросать в печь или позвать рабочих?

– Конечно, я сам буду, – со злобой ответил он. – Твои рабочие пусть вообще не подходят.

– Я не имею права подпускать тебя к печам, дорогой дядя. Это дело опасное.

– Потому, что дело опасное, я уничтожу их своими руками...

– Ну, пойдем! – Байсум выступил вперед. – Вот тебе печь, вот дверца печи. Открывай – бросай туда, а как бросишь, опять закрывай...

Перевалило за полдень, архивы Айвара Нажуевича были сожжены. По указанию Байсума, рабочие не подходили к печам. Они издали удивленно, отпуская шутки, разглядывали мужчину, который открывал каждую папку, бежал за бумажкой, унесенной ветром, ловил ее, вкладывал обратно и отправлял папку в печь.

Наконец, мешки и коробки опустели. Когда Айвар Нажуевич их тоже по одному отправил в печь, Байсум вышел из своего кабинета.

– Да, товарищ архивариус, – сказал он тоном, высоко оценивающим то, что сделал Айвар Нажуевич, и выражающим большое уважение к нему самому. – Твоя совесть чиста и перед историей, и перед партией.

– Смеешься? – обиделся Айвар Нажуевич. – Да что вы понимаете!

– Нет же, дядя! Мы приехали из чужих стран, что мы можем понять? Но если вы понимали, то почему же дали развалить такую страну?

– Молчи, парень! Я и сегодня чист. Как стеклышко! Я и теперь остаюсь коммунистом...

– Видели мы. Когда сжигал партийные документы, слезы из твоих глаз чуть было не потушили огонь в печи...

– Издеваешься ты надо мной.

– Нет! Какое тут издевательство. Я сожалею о должности, которую ты потерял.

– О какой должности ты говоришь? Я никогда не гнался за должностями.

– Архивариуса... Чему теперь ты остался хозяином? Страны нет, партии нет, архивных документов нет. Все исчезло без следа... Уничтожено...

– Идеи и дела Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина никогда не исчезнут, их не уничтожишь!

– Ты остался настоящим коммунистом, милый Айвар Нажуевич, – Байсум подвел спор к концу. – Ты ушел и от КГБ, и от ФСБ... Теперь ты будешь сладко спать.

– Ну, пойдем. Ваш рабочий день кончился же...

Чувствуя, что к нему пришло великое спасение, Айвар Нажуевич пошел впереди. Друзья вышли со двора завода и вошли в первое попавшееся кафе.

– Если ты не обмоешь это дело, те, кого ты назвал, обидятся на нас, – пошутил Байсум.

– Молчи! Ты ничего не понимаешь, – упрекнул его Айвар Нажуевич, прикрыв рот ладонью.

Кровь жеребца

Рассказ

Неспокойно на сердце у Тагира: в третий раз он услышал ржанье Мишки. Оттого ли, что доносилось оно издалека, или из-за своего беспокойства, но голос лошади показалось ему необычным.

– Что с ним, проклятым? Встретился с другими лошадьми? – раздумывая, он смотрел в сторону Хандакар.

Постояв так, Тагир опять взялся за лопату. Не успел он копнуть и пять раз, конь вновь заржал.

– Надо пойти, посмотреть, – сказал он, словно говорил с ручкой своей лопаты. – Без причины он не подает голоса.

Прислонив лопату к стволу дерева, он направился в поле, в сторону Хандакар.

Тагир знал, что лошадь может заржать и без какой-либо особой причины, но чувство беспокойства не проходило, наоборот, усиливалось.

Когда он перешел железную дорогу и вступил в лес, от Хандакар донесся ружейный выстрел, потом еще раз. По ногам Тагира прошла дрожь, в голове помутилось, на лбу вступил пот.

«Лошадь – не заяц, чтобы на нее охотиться, и не какая-нибудь другая дичь, которую преследует охотник... Мой Мишка – норовистое животное. Он гордый и сильный, ему ведомы чувства злости и радости... В последнее время он гнался за детьми, кидался и на мужчин...» В голове Тагира проносились сумбурные мысли.

Лесопильные цеха, разместившиеся в прежних совхозных животноводческих фермах, работали вовсю. Хозяином их был Бедир, самовлюбленный молодой человек, растолстевший, словно его накачали воздухом. Здесь многие находили возможность заработать себе на кусок хлеба, и число работающих увеличивалось с каждым месяцем, по степени расширения возможностей самого хозяина. Почти все они были молодые, полные сил, лелеющие мечту дотянуться до положения, достигнутого Бедиром. Но Бедир был хозяином, а они у него работали. Осознавая это, некоторые из молодых уходили, другие же занимали их места.

– Мне все равно, кто бы у меня ни работал! – Бедир был уверен в себе. – Не захотят идти сюда односельчане, я найму работников на стороне. Даже из России привезу. Слава Богу, в стране полно тех, кто остался без дела, не знающих, куда себя деть.

Кто завидовал Бедиру, а кто – ставил его в пример своим детям. Завидовать было много чему. Он вышел из многодетной семьи, жил независимо ни от кого, осознал, как

надо действовать в наступившие новые времена, принял и овладел правилами игры. Лет десять назад он начинал со старой пилорамы, а теперь в неказистых строениях фермы стояло современное оборудование и дешевую древесину Самурского леса перерабатывали на пиломатериал для дорогой мебели. Бизнес Бедира неуклонно расширялся, он богател. Он выстроил трехэтажный особняк с верандами во все стороны, называвшийся в народе Белым домом, на холме, откуда открывался вид на Самур, и куда доходил несущий прохладу ветерок с моря и, начиная от Хандакар, на нескольких гектарах заложил виноградники. Все это – на доходы от своих цехов. Словом, Бедир вырос в настоящего героя нового времени. К нему прислушивались, в селе мало кто осмеливался перечить ему. Об этом свидетельствовали и его отношения с женщиной, работающей в кафе, открытом рядом с цехами.

Герекмаз не была одинокой женщиной. У нее были муж и дети. За спиной мужа стояли его братья. Один из братьев, Марат, вместе с Нариком работал в цеху Бедира. Бывало, из-за Герекмаз между ними возникали ссоры, что замечали и посторонние, слухи шли по всему селу. Однако Нарик с Маратом продолжали работать в цеху у Бедира. А отношения Бедира с Герекмаз уже невозможно было скрывать.

Бедир приехал на своем черном «джипе» после полудня. Прежде чем пройти в цеха, он заглянул в кафе. Герекмаз от прилавка пошла ему навстречу. Наряженная, как всегда, она не обладала броской красотой. Но могла привлечь всякого мужчину. Черные глаза ее манили и беспокоили чем-то таинственным, особой прелестью веяло от гладких щек со смуглым оттенком, от прямо очерченных полных губ. Тот, кто видел ее впервые, сначала вглядывался в лицо, потом уже обращал внимание на остальные прелести женской фигуры и во всем находил порядок, ничего ни лишнего, ни недостающего. Словом, такую женщину, как Герекмаз, не мог не желать ни один понимающий мужчина.

– Обедать будешь, старшой? – таинственно мерцая черными глазами, спросила она у Бедира. – Что будешь есть?

– Что дашь, все буду, – Бедир улыбнулся в ответ. – И тебя тоже!

– Так уж и все?

– Все! Только не здесь. На свежем воздухе.

– Для меня и здесь воздух свежий, – Герекмаз, приоткрыв губы, откинула голову.

– А для меня здесь воздух тяжелый. И шумно от пилорам.

Герекмаз притушила радость на своем лице:

– Не, Бедир. Как я так открыто выйду и поеду с тобой?

– Как всегда. Собери все, что надо. С утра я ничего не ел.

– Там, куда ты ездил, разве не было кафе?

– Кафе полно, женщин, подобных тебе, не было, – Бедир с вождением протянул руку, но Герекмаз мигом оказалась за прилавком.

– Не дури! – глаза ее опять замерцали в улыбке.

– Чтобы через десять минут была в машине, я пойду в цех, – Бедир вышел.

Как всегда, когда «джип» Бедира въезжал во двор, Марат потерял покой. Оставив работу, он наблюдал, куда вошел Бедир, откуда вышел. Конечно, он был хозяином, мог ходить куда угодно. Но Марат не мог смириться с отношениями жены своего брата и Бедира, следил за каждым их шагом, и с Нариком, хотя он был старший, как-то поговорил откровенно.

На его глазах Герекмаз вышла из кафе с двумя полными пакетами и села в машину Бедира. Спустя несколько минут, из цеха вышел Бедир, тоже сел в машину, и они уехали.

– Останови станок! Останови! – крикнул Марат на ухо Нарик.

Когда тот не послушался, Марат сам отключил станок.

– Что ты бросил работу и ходишь тут? – недовольно спросил Нарик.

– Я ищу твою жену!

– Почему ты ищешь мою жену? – Нарик обратно надел очки, которые перед тем снял.

– Сними их, ты все равно слеп! – Марат сдернул с него очки и отбросил их в сторону.

– Негодяй, я твою голову положу под станок! – вскипел Нарик. – Чего ты пристал ко мне?

– Не мою, голову Бедира, любовника своей жены, положи под станок!

– Чтобы вы оба с Бедиром сдохли! Оставь меня, проклятый, а то ответишь мне! – Нарик поискал, чем бы ударить Марата.

– Парень, она уехала вместе с ним на машине! На виду нас двоих, мужа и его брата! Я больше не могу терпеть, как ты терпишь? Она твоя жена, а не Бедира!..

Нарик, нажав кнопку, включил станок.

– Если ты трусишь, я пойду к ним! – заорал Марат. – Обоих убью!

Нарик поднял с земли очки, надел их, начал работать.

– Сдох бы ты, такой мужчина! Разве ты муж?! Я знаю, что делать с этой шлюхой!

Марат выскочил из цеха. Шагая взад и вперед, он постарался успокоить себя, потом решил отправиться следом за Бедиром и Герекмаз. Он знал, что найдет их в белостенном особняке на холме, откуда открывается вид на Самур и куда доходит прохладный ветерок с моря.

«Джипу» ворота открыл Сефер. Старик за шестьдесят лет, умеющий держать язык за зубами, дальний родственник Бедира, он был сторожем Белого дома и виноградника вокруг него. На молодые виноградные лозы, еще не дающие урожая, едва ли кто позарится, но в богато обставленный особняк, если не из своих сельчан, то наведенные ими чужие могли залезть. Когда об этом заходил разговор, Бедир самоуверенно заявлял:

– Пусть сунутся, дядя Сефер оставит их без головы.

Сефер действительно был не робкого десятка. Когда в паводок кому-нибудь требовалось перейти Самур, помощь просили у Сефера. Он не боялся никаких паводков: уверенно входил в бурлящий поток, нащупывал брод и вел за собой других. В прошлом, как рассказывают, Сефер лучше всех умел приучить быков к ярму, объезжать лошадей. Бедир нашел своему дяде неноровистую кобылу серой масти, чтобы ему легче было приглядываться за виноградником, огражденным металлической сеткой, и чтобы приезжать в село и возвращаться обратно.

– Добрый день, дядя Сефер, – поприветствовал его Бедир, открыв дверцу машины.

– Добрый день, – ответил тот, не взглянув в сторону машины. – От меня что требуется?

– Только твоего здоровья, дорогой дядя. Я останусь здесь до вечера, – Бедир вышел из машины. – Ты можешь поехать к себе домой. Потом приедешь.

– Хорошо, племянник. Тогда я пойду за кобылой.

Сефер взял уздечку, висевшую на ограде из металлических прутьев, и пошел в сторону Хандакар.

– Скажи, если что надо из села, – шагов через десять он обернулся.

Бедир не ответил, может быть, не расслышал или просто не нашел нужным отвечать. А Сефер убедился, о чем подумал сразу, что тот не один, а с Герекмаз, которая в последнее время появлялась здесь часто. Бедир принял от нее пакеты, и они пошли к дому.

– Нехорошо, родич, – проговорил старик, продолжая свой путь. – Совсем нехорошее дело получается...

Сефер знал, где пасется его кобыла. Хандакар – урочище небольшое и удобно тем, что там скотина не могла потравить посевы, залезть в огород или сад. Сюда на луга спешили и коровы, отделившиеся по недогляду от стада, и лошадь или осел, отпущенные хозяином после работы. Когда он приближался, несколько лошадей, и среди них его кобыла, подняв голову, посмотрели в его сторону.

– И бешеный Тагира здесь, – сказал про себя Сефер. – Теперь он не даст мне поймать кобылу.

Он вспомнил случай, происшедший несколько дней назад. Утром, вернувшись из села с едой, он увидел у Белого дома Мишку Тагира. Жеребец не находил себе места, пока Сефер седлал кобылу, становился на задние ноги, передними потрясал в воздухе и остервенело ржал. Сефер хорошо разбирался в лошадях, видел, что это жеребец горячих кровей, слишком своенравный и подсказал Тагиру, что надо делать.

– Дорогой Сефер, что ты мне советуешь? – даже обиделся тот. – Как я могу ездить на мерине? Конь хорош горячий. Потому он и конь, а не осел...

– Он кидается на людей. Смотри, как бы не натворил что.

– И ты, всю жизнь объезжавший лошадей, его боишься? – засмеялся Тагир.

Кобыла, как только с нее сняли узду, рванулась к жеребцу. Сефер смотрел на них издали: животные закружились, как парень и девушка в огненном танце. Блестя иссиня черной шеей и сильными задними ногами, Мишка показывал все, на что он способен. А кобыла вертелась на месте, помахивая редковолосым шлейфом хвоста. Оказывается, вот как они ждали встречи и какую радость она им доставила! Наверное, не желая, чтобы человек был свидетелем их игры, животные стремительно ускакали в сторону Хандакар. Сефер их больше не видел до полудни следующего дня. А когда он пошел за кобылой, Мишка не подпустил его к своей подруге. Не повторилось бы и теперь то же самое...

– Как бы он не кинулся на меня. Даже палку не взял...

Неожиданно Мишка, горячась, заржал. Сефер решил не обращать на него внимания. Кобыла сделала несколько шагов в сторону хозяина. Мишка, опять заржав, остановил ее, а сам, задрожав от остервенения и вскидывая задние ноги, пошел на Сефера.

– Ей-богу, все повадки бешеного, – проговорил он. – Может затоптать, убить...

Он отошел назад и сел в тени молодого тополя, но ненадолго: вспомнил ли старик свою молодость, когда он был силен, понадеялся ли, что кобыла подчинится хозяину, но он встал и направился к лошадям. Кобыла, которую он никак не называл, хотя владел ею давно, глядя на него, медленными шагами шла навстречу...

Увидев Сефера, Марат озлобился еще больше: «Этот ходит здесь, а Бедир с Герекмаз в Белом доме. Моему же никчемному брату ни до чего нет дела...» Его мысли прервало фырканье и грозное ржание жеребца Тагира. Видя, что кобыла оставила его и идет к

хозяину, жеребец совсем озверел и заметался. Неожиданно он поднялся на задние ноги, потом рванулся и поскакал, не разбирая дороги. Бросился в одну сторону, в другую, попробовал завернуть кобылу, опять поскакал. Кобыла только чуть задержалась и, даже не посмотрев на жеребца, продолжала приближаться к хозяину. Мишка, взбесившись, бросился на человека... Охваченный ужасом, Сефер не успел убежать. Словно громадная черная тень, жеребец настиг его, ударив копытами, прибил к земле...

Марат стоял, как вкопанный, не веря своим глазам... Жеребец поднимал и опускал ноги, забивая копытами поверженного человека. Не может быть... Чтобы лошадь человека... Марат рванулся вперед, не отрывая глаз от происходящего, а потому падая и поднимаясь. Но он был далеко. Жеребец продолжал расправу над человеком: схватив зубами, он поднял его, несколько раз качнул из стороны в сторону и бросил. Опять побил копытами. Опять схватил зубами, поднял, покачал, бросил. Жеребец весь в поту, в паху побелело от пены, раздувая ноздри, злобно фыркает...

– Мишка! Мишка! – завопил Марат, приближаясь. – Отойди, проклятый! Убьешь его!

Споткнувшись о что-то, Марат упал и ударился лицом о землю. Посмотрел и увидел кол с куском закрученного провода на конце. Схватив его, Марат кинулся на жеребца. Кола ли испугался жеребец или решил, что добился своего, но он оставил Сефера и поскакал, вскидывая то передние, то задние ноги, то подпрыгивая на всех четырех ногах, что было похоже на исполнение танца победы.

Сефер еще дышал, но все тело его было разбито и искромсано, лицо его походило на изрубленный кусок мяса... Марат, потрясенный, не зная, что делать, шагнул в одну сторону, потом в другую, несколько раз позвал Сефера по имени. Потом он вспомнил, что Бедир в Белом доме, и побежал...

Бедир с Герекмаз, уединяясь, давно уже не произносили приятные для обоих слова, в них не было необходимости. Теперь им требовалось, без сладких слов, заверений в любви и клятв, гасить в себе огонь желания, постоянно вспыхивающий, и в этом они себе никогда не отказывали, несмотря на то, что их отношения, начавшиеся тайно, для всех стали явными.

Их спокойствие нарушил приближающийся громкий голос.

– Похож на голос Марата, ей-богу! – испугалась Герекмаз.

– Думаешь, он зайвится сюда? – прислушиваясь, насторожился Бедир.

– Он раньше всех догадался о наших отношениях, – Герекмаз посмотрела сквозь жалюзи в сторону Хандакар. – Каждый раз, когда ты приезжаешь, он отключает станок и следит за нами.

– Откуда ты знаешь? Нарик сказал?

– Нарик до этого нет никакого дела, – она вернулась к Бедиру. – На первых порах поднимал шум, два раза даже ударил меня. Потом успокоился. Наверное, побоялся потерять работу.

– А тебя потерять можно. Так, что ли?

Марат закричал очень близко. Охваченная страхом, Герекмаз сказала:

– Выходи же, не пускай его сюда! С каким лицом я покажусь ему?

Бедир, ничего не говоря, вышел. Когда он спустился во двор, Марат от ворот сказал:

– Там, на Хандакар, погиб Сефер!

Бедир не расслышал или не понял его и спросил:

– Что тебе здесь надо, Марат? Почему ты, бросив работу, ходишь за мной?

– Сефер погиб, Сефер!

– Не говори глупостей. Уходи и займись своим делом, Марат. И не лезь туда, куда не следует.

В воротах они стали друг против друга.

– Не лезь в эти отношения, Марат, – преградил ему дорогу Бедир.

– Твой дядя Сефер погиб, ты понимаешь меня? – Марат отступил на шаг.

– Как дядя Сефер погиб? Он недавно ушел отсюда. Где он?

– Там, на Хандакар.

– Что ты хотел от него? Герекмаз со мной, а не с ним.

– Пропадите вы пропадом, и Герекмаз, и ты! Пусть пропадет и мой брат, который до сих пор оставил вас живыми! Жеребец, Мишка, и тот не вытерпел. Убил Сефера, не дал увести от себя кобылу.

– Дядю Сефера убил Мишка? – поразился Бедир. – Ты смеешься надо мной, Марат? Оставь меня и уходи, пока я не разозлился.

– Ты мне это говоришь? Ждешь, чтобы я разозлился? Я тебя убью как собаку, негодяй, разрушающий чужую семью! Пойдем, говорю, может быть, живой еще, увезем его!

Марат, повернувшись к нему спиной, пошел в сторону Хандакар. Бедир сделал следом за ним несколько шагов, потом быстро вернулся к машине. Он достал из-под заднего сиденья ружье и поспешил за Маратом.

Сефер был недвижим, но еще дышал. Бедир с Маратом, потрясенные, смотрели на его окровавленное лицо.

– Гони машину, отвезем к доктору, – сказал Марат.

– Что тут сделает доктор?..

Он пошел не за машиной, а, взведя «винчестер», в другой конец Хандакар.

– Я покажу этому Мишке! – заорал он. – Я ему покажу!

Мишка, увидев приближающегося Бедира, вскинул голову, раздувая ноздри, зафыркал, негромко заржал. Бедир был разъярен; жеребец, вскидывая задние ноги, перебегал с места на место, дожидаясь, что же будет делать человек. Потом жеребец, высоко подняв голову, пошел ему навстречу. Увидев это, Бедир приложился и выстрелил. Жеребец стал, как вкопанный, в следующее мгновение отшатнулся назад, но устоял на ногах. Бедир опять взвел курок и выстрелил. Жеребец, оседая, задом ударился в землю. Упираясь передними ногами, он хотел подняться, но не сумел.

– Хорошо тебе было, когда убивал человека? – закричал Бедир, с взведенным ружьем обходя животное кругом.

Жеребец смотрел на него вылезшими из орбит глазами. Может быть, он хотел узнать, почему этот человек так враждебен к нему. Но, ничего не поняв, он вновь попытался поднять свое сильное тело. Он уже не ржал и не фыркал, только смотрел удивленно глазами, ставшими большими, как озера, на человека. Неожиданно его голову, покачивающуюся из стороны в сторону, пронзила мгновенная боль. Бедир выстрелил в третий раз. Голова жеребца упала на землю, из раздувшихся ноздрей, спадая, с шумом вышел воздух, как из проткнутого бурдюка. Большое туловище перестало двигаться.

Марат хотел уйти, заметив, что Бедир разъярился от вида картины совершенного им самим убийства, но тот остановил его, закричав:

– Ты куда бежишь? Я погоню машину, поможешь увезти дядю Сефера.

Тагир вышел из леса у нижнего края Хандакар, когда «джип» Бедира стремительно проехал, подняв пыль и попрыгивая, по малоезжему проселку и исчез.

– Сукин сын, ни стыда не осталось, ни совести, – проговорил Тагир. – Как ни приедешь сюда, всегда встречаешь его с чужой женой. Не мужчина Нарик, что терпит это.

Тагир дошел до середины Хандакар, но не увидел ни лошадей, ни другую пасущуюся скотину. Наконец, он крикнул:

– Мишка! Мишка!

Вдруг он увидел, что от молодого тополя кто-то машет ему рукой.

– Это Марат, – проговорил он. – Он тут что делает? Не от него ли удирал Бедир? Но откуда у Марата ружье? Неужели он решился стрелять? В Бедира или в Герекмаз?

Когда Тагир подходил, Марат на что-то присел. Тагир не успел что-либо спросить – его пробрала дрожь: он заметил очертания лежащей лошади.

– Мишка! – закричал он. – Мой Мишка!

Жеребец лежал на боку, вытянув ноги, с сильно вздувшимся животом, который, казалось, вот-вот лопнет. Марат сидел на гладком толстом лошадином бедре. Он, не поднимая голову, указал Тагиру на уже затвердевшую на траве кровь, вытекшую из пулевых ран в голове и на груди лошади.

– Кто?! Почему?! – завопил Тагир, наскакивая на Марата.

– Бедир, – вставая, непонятно равнодушным тоном ответил Марат. – Он увез мертвого Сефера.

– При чем тут Сефер?! При чем Мишка?!

– При чем тут Марат? – и так скажи, Тагир! – взорвался и Марат. – Да, я следил за Бедиром. Но я забыл о нем, когда увидел, как Мишка убивал Сефера. Да, твой жеребец убил! За то, что он хотел увести кобылу. Да, животное убило, о котором мы думаем, что оно ничего не мыслит, не имеет гордости и достоинства.

Тагир и Марат долго сидели, поглядывая, как из ран лошади все вытекает, не кончаясь, кровь, затвердевая еще на блестящей коже. На глаза Тагира несколько раз наворачивались и высыхали слезы.

«Хотя бы капельку-другую от крови жеребца Тагира моему брату, – думал Марат, – Был бы мужчиной...»

– Бедный Сефер, – промолвил Тагир. – Целого села стоил человек. – Мой конь убил его. Как мне смотреть в глаза людям?

Перевод с лезгинского Гаджи Ильясова

Гебек КОНАКБИЕВ

Гебек Арзулумович Конакбиев – народный писатель Дагестана, поэт, прозаик, драматург, журналист. Родился в 1961 году в селе Эндирей Хасавюртовского района Дагестана. Учился в Дагестанском сельхозинституте, окончил журналистское отделение ДГУ. В разные годы работал главным зоотехником в родном колхозе, корреспондентом, заведующим отделом газеты «Кумыкская равнина», генеральным директором районного телевидения «Айташ», собственным корреспондентом республиканской газеты «Елдаш», с 2021 г. – главный редактор этой газеты. Является редактором национального вещания РГВК «Дагестан». Автор 20 книг на кумыкском и русском языках, 5 пьес, на его стихи написано более 300 песен. Лауреат Государственной премии Республики Дагестан. Пишет на кумыкском и русском языках

В автобусе

Рассказ

Была суббота. В этот день недели в селе, обычно, большое оживление. Многочисленные пассажиры с «боем» брали автобусы, отъезжавшие в город, набивали их до предела, что могло показаться, что скоро в селе не останется ни одного жителя.

Вот и сейчас, «вздутый» с двух краев автобус только тронулся с места, как водитель резко затормозил, приметив молодого парня, бегом догоняющего автобус. Подойдя к окну водителя, парень жалобно взмолился:

– Нельзя ли чуточку подождать?

– Можно, чего уж там, – ответил водитель и заглушил мотор.

Беседа между пассажирами оживилась, передние перекликнулись словечками с сидящими сзади.

– Шофер, почему стоим? – робко спросила старушка, сидевшая на первом сидении.

– Человека одного ждем. Что, подождем еще? – обернулся водитель к пассажирам.

– Куда спешить, подождем, – откликнулись одни, когда другие промолчали, нахмутив при этом брови.

Прошло полчаса. Водитель, озирая задний план через боковое зеркало, произнес:

– Никого не видно, поедem, пожалуй.

– Прощу вас, подождите еще немного, – попросил опять молодой человек.

– Не мать ли должна прийти? – спросил в сердцах водитель. Парень утвердительно кивнул головой, покраснев при этом до кончиков ушей.

– Так пошел бы ей навстречу, помог бы, сумки у нее, небось, тяжелые, – посоветовал водитель.

– Да нет у нее сумок, – промямлил парень и, наклонившись к водителю, прошептал ему на ухо:

– Честно признаться, девушку свою дожидаясь.

– Вах! – встрепенулся тот, и добавил: – Тогда обязательно подождem.

– Прощу тебя тише, видишь тех стариков, так один из них, что с бородой – мой дядя, старший брат отца, – предупредил молодой человек.

Прошел час.

– Слушай, кого так долго ждем, когда же, наконец, поедem? – крикнула женщина, везшая кур на продажу.

– Да, утренний базар не сравнить с вечерним, – протяжно вздохнула другая, проверяя яйца, аккуратно уложенные в пластмассовое ведро.

– И то правда, – недовольно буркнули двое на задней площадке, подправляя мешки с луком и вениками.

– Ну-ка, я вам немного поиграю, пока стоим, – схватила за гармонь женщина-музыкант, которую тем утром ждали на свадьбе.

Ее напарник, барабанщик, оправившись от дремы, тотчас схватился за палочки и тихонько, в такт мелодии застучал по барабану. Молодого человека, не успевшего еще толком протрезветь после бурной ночи, потянуло танцевать. Сместившись чуть назад, пассажиры освободили ему небольшую площадку. Вслед за парнем вспомнили свое танцевальное мастерство и старики. Затем танцы плавно перешли к песням. Четверо стариков вспоминали былое и вдруг громко захохотали, видимо, вспомнив о чем-то смешном. Пассажиры переглянулись, посмотрели наружу.

...Уже смеркалось.

Кое-кто потянулся домой: кто за скотиной присмотреть, а кто ужин приготовить. Женщина вытащила из мешка и подарила один веник водителю, чтоб чистоту навел в салоне. Оставшиеся пассажиры собрали у кого что есть и организовали ужин. Некоторые начали обустраивать свой ночлег. Старики стали разговаривать шепотом. Женщина, везшая семечки на продажу, не оставила кур без вечернего корма.

...Прошла неделя.

В автобусе остались лишь сидячие пассажиры. Если временами кто и заходит в него, тотчас же его покидает, узнав, что люди в автобусе ждут одну девушку. Старики перешли на другую тему. Женщина-врач достала календарь и вычеркнула из своего отпуска неделю. По утрам многие уходят на работу, а вечером опять возвращаются в автобус. Молодой парень из задней части салона влюбился в девушку, собравшуюся с мамой в гости. Девушка прознала об этом и временами, улыбаясь, оглядывается назад, зажигая огонь в груди у молодого человека.

Парень, ожидающий свою девушку, начал писать стихи. За прошедшую неделю исписал целую тетрадь. Показал их водителю, тот попросил прочесть их пассажирам. Теперь всем стало ясно, из-за кого столько времени стоит автобус. Парень краснел, читая первые стихи, но затем голос его окреп, и он уверенным голосом объявил всем присутствующим, что будет ждать суженую до конца. Часть слушателей посоветовала парню опубликовать стихи в газете. Он так и поступил.

...Прошел месяц. Прошла и зима. Теперь в салоне автобуса стало теплее. Про чувства парня из задней части салона к девушке с мамой стало известно всем. Решили отправить стариков к родителям девушки, если, конечно, они закончат свой разговор. Куры стали живее и уже начали кудахтать. Одна из них ночью взобралась на ведро с яйцами и просидела там до утра. Пришлось расселить их по разным углам и подложить под них яйца. В мешке с луком уже проросли ростки. Пассажиры дружно взялись за работу и посадили около автобуса несколько грядок лука. Салон автобуса поделен на аулы: Правый, Левый, Передний и Задний. Водителя единогласно избрали агитатором-политинформатором. Он слушает приемник и докладывает обо всех новостях пассажирам.

Парень читает свои новые стихи. Приступил к написанию романа. Кто-то зашел в автобус и, поняв, кого ждут, объявил, что ее недавно похитили и в прошлое воскресенье состоялась ее свадьба.

– В нашем селе невозможно такое коварство! – произнес в сердцах один из стариков.

– У нее славный род! – подхватила родственница девушки.

– В таком случае поедem, – сказал водитель, припоминая черную «Волгу», пулей проскочившую мимо них около месяца назад.

– Я не верю этому! Прощу вас, подождem еще немного, – стал опять просить парень.

– Чего уж там, подождem, – согласился сердобольный водитель.

...Прошел год.

За это время водитель полностью отремонтировал свой автобус. У парня-стихотворца вышла из печати первая книга. Пассажиры, наконец, сыграли свадьбу парня из «Нижнего аула» с девушкой с мамой, и их тотчас отпустили домой. Старики в воспоминаниях дошли до своих юношеских возрастов. Куры, все как одна, высидели цыплят. Цыплята вылупились бойкие такие, растут не по дням, а по часам. Две пассажирки родили: одна девочку, другая – мальчика. Девочку называли Дорогая, а мальчика – Дорогой. Женщина-врач регулярно проверяет их состояние.

...Прошло три года. Водитель покрасил автобус в желто-оранжевый цвет. Парня приняли в Союз писателей. У женившейся в автобусе пары уже растет двухгодовалый сын. Они временами навещают маму, оставшуюся в автобусе. У стариков закончились рассказы. В мешке осталось только четыре веника, остальные износились, и женщина подумывала, не вернуться ли ей домой. Однако передумала, узнав, что цены на веники сильно подросли. Сзади автобуса соорудили маленькую птицеферму...

– Может, хватит ждать-то? – устало произнес один из стариков.

– Конечно, хватит, три года уже ждем, может, и не придет она вовсе, – поддержала женщина с вениками.

– Лук, говорят, подорожал, – жалобно произнесла женщина с мешком лука.

– Уже третьему сыну свадьбу собираются играть, – объявила женщина-музыкант.
– Туда хотя бы успеть.

– Давно пора ехать, – отчеканила женщина, собравшая два ведра яиц. С ней согласилась женщина с курами.

– Что ж, тогда поедem, – решил водитель.

– Идет, вот она, идет! – вскрикнул парень, указывая рукой в сторону приближающейся женщины.

Сначала женщина подняла сына на ступеньки автобуса, затем вошла сама.

– К родителям приезжала, как хорошо, что вовремя успела, – призналась она. Обернувшись, она заметила ожидавшего ее парня.

– Ой, и ты здесь? Как дела? Повзрослел, проседь даже в волосах. Говорят, ты стал писателем? Читаем иногда твои стихи. Особенно мой муж обожает их, – выпалила она на одном дыхании.

Парень наш сначала был ошарашен, но затем постепенно ему все стало ясно. Мальчик непрестанно дергал маму за подол платья, спрашивая, почему автобус не едет. Он заметил, что он очень похож на нее. Парень побледнел, покраснел, внутренне сторел...

– Почему не едете, кого-то ждете? – в недоумении спросила женщина. Пассажиры все уставились на парня.

– Поехали, подошла, – вполголоса выговорил он.

Автобус вначале медленно тронулся с места, а затем, набирая скорость, повез пассажиров в город. А я был мужем той женщины, которую они столько ждали. Я спешил, но не успел на тот автобус. И мне оставалось лишь провожать его взглядом и написать этот рассказ...

Авторский перевод с кумыкского языка

Бийке КУЛУНЧАКОВА

Бийке Исхаковна Кулунчакова – народный писатель Дагестана, поэт, прозаик, драматург, переводчик, публицист. Родилась 11 августа 1946 в с. Терекли-Мектеб, Дагестанская АССР. Окончила Буйнакское педучилище и филологический факультет Дагестанского педагогического института. Работала учительницей в сельских школах, на республиканском радио, заведующей Бюро пропаганды художественной литературы и директором Литфонда в Союзе писателей Дагестана. Автор пьес и более двадцати книг прозы и поэзии на ногайском и русском языках. Ныне редактор альманаха «Байтерек» на ногайском языке. Член Союза писателей России. Член правления Союза писателей Дагестана. Заслуженный работник культуры ДАССР и Российской Федерации. Лауреат Государственной премии РД в области литературы. Пишет на ногайском и русском языках.

Дети за домом

Рассказ

Около клуба большого аула Карагас, несмотря на холодный январский ветер, было очень оживленно. Здесь должно было состояться совещание передовиков-животноводов Ногайской степи. Перед клубом стояли чабаны в теплых шубах и вели неторопливый разговор о зимовке скота. Когда к забору подъехали два всадника, все обратили на них внимание. С первого коня слез коренастый невысокий пожилой мужчина в овчинной шубе. Серая каракулевая шапка и седые усы подходили его обветренному художавому лицу. Серые умные глаза смотрели мягко и внимательно. Но, приглядевшись, в его глазах можно было заметить суровость. Несмотря на преклонный возраст, он шел быстро, приветливо поздоровался со всеми, потом оглянулся назад. К нему направлялся второй всадник. Это был мужчина лет тридцати пяти, такой же крепкий и коренастый, как и первый. Чабаны с почтением и любопытством смотрели на них.

– Между прочим, Курман очень похож на Ахмат-ага. Не лицом, а чем-то другим, привычками что ли, – прошептал один другому. Тот серьезно ответил:

– Крепкое дерево всегда дает побеги. Это надо же поставить на ноги девять детей, да еще не своих. А какие замечательные дети!

– Да, – включился в разговор третий, – какое страшное горе перенес, а выстоял все равно. Я тогда бегал босиком еще, но помню его сгорбленную спину, его седые волосы на кладбище, где он часто бывал после работы. Мы думали, он с ума сойдет. Даже сейчас страшно вспомнить об этом.

В это время всех позвали в клуб. Когда кончились доклады, стали награждать передовиков по результатам прошлого года. В числе первых назвали бригаду Ахмата Бекбулатова. Когда поднялся старый чабан, в зале так долго аплодировали, что Ахмат невольно поклонился землякам, потом застенчиво улыбнулся. Рядом с другими наградами на его груди теперь красовался и орден. Наградили и его товарищей. Когда кончилось совещание, Ахмата окружили дети и внуки. Самый старший из детей, Казгерей, позвал всех чабанов в гости к себе. Все его дети, кроме трех, которые еще учились, вышли в люди, овладели разными профессиями, обзавелись семьями. Сам Ахмат жил с сыном и его семьей. Курман работал вместе с отцом, учился заочно в институте. За его детьми, которые ходили в школу, в ауле присматривала бабушка. Старый чабан тоже подумывал об отдыхе.

Сейчас в доме Казгерей было очень шумно, все суеились около Ахмата, внучата лезли ему на колени, а Хадижат смотрела на мужа ласково и радостно. А Ахмату отчего-то было грустно. «Видно, старею, если не могу сдерживать чувства, – думал он, крепче прижимая к себе внуков. – Интересное создание человек. Горюет – плачет, радуется – тоже плачет...»

Когда в доме все заснули, Ахмат-ага тихо предупредил жену, что хочет поехать в свой аул и посидеть немного на кладбище.

– Но ветер какой холодный, ты простудишься на коне, – сказала Хадижат, беспокоясь. – Может, разбудить Казгерей, он тебя отвезет на машине.

Старик об этом и слышать не захотел:

– Ему завтра на работу, пусть хоть немного выспится, а мне не впервой на коне ездить. Я хочу поделиться и с ними своей радостью.

Хадижат опустила голову, потом опомнилась и помогла мужу теплее одеться.

Холодный ветер все еще свистел и метался по пустынным улицам большого аула, когда Ахмат выехал из аула. Но добротные, покрытые шифером дома стояли крепко, и люди в них спали мирным сном. «Может, и тогда дули такие злые ветры, когда моя бедная жена, проклиная войну и судьбу, прижимала к себе голодных напуганных детей. Проклятая война! Ты свела с ума мою жену, самую добрую, самую трудолюбивую женщину, ты отняла у меня молодость, ты унесла моих ни в чем не повинных детей, ты измучила их голодом! Ты и меня хотела сломить, согнуть пополам! Но нет! Этого ты не смогла!» – думал старый чабан с ожесточением. Когда он вспоминал своих первых детей, сердце всегда каменело, делалось злым и жестоким. Но он тотчас вспомнил своих живых детей, тех, кого он смог воспитать, маленьких смешных внуков, и злоба таяла, сердце становилось добрее.

Ахмат доехал до небольшого холма, который стоял на окраине его родного аула. Он стоял, как одинокое дерево. Холм был огорожен металлической оградой. Внутри

– девять маленьких памятников. Десятый, большой камень, стоял в изголовье тех маленьких, как будто охранял покой всех, кто находился здесь. Здесь холодный ветер дул еще сильнее, еще отчаяннее, как будто хотел унести маленькие памятники. Может, для того чтобы люди не так страдали при виде этого холма и забыли его страшную историю, забыли бы войну, которая принесла это горе. И помнили бы только свои мирные радости и горести...

Ахмат-ага дрожащей рукой провел по маленьким памятникам, как бы обнимая каждого из них. Потом, сгорбившись, дошел до большого и сел рядом. Вышедшая из-за туч луна осветила его постаревшее и помрачневшее лицо, потом, как бы испугавшись, снова исчезла. А перед глазами старика, радуя и сжимая его сердце, пронеслись давно забытые дни.

Ахмата родители женили рано. И когда ему исполнилось семнадцать лет, он стал отцом. Потом ему помогали строить дом на окраине аула. «Здесь овец можно много держать, – говорил Ахмату отец, – кругом свободно, рядом с домом могут пастись и ягнята».

И зажили молодые на новом месте неплохо. В маленьком доме становилось все теснее и теснее, потому что у Ахмата увеличивалось не количество овец, как надеялся отец, а детей. Односельчане шутили над парнем: «Он решил окружить себя и барашками и детьми, чтобы веселее было на окраине». Что правда, то правда. Во дворе Ахмата и вправду было шумно. Плакали дети, кудахтали куры, блеяли овцы, мычала корова, лаяла собака, ревел верблюд, на котором возвращался с работы Ахмат. Подвижная, бойкая, веселая Айпара рожала каждый год. Она в колхозе не работала, но и дома ей почти никто не помогал, сама успевала во всем и не жаловалась на трудности. Все удивлялись ее выносливости и энергии, хотя в те времена женщины почти все были выносливыми, физически крепкими. Только что вроде стирала и пекла хлеб Айпара, как вдруг по аулу проходила новость, что она родила сына или дочку. На следующий день ее уже видели во дворе.

– Ты бы хоть день-два полежала, все-таки роды ослабляют, – говорила ей свекровь. Она жила со старшим сыном, недалеко от них. – А я помогу по хозяйству.

Но Айпара застенчиво улыбалась:

– Как у меня хватит совести лежать барыней на тахте и смотреть, как вы трудитесь?! Мне уже лучше, сама управляюсь. Только вот забрали бы к себе Зайрат на несколько дней, а то она тоже требует грудного молока. Не стыдно ей, такая большая.

А этой большой едва минул год, и она все еще тянулась к матери, еле передвигая ножки. Вечером, когда Ахмат приходил с работы, ему издали слышался шум со двора. Заходя во двор, он видел, как старшие бегают, прыгают, средние ходят с куском хлеба или сыра за матерью, а младшие дети сидят на земле и плачут. Айпара не обращала на них внимания, ей надо было подоить корову, сварить вечерний суп или чай, накормить всех, уложить детей, потом стирать их нехитрое белье до боли в руках. Муж жалел ее, он после работы смотрел за скотиной, чистил кутан, укладывал в кучу кизяки, таскал с поля высохшие кураи (дрова), сам мазал дом. Но все-таки основная тяжесть домашних забот лежала на плечах жены. Ахмат так привык к своему шумному двору, что если случалось ему уехать куда-нибудь на несколько дней, то он сильно тосковал по детям. Он видел, что другие мужчины спокойно переносят разлуку с семьей, и потому старался скрывать свои чувства. Но люди замечали его

подавленность. И грубо шутили над ним: «Помутила ему разум Айпара. Чтобы он не сбежал к другой женщине, окружила его со всех сторон детьми».

Тогда Ахмат не на шутку злился:

– Оставьте моих детей в покое! Они к вам за куском хлеба не ходят. А такую жену, как Айпара, еще поискать надо.

Друзья, видя, что он обиделся, старались его успокоить.

– Да мы пошутили. – говорили они, – У кого нет детей?! У всех много. Пусть растут на здоровье.

Люди очень радовались новой жизни, которая постепенно налаживалась. Рыли канавы, пахали землю, сажали впервые хлеб на своей родной земле. Правда, воды было очень мало, но ее мечтали провести по каналам от Терека, сделать степь зеленой и богатой. Выращивали первые арбузы, первые дыни, слаще которых не было, строили первые саманные дома. Народ только-только от кочевого образа жизни переходил к оседлому. Жить стало легче, народ потянулся к знаниям. Но нагрянула война. В степи о ней не думали, ее совсем не ждали. Горе легло на плечи всех...

Все молодые мужчины получили повестки. Ахмат тоже. Он, конечно, мог сослаться на детей и добиться брони, быть чабаном или трактористом, но ему такая мысль даже не пришла в голову. У кого не было детей? Разве что на двое, трое меньше, чем у него. К тому же он верил, что война очень скоро закончится. Для него она и вправду закончилась намного раньше, чем для других. После второго ранения он долго лежал в госпитале. Потом ему сказали, что он может вернуться домой. Осторожно намекнули, что у него не будет детей. Ахмат тогда беззаботно ответил: «А у меня много детей».

Как он радовался, как спешил домой! Письма ему писала племянница, так как Айпара была неграмотной. Она в последних письмах почти ничего не сообщала о его семье, как будто это не интересовало Ахмата. Он досадовал на нее. Из ее писем он знал одно, что в степи свирепствует голод. Тревога мучила Ахмата, он беспокоился за судьбу детей. Каково им? Что они едят? Как бедная Айпара справляется с голодом? В душе Ахмат очень надеялся на родственников, на колхоз, ведь он за них проливал кровь. Приехал солдат в родной аул и, соблюдая обычай, пошел сначала к родителям. Но его никто не встретил, кроме дочери старшего брата. Она повисла у него на груди и горько заплакала. Когда Ахмат наконец-то зашел в свой дом, то увидел седую женщину, которая лежала на большой пустой тахте. Зашли соседки. Они тоже стали плакать.

– Кто умер? Где родители? Где твоя мать? Кто это лежит на постели? Письма есть от отца? – спрашивал он, не надеясь получить ответ от ревущей девушки. Ахмат разозлился.

– Кто умер? Вы скажете или нет?

– Все, все умерли, – вдруг подняла голову седая женщина.

Ахмат с ужасом узнал в ней свою жену и подбежал к ней.

– Айпара, милая Айпара (он впервые называл ее так ласково по имени), что с тобой? Ты заболела?

Она протянула ему свои худые руки и как-то странно улыбнулась:

– Как я ждала тебя, как ждала! Все время на дорогу смотрела. Но слишком поздно.

– Соседки стали плакать еще громче, тогда Айпара недовольно посмотрела на них:
– Чего вы так много плачете? Голова болит от вашего рева. Я же отвыкла от шума.

Ахмат, ничего не понимая, но чувствуя что-то зловещее в словах жены, крепко взял ее за плечи и не своим голосом закричал:

– Где дети? Где мои дети?!

– Дети? – удивилась жена. – Они же давно отдыхают.

– Они живы или нет? – застонал Ахмат.

Айпара опять странно улыбнулась.

– Дети за домом.

– Сами, одни?! – с надеждой в голосе спросил мужчина.

– Одни, – растянула слова жена. – Скоро и я пойду туда. Надо же присмотреть за ними.

Ахмат выбежал из дома, сделал круг по двору. Здесь было так тихо, так непривычно тихо, что мужчина невольно зажмурил глаза. Сзади его небольшого саманного дома виднелись маленькие холмики. Ничего не понимая, он несколько раз обежал свой двор, ему казалось, что кто-нибудь из его детей сейчас выйдет ему навстречу с плачем или радостным криком. Смотря, кто его встретит, младший или старший. Но здесь было тихо, очень тихо. Как будто двор наслаждался долгожданной тишиной.

Неторопливо, еле передвигая ноги, Ахмат пошел к родителям. Здесь его уже ждали односельчане. Они подняли плач. Ахмат как во сне видел людей. Он никого не узнавал и стоял в сторонке. Соседи подходили к нему и выражали соболезнование за родителей, за детей, все они походили на живые скелеты. И все равно в душе солдата тогда зародилась жестокая мысль: «Почему они живы?! Почему? Почему Бог унес моих детей? За что? Чем я провинился?» Он не мог плакать, хотя знал, что надо оплакивать покойников, иначе горе камнем ляжет на сердце. Но слезы высохли, не успев появиться. Каждый день Ахмат ходил на свой двор и каждый раз его поражала страшная тишина. Он даже не заметил, когда успел поседеть. Через несколько дней умерла жена. Ее похоронили рядом с детьми. Так просила Айпара перед смертью. Ахмат и теперь, спустя много лет, силился вспомнить, о чем же он тогда думал. Наверно, ни о чем. Потому что сердце его с каждым днем каменело, ожесточалось против соседей, родственников, всех, кто не смог спасти его детей от голода. Ему объясняли, что в степи до сих пор свирепствует голод, что многие женщины с детьми поехали рыть каналы или же бродят по хуторам в поисках хлеба, что детям Ахмата помогали и родители, и родственники, и колхоз. Но хлеба настолько было мало, что трудно было прокормить девять детей. Когда старики умерли, Айпара выбивалась из сил, чтобы спасти детей от смерти. Родственники посоветовали ей накормить только двух-трех, чтобы хоть их спасти от голодной смерти. Но мать есть мать. Она не могла решиться на такое. А тем временем дети один за другим стали умирать от голода. Много умерло, даже сил хоронить не было у людей. Айпара с раннего утра уходила в колхоз со старшим сыном, вечером приносила им свой паек. Но дети все время плакали, просили хлеба. Пока женщина ходила из аула в аул, просила помощи у родных, умерли все ее дети. Не выдержав горя, Айпара сошла с ума.

У ногайцев испокон веков был обычай хоронить людей подальше от жилых мест. Потому все кладбища находились в нескольких километрах от аула. Когда умирали

дети, Айпара стала хоронить их за домом. Тогда никто не обратил на это внимание. Когда приехал с фронта брат, то посоветовал Ахмату перенести останки детей и жены на кладбище. Но мужчина и слышать не захотел об этом. Так в ауле появилось кладбище. Соседи помогли Ахмату снести дом, огородить двор и поставить памятники. Все это было потом, когда люди пришли в себя. А до этого все видели по утрам и по вечерам седую голову солдата в пустом дворе. Люди боялись Ахмата. Им казалось, что он сошел с ума. Мужчина работал в колхозной кузнице, ни с кем почти не разговаривал, сгорбился. Ударом тяжелого молотка по металлу старался выбить из сердца душевную боль. Жил как в тумане, не видел чужих страданий. Если ему случалось у кого-нибудь во дворе видеть детей, то с нехорошей завистью думал: «А они-то выжили!» Но война все еще шла, хотя подходила к концу. Люди еще умирали от голода и болезней, с фронта приходили похоронки. Некогда большой аул таял на глазах.

Однажды, возвращаясь с кузницы, Ахмат на окраине аула увидел двух оборванных детей. Они искали яйца птиц в траве. Дети были настолько худы и робки, что Ахмат их невольно пожалел. Впервые у него на глазах появились слезы. Вспомнил своих детей. Ему даже показалось, что это его дети. Расспросив их, узнал, что это дети Янмурзы, который был ровесником Ахмата, ушел вместе с ним на фронт и считался погибшим. Мать болеет, сестренка вчера умерла, а им нечего есть. Взяв детей за руки, Ахмат пришел к ним домой. Молодая хозяйка лежала на тахте, а в комнате было холодно, пахло сыростью. В душе мужчины что-то незаметно сломалось, растаяло. В тот же день он принес им дрова и полчурека хлеба. На следующий день починил им двери и калитку. Дети часто приходили к нему на работу, и Ахмат делил с ними свой обед. Если дети не появлялись, то он скучал по ним и сам после работы навещал их. Мать детей встала на ноги и пошла работать в колхоз. Через месяц Ахмат поселился у вдовы навсегда. Хадижат оказалась мягкой, покладистой по характеру женщиной. Она сумела пробудить в его сердце любовь к детям. Постепенно мужчина крепко привязался к этой семье. Через год их совместной жизни, когда война успела отгреметь, умерла от болезни соседка. Круглыми сиротами остались ее четверо детей. Недолго думая, Ахмат взял их на воспитание. Чтобы спасти детей от голода, Ахмат попросился в чабаны. Как-никак там всегда есть молоко. И овечье, и коровье. Потом, работая чабаном, Ахмат усыновил еще трех сирот. Один из них был сыном его близкого родственника, который не вернулся с фронта, а жена с тремя детьми умерла от болезней. Остальных двух он взял в интернате, когда их хотели отправить в детдом. Сначала Ахмат не думал воспитать именно девять детей, но когда увидел в своем дворе девять детей, то заплакал во второй раз. Ему разрешили держать двух коров и больше, чем у других, овец. Заботы о детях отнимали много сил и времени, он уже стал забывать свое страшное горе.

...Холодный январский ветер немного утих, когда Ахмат-ага не спеша направился к лошади.

Где мой папа?

Рассказ

Пятилетний Алибек – мужчина самостоятельный. И сегодня он, смотрите, возвращается из садика один, гордый и независимый. Не потому, конечно, что никто не пришел за ним – ни папа, ни мама, а потому, что представилась такая ублажающая самолюбие возможность – быть самостоятельным.

На улице вечерело, чистое небо отсвечивало голубизной, и все люди казались нарядными, красивыми. А среди них – маленький Алибек. Праздник, да и только, хотя был обыкновенный будничный день. Алибек не спешил, как и подобает серьезному мужчине. У самого большого перехода через главную улицу, где с пугающим шипеньем проносились бесконечной чередой разноцветные машины, ему тотчас припомнились слова папы. Тот заботливо предупреждал Алибека, что если случится переходить улицу в одиночку, то надо обязательно попросить кого-нибудь из взрослых, чтобы помогли. Алибек так и сделал – потерял за рукав хмурого дядю, который нес в двух сетках увесистые арбузы.

– Чего тебе, малыш? – без особого любопытства поинтересовался тот.

– Акай, помогите мне перейти улицу.

Дядя вдруг широко заулыбался, и его небритое лицо сразу подобрело. Он осторожно опустил сетки с арбузами на асфальт, подхватил на руки Алибека и одышливо побежал на другую сторону. А там бережно опустил малыша на землю.

– Дальше сам дойдешь?

– Дойду, дядя. Спасибо. Вон наш дом. Опасного перехода больше нет, – заверил своего благодетеля Алибек и по-прежнему гордо и независимо зашагал себе дальше по тротуару. Ведь мир, казалось, был так прекрасен, полон красок и звуков, что он не удержался – побежал к дому вприпрыжку.

Алибека можно понять: ведь сегодня воспитательница Сакинат Ильясовна не кого-нибудь, а его поставила всем детям в пример. Она так и сказала:

– Учитесь, дети, у Алибека.

Правда, славный бодающийся козлик из пластилина получился у него нечаянно, но этого он никому не сказал, а просто сидел и сам удивлялся его золотым рожкам, белым копытцам и зеленому хвостику. Бывает ведь, что долго-долго никак не получается, и вдруг – будто не ты лепил, а само получилось.

Воспитательница поставила козлика в застекленный шкаф на самое видное место. Потом о нем все как-то забыли, лишь Алибек поглядывал и поглядывал украдкой на шкаф. А когда после обеда воспитательница велела всем спать, и все действительно уснули, он потихонечку откинул одеяло, затем прокрался на цыпочках в комнату игрушек и принялся зачарованно глазеть на своего козлика под стеклом. Потом погрозил ему пальцем: мол, не балуйся тут без меня. И только после этого он возвратился на свою кроватку и спокойно уснул. А приснился ему удивительный сон.

Алибек удобно сидит у папы на коленях и все рассказывает и рассказывает ему о своей удаче. Папа его понимает, ласково притягивает к себе, потом целует и его, и маму.

Алибеку верится, что вот сейчас, дома, сбудется его сон наяву. И «самостоятельный мужчина», сам того не замечая, уже стремглав несется к знакомой двери, ему хочется, чтобы праздник продолжался.

– Мамочка! – закричал от порога возбужденный малыш и осекся, подавленно затоптался на месте, с испугом взирая на плачущую мать. Она вскинула к нему мокрое лицо и горько всхлипнула.

– Что с тобой, мамочка? – кинулся к ней Алибек.

Мать смахнула слезы, попыталась улыбнуться:

– С кем ты пришел? Тебя папа встречал?

– Нет, я сам! – горделиво вскинулся Алибек и тут же спохватился: – А где папа?

И вдруг он заметил на полу ту самую фотографию, с которой заразительно смеялась мама и жизнерадостно улыбался папа и которая еще утром висела на стене в застекленной рамке. Теперь же стекло было разбито, а фотография разорвана. Тут его осенила недобрая догадка. Мать перехватила его недоуменный взгляд и, всхлипнув, прижала сынишку к груди. А какому же малышу не передается боль и горечь матери?

Тут в комнату вошла соседка Айшат и с понимающим сочувствием прямо от порога принялась успокаивать подругу:

– Никуда он не денется, вернется. Не сможет жить без сына. Выбрось все из головы, не горюй!

– Ушел он... Совсем ушел... Ее предпочел. Даже сына не встретил в садике...

Алибек слушал их и никак не мог понять, что же произошло? Разве может случиться такое, чтобы его самый-самый, его любимый папа куда-то ушел и не вернется? Он разнял материнские руки, опустился на пол и начал старательно, как детские кубики, складывать один к другому обрывки фотографии. Но из них получилась только мама и краешек папиной рубашки... Куда же девался он сам? Алибек потерянно окинул взглядом углы комнаты – клочков фотографии больше не было. Неужели папа оторвал себя от мамы и унес? Зачем?

Алибек забился в свой угол с игрушками и затих. Что-то мама здесь напутала, не может такого быть, чтобы папа не возвратился домой. Ведь он же всегда спал с Алибеком и кушал с Алибеком. Ведь папа всякий раз мыл ему перед сном ноги, вытирал махровым полотенцем со смешным бегемотом посередине. А лежа в постели, папа всегда ему рассказывал одну и ту же сказку. Он, наверное, считал ее самой главной сказкой. Начинал он ее так:

– Жила-была в степи ногайской, где весной расцветают маки и рождается сайгаченок, где ветры гонят перекасти-поле, молодая семья. Отец пас овец, а мать убаюкивала колыбельной песенкой сынишку, который спал в деревянной люльке. Звали его Алибек...

Алибек всегда в таких случаях вскидывал с подушки голову:

– Это обо мне, да?

Когда отец припозднился домой, Алибек мужественно таращил глаза в потолок, боясь уснуть без него, и терпеливо ждал, чутко прислушиваясь к редким шагам во дворе, к случайным голосам. Шаги и голос отца он научился различать издали и всегда норовил выбежать навстречу. Отец подхватывал его на бегу, легко вскидывал над головой и смеялся:

– Расти большой, сынок!

Потом он обязательно доставал из кармана что-нибудь вкусненькое. А мама, как замечал Алибек, сердилась на такие опоздания, особенно когда от папы разило вином. Мама бранила его, а он все больше помалкивал. Тогда Алибек пытался рассмешить их, чтобы они помирились.

...В этот вечер Алибек впервые так и не дождался папы и лег с мамой. Он, конечно, не смирился с мыслью, что папа больше не придет, а просто пожалел ласковую и добрую маму, которая сегодня сделалась такой беззащитной и печальной.

Утром он обнаружил, что папа так и не возвратился, но спрашивать о нем у мамы не стал – решил, как и прежде, терпеливо дожидаться его молча. А мама почему-то не спешила собирать Алибека в садик, она деловито укладывала в сумку вещи, потом обратилась к нему:

– Собирайся, сыночек, поедem к дедушке.

– Ура! – Алибек кинулся обнимать ее и по-взрослому уточнил: – К дедушке и к бабушке.

Суетливо собирая свои вещи, он вдруг с горечью вспомнил о золоторогом козлике, который оставался в детском саду. Эх, шепнуть бы ему, что пропал папа. Может, он разыскал бы его и попросил тоже приехать к дедушке и бабушке.

Старики очень обрадовались дочке и внуку, но недолгой была их радость. Когда мама заплакала и принялась им рассказывать что-то о папе, они крепко озаботились, построжали лицами. Алибеку предложили выйти пока во двор и взглянуть на козлика. И действительно, во дворе оказался самый настоящий, живой козлик. Он так смахивал на того, что остался в садике, будто за одну ночь вырос и пораньше его с мамой прискакал к старикам. Чудо, да и только.

Стоило Алибеку подставить к его носу ладошку, как рыжий козленок смешно вскидывал передние копытца, опускал голову, выставляя перед собой рожки, и норовил забодать его. Алибек ловко отскакивал в сторонку, и козлик начинал гоняться за ним по всему двору. Алибеку чуточку страшновато и занятно. Весело, одним словом. Погодя во двор вышел дедушка:

– Нравится тебе, внучек, козленок?

– Очень, дедушка, а откуда он взялся?

– Не знаю, – лукаво улыбнулся дед. – Взял и объявился.

Алибек начал всерьез подозревать, что это и есть тот самый детсадовский козлик: ведь бывает же подобное в сказках, так почему это не может произойти наяву?

Вскоре возле Алибека захопотала бабушка: и тискала его, жалеючи, и ласкала, как будто он маленький. Никак не может взять в толк, что он самостоятельный мужчина. А бабушка все обхаживала и обхаживала своего внука: то мед подсунет ему, то сметану. Приятно, чего уж там. Жаль только, что нет рядом папы. С ним и радость как-то полновеснее, ощутимее.

– Деда, а правда, мой папа самый-самый хороший?

– Правда, внучек, – старик украдкой смахнул слезу.

– Он скоро вернется к нам, да?

– Конечно, вернется, сынок, – мать обняла его обеими руками.

– Не думала я о нем плохо и не хотела думать, но он поступил дурно, – проворчала в сердцах бабушка и добавила: – Лучше бы он умер.

– Замолчи! – прицыкнул на нее старик. – Не видишь, внучок прислушивается ко всему. Пусть и тень горя не омрачит его жизнь.

Что-то неладное творится с его папой. Видать, стряслась какая-то неприятность, которая всех встревожила. Но разве бывает так, что человек был всегда хорошим и вдруг сделался плохим? Надо, чего бы то ни стоило, найти папу и спросить его, почему не возвращается домой.

Прошел день, другой, и козлик уже не радовал его, перестали вызывать интерес и соседские дети. Заскучала и мама. А еще через день она засобиравлась с Алибеком в обратную дорогу, несмотря на просьбы стариков побыть еще немного.

Возвращаясь домой по пыльной степи, Алибек был уверен, что на крыльце их встретит безмятежно улыбающийся папа. Но крыльцо оказалось пустым, а дверь на замке.

– Мама, его нет!.. – в горестном удивлении воскликнул он.

– Кого? – не сразу поняла мать.

– Я думал, папа будет ждать нас, – виновато пояснил Алибек.

– Не будет – и не надо! – сердито оборвала его мать. Такой ответ пришелся малышу не по душе. И он настырно потребовал иного ответа:

– Скажи, мама, где наш папа?

– Нет его! Умер он. И не спрашивай меня больше! – сорвалась на крик мать.

– Неправда! – тоже закричал Алибек, вырвал свою руку из материной и, всхлипывая, убежал в самый угол двора, где за большим тутовым деревом его никто не мог видеть. Алибек знал, что не мог папа умереть. Он ведь такой большой и сильный и никогда не болел. Но если он жив, так почему не возвращается? Разве он не знает, как Алибек хочет его видеть?

Через неделю мама занемогла и слегла. А папа все не приходил и не приходил.

– Мамочка, прошу тебя, не умирай, – плача, просил ее Алибек. – Я больше не буду спрашивать о папе.

Малыш впервые засомневался в своем папе: неужели он плохой, неужели даже не проводит больную маму? Ведь должен он знать, как им плохо без него.

За матерью начала присматривать тетя Айшат, она жалела ее и всячески утешала. Алибек самостоятельно уходил в садик, самостоятельно возвращался домой, хотя тетя Айшат поругивала его за такие действия, требовала, чтобы он дожидался ее. А козлик из шкафа за стеклом однажды исчез. Алибек тешил себя потайной мыслью, что тот превратился в настоящего и отправился на поиски его папы. Ведь поведал Алибек ему несколько дней назад шепотом о своем горе, тот внимательно слушал... Правда, он видел на полу разноцветную пластилиновую массу, но она не могла быть его золоторогим козликом.

Возвращаясь из садика, он теперь не радовался своей самостоятельности, не с кем было поделиться этой радостью. И он пристально заглядывал в лица прохожих и с надеждой вопрошал:

– Вы не видели моего папу?

– А кто твой папа? – удивлялся случайный прохожий.

– Неужели вы не знаете моего папу? – еще больше удивлялся сам Алибек.

– Нет, малыш, не знаю, – сокрушенно разводил руками прохожий и спешил дальше, а Алибеку оставалось лишь озираться по сторонам: вдруг кто-нибудь знает его папу.

Одна полная и одышливая тетя на его вопрос заверила Алибека, что его папа дома и давно дожидается его, потому что всем папам полагается быть дома.

Алибек стремглав понесся домой, но папы там не оказалось. И он горевал: такая большая тетя и так бессовестно его обманула. Зато как мама обрадовалась его приходу! Потом, правда, рассердилась на то, что Алибек не дождался тети Айшат.

– Ты не беспокойся, мама, – вдохновенно заверил ее Алибек. – Я никогда не уйду из дома, как папа. Я всегда буду вовремя возвращаться. А у большого перехода я всегда попрошу какого-нибудь дядю, чтобы помог перейти.

Мама засмеялась, прижала его к себе и сказала!

– Ты у меня – мужчина самостоятельный, – но потом вновь нахмурилась и строго добавила: – А из садика сам не уходи.

Но не послушался на другой день Алибек маму и вновь ушел из садика один. У большого перехода через главную улицу он остановился, терпеливо дожидаясь, когда красный огонек светофора осадит стремительный бег машин, и выискивая глазами предполагаемого взрослого помощника. В двух шагах от Алибека стоял представительный дядя и весело разговаривал с тетей, держа ее под руку. Алибек подошел поближе и потянул его за полу пиджака:

– Помогите мне, дяденька, перейти улицу.

Тот резко обернулся к нему и... Такого Алибек не ожидал. Перед ним с чужой тетей под ручку стоял его папа. Тот как-то суетливо повел туда-сюда глазами, открыл было рот, пытаясь что-то сказать, но Алибек, встретившись взглядом с тетей, глаза которой подозрительно сощурились, отшатнулся. Он передумал кидаться к папе еще и потому, что тот, оказывается, жив-здоров, но ни к нему, ни к больной маме не приходит, а гуляет себе с чужой тетей, сразу сделавшись чужим и сам.

– Сыночек, ты что? – видя, как настороженно пятится от него Алибек, заговорил наконец папа и, высвободив свою руку из тетиной, подался к нему, но Алибек, круто развернувшись, рванулся бегом через улицу. И тотчас в уши вонзился раздрающе-визгливый скрежет тормозов...

Движение застопорилось. Перепуганный до меловой белизны в лице, выскочил из кабины водитель «Жигулей» и подхватил на руки безжизненное тельце ребенка;

– Чей он?

– Это мой сыночек, мой Алибек! – отчаянно закричал и ринулся к шоферу отец малыша.

– Его надо срочно в больницу. Садитесь в машину! – повелел шофер.

Отец бережно и осторожно подхватывает сына на руки и садится с ним в машину. Та срывается с места...

– Сыночек, – шепчет потерянно отец не приходящему в сознание малышу, – прости меня, родной, прости... – а по щекам бегут слезы запоздалого раскаянья.

Перевод с ногайского языка Мдины Даибовой

Шахвелед ШАХМАРДАНОВ

Шахвелед Ибрагимович Шахмарданов – народный поэт Дагестана, поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1948 году в селении Яргиль Хивского района Республики Дагестан. Окончил Дербентское педагогическое училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Работал учителем, научным сотрудником Дагестанского НИИ им. А. А. Тахо-Годи, редактором детского журнала «Соколенок» на табасаранском языке и руководителем табасаранской секции Союза писателей Дагестана. Автор восьми книг поэзии и прозы. Член СП России, член правления Союза писателей Дагестана. Заслуженный работник культуры РД. Награжден Почетной грамотой правительства РД, именными часами Председателя Госсовета РД, памятной медалью им. А. Грибоедова, почетной грамотой СП России, премией Международного фонда Р. Гамзатова. Ветеран труда. Пишет на табасаранском языке.

Груша изаган

Рассказ

Расскажу-ка я тебе о грушевом дереве, что растет у нашей усадьбы. Пожалуй, прежде всего ты захочешь узнать, культурное оно или выросло из дичка, и будешь прав, ведь само словосочетание «грушевое дерево» не дает ответа на вопрос, к какому же виду оно относится. Так вот, я могу покривить душой и сказать, что это дерево садовое, но как бы я того ни желал, таковым оно не станет. А назвать его диким язык не поворачивается. Понимаешь меня? Не могу! Ей-богу, правильно сказано, самое трудное, это отвечать на простые вопросы, потому я его по-простому и называю: грушевое дерево. Почему у меня к нему такое отношение, возможно, ты сам поймешь из того, что я тебе расскажу.

Растет, значит, груша у нашей усадьбы, точнее, прямо на меже с соседским участком, хозяин которого приходится нам дальним родственником, где-то в шестом

колене по отцовской линии. И, кажется, что ее там посадили специально, между двумя участками, чтобы отметить межу, но я твердо уверен, что никто ее не сажал. По словам нашего деда, кому сейчас идет сто тринадцатый год, она стоит там с незапамятных времен.

– Как помню себя, это благословенное дерево там и стоит, – сказал он однажды, отвечая на мой вопрос. – И твой прадед с малых лет знал его вот таким, крепко вросшим в землю корнями на том самом месте. Потому оно и носит имя твоего предка.

Да, это правда, сельчане называют его грушей Амирхана. Есть у нас такой обычай: плодovому дереву, которое растет у полевого или лугового участка ли, у огорода ли, даже у дома того или иного человека, присваивается имя его хозяина. К примеру, в угодьях нашего села можно встретить грушу Мирзахана, или грецкий орех Усмана, или яблоню Байбута и много других плодovых деревьев с именами. Как можно догадаться, когда-то они росли в наделах, принадлежащих тем людям, а теперь ставшими общественной землей. И эти деревья и сегодня продолжают играть, в чем я уверен, немаловажную роль в географии села: если мальчишке, несущему еду отцу на луг, сказать: «Они косят около яблони Байбута», или, когда убирают хлеб: «Мать в поле, что ниже груши Мирзахана», – то даже самый маленький поймет, куда ему следует идти.

Правда, грушу Амирхана, в отличие от некоторых других деревьев с именами, упоминают не так часто, возможно, потому что она находится недалеко от села и вблизи нет общественных угодий... Но почему ей дали имя нашего прадеда, а не дальнего родственника по соседству? На это тоже имеется своя причина: груша находилась посередине поля Амирхана, а когда в селе организовали колхоз, нижнюю часть поля забрали, а верхнюю, уважив просьбу прадеда, оставили у него, и таким образом за грушей сохранилось его имя, и в то же время она оказалась на меже.

Как бы то ни было, неизвестно, когда здесь появилось грушевое дерево, и было ли оно кем-то посажено. Ведь могло же оно вырасти и само... Но, чтобы дерево выросло само по себе, рядом должно было находиться хотя бы еще одно такое же, его предок, а тут нет такой груши. Возможно, была раньше? Нет, не было, дед говорит, что он не знает, даже его дед не помнил здесь другой груши. А, знаешь ли, как долго живет грушевое дерево, – до двухсот лет...

Одна груша растет ниже родника Тахришид, у дороги, что ведет в село Куг. Это дикая груша, которую называют птичьей, с мелкими плодами. Когда они даже созревают, сердцевина у них остается каменно-твердой. А какие груши на нашем дереве, я тебе еще не говорил! Они тоже мелкие, как грецкий орех, но их можно есть и зелеными. Если я скажу, что они даже зелеными не горчат и не вяжут рот, ты, конечно, не поверишь. Когда дикая зеленая груша была сладкой? Лишь созревая, при этом их семена обретают коричневый оттенок, их вкус меняется, становится сладковатым. Зато дикие груши очень сочные и мы, дети, много их ели, делая из них «грушевые мельницы» – перетирки.

Ты не знаешь, как из груш делают мельницы? А вот так. Берут две груши, от каждой немного откусывают, с трудом вонзая в них зубы, и теми местами начинают тереть друг об друга круговыми движениями, подобно жерновам мельницы. По краям груш накапливается протертая сочная мякоть, которую и слизывают... Во рту аж слюна образовалась! Ел же я их, делая «грушевые мельницы», когда был маленьким! От

постоянного облизывания груш язык становился белым-белым. Когда вот так едят, даже самые горькие груши перестают быть таковыми, становятся приятно сладковатыми... Мы ходили с набитыми карманами, а у кого не было карманов, те набирали груши в штанины, у щиколоток стянутые резинкой, или за пазуху. В таких случаях, смеясь, тыкали пальцем во вновь появившееся пузо и спрашивали: «Что такое?! Девочка или мальчик?...» О времена «грушевых мельниц»!..

Из наших груш особенно хорошие «мельницы» получаются, я же говорил, что они очень сочные. А так их можно есть лишь после того, как почернеют семена. Ты не поверишь, если я скажу, что в них нет сердцевины, вот они какие! То есть, сердцевина, конечно, у них имеется, но такая маленькая и мягкая, что, когда ешь, ее просто не замечаешь. Поэтому спелую грушу с нашего дерева, держа за ножку, просто отправляешь в рот.

– От этого благословенного фрукта нечего выбрасывать, – бывало, говорил дед, – засовывая и выкидывая ножку. – Были бы зубы острые, и ножку съедал бы. А какой вкус! И в райском саду вряд ли растут такие плоды...

Как известно, груши созревают по-разному: одни прямо на дереве, еще твердыми, обретают желтый оттенок; другие, созревая, становятся темно-синими; третьи твердыми и, нисколько не изменившись в цвете, падают под дерево; четвертые сначала надо сорвать с дерева, принести домой и положить в сено или полову, где они и дозреют... У наших же груш сначала темнеют семена, через неделю они начинают желтеть, как-то по-особому, излучая сияние, напоминая набат-сахар; если всмотришься пристально, то тебе покажется, что видишь семечки внутри груши. Только полностью созрев, они падают с дерева, но лакомиться ими не всегда удастся. Ведь сельские дети тоже не дремлют. Поэтому мы рано утром, едва над рощей Ягва заалет небо, летели к груше, пока не успели чужие. А если ночью поднимался ветер, то под деревом низкая травка желтела от плодов!

Особенно любили, можно сказать, обожали наши груши синицы. Я с интересом наблюдал за ними, клюющими груши, и мне казалось, что при этом их грудки еще больше желтеют. Может быть, и вправду наши груши каким-то образом влияли на цвет их грудок...

Кроме упомянутой мной, птичьей, груши, ближе всех к нашему дереву, в полутора километрах от него, в поле Агада, находится еще одно, называемое изаган, с плодами очень твердыми и такими горькими, подобные отраве... Признаться, я не знаю, насколько отравя бывает горькой, но когда возникает разговор о грушах изаган, все отмечают: «Горькие, как яд». А твердые-то, я имею в виду, еще зеленые. Не откусишь, зубы просто поскользнутся, оставив едва заметный след на боку груши. Вот почему они не возбуждают особого аппетита у сельской детворы. Но спелые изаган очень вкусны; созревать они начинают изнутри и, полностью созрев, обретают цвет железа.

Встретив человека с мрачным лицом, обозленного, разгневанного, говорят: «Ты, наверное, в поле Агада пошел!» Или: «Кто заставил тебя откусить от груши Агада?» И еще: «Почему ты такой, будто съел грушу Агада?» Как видишь, между нашей грушей и той, что растет в поле Агада, разницы больше, чем между конем и ишаком. Если плоды на первой – мед, то на втором – отравя. Нет, изаган не из предков нашей груши.

– У этой груши хороший характер, – говорил дед.

Впервые услышав от него такие слова, я удивился, подумал: «Разве дерево обладает характером? Какое у него может быть милосердие? Просто дерево, и все, как и все прочие...» Но теперь я понимаю, что дед был прав: деревья и травы, звери и птицы, как и люди, имеют свой характер, среди них тоже есть хорошие и плохие, добрые и злые, красивые и невзрачные. Исходя из этого, и предки нашей груши, подобно ей самой, были с хорошим характером. Я выведываю о них сведения, но верную дорогу к ним не нахожу, но и надежду пока не теряю...

Других грушевых деревьев в наших пределах нет. Только ты не думай, что в угодах села их мало, наоборот, груш очень много, но находятся они далеко от нашей. А потому мысль о том, что она выросла от корня, отпадает...

Приходится предположить такое: она выросла из семени груши, которую съел здесь какой-то человек или расклевала птица, или же груша могла выпасть из ее клюва, когда она пролетела над этим местом. Каждый, кто видит дуб, одиноко стоящий на скале за нашим селом, удивляется и непременно задается вопросом: как он там вырос, ведь вокруг на несколько километров нет другого дуба? А наш учитель по биологии объясняет, что он вырос из желудя, занесенного сюда вороной или какой-либо другой птицей, и все сельчане согласны с этим мнением. И никто не спрашивает, не задумывается над тем, почему та птица не съела желудь, что ей помешало это сделать? А дуб стоит себе, возвышаясь над всей долиной, подобно стражнику, оберегающему ее спокойствие. Как говорят наше сельчане, этот дуб принимает на себя все молнии, которые могли бы нанести ущерб и бедствие долине, ради долины он не жалеет себя. Сама природа породила его в угоду нашему селу... Я не прав, говоря, что дуб одинок, ведь за ним стоит наше село и лежит вся наша долина. И они неотделимы: дуб, наше село и долина...

Да, дуб на скалах для нас священнее, чем деревья в рощах, освященных обычаем. Ни старый, ни малый не позволит себе неуместного слова по отношению к этому дубу...

– Это неприятное происшествие ничуть не отлучило детей от грушевого дерева, а если я скажу, что они стали хотя бы немного осторожнее, то буду неправ. Слова старших действовали на нас больше, чем происшествие. И грушевое дерево, как хороший добрый друг, продолжало доставлять нам радость. Только начав ползать, дети уже тянулись к нему. Я даже могу утверждать: дети наших двух семей учились вставать на ноги и делать первые шаги, цепляясь за ствол грушевого дерева. Оно являлось опорой всего нашего детского бытия.

Связь между двумя семьями и грушевым деревом укрепилось бы еще больше, если бы...

Как-то мы сидели за завтраком, когда вышедшая за чем-то на веранду мама ворвалась обратно в комнату с криком:

- Наша груша горит! – лицо у нее побелело, губы дрожали, в глазах сверкали слезы.
- Какая груша? – не поняв, встревожился отец.
- Что у нашего поля...

Не успела мама выговорить последнее слово, как все, кто сидел за скатертью, – впереди младшие, за ними взрослые – высыпали на веранду и облепили там все три окна.

Охваченное густым дымом, грушевое дерево походило на большой темный гриб, самого огня не было видно из-за холма.

– Что происходит? – недоумевая, отец вышел в коридор и стал поспешно натягивать сапоги. Но мы, дети, успели к дереву раньше, ведь мы бежали, а отец не мог позволить себе такое на виду у сельчан.

Под грушей, в полутора метрах от ствола, горел большой костер, языки пламени которого порой доходили до нижних веток, отчего некоторые веточки корежились и тресали. Как оказалось, сосед сжигал старую изгородь из колючек, прошлогоднюю ботву и солому. Но его самого не было видно... Да что он, в самом деле, не мог развести костер на краю поля?! Нет же, выбрал место прямо под деревом. Огонь, распространяясь по сухой траве, сжег и муравейник, от большого города муравьев остался лишь черный круг. Несчастные...

Подоспел и отец.

– Что за бесчеловечность! – ногой в сапоге он разбросал костер по полю. Он был не на шутку разгневан, о чем свидетельствовал бугорок с грецкий орех, вздувшийся у него под переносицей. Те ветви дерева, до которых доходило пламя, стали темно-серыми. Весенние листья, нежные и блестящие, словно покрытые лаком, свернулись и напоминали самокрутки. Некоторые ветки совсем сгорели, другие обгорели и вяло висели.

Пришла и мама.

– Что натворили, совсем совесть потеряли! – запричитала она, увидев, что стало с деревом.

Груша, казалось, потеряла свою прежнюю гордую статью и достоинство. Так бывает с человеком, согнутым неожиданно нагрянувшей бедой.

– Прекрати, – отец прервал маму. – Ты почему пришла? Уйдем отсюда, тут нечего делать.

– Надо же спросить, почему он это сделал...

– Не надо ничего...

В это время из-за холма показалась голова дяди Аслима (наверное, он услышал то, что мы говорили), который поправлял изгородь.

– Доброе утро, соседи! – он подошел к нам.

– Аслим, что ты наделал?! – вместо приветствия воскликнула мама.

– А что случилось? – безразличным тоном отозвался дядя Аслим.

– Посмотри на дерево, что ты с ним сделал!

– А что, ничего особенного...

– А если бы тебя вот так же подожгли? – его равнодушие разозлило маму.

– Чтоб был достаток в твоём доме, скажешь, что попало...

– Не что попало... Тот, кто считает себя человеком, кто сам себя уважает, на такое не способен!

– Хватит, хватит, переходишь всякие границы! – сосед, задетый, беспокойно оглянулся по сторонам. – Эта груша как тебе, так и мне принадлежит. Если бы она

росла на твоём поле, ты имела бы причину быть недовольной. К тому же, с твоей стороны дерева ничего не случилось...

Не дослушав соседа, отец толкнул маму в плечо: «Пошли домой», – больше ничего не говоря, они направились в село.

Дядя Аслим долго провожал их удивленным взглядом, потом он, продолжая удивляться, перевел взгляд на раскиданные, еще дымящиеся головешки и на обуглившиеся ветки дерева. Затем начал подбирать головешки и забрасывать их к подножию холма, где он поправлял изгородь, и они летели, оставляя за собой белые дымовые хвостики. Покончив с этим, дядя Аслим посмотрел на нас, еще стоящих под деревом, попробовал изобразить на лице улыбку, что у него получилось плохо, и ушел туда же.

С того дня в отношениях между нашими семьями стали происходить кое-какие изменения, хотя о происшедшем никто даже не упоминал. И в последующем наши семьи много раз вместе сидели в тени дерева, по-прежнему ели хлеб, варили картофель, шутили и смеялись. Но в общении исчезли прежняя непосредственность, ясность и лучистая радость. В беседах появился некий оттенок грусти. Отец, который раньше больше всех говорил о груше, после того дня в общем кругу ни разу о ней не обмолвился. Теперь он каждый раз, приближаясь к груше, невольно замедлял шаг и тяжело покачивал головой. Изменился и дед, мне казалось, что он резко постарел и сгорбился; находясь под грушей один, он похлопывал ее по стволу и как будто мысленно о чем-то разговаривал с нею. Одним словом, после происшедшего точно оборвались какие-то струны, от прежней раскованности и радости осталась лишь слабая тень, что чувствовали даже мы, маленькие...

Дядя Аслим, за несколько дней до своей смерти, когда дед и отец навестили его, просил у них прощения за тот необдуманный поступок.

– Ты, дед Жангут, и ты, Махмуд, простите мне мой грех, – сказал он, тяжело дыша, глядя ужасающими глазами с высоко подложенной подушки. – Я глупо поступил... Сколько раз я видел во сне пылающее грушевое дерево! Кто знает, может, за тот грех меня и покарал Всевышний. На мне лежит проклятье нашего грушевого дерева...

– Не говори, что попало, Аслим! – дед своей рукой покрыл его худую белую руку, бессильно лежащую на одеяле.

– Нет, дед Жангут, я его угробил своим безрассудством... На нем даже цветы засохли... Мне мало такого наказания... С того дня я не только вас, но и детей, прибежавших к дереву, стыдился, сердце сжималось... Вы знаете, что мне тогда мой старший сын, Керим, сказал? «У тебя душа нехорошая, отец...» Вот так. Я стоял, глядя в глаза сыну, и ничего не мог ответить... Но я рад, что мой сын мне так сказал. Зато у него есть душа, он вырастет хорошим человеком...

– Да, Керим вырастет хорошим человеком, – подтвердил дед.

– Забудьте мой грех, сохраните добрые отношения. Мои дети еще молоды, подростки, и я очень хочу, чтобы вы были для них родными...

– Так и будет, Аслим, – сказал дед, улыбаясь. – Но ты-то куда спешишь раньше времени? Ведь я еще жив, до тебя очередь не дошла, Мы еще будем пить вино на свадьбах наших детей.

Дед хотел развеселить Аслима, но на его лице с печатью странной желтизны не дрогнула ни одна черточка.

– Нет, дед Жангут, мне отпущено, самое большее, еще два дня. Вы меня успокоите, уложив в могилу...

Дядя Аслим оказался прав, через два дня он умер. В могилу его уложил отец, надмогильный камень поставил дед...

Грушевое дерево, как я его помню, впервые (и дед это подтвердил) не принесло урожай. С той стороны дерева, где был разведен костер, преждевременно, через месяц, опали все листья. На другой стороне даже цветы появились, но и они опали и тоже преждевременно, еще в августе, слетели и листья. В следующем году на нижних, обгоревших, ветках не набухли почки и отец их срезал. Но на остальных ветках листья распустились.

– Нет, не засохнет оно, – сказал отец, похлопывая по шершавой коре ствола, – не такой уж слабый! Вот увидите, в будущем году даст несколько мешков груш.

Однако предположение отца не подтвердилось. На обгоревшей стороне дерева распускались листья, а другая сторона и цвела, и груши появились, но едва они становились величиной, как дикие сливы, все падали. И так продолжалось в течение трех лет.

Наконец, еще через два года, на верхних ветвях, которые не особенно повредил огонь, как и в прежние времена, созрели груши. А нижние ветки плодов все равно не давали, и никто не надеялся, что когда-нибудь их еще раз окутает белая чадра из цветов.

В один день, когда мы, выкопав картофель, вечером возвращались домой, дед, внимательно оглядев грушевое дерево, сказал отцу:

– Махмуд, как бы мы ни хотели, это уже не то грушевое дерево, состарилось. Как долго оно, доброе, жило. Через год-другой совсем засохнет... Из него хорошая балка получится, мы же собираемся пристроить к дому комнату в следующем году. Оно заслуживает того, чтобы его использовали под крышу тавханы... Жалко, конечно, рубить, но от него уже никакого толка. У него сердцевина засыхает... Огонь подействовал на сердцевину. А дерево без живой сердцевины все равно, что человек, у которого засох мозг. Постепенно ослабнет и упадет...

– Как бы то ни было, жалко...

– Я тоже говорю, что жалко, но чем мы можем ему помочь? А то опять подожжет какая-нибудь бестолочь. Пусть уж послужит в полезном деле. Балка из него выйдет что надо. Крепкая получится балка, и одна выдержит всю тяжесть. Раза в три крепче буковой балки будет.

– Люди, услышав, что скажут?..

– Ничего не скажут. Дерево постарело – срубили... Весной срубим. Вместо него вон те груши останутся, большие уже, в будущем году начнут плодоносить.

На этом и остановились – в будущую весну срубить грушевое дерево. Решить-то решили, однако...

Весной, как-то рано утром, мама вернулась, поставив теленка на привязь, резво, как молодая девушка, взбежала по лестнице на веранду и весело сообщила отцу и деду (они, собираясь в лес за хворостом, поправляли подушечки к ярме, вчера почему-то попавшие к нашей собаке и разорванные ею):

– Наша груша зацвела!

Я лежал в комнате, проснулся, но еще не встал.

- Разве не весна... – сдержанно откликнулся отец.
- Не молодое дерево, большая груша, вся в цвету.
- Как?! – воскликнул дед.
- И нижние обгоревшие ветви зацвели! – радостно добавила мама.
- Не может быть! – воскликнул и отец.

Когда я выскочил на веранду, они все трое, каждый заняв по окну, смотрели на грушевое дерево; я тоже жадными глазами уставился в окно, у которого стояла мама. Дикie сливы стояли в белом дыму, а по груше нельзя было определить, цветет она или нет – было далеко. Но вскоре мы все, и дед с отцом, которые собирались за хворостом в лес Хюмутар, и дети, стояли под грушей, Она была густо усеяна только начинающими раскрываться светло-красными цветами.

– Хорошо зацветает... Нет, огонь не подействовал на ее сердцевину, я ошибся, – признался дед, покачивая головой. Морщины на его лице разгладились, глаза, излучая свет, рассматривали каждый цветочек в отдельности. – Вот, Махмуд, она как молодая, старость не может ее одолеть! Нет, рано ей лечь балкой под крышу, она полна жизни, может быть, находится в своей лучшей поре.

Мы, дети, несказанно радостные, обнимали ствол груши, забирались на нижние ветви...

– Она, наверное, услышала наш разговор прошлой осенью, испугалась и вот – зацвела, – пошутил отец.

– Кто знает, возможно... Ты считаешь позорным, если испугалась, что ее срубят? Нет, сын мой, жизнь дорога каждому. Ты, может быть, считаешь, что если я старый, значит, не хочу жить? Мне она, жизнь, теперь дороже, чем в молодости, будь покоен!.. И груша имеет право любить свою жизнь, она правильно сделала, что зацвела. Она и себя, и нас наделила большой радостью. Ради жизни она устояла, преодолела все невзгоды. И победила. Она сильная, а сильных всегда уважают...

В том году наша груша дала, как и в прошлые времена, богатый урожай. А когда плоды созрели, каждый раз, уходя с поля, мама клала горсть груш на могилу дяди Аслима. У нас есть такой обычай, считают, что это садака...

Перевод с табасаранского Владимира Носова.

ПРОЗА ИНГУШЕТИИ

Хаваш НАКОСТОЕВ

Хаваш Алиевич Накостоев родился в 1956 году в Казахстане. Образование высшее филологическое. Член Союза журналистов СССР с 1989 года (с 1993 года – член Союза журналистов России). Член Союза писателей России с 2015 года. Председатель правления Союза писателей Республики Ингушетия. Заслуженный работник культуры РИ. Почетный гражданин г. Сунжа.

Лауреат литературной премии IV Международного литературно-музыкального фестиваля «Белые журавли России» (г. Москва) за книгу «Некоторые мысли об ингушской литературе».

Работает завотделом ингушского языка ГБУ «ИнгНИИ».

Башня Страны

Легенда

Это было очень давно. Река Сунжа в то время была полноводной рекой, и текла она от гор, а не начиналась в Экажево, как сейчас. По обеим берегам Сунжи лежал большой город, и жителей в нем было более ста тысяч.

Люди в том городе жили свободно и в достатке – Бог благословлял их труды, потому что они уважали старших и жалели младших, берегли имя мужчины и честь женщины, поддерживали справедливость и боролись за нее.

Жили в этом городе семь братьев и их сестра. По стойкости каждый из братьев мог сравниться со скалой. Сестра по своей красоте соперничала с восходящим солнцем. Звали ее Дегаг1оз, что означает «Радость сердца».

В центре этого города на правом берегу Сунжи стояла очень высокая боевая башня. Люди называли ее «Мехка Г1ала» – «Башней Страны».

Также в то время жил в этом городе юноша, единственный сын у родителей. Звали его Мялхасаг – «Человек солнца». Мужеством он был равен семи братьям, благородством он мог сравниться с царями.

Мялхасаг и Дегаг1оз любили друг друга. И Мялхасаг говорил ей о свадьбе.

Однако девушка не спешила с ответом, ждала, пока женится хоть один из ее братьев, а Мялхасаг считал неприличным посылать сватов без ее согласия.

Как-то с востока к городу подступил жестокий враг. Его войско было многочисленно, как саранча.

– Я владею миром, – сказал враг ингушам. – Сила у меня такая, что вы даже представить себе не можете. Поэтому вы должны мне отдать все, что у вас есть – и свое богатство, и своих женщин. А сами будете моими рабами. Я буду вами править.

Ингуши ответили врагам:

– Ингушский мужчина повинуется только Богу, и сам решает, как ему поступать. Поэтому и властителей себе ингуши выбирают сами. Что касается женщин, то у нас женщина сама выбирает мужчину, с которым ей хотелось бы связать свою судьбу.

– Если вы не покоритесь, мы вас уничтожим, – сказали враги.

Триста семьдесят три дня длилась битва. Летящие стрелы закрывали солнце, и днем было темно, как ночью. От соударяющихся мечей летели такие искры, что ночью было светло, как днем.

Сестра семи братьев каждый день поднималась на Башню Страны и следила за ходом сражения. Она видела, как в борьбе с врагом один за другим гибли ее братья. Шесть ее братьев отдали свои жизни за свободу Отечества.

Как-то в один день она увидела избранника своего сердца, который выносил из огня сражения ее раненого брата – самого младшего. На площади перед Башней Страны встретились они втроем. Раненый успокоил свою плачущую сестру и сказал:

– До того, как я предстану перед отцом и братьями, я должен завершить одно дело. Я догадывался о том, что вы скрывали в своих сердцах. Поэтому, прежде чем уйти из этого мира, я благословляю вас двоих. Пусть ваша жизнь будет благодатной и благословенной.

Сказав эти слова, отошел в иной мир и седьмой брат Дегаг1оз.

Оставив свою горько плачущую невесту, Мялхасаг ушел продолжать битву с врагами. Оказав последние услуги брату, поднялась на вершину Башни Страны и Дегаг1оз.

Один за другим падали ингушские мужчины. Наконец, Мялхасаг остался один. Врагов было слишком много. Они мечами изрубили тело Мялхасага, как крестьяне рубят кукурузные стебли. И рухнул Мялхасаг, как могучий дуб под острым топором. Последнее, что он увидел в этом мире – это был силуэт девушки в белых одеждах на вершине Башни Страны.

Враги окружили башню с женщинами.

Девушку, которая каждый день в белых одеждах стояла на башне, предводитель решил взять себе.

Когда двери Башни никто не открыл, враги развели вокруг нее большой огонь, чтобы заставить женщин выйти. Но они не выходили.

Дубовые двери башни не устояли перед огнем – открылась башня. Не дожидаясь, пока огонь догорит, враги ворвались в башню. Там никого не было в живых.

Но все так же на вершине Башни Страны стояла девушка в белом, виднеясь сквозь дым.

Предводитель врагов поднялся туда. Он увидел девушку такой красоты, что человеческим языком невозможно высказать. Но девушка не плакала, как он ожидал: в ее глазах не было ничего, что вызывало бы жалость к ней, а была только отвага, вызывающая в его сердце уважение. Долго они стояли, глядя друг на друга. Потом девушка спросила:

– Зачем ты пришел в нашу страну, что ты здесь ищешь?

– Я пришел, чтобы найти себе новых рабов, чтобы приумножить свою славу.

– Не найдешь ты здесь рабов! Не завоюешь ты здесь славу!

– Но я нашел здесь большее сокровище – тебя! Я смогу сделать так, что ты забудешь свое горе, если ты согласишься связать свою судьбу с моей, – сказал враг.

– Я согласна связать наши судьбы, – сказала девушка, чуть усмехнувшись.

Ободренный ее улыбкой, он подошел к ней, взял ее руку. И девушка подалась к нему, крепко охватила его могучий стан.

Снизу на них смотрели вражеские воины, очень довольные тем, что их предводитель так быстро нашел общий язык с девушкой. Но через мгновение все они вскрикнули: с вершины Башни будто взмыли в небо два крепко обнявшихся тела и послышался победный крик девушки:

– За моего мужа!

Поняли враги, что рабов они здесь не найдут и славы не добудут. Ушли они из этой страны.

Перед тем, как уйти, они разобрали Башню Страны. И все камни увезли, чтобы от ингушского народа даже следа не осталось на земле.

Но по милости Бога народ ингушский выжил. Хотя много было трудностей, много было горя.

Старики говорят, что страдания ингушей будут длиться до тех пор, пока Башня Страны не будет восстановлена. А когда у нашего народа вырастет достойное поколение, которое сможет восстановить Башню Страны, наш народ выйдет на дорогу, ведущую к счастью. И к народу нашему вернется благодать, которая была до рождения Сеска Солсы.

Легенда о женском платке и об очажном огне

Когда-то в незапамятные времена жила в наших горах одна очень красивая девушка. И была она такой красивой, что солнце тускнело, если она выходила из дому днем. А если она выходила из дому ночью – луна прятала свой лик за тучи.

И случилось так, что влюбились в нее сразу два джигита. Они были равны во всем: оба были красивы, оба были смелы, оба были благородны. И девушка никак не могла выбрать из них одного, так как, выбрав одного, она бы обидела второго.

Поняли джигиты, что вопрос, кому быть рядом с девушкой, они должны решить сами. И решили они выяснить это в поединке. Но чтобы не возникал вопрос о мести и не втягивать в это противостояние других родственников, на поединок они сошлись ночью втайне от всех. Место для поединка выбрали в глухом ущелье далеко от аула.

При свете полной луны, молча сражались эти двое. Только лязг мечей да звон щитов оглашали ущелье, гулким эхом отражаясь от каменных стен отвесных утесов.

В ауле никто не знал об их битве, и поэтому некому было вмешаться в ход поединка. И только одна их возлюбленная была беспокойна, хотя и не знала причины своей тревоги. Не в силах уснуть, вышла она на балкон башни. И луна тут же поспешила спрятаться за ближайшее облачко, так что в горах стало темно.

Но джигиты продолжали сражение и искры от скреживающихся мечей освещали ущелье.

Девушка на далеком балконе увидела эти искры, услышала звон металла и все поняла: сердце подсказало ей. Она схватила пылающую головешку из очага и бросилась в сторону ущелья, где благородные джигиты сошлись в смертельной схватке. Она бежала, не разбирая дороги, боясь опоздать. Она спешила остановить поединок.

Девушка подбежала к краю ущелья и далеко внизу увидела сражающихся. Они оба истекали кровью, но никто не хотел отступать. В любой момент какой-нибудь удар мог стать для одного из них роковым. И тогда девушка подожгла свой платок, превратив его в яркий факел, чтобы он был виден сражающимся, и решительно шагнула вперед.

Белой птицей мелькнула она на фоне темного неба и с ярко горящим платком упала между сражающимися.

Джигиты опустили мечи и молча склонились над окровавленной девушкой, пораженные случившимся. Она же взяла их руки, соединила их и произнесла:

– Такие мужчины нужны нашему народу, и поэтому вы не имеете права ссориться. Заклинаю вас огнем, дарующим жизнь, никогда больше не поднимать оружие друг против друга. Поклянитесь мне в этом на этом огне.

Джигиты исполнили ее просьбу. Потом взяли ее под руки и поставили на ноги. Но жизнь уходила из девушки.

Они же горячо молили Бога не разлучать их с ней.

Их любовь была такой сильной, и их мольба была такой искренней, что Бог внял их просьбе и соединил их навеки, превратив всех троих в камни. В одном из ущелий высоко в горах на небольшой поляне до сих пор стоят рядом эти три камня – два высоких по краям и один, пониже, посередине. На этой поляне каждой весной расцветают огненно-красные цветы такой красоты, что даже хищник умиротворяется и перестает преследовать добычу, оказавшуюся на этой поляне.

С тех пор повелось в народе, что женщина может остановить любое кровопролитие, бросив между враждующими платок со своей головы или пронеся между ними факел, зажженный от очага. Считается, что только трусливый душой не остановится перед женским платком, и только проклятый Богом не опустит свой меч перед очажным огнем.

Руслан ПАРОВ

Руслан Хаджибикарович Паров родился 29 декабря 1955 г. Образование высшее историческое. Окончил курсы повышения квалификации в Академии госслужбы. Работал в системе МВД и МЧС. В настоящее время – заместитель Председателя Народного Собрания Республики Ингушетия.

Член Союза писателей России.

Автор пяти книг.

Пишет на русском и ингушском языках.

Дни, что нами пройдены...

Повесть

Глава I

Тяжелые тучи медленно надвигались на город. Вокруг стало темно и тихо. Крупные капли дождя упали на грязный тротуар, поднимая пыль.

– Ва, Даъла! Какие крупные капли, как будто град! – вскрикнула Зайдат. – Заносите вещи в дом!

Сын, Аслан, открыл ворота гаража и побежал к машине. Взревел мотор, и «Жигуленок» скрылся в гараже. Две дочери Зайдат, Макка и Мадина, быстро сняли с веревки стиранные вещи и занесли в дом. Стол и стулья, стоявшие под тенью старой черешни, прикрыли клеенкой. В 1961 году, когда они вернулись из ссылки в Казахстан, этот дом купили больше за эту огромную черешню, чем за сам дом. Буйно цветущее дерево росло рядом с забором, покрывая тенью полдвора и тротуар перед домом.

– Мне нравится этот дом и двор, – сказала Зайдат мужу, – но ты хозяин, поступай, как знаешь.

Торговались долго, и старый хозяин уступил дом за три тысячи пятьсот рублей новыми – это были большие деньги. Но, во-первых, это город, а во-вторых – кругом свои. Плюс ко всему – вода, свет, газ – бесперебойно, и телефон. Что ни говори, условия были хорошие, и Зайдат с Хамбердом были довольны покупкой. Наконец-то,

после долгих скитаний, они приобрели свой угол, где спокойно и навсегда можно остаться, жить и воспитывать детей.

Тучи висели так низко, что, казалось, потянуться вверх – и достанешь. Порывы ветра с неожиданным остервенением набросились на дерево, и ливень обрушился на город. Молнии сверкали, рассекая небо пополам, и через секунды звуки грома раздавались, как артиллерийская канонада. В течение получаса свирепый ветер и яростный ливень хлестали с остервенением, и вдруг, как будто поняв, что ему не справиться с городом, ураганный ветер прекратился. Робко выглянуло солнце. Дети высыпали на улицу и начали играть в лужах дождевой воды. Стол и стулья, протертые сухой тряпкой, опять заняли свое место под черешней. Асфальт во дворе блестел чистотой. Макка и Мадина смеялись:

– Мама, ты нас ругала, что двор не вымыли вовремя, смотри, какая чистота!

– Вы придумаете любую причину, чтобы ничего не делать, – ворчала Зайдат. – Ты мясо поставила варить? Скоро отец придет на обед. Макка, ты слышишь меня?

– Ну, мам, я уже пенку сняла, кипит давно.

– Мадина, а ты делай жувр-хялтамаш (галушки из кукурузной муки), раз бульон готов. Давайте, давайте, шевелитесь, я не хочу, чтобы вы неумехами вышли замуж.

– Ну, когда это будет? Мы еще маленькие.

– Может быть, вы и маленькие, но так стараетесь выглядеть взрослыми девушками, когда выходите в город.

– Конечно, стараемся одеться поприличнее, иначе все соседки тебя заклюют, – смеялась Макка.

Хамберд пришел чуть раньше, чем обычно. Он работал завхозом в школе. Точнее, он числился завхозом, а был и стекольщиком, и плотником, на все руки мастером. Поэтому директриса держалась за Хамберда, ценила его, а Хамберду нравилось уважительное отношение директора к себе, и он старался еще больше. Голодное детство и бесчеловечная, жестокая высылка научили его быть прилежным к труду, ибо труд – основа всякого достижения. Он был доволен своей жизнью, своей семьей, не вдавался в мелкие подробности жизни семьи. Он считал, что хозяйка должна разбираться во внутреннем укладе семьи, а его дело – это обеспечение семьи и быть примером для детей.

Раньше, когда мама была жива, он, конечно, сперва шел к ней, в ее отдельно стоявший в том дворе маленький саманный домик из одной комнаты, разделенной большой русской печкой посередине. Прихожка – метр на метр. Он бы снес это строение начала века, но русская печь с лежаком была серьезным доводом за сохранение этого раритета. Дуги, мама Хамберда, захотела жить в этом домике. Старшая дочь, Сакинат, до замужества жила с Дуги, а после мама захотела жить одна. Днем-то все вместе, в одном дворе, а ночью мама уходила к себе. Хамберд всегда шел к маме, которая встречала его вкусным ужином. И вот мамы не стало. Недавно она умерла после долгой болезни. На все воля Аллаха!

Совершив малое омовение, Хамберд стал молиться. «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного. Хвала Аллаху, Господу Миров, Милостивому, Милосердному, Владыке Судного Дня, Господину Дня Воздаяния. Тебе одному мы поклоняемся и к Тебе одному взываем о помощи. Веди нас по стезе праведной, стезе тех, кому даровал Ты милость. А не тех, на кого обрушился гнев, не тех, кто сбились с пути». Он сидел на

коврике и перебирал четки, когда вошла жена. В последнее время, особенно после смерти мамы, жена была к нему очень внимательна. «В чем же она провинилась? – мелькнула мысль, которую он тут же прогнал. – Все тайное становится явным, со временем и это откроется».

– Твои дочери сегодня приготовили мясо с чесночным соусом и жувр-хьалтамаш. Так старались, любят они своего отца. Твоя похвала много значит для них.

Хамберд улыбнулся:

– Вот промолчала бы ты, я бы их похвалил, а теперь – ни за что.

Она знала, что он похвалит дочерей, но вслух сказала:

– Дочери твои, хочешь – ругай, хочешь – хвали. Ты – отец.

И это было сказано таким елеинным голосом, что Хамберд слышал ее внутренний голос: «Я хорошая жена и воспитала прекрасных дочерей». Улыбаясь своим мыслям, Хамберд направился во двор, где уже накрывали на стол.

– Садись, жена, вместе попробуем кулинарное искусство моих дочерей, которых ты воспитала, – подчеркивая «моих» и «ты воспитала», сказал он.

– Нет, нет, что ты, вдруг кто-нибудь войдет с улицы. Я посижу тут рядышком на маленьком стульчике, а дочери тебя обслужат.

– А где Аслан?

– В институт ушел.

Старший сын Баширхан был в гостях у двоюродной сестры в Назрани.

– Похоже, Баширхан нашел невесту в Назрани, что-то он часто стал туда ездить.

– Да пора бы уже. Хоть отдохнула бы немножко. Какая она будет-то?

– Не переживай, какой ты была снохой, такая же и к тебе вернется. Аллах справедлив. Насколько я знаю, ты была не худшей снохой моей маме.

Зайдат сидела на маленьком стульчике, низко опустив голову. После последних слов мужа она внимательно посмотрела на него, пытаясь понять, серьезно он говорит или с издевкой. Но муж был спокоен и говорил ровно.

– Надо предупредить сына, чтобы из рода Барахоевых не брал невесту. У нас неотомщ енная кровь. Поняла?

– Ва, са Даьла! Когда это было? При царе Николае. Когда же мы нормально жить будем?

– Не твое дело, женщина. Но сына предупреди.

Подошла Мадина:

– Дада, горячий бульон принести?

– Нет, доченька. Лучше чай. А галушки у тебя получились отличные.

Покраснев от смущения, она сказала:

– Не так хорошо они получились, как я хотела.

Хамберд засмеялся и сказал:

– Дочь моя, если бы выселяли всех девушек, которые хуже тебя готовят хьалтамаш, то в ближайшей округе не осталось бы ни одной девушки.

Зайдат от души смеялась словам мужа, а дочка, гордая похвалой отца, убежала в дом.

Пообедав, Хамберд собрался на работу.

– Принеси носовой платок, – обратился он к жене. – Что-то мне вчера Сакинат приснилась, у них все в порядке?

– Тьфу-тьфу, – сплюнула Зайдат, – у них все нормально, вчера звонила. Внучка уже почти девушкой стала – 14 лет.

– Да-а, рано она выскочила замуж, ты все не доглядела. Теперь уж что говорить.

Старшая дочь убежала замуж, и эта боль еще не отпустила его. Хлопнув калиткой, он ушел. Вплоть до школы дорога шла вниз, и через 25 минут бодрой ходьбы он был на работе.

Дорога домой занимала минут сорок, то ли потому, что дорога домой все время шла на подъем, то ли после работы он шел усталый. В последнее время Хамберд все больше думал о смерти. Он думал, что не боится смерти, но, говоря о ней, становилось зябко.

«О Аллах! Когда придет мой час, заberi мою душу без мучений», – просил он в молитвах. Он видел, как мучилась мама. Врачи ничего не смогли сделать. Постепенно она потеряла память и не помнила, кушала она или нет. Недержание было второй бедой, не успевали менять пеленки.

Он тогда собрал семью и сказал:

– Моя мама в тяжелых условиях бытовых неурядиц выходила меня. Кормила, поила, днем и ночью, как всякая мать, убирала за нами, держала нас в сухости и тепле. Сегодня мама нуждается в нашей помощи. Кто бросит стариков, тех бросит Аллах. Бойтесь Его. Ну, а если я застаю, что моя мама в чем-нибудь нуждается, то накажу сурово. Старики – те же дети, только дети идут к жизни, а старики – в вечность.

До самой смерти мамы они все старались, как могли. На все воля Аллаха.

Что же такое смерть? «Это высшая справедливость», – пришел он к мысли. Перед ней все равны: бедный и богатый, старый и молодой, хороший и плохой. Там будут весы, которые нельзя обмануть, и по делам твоим в этом мире будут судить, и никто не почувствует несправедливость, и никто не ответит за чужие грехи, только за содеянное своими руками. Если верить мутле, то так говорится в Священном Коране. Хамберд умел читать Коран, но не знал перевода. В четверг вечером он обязательно читал суру «Ясин» и раз в год собирал товарищей и читали «Мовлид». В месяц Уразы держал пост, но дети не очень соблюдали это. Он говорил им: «Хотя бы три дня держите пост», – но уверенности, что они соблюдают пост, не было. И неудивительно, безбожники-коммунисты хорошо освоили атеистическую работу. Зимой еще ничего, а в жаркий летний день держать пост, который длится 17 часов, никто не хотел. Зато праздновать окончание поста хотели все. В этот день милиция выставляла усиленные посты. Люди ездили друг к другу с поздравлениями. Девушки дарили парням, к которым они равнодушны, флаги. Машины с флагами милиция не пропускала. Старики призывали молодежь не пить спиртное, хотя бы три дня. Но их мало кто слушал. Водка лилась рекой. Мусульмане праздновали день окончания поста. В Казахстане все научились пить. Хамберд не понимал, как запрещенное религией употребляется в день празднования религиозного праздника. Но большинство людей это воспринимали спокойно, не задумываясь. Иман был ослаблен. Краснозвездное войско Иблиса победило в отдельно взятой стране, где с 1917 года была запущена мельница по уничтожению лучших людей и совращению слабых. Брежнев этот молох остановил и люди только сейчас вздохнули облегченно.

«Надо сходить в поликлинику, – подумал Хамберд. – Что-то сердце шалить стало, сердце разве виновато?» Мысли лезли в голову одна за другой, вспоминая тяжелое

детство, голодную молодость, ужасающую несправедливость государства по отношению к его маленькому народу. Несправедливость пережить тяжелее всего, и ранит она больше всего.

До вечера Хамберд работал с трудовиком, вырезали стекла по размерам. Чаще всего дети били стекла, то мячом случайно, то камнем – и не всегда случайно. Важно было, чтобы стекло лежало наготове, в случае чего можно быстро заменить. Недавно один ученик 10 класса разбил два стекла. Хороший мальчик, но в тот день ему не повезло. В спортзал пришли девочки, и ему захотелось показать свое мастерство по владению мяча, и как результат – два разбитых стекла. Был вызван отец мальчика, который обратился к Хамберду за помощью для установки стекол. Хамберд ответил, что установить стекла не проблема. Но их нет, и достать мы не можем. На второй день в школу был доставлен целый ящик стекла. Вот это был подарок! Дефицитнейшее стекло! Целый ящик!

Хамберд, смеясь, рассказывал директрисе, как им повезло, что именно этот мальчик разбил стекла.

Теперь он спокойно вырезал стекла по размеру. Уже начало темнеть, когда довольный результатом своей работы Хамберд шел домой. Учебный год подходил к концу. Скоро у детей каникулы. Надо поехать на курорт, как советует Зайдат. Вдруг сердце замерло и через мгновение, будто нехотя, заворочалось. Хамберд мгновенно вспотел.

– Фу ты, думал, что уже все, – сказал он вслух и, прислушиваясь к прерывистой работе сердца, медленно пошел дальше.

Дома его ждал горячий ужин, от которого не откажется ни один ингуш: картофель в мундире, кюдр и сискал. Зеленый лук, огурцы и помидоры, как он любил, не нарезанные. С удовольствием поужинав, совершив ночную молитву, лег спать. Это была его последняя ночь. Утром, удивленная, что муж не встал, Зайдат зашла к нему в комнату и обнаружила мужа мертвым.

Он прожил тяжелую жизнь, где мало было счастливых дней. Но они были: это – рождение здоровых детей и январский Указ 1957 года, позволивший вернуться на Кавказ его народу. И вот он ушел на справедливый суд своих деяний. А в этом мире ничего не изменилось. Все так же пели птицы, играли и звонко смеялись детишки, а взрослые играли тяжелую роль «жизнь», добровольно взятую на себя, наполняя ее своими представлениями о том, что хорошо и что плохо. Три дня стоял многолюдный таъзет (поминки). Все, кто знали Хамберда, приехали высказать свои соболезнования семье. Близкие родственники остались у них до саг1а, устроенного на седьмой день. Большинство родственников Хамберда были представителями тариката зикристов, и в их глазах Зайдат видела невысказанный укор, что их брата хоронят Даъди мурдаш, которые отвергали зикр и три дня запрещали есть в доме, где умер покойник. Но Зайдат показала завещание мужа, и вопрос был исчерпан, но укор в глазах остался. Разделение на вирды – тарикаты, – был тяжелый удар по единству нации.

Глава II

Зайдат сидела в тени черешни и усталым взглядом окинула двор. Прошел только год со дня смерти мужа, а взгляд замечает много недоделок, которых не было бы при Хамберде. Конечно, есть сыновья, которые делают то, что им говорят. Но они

не умеют найти, исправить и устранить. Поддержанию родственных отношений Хамберд уделял много времени, а дети ездят только к тем, кто им нравится. Зайдат понимала, что у каждого поколения свои родственники, друзья, но у ингушей всегда ценилось поддержание отношений с теми, с кем дружили родители.

На годовщину смерти мужа Зайдат решил пригласить зикристов. Это был шаг навстречу многочисленной родне мужа. В разговоре с ними она заранее поведала им, что Хамберд, хотя и принял вирд Арсанова в Казахстане, когда последний к ним приезжал, но любил мюридов Хаджи из Илисхан-Юрта. Все родственники приняли активное участие в подготовке. Сегодня вечером придут мюриды и будут делать зикр – священный обряд. Большие котлы расставлены в огороде, побольше – для говядины, поменьше котел – для баранины, дрова заготовлены. В два часа надо поставить варить мясо, чтобы сварилось к приходу гостей. Все, что зависело от нее, Зайдат уже сделала, каждому поставлена задача. «Ах, Хамберд, Хамберд, как же тебя не хватает!» – подумала она. В воздухе плыл аромат цветов. Зайдат нравилось с детства время цветения абрикосов. Вдалеке виднелся район «Березки», утопающий в зелени. В шестьдесят четвертом или пятом году был построен современный красавец-магазин «Березка», и люди стали называть это место районом «Березки». Лет через пять построили большой кинотеатр «Радуга», но это ничего не изменило, имя «Березка» прижилось крепко. Остановка автобуса тоже называлась «Березка». Длинный автобус с гармошкой посередине курсировал от центрального рынка до 36-го участка. Зайдат с Хамбердом часто ездили этим автобусом и, перейдя дорогу, не спеша шли вверх по тропинке к себе домой. «Прости меня, Хамберд! – прошептала она. – Не всегда я была тебе хорошей женой. Жаль, что содеянное нельзя отменить».

Мюриды приехали ближе к шести вечера, чтобы успеть вовремя сделать предвечерний намаз. Зайдат их встречала у калитки, приветствовала, как самых дорогих и близких родственников и с удовольствием выслушивала их комплименты.

– Разве тяжело оставить этот мир, когда остаются такая жена и такие дети, которые дают саг1а и как нужно поминают тебя? – вопрошал один.

– Да, Зайдат была хорошей женой для мужа и прекрасной матерью для детей, – подхватил другой.

– Сваты не могут нахвастаться своей невестой, старшей дочерью Зайдат, я живу недалеко от них, – подхватил третий.

Каждый считал своим долгом похвалить за что-нибудь Зайдат, особенно за то, что вспомнила родственников мужа не своего тариката.

– Не всякий мужчина так поступит, – добавил самый старший из них.

Большинство людей, собравшихся в этот вечер в доме Зайдат, не смогли бы ответить на элементарные вопросы о своей религии, но твердо были убеждены, что они истинные поборники ислама. Люди, не менее 32 раз в сутки читающие суру «Аль-Фатиха», не смогли бы перевести и понять ни одного слова из этой суры, но убежденность, что они попадут в рай, была непоколебима.

Обслуживать мюридов было удобно, они кушали, сидя на полу по периметру стен. Зал был освобожден от мебели еще днем. На полу лежали ковры, на которых мюриды молились.

После молитвы парни быстро расстелили клеенки и занесли угощение. Хлеб и мясо, бульон, соль, перец – ничего лишнего. Мясо, говядина и баранина, было отва-

рено на медленном костре так, что и беззубые смогли бы его кушать. Ели не спеша, угощая друг друга лучшими кусками, тихо беседуя о ценности саг1а, обильно запивая бульоном. После ужина парни получили разрешение прибрать комнату и, пока они выносили остатки ужина, начали петь хвалу Всевышнему: «Алхьямдулиллах1, Алхьямдулиллах1, Хвала Аллаху, Хвала Аллаху за то, что прислал нам лучшего человека в истории человечества. Хвала Аллаху, обеспечивающего нас своей милостью».

Постепенно перешли к салавату Пророку, да благословит его Аллах и приветствует, вставая, начали петь: «Ла-иллах1а иль-Аллах1, ла-иллах1а иль-Аллах1» и, ритмично хлопая руками, начали двигаться с ноги на ногу. Ритм учащался. Вдруг все повернулись направо и начали движение по кругу, произнося «Иль-Аллах1, иль-Аллах1». Чем быстрее двигались мюриды, «Иль-Аллах1» в их устах превращался в «1улилах1». Старший мюрид, «туркх», поднимал руку и произносил: «Йа Джаббар», и бег останавливался, чтобы чуть погодя изменить направление. Зикр продолжался до вечерней молитвы, полтора-два часа. После вечерней коллективной молитвы Зайдат, через сына, передала мюридам требование-желание, чтобы они попили чаю. К чаю поставили хлеб, сыр, халву и сладкий рис с изюмом. После чая гости не стали задерживаться и, поблагодарив хозяйку, пожелав этому дому благоденствия, разъехались. Девушки прибирали дом, а Зайдат села отдохнуть под черешней, где любил сидеть Хамберд. «Боже мой! Как быстро пролетела жизнь», – думала она. Давно ли Хамберд ходил по улице, где до замужества жила Зайдат, закручивая ус. Соседские девчонки прибежали с криком «Смотри, смотри, твой идет!» – «Вы что, с ума сошли? – спрашивала она. – Почему это он мой?» и сквозь занавески на окнах наблюдала, как тот с важным видом занятого человека дефилировал по улице, надеясь на случайную встречу, которая чаще всего и происходила.

Хамберд был видным парнем и, когда мать сказала, что ее хотят засватать, она согласилась. Небогатая казахстанская свадьба гремела дня три. Полуголодные люди веселились от души, они были молоды, а на свадьбе, хоть небольшой, но кусок мяса достанется. Жизнь реально становилась лучше и легче после отмены хлебных карточек, а вино продавалось на розлив в любых магазинах. Молодежь веселилась, как могла. Еще не были забыты старинные обряды сватовства на танцах, еще ценились девушки, умеющие петь и играть на гармошке, еще состязались в остроловии, умении вести себя в обществе и нарушивший кодекс чести «Эхь-Эздел» подвергался остракизму.

Семейная жизнь в Казахстане была нелегкая. В маленькой хибарке, где комнаты были 2,5 x 3 метра, ютились несколько семей. Одной семье доставалось по одной комнатке, даже если у тебя есть дети. И в этом скворечнике, конечно, шла подковерная борьба между женщинами. Мужчины не обращали на это внимания. Зайдат тоже подключилась к этой невидимой борьбе всех за все. Холодная война шла со свекровкой, но при людях улыбка, «мама» и полное игнорирование наедине. Старушка не жаловалась сыну, не хотела стать причиной скандалов, тем более сноха была беременна.

Теперь Зайдат понимает, что скоро сама станет свекровью и все, что она устраивала свекрови, может ожидать и ее. Она хорошо помнила тот день, когда копившаяся годами злоба вырвалась наружу, помнила свой поступок. «Аллах всемогущий, прости меня!» – мысленно произнесла она. Но слова произносились без души, скорее

по привычке. Умом понимала, что не права, но душа молчала. И она знала, что с невестки спустит три шкуры.

Сакинат со своей дочкой Лизой, Мадина и Макка еще не успели прибрать дом, как птицы начали свое утреннее пение. На улице еще темно, глаз не различает победу света, но птицы это знают точно и радостно поют, порхая с ветки на ветку.

– Ва Даъла! Уже утро! Надо быстрее закончить уборку, шевелитесь, сони! – улыбается Сакинат. – Мне еще домой ехать.

– Ты можешь ехать, Лизку оставь, и мы к вечеру наведем полный порядок. Правда, Макка?

– Конечно, но потом спать, спать и спать, по 600 минут на каждый глаз, – рассмеялась Макка, – и даже пение птиц будет действовать как снотворное.

– Вот-вот! Вам бы только спать. Уж скоро замуж пора, а вы как дети, ей-богу.

– Не ворчи, Сакинат, мы будем лучшими снохами их рода. Они не знают, как им повезло, – балагурила Мадина, – но им придется немножко подождать, пока Баширхан не женится.

– Уж быстрее выходите, а то скоро ваша племянница может выскочить замуж.

– Ну, мама! – Лиза выскочила из комнаты.

– Ну-ка, расскажи Сакинат, что случилось.

– Мне соседи рассказали, что у моей дочери появился ухажер. Он только что вернулся из армии, а эта дурочка еще школу не окончила. Что это за семья будет – моя дурочка и голодранец? К нам уже солидные люди сватаются заранее, чтобы по окончании школы сыграть свадьбу. Обещают дать ей учиться в институте. Я говорю дочери, что только через мой труп пойдешь за своего голодранца, а она упрямо молчит.

– Ты сама-то как вышла, не забыла? Все были против, а ты убежала за него. Знаешь, сколько мама плакала? У вас тоже ничего не было, твой тоже был голодранец, а сейчас вы живете хорошо.

– Ва Мадина! Когда это было? Сейчас другое время, надо уметь жить. Я была дурочкой и поэтому выскочила так рано, вся в романтизме. Лучший брак – это трезвый расчет.

– Ва Даъла! Я не хочу по расчету! – воскликнула Макка. – А любовь?

– Вот, у нас еще одна дурочка растет! – с грустью сказала Сакинат. – Не отвлекайтесь, работайте, будет вам еще любовь.

– Ва Сакинат! Ты не в курсе, что там в Назрани? Баширхан что-то зачастил туда. Наверное, зазноба появилась.

– Да пора бы уже. Слышала, что хорошая девушка из порядочной семьи, и наш брат уже поженится бы, не помешай им смерть отца. Но уже годовщина прошла, можно жениться. Думаю, что скоро у вас будет возможность измываться над снохой, недаром русские говорят: «Золушки – змеиные головушки».

– Мы будем с ней, как сестры, – сказала Макка. – Вот увидишь!

Работа шла споро. Сквозь утреннюю туманность виднелся красновато-желтый диск солнца. Очень скоро заиграют солнечные лучи, освещая верхушки деревьев красивого, как огромный сад, города Грозного. Улицы заполнятся шумом, гамом. Заполненные до отказа автобусы, трамваи и троллейбусы повезут рабочий народ на заводы и фабрики. Откроются парикмахерские и пошивочные мастерские, где улыбчивые армяне встречают первых посетителей, многие из которых постоянные

клиенты. Их встречают как близких родственников. Верхом неприличия считалось в таких заведениях брать сдачу, но если нет денег, то могли постричь, побрить и бесплатно. После они тоже не брали эти деньги, но клиент приходил обязательно с подарком, который стоил намного дороже оказанной услуги.

Чуть позже распахнут свои двери рабочие столовые, где недорого и вкусно можно было пообедать. Звонким девичьим смехом встретят утро многочисленные корпуса высших учебных заведений. А Нефтяной институт имени Миллионщикова славился на весь Союз. Тихо пройдут в библиотеки города ищущие знания. А зоркое око КГБ наблюдало, чтобы налаженный ритм города не срывался на аритмию.

Баширхан проснулся рано. В окно виднелся алеющий восток. Примерно через полчаса взойдет солнце и окрасит мир яркими радужными лучами. Мир был прекрасен! Сегодня у него свидание, которое он ожидал вот уже две недели. Последний год он жил ожиданиями мимолетных свиданий с Хавой. Он, как коршун, крутился вокруг ее дома, надеясь одним глазком увидеть ее, красавицу, которая ни разу даже не взглянула на него. Она училась в десятом классе и всегда была в окружении подружек. Что только ни делал Баширхан, чтоб привлечь внимание этой красавицы. Но все было бесполезно: строго глядя перед собой, она проходила мимо. Но однажды все изменилось. В конце февраля зима обрушилась на людей лютыми, трескучими морозами. Последняя, отчаянная атака зимы на наступающую весну продержалась недолго и, хотя по ночам еще было морозно, днем начиналась капель. Обледенелые тротуары были причиной многих травм. В больших городах тротуары посыпались песком, но в Назрани, которую из села преобразовали в город недавно, такого опыта не было, да и тротуаров было – раз-два и обчелся. В то благословенное утро Хава шла одна, осторожно ступая по скользкой тропинке. Он через окно увидел ее и, наспех одевшись, бросился на улицу с твердым намерением с ней поговорить. Туфли были скользкие, и, чтобы не падать, он разбегался и прокатывался, как на коньках. Обогнав ее, он резко обернулся и успел сказать только «девушка», как ноги ушли из-под него, и он растянулся перед ней. Какой позор! От боли и унижения он чуть не заплакал. Девушка сперва весело рассмеялась, но, увидев лицо парня, подбежала.

– Ничего не сломал? Я могу тебе помочь?

– Да! Можешь! – сказал он. – Стань моей невестой!

Как она смеялась! До слез!

– Я слышала, что рыцари делали предложение, стоя на одном колене, – хохотала она, вытирая слезы, – но мой рыцарь делает предложение, растянувшись, говоря мягко, на спине во весь рост. Вставай, люди смотрят. Рыцарь! – и побежала, размахивая портфелем.

С этого дня все изменилось. Теперь Хава шла в школу одна. Баширхан тут как тут.

– Ну, что, «мой рыцарь», что говорят врачи?

– Говорят, что до свадьбы заживет, – отшучивался он.

– И когда у тебя свадьба? Не забудь меня пригласить, – улыбалась она.

– Клянусь, без тебя моей свадьбы не будет. Какая свадьба без невесты?

– Мне учиться надо, некогда замуж ходить.

– Чтобы учиться, тебе надо ехать в Грозный или Орджоникидзе. Лучше я тебя заберу в Грозный и сам отвезу в институт.

И вот, в конце концов, все сошлось. Выпускные экзамены позади, аттестат о среднем образовании получен, документы в Педагогический сданы, и она дала согласие на замужество.

Баширхан рассказал Зайдат о невесте и о своих планах засватать ее в ближайшее время.

– Ты мой старший сын и хозяин этого дома. Я тебя поддержу и рада, что ты определился с невестой. Мне дочки рассказывали, что есть девушка, которая тебе нравится, и я по женской линии проверяла ее. Она из хорошей семьи. И мать ее, и бабушка – положительные люди. Ты же знаешь, что у нас говорят: «Ищи невесту даже днем со свечой, спрашивай о ее матери и бабушке, ибо с молоком материнским переходит к детям все хорошее и плохое».

– Я сказал ей, что у меня было хорошее молоко, – смеялся Баширхан, обнимая маму.

«Вот и старший скоро станет делить вечера со своей невестой, – думала Зайдат.

– Хорошо, хоть младший пока мой безраздельно».

Два старика и мулла, мужчина средних лет, сели в черную «Волгу ГАЗ-24».

– Черная «Волга» смотрится солиднее, – сказала Зайдат, когда шла подготовка к сватовству.

За рулем сидел парень лет тридцати, двоюродный племянник Хамберда, который работал в гараже Совета Министров. Минут пять старики спорили, уступая почетное место на переднем сиденье друг другу. Старики наотрез отказывались занять это место, так как впереди должен быть мулла (дийша саг, то есть ученый человек). Но у муллы был контраргумент: он говорил, что мы – ингуши, и по нашим адатам впереди старшего никто не имеет права сидеть. Конец спору положил Муса – водитель машины. Он сказал мулле:

– Можешь садиться впереди, ибо почетное место в машине считается заднее сиденье справа: генералы так садятся. А спереди садится адъютант.

Сравнение с генералом старшим понравилось, и они сели в машину. С многочисленными пожеланиями счастливого пути сваты поехали в Назрань.

– Сейчас мы едем как генералы, – сказал Абдулмажит. Он, как старший, начал разговор – ехать полтора часа, и хорошая беседа сокращает дорогу. – Я помню «шерч ворда» (волоная упряжка), на которой нас из Акмолинска повезли в дальний колхоз в 44-м году. Кто думал тогда, что мы вернемся домой и будем разъезжать на «Волгах» Совмина?

– Клянусь отцом, там навечно остались очень многие, – подхватил Саидхусен. – Многие семьи поголовно все вымерли. Нам еще повезло!

– На все воля Аллаха, – сказал Ахмед-мулла. – Алхьамдуллилах! (Хвала Аллаху).

Водитель не вмешивался в разговор старших, хотя внимательно слушал: старики же кладезь информации, надо бы записывать их речи.

– Меня в первый раз арестовали в 1936 году, – начал Абдулмажит, – по обвинению в укрывательстве грузинских абреков. На допросах я иду в отказ и говорю: «Я красный партизан, никаких абреков не знаю». Однажды к нам в камеру закинули одного человека из Мужичи. Он оказался дальним родственником моей жены. Его возмущению не было предела, что среди односельчан нашлись стукачи. Вот его рассказ: «В селе было место, где по вечерам собирались мужчины и обменивались

новостями – «пхъег1а». В тот злосчастный вечер и я подошел к ним. Один из них спросил меня: «Почему вчера тебя не было видно, ездил куда, что ли?» И черт меня дернул за язык, решил напустить туману и сказал: мол, вчера заходили мужчины из леса, надо было встретить и проводить.

И что вы думаете? Утром на рассвете меня взяли прямо с постели: «Вы арестованы за связь с антисоветским подпольем». Я ничего не пойму, кричу: «Какое подполье? Я ничего не знаю!» Но разговор у них короткий: «Разберемся! В машину». На допросе мне слово в слово повторяют мои слова, сказанные вечером на «пхъег1е». Тут я понял, что меня заложили. Я рассмеялся и сказал, что это была шутка: «Я не знаю и не видел никаких абреков, это я шутя сказал такие слова, отпустите меня».

Следователь строго посмотрел на меня и спросил: «Значит, ты решил шутить с Советской властью? Я тебе покажу, как шутить с нашей властью! – и через день зачитал мне приговор Особого Совещания: «10 лет лагерей» и добавил: – Ты шутил с Советской властью? Теперь посмотришь, как шутит Советская власть». Вот так я оказался здесь».

– Остоффирулла! – воскликнул Садикусен. – За шутку 10 лет лагерей! Какой ужас!

– Я его потом встретил в Казахстане, – сказал Абдулмажит, – отсидел от звонка до звонка свои 10 лет и в 46-м году в Казахстане искал своих. Я спросил его: «Ну, как шуточки у Советской власти?» А он мне в ответ: «До того было смешно, что я еле-еле выжил».

– Да-а! Жестокие шутки были тогда у чекистов, – добавил Ахмед-молла.

– В те страшные времена мы жили в Мергисте, – начал Саидхусен, – райцентр был в Галашках. В 1939 году я был арестован, долго пытали, чтоб признался в бандитизме и в итоге осудили народным судом на три года, то ли за кинжал деда, обнаруженный дома, то ли еще за что – я тогда вообще не знал по-русски ни слова.

Сокамерники радовались, что я легко отделался, потому что тогда нашим обычно за любой пустяк давали не меньше 10 лет. А, может, помог тот парень, который был недавно присланный (начальник НКВД), – говорили, что он справедливый человек. Звали его Мовли, сын Али. И вот, посадили нас в каталажку, чтобы отвезти в Слепцовск. Сидим, чего-то ждем. Через полчаса посадили к нам одного старика. Мы уступили старику место и начали спрашивать его: «За что тебя посадили? Ты же старик!» Старик долго молчал, а потом сказал: «Я ничего не делал, но единственная причина, по которой они могут меня арестовать, это подозрение в том, что я спал с матерью начальника НКВД». – «Эх, старик, – сказал я, – навряд ли ты вернешься домой». Где-то на полдороге его сняли с машины, и мы подумали, что его пристрелят где-нибудь в лесочке. Каково же было мое удивление, когда я увидел этого старика, все такого же бойкого, как тогда, в 59-м году, на базаре в Назрани. Прошло-то уже 20 лет с тех времен. И что вы думаете? Он оказался отцом того начальника НКВД, который мне помог. По своим делам приезжал к сыну и подсел в нашу машину, чтобы доехать до своего села.

Громовой хохот потряс машину. Даже Муса, нарушив приличия, хохотал. Долго еще не могли успокоиться старики, каждый, на свой лад, повторяя слова бойкого отца начальника НКВД.

Улица Широкая в Назрани, где жили родители девушки, действительно была очень широкая. Таких широких улиц они не видели даже в Грозном. Из-за вечного

безземелья ингушские улицы были узкими, они не могли попусту тратить посевные площади. В казачьих станицах, расположенных на отобранных у ингушей землях, улицы были тридцатиметровой ширины. У захватчиков земли было много. Улица Широкая в Назрани была единственной широкой улицей во всей Ингушетии.

Встреча была радушной, хотя все делали вид, что они не знают причину их появления. После того, как сваты изложили цель своего визита, отец невесты, Магомед, сказал:

– Я не в курсе этого вопроса, но посоветуюсь со своими родственниками и на следующей неделе, в четверг, дам ответ.

Это тоже было данью традициям, ибо отдать девушку в первый приезд сватов считалось неприличным. Отказавшись от предложенного чая, гости удалились.

Глава III

Баширхан с друзьями веселились в «Лайнере». Ресторан «Терек» был переполнен, а в «Чайку» они сами не захотели, слишком заметное место. Решение было в пользу «Лайнера» еще и потому, что заведовала производством ресторана, т. е. заведовала кухней, старшая сестра одного из парней.

Сдвинув два стола, парни уселись в дальнем углу ресторана. Мелижа, сестра товарища, на минуту вышла в зал, поздоровалась со всеми и представила ребятам официантку:

– Вот, знакомьтесь: Комета, самая красивая и лучшая девушка нашего коллектива. Если что, обращайтесь к ней.

Пожелав приятного отдыха, она ушла.

Компания весело обсуждала сватовство Баширхана.

– Что вы, ингуши, разводите китайские церемонии? – смеялся Лема. – У нас проще – договорился с невестой, она вечером выходит из дому, и ты ее забираешь.

– Ну, конечно, у вас проще. Я как-то ездил как друг зятя. Они над зятем издевались так, что я еле сдержался. То им не так, то это не то, то коньяк не нравится, то газировки подавай. Нет, спасибо, не хочу такое «просто». Вот я тебя поведу с собой, когда поеду в качестве зятя, и ты увидишь, с каким почетом встречают его. У нас зять сидит отдельно, в компании сестер невесты.

– Да ты что! – воскликнул Лема. – И эти мегеры будут измываться над тобой?

– Лема! Почему издеваться? Наоборот – они все ухаживают за тобой, а если их немножечко подпоить, то вообще все весело бывает.

Более старшие ребята начинали давать советы:

– Смотри, парень, перед брачной ночью на выпивку не налегай, а то не поймешь: девушка с «паспортом» пришла или дома забыла.

Парни рассмеялись. Они знали, что это означает. Обычно, если в брачную ночь выяснялось, что девушка не совсем и девушка, то в ту же ночь ее отправляли домой, мол, нам использованный товар не нужен, и взымались с родителей невесты все расходы на свадьбу. В таких случаях соседи говорили, что девушка оставила «паспорт» дома.

– Однажды был такой случай, – начал свой рассказ Осман. – Девушка вышла замуж, так сказать, без «паспорта». Ее вернули домой по-тихому, без огласки, но все равно от людей ничего не скроешь. И вот один тьюфак решил на ней жениться. Сделали

вид, что своровали невесту, быстро помирились и наступил день «хьоалчагла», т. е. свадьбы. Во дворе родителей свадьба, а парень с друзьями гуляет у соседей. Поздно ночью, когда уже все разошлись, за столом остались жених и его двоюродный брат, который был женат. Наш «тюфяк» задает ему вопрос: «Расскажи, брат, что надо делать в первую брачную ночь?» Брат, который его отговаривал от этой женитьбы, ответил: «Все, что надо было сделать, там сделано, тебе надо просто зайти».

Громовой хохот потряс стены ресторана. Узнав, в чем дело, хохотали посетители соседних столов.

Веселье продолжалось до позднего вечера. После ресторана парни решили немножко покататься по ночному городу. За исключением редких пар влюбленных, город был пуст. Проехав центр, свернули на Ленина к Минутке. Машина не спеша катила через мост на Сунже, мимо гостиницы «Чайка», кинотеатра «Родина», кафе «Дашо Сай» («Золотой Олень»), к тоннелю, что под ж/д полотном, к площади Минутка. Тоннель был разделен на две части, в соответствии с потоками движения. Но иногда парни хулиганили и с выключенными фарами направляли машину на встречную полосу, чтобы на скорости проскочить злополучный тоннель. Вдруг водитель крикнул: «Идем на штурм!» – резко нажал на педаль акселератора, рванул влево на встречную полосу и нырнул в тоннель. Они разъехались бы со старенькой «Волгой М-21», если бы водитель «Волги» не растерялся. Он рванул руль влево, вправо и въехал в «Жигуленок» с правой стороны.

Аварию никто не видел, оказать помощь было некому. Через час подъехала машина патрульно-постовой службы. Молодые милиционеры подняли тревогу, вызвали скорую. С тяжелыми травмами шесть человек были доставлены в Республиканскую больницу.

Баширхан пришел в сознание первым. Врачи сказали, что переломов нет, но нужно обследоваться – возможны травмы внутренних органов. Долго был без сознания из-за тяжелого сотрясения мозга. Баширхан не знал, что у него лопнул мочевого пузырь и не обращая внимания на боли в животе, да и во всем теле, упрямился милиционера отвести его домой. Тихо пробравшись в свою комнату, он лег спать.

Утром Зайдат послала дочку узнать, будет Баширхан завтракать или нет.

– Мама, – сказала Макка, – он поздно пришел и спит, я не стала его будить. Скоро ему некогда будет спать, – пошутила она.

Ближе к обеду пришла соседка:

– Ва Зайдат! Ты не слышала? Говорят, наши ребята попали в страшную аварию!

– Не знаю, Зайнап, кто попал в аварию, но мои сыновья дома. Правда, старший еще спит, он поздно пришел. Макка! Разбуди брата, уже обедать пора.

Через минуту в доме раздался душераздирающий крик:

– Ва Даьла! Что я буду делать? – надрывно орала Макка. – Я же осталась без любимого брата!

Женщины побежали в дом. Увидев мертвого сына, Зайдат потеряла сознание.

Три дня, пока стоял таьзет (похороны), «скорая» часто приезжала к Зайдат. Она вмиг превратилась из властной хозяйки дома в дряхлую старушку. «Сперва муж, теперь сын, – думала она. – Ва Даьла, зачем я живу? Что мне предстоит еще? За что мне это?!»

Если бы не помощь родственников, она не осилила бы подготовку к «седьмой ночи», когда устраивается поминальная трапеза.

Целый день она принимала и провожала людей и к вечеру слегла. Два месяца жизнь еле теплилась в ней, но непонятная болезнь отступила, и она встала.

Теперь все ее внимание, заботы были уделены младшему сыну. Он продолжатель рода, и ее задача – быстро его женить и нянчить внуков. Но год надо подождать со свадьбой: люди не поймут. Теперь она все время ходила в траурном наряде. Часто она выходила под навес, садилась в кресло и часа два, три молча сидела, уткнувшись взглядом в одну точку.

Даже поздней осенью она не изменила этой привычке. О чем Зайдат думала, один Господь ведал. Может, она вспоминала свое тяжелое детство или кошмарную жизнь спецпереселенки, лишенной всяких прав, или про удары судьбы, когда казалось, что все уже наладилось, и жизнь будет все лучше и лучше.

Великий доктор Время умело тушевал шрамы жизни. Годовщину смерти Хамберда и Баширхана решили провести в один день. И опять Зайдат принимала и провожала гостей, которые хвалили ее за мужество, за щедрость, высказывали слова соболезнования и желали, чтобы она встретилась с мужем и сыном в Раю.

Дни, похожие один на другой, пролетели с крейсерской скоростью, не затрагивая ни душу, ни сердце. Единственный человек, чье появление доставляло ей удовольствие, была внучка Лиза. Лиза была влюблена, но Сакинат не хотела слышать речи влюбленной дочери.

– Что это молодые выдумывают? – возмущалась Сакинат. – Какая любовь? Кто здесь выходит замуж по любви? Я знаю тех, кто выходил замуж по великой любви, но через год они разбежались. Не хватало мне еще, чтобы жеро (разведенка, вдова) дома сидела.

– Я удивляюсь, мама, почему они влюбляются во всякое дерьмо? – спрашивала Сакинат.

– Доченька, ты поосторожней с ней. Лиза натура впечатлительная. Она моя любимая внучка, и я хочу, чтобы она была счастлива. Если ей так нравится этот парень, отдайте ее, не то она убежит сама, без вашего согласия. Не все же разводятся после женитьбы по любви. Вон наши соседи, живут душа в душу уже 60 лет, и ни разу я не слышала, чтобы они разговаривали на повышенных тонах. Я и сейчас им завидую.

– Знаю я, мама, как они живут душа в душу! Он во всем потакает ей, вот и живут душа в душу. До сих пор как молодой: «Как ты считаешь, жена?», «Посмотрим, что скажет Прокурор». Это он жену называет прокурором.

– Сакинат! Любовь – это болезнь, а больных надо лечить ласковым отношением. Не ломай ее.

– Мне кажется, мама, что она меня не слышит. Я с ней начинаю говорить, а она уставится в одну точку и молчит. Недавно она мне заявила, что выйдет замуж только за своего идиота, иначе, говорит, я повешусь. Я ей понадавала пощечин и сказала: «Чего ждешь? Иди, вешайся. Веревка в кладовке».

– Ты совсем с ума сошла! Пришли ее ко мне, немедленно. Пусть от вас отдохнет. Я с ней поговорю.

Внучка приехала через неделю. Зайдат не узнала ее, настолько она изменилась. Потухший взгляд, осунувшееся лицо.

– Что с тобой?! – воскликнула бабушка, обнимая внуку. – Такую тебя увидит жених и разлюбит.

– Он-то меня любит, бабушка, – расплакалась Лиза, – меня разлюбили остальные, особенно папа и мама. Что я сделала? Какой позор я принесла семье? Почему нельзя выйти замуж за любимого человека?

– Успокойся, внученька, мы спокойно поговорим обо всем. Слезами ничего не исправишь. Мне тяжело смотреть на твои слезы. Если любишь бабушку, то улыбнись, обрадуй бабушку своей улыбкой.

Целуя бабушку, Лиза грустно улыбалась:

– Бабушка, милая, почему жизнь такая несправедливая?

– Все будет хорошо, Лизочка. Родители тоже тебя любят. Они хотят уберечь тебя от возможных неприятностей. Сколько раз было так, что после дети говорили: «Вы же взрослые, имеете опыт жизни, почему пошли за желанием ребенка? Надо было избить меня, но уберечь от этого шага. Теперь кому я нужна, разведена, да еще с ребенком?»

– Но как ты не понимаешь, бабушка? Мы любим друг друга. Я всего лишь хочу жить с человеком, который любит меня, а не с тем человеком, которого выбрали родители или общественное мнение.

– Ах, Лиза, Лизонька, поговорю я с твоими, успокойся. Но думать, что ты умнее родителей и всего общества, тоже нехорошо. Недаром ингуши говорят, что дети – это враги, которых любишь. Поэтому, наверное, внуков любят больше, как мстителей, «пхъа леха кхебаъраш», т. е. рожденные для мести.

– Ну, Ба-а-а. Это же так просто: любишь – выходи замуж, не любишь – не выходи.

– Ну да, конечно! Только потом получается – «разлюбишь» и домой. Ты просто думай не только сердцем, но и головой. Но я обещаю тебе поговорить с твоими. Может, вы станете исключением из правил? Замужество – это тяжелая и ответственная работа, как со стороны мужа, так и со стороны жены. Но 90% ответственности за брак несет женщина, ибо умная женщина знает, как незаметно управлять семьей. Ты же у меня умная! Думать надо не как достичь желаемого, а как правильно его достичь.

Целыми днями Лиза помогала бабушке, которая, как непоседа, то дома прибирала, то в огороде находила себе работу.

Трудотерапия и душевспасительные беседы с бабушкой давали хорошие результаты, и успокоившаяся Лиза уехала домой. Но через пару дней железобетонная политика матери доводила ее до истерики. В Сакинат словно вселился бес, каждое слово произносилось с издевкой и грубым ругательством: «А-а-а, так у тебя одно место чешется?» – произносила она. «За первого попавшего голодранца замуж хочешь? Боишься засидеться в девках? Тварь. Опозорить семью хочешь? Я тебя сама убью, чем выдам за этого чмо с голой задницей. А если убежишь к нему, то прокляну по седьмое колено».

Ночью Сакинат спала плохо, мучали кошмары. Проснувшись она с тяжелой головой.

– Э-э-эй! – крикнула она дочери. – Вставай, «невеста убогого», иди, корову подои. Ты не слышишь меня, что ли?

Она вскочила и зашла в комнату дочери, но ее там не было.

– О мой Бог! – воскликнула она. – Неужели эта тварь убежала замуж? Может, вышла во двор?

Сакинат кинулась искать дочь. Она нашла ее в сарае. Лиза повесилась.

Она завывала страшным голосом и потеряла сознание.

Мать и дочь хоронили в один день. То, что дочь повесилась, скрыли от всех. Но едкий слух исправно пополз по домам: «Вы слышали? Они, говорят, убили свою дочь. Чтобы не выдать замуж». Это был очень тяжелый таъзет. Даже мужчины плакали, когда носилки с трупами понесли на кладбище.

С этого дня никто в селе не видел Лизиного жениха: одни говорили, что он заболел, а другие утверждали, что уехал в Сибирь.

Целую неделю все жители села обсуждали смерть Сакинат и Лизы. Но жизнь продолжалась и потихонечку другие новости поглощали внимание сельчан, и уже через месяц о них не вспоминал никто.

Зайдат сидела в инвалидной коляске. Ее выкатили во двор и оставили на ее любимом месте, где они когда-то любили сидеть с Хамбердом. После смерти дочки и любимой внучки Зайдат хватил удар. Четыре месяца она лежала на грани смерти. «Зачем я осталась жить?» – вопрошала она. «Мне не нужна такая жизнь!» – кричали ее глаза. Говорить она уже не могла. Вместо звуков Зайдат издавала мычание. Иногда ее забывали, и она целый день могла сидеть здесь, во дворе и, глядя на белый свет, вспоминала прошедшую жизнь, тяжелое, но счастливое детство, страшную высылку безвинных народов в Казахстан и Среднюю Азию, неустроенность вернувшихся на Родину людей – все это мысленно проплывало перед ее глазами. В каждом из этих периодов она находила что-то хорошее, светлое, и слезы лились из ее глаз по безвозвратно утерянному. Так проходили дни, недели, месяцы.

Однажды, глубокой осенью, выдался пригожий солнечный день. Дочери выкатили ее на коляске и оставили на излюбленном месте. Желто-багровые листья шуршали под ногами прохожих по тротуару людей.

– Мама! Мы быстро съездим на рынок, – сказала Мадина. – Макка поедет со мной, а Аслан будет дома, хорошо?

Зайдат два раза закрыла и открыла глаза, мол, езжайте, со мной все в порядке. Дочери уехали, а Аслан посидел немножко рядом с мамой и ушел в дом. Через некоторое время из дома послышалась музыка. Муслим Магомаев пел: «Ты, моя мелодия, я – твой преданный Орфей», – и вдруг перед глазами Зайдат встал холодный осенний день тридцатилетней давности. Она вспомнила этот день в мельчайших красках, поминутно, и вдруг дико замычала, завывала, глаза расширились до невозможности. Она отчаянно рванулась из кресла, будто хотела исправить неисправимое. Тяжкий вздох вырвался из ее груди, и сердечная мышца не выдержала нагрузки. Она умерла.

Муслим Магомаев самозабвенно пел:

Все, как дым, растаяло,
Голос твой теряется вдали.
Что тебя заставило
Забыть мелодию любви?

Глава IV

Тридцать лет назад. Промозглый осенний день близился к закату. Зайдат, нагруженная сумками, быстро шла домой. Надо было успеть приготовить ужин для Хамберда. Он предупредил, что с ним могут быть гости. Мерзкая слякоть чавкала под ногами. Этот день что-то не задался с утра. Дети разбили трюмо, которое было приобретено с таким трудом. Уход за свекровью тоже было делом нелегким. Она не помнила ничего: ни что ела, ни что пила, не могла контролировать себя и ходила под себя. Иногда могла выйти со двора и уйти, куда глаза глядят. Когда Хамберд был дома, он никому не давал ухаживать за своей матерью, но он целый день был на работе. Только Зайдат вошла во двор, как она увидела свою свекровь, грязную от испражнений. Зайдат вскипела:

– Ва Даъла! Когда закончатся мои мучения в этом дворе? – крикнула она. – Где вы, дети? Почему не смотрите за бабушкой?

Из дома доносилась громкая музыка, и Муслим Магомаев пел:

Ты моя мелодия...
Я твой преданный Орфей.

Зайдат поставила сумку и схватила шланг, присоединенный к крану. Вода шла хорошо, с напором, и она начала мыть этой холодной водой, в холодный осенний день, свою свекровь.

– Вот так я тебя буду мыть, если не перестанешь ходить под себя, – приговаривала она, не обращая внимания на испуганный взгляд забившейся в углу старухи.

Беспощадная струя холодной воды хлестала беспомощную старушку. А Муслим Магомаев пел:

Дни, что нами пройдены,
Помнят свет нежности твоей.

Евгений ЛИСТОПАДОВ

Евгений Иванович Листопадов широко известен в Кабардино-Балкарии как фотохудожник, работы которого неоднократно представлялись на всевозможных выставках в республике и за ее пределами, публиковались в периодической печати. Состоялись три персональных выставки. Свет увидели и три больших персональных фотоальбома, рассказывающие о красоте родного края.

Евгений Иванович был руководителем народной киностудии на заводах «Телемеханика» и СКЭП, стал дипломантом многих всесоюзных и всероссийских конкурсов любительских фильмов в Москве, Туле, Калининграде и т. д. В республиканских СМИ не раз появлялись его зарисовки и заметки, отличавшиеся нестандартным стилем письма. Публиковался Е. Листопадов – член Союза журналистов СССР – и в центральной прессе.

В 2007 году в государственном книжном издательстве «Эльбрус» вышел в свет роман Е. И. Листопадова «Поезд идет во все стороны» – о жизни разных слоев нашего общества в годы правления И. Сталина, увиденной глазами многих людей и собранной воедино в творческом объективе автора. Он принимал участие в коллективном сборнике писателей Северного Кавказа «Возвращение домой», изданном в Москве Фондом социально-экономических программ С. Филатова. В 2015 году в издательстве «Эльбрус» вышла вторая часть дилогии «С памятью не расставаться».

Камушек

...Кто галстук, кто крестик, ладанку, медальон с портретом любимой, кольцо бриллиантовое, бусы... А он камень носил на шее. Откуда и как он там оказался – не знает. Но, похоже, что это тот самый камень, о котором народная молва сообщает. Его держать за пазухой не надо бы.

А он носил. На тонком, из обычных ниток, шнурочке. Маленький, кругленький, серенький. Да и, вообще-то, как бы и ничего. Но камушек к подростковому возрасту обладателя стал увеличиваться да увеличиваться. Да и подрос с теннисный мячик.

Дальше – больше! Он стал все подрастать и прибавлять в весе. Ну, прямо беда с ним! И вот уже у него на шее, на крепкой веревке, камень – размером с кирпич.

Пробовал он от него каким-либо образом избавиться: подарить кому-либо, забыть где-либо... Да какое там!.. Камень уже поболее футбольного мяча, никуда не отпускает. Да так и норовит на крутую гору подняться, да вдвоем с нее скатиться. Либо наоборот: он в заоблачную высь стремится, а камень его к земле тянет. А если тому захотелось в море-океане поплавать, порезвиться, поплескаться, так камень его сразу на дно тянет.

Дальше – хуже! Жить стало совсем грустно. Да и что это за жизнь такая, с камнем на шее? Весом с себя самого. Ни бегать, ни летать, ни плавать, да и ходить – быстро ли, не спеша – камень на шее уже не дает. А ему все невдомек, что пора прекратить врать и воровать, обижать и надувать, ближнего и дальнего. И вообще не совершать всякого рода гадостей и пакостей. И тогда камень вновь станет маленьким, сереньким и тепленьким.

И будет ему напоминать о том, что он человек! Человек добрый, терпимый, ласковый, отзывчивый, любимый и любящий.

Пахари

Отец с сыном пахали – устали. Да и обедать пора. Пасхальные дни уже закончились. А куличи, яйца крашеные и другая какая снедь еще осталась. Расположились отец с сыном на бугорке. Яркое весеннее солнышко греет, птички поют. В конце трапезы сын отцу и говорит:

– Батя! Гляди, наш поп-батюшка в поте лица своего пашет на своей делянке. Пойду да отнесу я ему пару яичек?

– А чего не отнести? – благодушно говорит отец. – Отнеси, сын. Божий человек! Слово какое доброе перед Господом замолвит. За нас, грешных. Да скажи: Савелий, мол, кланяться велел.

Сын пошел, зажав яйца в кулаки. Приходит к попу, а тот распрягает быков. Видимо, обедать тоже намеревается.

– Батюшка! Отец прислал вам пару крашеных яичек, да велел передать, что взамен он ваши оторвет! Да заодно и голову. Если вы к нашей матери по ночам через забор шастать не перестанете!

Деревенские мужики после уборочных и других полевых работ уходили на заработки. Кто плотничал, кто печи клал. Другие какие работы выполнять по окрестным селам. Савелий плотничал. Когда сын вернулся, Савелий спросил:

– Ну, чего там, батюшка много вспахал?

– Да не! Половину. С сохой чего-то не ладится. Просил прийти помочь – что-то там забить или отрубить надобно. Топор с собой прихватил.

– А чего не подсобить? Божий же человек! Слово же замолвит! – видимо, Савелий по окрестным селам не только топориком помахивал. – Помочь? Как же не помочь! Надо, конечно! Почему же нет. А то!.. Божий человек! – бормочет Савелий. Берет топор и шагает напрямик через пахоту к попу, ловко поигрывая топором, перебрасывая его из одной руки в другую.

Поп как увидал!..

Его с креста, что маковку храма венчает, пожарная команда снимала.

Островок

Островок в океане метров пятьдесят в диаметре. Обитаемый.

Проживает на островке одна семья: папа, мама, три сыночка и две дочки. Вдоль береговой линии растут пальмы. В глубине – банановые, финиковые, тутовые деревья. Смоковница. Хлебное одно. Яблоня и груша. Рядом рощица ореховая. В самом центре островка ручеек из-под камушка булькает... Ива плакучая над ним. Кругом грядки с овощами: капуста, томаты, петрушка, укроп, сельдерей, морковь...

Куст красной, куст черной смородины. Картофельные клубни размером с дыню, а репа с тыкву. Полоски с овсом колосятся. Да рожь зеленеет.

Неурожайных лет не бывает. Да и зимних холодов, со снежной порошей, стылых осенних ветров никогда не наблюдалось. Один урожай еще не съели, второй уже созревает.

Теплый Гольфстрим от кораблекрушений чего-либо выносит да на берег кидает: бутылки, чашки, ложки, другие какие полезные в хозяйстве вещи.

Меня, вон, тоже выкинуло! Но! Мачту починю, парус залатаю, благоприятных муссонов дождусь и... уйду! Наполнив ветром паруса, на восходе или на закате дня.

Глава семьи просил о них никому ни слова! А то ведь набегут! Налетят. Наплывут. Наедут. Они же сами на острове живут инкогнито. Поселились, правда, давненько. Три либо пять тысяч лет до рождества Христова. Еще не было на земле семи чудес света, колеса, атомной бомбы, телевизора и сотового телефона. Старожилы они как бы уже... аборигены даже.

Животных и пернатых сначала было шестеро: заяц, коза, лиса, попугай, ворона и петух. Недавно, этак лет триста как тому, воробей залетел. Теперь их стало семеро.

Курам на смех

Вызвали как-то куда-то корову, да и назначили... рысакон! «И-го-го! – заржали кони. – Так не бывает!» Ан нет, бывает всякое, тем более что ей (корове бывшей) уже и сбрую разную (для будних и парадных скачек) выделили: уздечку там, попону, седло. Только непонятно всем: на кой корове седло-то? Рацион, конечно, соответствующий дали, уход, все путем. Персональная кормушка, телега на резиновом ходу, конюх, проездные, ездовые и прочее.

Соседи по конюшне рысачат себе, кто на ближних, кто на дальних дистанциях.

Кубки, призы, дипломы разные получают, словом, овес свой в поте да пене зарабатывают. А что же наша буренушка, вернее, рысак? Знай себе жует да мычит, мычит да жует, а бывает, и вовсе не мычит и не телится. Или, как говорится, ни быка, ни молока!

Отшумела половодьем весна, кануло утренними росами лето, отзвенел осенний листопад, косой зимнюю шубу надел, вновь созрели овсы.

Вскоре в закромах и кормушках появился корм нового обмолота. Жеребцы и кобылицы скачут да скачут, кто галопом, кто рысью, а кто аллюром! И, конечно, опять высокие призы берут, а героиня наша все жует да мычит. Пробовали ее было вывести из конюшни и под седло поставить... Куда там! Лбом упирается, рогами бодается, хвостом отмахивается, копытами отбрыкивается. «Не могу, – кричит, – не хочу!» – мычит. Беспородные, и те возмутились: это что, мол, за привилегия такая, за какие такие заслуги да заслуги? «Нас, скотину тягловую, можно, значит, в хомут и в ярмо, а чуть что – и оглоблей по хребту, а эта яловая скотина кого и что из себя строит?» – «На колбасу ее, а шкуру – на барабан!» – проржал кто-то. А с другой стороны добавили: «Рога да копыта – на бижутерию!»

Но не тут-то было. Сверху вдруг рык раздался, да такой, что жутко всем стало: «Раз-де-ру! Раз-го-ню! Не поз-волю! Нель-зя! Заслуги... Жирность... Известность... Породистость... Навею... На вся...!» Но кони свое скандируют: «На кол-ба-су!» Шум там такой поднялся, что и люди не выдержали: «Сальтисон!» – раздался чей-то не очень приятный голос. «Котлеты пожарские, котлеты киевские», – пророкотал неуверенный бас. «Харчо! Харчо!» – «Хочу хаш! Хаш хочу!» – понеслось со всех сторон. А сверху вновь строгий голос: «Нельзя! Из рысаков сразу в коровы? Не положено! Тут надо подумать, пошевелить, пораскинуть...» – «Да чего думать-то! – дружно уже, в один голос воскликнули и кони, и люди. – Опять в буренки перевести – и все тут! Ошибка же вышла». А в ответ: «Ошибка – оно да, но только... как-то... все же... надо бы...»

Словом, на общем собрании постановили: перевести числившуюся в рысаках корову в... корову. И пошла эта бумага на утверждение (куда надо), а там... А там подумали и решили: раз несколько сезонов в рысаках числилась, то в прежнее положение как-то... Нет, не поймут нас выше. И вышла резолюция такая: «Учитывая и в связи с... перевести вышеназванную корову-рысака в верблюды».

У вечного порога

Глава из сценария

Он стоял перед ним в черном измятом и изрядно испачканном костюме, белая манишка с бабочкой истлели и рассыпались трухой по впалой груди. Брюки полосами струились по костлявым ногам. Но лакированные башмаки, несмотря на длинный и утомительный путь – а перед тем он изрядное время пролежал в гробу и в сырой земле, – не утеряти свой блеск и форму. Да и держался он таким бодрячком, как видно, надеясь на вечное, беззаботное сытое приятное будущее.

Петр вертел на указательном пальце правой руки большой отполированный до золотистого блеска медный ключ. Не строго, а скорее пытливо всматриваясь в лицо

вновь прибывшего клиента, с горящим взором и крупными бороздами морщин на впалых щеках, с оскалом пней от зубов и лысым желтоватым черепом – заговорил:

– Ну давай! Признавайся. Почему в рай, а не в преисподнюю? Столько лет на земле прожил и не грешил что ли?

– Да как не грешить, Ваше сиятельство! – бормочет клиент, не зная как ответить и как обратиться к этой, священного, небось, сана, персоне.

– Да ты не робей! – приятельским тоном говорит Святой Петр. – А зови меня просто Петр. А то – Петя! Я хотя и буду постарше тебя на пару тысячелетий, но!.. Надо считать, что мы с тобой ровесники. Потому как земная жизнь сравнима к небесной один год к ста, а кому и двумста. Уразумел? Так что давай, перечисляй грехи свои: большие и маленькие, тяжкие и совсем мерзостные. Где про что утаишь, сбрехнешь, я подскажу, поправлю.

Петр, мужик дородный. Босой. Басовитый. В широкой, подпоясанной скрученной из верблюжьей шерсти веревкой, в серого цвета домотканной хламиде. Голова большая и кудлатая, борода и усы темные, с редкой проседью. Похоже, не часто мыты, стрижены, чесаны. Да и когда тут!.. Упокойники в одиночку и толпой!.. Увечные калеки, без рук, без ног прямо с полей сражений, под барабанный бой, трубный звук, пушечный салют! Как на параде, строем маршируют. А ему надо определить кого куда, вверх, вниз. Победителей и побежденных.

Петр, продолжая расспрашивать у прибывшего путника про его путевую и непутевую жизнь и деяния земные, озвучивает и свои мысли.

– Все в рай норовят попасть! Их грехи не пушают, а они – нахально! Даже не веруя еще или уже! Но с пакостной надеждой, что авось! Пролезет, прошмыгнет незаметно! Уговорит, объегорит. Но меня обмануть – себе во вред. А ты исповедайся, давай. Все про все взвесим, какие твои поступки и дела куда потянут – туда и топай.

– Да вот маму... – бормочет клиент.

– Маму не тревожь! – строго обрывает его Петр. – Маму все обижают! Даже святые. А твоей маме и ее маме здесь упокойно! Не голодно, не жарко, не холодно им, – Петр кивает головой на запертые ворота в Рай.

– Далее глаголь. Падшим, увечным, обиженным и оскорбленным милостыню подавал? Сопереживал? Сочувствие оказывал? Утешал? Помогал словом и делом?

– А то как-же!.. – пылко восклицает клиент. Словом и делом... Кому что! Другим сколько надо, и на похмелье, да и так. На помин души... Рубль, два, три! К пожилым, старым людям с сочувствием и почтением... к своим и родным детям с любовью и лаской. А уж свою жену как любил!!! Да и чужую как свою!.. Один раз. Но я не виноват... Она сама... Ей надо. А муж алкаш! А до того и опосля – никого! Никак! Вроде бы...

– Путем праведным, стало быть, шагал по жизни, спотыкаясь, но не падая? – ввернул фразу Петр в пылкую и не очень вразумительную, но искреннюю речь клиента.

– Если нет, так да!.. – признался клиент и продолжал на высокой патетике свою речь, уже окончательно осмелев: – Когда как по ситуации и по обстоятельствам! Конечно, не подставлял ни левую, ни правую щеку. А сам дубасил по мордасам! Хамло! Дерьмо! И мразь всякую! Много ее вокруг да около развелось! Потому как предстану перед Господом нашим, справедливым и милосердным, буду просить и молить его нещадно, чтобы он меня, хотя бы ненадолго, да обратно возвратил! И

чтобы тело и душа силу и дух имели. Уж я тогда!.. Потому как доподлинно помню и знаю, кому, чего, сколько, как и за что! Некоторых легонько упрекнуть, перед кем-то повиниться! А кому и в харю плюнуть, дать другому в морду. Потому как хамло! Взятчники и ворюги! А уж и эти!.. Бо-го-вер-цы! Одни головой об стену... другие – стоя на коленях. А кто носом землю нюхает, подставляя зад небу, и перекрестившись, обнюхав ладони, умоляют и требуют с неистовостью; дай, Господи! Прости, Господи! Пронеси и помилуй, Господи! И убивают друг друга с именем Бога с пеной кровавой на губах. Белые, черные, желтые, рыжие, голубые! Кому и зачем? Для кого и чего? Ай-ай-ай! Срамота какая! Ох, как надо! Край надо!.. Прикрыть планету нашу, в грехе погрязшую. Очистить ее от скверны и пакости вредной, да заново и открыть для всякой твари по паре! Любви обильной и Богу послушной. Ты, Петя! Допусти меня к Самому. А то укажи дорогу к Нему. А я уж разъясню, что да как!..

– Ага! Делов у Него более важных нема, как тебя выслушивать, да потакать твоим бредливым мечтаниям да фантазиям? Он и без тебя все и про всех ведает. Но Он нынче высоко и далеко. И очень высоко. С недовесом у тебя грехов, заходи уж.

Петр вставляет ключ в замочную скважину. Дверь с легким скрипом открывается настолько, что клиенту можно только боком протиснуться. Петр легонько толкает его в спину. Тот заходит и...

– Ну ты, Петя, даешь! – в изумлении восклицает клиент...

Случай в горах (алмасты)

Всякого рода чудеса и загадочные явления происходят повсеместно. На Северном Кавказе они тоже отмечены. Тарелки и другие неопознанные объекты в горах летают. Народ – мужики – исчезают. Это их инопланетянки на свою планету забирают, одних безвозвратно, некоторых возвращают в беспамятстве, убедившись, что не мужики это. Барабашки сквозь железные двери и бетонные стены в квартиры проникают, гремя посудой на кухне, бормоча невразумительную тарабарщину, пугают обывателей. А лжепророков, колдунов, целителей и экстрасенсов развелось больше, чем врачей. Эти шарлатаны вылечивают здоровых моментально, а хворых калечат навсегда!

В окрестностях города Нальчика имеется отработанный песчаный карьер. Там можно найти моллюски, раковины, морских ежей и прочие окаменевшие останки океанских обитателей. А также обозначены особые зоны, где космические напряжения, экзотические явления испытывает человек: с минуту постоит – зуд и зубная боль проходят, и летний загар даже зимой покрывает его толстым шоколадным слоем. Но как только из карьера выходит, зуд и зубная боль снова возвращаются и загар исчезает. Что? Как? Почему? Официальная наука не объясняет. Это только морскому ежу известно и понятно.

А в ущелье Адыл-су чудодейственный камень обнаружили. Факт на всю Россию известный. А все началось с того, что одна супружеская пара, прожившая годы в любви и согласии, никогда не расставаясь друг с другом и, как говорят, живя душа в душу, мечтали себе ребятишек завести, но как они ни старались, так их и не нажили. Быть бы им без наследников, а жена возьми и поезжай на Кавказ. Совершая восхождение на вершину горы Улу-тау, на половине маршрута присела передохнуть

на камушек – да в положенный срок и родила. Причем двойню – мальчика и девочку. Прелестные такие карапузы получились и, по определению научных светил, с гениальными способностями: девочка через год пиликала на скрипке этюды Паганини, мальчик решал сложные математические задачи... Прослышав о таком чуде, бесплодные дамы выстраиваются в очередь у того камушка, даже девицы, посидев на нем, рожают. Чудо из чудес! Этакое, знаете ли, непорочное зачатие.

А снежный человек, известный на Кавказе как алмаст? Его уже более сотни лет ловят и никак поймать не могут. О его существовании всяческая «разноцветная» пресса и солидные издания и телевидение сообщают, приводят неопровержимые факты. Да и легенды и местный фольклор указывают на его присутствие в горах Кавказа. То находят полуметровой длины отпечаток пятипалой ступни на снегу, то кучу навоза обнаружат – такой, мол, консистенции и конфигурации ни одно животное после себя не оставляет, это только человекообразное способно так много навалить. Конечно, высокое и огромное оно, лохматое...

Однако, мне помнится, в семидесятые годы прошлого столетия одного все же изловили. Он, в конце концов, своими воровскими набегами окончательно разозлил жителей одного из сел Зольского района в северо-восточной части Эльбруса. Домашняя птица, овощи с огородов, бельевые веревки с постирушками пропадали систематически. А сколько из общественного стада баранов пастухи на волков списали? Но те на месте пиршества шкуру да кости оставляли, а этот троглодит целиком их проглатывал, что ли?

Но когда его, выследив, загнали и повязали, он неожиданно всех по-русски матом обложил. И не менее красноречиво начал ругаться на кабардинском, балкарском и других кавказских языках, наречиях и диалектах... В ближайшем селе родственников отыскивали. Те еще в начале Великой Отечественной войны бумагу получили из военкомата: «Пал смертью храбрых в боях с фашистскими захватчиками». А он, оказывается, пошел в рукопашную атаку, да и повернул в горы. Более тридцати лет прожил в пещере. Оброс. Одичал. Алмаст, одним словом. Так и не признав преимуществ цивилизации, поселился вдали от шума городского на заднем дворе у родни в сложенной им самим сакле, с очагом в центре и с дыркой в потолке.

Совершив на облюбованном им бугре за селом утренний или вечерний намаз, он поворачивал наполненный влагой взор на запад, где утренняя заря окрашивала горы в розовый цвет или весь Кавказский хребет выступал четким силуэтом на фоне вечернего заката, с неизбывной тоской, на всхлипе, шептал:

– О Аллах! Как я хочу домой, в горы! Ой-е-е-е-я-я! Как я хочу домой!

Несколько раз сбегал, его ловили и возвращали. Скрываться стало трудно, пастухи и табунщики уже хорошо знали места его обитания. Так и умер от ностальгии по местам своей «боевой» юности, полной приключений зрелости, страдая от постоянного насморка, недостатка кислорода, от бензиновых паров, газа и запаха железа...

В горах, на высоте свыше трех тысяч метров, вода в котле закипает при температуре около 70 градусов, а бутылка водки оказывает такое же воздействие, как эквивалент сухого вина на грузина. Наука это объясняет так: воду кислород, насыщая, обогащает, а спиртосодержащие напитки, разбавляя, подавляет. Да и закусывают в горах обильнее, не как на Руси – один огурец на компанию.

Кавказские горы таят в себе еще много непознанного, мистического, парапсихологического, экзотического, экзотерического.

Лет двадцать назад это было. Возвращался я от ледника Терскол в гостиницу «Чегет». Вижу, что ночь застает меня в пути, а уже и усталость дает о себе знать. А топать нужно километров пятнадцать по тропе, местами вьющейся среди валунов, перешагивать да перепрыгивать через ручьи, лужи, топи да болотца. Есть риск в темноте чего-либо вывихнуть либо сломать. «Скорую помощь» не вызовешь. Разве что пастухи на следующий год-два или туристы обнаружат обглоданный скелет. Вот поэтому настоятельно не рекомендуют ходить по горам в одиночку.

До дряхлой избушки на «курьих ножках», вросшей в землю под самое брюшко (по-балкарски – кош), километра два. И я решаю заночевать на поляне, покрытой зеленым ковром альпийских трав, украшенной лоскутами синих, красных, желтых цветов высокогорья. Выступающий на метр над землей валун с плоской обширной площадкой и стал моей спальней. Рюкзак под голову, теплые шерстяные носки до колен, свитер, штормовка с капюшоном, плоская 500-граммовая непочатая фляжка с крепким напитком, ужин туриста в стеклянной банке – в общем, ночь можно провести весело, была бы компания.

Небо уже готовилось к параду звезд. Алые флаги, транспаранты, узкие и широкие полотнища, украсив небосвод, застыли в безветрии. Лесистый темно-синий низ массива Донгуз-орун-баши, поглотивший остатки дневного света, отодвинулся вглубь, в темноту. И лишь многомиллионного веса шапка снега и льда на его вершине да усеченный конус горы Накра-тау, освещаемые последними лучами солнца, розовеют, бледнеют, тухнут...

Алые флаги и транспаранты облаков взвились вверх, и небо их поглотило. Ярko-оранжевый свет заката контражуром высветил всадника, спускающегося с Эльбруса. Горбоносый мрачный нарт в черной лохматой папахе, в черной бурке, покрывающей круп коня. Позади него размытыми очертаниями просматриваются отставшие кентавр (человек-лошадь из греческой мифологии), в блестящих стальных латах фигура средневекового рыцаря и ясный образ русского богатыря Алеши Поповича, шагнувшего с картины Васнецова «Три богатыря»... Какие-то секунды нарт сдерживал нетерпеливого скакуна, порывающегося встать на дыбы. Но вот конь и всадник медленно опрокинулись в темно-синий провал пропасти и сразу превратились в белые потоки облаков, стелющихся по ребристой стене скалы.

К следующей ситуации я успел вынуть из кофра фотоаппарат с дальнoзорким объективом. И вовремя. Потому что возник сам Господь Бог на небесах или местное высшее божество. Лицо светлое, взгляд мудрый, но направлен вверх земли, в космические дали. Белая борода, раздвоившись, превратилась в тяжелые темные грозовые тучи. «Не манну небесную, а кару посылаю на головы за непотребные деяния ваши да поступки мерзостные»... Так и разошлась борода-туча черной силой в разные стороны: одна часть – на запад, другая – на восток исполнять божье повеление. А как и куда исчез лик божий, я проморгал, но сфотографировать всемилоостивого да всепрощающего успел.

Проявилась низко, над горизонтом, мерцающим голубым бриллиантом первая звездочка, синие краски неба потухли. Загорелась вторая звезда, правее и выше первой. Она и будет командовать парадом звезд, вмиг усеявших небосвод.

Какое это, однако, наслаждение – лежать на спине высоко в горах и любоваться потрясающей красотой звездным небом. Звезды здесь не то что внизу, на равнине, здесь они намного крупнее и ярче. В полукилометре от меня, на пике Терскол, расположена высокогорная обсерватория, где наблюдают за титаническими процессами в звездном мире. Спросил как-то у одного из тамошних «звездочетов»: «Сколько вы их уже насчитали?» – «Считаем. Одни посчитаем, другие появляются... А за ними возникают миллиарды следующих, и даже те, что потухли, взорвались и разлетелись, но все еще светятся, тоже считаем». – «Так от этого всего может и крыша поехать?» – «Может. Поэтому мы их ночью считаем, а днем спим. Это чтобы с нормальными людьми не встречаться. Они же нам детские и дурацкие вопросы задают, на которые мы не можем ответить. И не ответим никогда!»

Лежу я на плоском валуне, устремив взгляд в эту бездонную, язвительно подмигивающую даль, и чувствую себя так, будто я один нахожусь в центре вселенной. Вокруг никого и ничего! Не в ответе я за все, что вокруг меня и далее, потому как только себя понимаю и ощущаю. Это и есть, наверно, так называемый эгоцентризм, крайняя форма человеческого эгоизма.

А вот – мысль! Она же самая могучая и всепроникающая сила во вселенной. Опять же – до определенного предела. Ее я и включаю. Вот он, Млечный Путь, созвездия Малой и Большой Медведицы. А вот Водолей, Козерог, под которым я родился. А это? Это спутник, кувыркаясь и поблескивая, быстро пролетает от одного края небесной сферы до противоположной и скрывается. «За этим всем что? Звезды! А за звездами? Созвездия! А за?.. Да ничто! Темнота и пустота. А за пустотой? Бесконечность! А за бесконечностью? Да ни дна, ни крыши!» Тьфу ты, дьявол!.. Буль-буль-буль из фляжки. Вот она точно не бездонная! Граммов на сто осталось «булек».

Небо покрылось пришедшими со стороны Черного моря хмурыми тучами. А затем враз наступила темнота, хоть глаз выколи, и тишина – уши оторви. Фосфоресцирующие огоньки замелькали. Знаю, я их видел не раз – это светлячки-червячки. И не бегают, и не летают они, а ползают медленно, не спеша. Привиделось? Уже? Тень промелькнула. Остановилась. Шарахнулась. Кинулась за валун. А он стал подниматься, подниматься... Земля проваливалась. Буль-буль-буль остатки... Задремал, заснул, забылся...

Открыл глаза на пороге дня. Точнее, ночь через порог день еще не пускает. Лежа на боку, глазами вижу, а тело и конечности – в полной отключке. Ну, ни вздохнуть, ни пальцем пошевелиться не могу. Все понимаю, все чувствую, вижу обозначенную на горе Чегет сероватость рассвета, а позади звуки и непонятная возня. И еще что-то!.. Поднимается из таких глубин! Опускается с таких высот! Тя-же-лое! Мас-сив-ное! Не страшное, вроде бы, но властное. Давит молча. Кто кого? Я его или оно меня? Парапсихология – это тоже научно необъяснимое явление. Когда органы чувств еще действуют, но не могут влиять и контролировать физические и мышечные процессы. В общем, целый комплект придурья. Паранойя, параномия и т. п. А «оно», «это», давило, давило – и через меня необъятной массой перевалило и покатилося вниз по ущелью, не то похохатывая, не то повизгивая, распадаясь на черные и белые, мелкие и крупные осколки, разбрызгиваясь желто-синими искрами. Фу-фу-фу! Быстрее вниз! Туда, где шумно и весело. Где электричество, твердь асфальтовых дорог, запах бензина, вкус водки, аромат шашлыка...

Решаю путь подсократить. Не стану спускаться к поселку Эльбрусскому, а пойду по левому склону и по трубе, перекинутой через Терскол – приток речки Баксан, перейду. А там рукой подать до гостиницы «Чегет». Но на первом же повороте вляпался в густой, как сметана, туман. В двух метрах – ни зги! Ночевала тучка золотая в боковом ущелье, да и выползла погреться на солнышко. Продвигаться в горах на ощупь опасно. Положив под себя рюкзак, присел на тропе, обозначенной копытами домашних и диких животных. Пять ли, десять минут прошло, как вдруг справа... надвинулся на меня громадный инопланетянин с кривыми антеннами на голове. От удивленного ли вдоха моего и выдоха ли – встряхнув антеннами, взревев зверем, он развернулся на одном месте и, обдавая меня комьями дерна и щебнем, галопом кинулся прочь. А я от него, держась за лямки рюкзака, заскользил по ухабистому крутому склону. Остановился, упершись в копну свежего сена.

Дюймовочка

Он стоял в центре небольшой поляны, обрамленной со всех сторон высокими шумными березами.

Закончилась весна, уж лето наступило. Лесная поляна накрылась разноцветьем цветов и зеленью сочных трав. Аромат запахов витает в воздухе. Пташки, зайчики и лисички, бабочки, кузнечики, стрекозы и другие животные и насекомые прыгают, летают, бегают, громко поют и тихо попискивают и стрекочат.

Очень приятно! Светло и радостно. Да так и хочется обнять кого да поцеловать громко, крепко и смачно.

Цветы полевые, они яркие, но не крупные. А этот выделяется семицветием и размером широких лепестков.

Тихо вокруг. Природа в ожидании утреннего дыхания ветерка замерла. А этот шевелится. Шмель, наверное, нектар добывает, либо медоносная пчелка трудится. Он опустился на корточки, присматриваясь. Вот чудеса! Такого в жизни не бывает. Это только в сказках, случаясь, происходит. Маленькая, меньше указательного детского пальчика, с мизинец должно быть, – Дюймовочка. В белоснежной шубейке. На головке шапка розового цвета, а сапожки алого. Стоит в центре цветка, держась правой ручкой за пестик, а левой, в пуховой варежке, призывно помахивает.

«Еще ниже нагнись, я тебе что-то важное и приятное сказать могу!.. Хочу сообщить. Ты возьми меня с собой. Не пожалеешь. Да ты не думай, что я такой всегда была и останусь.

Нет. Меня в одном из НИИ, в секретной лаборатории из большой в маленькую превратили. Поместили в пробирку. Они форточку забыли затворить, кто-то вентиляцию включил, меня сквозняком и выдуло. А гуси-лебеди меня на эту поляну доставили.

Нет, не на беду, уж нет! Зато теперь ты – счастье мое! Я – твое! Ну как? Возьмешь меня? Бери-бери, не пожалеешь». Тонким и красивым голосом просит его Дюймовочка. Вася, он лесничий. У него срубленный домик на краю поляны, он его наследовал от батюшки с матушкой, вместе с участком государственного леса с его дикими обитателями, с которыми у него добрые взаимоотношения, как, впрочем, с жителями окрестных селений тоже.

Вася аккуратно и бережно оторвал цветок с Дюймовочкой со стебля и, положив его с ней на ладонь, понес в дом.

На высоком стебельке и принес Дюймовочку домой. Допоздна они пели да плясали. Вася аккомпанировал на дудочке за столом, а Дюймовочка на столе пела и плясала. Она даже подросла на несколько сантиметров. Утомонились к полночи. Вася на деревянной кровати крепко заснул, а Дюймовочка на одном из лепестков цветка липы прилегла, накрывшись другим лепестком и подложив под голову мягкий пуховый комочек.

Вася проснулся поутру от яркого солнечного света, звучной радости и неудержимой любви. Стол покрыт цветной скатертью, а на столе пироги, пирожки, его любимые с капустой и картошкой. Блинов горка, салаты из овощей, заправленных сметаной. Варенье из разных фруктов в хрустальных розеточках. Каравай пышный с румяной корочкой и другие разные блюда. А самовар пыхтит и призывно манит золотистыми бликами на боках. И девица краса, золотистая коса, щеки румяные, губы алые, глаза голубые, брови темные полумесяцем, ресницы с загибом, призывно помахивают – садись к столу, добрый молодец, не гостем, а хозяином будешь.

Стали они – Вася и Таня – жить да поживать в любви и согласии.

У них родились два сыночка, да лапочка дочка.

Ванька уже полковник. Ближний и дальний космос осваивает.

Сережа профессор, в области генетики, биологии и кинетики. Маруся мечтает всех обиженных, униженных, оскорбленных и страждущих приютить, обогреть, одеть, обуть, накормить, обласкать. А тех, кто споткнулся, упал, – поднять, утешить. В общем, она создатель и вдохновитель всемирной организации спасения на земле, воде и на небесах.

А Вася с Таней еще молоды, красивы, полные сил и здоровья. И любят друг друга по-прежнему – ну очень сильно!

Альпинист

О резервах и скрытых возможностях человеческого организма, которые проявляются особенно в минуты опасности и возникновении при этом страха, говорится немало. Типичный пример тому – отец Федор из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцати стульев», укравший круг колбасы и заскочивший по отвесной стене на вершину скалы, где и прожил несколько дней, пока его оттуда не сняли пожарные. Этот эпизод фильма, кстати говоря, снимали в КБР, в окрестностях г. Тырнауза. Но это кино. И другое кино...

Группа альпинистов совершала довольно сложный траверс нескольких пятитысячников в зачет норматива мастеров спорта СССР. А с ними увязался Вася (назовем его так), кинооператор местного телевидения, физически здоровый и умственно вроде надежный. Была уже пройдена большая часть намеченного маршрута и оставалась последняя вершина, но самая сложная и во всех отношениях коварная и непредсказуемая по своим климатическим условиям. Так вот этот здоровяк Вася, как говорят в таких случаях спортсмены, сдох! «Все! Силы мои кончились! Никуда я не пойду. Здесь остаюсь. Обложите меня камушками, снегом сверху присыпьте, на обратном

пути заберете». Альпинисты, отойдя в сторонку, недолго посоветовались, и руководитель группы говорит Васе:

– Мы тут подумали и вот что решили, Вася. Обратного пути у нас нет. Только вперед! Назад без сопровождающего тебя отпускать нельзя. Заплутаешь и все равно пропадешь. А с маршрута сходить никто не желает. Сам понимаешь, кому это надо – терять звание мастера спорта СССР! Да и дорого нашему спортивному обществу снаряжать подобного рода восхождение. Рации у нас нет, чтобы сообщить, где находится твой труп. Опять же, зачем? Труп он и есть труп. А в вечной мерзлоте он не пахнет. Лежи себе до лучших времен, когда наука откроет способ оживлять таких заморозков, как ты. А чтобы избавить тебя от мучений – голода и холода, мы постановили...

Присутствующие при этом снимают головные уборы, опускают хмурые лица, а руководитель вынимает из бокового кармана пуховой куртки пистолет и жалобно просящим голосом сообщает Васе, какой конец его ожидает:

– Да все путем, Вася! Мы и акт составим. Провалился, мол, в ледовую трещину, а поднять не смогли. Веревки такой длины не оказалось. В общем, придется тебя, Вася, пристрелить... Прости и прощай, Вася!

Поток адреналина ударил в голову или еще чего от страха выплеснул организм, но Вася так вскочил, будто его током высокого напряжения ударило. В момент у Васи открылось второе дыхание и необычайный прилив сил. Он первым, пробивая в снегу тропу, ринулся на штурм вершины. Снимая с разных точек, разными планами, выбирая нужный ракурс, с упоением истинного художника заставлял участников восхождения несколько раз повторять «ура!» Снял он и развевающееся красное знамя страны, снял тур из камней, в котором была заложена записка в железной банке из-под консервов, где была прописана и Васина фамилия.

Но потом все время допытывался: откуда у альпиниста пистолет? Кто разрешил? Почему? Благодушничая на пляже города Сухуми, куда в конце пути они пришли, участники восхождения в шутку и всерьез ему объясняли: «Он полковник Советской армии. Положено». – «Так граница с Турцией недалеко». – «В горах всегда есть опасность, дикие звери... Другие какие неожиданности... Без оружия никак нельзя. Выдают нам поэтому».

И только позже, когда в Нальчике прошла по телевидению передача о восхождении, куда пригласили его участников, все и выяснилось. Руководитель, прощаясь, достал пистолет, прикурил (пистолет-зажигалка в те годы был заграничной редкостью) и, протягивая Васе, сказал:

– Прими, Вася! На память за хорошую службу и на долгую дружбу!..

Говорят, что это от Васи пошла известная поговорка: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет».

Жучок майский

Утомленный утренним обменом любезностями с женой, опустив голову, не спеша, он шагал по пешеходной дорожке, направляясь в аптеку за пилюлями от головной боли и мазью «Гель» от скрипа в коленях.

Ярко-желтый майский жучок лежал на спине и дрыгал всеми шестью лапками. Он его заприметил сразу.

Вот бедолага! Летел, летел... Устал, небось, и брякнулся прямо на асфальт. Тут же хищники вокруг! Шустрый попрыгунчик, вездесущий воробей, увидит – склюет. Воронья развелось – тьма! Он, конечно, для них добыча не важная. Так – мелочь! Если и увидит какая чернокрылая и бездарная певица, но жгучая шатенка, эту беспомощную букашку, может и пренебречь.

А вот муравьи!.. Эти если обнаруживают на земле крошку хлеба или еще чего из съестного, даже микроскопического размера, – строем, в одну вытянутую в затылок шеренгу и другими боевыми порядками нападают и волокут в свой муравейник на прокорм своего многотысячного потомства.

В Индии или Пакистане с Ираном, по их религиозному учению буддизма о переселении душ, это красивое насекомое может оказаться его дальней родней, прапрабабушкой или прапрадедушкой. В зависимости от того, самка это или самец. А он – она, с неутомимым упорством болтает ножками, намереваясь перевернуться со спины на брюшко. Но тщетно!

У нее же панцирь полукружием, как у черепахи. А когда из моря выходит на берег, ее волной тоже может кинуть брюхом вверх, но набежавшая следующая волна или перевернет, или слизнет и унесет обратно в море-океан.

А тут еще бабуль-дедуль, кто-нибудь из прохожих, не заметив, наступит и раздавит. И тогда мое генеалогическое древо может пострадать. Почечка засохнет, веточка обломится, кора треснет, а то и все дерево рухнет. Мне же еще и сорока пяти лет нету, а скелет уже трещит, колени трясутся. А голова? Вчера за два триста, еще сто пятьдесят принял – болит.

Нет, надо кого-то из этих дремучих пращуров спасти.

Размышляя и философствуя так, он, подобрав опавший березовый листик, осторожно и бережно, – бабуля и дедуля, устав, перестали дрыгаться.

Он краешек листика подsunул под панцирь и перевернул ее-его на брюхо. Букашка, наверное, удивившись на несколько секунд, не подавала признаков жизни. Уж точно не понимая, что это ее праправнук спасает от смертельной опасности. Затем из-под панциря высунула правое крыло и сразу левое. Осторожно и медленно подошла к самому краю листика, пошевелив усиками, взмахнула несколько раз крыльями и, оттолкнувшись всеми своими конечностями, взлетела. Он какое-то время наблюдал ее в полете, размышляя о превратностях всего живого на земле и человека в том числе. Оказывается, жизнь, счастье, любовь и прочее зависит всегда, везде и во всем от его величества случая. И твердо решил: ходить по земле помедленнее и смотреть под ноги. Что у тебя там ползает и бежит.

Когда пришел домой и рассказал жене о своем благородном поступке, она поверила, но с ехидцей заметила: «Очень может быть! Но это не о твоей дальней родне, а о моей поближе, – теще твоей любимой с тестем».

– Да, а ты лекарство купил? Или уже голова не болит? И колени перестали дрожать?

– Да купил, купил... И пилюли, и мазь, гель мне. А тебе настойку пустырника. И опять себе. Пузырь настойки боярышника. На два или три бабок не хватило. Дай десятку и еще пять рублей. Это будет четыре пузыря. Аккурат сто грамм. Она же из организма вчерашний алкоголь выталкивает, навсегда! Не ной! Я курить сегодня брошу! Вот те крест! Да и не хочу я! Не желаю в другой жизни ходить или ползать. Я

летать хочу. Я твой голубь сизокрылый, а ты – моя горлица. А дашь двадцать рублей, мы с тобой в заоблачную высь воспарим! Я – горный орел, ты – орлица! А гнездо у нас будет на самой высокой скале в Гималаях. А дашь три десятки, я и водку пить брошу. Только пиво, и то не по будням! Иногда. Только в красные дни календаря с субботы на воскресенье.

Проза жизни с поэтической строкой схлестнулась.

Малиновую настройку! Боярышника! А дашь пятьдесят рублей, так обязательно и чернику форте!

Кавказ, где все течет...

В мифах, легендах старины глубокой, в произведениях поэтов и драматургов древней Эллады Кавказ упоминается как таинственная, коварная и недоступная страна гор, указывающая путь к звездной бесконечности, обитель грома и молний, туч и облаков, утренних и вечерних зорь, добрых и злых духов неба и подземелий.

Лишь боги Олимпа витали над горами Кавказа – схожих с острыми осколками сверхгигантских чудовищ, отправляя в пасть (тартар) и смертных, и небожителей, преступников и ослушников. Одним из них стал Прометей. Его на вечные муки приковали цепями к черным гигантским скалам у Эльбруса за то, что он выкрал у богов огонь и передал его людям.

Библейский Ной!

Он во время Всемирного потопа, погрузив на борт ковчега «...каждой твари по паре и всяких злаков...», вначале пришвартовал свой ковчег к Эльбрусу. А когда хляби небесные закрылись и паводки прекратились, Ной щедро одарил Северный Кавказ. Только растений здесь около шести тысяч видов, из которых половина – эндемики! Уникален и животный мир. А народу?

Разноплеменного и разноязычного? Только в Дагестане около полусотни национальностей.

Обосновавшись на горе Арарат, Ной рассыпал остатки растений и выпустил живность немногую. Поэтому и не так богата флора и фауна Армении.

Аргонавты!

Могучий Геракл, афинский царь Эгей, легендарный греческий певец Орфей... Всего пятьдесят бесстрашных юношей и могучих мужей Греции, ведомые опытным мореплавателем Ясоном, на построенном им же корабле «Арго», отправились в морскую «экспедицию» к берегам таинственной страны Колхиды за золотым руном. После многодневных скитаний и приключений по бурным водам Эгейского моря и Понта Эвксинского (Черного) они, достигнув намеченной цели, похитили в священной роще шкуру золотого барана и придушили сторожившего ее дракона.

Сама природа отметила это событие, воздвигнув титанический памятник. Поднимаясь пешим или в кресле канатной дороги на гору Чегет, посмотрите направо! Две белоснежные вершины весело сияющего или хмурого Эльбруса заворачивают ваш взор! Переведите взгляд с его восточной «головы» на левое плечо. У самой оконечности ущелья «Терскол» – причудливой формы ледник. Он-то своей конфигурацией и напоминает овечью шкуру (золотое руно).

Тут же на тучных альпийских лугах с ярким разнотравьем пасутся отары овец – потомки тех золоторунных, из шерсти которых женщины-горянки изготавливают различные изделия, поражающие своим красочным национальным орнаментом.

Легендарные и воинственные амазонки!

Их страна – Амазония – находилась вблизи Эльбруса. Это уже не миф, а почти доказанный исследователями исторический факт. Амазонки были смелыми и умелыми наездницами, храбрыми и беспощадными воительницами.

Женщины-горянки, облачившись в национальные одежды, обретают горделивую осанку и даже в танце дистанцируются от партнера-мужчины, демонстрируя военную выучку и выправку.

На территории Северного Кавказа памятников природы не счесть. Зримых и не сразу заметных и угадываемых. Лица людей и жутких монстров. Знакомые фигуры злых и добрых героев из народных сказок.

Деревья, цветы, травы.

Их тысячи разновидностей. Каждое из них обладает лечебными свойствами. КБР неиссякаемая аптечная кладовая.

Рододендрон, или иначе горная роза.

Он прорастает на склонах гор, оберегая их от оползней, не ниже двухтысячной отметки. Гибкий низкорослый и прочный куст с жесткими темно-зелеными листьями и поразительной нежности белыми и розоватыми цветами.

Весна – его время. Несколько листочков пригодны для заварки настоя, рекомендованного для поднятия так называемого тонуса и лечения других недугов. Опять же напиток олимпийских богов, нектар – это не что иное, как нарзан, называемый кабардинцами «нарт-санэ» (богатырский напиток). На территории КБР сотни нарзанных источников самоотеком (успевай бутылки подставлять) сливаются в реки Баксан, Малка, Кума, Терек. Около тысячи ключей, ручейков, речек сбегает с гор. Одних водных запасов Северного Кавказа хватит, чтобы напоить всю Европу, часть Азии в придачу.

Народы и племена, обитавшие за пределами Мейотиды (Приазовья) и до Черного моря, имевшие торговые, культурные, военные и другие тесные взаимоотношения с поселенцами городов полисов, с греками, возможно, и позаимствовали их богатое наследие. Оно и наложило свой отпечаток на их материальный и духовный мир.

Общие черты можно заметить в традициях, поверьях, сложившихся обрядах и фольклоре. Более того! Именно в нартском эпосе, бытующем в среде большинства народов Северного Кавказа, просматривается связь с греческой мифологией.

Горы уважают смельчаков, но лишь тех из них, кто относится к ним с восторженным и осторожным почтением.

Прибывают в Приэльбрусье туристы из России и других равнинных стран. Поднимаются на гору Чегет. С обзорной площадки кафе «Ай» (на трехтысячной отметке), полюбовавшись горным массивом Донгуз-орун-баши – Накра-тау, на котором титан, «небесный странник» начертал своим посохом гигантских размеров, почитаемую многими народами цифру 7, устремляют свой взор на Эльбрус.

«Да вот же он! Рядом. На расстоянии чуть ли не вытянутой руки. Пойдем? Сбегаем». И бегут, в легком одеянии, чуть ли не в пляжных тапочках. Кого-то контрольно-спасательная служба отлавливает и возвращает, других неразумных смельчаков

приходится вытаскивать из многометровых трещин ледника, откапывать в снегу и спускать вниз обмороженных, а то и похуже...

«Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет!» Ходили. Ведомые опытными проводниками, подготовленные, прошедшие соответствующий инструктаж. Надежно экипированные. Ходили без опаски, группами и в одиночку, через Сванетию в Грузию, где, поплескавшись в Черном море, возвращались тем же маршрутом либо другими горными тропами, встречая на пути доброжелательного сенокосца, чабана, табунщика, готового указать место привала у родника, поделиться скромной трапезой.

Спорит простой народ, утверждают местные ученые и историки: «...Это наша земля!» А археологи, раскапывая древние курганы, находят в них черепки со своим национальным орнаментом, радостно восклицают: «Вот видите? Здесь жили наши!»

И нынешние туристы, взбираясь на отвесные скалы, тоже пишут несмываемой краской: «Маша + Саша». Вот ведь удивятся далекие потомки! Оказывается, и здесь жили наши!

И невдомек им, что тысячелетия тому назад так гоняли по степям и вашим, и нашим, что они не только, забыв свой язык, приняли чужой, но поменяли образ жизни и окраску. Блондины стали чернобровыми брюнетами, а мирные земледельцы – собиратели корешков и ягод – стали лихими наездниками, свирепыми и жестокими вояками.

Это время бесконечно, а жизнь во времени и пространстве – ничто! Даже планета наша по космическим меркам – мгновение!

Фраза «Все течет, все меняется» более всего подходит к Кавказу. Если ландшафты равнинной части России ровно дышат упорядоченным покоем, подчиняясь временам года, то в центральной части Северного Кавказа – «здесь климат иной...» на пространстве в несколько километров. Темперament может быть одинаков (кавказский), но температура разная. В разгар лета ноги в тепле, а голова в холоде, и наоборот. Состояние и настроение картинок меняется ежесекундно. Отвлечся на то, чтобы поменять объектив на фотоаппарате, дабы запечатлеть лежащую в томной позе белокурую красавицу в белоснежных одеждах на горе Дых-тау, а ее уже ветром сдуло, и она мгновенно испарилась в воздушном океане. И уже темные тучи хлестко поливают струями дождя крутые склоны, а серая сверхтуча обстреливает вершину белой шрапнелью.

А то – вдруг! Все приутихнет вокруг и затаится. Спрятались зверюшки, насекомые, умолкают птицы. Даже звонко говорливая речка переходит на тихий шепот.

...Гроза! Она застала меня на обширной площадке гранитного утеса, поросшего вековыми соснами, и ближе к середине горы Донгуз-орун-баши. Едва я успел – как учили опытные альпинисты – сложить в рюкзак аппаратуру, часы, ключи и прочие металлические предметы и сунуть его под каменный выступ, а сам втиснуться под нависающий в метре от земли козырек, как она разразилась, опрокинулась на меня, грохнула. Силы небесные! Вот, оказывается, почему, не сумев понять и объяснить страшные, яркие и громкие явления природы, люди придумали себе богов, – чтобы через них вымаливать себе спасение.

Бог громовержец, пуская раскаленные стрелы, проехал громыхающей колесницей по моей голове. Искры и камни веером разлетались вокруг, оглушительные взрывы грома сотрясали каменный монолит. Я спиной вжался в гранит скалы, заслоняясь

вытянутой на руках штормовкой и украдкой, отжмуриваясь, поглядывал, то опуская, то поднимая штормовку, в узкую щель. Кусты, цветы и камни выглядели униженными, побитыми и оскорбленными. Даже могучие ели в бессилии опустили лапы.

Да за что же Бог так наказывает бессловесную природу! Животину всякую иногда, может, и следует для острастки. Чтобы не забывались, а то ведь жует что ни попало, рычит, царапается, жалит, кусается, гадит вокруг. Особенно человек.

Но все закончилось так же внезапно, как и началось. Набежавшая туча, покидав лишние заряды молнии в воду, бормоча и потрескивая, уползла вниз по Баксанскому ущелью. Небо снова окрасилось яркой синевой, а все вокруг засияло, отмытое дождем, золотисто-оранжевым светом. Капли дождя на иглах елей искрились крупными алмазами. И вспыхнула радуга. Я спускался по извилистой, довольно скользкой каменной тропе, выходил из красной полосы и попадал в оранжевую, из оранжевой в желтую, а затем в зеленую, синюю, и даже обозначалась узкая полоска фиолетового цвета.

Лицо и все тело обволакивала тонкая, теплая суспензия из красок и неопознанных мельчайших частиц небесного происхождения. Это был уже другой Бог, ласковый и милостивый.

Амир МАКОЕВ

Амир Леонидович Макоев родился в г. Терек Кабардино-Балкарской Республики. Окончил Саратовский ордена «Знак Почета» институт механизации с/х им. М.И. Калинина (ныне Саратовский аграрный университет им. Н.И. Вавилова) по специальности «гидромелиорация». Присвоена квалификация «инженер-гидротехник».

В коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах РФ опубликовал более пятидесяти рассказов и повестей. Автор книг: «В ожидании смысла», «Возвращенное небо», «Буйволиная тропа». Член Союза Писателей России.

Золотые апельсины

Рассказ

Временами я открываю таинственную дверь, за которой слышен печальный гул детства, и полузаросшая тропинка ведет меня в мир сновидений и несбывшихся мечтаний. Там, на неведомых дорожках, бродят призраки моих надежд, в темном чулане заброшенного дома сиротливо ютятся деревянные лошадки и плюшевые медвежата, в неухоженных парках затянулись паутиной сказочные избушки, покрылись плесенью карусели и причудливые фигуры резных истуканов. Там уже не носится ветер по верхушкам деревьев, и опустевшие сады заросли сорной травой. В темных подземельях давно умер последний мышиный король, куда-то подевались веселые беззаботные гномы, а некогда величественный океан уменьшился до размера небольшой лужицы, и на нем уныло застыли потемневшие паруса моих кораблей...

И там кто-то, очень похожий на меня, садится на холодную каменную плиту и, разбирая беспорядочно разбросанные в памяти события, зачем-то отыскивает первые мои радости и обиды, наивные мечты и первую жгучую боль. Этот мир теперь ему кажется настолько маленьким, что он, не сходя с места, может дотянуться рукой до всех чужестранных земель, волновавших воображение, повернуть направление рек, снять с неба некогда далекие звезды и пересыпать их из ладони в ладонь. А душевные

движения, переполнявшие меня то мучительной сладостью, то безысходным отчаянием, сейчас представляются ему ничтожными и смешными пред лицом вечности.

Но в этом опрокинутом мире, несмотря на годы, отдалившие меня от него, живет в лесной глуши одна неутихающая боль. Каждый раз она встречается меня грустной полуулыбкой, садится рядом и, положив голову мне на грудь, тихо дремлет, успокоенная появлением родной души. Спустя какое-то время, чем-то встревоженная, она начинает едва слышно, стыдясь своих слез, плакать...

Но вот откуда-то доносится торжественная дробь заячьего барабана, слышатся отдаленные сигналы грузовичков, сирены пожарных машин. Ночное небо вспыхивает зарницами, раздаются выстрелы оловянных солдатиков, и они с криками «ура» идут в наступление. Мир снова набирается красок, зацветают сады, птичий гомон и смешанный запах клумбовых цветов за окном наполняют мою комнату. На башнях начинается полуденный перезвон старинных часов, а на фрегатах и галерах вздуваются ослепительно-яркие на солнце паруса, и пушки палят в знак отплытия к дальним странам. Впереди интересная и бесконечная жизнь.

И в самом деле, мир казался мне вечным, и тот вопрос у меня появился неизвестно как и почему. Он возник у меня в тенистом парке между мороженым и теплым пузыристым лимонадом, и отец как-то странно посмотрел на меня – то ли рано мне интересоваться вопросами вечности, то ли бог знает кто посеял в голове ребенка подобные мысли. Так или иначе, ему пришлось ответить: «Да, сынок, все мы будем жить всегда. Земля? Земля тоже, сынок, она вечна». И тогда я высказал свои опасения, что она может разломаться пополам как в том фильме, увиденном мной накануне. В образовавшуюся огромную трещину падали автомобили, дома, люди и животные. «Папа, а что, если ты поедешь на работу, и мы с мамой окажемся по разные стороны этой трещины?» – «Я построю мост и переберусь к вам. И не говори больше глупостей».

Мои глупости на удивление оказались пророческими. Мой мир разломался пополам, и не знаю, кто в том больше повинен – отец или мать. Нет, отец не мог теперь построить мост и перебраться к нам. Трещина, возникшая между ними, была гораздо страшнее и больше, и никакие мосты Вселенной не могли уже их соединить.

Он мог видеть меня лишь в условленные дни и часы.

Мы с мамой жили в другой (очень богатой) семье, и каждый его приход за мной почему-то всех нервировал, особенно мою маму. Через нее это передавалось отчиму, его брюзливой матери, не выносившей и минутного присутствия моего отца у ворот. Она называла его нищим, оборванцем, не сумевшим заработать достаточно денег, чтобы содержать достойно семью, а все его ученые работы никому не нужны, раз за них не дают приличных денег. Не очень-то старуха жаловала и своего сына, дерзнувшего привести в священный дом своих родителей женщину с чужим ребенком, когда на свете столько хорошеньких молодых девушек.

Все это отец знал и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока меня оденут и выведут к нему.

Мы с отцом легко переступали моря, заснеженные горные вершины, взлетали выше грозовых туч и видели, как живительные струи дождя орошают безбрежные лесные дали. Неожиданно мы оказывались где-то на задворках планеты в освященных волшебством царствах, встречали там то добродушного воина-великана, то злоб-

ного карлика с длинной бородой верхом на огромном кролике. Блуждали по сырým коридорам страшных лабиринтов в поисках сокровищ, а найдя, едва уносили ноги от беспощадных преследователей.

Мир вокруг меня оживал лишь в рассказах отца, а с другими я погружался в странное сумеречное состояние и в бесприютной тоске ожидал день, когда он вновь явится за мной.

Память не выдает мне подробностей того последнего вечера – то ли за многие годы она ослабела и выжила совсем из ума, то ли не желает будоражить и без того ноющую мою боль. Память стыдливо отворачивается, как бы уклончиво пожимает плечами на мои вопросы, мол, дело давнее, столько прошло, всего не упомнишь, да и были мы с тобой тогда в весьма юных летах. И мать с отчимом тут ни при чем, ты их навещаешь, они тебя любят – что еще человеку надо? И гони от себя эту боль – что уселся с нею в обнимку? – пусть доживает благополучно свой век в лесной глуши, собирая орешки и ягоды на зиму. И не ходи ты больше на эти развалины – что проку в том?

Тяжкий и нудный разговор с памятью понемногу воскрешает дом на улице имени великого пролетарского писателя, в котором мы тогда жили. Снова высаживаются деревья вдоль тротуара, зажигаются фонари, расставляются даже урны возле скамеек, и в этом навечно погруженном во мрак городе ненадолго загораются луна и звезды.

Я вижу несмелый силуэт отца, приближающийся к нашим воротам. Вот он, высокий и худой, с вечно спокойным, даже отрешенным взглядом, идет по вымощенной плитам дорожке к двери и звонит. А там, в чреве громадного дома, нахожусь я, подкрутив все свои заводные игрушки, чтобы враз их запустить по комнате назло ненавистой старухе. Но вот я слышу родной голос: «Вы меня простите, понимаю, что не вовремя, но только я завтра уезжаю, мне надо что-то важное сказать сыну, мы погуляем часок и вернемся». Мать сердито бросает ему, что поздно уже, ведь виделся со мной только позавчера. А он своим ласковым, певучим голосом: «Да мне нужно очень, ты же понимаешь, у меня, кроме него, в этом мире никого нет». Я выскакиваю навстречу ему из комнаты, а оттуда несется за мной разноголосица скрежета и визга закрутившихся шестеренок. Мать хватается за голову: «О боже, я скоро с ума сойду!» – и бежит в мою комнату. Мы не ждем ее и, сняв с вешалки мои куртку и шапку, тихо выходим.

Нам кажется, что в этом мире нет никого, кроме нас. Мы идем, большие и счастливые, задеваем головой звезды, загоняем шаловливый осенний ветерок себе в карманы и верим, что теперь ему оттуда не выбраться. В конце тротуара начинаем ступать осторожно, чтобы не нарушать покой маленьких суетливых людей, готовящихся ко сну, подошвами своих ботинок запросто крошим горы, моря и океаны нам как бы нипочем, а здесь – «Ах, черт возьми, сынок, что мы с тобой, два гиганта, наделали! – порвали электрические провода и свалили столбы». Берем друг друга за руки и убегаем, а вслед нам летят отравленные стрелы туземцев, огненные струи драконов, ледяный вой проснувшихся чудовищ. И там, на краю вселенной, сворачиваем за некий призрачный угол и оказываемся в чудном поле, куда отец меня прежде не водил. Перед нами проходят дымчатые силуэты вечных странников. «Видишь, сынок: вот Дон Кихот и Санчо Панса, а это Гамлет, я тебя еще познакомлю с ним, а вот и Одиссей, ты его узнал, надеюсь, ведь я много о нем тебе рассказывал».

Усталые, мы садимся на камни, отец запускает в карманы руки: «Вот ведь забыл, взял тебе апельсинов и забыл. Их всего четыре, но посмотри, какие они большие.

Обрати внимание, сынок: облитые светом луны, они кажутся золотыми, возьми вот, поешь». Я отказываюсь – у нас есть, сейчас не хочу. Он смотрит на меня разочарованно: «Хорошо, я отдам их, когда пойдешь домой». Он помолчал немного, но все-таки не стерпел: «Вот и ты уже говоришь «у нас». Как мне больно, сынок, это слышать. Как бы я хотел вернуть все к началу. У нас могла быть еще девочка, сестренка тебе, если бы она появилась, все у нас было бы по-другому, но мама не захотела, она ее... не захотела». Простая душа, я радостно объявляю ему, что у меня будет сестренка – мама сказала. Он медленно заносит руки над головой, обхватывает ее и долго так сидит.

В черном поле не видно его лица. Я тоже молчу, глядя на таинственных призраков, выходящих из ночи. Вот идет старик с опущенной головой, а за ним плетется шут, оба отчего-то усталые и измученные. За ними следует толпа людей, над головой одного из них, идущего впереди, что-то странно светится. Появляется беззаботный мужичок в чалме верхом на ослике... Отец поворачивается ко мне: «А, все смотришь. С ними в своей жизни ты не раз еще встретишься». Он готовится к серьезному для него разговору со мной: «Понимаешь, я должен завтра уехать, коммерсантом вот заделался. Видишь ли, надо деньги зарабатывать, хотя не мое это дело – торговать, я ничего в этом не смыслю. Уеду, что называется, в заморские страны, гостинцев тебе привезу, каких здесь и не видавали. Я ради тебя все это делаю. У тебя все должно быть от меня, я твой отец – понимаешь? Мои деньги будут чистые, они тебя потом согреют. А знаешь, какие деньги у твоего отчима? Ах, если бы ты знал, какие это деньги! Но маме нашей это все равно, ей, понимаешь... все равно. Ты знаешь, почему мама нервничает каждый раз, когда я прихожу? Я – это ее вина перед нашей семьей, постоянное напоминание о своем грехе. Видишь ли, у взрослых бывают такие провинности... Что я говорю, что это я?! Из ума совсем выжил. Не надо бы мне все это тебе говорить. Да и не поймешь ты сейчас ничего. Это я так – сам с собой. Прости. А мама у нас очень красивая, она должна иметь много денег, ей надо красиво одеваться, красиво жить. Она очень красивая, не зря этот урод просто свихнулся от нее, не посмотрел даже, что семью разрушает. Но это ничего, сынок, мы с тобой всех победим. Главное, чтобы ты был со мной, и я все преодолею, я на все пойду, у меня, кроме тебя, нет никого. А я вернусь скоро».

Мы бредем к дому медленно, не желая расставаться. В эту осеннюю ночь морозно, и отец согревает мои руки в своих горячих ладонях. Стук наших шагов отдается по пустынным улицам. Я прижимаюсь к нему и не хочу его отпускать. Я еще не ориентируюсь во времени, не представляю, насколько длительны сроки, которые он будет отсутствовать, и боюсь, что это надолго. Отец молча смотрит куда-то вверх, на звезды, а я жмусь к нему все плотнее и ощущаю под своей рукой апельсины, тяжело оттягивающие карманы его куртки.

У дома нас ожидали отчим и его водитель. Заметив нас, они вышли из машины. Отчим остался у ворот и, как мог, ласково позвал меня: «Ступай скорее в дом, мама с ума сходит, а вы спокойно гуляете среди ночи». Он попытался увести меня во двор, но я стал сопротивляться, потому что видел, как водитель, этот неотесанный громила, подошел к отцу и отвел его в сторону. Я не думал, что моему отцу угрожает опасность, просто он никогда не прощался со мной, не сказав каких-нибудь нежных слов. И я ожидал их услышать, тем более что он уезжает. Водитель встал перед от-

цом в надменную позу: «Ну что ты изводишь людей, что ты бедную женщину каждый раз доводишь до истерики? Тебе дали дни и часы, так посещай соответственно им». Отец выглянул из-за его плеча: «Ребята, дайте мне по-человечески проститься с сыном, потом поговорим, не следует ему все это выслушивать». И тогда он хотел обойти его и направиться ко мне. Вот он сделал шаг в сторону, – этого гиганта не так-то легко обойти, – навстречу мне засияла его улыбка. Он весь уже потянулся ко мне: «Сынок, иди сюда». Но громила выкинул руку вперед, преграждая ему дорогу: «Приятель, ты не понимаешь, что тебе говорят?». Одним махом он откидывает отца назад (делает, что ему велено), да так сильно – не рассчитал гигант своей мощи, – что отец, по неосторожности задев его ногу, падает. И в этот момент я увидел, как из его карманов выпали апельсины и покатились по тротуару. Я рванул к нему, но отчим успел схватить меня за шею и, задыхающегося от слез, потащил в дом...

Словно одинокий призрак я брожу теперь по опустевшему дому. Посмотрите: заводной паровозик съехал с рельсов и свалился с моста в реку. Автокран врезался в домики, построенные из кубиков, и разрушил их. Обезьянки и бельчата застыли в нелепых позах, исчерпав силу сжатых пружинок. На них лежит пыль десятков лет, и стеклянные их глаза, некогда глядевшие на меня, как живые, мертвецки потускнели, а заводные устройства проржавели основательно, что больше их уже не завести.

Изредка сюда залетает ветер в поисках живой души, стучит ставнями, листает зачем-то страницы разбросанных на полу книг, но не найдя для себя ничего интересного, спешит удалиться. Иногда в одной из комнат можно услышать плач матери. Я нахожу ее и сажусь напротив: «Скажи, мама, что стало с отцом после его отъезда?» Она вскидывает на меня обожженные слезами глаза: «Отстань, отстань от меня, жестокий сын, неужели ты хочешь добить меня?!» Посидев немного, ее бесплотное тело уносится вглубь ночи.

И снова в этом немом царстве я остаюсь наедине со своей болью. Мы долго сидим молча, но затем и она встает, также грустно улыбается и неслышно уходит в свою лесную глушь. Она знает, что я никогда уже ее не покину.

А что отец? Наутро, как и следовало, они с товарищем загрузили большую машину каким-то ходовым товаром и уехали в другой, далекий от нас город. Недели через две близ незнакомого городка, в лесополосе, была обнаружена их машина, – ее разграбили и подожгли неизвестные люди. Об отце и его напарнике больше никто ничего не слышал. Говорят, в те времена подобных происшествий было множество, и гибель двух коммерсантов, незвано прибывших в этот край, лишь скупой отразилась в отчете местного следственного отделения как нераскрытое преступление.

И по прошествии стольких лет меня не перестает обжигать одна мысль, когда я думаю об отце. Неужели тот человек, кто любил меня больше жизни и видел свое счастье лишь во мне, убит какими-то случайными бандитами и покоится среди глухого провинциального лесонасаждения, в наспех вырытой яме? И я, единственное родное ему существо, не могу уже ничего изменить, ничего даже поправить, никому отомстить?! Перед глазами неизменно встает та нелепая сцена его падения: бессильно опавшие руки, схваченное мною на короткий миг его лицо, по-детски искажившееся из-за постыдной оплошности на глазах у сына, разлетевшийся от натяжения замок его куртки и эти четыре апельсина, принесенные мне в дар. И какая-то странная, неисчерпаемая годами к отцу жалость, какой у меня никогда ни к кому уже не было...

Мир, оставшийся мне от отца в наследство, понемногу выцвел и разрушился. Я теперь не знаю, где тот поворот на краю вселенной, за которым находится то чудное поле с вечными странниками. Без отца я не могу представить себя гигантом, смело шагающим по миру в поисках приключений. И не знаю заветных слов, которыми смог бы оживить волшебные лета моего детства.

Снялся с рыночной площади и уехал в неведомые страны веселый балаганчик бродячих артистов. Цыганский табор, собрав свои пожитки, ушел в ночное небо прямо по звездам. А мои приятели, оставив свои игрушки в песочницах, разбежались кто куда.

Навечно здесь установилась та осенняя промозглая ночь, какая была в ту последнюю встречу с отцом. Беспокойный странник-ветер метет по улицам обрывки афиш, обертки от мороженого, остатки флажков и лопнувших парадных шариков, а по ночам слышно, как он скорбно воет в водосточных трубах...

Мир этот опустел, и никто здесь больше не живет. Но каждый раз, когда я думаю об отце, кто-то очень похожий на меня опускается возле нашего дома на колени и подбирает с земли облитые лунным светом золотые апельсины.

Буйволиная тропа

Рассказ

Буйволица пила воду из ручья. Я лежал на противоположном берегу, но даже в ночи мог разглядеть ее отчетливо, как будто она стояла передо мной. Способность ориентироваться в полной темноте появилась у меня, вероятно, из-за агонии моего распадающегося тела. Мне чудилось, что она касалась меня ноздрями. Я видел, как буйволица звучно втягивала прохладную воду, как она вкусно клочкотала в ее глотке, перетекала по пищеводу в горячий желудок, а оттуда благостно расходилась по могучему телу. Она изучала меня по-человечески: кто я, почему нахожусь на ее территории, не опасен ли ей? Впрочем, едва ли она опасалась умирающего человека, в котором едва теплилась жизнь.

Я лежал в траве, взмокшей от ночной прохлады. Правая рука покачивалась в подтекшей воде, левая в момент падения застряла где-то подо мной, и я ее совсем не чувствовал. Ног – тоже, будто бы их и не было. Я не знал, сколько времени здесь нахожусь, что было со мной до этого, не представлял состояния своего организма. Я воображал, что душа моя опустошена и сейчас обреченно летает во мне рваным облачком, готовясь рассеяться во мраке ночи, а тело послушно следует ее самоубийственному акту. Похоже, так оно было, потому что в сражениях я не участвовал, никто меня не преследовал, я не ранен, не убит, не помню, чтобы подвергался насилию за какие-то прегрешения – мое положение, вероятнее всего, было следствием всей моей беспорядочной и бессмысленной жизни.

Что вообще со мной происходит, где я, как и почему здесь оказался, сколько будет светиться во мне это убывающее сознание? Я не знал на них точного ответа, потому что ничего подобного со мной никогда не случалось. Как бы то ни было, я умирал.

Откуда-то я знал, что за мною поле, и поле это усеяно такими же несчастными, как и я. Каждую ночь их терзали дикие звери, я слышал крики людей и вой свирепых хищников. Недавно они подошли и ко мне: обнюхали, потыкали носами и ушли.

Должно быть, положение мое совсем худо, если даже они не употребили меня в пищу. Наверное, часть меня, соприкасавшаяся с землей, начала разлагаться: я чувствовал, как подо мной уже орудуют черви, поглощая некогда холеное тело. Я был настолько равнодушен к своей участи, что не боролся за свою жизнь, не сожалел о несбывшихся мечтах, а хотел одного – скорого конца. С этим я, вероятно, и впал в забытие, как это бывало со мной не раз в последнее время.

Я слышал журчание ручья, время от времени переходящее в девичье воркование. Девушка то ли говорила со мной, то ли пела о чем-то своем, но не было сомнения – она реальный человек. Я подумал: до чего прекрасен женский голос, до чего прекрасны все женские голоса, как был я расточителен, что не вслушивался в них всем сердцем, когда жил среди людей. И как ужасно мое положение, если я вынужден жадно ловить эти сладкие звуки, не имея возможности прикоснуться к обладателю этого голоса или хотя бы увидеть. Из глаз моих выступили слезы. Неожиданно мне отчаянно захотелось любви и женской ласки.

В этот момент я услышал: «Эй!» – и почувствовал легкий толчок в бок. Я не сразу открыл глаза, и тогда меня толкнули еще и еще – уже настойчивее, с более решительным окриком: «Эй, ты!» Выступившие слезы размочили присохшие веки, и я смог их разомкнуть. Надо мной стояла девушка и пыталась поймать мой рассеянный взгляд. Какое-то время я равнодушно разглядывал ее расшитый золотом кафтан, богатый серебряный пояс, красные сафьяновые чуваки. Это была черкешенка лет четырнадцати-пятнадцати. Волосы заплетены в одну косу, овальное личико с острым подбородком, на щеках ямочки, над пристально смотрящими глазами – густые брови. «По костюму – молодая княжна», – подумал я.

– Пойдем со мной, – сказала она. – Слышишь? Вставай!

– Красавица... я... мог бы...если... думаешь...идти... не лежал... тут, – произнес я слова, с болью размыкая потрескавшиеся губы.

– Что? Говори громче, я тебя плохо слышу! Вставай! И ступай за мной! – теперь она приказывала, и ее простодушие меня тронуло. Мне хотелось улыбнуться, но онемевшее лицо не послушалось.

Несколько минут девушка помолчала, прислушиваясь к шуму деревьев. Мне даже показалось, что она принимает к налетающему ветру. Все это время я оценивал свои силы, чтобы с ней поговорить. Похоже, она единственное мое спасение.

– И куда пойдем? – тихо спросил я.

– Эх ты, разве черкес спрашивает: куда? – подтрунивая надо мной, игриво возмущалась она и, наклонившись, вонзила в мою правую руку и обе ноги острый конец палки, деловито проверяя: есть ли еще в них жизнь.

Остатки моих сил живо отозвались на призыв княжны: напряглись мышцы и задвигались суставы в попытке подняться. Сначала я подтянул к груди правую руку, сделал ее опорной и, упершись лбом в землю, с трудом сел на колени. Потом появилась уверенность, что смогу встать. Оказывается, ноги не отмерли совершенно, нашлась и левая рука, правда, затекшая до бесчувствия. Я медленно вытянулся во весь рост, держась действующей рукой за колючую ветку куста, возле которого лежал. Так я простоял с минуту, пока головокружение не прекратилось. Все это время моя спасительница с любопытством за мной наблюдала.

Я огляделся и с удивлением спросил:

– А где вода? Здесь же только что протекал ручей.

– А я его выпила, – ответила она и звонко засмеялась. – На твоих глазах! Так-то! Иначе это русло никому не перейти. Пожалела тебя. Идем.

Как только она это сказала, во рту у меня мгновенно пересохло, я еще мучительнее захотел пить.

Не говоря больше ни слова, она пошла через сухое русло, а я последовал за ней, удивляясь тому, откуда у меня, умирающего человека, нашлись силы.

– Скажи: а ты почему там лежал? – спросила она.

– Что мне было делать, если я сражен?

– Ты воин? Был ранен?

– Нет. Какой я воин? И ранен не был. Я просто все проиграл.

– Проиграл?

– Не в смысле – проигрался... Оступился я, по жизни оступился. Долго рассказывать.

– А ты Расскажи. Времени у нас о-го-го сколько! Идти далеко.

– Прошу: не быстро. Я с трудом переставляю ноги. Глоток воды бы.

– О-о! Мужчина ты?! Я и так еле тащусь. Жалею тебя. Рассказывай!

– Не приставай ко мне с расспросами.

– А я не из любопытства? Я должна знать. Иначе здесь останешься.

– Хорошо, давай говорить. В общем, так: я перестал понимать, что со мной происходит. Затворился в себе и никого не замечал, не хотел замечать. Правильнее сказать: захлопнулся. Это как оказаться в заточении. В подземелье. За огромной железной дверью. А дверь захлопнулась по моей же вине. И я отчаялся... Понимаешь?

– Не понимаю. Но рассказываешь интересно. Как в сказках. Дальше!

– Ничего интересного. А дальше я очнулся здесь. Вот в таком виде.

– Выходит, я угадала. И правильно сделала, что разбудила тебя.

– Кто ты? Узнать можно? И куда мы идем? Я невольник? Может, я не хочу туда, куда ты меня ведешь. Никуда не хочу. Оставь меня! Трудно мне.

– Опять заныл. Ты же сказал: отчаялся! Разве тебе не о чем попросить?

– Попросить?... Кого? О чем?

– Идем. Знаю, куда тебе нужно. Но наперед не скажу. Нельзя.

Мы подошли к густо заросшему лесу. Она раздвинула ближние ветви и нырнула под них, приглашая идти за ней.

– Где это мы? – спросил я, оказавшись в непроглядном лесу.

Освещением нам был только костюм девушки: светились вышитые узоры на ее рукавах, блестели нагрудные застёжки, вдетые в литые серебряные петли, светился пояс.

– Это священный лес. Иди строго за мной, след в след. Мы называем это буйволиной тропой.

– Не знал, что буйволы ходят тропами? Да и не живут буйволы в лесах. Что буйволу – здесь козе тесновато станет.

– Все наше село ходит по этой тропке к воде. Наверху воды нет.

– Ходите вы, значит. А тропа-то совсем не протоптана. Что-то ты темнишь, девочка.

– Ничего я не темню. Здесь все быстро зарастает. Каждый день нужно начинать сначала. Всю жизнь так. А ты упал. Упал и отчаялся! Эх ты!

– Грешно смеяться. Ладно – веди. Вы мне и там, у реки, не давали покоя. Топот ваш слышал, фыркание. Понял: спокойно умереть не дадите.

– Умереть, умереть – только и знаешь. Не говори так больше!

Вдруг неподалеку от нас прозвучал леденящий душу вой неизвестного мне зверя.

– Тебе не страшно ночью в лесу? – спросил я, с трудом сохраняя мужество. Я только что хотел умереть, а теперь опасаюсь зверя. И эту девушку, что завела меня в лесную чащу, тоже боюсь.

– Нисколько не страшно, – ответила она. – Я счастливая, потому и не боюсь никого. В селе меня так и называют. У нас говорят: только счастливый может сделать другого счастливым. Отец наставляет: не водись с теми, кто не пропускает в себя счастье.

– Можно подумать, счастье за нами гонится, а мы, бестолковые, ему не даемся. Прав твой отец: не водись с несчастными! Их едят черви еще живых, только сами они этого не замечают.

– Ты же заметил? Может, тебя еще не поздно спасти.

– Ты, девочка, отца слушайся. Не того ты решила осчастливить. Оставила бы меня в покое. Вот куда ты меня ведешь?

– Хватит уже. Лучше подумай, о чем будешь просить... Осторожно – ветка. Надо заранее подготовиться. Там все очень быстро происходит.

– Где – там? Все загадками говоришь. Не жалко тебе меня мучить?

– Придем на место – увидишь. Скажу – не поверишь. Только подумай хорошо, чего тебе не хватает для счастья больше всего. Важно ничего не забыть. Другого раза не будет.

– Могу хоть сейчас озвучить весь список.

– Э, такое нельзя никому говорить! Все там. Скоро наше село. Уговор: когда пойдем через него, ты ни с кем не заговаривай, не тревожь никого. Полное молчание – понял? А то испортишь все. И себя погубишь.

– Как в сказке говоришь ты. Нужно мне твое село – меня бы не трогали.

– Мы должны пройти к священному месту. Оно находится выше, за селом. Мне несдобровать, если узнают, что провела туда чужака.

– Не переживай, я буду нем, как покойник.

– Подумал, о чем будешь просить?

– Зачем? Все давно известно! Уж я-то знаю, за что меня будут уважать, возносить, благоговеть передо мною. Это ли не счастье?

– Ты называешь это счастьем, уверен? Значит, ты – как все?

– Я там сам разберусь! Осторожнее с ветками – все лицо мне исхлестала. Ты-то откуда знаешь, о чем я буду просить? Читаешь мысли?

– Догадываюсь. Как знаешь, – сказала она с разочарованием.

Выйдя из леса, мы попали в зиму: на полях лежал снег. А я – в изорванных рубашке и брюках, ноги босы. Но иду, не чувствуя холода. Впереди, на заснеженном холме, и в самом деле показались огни какого-то селения.

– Не забудь, о чем я предупредила, – напомнила она.

– Не переживай, мне теперь не до разговоров.

Мы пошли по единственной улице селения, не приближаясь к низким турлучным домам с кровлей из крупного камыша. По обеим сторонам стояли люди, образуя небольшие группы, вероятно, из близких соседей. Несмотря на поздний час, вокруг

бегали дети. В котлах мужчины варили мясо, женщины под открытым беззвездным небом накрывали столы. За столами восседали люди в белых светящихся саванах. Во дворах можно было видеть стволы боярышника, каждый из которых был с семьей ветками, на каждой по одной восковой свече. Люди все делали в полном молчании – я не услышал ни единого звука, точно смотрел немой фильм. Мне не терпелось спросить свою спутницу: почему их дыхание не образует пар, не слышно ни их голосов, ни какого-либо звука, не видно дыма от костров и что это за люди в белых саванах – не предки ли хозяев домов? Но держал данное обещание, понимая, что молчать в моих же интересах. Когда мы равнялись с людьми, они кивком головы приветствовали молодую княжну, сохраняя на лицах спокойно-печальное, я бы даже сказал, задумчивое выражение. На меня никто не обращал внимания, будто я был совершенно для них невидим. Как только мы проходили очередной двор, он вместе с людьми уносился за наши спины и исчезал во тьме. Вскоре мы покинули селение.

«Призраки, – подумал я. – Их, видимо, давно нет в живых. А за столами они, наверное, угощают своих мертвецов». Но спутнице своей ничего про это не сказал – кто знает, чем для меня это может обернуться? С каждым шагом мое тело крепло, изъеденный червями левый бок заживал, и у меня пропало желание умирать. Не очень-то мне хотелось в чем-то провиниться и разрушить план моего спасения, если он и в самом деле существовал в красивой головке моей спутницы.

– Нам туда, – сказала она, указывая на небольшую скалистую возвышенность. – Видишь вход в пещеру?

Я увидел в массиве горы, у самого ее подножья, узкий черный вход. По мере приближения к месту все более отчетливо прояснялся серебристый луч, спускающийся с неба прямо на вершину горы.

– Пришли мы, – сказала она. – Тебе заходить. Мне туда нельзя. Там увидишь наклонную стену, под ним стоит каменный стол. Сверху на камень спускается тонкий луч света, ты его видел. Он проходит через отверстие на вершине горы. Надо устроиться между наклонной стеной и камнем – понял? На стол нужно лечь грудью, а руки развести в стороны. Там нащупаешь для них ложбинки. Есть выемка и для головы – увидишь. Между стеной и камнем пространство узкое, но ты пролезай без страха. Этот каменный стол – живой, он двигается и поможет тебе правильно расположиться. Когда почувствуешь, что лег удобно, думай о своих желаниях, мысленно их произнеси. Подожди немного – и все сбудется. Не сомневайся. Но предупреждаю: исполнится только то, в чем ты больше всего нуждаешься, а не всякая там прихоть. Папа говорит: в головах людей бывает много дури. В чем нуждаешься – понял?

Я засомневался: как только дошли до места, так сразу изменились правила выдачи мне даров. Не доверяют выбрать самому. Я сам знаю, в чем нуждаюсь. Какие-то косые стены, каменный стол. И что за странное положение, которое я должен принять на этом столе?! Может, он разделочный? А не придавят они меня в решающий момент? Что, если у них это изощренный способ уничтожать чужаков? И окажусь я в белом саване в одном из тех дворов? Не попал ли я в западню? Знал же, что не дадут мне легко умереть. Но будь что будет – другого выхода у меня все равно нет, я даже не знаю, как отсюда выбраться. Но стали бы они меня спасать, если намеревались придавить как лягушонка? Что это я, в конце концов? По всему видно, молодая княжна не хочет мне зла, и я напрасно ей не доверяю. Что, если здесь и в самом деле

сбываются желания, ведь я уже ею спасен чудесным образом, так почему не может оказаться правдой и то, что на этой горе можно подправить свою судьбу?

Эти рассуждения прибавили мне смелости.

Не говоря ни слова, я вхожу в расщелину и оказываюсь в полутемной пещерной зале со сводчатыми стенами и потолком. Освещение только от тонкого лучика сверху. Нужно встать между каменным столом вроде постамента и наклоненной над ним стеной. Как княжна и говорила, проем между ними тесен: грудь проходит с трудом, а голова совсем не помещается. Видимо, грудь и голову нужно протиснуть одновременно, пустив подбородок вперед. Да, получилось! Голова сразу же находит свое место – подбородок, скулы, лоб укладываются в предназначенные для них ложбинки, а глазам странным образом открывается звездное небо. В каком это положении я нахожусь, если подо мной небо? Осталось пристроить руки. Развожу их в стороны и кладу на выемки для ладоней и пальцев. Вроде я исправно выдержал все условия и доволен собой, хотя и чувствую нарастающее беспокойство. Теперь мне следует приступить к главному: сосредоточиться на том, в чем нуждаюсь больше всего, и да свершится воля провидения.

Итак, чего мне просить? Я судорожно перебираю те блага, которые обеспечат мне счастливую жизнь. И разве я не заслужил их своими страданиями? Как же мне позавидуют: у меня будет все, чем дорожат люди! Милая княжна, девочка моя, не знаешь ты жизни! Я – обыкновенный человек. Что ж, я готов просить без смущения, пусть только мне всего выдадут сполна! Я настрадался и хочу утешительных даров!.. Но что это? Ничего не вспоминается, напрасно я хвалился княжне, что могу перечесть все свои желания сходу – я их забыл! Собственно, чего тут сочинять: я хочу безграничной власти, славы и денег без счета! Еще женщин! Без женского внимания я не хотел бы жить. А без первых трех едва ли они окажут мне должное внимание. Эти мысли я держу на переднем плане, чтобы их можно было легко считать для сиюминутного исполнения.

В этот момент камень сдвинулся с места, доказывая, что он и в самом деле живой. Он так сильно придавил меня к стене, что я на мгновение вернулся к мысли: нет, спокойно умереть они не дадут, и конец мой будет мучительным. Я вдруг подумал о случайности всей моей жизни, об отсутствии в ней достойных ценностей, об абсурдности всего, в чем я участвую. Буйволица у ручья, молодая сказочная княжна, нехоженные тропы, древнее призрачное село и якобы приносящий счастье камень – все это возможно только в голове больного человека. Стоило мне, умирающему, плестись в такую даль, чтобы перед смертью испытать злую насмешку? И снова я захотел скорого конца.

Но вдруг объятие камней ослабело, и я впервые за всю мою жизнь ощутил необъяснимую легкость. Откуда-то пришел яркий свет – то ли сверху, пронзая мне затылок, то ли снизу из глубин звездного неба, то ли отовсюду сразу – и ослепил меня до головокружения. Передо мной появились диковинные картины, не чередуясь друг с другом, но одновременно. И увидел я недра земные со всеми богатствами, огнями и водами, живыми пульсирующими источниками энергий, тайнами погребенных миров, разглядел подводные царства морей и океанов, мне открылись недоступные человеческому глазу неосвоенные просторы. Я узнал неисчислимое количество неизвестных мне цветов и запахов, прикоснулся светом своего сердца к жившим и ныне живущим народам мира и почувствовал ко всем любовь. Я унесся в космические

глубины и вернулся, едва удерживая рвущееся наружу сердце, и узнал, что только я есть мера окружающего мира и я за все в ответе. Я обозрел всю величину своего рода от его зарождения на земле до себя и поразился, обнаружив, что именно я есть венец его и надежда, тогда как позволил себе расслабиться и упасть. Я удивился минувшим эпохам и восхитился грядущим временам: земля и небо, прошлое и будущее, миры – видимые и невидимые – соединились в моем сознании без времени и границ, и понял я, что сущее во Вселенной едино: все из одной утробы выходит и в одну утробу возвращается. Я возликовал, почувствовав в мгновение этой вспышки, что жизнь свою – какая бы она ни была, что бы меня ни ожидало, – принимаю всем сердцем. И, не в силах сдержать в себе это открытие, оглушая себя самого, я крикнул в бездонный звездный мир, разрывая цепкие объятия этого пленительного и мучительно-сладостного сна.

Мадина Андреевна Хакуашева – кабардинский русскоязычный писатель. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы ИГИ КБНЦ РАН. Член Союза Писателей РФ, член правления СП КБР с 2008 года. Повесть «Дорога домой» вышла в журнале «Дружба народов» (2006). В 2009 году – роман «Дорога домой» под псевдонимом Дина Арма (г. Нальчик, изд. «Эльбрус»). Пьеса «Неотосланные письма» (о жизни и творчестве А.А. Шогенцукова на основе реальных событий). Премьера 28 ноября 2025 г. С 2013 года сотрудничала с ФСЭИП (Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ под рук. С.А. Филатова. Являлась модератором Первого форума молодых писателей в 2013 г. Нальчике, руководителем группы молодых писателей Северного Кавказа на лит. совещаниях и мастер-классах в Звенигороде, Переделкино, Москве и пр.). Произведения изданы в антологии «Современная литература народов России» (2007), сборники повестей писателей Северного Кавказа: «Война длиною в жизнь» (2008), «Дорога домой» (2011); Антологии литератур народов Северного Кавказа, т. 2 (2022). Печаталась в литературных журналах «Литературная Кабардино-Балкария», «Нана», «Дарьял», «Мегалог», «День и ночь» и др. Переводы на английский, немецкий, турецкий, осетинский, балкарский, кабардинский языки. Лауреат национальной премии по номинации «Лучшее художественное произведение» – Нальчик, 2008 г., международного артистического комитета по литературе – за 2015, 2025 международный литературный конкурс «Открытая книга» памяти М. Кандура: диплом Высшая награда «За заслуги», 2025 г.

Лева

(отрывок из романа «Дорога домой»)

Я любила, когда мы с Левой, маминым братом, выходили на зимние прогулки в парк, и после теплой квартиры мне в лицо ударял терпкий хмель зимнего утра. Но с первых погожих весенних дней начинались наши настоящие походы. Я их с нетерпением ожидала всю долгую зиму. Сначала мы оказывались в огромной парковой зоне, настоящем лесу, – Долинске. Позже я узнала, что места эти раньше принадлежали князю Атажукину, и когда власти решили соорудить первые городские постройки

на месте старого леса, он не позволил его убрать. Несмотря на внезапную отмену фактической княжеской власти, иммунитет и величие князя странным образом сохранялись до конца его жизни, и лес не вырубил. С тех времен сохранились огромные старые липы, часть из которых превратилась в древесные руины, но они все еще пышно цвели, несмотря на то, что крону питала одна кора, – от сердцевины оставалась лишь труха. Между громадными неохватными стволами дыбилась и петляла асфальтовая липовая аллея, повторяя рельеф катящейся под обрывом реки. Ранним летом аллея выстилалась золотистой душистой дорожкой липового цвета. Причудливые сочетания резких и плавных изгибов ветвей деревьев походили на голову оленя и горного тура, или на сжатое перед прыжком тело снежного барса, или острую морду лисы, – обитателей леса, которые его давно покинули, но запечатлелись самым временем. Другие сказочные и мифические персонажи виднелись в прогалинах зелени, на высоком холме проступали очертания шлема нарта Сосруко, а его рука с факелом вырастала прямо из-под земли, в которую он был закопан живьем. Впрочем, сооружение оказалось всего лишь крышей ресторана, я обнаружила это, забравшись однажды наверх холма. За каким-нибудь поворотом аллеи, среди ненавязчивой клумбочки незабудок мы натыкались на старика в папаше, высеченного из дерева, который опирался на посох. Неподалеку от него щерился деревянной пастью фантастически длинный бляго, – дракон, который безуспешно пытался проглотить окружающее пространство. Однако очень скоро папаша деревянного старика была приспособлена под миниатюрный столик для местных пьяниц, а находчивые мальчишки пасть дракона превратили в мишень для рогаток, ставя в нее водочные бутылки, и попадали по ним с завидной меткостью.

Мы гуськом пересекали прохладный сосновый бор с разлитыми прозрачными пятнами солнечного света в промежутках смыкающихся крон; ноги мягко пружинили по узкой тропке, утрамбованной опавшей бурой хвоей, спускались к реке, и я пыталась поспеть за длинными сильными ногами Левы, но путалась в коротком дерне и отставала. Река и гряда холмов по левому берегу, сбросив с себя весенние туманы, расчистились; черная, еще насыщенная парами земля, вздохнула и жадно дышала. Окрепший ветер налетал порывами, шелестел в тополях, пробежал по листве, – она трепетала, поворачиваясь то ярко-зеленой, то белесой стороной, и деревья мерцали, переливались, менялись, как гигантские, взвившиеся в небо хамелеоны. Иногда мы натыкались на благодушные маевочные компании, которые нас звали к себе. На траве были расстелены покрывала, между ними – клеенки, а в их центре – огромные куски отварного мяса. Блестящие темно-коричневые кусочки баранины, нанизанные на шампуры, размещались рядом, кроваво мерцали свежие помидоры, ярко розовел редис, тоненькой прозрачной струйкой змеилось содержимое опрокинутого стакана, стекало в траву. Лева любезно отбивал пьяный натиск подгулявших компаний, и мы шли дальше. По пути следования я наблюдала пристойные семейства с солидными отцами, бдительными матерями, следившими за худощавыми, живыми мальчишками и девочками-подростками, елейными, полными неизъяснимой, неосознавшей себя прелести, – юные нимфы, только вышедшие из распавшихся влажных створок раковин сонной колыбели детства.

«Привал!» – командовал Лева, и мы падали в траву. Его загнутые ресницы пушистым веером касались излома темных дуг густых сросшихся бровей, серо-зеленые глаза (точно как у бабушки) при ярком солнечном свете становились совсем прозрач-

ными. В косых лучах утреннего солнца река сверкала мириадами цветных бликов, отражаясь на его лице. Вскоре солнце подходило к зениту – и все становилось ослепительно белым, сверкающим: добела раскаленная галька под ногами, белая река, с глухим рокотом катящаяся вниз по пойме, которая, теряя утреннюю прозрачность, приобретала ртутный оттенок, разорванные белые облака, неподвижно повисшие на белесом горизонте, раскаленное полуденное небо, слепящий белый диск солнца, белая полу-расстегнутая рубашка, обнажавшая смуглую грудь, поросшую темными волосками.

Лева спросил моего брата-молчуна: «Ты кем хочешь быть, когда вырастешь?»

– Космонавтом, – ответил мой брат после некоторой паузы, – А ты кем?

У Левы смеялись глаза, но губы были серьезны:

– Я хочу быть всем.

– Это как – всем?

– То и значит, – всем.

– И камнем?

– И камнем.

– И деревом?

– И деревом.

– И даже червяком?

– И червяком тоже. Я расскажу вам стихотворение одного мирового американца.

Вот оно:

Один из старых чикагских поэтов,

Один из сутулых чикагских поэтов,

Имея лишь разум, дарованный богом,

И не имея ни единого цента,

Написал своим единственным карандашом:

«Я верю в судьбу человека,

Я верю больше, чем могу доказать,

В необходимость иллюзий,

В важность больших ожиданий,

В важность больших открытий.

Я хотел бы быть червем – емь червь,

И астронавтом – емь астронавт».

(Много позже я столкнулась с этим стихотворением в маленьком сборнике Карла Сэндберга. Но тогда, в детстве, мы ничего не поняли. Его тоска и страсть мне стали внезапно понятны только в четырнадцать лет, когда я сидела за столом и писала о весеннем дожде, который только прошел. Это не было просто сильным впечатлением о дожде, – я почувствовала, что впервые прорвалась за какую-то невидимую грань и сама стала дождем. Я помню свою мысль тогда, отчетливую, как зримый образ: «Я существую затем, чтобы стать всем». Вся моя последующая жизнь невольно протекала под этим невидимым знаком. Я не задумывалась над формулой, ставшей для меня определяющей, – однажды вспыхнув, это знание просто жило во мне: пройти через множество воплощений, пройти через все возможные воплощения).

Он переносил нас на руках через реку, упруго ступая по камням, и мы оказывались на другом берегу, с которого начиналась Кизилровка. Внизу, у подножия было полно диких плодовых деревьев. Позже, осенью, мы устраивали настоящие облавы, обнося дикие яблони и груши, уплетая по ходу дела их мелкие, вяжущие, кисло-сладкие плоды. Янтарные и крепкие я отдавала брату, а себе оставляла мягкие, палевые, цвета увядшей листвы. Таким же перезревшим я любила кушхамышх (мушмула), содержимое которого можно было выдавить прямо себе в рот из лопнувшей при слабом нажатии мягкой коричневой корочки. Мой брат ел его незрелым, светлым, с легким белым пушком у основания. Яблоки дички срывались только твердые, наливные. Мама ругалась с Левой, запрещала есть не только невымытые, но просто дикие плоды: «От них может быть диарея. И даже дизентерия. Или запор». Но с нами не происходило этих крайностей, несмотря на то, что дичка оказывалась съеденной каждый раз до мытья. Поздней осенью, после первых заморозков, мы обрывали черно-сизые ягоды терна, к тому времени сахаристые и мягкие, узкие, изящные плоды кислого алого барбариса и такого же алого, более крупного, – кизила, в честь которого и были названы холмы. Желто-зеленая белесая облепиха с начала лета забирала летний жар и только к глубокой осени наливалась янтарным солнечным светом. Мы часами паслись в непроходимых зарослях ежевики и дикой малины, немилосердно обдирая себе голые руки и ноги, окрашивая пальцы и рты в предательски опознаваемые цвета, и набивали карманы в ласковых кустах лещины. При подъеме вверх по холмам плодовые деревья редели и почти пропадали, кроме какой-нибудь дикой черешни, случайно затерявшейся среди кленов, дубов и осин, или вишни, с мелкими, темно-синими, почти черными плодами, да кустами боярышника, ярко алеющего гроздьями, или жимолости, усеянной красными, реже – желтыми одиночными шариками.

Однажды Лева обратил наше внимание на растение, которое проросло в кронах некоторых деревьев, – сначала мы приняли его за птичьи гнезда. «Это омела, – сказал Лева, – странный паразит, который, не причиняя особого вреда своему хозяину, живет припеваючи: забирается на самый верх и питается соком своего дерева и солнечной энергией, которую отвоєвывают в честной борьбе другие растения». С тех пор я стала наблюдать за омелой. Среди осенней желтизны листья ее изумрудно зеленели, а зимой только бледнели и редели, выделяясь в вышине голого остова густым зеленоватым шаром, или неожиданно проглядывали сквозь белый снежный покров зелеными ветвями. Факт ее безусловного процветания не сочетался с моим напряженным нравственным чувством. Я только смирилась с этим чистым символом неистребимого приспособленчества, но не признала его.

На Леву частенько нападало поэтическое настроение, и он начинал декламировать стихи, умудряясь не терять веселого азарта даже в самых грустных местах. Нас мало заботило авторство, в то время все стихи были безымянными, но моя память безошибочно отпечатавала услышанное с надежностью фото-негатива, и много позже я безошибочно узнавала их: они принадлежали запрещенным тогда поэтам – Мандельштаму, Пастернаку, Ахматовой, Цветаевой, Заболоцкому. Изредка он читал из Бернса, Новалиса и Китса, чаще – сонеты Шекспира, но больше других – русскую классику, длинные отрывки из «Евгения Онегина», «Мцыри», которые я вслед за ним заучила наизусть. Иногда он пускался в рассуждения о генерале де Голле, но я лишь помню, как меня рассмешило французское обращение «патрон». Он что-то говорил о Марселе Прусте и Хемингуэе, портрет которого висел над его письменным сто-

лом. Мне было только семь, и все это было малопонятно, но разбудило мои больные струны. В любом случае, его не вполне ясные взрослые монологи мне льстили, и я в приливе благодарности предлагала ему спеть песенку, которая в моем исполнении его неизменно смешила:

Пароход белый, беленький,
Белый дым над трубой,
Мы по палубе бегали,
Целовались с тобой.

Тем временем мы поднимались выше и встречали низкие заросли любимого мной неувядающего бересклета, с темно-зелеными, мелкими, кожистыми листьями и необыкновенно свежим горьким вкусом, высокие грабы и буки. На прихотливо играющей узорной тени изумрудной кроны встречались островки изменчивой зубянки: под сенью одного бука – бело-розовые, другого – ярко-сиреневые, а дальше, на открытых полянках – темно-фиолетовые. Рядом с ними стелились сплошные коврики лиловой хохлатки, которая в оврагах, с острым еще запахом весенней сырости, среди мелких, светло-зеленых завитков нераспустившегося папоротника становилась ярко-белой, похожей на забытые зимой хлопья снега. Чаше они переливались обширной весенней гаммой: от самых слабых, маленьких, темно-синих до сочных, высоких, с розовыми, кремовыми и белыми цветами.

С приходом лета, когда кроны деревьев плотно смыкались, от весенней пестроты не оставалось и следа, лишь иногда из-под ног неожиданно выскакивал юркий полесник или нивяник; молодая трава, примятая нашими ногами, еще гибко пружинила и тотчас выпрямлялась, и внезапно на ярко-зеленом фоне вспыхивала кроваво-красная герань. Начинался сезон мелкой душистой земляники и костяники.

Мы забирались на вершину холма, который казался очень крутым, но в одном месте спуск был гладкий, будто по нему прошелся большой каток. Ветер трепал темные короткие волосы Левы, он глубоко вбирал в себя воздух, так что тонкие крылья носа его трепетали, обводил нас взглядом великого полководца, поднимал высоко руки, широко их расставляя, и срывался вниз на чудовищной скорости: «Лечу-у-у!» Он планировал на больших сильных руках, выписывая замысловатые виражи. Его рубашка, наполняясь воздухом, дыбилась белым парусом, светлые полотняные брюки с шумом бились о сухопарые мускулистые ноги, они ускоряли темп, так что очень скоро его высокая фигура обретала статуэточные размеры, он останавливался у подножия и усиленно махал нам. Я закрывала глаза, чтобы не видеть немыслимой зеленой крутизны, на миг обмирала и с остановившимся сердцем бросалась вниз. В лицо ударял сильный порыв ветра и, задохнувшись, я раскрывала рот в восторженном страшном крике, не поспевая за сумасшедшими ногами, которые ухитрялись ускоряться еще больше. Рядом со мной орал мой брат, опережая меня, и резко тормозил у подножия. Я попадала прямо в крепкие надежные объятия Левы, и он, закружив меня напоследок, ставил на землю. Потом мы снова карабкались на холм (кто быстрее), пытая и обливаясь потом, но без намека на нить е, и снова сбегали вниз, и так до бесконечности, до тех пор, пока нас двоих Лева не затаскивал на холм, держа за руки, и мы последний раз обрушивали на окрестности наш истошный вопль.

«Если вы будете часто разгоняться и достигните высокой скорости, вы однажды взлетите», – сказал нам как-то Лева, заговорщически поглядывая на каждого. Мой брат недоверчиво хмыкнул. Я промолчала. Но вечером, прикорнув на его согнутую руку, после очередной прочитанной им сказки Пушкина (чтение которого носило скорее ритуальный характер, так как я их почти все уже помнила на память), доверительно рассказала ему о своем сне – одном и том же, который являлся мне с неясной периодичностью: о своем одиноком шествии по вечерним пустынным улицам с тайным сознанием своей необычной способности, о которой никто даже не подозревал. Я слишком дорожила своей тайной, чтобы ее кому-то поведать. Некто из безымянных прохожих увязывался за мной, – приходилось ускорять шаг, но за мной неуклонно следовали, переходя на бег, я тоже начинала бежать, проникаясь торжествующим весельем. Внезапно мои ноги с силой отталкивались от земли, и я взлетала над головами своих преследователей; сначала летела низко, наблюдая какое-то время за немым вражеским ступором, а затем, позабыв обо всем, взмывала вверх. Иногда меня никто не преследовал, и я начинала свой полет без единого свидетеля. Левик взъерошил мои волосы и сказал: «Значит, ты моей породы, летучей».

Однажды он признался, что ему тоже снится один и тот же сон. Я попросила рассказать, он улыбнулся: «Никому не рассказывай. Взрослые все равно ничего не поймут и не поверят». Выяснилось, что он каждый раз видел во сне далекую птицу, которая стремительно приближалась, слетая с вершины высокой горы. Птица подлетала, и оказывалось, что это – человек с крыльями в старинной кабардинской одежде. «Кто ты? Как твое имя?» – спрашивал его Лева. «Ты знаешь меня. Я из твоего рода. Зовут меня Лиуан», – говорил летающий человек. «Надо же, так же, как меня!» – удивлялся Левка, смотрел ему в лицо и узнавал себя.

Иногда он брал меня с собой на рынок. Обыденность этой скучной фразы противоположна тому неповторимому ощущению праздничного подъема, которые были связаны с этой вылазкой. Если свое обычное вынужденное присутствие в этой цитадели торговли я попросту мужественно терпела, изнывая от скуки, и волочилась нелепым придатком за мамой или бабушкой, боясь затеряться в толпе, то с Левой мой поход на тот же рынок напоминал открытие нового экзотического острова. С ним я чувствовала себя полноправным членом веселой команды путешественников. Лева приходил сюда, когда на него нападало кулинарное настроение, и он собирался готовить шашлык, плов, азу или наподобие того, – необыкновенно вкусное, с большим количеством овощей в самом неожиданном сочетании, словом, – что-то шикарное (эти блюда, правда, не ела бабушка, так как их не знала, и мама, – для нее они были слишком остры).

Мы подходили к лавкам с молодым картофелем: сочные светлые клубни светились из-под тонкой прозрачной оболочки и напоминали невидимых, свернувшихся в кокон живых гомункулов. Не торгуясь, мы покупали картофель и шли к овощному ряду. Левик сдавливал двумя пальцами влажные, бело-розовые головки молодого редиса с тонкими мохнатыми мышинными хвостиками, связанные в пучки пышными, ярко-зелеными вершками, весело бросал в широкую сумку; вместе с ними летели на дно самые соблазнительные свежие огурчики, еще увенчанные у верхушек желтыми сухими цветками. Мы проходили мимо тугих бело-зеленых кочанов капусты и другой, цветной, и мой взгляд замедлял скольжение по ее мраморной трогательной чистоте линий; верхняя часть нежных соцветий напоминала морскую губку, а вся

форма походила на белоснежные коралловые рифы. Далее взору являлись роскошные помидоров, прихотливо уложенных на весы, Лева громко спрашивал, чтобы слышала торгующая тетка: «Как ты думаешь, парниковые нам нужны?» Я громко говорила «не нужны», и мы двигались дальше, в поисках настоящих, пока не останавливались возле мясистых, розовых, наваленных бесформенной грудой. Впереди красовалась табличка, на которой крупными кривыми буквами было старательно выведено «ЛУЧШИИ ГРУЗИНСКИЙ ПАМИДОРИ». Короткая, но проникновенная беседа с продавцом содержала лаконичную информацию о том, что Гиви родом из-под Тбилиси, и когда Лева неосторожно обмолвился о том, что частенько там бывает и даже собирается защищать диссертацию, кончилось тем, что он был объявлен братом и немедленно заключен в крепкие широкие объятия. «Ты мне ничего не должен», – категорично заявил Гиви, когда Лева протянул деньги; они какое-то время пререкались, пока Гиви не покраснел. Тогда Лева достал ручку и блокнот, и они обменялись адресами. Мы оставляли позади себя ряды с малосольными и солеными огурцами, помидорами и капустой, горьким перцем, капустой провансаль, усыпанной алыми ягодами калины, сморщенным, будто лакированным черносливом и ломтиками яблок, горы фаршированных баклажанов и болгарского перца, – над прилавками поднимался и парил восхитительный, дразнящий аромат, благодаря которому невольно замедлялся шаг и разгорался взгляд. Где-то сбоку торговали съедобными каштанами, – они были более мелкими, плоскими, но той же совершенной формы, что и конские, – эти я собирала осенью, когда они выпадали из своих гнезд и с глухим стуком катились по земле. Я подолгу любовалась их таинственным мерцанием, гладила полированный, прохладный, темно-шоколадный глянец, созданный невидимым искусным мастером. У меня дома собиралась огромная коллекция, пока мама или бабушка не выкидывали ее в мое отсутствие. Мимо проплывали красные остроконечные горки блестящих ягод клубники, примешивая свой дурманивший аромат к невероятной мешанине других запахов; крупная янтарная и темно-бардовая черешня с перепутанными черенками томилась в эмалированных ведрах или была навалена на длинные прилавки на всем обозримом пределе ряда, в открытых местах весело мерцала на солнце тугой упругой плотью, а нежная вишня просвечивала под косыми утренними лучами, нескромно являя под тонкой кожицей свой сочное кровавое нутро с одинокой косточкой. Между ними рдели острова пурпурной малины, красной и черной смородины. Стоило Лева обратиться к продавцу, в атмосфере что-то таинственным образом преображалось, цвело улыбками, пожилые женщины начинали обращаться к нему «сынок», ко мне – «деточка», а молодые принимались заигрывать и называть «красавчиком». Они не обижались, когда Левик, перекинувшись с ними парой игривых фраз, отходил без покупки, часто окликали меня, пригоршнями сыпали в мою детскую сумку ягоды и бросали отборные фрукты. С особым чувством страстного гурмана Лева отбирал зелень, сотрясая перед собой пышные пучками, как колокольчиками, корешками вниз: те, что не распадались по краям, а упруго пружинили, сохраняя форму, и источали самый сильный аромат, удостоивались его внимания. Мы отправляли в нашу бездонную сумку нежно-изумрудные пышные листья кресс-салата, рифленные из-за выраженных прожилок, с терпким горьковатым вкусом горчицы, и пучки петрушки, не сочетавшие собственное название с изысканным запахом, и нежные букетики кинзы, с моим самым излюбленным ароматом, а сиреневый экзотический реган довершал дело. Вскоре к ним присоединялись молодой лук и чеснок: их белые головки сияли

матовой жемчужной свежестью, а наверху превращались в налитые соком зеленые воинственные перья, напоминающие хвост петуха. Напоследок мы заходили в крытый длинный павильон, где торговали мясом. Нанизанные на толстые металлические крюки, по обоим нескончаемым рядам тянулись вереницы сырых кусков говяжьего и бараньего мяса с приторным железистым запахом, – розового, красного и вишневого цветов, всех сортов и размеров, в белых прожилках жира и белесых сухожилиях, знаменуя собой примитивную прямолинейную образность самого вульгарного крыла натурализма. Деловитых хозяек зычно зазывали продавцы, те приценивались, торговались, требовали перевесить, ругались, отходили или, сойдясь в цене, молча покупали. Лева шутил с продавцами, особенно продавщицами, весело покупал увесистый кусок, и я наконец не без сожаления следовала за ним по направлению дома. В моей сумке, кроме прочих многочисленных гастрономических презентов, лежали обязательные, которые каждый раз с неистощимым усердием отбирались Левой: сахаристые продолговатые финики и сухие бардовые гранаты, манящие предвкушением своего восхитительного содержимого: сотни подогнанных друг к другу прозрачных алых зерен, налитых и призывно мерцающих на свету, с узкой белой косточкой, – они дремотно ожидали своего часа в отсеках тонкой горькой пленки. Я просила помочь нести продукты, и Лева торжественно поручал мне зелень. По пути я озиралась по сторонам, стараясь ничего не пропустить из того, что происходило вокруг, а небо между двумя рядами деревьев аллеи сквера напоминало синий лист бумаги, исчерченный стремительными линиями белых самолетных трасс, медленно тающих, как мираж.

Позже, уже на даче, Лева разводил костер, мешал настоявшийся шашлык крупными, немного неловкими, самыми мужскими на свете руками, – в воздухе разливался дразнящий пряный аромат, и я с начала до конца наблюдала за священнодействием по изготовлению классического блюда, до самой кульминации, – торжественной раздачи дымящихся шампуров, унизанных кольцами белого репчатого лука и посыпанных свежей зеленью. Дача располагалась в одном из самых живописных мест Долинска – пологих холмах, возле телевышки. В течение дня, ободрав всю малину, мы с братом носились по дачным дорожкам, обливаясь водой из бутылок, и разглядывали сквозь проемы оград чужие сады, пока нас не облаивала какая-нибудь свирепая собака, и брат уносил ноги, молча вынося мои отнюдь не пресные насмешки. С сумерками я уединялась, забравшись в отдаленный уголок сада, и смотрела на алые огни телевышки, легкий, прозрачный остов которой терялся в потемневшем небе. Огни освещали ее середину, ярко сияли над садами, превращенными мраком в сплошной темный массив, окутанный белесой вечерней дымкой, следовали редкими звездами по направлению взметнувшейся вверх башни и обрывались на самой вершине, теряясь в россыпях настоящих звезд.

У Левы было множество друзей, с которыми он совершал восхождения на горы, даже на Эльбрус, «болел» на футбольных матчах, ходил на речку, и без повода, на «ровном месте» устраивал шумные застолья, «стреляя червонцы» то у Маги, то у папы, влезал в долги, которые ему охотно прощали, если до этого он сам не забывал о них. Его друзья считали за честь катать меня на своих велосипедах – хоть сколько, пока мне не надоест. Я носила гордое звание «племянницы Левки», – это означало бесконечные подарки, море внимания и исключительную привилегию сидеть за любым взрослым столом.

Но больше всего меня интересовала другая, тайная, мужская сторона его жизни: Лева был любимцем женщин. Узкое энергичное лицо, тонкий удлиненный нос, серо-зеленые глаза с пушистыми ресницами до бровей, выразительные губы, атлетическая фигура, – сказать, что он был красив, значило ничего не сказать, как невозможно передать определяющий густой, предельный концентрат жизни, заключенный в нем, играющий немислимимым спектром ярких красок. Самый простой костюм сидел на нем с элегантной изысканностью, снискав ему незаслуженное определение «стиляги», а Мага, обращаясь ко мне в присутствии Левы, частенько замечал, сверкнув скупой улыбкой, что хорошие девочки не дружат с такими пижонами. Точнее сказать, Лева был всеобщим любимцем, женским – в том числе, но не из тех мелких городских донжуанов и даже (пользуясь более поздней книжной терминологией), не из крупных светских львов. Он любил женщин также неистово и страстно, как саму жизнь, которая, попадая в его большие крепкие объятия, наполнялась неизбывным радужным свечением. «Женщины – это аромат и квинтэссенция жизни. Они – больше, чем жизнь, – сказал он всем нам однажды на 8 марта, мастерски откупоривая шампанское, – и знаешь почему, Жуля? – Мама замахала на него руками и засмеялась. – Потому что они сами творят жизнь. Я чувствую и знаю женщин лучше, чем они сами себя, и за это они меня любят».

– Я бы сказала, слишком любят.

В период возмужания Левы у мамы внезапно стала появляться целая уйма подруг. Но проницательная умница мама мгновенно обнаруживала подвох, – маленькие хитрости левиных поклонниц. У него каждый день были свидания. Все его знакомые девушки были настоящими красавицами и, по моему детскому убеждению, артистками. Я частенько удостаивалась чести быть третьей, и вечерами являлась домой, заваленная конфетами, печеньем и фруктами, деля щедрой рукой добычу с братом. «Ты плохо кончишь», – строго предупреждала Леву мама. «Смерть от любовного удушения – не самый плохой конец», – парировал Лева, подмигивая мне за маминой спиной. Если свидание было поздним и цветочные магазины были закрыты, он, пока я стояла в дозоре, залезал в укромные места клумбы и срезал острым перочинным ножом роскошные розы, тяжелые от аромата. Также обстояло дело с сиренью, изнемогающей под бременем собственного цвета, астрами, ромашками и гладиолусами, – в зависимости от сезона. Порой под заснеженными елями на нас обрушивался целый белоснежный каскад, в который одним неожиданным резким движением погружал нас Лева, и мы, визжа и смеясь, вылетали из снежной пыли новоявленными снегурочками. Иногда он катал нас по очереди – то меня, то девушку. Однажды, чтобы уравновесить ситуацию, я умолила его сесть в санки самому («почему бы и нет?») и, пыхтя, потащила по рыхлому еще снегу, так что пожилая пара, оказавшись поблизости, разразилась бурей неодобрения: «Посмотрите на этого бедного ребенка! Папаша, что вы себе позволяете?» Я помню лучезарные счастливые глаза. Он умел пробудить в любой из них сущность самую глубокую и потаенную – ребенка, любимого ребенка, может, в этом заключался секрет их нетленной привязанности, о которой я узнавала много лет спустя, после его смерти. Многие приходили к нему сами, несмотря на жесткость железных запретов, пробившись через тяжелый страх скандала, с последующей реальной утратой перспектив на семейную жизнь, и спустя десятилетия плакали, признаваясь мне, уже взрослой, как были счастливы с ним.

Бурная холостяцкая пора Левы неожиданно завершилась свадьбой, которая произвела неподдельную сенсацию. Его друзья, заходя в гости, сообщали бабушке последние новости о том, что в республике ежедневно накладывают на себя руки сотни молодых девушек и по утрам безутешные родители находят их бездыханные трупы. Бабушка понимающе улыбалась и кормила шутников. И если относительно республиканской суицидной вспышки информация была явно преувеличена, то у нескольких маминых подруг от неожиданной вести случились настоящие истерики, а одна девушка даже потеряла сознание, и мама привела ее в чувства нашатырем. На протяжении всего дня заходили справляться, не очередная ли это шутка левкиных друзей, и узнав от бабушки правду, не могли сдержать изумления, будто эта была первая женитьба мужчины в истории человечества. Потянулась нескончаемая вереница друзей и соседей, предлагавших свою помощь в устройстве и подготовке свадьбы. Бабушка искренне просила никого не беспокоиться.

Избранницей Левы стала сероглазая белокожая девушка, немногословная и сдержанная, как бабушка, величественная строгость которой заставляла звенеть окружающую атмосферу. Именно поэтому ее редкий, но неудержимо веселый смех воспринимался как драгоценный дар. В день своего рождения она не могла открыть дверь собственной квартиры, чтобы пойти на работу, так как она оказалась заваленной огромной охапкой свежей сирени.

Для свадебного торжества были расставлены большие столы по всей длине нашего просторного двора, застелены клеенчатые скатерти, над ними мужчины соорудили тент, крытый брезентом, к которому подвели электрические лампы. Скромно отклоненные бабушкой соседские предложения о помощи были забыты в первый же день, так как последовало лавинообразное прибытие гостей. Готовить еду приходилось всем нашим трехэтажным домом. Те, что поели и подняли тосты, вынуждены были уступать места вновь прибывшим. Остальные участвовали в джегу (игрище – *кабард.*), который вообще не кончался. Однако это было только началом. В остальную неделю явился весь город и большая часть республики. Приехали какие-то неизвестные друзья с Закавказья: три азербайджанца, четыре грузина и два армянина. Приехали две девушки из Рязани и один парень с Молдовы. Приехали трое молодых людей из Махачкалы, двое – из Осетии, огненно-рыжий чеченец с сыном-подростком, молодые супруги из Алма-Аты и один сибиряк, который отдыхал в Кисловодске и успел подружиться слевой во время его двухдневной поездки. Нам, детям, поручили собирать пустые бутылки и складывать их в ящики, которых уже набралось больше десятка. Детский стол располагался поперек взрослого и стремительно пополнялся, в основном фруктами и сладостями, из которых я больше всего любила медовые ромбики зыкерыс и огромные, закрученные в желтую, солнечную спираль – джедыкерыш, которые тотчас крошились при неосторожном нажатии. Танцевали и пели все, в том числе те, кто вообще не умел. Я вела мужскую партию в исламе, так как она была сложной для брата, а он исполнял женскую. Невеста стояла в углу дальней комнаты, покрытая с головой прозрачным белым платком, и моя почетная миссия заключалась в том, чтобы заводить к ней девушек. Женщин заводили мама или ее двоюродная сестра.

После свадьбы Лева с молодой женой сняли квартиру неподалеку и пропали. Молодожены не появились и во время небывалого ливня, который разразился вскоре

после свадьбы. Дождь лил сплошной серой стеной, размывая контуры предметов за окнами, пока они не утратили своей очевидной реальности, на наших глазах превратившись в призраки. Мы были заперты дома, и вскоре уже не могли выйти даже в магазин, так как улицы превратились в бурлящие реки. Нами постепенно овладевало странное оцепенение, будто потоп уже коснулся и овладел даже невидимыми пределами сознания. Вода угрожающе поднималась к нашим окнам на первом этаже, разъедая высокий цоколь, бабушка все время молилась, а Мага совершал дерзкие вылазки, облачившись в свой страшный охотничий плащ и высоченные резиновые сапоги выше колен. Впрочем, и они уже вскоре не спасали. Мутный поток с шумным рокотом нес сломанные ветви деревьев и кустов, огромные куски асфальта, перевернутые мусорные баки и груды городского мусора. Нелепыми айсбергами проплывали оторванные от родной почвы киоски, как маленькие современные ковчеги. Мага плавал на лодке, одолженной им у знакомого спасателя, и вылавливал бездомных кошек и собак. После первого порыва безудержного ливня продолжался бесконечный умеренный дождь, и вода долго не спадала, а неутомимый Мага, наш единственный связной, приносил диковинные новости о том, например, что разлившаяся река Нальчик принесла рыбу к домам на окраине, и там ловят ее, закидывая удочки прямо из окон собственных домов.

Лева с женой, по словам, вышли на улицу только после того, как вода уже схлынула, и были несказанно удивлены: они даже не заметили потопа.

Однажды, по прошествии года, я приотворила дверь в комнату, в которой находился Лева. Он стоял спиной ко мне, повернувшись к окну, и казался странно высоким. И тут я увидела: он парил над полом. Я очень быстро закрыла дверь, потерла глаза и снова осторожно открыла ее. Сомнений не было: он висел в воздухе, оторвавшись от дощатого пола сантиметров на пятнадцать. Я никому ничего не сказала. Мое состояние походило на сомнамбулическое, я не помнила ничего из того, что делала в течение этого дня. Вечером, когда все собрались за ужином, Лева внезапно встал из-за стола, пружинисто шагнул несколько раз, остановился, обводя всех смеющимся взглядом, и сказал: «Я хочу сделать заявление!» Все оторвались от тарелок и посмотрели на него. «Я научился левитировать».

– Что это такое? – спросила бабушка.

– Левитировать – это летать, – пояснил Мага.

– Слушай, ты не в себе, – сказала мама, первая овладев ситуацией, и доложила в мою тарелку куриное крылышко и пасту. Папа сохранял невозмутимость, приличествующую зятю.

– Я говорю серьезно, – сказал Лева таким тоном, что все снова внимательно посмотрели на него. Но мама вспыхнула: «Это уже не смешно».

– Я и не пытался рассмешить. У меня получилось.

Все переглянулись. Тут я не выдержала: «Это правда, правда, я сама видела!» – закричала я.

– Я всегда знала, что эта беготня с высоких гор добром не кончится, – сказала мама с досадой.

Лева был бледен: «Послушайте, это не бред. Я не сумасшедший. У меня действительно получилось».

– Это противоречит здравому смыслу, – отрезала мама. – Этого не было в истории человечества.

– Как раз в истории это было, – невозмутимо обронил отец, – например, левитировал Фома Аквинский, или святой Августин, или Франциск Ассизский, я точно не помню. Публично левитировали йоги на больших стадионах, забитых публикой.

– Я не святой и не йог, я – сам по себе. И со мной это было.

– Хорошо, – сказала мама, порозовев, – тогда покажи нам.

Лева секунду что-то разглядывал на своей тарелке, потом резко встал и вышел.

С тех пор он больше не парил в воздухе, по крайней мере, я не видела. Он стал «солидной», как говорила мама, и по ее интонации чувствовалось, что это хорошо. Тихий вечерний шепот, сочившийся из родительской спальни через тонкую освещенную полосу неплотно притворенной двери (который я невольно слышала благодаря своему собачьему слуху), постепенно перестал быть тревожным. В нем больше не слышалось настойчивых фраз: «Может быть, его все-таки проконсультировать, я знаю прекрасного специалиста»... – «Успокойся, пожалуйста». – «Но это же ненормальность, нести такую ахинею, да еще при ребенке...» – Папа издавал многозначительное «гм» вибрирующим глубоким баритоном и замолкал. «У него, конечно, очень странный основной обмен, температура на 1 градус выше, чем у остальных, – казалось, мама рассуждала сама с собой. – Не представляю, как это объяснить, но последнее время у него нормализовалась и температура, и вообще, он стал похож на нормального человека, хотя перестал походить на самого себя. Но и теперь он, как печка, всех вокруг себя обогревает».

Я вспоминала, как Лева обрастал толпой везде, где бы ни появлялся, во дворе, на улице, на работе. Он освещал и принимал всех – от чумазого малыша до опрятной сухонькой старушки из соседнего подъезда. Еще издали приметив знакомый силуэт, он широко разводил сильные руки, – мне казалось, что в его крупных щедрых ладонях отражалось горячее полуденное солнце. Порой я замечала его отстраненный взгляд и спокойную улыбку. Мне всегда казалось, что в нем были совмещены два человека: один был с нами и участвовал в этой действительности, которая захватывала всех нас целиком, жил по ее правилам, другой наблюдал за всем происходящим со стороны, находясь «за кадром», но без насмешки и снисхождения, разделяя и принимая происходящее.

В нежном возрасте никто, включая меня саму, не знал о моей необычной способности слышать за закрытыми дверями. Только много позже эта особенность обнаружилась, как обычно, благодаря всесильному случаю: однажды я смотрела телевизор и почувствовала, что мне мешает какой-то странный звук, похожий на тонкий свист воздуха, вырывающегося из плотно закрытой банки. Я спросила родителей, но никто из них не слышал. Обеспокоенная собственными слуховыми галлюцинациями, я пошла на звук. Для меня звук усиливался, а они его не слышали вообще. Действительно, в кладовой свистела банка с солеными огурцами, в которой забродил рассол; родители слышали этот звук, только наклонившись над ней. Они переглянулись. И мама, которая всегда была склонна искать и находить логические объяснения там, где для меня их не было, сказала: «Очевидно, это компенсация слабому зрению». Между тем, все детство я невинно и беспрепятственно пользовалась собственным даром. Помню один разговор, услышанный, как обычно, из-за закрытой двери, когда мамин голос обрел особые звенящие интонации: «Левка, у тебя самая обманчивая внешность: тело атлета и сердце ребенка. Но больше всего ты похож на огромный дом с вывеской «Бесплатный кров для всех желающих». Кто они, кого ты пускаешь,

может, среди них воры и обманщики, или те, что наследят в грязной обуви, а то и наплюют». Лева засмеялся, и я почти увидела, как он провел рукой по пышным волнистым волосам мамы. «Жюля, не беспокойся, я вижу каждого таким, каков он есть, но каждого могу любить». – «Я давно знала, что ты – ненормальный». Жизнь вокруг него превращалась в пеструю кутерьму, – и в этом они были похожи, только у мамы она была направленной и деловой, а у Левы – веселой и праздничной. Всем троим, Лева, Маге и маме было свойственно ликующее ощущение жизни. Когда позже, уже интравертным подростком, я приступила к целенаправленным поискам философского камня или хотя бы его скромной замене, я вспоминала об этом бурном, стремительном потоке жизни, подключенном, кажется, к самому высоковольтному напряжению. На этом фоне я начинала сомневаться в самой сфере моих исканий: библиотека, философия, литература, общение, похожее на внезапные прорывы, – все это казалось мне лишь бледной тенью той живой сути, которой они всегда владели, не называя ее имени.

ПРОЗА КАЛМЫКИИ

Виктор КОКСАДАЕВ

Виктор Коксадаев родился в 2 июня 1955 г в г. Томске. В 1982 г. окончил Московский геологоразведочный институт.

Первые стихотворения вышли в газете «Утро Калмыкии» в 2002 г. В 2006 г издан сборник стихов «Прими с улыбкой».

В сборник молодых литераторов «Особенный день» вошли рассказы и стихотворения. Некоторые стихи и отрывок из рассказа «Блаженный и чеки» вошли в литературный альманах Калмыкии «Дар духовный». В 2016 году вышел сборник рассказов «Вокзал для своих». В 2024 г. вышли две книги: повесть «Вахта» и сборник стихов «Жизнь – разноцветье мгновений...»

Победитель конкурса на создание новой песни о городе Элисте как автор текста песни «Моя Элиста».

Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Финалист Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». Лауреат Межрегиональной выставки-смотрa художников-любителей и народных мастеров Северо-Кавказского и Южного Федеральных округов «Салют Победы» в г. Симферополь.

В 2021 г. в Грузии в двухтомник «Кавказская поэзия» по проекту Черкесского культурного центра (г. Тбилиси) вошли переводы стихотворений на чеченский язык.

В 2022 г. в спецпроекте Литературной газеты №35, и в 2023 г №12 «Многоликая лира России», в отделе «Поэзия Калмыкии» вышла подборка стихотворений.

Блаженный и чеки

– Здорова! Студент! – он стоял в дверях, широко улыбался, на голове форменная мятая темно-синяя фуражка с серебристой кокардой, что-то непонятное издали, не рассмотреть. Крепкий, полноватый уже, с детства известный как Федька, бывший сосед. Как он угадывал дату его, Вадима, приезда, являлся в точности почти до часа? И сразу просил подстричь его.

– Что, много девок охмурил? Знаю тебя! Там всякие у вас, смотри, негрityнку не привези! – нн будто бы молчал целый год и хотел наговориться впрок. Длинные прямые черные волосы, небольшая борода придавали ему какой-то особый шарм бывалого и потому уверенного в себе человека.

Вадим приехал уставший после сессии. Хотелось просто побездельничать, ни о чем не думая и не заморачиваясь в поиске, чего бы перекусить. Мать что-то готовила на кухне – всегда хотела откормить его, когда он был дома. Обычно его сразу захватывали друзья, какие-то дела, встречи, и время пролетало, будто метеорит. И он опять жалел, что так мало бывал дома, с близкими. Но всегда, когда бы ни приходил он вечером, на столе стояла большая кружка парного молока и что-то вкусное к ней...

– Поехали на рыбалку! А то будешь киснуть. А потом... – Федька сделал хищное заговорщическое лицо, – пойдем к подругам, хочешь, познакомлю? – подмигнул.

Федька, насколько он знал его, не отличался ни особой смелостью с женщинами, ни красотой, зато интеллектом для его среды и возраста выделялся особенным. Кто мог из его сверстников в школе знать, что в Японии есть такая борьба – каратэ, в которой ногами бьют на уровне головы, что первыми в истории человечества стали курить индейцы, что в мире столько ядерного запаса, что Землю можно взорвать 13 раз, что атомная война неизбежна, как и конец Вселенной, а звездное пространство бесконечно... И еще многое, что в школе не рассказывают. С детства он запоем читал разные толстые книги; обычно не водился в уличных компаниях, почти не играл в футбол, не был ни в одной уличной команде. Не помнит Вадим, чтобы он делал набеги вместе с ними на колхозные бахчи и сады, ходил в походы; да и девчонки будто не интересовали его...

А сейчас – вдруг какие-то женщины. Хотя, конечно, давно пора. Мать позвала на завтрак. Попили чай, стали собираться на рыбалку. С детских лет единственной, наверно, кроме книг, страстью Федьки была рыбалка, удочками, спиннингом, раколовками, разными приспособлениями, а потом уже сетками и бреднем. Он знал все рыболовные места, где и как клюет, когда и сколько можно поймать. И эта страсть, видно, на всю жизнь, как и у многих. Да и Вадим, пока собирался, тоже загорелся желанием поудить.

Мотоцикл был – старенький «Восход», из тех, что постоянно с детства они чинили: меняли колеса, поршни, кольца и все, что только ни ломалось и ни изнашивалось, даже ставили от других марок что-то. Тогда получались забавные гибриды. Еще мужики в их селе иногда изобретали свои «транспортные средства», как называл их районный автоинспектор Виниченков. Один из них, с двигателем «ЗИД», поставленный на тележку с колесами от косилки и цепной передачей от комбайна, долго ездил по селу, вдали от больших трасс, вызывая восторг ребятишек и уважительные взгляды женщин. Инспектор поймал его пару раз, пообещал разрезать автогеном, но так и не разрезал, наверное потому, что этот мужик постоянно еще усовершенствовал свое «средство».

Сейчас же они мчались по пыльным проселочным дорогам, потом выехали в степь. Небольшой бредень и какие-то самодельные закидушки с мешком Вадим держал поперек седла мотоцикла. Их подбрасывало на ухабах, Федька что-то упоенно рассказывал, изредка оборачиваясь и забавно скалясь в бородатой улыбке. Какой-то дурацкий мотоциклетный шлем, как у Моргунова в известном фильме; потное лицо «кормчего» и горячий знакомый ветер степи будто вернули Вадима в детство. Ему было весело кивать на вопросы Федьки, хотя он так ничего и не понял из них, кроме того, что все будет нормально и поймают они огромную рыбу.

Прохлада от воды, знакомый запах тины и пресной теплой прудовой воды настраивали на расслабление и отрешенность, небольшие волны плескались у ног и приятно охлаждали ступни. Прудовая вода не сильно прозрачна, прибрежный камыш не густ, зато какие сазаны и сомы могут ударить тут хвостом так, что замрет сердце и диким восторгом сразу охватит всю душу рыбака!

Искупались, поставили закидушки, потом забрели с бреднем в небольшом пруду, что был наполнен тальми водами. Колхозы потом запускали туда рыбу, сазанов в основном, и раков. Подкармливали всякими зерновыми кормами, сваливая прямо с берега. Вырастали крупные сазаны; они потом постепенно исчезли, по причине развала и заброшенности хозяйств и полей...

Федька, как в детстве на рыбалке, начинал командовать и руководить, Вадим, утомившийся от самостоятельности свободной жизни, не спорил, а опять присматривался к Федьке. Иногда с ним интересно. Хотя говорят всякое о нем. Он все не верил и не соглашался с теми, кто его знал раньше и сейчас. Невероятные случаи рассказывали про него...

Будто бы стал он заговариваться и нести всякую несуразицу, будто однажды ночью вскочил он с кровати и кинулся в степь босиком, а была осень. Его потом кое-как поймали соседи, разбуженные его отцом, с трудом связали и вызвали «скорую». Отвезли его в психлечебницу, откуда вскоре выпустили. Он ничего не помнил. Люди покачивали головами: слишком много читает! Еще: будто по осени бродит по ночам по парку, пугая редкие парочки влюбленных чтением стихов, распевая жуткие песни. Будто оборвал все цветы в ближайших палисадниках для своей безответной «Дульсинеи».

А однажды, помнит Вадим, после уборки урожая на районной ярмарке были скачки – соревнования между колхозными заявленными участниками. У отца Федьки был огромный красный конь, по прозвищу Бешеный. Однажды Вадим прокатился тоже на нем, когда школьниками они помогали родителям пасти отары колхозных овец и коз. Этот конь достался колхозу после списания из какого-то конезавода как не соответствующий каким-то параметрам для соревнований или спецподразделений. Он все время рвался вперед, точно бешеный, нужно было постоянно держать удила в натяжку, не то он сразу пускался вразнос. Как вихрь летел он тогда, невзирая ни на канавы, ни на пахоту.

Отец Федьки тогда, подвыпив с друзьями чабанами и другими сельчанами, поспорил, что его конь опередит любую лошадь из этих «чистюль» на скачках. Мужики, подогретые портвейном, что в изобилии продавали на ярмарке прямо с грузовиков из деревянных ящиков, весело вступили в спор в предвкушении бесплатного развлечения: этот Бешеный останется в хвосте у тренированных к празднику лошадей с разных колхозов. Недолго думая, дядя Леша – отец Федьки – кинулся распрягать своего коня. Кто-то, конечно, отговаривал его, что еще пуще разжигало дядю Лешу с его вспыльчивым характером,

кто-то подначивал. Но дело должно было закончиться скоро, так как отец уже пошатывался, и не только от жары. Сомнения уже стали одолевать его, он медлил в поиске выхода из непростой ситуации. Не было спортивного седла, даже простого казацкого, что использовали чабаны, конь не был готов к скачкам, и его нужно было кормить по особым правилам, тренировать. Его взгляд наткнулся на старшего сына: «Федька! По-скачешь?» – спросил настороженно и со скрытой надеждой. Федька не знал, куда глядеть от радости! Сам батя доверил ему такое, о чем мечтает любой подросток.

– А седло? – только спросил растерянно.

– Ничего! – отец стащил с телеги старую фуфайку, накинул ее на спину и перевязал ремешком под грудью опешившего коня, который тоже стал, вероятно, понимать: что-то затевается с его участием. Конь вскидывал головой, перебирал нервно ногами, хотя послушно до этого дал себя распрячь из телеги и повести пареньку-семикласснику. Толпа взбудораженных участников спора и просто любителей бесплатно покуражиться ринулась вслед к руководителям скачек. Долго упрашивать их подвыпившим колхозникам не пришлось: при виде худенького паренька и фуфайки вместо седла – сложилось впечатление о клоуне-скоморохе, который развлечет публику. Дали добро, записали фамилию, и Федька пристроился сбоку шеренги всадников.

Красным флажком стартер дал команду на заезд средней дистанции, что-то около пяти километров. А отец еще напутствовал Федьку среди общего гомона, держа за поводья уже рвавшегося взбудораженного коня. «Держи!» – напоследок услышал Федька, то ли предупреждал отец, чтобы не слетел с коня, то ли чтобы держал ту же поводья. Без седла часто катались ребяташки на конях, когда посылали искупать их в жару или съездить недалеко. Тогда ребята устраивали скачки, чей конь резвей. В этот раз Федьке досталось не купание коня...

Он помнит, что вначале не знал, куда скакать, потому что никого не видел, кроме облака пыли, поднятой проворными соперниками. Только бы не упасть на повороте. А поворот был уже близко, стало лучше видно из-за растянувшегося строя наездников. «Только бы не последним!» – возникла новая мысль, когда он уже освоился с трассой. Она была помечена красными флажками и прочерчена боронами по целине. Где то кричали праздные люди, земляки-односельчане, где-то подвыпивший отец зорко наблюдал за ним, а мать, конечно, была на грани обморока. Он просто вспомнил в суматохе ее жалеющий взгляд. Женщине не принято перечить, когда что-то решают мужчины.

Он держал крепко тонкие, загрубевшие на солнце и ветре сыромятной кожи поводья уздечки – плетка ему не была нужна, видел перед собой шею Бешеного с чуть повернутой в сторону головой и черным глазом. Значит, конь только рвется и уже понимает, куда ему следовать, и хочет догнать табун впереди. Пролетели мимо орущие болельщики, как кадры быстро прокручивающейся киноленты, – значит, первый круг позади. Он увидел круп несущегося впереди черного коня и привставшего на стременах жокея, который нахлестывал бока своей поджарой лошади. Без стремян, конечно, опасно, но у Бешеного был плавный ход в галопе, и если сидеть немного сбоку, меняя положение, то, особо не уставая, можно проскакать долго. Это особая посадка предков-кочевников, усваиваемая с детства. Если целый день проведешь в седле и видишь, как другие взрослые сидят, не уставая, даже могут дремать и спать на коне, то и сам невольно научишься этому. Между тем Бешеный обошел, будто приглядываясь к нему, первого соперника, мотнув головой, как бы приветствуя его, и пошел дальше набирать ход, словно только теперь

понял суть своей задачи. Что-то кричал отец, почти выскочивший на трассу, будто в отчаянии размахивая кнутом для подстегивания лошади, запряженной в телегу, и словно угрожая Федьке, когда он пошел на второй круг. Ветер выжимал слезы, бил иногда по лицу длинной и жесткой гривой коня. Федька уже не думал о том, как удержаться, не свалиться на повороте, а только о том, чтобы сдержать и не загнать неподготовленного коня. Отец, хотя и был нетрезв, но тоже осознавал это. Потому, наверно, и угрожал ему кнутом! Между тем мимо проплыл и исчез позади еще один всадник, отчаянно нахлестывающий свою лошадь. Может, они готовились на более длинную дистанцию или уже запыхались в предыдущих заездах? Этого Федька не знал и не думал об этом. «Сколько еще осталось кругов?» – подумал подросток, понявший, что хоть не последний он уже, – и у него отлегло на душе. Но вот конь не вписался в поворот очередного круга, пришлось его поворачивать и снова нагонять, хотя никто уже не обгонял его, – так растянулась вереница... «Давай! Вперед! Уралан!» – это уже точно отец, подобревший, что ли? Крикнул почти рядом. Значит, последний круг. Добрых метров сто отделяло Федьку от лидеров. Тут он и отпустил слегка поводья. Обрадованный конь, почувствовав волю и сбывающееся желание догнать всех, рванулся, будто до этого стоял на месте. Как удержался он на Бешеном, Федька не помнит, осталось в памяти только то, что видел рядом искаженные азартом лица соперников, дикий топот и приближающийся гомон веселой толпы. Он проскакал далеко еще после финиша, увидел, что его больше никто не преследует, а к нему бегут его односельчане. Хотелось пить, глаза слезились от пыли и ветра, конь уверенно-радостно всхрапывал и, разгоряченный, будто пританцовывал, несясь то одним, то другим боком, сдерживаемый тугими поводьями уздечки. Опять же будто понимал, что выполнил свою задачу! Когда Федька подскочил опять к финишу, мужики стащили его с коня, повели куда-то. Он шел будто на деревянных ходулях, устали и затекли ноги, сердце стучало от еще никогда не испытанного ликования и пережитого испытания. Радостные земляки, взрослые мужики хлопали здоровыми ручищами его по спине, плечам, поздравляли, кричали что-то прямо в лицо, потом пытались качать сильными руками и, наконец, подвели к комиссии по скачкам. Там серьезные люди что-то прикидывали, спорили, недоверчиво смотрели на победителя, на его коня, которого, чтобы не застоялся, стали водить по полю. Но под напором неопровержимого факта и группы поддержки в виде чабанов и односельчан-колхозников, разных по званиям – от конторских работников до бригадиров, механизаторов, чабанов (отец имел авторитет в колхозе как передовик и ударник труда, имевший много почетных грамот за перевыполнение планов), все же определили награду Федьке в виде премии в сто рублей. Кубки и грамоты достались другим участникам заезда. Это было большой и неожиданной победой для Федьки, его отца, а также для всего колхоза. Обсуждали эту тему потом долго, выпивая на эту премию, из которой отец выделил подростку всего три рубля на мороженое. Ребятам обычно выдавали в праздник не более пятидесяти копеек на все радости. Федька побыл героем дня и некоторое время еще важничал, потом все забылось – да и не принято было в больших семьях выделять любимчиков. Получив порцию славы, он опять ушел в свои книги, мечтания, увлечения, разговоры на неожиданные темы летними вечерами...

После длинных жарких дней можно было говорить о чем хочешь, устроившись на досках строящегося дома или лавочке у ворот. Все было им интересно, мир был открыт перед ними и был без преград. Хотя многое было непонятно. Увидев ночью метеорит,

старшие долго развивали космическую тему, рассказывали о квазарах, Вселенной, инопланетных мирах. Наперегонки читали фантастику, книги о путешествиях, потом увлекались мототехникой: мопеды и потом мотоциклы разбирались и собирались в сараях. Стали входить в моду разные радиоприемники. И музыкальные кумиры не заставили себя ждать...

– Давай здесь, вытаскивай на берег! – крикнул Федька, и Вадим привычно стал бороздить комолом бредня по дну, приближаясь к берегу. Когда подводишь бредень к берегу, рыба, заключенная в нем, начинает метаться, перескакивать через сетку, добавляя пущего азарта рыбакам. Тут нужно быстро вытянуть края на берег, потом «мотню» – сетчатый мешок посередине бредня. Попалось немного – сазаны средней величины, судачки и несколько раков. Но Федька был взбудоражен, как в детстве.

– Давай заводи! – командовал он, когда освободили бредень от улова. Прошли еще несколько раз. Вытащили чуть больше ведра рыбы, не считая полведра раков. Устали, Федька был доволен, да и вообще энергия и неутомимость бурлили в нем.

– Вечером пойдем до девочек? – улыбался он.

«Тоже мне жених, – подумал Вадим. – О чем он с ними говорит? О квазарах или о Радже Капуре?»

– Ладно, посмотрим, собираем бредень, закидушки?

Ехать теперь было еще неудобней: нужно было держать и бредень и улов, не свалиться на ухабах и отвечать на разглагольствования гонщика.

– Бери все! – сказал Федька. – Только раков возьму, или как?

– Как хочешь, но и раков бы взял.

– Ладно, – Федька отвалил трех крупных, – хватит?

Надымив мотоциклом, широко улыбнувшись, Федька оставил их с матерью у калитки дома.

Рыба – приятное разнообразие в мясном рационе степняков, потому мать с радостью принялась за приготовление.

– Ма-а! А что, его в армию так и не взяли? – спросил позже Вадим.

– Нет, вызывали на комиссию, говорят, и белый билет дали.

– А что, он же не больной?

– Не знаю, зря не дадут, там все проверяют.

– То, что в дурдом забирали?

– И это может быть, – грустно сказала мать. – Давай садись, рыбу пожарила, совсем похудел!

Для нее он был всегда «худой». Всегда в деревне считалось, и сейчас часто тоже, что полные люди – здоровы, а также те, кто много спит и ест. Как ни старался Вадим переубедить в этом мать, бесполезно. Однажды, когда он прибежал с озера почти весь покрытый обледеневшей коркой снега после купания в проруби утром, она всплеснула руками: «Ты что! Заболеешь!» – и наблюдала, уже улыбаясь, как он стаскивал с себя почти обледеневший кольчугой спортивный теплый костюм. От него валил пар, а тело было красным и разгоряченным! Соседи тоже, приглядываясь, обсуждали, качали головами, осторожно осведомляясь у матери, все ли нормально с сыном. Она отвечала: «Он морж!» Они, переглянувшись, сделав вид, что поняли, прекращали расспросы. Быть

«белой вороной» неловко поначалу, потом привыкаешь, как почти ко всему, да и люди тоже привыкнут.

– Ты там, наверно, голодаешь? – мать, как всегда, думала, что главное – это чтобы он был сыт. Как одет, где и с кем общается, как живет – уже второстепенное. Навидавшись всего в войну и после нее, она была в общем права. Голод не должен править миром. Образование тоже важно, потому она всячески поощряла в детях тягу к знаниям.

– Да нет, что ты! Хватает, иногда подрабатываем, в стройотряд поеду позже, – успокаивал ее Вадим.

– Побудь дома, наработаешься еще, – ответила, думая о чем-то, мать. – Вон Федька – дома, работает, женится, может. Справный стал, что еще надо человеку? – улыбнулась тихо.

– Ладно, ладно, отучусь, видно будет, побежал я, – собирался уже Вадим.

У Федьки, может, судьба такая, дома картошку окучивать, думал Вадим. Да и в чем проблема? А он поедит по свету, женится когда-нибудь. Наперед Вадим не загадывал по привычке молодости, каждый день приносил столько интересного, что прогнозировать не хотелось.

...Федька вытащил откуда-то бутылку припасенного местного портвейна в своем захламленном домике, где он жил отдельно от родителей, но в том же дворе. И они пошли. Он был в оранжевых вельветовых брюках-клеш, походил на иностранного рабочего, какого-нибудь докера из фильма про границу. «Девочки» были совершенно разные, и при первом взгляде на них у Вадима пропало настроение. Одни были не так молоды, а те, что помоложе, какие-то полноватые, простенькие и жеманные. Собирались, видно, часто на девичники своей компанией и стеснялись Вадима. Пока разливали вино, Федька шутил смело – и когда наострился? Девушки смеялись, пили вино, обсуждали кого-то, осуждали и хвалили. Вадим кое-как вытащил Федьку на улицу. Он был раздосадован и не скрывал этого. Федька, слегка выпив, хотя особенно не увлекался спиртным, был практически доволен вечером, что-то рассказывал запоем, жестикулировал, потом спросил:

– Ну как?

– Никак!

– Поедем завтра на рыбалку?

– Нет!

– Почему? В другое место поедем, там такие лещи!

– Нет, не хочется, отдохну, – отвечал Вадим. Он ведь надеялся сегодня на интересное общение с «девушками», или можно было посмотреть фильм в местном кинотеатре. – Ладно, пойду я!

– Я подъеду завтра! – крикнул уже вдогонку Федька.

Вот чудо, думал Вадим, точно! И что он поперся к каким-то девицам? Мало ему было московских барышень? Да, нужно письмо написать Валентине. Выпив приготовленную матерью кружку парного молока, он лег спать. Чего-то в нем правда не хватает, взрослый мальчик, – думал о Федоре, засыпая, Вадим. Или он сам слишком привередлив после московских посиделок со студенческой братвой?

С утра он уехал в город, что был неподалеку от их райцентра, посещал родственников, виделся с друзьями. Женатые друзья были заняты своими семьями. С теми, кто был еще свободен, он пил местное вино, ходил по танцам, дискотекам и свадьбам. Знакомился, проводил время с девушками, приходя поздно вечером, всегда находил на кухне кружку парного молока.

Федька будто бы пропал куда-то, но однажды опять явился с утра, веселый и разговорчивый.

– Поедем, с одной познакомлю! Вот такая девка! В Питере учится, как раз для тебя! – смеясь и прихлебывая калмыцкий чай, он смотрел на мать, зная ее тайные желания поженить сына. – Не хочешь? Ладно, хочешь мотоцикл, лучше, чем у меня? Один продает тут.

– Зачем он мне сейчас?

– Ну да, тогда есть идея! Ты скоро поедешь, хочешь заработать? Тут хочу заняться одним делом. Можно пух продавать, или уже готовые платки пуховые! Смотри, мы купим пух, найдем бабушек, они нам будут вязать платки, а ты там толкать на барахолке! Бизнес! Братану сказал, они хотят в Оренбург поехать с другом! – смотрел выжидательно-весело.

– Да, но откуда деньги возьму на пух этот? – улыбнулся Вадим.

– Ну да, сперва будет трудно с деньгами, – задумался, – тогда пошли в кино!

– Пошли, – нужно было отдыхать, и, может, он увидит и проводит эту Маринку, что так незаметно похорошела.

– А ты уезжаешь, Аленка! – запел вдруг блатным тенором Федька по дороге на улице. – И я боюсь, что больше уже никогда тебя не увижу, Аленка!

Вечера были прохладны, люди стремились после дневного зноя погулять и подышать на улице, направлялись в парк, на дискотеку и танцы на открытых площадках. Летний кинотеатр тоже работал. Федька пересказывал все события поселка, расспрашивал о столице.

– Там, наверно, со всего Союза однокурсники? Здорово, там просто подышишь воздухом одним хотя бы месяц – и станешь умным, повезло тебе! А тут – дыра! Настя! Марфа! – вдруг закричал он, когда они проходили мимо общежития. – Выходи, я жду тебя!

– Ты очумел!

– Там подруга есть, – ответил он. Из окна общежития и правда стали выглядывать любопытные женщины. – Вернее, была.

Потом Вадим узнал от других о его несчастной любви. Как он неумело добивался руки старой девы, докторши-терапевта, как носил ей цветы, а она скрывалась от него и даже пожаловалась своему начальству. С Федей провел беседу участковый, но безрезультатно. Наконец докторша пропала куда-то, скорее всего переехала в другой поселок или в город.

– Это кто там кричит? Может, меня ищешь? Я не Марфа, правда, – все же кому-то стало интересно пофлиртовать с веселыми парнями.

– У тебя есть летний белый зонтик?

– Нет, но есть в цветочек!

– Нет, ты не подходишь тогда! Мне нужна Настя! – смеялся Федька.

– И что там с подругой?

– Так, ездил на море, ни разу не был, а тут поехал и встретил, с белым зонтиком была.

– И что теперь? Куда делась?

– Да уехала вроде.

– Ты, наверно, ее замучил.

– При чем здесь я? Родственники, да и подруги, наверно, отговорили.

– Так найди себе другую Марфу или Настю.

– Другую не надо, она мне в душу запала как-то, – Федька говорил уже тише, искренне, воспользовавшись ночной темнотой, что располагала к откровению, и было легче

говорить, когда не видят твоего лица. – Вот ты скажи, почему она не смогла остаться со мной, неужели я такой страшный?

– Да нормальный, не бери в голову. Много есть женщин на свете, что могут быть с тобой. Посмотри, вон сколько их гуляет сейчас.

Федька вздохнул, но что-то решил свое и замолк ненадолго.

– И что сидишь дома тогда, если это дыра, поехал бы куда-нибудь, на БАМ, например, – развивал тему Вадим. – Люди едут на Север, хоть деньги заработают или квартиру там, женятся.

– На ком, на хохлушке? Вот ты точно, наверно, на русской женишься.

– Да какая разница, на ком, лишь бы по душе была.

– Да, это точно.

– Ну и что, в чем проблема, как говорил Остап Бендер?

– Бендер так не говорил, он говорил: «Ближе к телу!» – засмеялся уже Федька.

– Все равно, что ты все жалуешься, девушки не любят его, братья не дружат! Возьми билет и рвани куда-нибудь!

– А кто меня там, «где-нибудь», ждет, что я там буду делать? Тебе хорошо – ты специалистом станешь.

– Ездят трудяги-работяги тоже, а ты разводишь слякоть! Каких-то девок охмуряешь глупых. Время пройдет, и так ничего и не сделаешь, не достигнешь ничего! – Вадим был уже рассержен слегка. – Прележишь на диване всю жизнь, как Обломов! Кому будешь нужен? Родители уйдут, у родственников своя жизнь, ищешь все женский идеал? Болтать каждый может, а ты попробуй испытать себя! Ромео деревенский!

– Ладно, – Федор был в растерянности, – может, ты и прав, только... трудно сразу так... Да и не герой я. Я книжный червь, вот. Мечтаю, живу, как хочется. Я когда-то на скачках победил, чем хуже других? Может, лучше даже кого-то, в чем-то, – потом через некоторое время добавил: – Твой брат всегда был добрее ко мне, а ты... – он стал подыскивать слова: – Столица делает людей жестче, бездушней – ты не обижайся, – прагматичней, точно!

Тут уж замолк Вадим, может, правда он слишком придирчив к нему, впрочем, у каждого своя судьба и задача своя в жизни.

– Тебе шанс был дан тогда, на скачках, ты понимаешь? Чтобы победить в себе это, как бы лучше назвать, неуверенность, поверить в себя, а ты? Ладно, что-то мы заболтались, пойдем, выпьем, может, пива? Хотя где тут пиво сейчас продают, только в городе.

– Ты знаешь же, что пива я, да и вообще почти ничего не пью. Лимонад только или квас, – ответил Федька.

Да, подумал Вадим, он как пацан еще, наверно, и родителей боится, что ругать будут, что, выпивши спиртное, придет, опасается выйти за рамки привычного. Боязнь – это болезнь или свойство характера? Ему уже стало скучно с ним. И что он стал вдруг претензии к человеку предъявлять? Он, быстро попрощавшись, ушел.

Когда он уезжал, Федька приехал утром рано на мотоцикле, погрузил его вместе с походным экспедиционным рюкзаком и отвез в аэропорт.

– Может, лучше такси вызвать? – нерешительно спрашивала мать.

– Ничего не надо, – оскалился в улыбке Федька, – я в шесть секунд доставлю!

Мать только помахала вслед рукой, успев обнять сына на прощанье. Сколько он помнит, провожала только мать, редко отец выходил на улицу. У них в семье не были

заведены «телячьи нежности», как говорил брат, но отношения были теплые. Или это вообще характер степняков, думал по дороге Вадим. Федька только крепко пожал руку и с сожалением сказал:

– Не с кем почудить будет, теперь когда приедешь, зимой? Поедем на подледный лов!

– Так у тебя братьев сколько!

– Да они каждый своим живет, ну их... – он махнул рукой в сторону поселка. Братья точно не были особенно дружны, да и впоследствии, когда немало уже пожили, не очень-то стремились к общению.

– Ладно, не скучай, – его было непривычно жалко и по-молодости смешно иногда смотреть на него.

Потом он приезжал после учебы, командировок и длительных переездов. Находил Федьку все более полнеющим и чудаковатым. По захламленному его домику было не пройти. Кровати были завалены одеждой, тумбочки и шкафы забиты хламом – от керосиновой лампы, банок, коробок, фляжек, авторучек до каких-то проводков, инструментов, вилок, кружек, старых часов, гантелей, массажера, фонариков и т.п. Стол полон немывыми тарелками, эмалированными кружками, фарфоровыми пиалами с обломанными краешками, темными сковородками. По углам комнаты лежали в высоких стопках книги и журналы непонятно каких лет, на стенах висели его прохудившиеся фетровые и соломенные шляпы, старые фотографии, вырезки из гламурных журналов, несколько полок с книгами и старыми вазами, карандашами и оплавленными свечками.

– Что ты не убереешь это все? – спрашивал его Вадим, сам иногда запускавший свои холостяцкие прибежища.

– Что? – непонимающе переспрашивал Федька, потом, поняв, говорил: – Видел бы ты, когда еще женщина не убиралась здесь!

– Так у тебя еще убирались! – ужасался Вадим, представляя, что было тогда. Может, его старый мотоцикл стоял посреди комнаты и лыжи на полке? А велосипед и собачья конура были в углу?

Однако к нему можно было прийти в любое время, поболтать, выпить кофейку, непонятно откуда тут взявшегося (братья и сестра все же, вероятно, подкармливали его или сам бутылки сдавал?), поболтать о том о сем и бежать дальше во времена, когда страна переживала не лучшие годы. Федька лежал обычно на продавленном диване, что-нибудь жевал и читал. Все больше полнел, лысел и был так же общителен, но иногда мрачен и подавлен. Женщины точно у него «убирались» и, вероятно, не без взаимовыручки. Равнодушный к алкоголю и имея его всегда в запасе, он щедро опохмелял заблудшие женские души, которые вознаграждали его кто как мог. Он иногда рассказывал про них невероятные истории, видно, что женщины многое открывали ему в своих судьбах. Может, думал Вадим, женщины, видя еще более захламленное жилище и одинокую жизнь, становились добрее к нему и дарили кто как мог свое тепло, а уходили прибодрившись: есть те, кто более неустроен в жизни...

– Один умный человек сказал мне, что это такой хлам в душе у тебя, во-первых, – однажды признался Федька. На рыбалку он уже не ездил, на работу давно не брали никуда. Одно время работал в пожарной части, но выгнали, вероятно за то, что он любил «поумничать». Они не знают, что Первая мировая война началась случайно, вернее, нашелся

повод... и Федька начинал объяснять, в чем суть конфликта, потом он перескакивал на знакомых, на последние случаи на прежней работе, события в стране. Иногда он даже сочинял стихи, любовные и обличительные, и декламировал их близким и тем, кто имел терпение выслушать. Его можно было слушать и не отвечать, а думать о своем, потом спросить о чем-то, совершенно не относящемся к теме разговора, и Федька легко переключался на новую тему. Иногда он искал собеседников, не находя среди тех, кто его знал и не мечтал бесконечно беседовать с ним. Находил среди проезжающих по федеральной трассе водителей грузовиков и отпускников. Бородатый и представительный, увлекал надолго рассказами по истории края, о местных особенностях природы и народа, переходил на общемировые проблемы, пока собеседник не понимал, что у него давно остыл двигатель, а напарник уже спит в кабине.

Однажды Вадим встретил его на дороге с палочкой, тот еле передвигал ноги, еще более пополнел, длинные волосы скрывали глубокие залысины, та же седеющая густая борода. Федька обрадовался, что его могут подвезти, и опять долго что-то рассказывал, потом благодарил.

- Ладно, мне пора ехать, – сказал Вадим, высаживая его около дома, – а с ногами что?
- Не ходят, ревматизм.
- Откуда, ты еще не старый!
- Как это, мне уже... – и он стал прикидывать, сколько до пенсии.
- Я вон, видишь, и хожу, и бегаю.
- Ну ты другое дело, – усмехнулся Федька, – ты всегда был продуманным.
- И кто тебе мешал таким быть?
- Ну, – Федька задумался, – если бы не батя... Да я в семье такой всегда был, как изгой!
- Батя причем? Впрочем, длинная тема, давай звони, если что.

Однажды, после удачной рыбалки, Вадим вспомнил про Федьку. Он давно не видел его, мотался по вахтам месяцами, а дома был постоянно в делах. Да и жил-то Федор неподалеку, в старом своем домике, оставшемся от родителей, которых уж нет. Налив свежей ухи в банку, повез, зная пристрастия старого рыболова.

Подъехав, увидел, что ворота были раскрыты настежь, во дворе стояла старенькая, подержанная «шестерка». «Братя купили, что ли?» – подумал Вадим. Маленький лохматый песик, скучно полаяв, залез в свою будочку. На улице горела лампочка, несмотря на то, что было еще светло. Темные сени, и тусклая лампочка в доме освещала все ту же неубранность квартиры. На кровати под старым ватным одеялом (все же осень ранняя) лежал Федька. Он встрепенулся на стук в двери. Глаза его испуганно стали моргать, привыкая к свету от дверного проема. Длинные, нестриженные, всклоченные волосы, борода с проседью, нездорового цвета припухшее лицо с мешками под глазами – он явно не помолодел.

– Кто там? – стараясь говорить строго, выдохнул Федька. – А это ты! – он заворошился, но что-то, должно быть, болело у него, он поморщился: – Откуда, давно не видел, что это ты надумал прискакать?!

– Вот, вспомнил, что любишь уху, – он протянул на стул перед кроватью банку с ухой. – Ешь, горячая еще. – Вадим стал искать ложку и хлеб на столе, как всегда заваленном немытой посудой и открытыми консервными банками из-под кильки в томатном соусе. Нашел зачерствевшую корочку, ложку более чистую, в умывальнике воды не было.

– Ладно, давай так! – Федька протянул руку, поблагодарил. – Зараза к заразе не пристаёт! А ты что, чем занимаешься сейчас?

Вадим вкратце рассказал. Воздух был тяжел в непроветриваемом помещении. Хотелось открыть форточки, которые не открывались давно, или двери, но тогда бы холод проник в дом. В углу была включена электроплитка, что, видно, и согревала сейчас комнату. Газ, наверно, отключен давно.

Вадим вспомнил, как в молодости мотался с отрядом геофизической партии по России глубокой осенью по полям и лесам на вездеходе. Жили, замерзая, в палатке, потом где придется, в заброшенных складах и старых школах, топили чем придется, питались тем иногда, что собирали оставшуюся на колхозных полях картошку и пекли в костре. Не было времени особенно для приготовления пищи и обустройства жилья, нужно было выполнить быстрее, до выпадения снега, план геофизических зондирований. Потом в геологических партиях болтался в пустыне Кызыл-Кум, в холод и жару под 50°, отбирал пробы на буровых, документировал образцы и отбивал профили, выносил точки скважин. А на Севере по пурге и снегу объезжал на снегоходе буровые, документировал, контролировал бурение и даже купался в Баренцевом море. Не было невозможного, были задачи, которые нужно было решать качественно и в срок. Новые времена не терпели разгильдяйства, лени и вредных пристрастий. А тут лежит этот стонущий мужик и все жалуется, до сих пор. Виноваты теперь братья, раньше – родители.

– Тебе кто-нибудь хоть помогает, ты болеешь, что ли?

– Нет, это ревматизм, хондроз еще, да и возраст, спина что-то постоянно болит, – Федька стал переворачиваться, потом вставать. – Помогает тут парень, приходит. Сосед, убирает, готовит поесть, верующий. У меня пенсия есть, и братья иногда подкидывают что-то. Ты когда уезжаешь? – он привык, что Вадим постоянно в дороге.

– Не знаю, жду вызова, – ему уже хотелось на воздух, но что-то все удерживало его рядом с этим другом детства. – Ты телефон запиши, если что, звони, – он продиктовал, потом записал на листочке, положил на стол. Что мог еще сделать он?

– Вот так, видишь, живу, – Федька будто бы оправдывался.

– Телевизор смотришь, сколько каналов? – перед ним стоял нового поколения телевизор.

– Более двухсот, а все равно смотреть нечего, все одно и то же.

– А что ты там хотел увидеть?

– Все равно ничего интересного, раньше фильмы были, передачи интересные, теперь треплются, аж противно.

– А стихи пишешь еще?

– Нет. Нет темы, или я стал уже не в тему, – он криво усмехнулся. – Лишний, никому, кроме науки, не нужный.

– Да, новый Базаров нашелся, – улыбнулся Вадим.

– Хе-хе, – с покашливанием понял Федька. – Видно, мое время не пришло. Или уже прошло?! Хотя кто я? Так... червяк, плесень на лице Земли. Кому я нужен? Гитлер расстрелял бы давно уже.

– Гитлер евреев стрелял.

– Инвалидов тоже, вернее, блаженных, чтоб не мешали жить другим, правильным и здоровым.

– А ты что... – Вадиму стало неловко. – Ты же нормальный мужик. Сколько придурков по Земле ходят, смотрят тупые передачи по телевизору, жрут, напиваются до пороссячьего визга, болтают всякую чушь и считаются умными, продвинутыми, как их теперь называют: че-еками. Именно, не люди, а чеки!

– Правильно, – улыбнулся Федька, – смотрю: мужики постоянно целуются на экране. Бред! Меня батя только по пьянке целовал в темечко. – Теперь... – он будто заглянул в себя: – «иных уж нет, а те далече...» Ты-то заходи хоть иногда! – вдруг, стараясь говорить бодро, сказал Федор.

– Зайду, конечно. Легчайший пол уж не заходит?

– Ха! Забыли старого мушкетера! – засмеялся Федька.

– А ты уберись хоть немного или вдовушку позови! Ладно, не скучай, пойду.

Он вышел в прохладную осеннюю свежесть вечера, вздохнул глубоко не только оттого, что приятно было дышать после закрытого маленького помещения, но и потому, что всегда тяжело видеть человека в невеселом состоянии, тем более с детства знакомого. Ведь это с ним они ловили руками раков и рыбу самодельными удочками, читали и делились первыми захватывающими книгами про путешествия, с ним обсуждали мировые проблемы, когда еще не было собственного велосипеда, с ним подрались при первом знакомстве и пили дешевое вино на днях рождения, танцах и проводах в армию. Он, конечно, будет заходить, проведывать, пока бывает в отгулах, а когда уедет, кто будет с ним, парень-сосед? И то хорошо, нашелся хоть кто-то.

Что он там сейчас думает и о чем мечтает? Наверно, лишь о том, чтобы найти хорошее лекарство или кому бы позвонить. В приют он не пойдет, сбежит или выгонят за вольную натуру. В стране, наверно, и программ таких нет, помощи таким «ненужным», есть разные молодежные, поддержка беженцев, еще какие-то – эмигрантам тоже помощь, а своим гражданам – нет. Или не доходят. И ведь не пьяница, не наркоман или преступник, просто немного не в себе человек. Вадим до некоторых пор и не думал сам о такой стороне жизни. В окружении успешных и не очень, здоровых людей и спортсменов не обращал внимания на убогих и попрошайек. Равнодушно проходил и проезжал мимо, а у цыганок с протянутой рукой спрашивал: «А где же твой муж, что отпустил тебя просить тут, отец ребенка что делает, грабит кого-то? А что, у народа нет достоинства – заниматься праведным трудом?...» Те убегали быстро, как Бендер убегал от жаждущей любви вдовушки. Но от себя не убежишь, давно сказано. Пытаются убежать в алкоголь, наркоту, разгул и беспорядочные связи, итог известен.

Дома он позвонил Валентине, знакомой с институтских времен. Просто по настроению.

– Да, много сейчас «блаженных», – говорила она, – посмотри телевизор и по улице пройди не спеша. У каждого второго что-то не так, психиатр нужен, как модно на Западе. Лучше не копать, а то и своих проблем хватает, и чужих блох наберешься. Ты куда в отпуск собираешься?

– Никуда, – Вадим отключил телефон. «Поеду на рыбалку, – решил он, – возьму у Федьки бредень, хоть и старенький, зато проверенный. Что-нибудь придумаем с блаженным...»

Елена ОЛЬЗЕЕВА

Елена Викторовна Ользеева – писатель, врач. Член Союза писателей России. Член Правления Всемирной организации писателей (WOW). Сопредседатель Литературного Совета Ассамблеи народов мира. Последователь духовных учений Его Святейшества Далай-ламы XIV.

Книги «А я пойду к тебе, в Тибет...», «Дорога в Гоби» написаны в Индии, Тибете, Монголии. Книга «След Будды» издана в серии «Серебряный ЛиФФт». Сборники на русском и калмыцком языках: «Дар духовный», «Тихо Будде прошепчу...» и другие.

Отмечена серебряной медалью Всероссийского национального литературного фестиваля фестивалей ЛиФФт-2020 в номинации «Проза. Собственный голос».

Имеет благодарность от Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2019). Благодарственное письмо от Генерального секретаря Ассамблеи народов Евразии А.Ю.Бельянинова (2023).

Грамоту «Жуух бичиг» Министерства культуры, спорта, туризма и по делам молодежи Монголии (2025).

Степной ангел

Булгун не была похожа на других студентов первого меда. Ее низкий рост, крепкое телосложение и характерная внешность – узкие глаза и широкое лицо – сразу бросались в глаза. Но за этими особенностями стояла недюжинная целеустремленность. Булгун мечтала стать хирургом-травматологом и упорно шла к своей цели. Она не обращала внимания на шепот за спиной, на то, как другие студенты оценивающе рассматривают ее. Важнее всего для нее было знание, опыт и практика. На операциях она появлялась со своим стульчиком, необходимым ее атрибутом, как ассистента. Молчаливая и сосредоточенная, она внимательно наблюдала за действием хирурга, фиксируя каждую деталь, каждый нюанс. Не словом, а делом она доказывала свое право быть здесь, в операционной, на пути к своей мечте.

Сердце Булгун принадлежало парню из родного села – Улан Хола, в Калмыкии. Весть о том, что Дамба ушел в зону СВО, пронзила ее, словно кинжал. И тогда в ней зародилась новая цель – отправиться туда же, чтобы помогать.

Молодой специалист, полная решимости, прибыла в расположение. У огромной палатки-госпиталя курили и громко переговаривались мужчины в белых халатах, словно не замечая ничего вокруг. Булгун прошла мимо них незамеченной.

Внутри госпиталя царил атмосфера, далекая от ее представлений о полевой хирургии. Несколько молодых женщин в белых халатах, с длинными накрашенными ногтями и наращенными ресницами, скорее напоминали светских львиц, чем врачей. Они окинули ее удивленным, скорее презрительным взглядом. «Санитарка новенькая», – бросила одна, и о ней тут же забыли.

Булгун, не обращая внимания на взгляды и перешептывания, прошла в операционную со своим неизменным стульчиком. Тщательно вымыв руки и переодевшись, она тут же приступила к работе. Первой операцией стала ампутация ноги молодого бойца. Булгун действовала уверенно и четко. Мастерски удалив поврежденную конечность, она произнесла, даже не взглянув на сестер: «Следующий!». Сестры поняли: пощады не будет. Раненых много, и эта маленькая девушка не собирается отступать. Она работала до последнего, не ела, не пила, не отдыхала. Ее выдержке и работоспособности поражались все. В операционной царил абсолютная тишина, нарушаемая лишь звуками инструментов и приглушенными стонами раненых. Булгун была полностью сосредоточена на спасении жизни. Закончила лишь ранним утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь брезент палатки.

Уже через три дня солдаты выстраивались в очередь к Булгун. «К калмычке со стульчиком» – так теперь говорили о ней. Слух о талантливом хирурге, не знающем усталости, разнесся по всему фронту.

Встреча с Дамбой произошла гораздо позже. Он воевал, словно заколдованный – ни пули, ни дроны его не брали. Он слышал о девушке-калмычке со стульчиком, но даже представить себе не мог, что это его землячка. Встретить на СВО человека из родного села – это дорогого стоит! Между ними вспыхнули чувства. Виделись редко, но каждая встреча становилась глотком свежего воздуха в этом аду. Они решили дожидаться конца СВО. Оба были счастливы, зная, что где-то рядом есть родственная душа, готовая поддержать и понять.

Булгун продолжала работать не покладая рук, день и ночь, спасая жизни. Ее маленькая фигурка стала символом надежды в этом аду. Солдаты прозвали ее «Степной Ангел». Она не обращала внимания на лесть и похвалу, все ее мысли были о раненых и о Дамбе. Она верила, что однажды они вместе вернутся домой, в родную Калмыкию, и заживут мирной жизнью.

Однажды во время обстрела осколок снаряда попал в операционную. Булгун как раз склонилась над раненым, еще не получившим наркоз. Молодой боец закрыл ее своим телом, спас хирурга. Девушка не пострадала, но парень погиб на операционном столе. Эта смерть потрясла Булгун. Она впервые заплакала на СВО. От горя, от беспомощности, от осознания, что смерть забирает лучших.

После гибели бойца Булгун стала еще более решительной в своем стремлении спасти жизни. Горе закалило ее, сделало более стойкой. Она и раньше не знала отдыха, но теперь казалось, что она забыла о сне и еде. Каждая спасенная жизнь была ее маленькой победой, еще одним доказательством, что она не зря здесь.

Дамба видел, как она изматывает себя. Он понимал, что ей нужно время, чтобы пережить утрату, но обстоятельства не давали передышки. В один из редких моментов затишья

он отвел ее в сторону от операционной. Они молча смотрели на закат, окрашивающий небо в багровые тона. Дамба обнял ее, и Булгун почувствовала, как в его объятиях на мгновение отступает боль. «Степному Ангелу» нужен был свой Ангел.

«Мы справимся, Булгун, – тихо сказал он, – мы должны быть сильными. Ради тех, кого мы потеряли, и ради тех, кого еще можем спасти». Она кивнула, прижавшись к нему. Она знала, что он прав. У них нет другого выбора, кроме как продолжать бороться, продолжать любить, продолжать надеяться.

Их любовь стала маяком в этом темном мире. Она давала им силы, чтобы двигаться вперед, чтобы не сломаться под тяжестью страданий. Каждый день, каждый час, каждая минута были наполнены риском и болью, но они знали, что они не одни. Они есть друг у друга, и у них есть надежда на будущее, где они смогут быть вместе, в мире и спокойствии.

Ну а пока «Степной Ангел» мыла руки перед очередной операцией.

Онори

(Из книги «Дорога в Гоби»)

Безызвестным мастерам, создавшим шедевры на древних камнях Монголии, посвящаю

Гоби. Манящая Гоби. Бегу ли от себя, от своих проблем, пытаюсь спрятаться в барханах? Рассталась с любимым человеком. Не смогла простить. Бегу в пустыню, чтобы забыть? Надеюсь встретить нового человека, увлечение, любовь? Получить подсказку – как жить дальше? Ну да, конечно, за здоровье ребенка помолиться – это единственно разумное. Поразмышлять о вечном? Ведь в песках нет того, кто может помешать. А может, все сразу. Женщины привыкли решать все проблемы одновременно, так уж устроен их мозг.

Гоби... Загадочная Гоби. Одни только древние наскальные изображения чего стоят!

Рассматривая древние петроглифы (некоторые из них напоминали монгольские тамги или фрагменты букв старокалмыцкой письменности), я обратила внимание на рисунки с колесницами. Показалось, что один из рисунков я где-то видела. Сначала подумала, что в учебнике истории, но потом вспомнила: следуя по миру за своим Учителем, не только постигая буддизм, но и открывая для себя новые страны, знакомясь с их культурой, обогащая свой мир, в 2013 году я побывала в Швейцарии на учениях Далай-ламы. В Швейцарии, посещая музеи, библиотеки, гуляя по улицам и рассматривая скульптуры, а их там великое множество, я открыла для себя известнейшего в мире швейцарского скульптора – Альберто Джакометти. Есть у него знаменитая работа – бронзовая скульптура «Колесница»: величественная богиня управляет легкой колесницей.

Поразительно, но скульптура один в один похожа на рисунок, оставленный древним художником тысячи лет назад в Монголии. На камне в деталях видна легкая мчащаяся колесница, которой стоя управляет высокий худощавый мужчина. Я почти уверена, что древний художник переродился в двадцатом веке в Альберто Джакометти.

А вот и другой изящный наскальный рисунок. Здесь художник средневековья с любовью запечатлел карету с княгиней. Карета запряжена грациозными скакунами и ее сопровождает вооруженная охрана. Рисунок свидетельствует о том, что Гоби всегда, даже много веков назад, манила людей своими таинственными барханами.

Тысячу лет назад знатная женщина в этой пустыне, одна... Что ее привело сюда? О чем она думала? И ведь захотелось ей запечатлеть на камне этот момент свидания с великой пустыней...

Среди барханов, разрисованных ветром в виде волн, двигалась карета, в которой, покачиваясь в такт колес, ехала княгиня Онори, женщина по тем временам, «преклонного» возраста, тридцати пяти лет, хорошо сохранившаяся. Стройная, высокая, с четко обозначенными скулами, с глубокими черными глазами, одетая в красивые богатые наряды.

Она с грустью вспоминала свою жизнь: некогда молодой красавец-князь влюбился в нее, тогда ей было пятнадцать лет. Онори тоже была влюблена в князя. Они поженились. Счастливая молодая женщина родила ему двух сыновей. Дети быстро подросли. Когда им исполнилось семь и восемь лет, князь привел в дом вторую жену – семнадцатилетнюю миниатюрную смуглую девушку с пухлыми губами.

Онори очень ревновала супруга ко второй жене, но таковы были традиции. Смирившись с выпавшей ей долей, но глубоко переживая свое положение, Онори старательно выполняла обязанности первой жены. Но когда стало невыносимо тяжело и тоскливо, решилась на отчаянный шаг. Она решила отправиться в дальнюю дорогу. Но это могли себе позволить только мужчины. Ей необходимо было забыться, отвлечься, но главное, она будет просить величественных богов, чтобы они вернули любовь супруга.

Онори долго убеждала мужа отпустить ее в священные места Гоби, помолиться за здоровье детей. Но князь не давал ответа, потому что женщинам не положено ездить без мужей в дальние поездки. Неожиданно помогла вторая жена, уговорив хозяина за одну ночь. Князь дал свое согласие и распорядился снарядить целый караван повозок для первой жены. Он выделил вооруженную охрану (путь был неблизким и опасным), слуг, даже художника, который должен был запечатлеть ее путешествие, не говоря уже о провианте и одежде.

Онори в первое время думала о своей дальнейшей жизни. Как ей быть? Она постарела, но все еще страстно любила мужа. Мучительными были длинные ночи, проводимые в одиночестве. Она знала, что без ее мудрых советов мужу не обойтись, ведь благодаря ее уму князь успешно властвует в своих владениях.

Чем дальше карета продвигалась в глубь пустыни, тем интереснее становилось ей. Наблюдая из окна своего экипажа за меняющимися картинами жизни природы, она все меньше и меньше думала о муже. Онори даже не подозревала, что пустыня может быть столь прекрасной и величественной! В один из дней путешествия она поймала себя на мысли, что ей хочется изложить свои впечатления на бумаге. Она поняла, что мир не ограничивается только домом, семьей, княжеским двором. На свете много прекрасного и удивительного. Существуют иные ценности и понятия.

Путники, встречавшиеся на пути, рассказывали о других странах и чудесах, которые ей были неведомы. Жизнь Онори резко изменилась. Вернувшись, она заказала дархану-кузнецу новые колеса для своей кареты.

Проходят годы, века, тысячелетия... Но вопросы, волнующие женщин, остаются неизменными...

Гоби...

Продолжила свой путь и я, «мөрнэ чикнд нар урһаж» – едва солнце проснулось и коснулось лучами кончиков ушей наших низкорослых выносливых лошадей.

Гоби...В глубь Гоби...

Из цикла «12 степных сюжетов»

Темян¹

Верблюд – особо почитаемое животное у калмыков. Кочевая жизнь была невозможна без этого могучего, красивого животного. И, по моему мнению, он должен был занять достойное место в калмыцком календаре. Вместо дракона давайте поставим верблюда.

С детства мы слышали множество историй про верблюдов и знали, что если человек обидит это животное, то верблюд на всю жизнь запомнит и при встрече отомстит.

Жил в небольшом калмыцком селе парнишка по имени Паша. Родители его переехали в калмыцкие степи в сороковых годах. Пашка был жестоким с детства и часто мучил животных. Привязывал воробья за лапу и держал на привязи. Бросал с высоты кошку и смотрел, как она приземляется. Кидал камни в собак. Никто не дружил с ним.

На соседней улице жил дед, у которого была верблюдица с верблюжонком. Верблюжонок был маленький, пушистый, забавный. Никто не подходил к нему, потому что рядом всегда находилась его мать – огромная верблюдица. Верблюжонок все время бегал возле матери, которую впрягали в телегу. Когда он подрос, его отбили от матери и стали оставлять одного в загоне. Однажды Пашка пробрался туда, начал гонять верблюжонка и бить кнутом. Кто-то увидел, закричал, и Пашка убежал.

Прошли годы, верблюд вырос и превратился в мохнатого великана. Он мирно пасся в степи, нагуливая мощные горбы. Однажды летним днем ветер донес знакомый запах. Верблюд поднял голову, набрал воздуха, фыркая, побежал навстречу ветерку. Вдалеке шел человек. Это был Пашка. Он искал отбившуюся корову. И вдруг он увидел мчащегося на него огромного верблюда. Оглянувшись по сторонам, понял, что кроме него в степи никого нет. Пашка бросился бежать. Верблюд за ним. Пашка изменил направление, верблюд тоже. В степи от верблюда не убежать, Пашка понимал это. И тут он вспомнил, что недалеко есть волчья нора. Прошлой зимой он выкрал там двух волчат, а затем пристрелил волчицу. Пашка бежал туда изо всех сил. Верблюд настигал Пашку. Из последних сил добежав до норы, он сходу нырнул в нее. Едва он заполз, как послышался топот и тяжелое дыхание животного. Верблюд, поняв, что человек в норе, лег на нее, закрыв брюхом. Через некоторое время Пашка стал задыхаться. Еле развернувшись в конце норы, он достал нож и пополз обратно к выходу. Ткнул ножом несколько раз в животное. Верблюд вздрогнул, но не встал. Осознав, что он не уйдет, Пашка воткнул нож в бок по самую рукоять. Раненое животное, истекая кровью, не думало вставать. Задыхаясь, в панике, Пашка стал кромсать ножом верблюда. Кровь и кишки потекли в нору. Перед Пашкой пронеслась вся его жизнь, его детство и маленький верблюжонок, которого он бил кнутом в соседском загоне. «Ах, вот ты кто!», – промелькнуло в затухающем сознании.

¹ Темян*(калм.) – верблюд.

Римма ХАНИНОВА

Римма Михайловна Ханинова – калмыцкий русскоязычный поэт, прозаик, драматург, переводчик, журналист, литературовед. Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси, член Союза журналистов России. Автор книг стихотворений, поэм, прозы, пьес и переводов: «Зимний дождь» (1993), «Взлететь над мира суетой» (1994), «День влюбленных» (совместно с Б. Муняновой, В. Лиджиевой, 1997), «Час речи» (совместно с отцом, М. Хониновым, 2002), «На перекрестках Софии и Веры» (совместно с литературоведом И.Б. Ничипоровым, 2005), «Стану красным тюльпаном» (совместно с М. Хониновым), «Ландшафт истории» (совместно с М. Хониновым, 2015), «Материнский хлеб» (совместно с М. Хониновым, 2015). Ее произведения включены в антологии: «Антология литературы народов Северного Кавказа. Поэзия» (2003), «Поэзия Калмыкии» (2009), «Моя Россия, моя Калмыкия» (2018), «Кавказская поэзия» (2021), «Возвращение» (2023) и др., в поэтические сборники, изданные в России, Беларуси, США. Лауреат литературной премии им. Д. Н. Кугультинова (Республика Калмыкия). Награждена литературными медалями «А. С. Грибоедов», «М. Ю. Лермонтов». Произведения писателя переведены на десятки языков народов России и мира. Творчеству Р. М. Ханиновой адресованы кандидатские диссертации, коллективные монографии и учебное пособие, статьи и рецензии.

Р. М. Ханинова – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом фольклора и литературы Калмыцкого научного центра РАН. Автор 13 монографий (две в соавторстве) и 14 учебных пособий (три в соавторстве), трехсот научных статей по русской, зарубежной и калмыцкой литературе. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия.

Пуля

Под Смоленском в сентябре 1943 года его батальон трое суток не мог взять высоту. Враг сопротивлялся, ведя огонь из тяжелых орудий с разных позиций. Несколько наших танков было подбито, и в бинокль были видны развороченные снарядами, почерневшие от копоти машины, на башне – не успевшие спастись танкисты в обгоревших шлемах и комбинезонах. Пехота полегла уже на подступах к высоте.

Дмитрий Горбов командовал пулеметным расчетом. И, когда батальон пошел ночью на штурм высоты, он вскоре заменил погибшего наводчика. После короткой очереди ужас охватил его: пулеметная лента оказалась с трассирующими пулями, выдавшими противнику его расположение. Сразу рядом стали ложиться немецкие пули. Но Дмитрий продолжал стрелять, решив вызвать огонь на себя, чтобы помочь продвижению атакующей пехоты. Не успев вскрикнуть, погиб и помощник наводчика.

Вражеские пули уже стучали по щитку пулемета. Одна из них, найдя смотровую щель, пролетела и ударила Дмитрию в лицо. Он тут же лишился сознания. Когда пришел в себя, ничего не увидел и не услышал – кругом тьма и тишина. Не сразу понял, что случилось. Подумал: ночь, наверное, оглох от канонады, да и отстал от своих, которые ушли вперед. Нащупал рядом автомат: горячий, будто нагрелся на солнце.

На самом деле, прошло более суток после боя. Санитары, собирая раненых, приняли его за мертвого: все лицо залито кровью, тело недвижно. Пуля же, попав в правый глаз раненого, прошла дальше в голову, застряв в двух миллиметрах от мозга.

Дмитрия настигла боль – он прикоснулся к глазам: сплошная рана. Он ничего не видел!

Озираясь, услышав близкий стон, осторожно спросил:

– Кто тут?

– Свой. Рядовой Савельев. Ранен в ногу.

– Что сейчас – ночь?

– Полдень, товарищ сержант.

– Полдень?.. – помолчал. Значит, почти ослеп. Сколько времени прошло после боя?..

Потом позввал:

– Идти можешь, хлопец?

– Сам не смогу.

– Ползи сюда. У меня с глазами беда: ничего не вижу, темень сплошная, як в подполе.

– Тут я уже, товарищ сержант, – отозвался чужой голос.

– Сержант Горбов, запомни на всякий случай. С Ростовской области.

– Есть запомнить, товарищ сержант.

– Ну, вот и ладно. Давай выбираться, боец. Слепому безногий – поводырь, а безногую слепой – что костыль. Что ж тебя санитары не подобрали?

– Мимо прошли, наверное, товарищ сержант. Да я их и сам не заметил. Наверное, сознание потерял на время... Кое-как позже себе перевязку сделал. Может, вам тоже перевязку, товарищ сержант?

– Не надо. Кровь давно остановилась, аж корка на лице, не сколупнешь. Лучше не трогать лиха, пока оно тихо, как у нас говорят в сальских степях.

Так с трудом и пошли, помогая друг другу, по пути останавливаясь передохнуть. Разговорились на привалах.

– Товарищ сержант, а вы воевали раньше?

– Досталось, боец.

– Видать, вы человек бывалый. А я со школьной скамьи. Из Ельни я.

– На финской был, ранило меня, в госпитале лежал. Летом сорок первого пришел домой. Думаю, все, отвоевался. Двадцать пять годков как-никак. Жена у меня, Аня, двое сынишек. Решил дом строить. Из самана. Знаешь, что это такое? Слышал? Ну, так в субботу, 21 июня, кончили делать этот саман, полсела подмогнуло. А в воскресенье, 22 июня значит, начали всем миром строиться. Днем пошел я в магазин за водкой, чтобы отметить, как полагается, стройку. И там узнал новости. Прибежал домой с пустыми руками, кричу: «Война с немцами, хлопцы!». А никто еще не знал, сразу даже не поверили. Как же, договор ведь с Германией этой заключили.

– Да, кто мог подумать, товарищ сержант.

– Через день ушел на войну германца бить.

– А меня недавно призвали, товарищ сержант. Я все пороги военкомата оббил, пока добился своего. Одноклассники на фронте тоже.

– Всем миром, как с Наполеоном. Страна наша большая, народу много, сдюжим, хлопец.

– Одолеем, товарищ сержант. Как же иначе?

– Да, боец, никак иначе нельзя. Вот только дойдем с тобой до наших, подремонтируемся малость, и в строй. Я до войны, видишь ли, на тракторе трудился. Не понаслышке знаю, коли механизм в порядке, то и работа всякая спорится.

Так и дошли до своих. «Битый битого ведет», – как пошутил сержант Горбов.

Осмотрели его, как следует, и отправили самолетом в Москву в госпиталь. Уж очень необычный случай. Удивились те врачи такому пациенту, принялись за лечение. А пуля в голове сержанта оказалась блуждающей. И доставляла ему мучения.

– Братцы, хоть башку себе отрывай и выковыривай эту гулену оттуда, – говорил он, преодолевая боли.

Однажды в палате Дмитрий стал задыхаться. Раненые соседи послали за доктором. А один из них, могучий сибиряк, чтобы прекратить его страдания, не выдержав, вздумал помочь народным средством: несколько раз стукнул со всей силы здоровенным своим кулаком Горбова по спине.

И вдруг что-то металлическое цокнуло во рту по сцепкам, которыми раненому укрепили раздробленные зубы. Сразу стало легче, дыхание выровнялось, сержант повеселел.

А тут и доктор прибежал.

– Ну вот, кричали, что Горбов умирает, а он улыбается, – говорит.

Разжали сержанту зубы, вытащили ту самую пулю, что тогда в правый глаз залетела, – позеленела она уже за это время.

– Зеленая какая, – только и выговорил Дмитрий.

– От злости, наверное, – пошутил сибиряк. – Загостилась, негодяйка.

– Подальше бы от таких непрошенных гостей, – поддакнул другой раненый сосед.

– Доктор, а скажите, какая уникальная операция – без скальпеля. Удар кулаком – и вот она, пуля-то, – недоуменно вымолвил сибиряк.

– Да от твоего кулака и снаряд выскочит, – не то, что пуля, – радостно отозвался сосед.

А Дмитрий молча смотрел на пулю, которую дал ему в ладонь доктор, и только задумчиво качал головой.

– Пуля дура, а штык молодец, недаром говаривал Суворов, – заметил сибиряк, заключив свой диагноз.

– Если хочешь, оставь себе на память, сержант, – сказал доктор, наблюдая за Горбовым.

– Навроде оберега? – уточнил Дмитрий.

– Что-то вроде этого, – ответил тот.

– А я бы выбросил, – сказал сибиряк.

– Оставлю, – решил Дмитрий.

– Ну, и хорошо, – согласился доктор. – А левый глаз мы тебе подлечим.

– Будешь бить фрица одним глазом, – подхватил сибиряк. – Кутузов разбил же француза.

Горбову врачи вернули зрение на левом глазе.

И после выписки он снова ушел на фронт. А за тот бой наградили его орденом Славы третьей степени.

Служил до самого конца войны.

И всюду с ним во время войны в завязанном платочке кочевала та пуля. Время от времени он вынимал ее из кармана гимнастерки, рассказывал эту необыкновенную историю по просьбе любопытных людей, сам удивляясь своему везению.

Привез ее и домой, и когда в 1948 году переехали на новое место, в бывшую Калмыкию, взял с собой. Лежала она теперь в комодке на дне металлической коробки из-под леденцов, откуда хозяин изредка ее вынимал, сопровождая свой рассказ.

Жена при этом снова начинала плакать, никак не привыкнув к пуле.

Дети осторожно дотрагивались, переспрашивали, гордились отцом.

– Батя, ты, как Кутузов!

– Ну уж Кутузов! – неловко отмахивался отец, но самому было приятно, что дети чтят память о войне.

– Ты бы написал об этом, – посоветовал ему сосед-инвалид. – Как все было. Пусть внуки и правнуки знают, как нам досталась эта победа.

– Запишу как-нибудь, – согласился Горбов.

16 августа 2015 г.

Меч для героя

Памяти Дмитрия Григорьевича Мельникова

Дмитрий Григорьевич по дороге домой заглянул в соседний книжный магазин. Людей было немного. Он подошел к прилавку.

– Добрый день, Дмитрий Григорьевич, – приветствовала его продавщица. – За новинками?

– За ними, Светлана Игоревна. Есть что-нибудь интересное для меня?

– Конечно. Посмотрите. Может, что-то и приобретете. Вот на этих полках.

Дмитрий Григорьевич перебирал новинки, читая аннотации и содержание книг. У него была большая домашняя библиотека, собрания сочинений классиков отечественной и зарубежной литературы, серийные издания. Когда еще читать, как не на пенсии. Сейчас он отложил для себя исторический роман Ивана Лажечникова, а для жены – детектив Агаты Кристи.

– А новое из стихов, Светлана Игоревна, что посоветуете?

Продавец протянула ему небольшую книжку.

– Калмыцкий поэт. Воевал в Белоруссии, как и вы, Дмитрий Григорьевич. Почитайте.

– Так я на калмыцком не читаю.

– Это в русском переводе.

Дмитрий Григорьевич уже с интересом взял предложенную книжку, взгляделся в обложку – «Все начинается с дороги», прочитав имя и фамилию поэта. Лицо его выразило удивление. Он взгляделся в фотографию – по степи шел мужчина, ведя за собой коня, – и радостно воскликнул:

– Не может быть!

– А что случилось?

Дмитрий Григорьевич показал продавцу обложку книги.

– Да это же мой командир партизанской роты!

– Поэтом стал? – поинтересовалась Светлана Игоревна.

– Он до войны еще печатал свои стихи. А теперь, значит, поэт. Мы с ним расстались в конце войны. Его летом 1944 года демобилизовали из армии. С тех пор ничего о нем не знал. Вот так встреча! Это надо же! Через двадцать восемь лет...

– Рада за вас, – отозвалась Светлана Игоревна. – Теперь спишитесь.

– Да как? Я адреса домашнего не знаю. Где эта Калмыкия, где я – в Тольятти! – сокрушался Дмитрий Григорьевич.

Продавец, взяв у него книжку, открыла последнюю страницу:

– Посмотрите, здесь обращение московского издательства к читателям. Просят отзывы об этой книге и пожелания посылать на адрес издательства «Современник». И адрес указан. Так что вы можете туда написать и спросить адрес своего командира.

– Вот подсказка так подсказка! – обрадовался покупатель. – Порадовали вы меня, Светлана Игоревна! Что бы я без вас делал! Непременно напишу. Поспешу домой. Петровне сообщу.

Дмитрий Григорьевич заплатил за книжки, взял объемистый пакет, отправился спешно домой.

Жил он с женой Александрой Петровной в небольшом особняке, при котором посадил сад, устроил цветник, завел огород. Цветовод-любитель, он экспериментировал с сортами, выводил новые виды цветов. Получалось по-разному. Но он не унывал. Цветоводство успокаивало, как и писание родословной. Писать ее начал после одного разговора с женой о родословной собак. Тогда Дмитрий Григорьевич задумался над тем, что родословные есть у знатных людей, у породистых животных, но нет у таких простых людей, как он. Писалась своя родословная со скрипом, приходилось списываться с родней, уточнять сведения, запрашивать справки в архивах. Канителью, долго, но бросать это занятие не хотелось.

Сейчас, как в молодости, он взбежал на крыльцо дома, с порога позвал жену:

– Шура! Иди сюда скорей! Что я тебе покажу!

Из кухни вышла Александра Петровна, вытирая полотенцем руки:

– Случилось что?

– Командир мой нашелся! Вот книжка его! Смотри, смотри!

Пожилая женщина, поправив седую прядь волос под косынку, стала листать книжку:

– Мить, тот самый командир, о котором ты рассказывал?

– Он самый.

– Бывают же в жизни чудеса!

За обедом Дмитрий Григорьевич не умолкал. Наспех ел, вспоминая прошлое. Жена понимала, что мужу надо выговориться, иначе его не остановить. Она только успевала подносить ему грибной суп, рыбные котлеты, сливовый компот.

– Не верится до сих пор! – удивлялся Дмитрий Григорьевич. – Ведь я обязан ему жизнью. Помнишь, после окружения вышел я к нашим партизанам? Как командир отряда он мог отдать приказ расстрелять меня – документов с собой у меня не было, закопал на всякий случай, вдруг немцы схватят или полицаи. Тогда таких, как я, много по лесам-полям скиталось. По закону военного времени расстреливали на месте, если были подозрения. Командир сам меня допросил. Я как на духу отвечал. Родился, мол, в 1908 году 23 сентября по новому стилю в деревне Ржавка Пропойской волости Могилевской губернии. Из крестьян. Полного курса начальной школы не прошел по причине бедности и всяких войн – первой мировой и нашей гражданской. Сам себя образовывал мало-помалу. В колхозе был бригадиром. Из-за этого и попал в беду. Захромала колхозная лошадь, а меня арестовали за вредительство. Тогда это на раз-два было, долго не разбирались. Оказался на строительстве Беломор-Балтийского канала. Намаюсь с киркой и лопатой. Выжил и там. Когда война началась в сорок первом, из таких эков, как я, формировали штрафные батальоны. Научили из винтовки стрелять – и в бой. Да я и так пошел бы на войну – врагов настоящих бить. Одно время везло мне, пуля не цепляла. А потом из окружения в окружение, воевал, в лесах и болотах укрывался, в деревнях прятался, где можно было, так и скитался. Вот так и рассказал все командиру, ничего не утаил.

Жена сидела за столом, пригорюнившись, в который раз переживая за мужа:

– Тридцать три годочка тебе было. А сколько пережито! И гражданская, и коллективизация, и голод, и канал этот треклятый, и штрафбат, и окружение...

– И не говори, Шура. Не на один роман хватило бы, если б мог написать... А теперь вот командиру напишу письмо. Может, свидимся, бог даст.

...Дмитрий Григорьевич читал военные стихи своего командира, не торопясь, перечитывал некоторые из них, делая закладки, он покачивал головой, вздыхая, словно возвращался памятью в те пороховые годы. Подолгу задумывался, глядя в окно, за которым мирно пестрели цветы...

Он вспомнил, как из очередного окружения набрел на партизанский отряд. Задержали его, да он и не сопротивлялся, провели к командиру роты. Младший лейтенант, какой-то азиатской внешности, был смуглый, волосы черные, глаза черные. И потому прозвали его Мишей Черным, как узнал Дмитрий. Миша Черный расспросил его,

выслушал, не перебивая, всматривался пристально, как бы изучая, наконец, распорядился отправить к кашеварам.

Рисковал? Однозначно. Сколько лазутчиков в то время к партизанам засылалось, сколько людей погублено было! Конечно, окруженец был под присмотром, да и оружия ему не выдали. Считай нож да поварешка – весь боекомплект. Кашеварить ему не привыкать: семья своя многодетная была до войны. Что стало с женой и детьми неведомо. В окружении и в деревнях перебивались бойцы с хлеба на воду, притерпелись. Вот и взялся Дмитрий помогать партизанам у котлов. Дело нехитрое, но хлопотное. Приготовить пищу, убрать за собой, заготовить провизию. Так и трудился, не загадывая наперед.

А потом случилась история. Да еще какая! А вышло так, что к роте прибилося еще двое, муж с женой, молодые, беженцы, по их словам. Таких тоже хватало тогда. Но и за ними пригляд был. Ан – не доглядели. Он-то, Дмитрий, и вывел их на чистую воду, что называется. Заметил, что часто они возле котлов появляются под разным предлогом – то котелок попросят, то хворост поднесут, то ягодой угостят. Однажды, когда кашевары отлучились от котлов, Дмитрия оставили за старшего. Он задремал у кустов орешника, не видимый со стороны, а в котлах похлебка готовилась. Услышав вскоре чьи-то шаги, Дмитрий выглянул из орешника. Недавние беженцы осторожно подошли к котлам, начали туда что-то сыпать из мешочков, оглядываясь и торопясь. Тут-то Дмитрий и вышел им навстречу. Ростом он был высокий, силой не обделен, молча схватил мужчину за шкуру одной рукой, другой прихватил женщину и потащил их в штабную землянку. По пути два кашевара присоединились. Так и явились в штаб гурьбой. А там, известно, с такими «поварами» разговор недолгий: допросил их Миша Черный вместе с комиссаром, доказали их вину, выявили отраву, вынесли им приговор, расстреляли. Поблагодарил Миша Черный Дмитрия перед строем за бдительность и спасение партизан от гибели. С того дня выдали бывшему кашевару боевое оружие, стали посылать на задания, в разведку, словом, потом воевал он, как все.

Расставшись с боевым командиром после освобождения Беларуси и демобилизации Миши Черного-лейтенанта, не раз вспоминал его добрым словом, думая, как сложилась у него судьба, почему такая срочная демобилизация калмыка.

Потом война закончилась, уехал Дмитрий на Волгу вслед за товарищем, женился снова. Трудился, пока не вышел на пенсию. А теперь и времени больше, и заняться есть чем...

Дмитрий Григорьевич отложил книжку, вышел во двор, прошелся по цветнику. «Надо бы подарок для командира приготовить», – подумал он, глядя на цветы.

«Да вот хотя бы довести до ума бардовый гладиолус, который начал разводить недавно. Славный подарок получился бы», – сказал вслух цветовод.

– С кем это ты разговариваешь? – вышла на крыльцо Александра Петровна.

– Да с собой, Шура. Думаю, вот меч командиру своему подарить.

– Какой меч? – всполошилась жена. – Откуда меч у тебя?

– Гладиолус. С латыни цветок так и переводится – меч. А народное название – шпажник. Командиру вручу меч или шпагу. Боевой подарок, одним словом. Кому как не кочевнику меч в руки вложить!

– А какой гладиолус? – поинтересовалась Александра Петровна. – Вон у тебя их сколько!

– Вывел я недавно один гладиолус. Безымянный был. Теперь назову Миша Черный. Бардового цвета гладиолус. Вот, Шура, видишь его у окна?

– Ах, этот? Хорош-хорош! И придумка твоя хороша, Митя.

– Ты тоже так думаешь?

– И сомневаться нечего. Посылай свой меч командиру.

– Пока письмо напишу ему, Шура.

Дмитрий Григорьевич сел писать письмо, рассказал о внезапной встрече с книжкой командира, про свое житье-бытье, пригласил Мишу Черного к себе в гости, попросил издателей передать письмо по назначению. И полетело письмо самолетом в Москву, а потом и в Элисту.

Через две недели пришло письмо от командира.

...В конце апреля в Элисте открыли посылку, в которой были клубни гладиолусов, посадили во дворе, поливали, окучивали, рыхлили. Всей семьей наблюдали, как растут растения, писали в подробностях Дмитрию Григорьевичу и Александре Петровне.

И вот в конце августа увидели, как расцвел бардовый гладиолус «Миша Черный», а рядом забелел другой гладиолус по имени «Нина», в честь жены командира...

25 марта 2024 г.

Знамя

Памяти Романа Петровича Мисника (1912–2001)

Дедушка стоял перед очередной стеклянной витриной в музее истории Великой Отечественной войны и пристально смотрел на какую-то вещь, над чем-то задумавшись.

Десятилетний внук нетерпеливо потянул его за рукав. Дедушка не обернулся. Тогда мальчик позвал его:

– Дедушка, пойдем дальше. Это мы уже посмотрели.

Тут только дедушка спохватился:

– Подожди, внучек. Знаешь, что это такое?

Он показал на красное знамя, в развороте прикрепленное к стенду.

– Знаю, знамя, – ответил мальчик. – Мы их уже видели в соседних залах.

– Это не простые знамена, а боевые, – объяснил ветеран войны. – За каждым из них своя славная история, раз они в музее находятся. За них люди жизнь свою отдавали, кровь проливали, но врагу не отдали. Потеря знамени – позор и бесчестье для войска. Присягу принимали перед знаменем.

– Да, слышал, – спокойно отозвался внук.

– Слышал, да не понял, – почему-то недовольно сказал дедушка. – Что ты видишь на этом знамени?

– Слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», герб Советского Союза, звезду с серпом и молотом, номер полка.

– Но ты не знаешь, как это знамя появилось в музее. А спасли его твой прадедушка Петр Матвеевич и его сестра Евдокия Матвеевна. И наградили их за это боевыми орденами. Правда, ты с ними не знаком, они уже в лучшем из миров.

– Они тоже воевали, как ты, дедушка? – удивился внук.

– Нет, не воевали, как я. Хотя как посмотреть... Пойдем-ка, Алесь, домой, я тебе по дороге расскажу, как это было, а потом кое-что и покажу.

В это время в зал вошла очередная группа с экскурсоводом.

Экскурсовод начала свой обзор, подошла и к витрине, возле которой стояли дедушка с внуком. Они потеснились, уступая место.

– А это вы видите знамя 84-го артиллерийского полка, которое было вынесено из окружения под городом Шауляй в июне 1941 года лейтенантом Романом Петровичем Месником с группой бойцов. Затем оно было спрятано в родной деревне лейтенанта, а после освобождения Беларуси передано в Лепельский районный комитет коммунистической партии его отцом и тетей.

– А сам лейтенант погиб? – спросил кто-то из слушателей.

– Роман Петрович прошел всю войну, брал Берлин, награжден орденами и медалями. Через 39 лет увидел это знамя в нашем музее. В нашем фонде есть автобиография и воспоминания ветерана войны. Пройдемте в следующий зал.

Дедушка и внук посторонились, пропуская группу.

– Дедушка, так это ты сам знамя спас? – удивился мальчик, когда пошли к выходу.

– Не обошлось, как слышал, и без меня, – согласился тот.

– А что же ты промолчал? Надо было сказать, вот я рядом. Почему тебя экскурсовод не узнала?

– Не хотел ее перебивать. Она же на работе. Да и молодая, всех не упомнишь, о ком говоришь, – объяснил старик.

– Зря, дедушка. Людям было бы интересно посмотреть на тебя, – заметил внук.

Подошли к остановке, сели в трамвай, мальчик, как всегда, у окна.

– А что, дедушка, всегда под знаменами люди воевали? – поинтересовался внук.

– Всегда не всегда, а у нас со времен древних славян. Сначала были шесты со знаком наверху, например, птицы какой-нибудь: орла там или совы. Они указывали на место сбора войска, на командный пункт, а во время боя использовались как сигнал. И называли их вначале стягом. Потом уже так не древко именовали, а само полотнище на нем.

– Как это стяг стал знаменем?

– От слова «знамение», то есть знаменовать, означать. Раньше на стягах был лик Христа, молились на стяги, как на иконы. Вот в старинных рукописях знаменем называли стяг Дмитрия Донского, когда он на Куликовом поле разбил монголо-татар. Было это давно, в 1380 году. Так это знамя сохранилось до нашего времени, представь себе. А вообще несколько веков еще по-разному называли – то стяг, то знамя, а суть одна: береги знамя пуще ока своего.

– Пуще чего?

– Пуще глаза своего, значит. Еще в присяге во времена Петра Первого говорилось, что тот, кто знамя свое не сберегает, тот недостойн называться солдатом. За его утерю полагалось самое тяжелое наказание. Поэтому одна из первых почетных наград уже в Красной армии – орден Красного знамени.

– У тебя есть такой орден, дедушка, раз ты знамя спас? – спросил Алесь.

– У меня другие – орден Красной звезды и орден Отечественной войны 2-й степени, – уточнил дедушка.

– Покажешь, дедушка, когда приедем домой? – попросил внук.

– Покажу, Алесь. Давай выйдем с тобой, пройдемся немного.

Они вышли из трамвая и пошли не спеша к дому. Погода была весенняя, начало мая. Дедушка оглядел знакомую улицу, невысокие дома, деревья, на которых уже появилась зеленая листва.

– А эти дома строили немцы, военнопленные, – показал он, – поэтому у центра нашего города такой вид.

– Мне больше высоченные дома нравятся. Есть в Минске и такие.

– Да, а в войну город в руинах лежал, – сказал дедушка.

Зашли в свой подъезд, поднялись на третий этаж, позвонили в дверь.

Бабушка засуетилась:

– Обед еще не готов. Все на работе. Что-то вы рано управились...

Дедушка прошел в свою комнату, сказав по дороге:

– Устал немного. Не хлопочи, Алена. Мы с Алесем кое-что посмотрим пока.

Она успокоилась, скрылась на кухне, загремела кастрюлями.

Старик взял из шкафа небольшую бумажную папку с тесемками, сел за стол, открыл папку, вынул бумаги.

– Сядь рядышком, Алесь. Вот написал кое-что по памяти, как это было. Но сначала зачитаю тебе один документ. Это из Указа Президиума Верховного Совета СССР: «Боевое Знамя всегда находится со своей частью, а на поле боя – в районе боевых действий части. Весь личный состав части обязан самоотверженно и мужественно защищать Боевое Знамя в бою и не допустить захвата его противником. При утрате Боевого Знамени командир части и военнослужащие, непосредственно виновные в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а воинская часть – расформированию».

– Даже так? – удивился внук.

– А как же, – подтвердил дедушка. – У меня долгая история получилась. До войны работал я мастером-строителем, да и после войны тоже. В 1937 году призвали меня в армию. Она тогда называлась Рабоче-крестьянская Красная армия. В 1939 году окончил школу младшего командирского состава, присвоили мне звание техника-интенданта 2-го ранга.

– Это ты техникой, дедушка, занимался, что ли? А по-современному это какое звание?

– Лейтенант. Работал я начальником секретной части в своем полку.

– Вот это да! – восхитился Алесь. – Так ты секреты охранял? От шпионов?

– И от шпионов тоже, – согласился дедушка. – Когда двадцать второго июня сорок первого года началась война с фашистской Германией, мы находились в районе одного литовского города. Шауляй называется. Ты слышал, экскурсовод в музее говорила об этом. Воевали до 29 июня, пока не попали в окружение. У нас уже не было боеприпасов, да и продовольствие кончилось. Командир полка приказал уничтожить оставшиеся орудия, технику, выходить отдельными группами из окружения. А мне лично надо было по приказу тоже кое-что уничтожить: личные дела состава полка, секретную переписку, некоторые документы, чтобы это не попало к врагу. Но главное – вынести воинское знамя.

– Как же ты один это смог?

– Да нет, внучек, не один, конечно. Были со мной штабные работники и бойцы. Уложил я знамя и печати в полевую сумку, обернул оставшиеся документы в брезент, и пошли

мы в направлении реки Неман. Она там тоже течет. Надо признаться, я плохо плавал, а переправляться надо было. На чем? Придумали вот что: сняли баллон со штабной разбитой машины, принесли к реке и начали переправляться на другой берег.

– И вас никто не заметил? – обеспокоенно спросил Алесь.

– Заметили. Попали под огонь пехоты. Да еще все время немецкие самолеты бомбили с воздуха, не подпускали наших к реке.

После засады осталось из моей группы четверо. Шли в основном ночью, везде были немцы, местного языка мы не знали, карты не было. Посуди сам, каково пришлось нам. Боялись, что местные жители выдадут нас, поэтому в деревни не заходили, было опасно.

Питались, чем попало. Одним словом, «чужбіна не родная матка: хлеба не дасць». Ели рожь, сырую бульбу.

– Почему сырую? – удивился мальчик.

– Костер нельзя было разводить, могли увидеть. Так и шли около пяти или семи дней. А однажды утром проснулся, никого нет. Остальные сбежали.

– Куда?

– Кто его знает, куда. Может, к немцам, может, к литовцам, может, сами решили без меня идти. Струсили. Со мною ведь опасно было: если знамя найдут, всех расстреляют или повесят. А так, может, спасутся. Бог им судья. Не знаю, что с ними стало. Мне тоже надо было решать, что делать. В одиночку и легче, и труднее. Но это если без знамени. Я же за него отвечал.

– Да, дедушка, задача трудная, – согласился внук. – И до чего же ты додумался тогда?

– А как у нас в народе говорят? «У сва ей хаце і вуглы дапама гаюць». То есть в своем доме и стены помогают. Что и говорить: «Родная зямля – маці, чужая старонка – мачаха».

– Так ты к своей маме шел? – высказал догадку Алесь.

– Мама моя до войны умерла еще. Отец был жив, тетка. Погоди, вот посмотри. Я тебе сейчас покажу родню.

Дедушка достал из папки почтовые конверты, вынул оттуда две пожелтевшие фотографии с надорванными краями:

– Это твой прадедушка Петр Матвеевич, а это его сестра Евдокия Матвеевна.

– Похожи, – сказал Алесь, внимательно разглядывая незнакомые прежде лица.

– Родня, как же, – согласился дедушка. – Так решил я идти к родным. Жили они в разных деревнях, тетка ближе. Сначала к ней отправился. Дошел-таки 27 июля. «У сваім краю, як у раю», – правильная поговорка наша. Хотя в деревне и были немцы. Ночью пробрался к теткой хате, стукнул в окошко. Дала она мне одежку, надел я ее поверх своего обмундирования и пошел за знаменем в лес. Я там полевую сумку припрятал на всякий случай.

Принес знамя, переложили его мы с теткой в корзину, прикрыли травой, подождали до ночи, потом пошли в отцовскую деревню, через речку на лодке переправились, а тетка домой вернулась. Лесом добрался до деревни, ночью так же к своей хате прокрался.

Стали с отцом думать, куда спрятать важный груз. Отец достал из погреба большую стеклянную бутылку, мы отбили ей горло, свернули знамя, засунули его аккуратно туда с тремя печатями, потом пробкой закрыли. Секретный формуляр полка завернули в клеенку, чтобы не подмок. И все это на сеновале, где выкопали яму, спрятали, навалив

сверху сено с навозом для надежности. Там, в сарае, и я спрятался. Да донес все-таки кто-то: пришли эти фашисты, стали отца допрашивать, где сын, все в хате перевернули, сарай обыскали, сено вилами пропороли.

– Ой, а как же ты, дедушка, спасся? – вскрикнул взволнованно Алесь, хотя тот сидел рядом с ним, живой, невредимый.

– Бог, видно, уберег. Правда, один раз царапнули вилами: задели плечо, но не сильно, вытерпел. Отец потом перевязал, полечил, поэтому двое суток еще побыл дома, пока не зажило. Отца попросил сохранить знамя и отдать нашим, если они придут и освободят до моего возвращения.

– Так он и сделал!

– Да не один, с сестрою. Под немцами же три года были, оккупация. Это подвиг твоей родни.

– Дедушка, а что с тобой потом было? Если ты до Берлина дошел.

Алесь потрогал медаль «За взятие Берлина», ордена: дедушка вынул из ящика стола коробочки, раскрыл их одну за другой.

Мальчик, внимательно разглядывая награды, приложил поочер одно их к дедушкиному пиджаку.

– Далеко до Берлина было, Алесь, – вздохнул дедушка. – Сначала я до линии фронта дошел, тоже ночью, не заходя никуда. Должен был доложить, что выполнил приказ, знамя спрятано в надежном месте. Должен был встать в строй, ведь до победы еще сколько надо было пройти с боями. Вышел из окружения в районе станции Ханино, воевал вместе с частями Красной Армии. А 13 ноября того же года был тяжело ранен, лечился семь месяцев в московском госпитале. Потом снова фронт.

– Досталось же тебе, дедушка, – сочувственно вздохнул внук. – Что же ты раньше мне об этом не рассказывал?

– Раньше ты был маленьким... Досталось всем. Недаром война Отечественная называется. Всем миром навалились, а врагу свою землю не отдали. Как и знамена свои.

– Девятого мая снова наденешь свои награды, дедушка? – не то спросил, не то утвердительно отозвался Алесь.

– Это же святой праздник, конечно, надену.

– Может, и в школу к нам придешь, дедушка? Расскажешь, как воевал, – предложил внук, раскладывая награды по коробочкам. – Вон у тебя сколько наград!

– Позовете – приду, – сказал дедушка, вернув коробочки в ящик стола. – А главная моя награда – это то, что войны больше нет. Да, пожалуй, и боевое знамя нашего полка, которое ты видел сегодня в музее.

Бабушка отворила дверь и спросила:

– О чем вы это тут секретничаете? Не пора ли обедать?

Дедушка с внуком переглянулись.

– Да, бабушка, оказывается, наш дедушка умеет беречь секреты, – сказал Алесь. – Но мне он свои секреты рассказал, теперь уже можно: я же большой, все понимаю...

*23–24 февраля 2017 г.
Минск – Москва – Элиста.*

Второй исход

Его призвали в Красную Армию в октябре 1939 года с театральной сцены Элисты. За четыре года он сыграл в театре немало ролей в спектаклях русских, калмыцких и зарубежных драматургов, но не стал ведущим актером по разным причинам: в труппе двадцать пять мужчин, и все хотят играть главные роли, а он был моложе многих из них. В свое время с помощью начальника паспортного стола в Малых Дербетах прибавил себе два года, чтобы получить паспорт и уехать учиться в Астрахань после седьмого класса школы колхозной молодежи. Потом вспоминал, как уговорил начальника, сказав, что по калмыцкому обычаю ему уже пятнадцать лет, считай, один год провел ведь в материнской утробе. А поехать ему надо обязательно, вот и рекомендация от школы: постоянно участвовал в художественной самодеятельности, умел декламировать, петь, танцевать, писать стихи. Наверное, убедил, иначе не имел бы паспорта.

Потом, правда, пришлось выдержать сопротивление старшего брата, когда появился в техникуме искусств на улице Суханова, 29.

Лиджи сразу заявил братишке, что тому надо вернуться домой, потому что не бывает двух артистов в одной семье, да и ростом не вышел, подрасти надо, со сцены не увидеть его. Когда же Миша робко возразил, что подрастет, брат заметил, что и он тоже вырастет.

– А если парик надеть? – с надеждой спросил младший.

– Все равно узнают, – отрезал старший.

– Но я же не знал, что ты на артиста уехал учиться. Мы думали, что тебя волки съели, когда ты пропал, – попытался оправдаться Миша. – Родня с отцом долго тебя искала в степи, волы на пахоте остались, а тебя рядом нет. Мама все время плачет, болеет.

Лиджи, испытывая неловкость, негромко сказал:

– О маме я не подумал тогда. А отец не пустил бы учиться, ты же понимаешь. Что это за профессия такая – артист, когда и театра-то у калмыков нет. Он всю жизнь чабанил, иной жизни не знал. Даже в Элисте не бывал. Спорить с ним бесполезно, да и как отцу перечить – не принято у нас. Потом хотел письмо домой написать.

– Не получали мы ничего.

– Да я и не написал, – пояснил тот. – Все думал, как лучше объяснить свой выбор. Тебя-то как отец отпустил в русский город? Ты же маленький. У тебя и паспорта нет.

– Есть уже, – гордо ответил Миша и стал поспешно рассказывать, как удалось ему получить паспорт в Малых Дербетах.

Брат слушал его нехотя, думая о своем. Потом нетерпеливо прервал:

– Ладно, переночуешь в общежитии, а утром возвращайся домой.

Миша хотел было спросить, а что ему дома сказать, почему он вернулся? По правде, как есть, или что-нибудь придумать в оправдание? Но, заметив озабоченное выражение лица Лиджи, подумал, что пока не стоит ничего уточнять. Да и нельзя не слушаться: брат старше его на четыре года, родился в семнадцатом году, незадолго до Октябрьской революции. Есть же калмыцкая поговорка: «Хорошо, когда старший ведет себя, как подобает старшему, а младший – как младшему». Как младший в семье, Миша привык подчиняться родителям, трем братьям, сестре, хотя доставалось

и ему отцовского ремня, когда дети баловались. Отец был строгий, а ремень жесткий. Все заживало, как на собаке. Особенно после того, как братья, расшалившись в кибитке, случайно толкнули его на горячую сковороду, и он получил ожоги на своем тощем заду.

Был еще мал, боялись, что не выживет, но выздоровел. Отец тогда сказал, что это значит: будет жить долго... Мише удалось остаться в Астрахани. Судьба это или чудо, но утром он с братом столкнулся перед калиткой с одним из преподавателей техникума, Белопольцевым, который поинтересовался, куда они идут. Тот, выслушав невнятное объяснение братьев, возвратил их в класс.

Лиджи пришлось смириться с тем, что в их семье будут два артиста. Он стал опекать младшего, поучая его во всем, в том числе и в учебе. Миша был рад стараться, из трех братьев Лиджи был ему ближе. Он показывал ему свои стихи и заметки, отправляя их в Элисту в редакции газет «Внучата Ленина», «Красная молодежь» и «Красный калмык». И они вместе радовались, получая номер той или иной газеты с первыми публикациями.

Лиджи предупредил начинающего поэта, что надо писать о главном, а не о пустяках, тогда могут напечатать стихи.

– А что, по-твоему, пустяки? – осторожно поинтересовался младший брат.

– То, что всех не касается.

– Например?

– Любовь, например. Это касается двух людей. И всем об этом знать необязательно. Вот ты правильно написал стихотворение о земляке-табунщике, который получил орден «Знак Почета» в Москве за свой труд, или о своем билете ударника, или о стахановце Кичике Бовгадаеве. Надо быть для людей примером. Взять нашу будущую с тобой профессию. Мы, артисты, должны своих зрителей увлекать героями на сцене, чтобы каждый думал, что так и будет, если не жалеть своих сил для лучшей жизни, как в стране Бумбе. Помнишь, клятву богатырей Джангара?

– Наизусть знаю, как каждый калмык.

– Вот и соблюдай эту клятву.

...А 14 ноября 1939 года, через месяц после призыва, Михаил принял воинскую присягу, дал клятву Родине. Он помнил каждое слово, произнесенное у полкового знамени в Забайкальском военном округе:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

Я всегда готов по приказу рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Рабоче-крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

После прохождения курса молодого бойца в день присяги Михаил впервые получил оружие, он вышел из строя, подошел к командиру своего подразделения и зачитал эту торжественную клятву. Слова ее заучил наизусть, ни разу не запнулся, несмотря на волнение.

На театральной сцене он играл в спектакле по пьесе Билль-Белоцерковского «Пограничники», но никогда не думал, что придется самому служить на границе. Здесь тоже писал стихи, когда удавалось, посылал на родину в редакции газет. Одно из напечатанных стихотворений так и называлось по-русски – «Пограничник», а не «Харулч».

Михаил вспомнил, как прочитал в республиканской газете «Ленинский путь» письмо среднего брата-призывника «Буду честно служить трудовому народу». Это было в августе, когда Лиджи получил повестку. Два старших брата, Эрдни и Санджи, уже служили в армии. Для Михаила это письмо стало неожиданностью, но он готов был подписаться под каждым словом Лиджи, запомнил весь текст.

«Отец мой – бывший батрак. В изнурительном, каторжном труде прошла большая часть его трудовой жизни. Темным, неграмотным, обездоленным влачил он жалкую, полуголодную жизнь, – писал брат. – Я – ровесник Октября. Мне не пришлось испытать безжалостную эксплуатацию калмыцкого народа зайсангами, нойонами, капиталистами. Я живу в счастливое время, радуюсь вместе со всеми трудящимися расцвету социалистической Калмыкии, везде и всюду вижу радостную, культурную, зажиточную жизнь.

Партия и правительство призывают меня нынче в ряды доблестной Рабоче-крестьянской Красной Армии. С безграничной радостью приму я звание воина страны социализма, с великой гордостью возьму в руки боевое оружие. Для меня нет ничего почетнее, чем охранять границы моей цветущей родины, охранять труд великого свободного народа от посягательства презренных врагов.

К поступлению в армию я основательно подготовился, сдал нормы на значки: «Ворошиловский стрелок», ГСО, ПВХО и ГТО, хорошо прошел допризывную подготовку.

Моего отца постигла нынче большая радость: три его сына призваны в ряды РККА. Мы, три брата, будем честно и преданно служить трудовому народу».

Да, Михаил тоже готовился к будущей армейской службе, как и братья, сдал нормы на те же значки, прошел допризывную подготовку. Не хотелось отставать от родни.

Поэтому в армии с удовольствием прочитал письмо из дома, с вырезкой из газеты «Красная молодежь» за 25 декабря 1940 года.

Это «Письмо из части» опубликовал Андрей Тишкин.

«На днях наша комсомольская организация получила интересное письмо из части, где служит бывший артист нашего театра комсомолец М. Хониев.

Политрук и командир подразделения, в котором состоит т. Хониев, сообщают о том, что он за время пребывания в части ведет себя дисциплинированно, по боевой и политической подготовке имеет только отличные и хорошие оценки, является активным общественником и хорошим товарищем.

«Тов. Хониев, – говорится в письме, – имеет от командования 7 благодарностей. Мы гордимся работником вашего театра и горячо благодарим ваш коллектив за его большевистское воспитание».

Это письмо прочитали на комсомольском собрании, и здесь же, на собрании, мы написали в часть ответное письмо».

Эта газетная вырезка ходила по рукам в подразделении, где служил Михаилл, пока ее не зачитали до дыр, как и его стихи.

Несмотря на то, что сослуживцы не знали калмыцкого языка, они слушали авторский перевод, гордясь тем, что у них есть свой артист и поэт. Часто просили Михаила декламировать свои стихи, им нравилось, как он читал по-калмыцки: для них непонятно, но с большим чувством. Михаил рассказывал им об учебе в Астрахани, открытии родного театра 8 ноября 1936 года, о том, как он с братом играл в одних и тех же спектаклях, ходил на демонстрации.

Солдаты удивились, что у калмыков не принято было раньше хлопать в ладони: так можно было призвать нечистую силу, оказывается. И смеялись, когда Михаил вспомнил, как отец смотрел спектакль, где играли его сыновья, и с удивлением спросил: «Почему все хлопали так громко в ладоши после того, как занавес закрылся? Все шулмусы, наверное, сбежались сюда. Один я не хлопал». Когда сыновья объяснили, в чем дело, еще не старый Ноган покрутил недоверчиво свои черные усы, но успокоился. «В следующий раз буду хлопать, дети мои, – пообещал он. – Расскажу колхозникам, что такое наш театр, не все видели». Следующего раза не получилось: отец в «Коминтерне» работал чабаном, не всегда мог отлучаться, а потом рано ушел из жизни, надорвался на тяжелой работе еще в батраках.

Самому Мише с братьями тоже пришлось в детстве трудиться на богачей, пасти чужой скот, гнать животных на водопой, чаще играть с телятами, чем с ровесниками. Да и называли его в отличие от братьев русским именем в честь богача, на которого работали.

И, когда в их колхозе впервые появились сталинградские трактора, все ученики на переменах выбегали на улицу смотреть на эти грохочущие машины, мечтали сесть за руль, стать трактористами.

Не отставал от них и Михаил, представляя, как он будет работать с такой техникой, как сядет на этого железного коня, на другом коне он с малых лет научился ездить. Не получилось из него тракториста.

В армии стал командиром снайперского взвода после того, как окончил шестимесячные краткосрочные курсы младших лейтенантов при Сретенском военном пехотном училище в Читинской области. Догнал среднего брата: Лиджи после окончания Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова раньше него стал младшим лейтенантом, командовал взводом. Даже воевал на Халхин-Голе, помогая братьям-монголам отогнать японского захватчика. Прислал две фотокарточки: на одной он еще курсант, на другой – уже в офицерской форме, в фуражке. Михаил время от времени доставал из планшета эти фотокарточки, мысленно беседуя с братом. Письмами они обменивались, но почта шла долго.

Лиджи не успел жениться до армии, да и за девушками особенно не ухаживал: то ли никто не нравился, то ли некогда было, он хотел стать режиссером, помогал в постановке спектаклей. В программках некоторых спектаклей значился лаборантом режиссера.

Михаил тоже один раз попробовал себя в таком новом качестве: интересно было наблюдать со стороны, как строится спектакль.

Он вспомнил, как к открытию театра репетировали спектакль «Борец-сирота» по пьесе калмыцкого драматурга Хасыра Сян-Белгина, трудно было заучивать стихи, непривычно

– в техникуме играли пьесы, написанные в прозе. Даже написал рецензию, которую опубликовали потом в газете, накануне премьеры.

Актерское умение пригодилось на войне. После Смоленского окружения, выйдя к партизанам, попал с напарником в передрагу, оказался в немецкой комендатуре. Допрашивали их поодиночке.

Михаила провели в кабинет коменданта. Он и сам не мог понять, как в поединке с врагом одержал над ним верх, заинтересовав калмыцкими небылицами: рассказал их по памяти. Немецкому коменданту то ли скучно было, то ли решил поиграть в кошки-мышки с пленным азиатом, но только удалось тогда избежать расстрела, а по дороге в концлагерь спастись, бежать вместе с другими пленными-красноармейцами.

Наверное, судьба его хранила. Михаил не верил в бурханов, но в судьбу почему-то верил. Был тяжело контужен в начале войны, а потом судьба миловала его. Сколько раз бывал в рукопашной, вставал первым в атаку, ходил в разведку, на подрыв мостов и железных дорог, сколько раз выходил с товарищами из окружения!

Долго рассказывать.

Думал дойти до Берлина после освобождения Минска 3 июля.

В сентябре 1944 года Михаила, уже лейтенанта, неожиданно вызвали к военному начальству, сообщили о его демобилизации.

Его партизанская рота была расформирована и вошла в состав действующей армии. Он не успел обрадоваться новым погонам, новому званию, да и не сразу понял, в чем дело: война-то еще идет.

Лейтенанту объяснили в спецотделе, что его народ репрессирован за измену родине, сослан с конца декабря 1943 года в Сибирь, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Поэтому всех офицеров-калмыков снимают с передовой и отправляют по месту проживания их семей.

– Ничего, лейтенант, крепись, – сказал майор Никитин. – Ваших рядовых вообще отправили в Молотовскую область на большую стройку. Так что считай – тебе повезло.

– Товарищ майор, можно обратиться с вопросом? – не выдержал Михаил, выслушав то, что никак не мог осознать.

– Слушаю, лейтенант.

– Как это народ может быть предателем? Понятно, бывают разные люди-предатели, но народ-предатель? Сколько калмыков воевали на фронтах и в тылу врага партизанили! У меня все три брата на войне с самого ее начала! Эрдни, Санджи, Лиджи! И я даже не знаю теперь, погибли они или живы, война ведь не кончилась! В роте моей земляк-калмык воевал, коноводом у меня был...

– Лейтенант, по-человечески я тебя понимаю, – прервал его майор Никитин. – Трудно понять сразу, да. Такая беда. Не только у калмыков. Соседей ваших тоже сослали: карачаевцев, чеченцев, балкарцев. Не мне тебе объяснять: приказы не обсуждают. Я и так тебе много сказал, да. Не положено. Но я посмотрел твои боевые характеристики, представления к наградам, ты воевал, как надо. Да и партизанское начальство хорошо о тебе отзывалось, пыталось за тебя ходатайствовать, чтобы оставить в частях. Знаешь, некоторые командиры выдают своих калмыков за бурят или киргизов, надеются, что так спасут от позора и ссылки. Сами себя подставляют, не боятся, что ли, черти... В общем, желаю тебе найти своих родных. Ты женат вроде?

– До войны женился, товарищ майор. Жена тоже артистка, вместе в театре служили. Дочке скоро шесть лет.

– Ну вот и разыщи их. По предписанию должен сначала явиться в военкомат по месту прежнего жительства, там тебе сообщат, куда семью отправили. Родители-то живы?

– Умерли до войны, товарищ майор.

– Тоже, считай, повезло, лейтенант. Как со стариками в ссылке тяжело. Так что твой первый пункт назначения – город Степной.

– Я из Элисты, товарищ майор, из Калмыкии. Там жил и работал до призыва на армейскую службу в 1939 году.

– Нет такого города, лейтенант. Переименовали, когда калмыков выселили, республику вашу упразднили после операции НКВД. Нет вас теперь на географической карте.

– Товарищ майор, можно еще обратиться с вопросом?

– Лейтенант, я все уже сказал, что можно и что нельзя. Ну, так и быть, слушаю напоследок, – майор встал из-за стола, показывая тем самым, что разговор закончен.

– А на чем же можно было целые народы вывозить так далеко?

– На поездах, думаю, лейтенант. Да вас, калмыков, и не так много, насколько представляю?

– Немного, товарищ майор, – подтвердил Михаил, а сам с горечью подумал: «А будет еще меньше».

– Держись, лейтенант. Раз войну пережил, значит, и в ссылке не пропадешь, да.

– Есть держаться, товарищ майор. Разрешите идти?

– Идите, лейтенант.

Михаил, козырнув, четко развернулся и вышел из комнаты спецотдела. Но за дверью сразу присел в коридоре на один из стульев: ноги не держали, а ум отказывался принимать новости. Он снял фуражку, смахнул ладонью со лба выступивший пот...

Он видел на дорогах войны тысячи беженцев: стариков, женщин, детей. Они бежали от войны, от смерти, от беды. Даже звери бежали. Встретил его полк в июле сорок первого года цирк Дурова, наверное, был на гастролях.

Михаил подумал: какой это по счету исход для его многострадального народа? В конце восемнадцатого века хан Убаши увел своих подданных на родину, в Джунгарию, и горемычных ойратов на всем пути преследовали царские войска, казахские жузы.

Сколько тогда людей погибло – от голода, жажды, болезней, боев!

Оставшиеся в низовьях Волги терпели притеснения вдвойне. И все же Михаил считал, что правильно его предки во главе с ханом Хо-Урлюком в 1609 году добровольно перешли в подданство Российской империи, спасаясь от китайских набегов и своих междоусобиц: сохранили народ. Надо будет пьесу об этом написать.

И вот новый исход «друга степей»!..

Михаил надеялся, что эта трагическая ошибка будет исправлена. Не сейчас – идет война. Но после войны, когда победим фашистов, обязательно. Иначе не может быть. Надо только не молчать. Надо бороться за правду, писать письма в Москву, самому Сталину. Не сдаваться!..

14 ноября 2018 г.

ПРОЗА КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Султан АЙБАЗОВ

Султан Айбазов родился 17 января 1949 года в селе Водное Ленинпольского района Киргизской ССР. Окончил (1974) Московский архитектурный институт.

Член Союза писателей России, Союза архитекторов России. Заслуженный архитектор КЧР, Почетный архитектор России. Член клуба писателей Кавказа.

На 14 Международном фестивале «Зодчество 2006» в Москва за проект «Мемориал жертвам депортации карачаевского народа 1943–57гг.» получил Золотой диплом фестиваля. В 2007 году номинирован на мировую премию принца Ага-Хана в области архитектуры (штаб квартира – г.Женева). В 2024 году награжден медалью Исламбия Крымишамхала в области архитектуры и литературы. (За Мемориал жертвам депортации карачаевского народа 1943–57гг., книгу прозы «Къара атлы» («Черный всадник»)) Литературой занимается с детства. Первый рассказ на карачаевском языке был напечатан в местной газете еще в школьные годы. Печатался в коллективных сборниках и в журналах на русском языке: «Литературные знакомства», «Пять стихий» (Москва), «Нана» (Грозный), на карачаево-балкарском языке «Минги Тау» («Эльбрус», Нальчик)).

В 2025 году его рассказ «Посох» вошел в сборники, посвященные дню Победы, литературного Международного сообщества Писательских Союзов «Этот день мы приближали как могли» (Москва) и Клуба писателей Кавказа «Солдаты России – могучая сила» (Махачкала).

В объявленном 2025 году конкурсе имени основоположника чеченской литературы С. Бадуева на лучший рассказ занял первое место. Автор трех книг прозы на карачаевском языке. Подготовлены к печати книги: «Белые скалы», «Черный всадник» в переводе на русский язык.

Волчица

Рассказ

I

В горах выпал снег. К утру порывистый ветер, с воем срывая с места ночную порошу, погнал ее со склона мелкой поземкой. Чуть погодя ветер стих. Темно-голубое небо стало отражаться на белых вершинах гор синевой. К обеду снег растаял. Только с северной стороны горы все еще оставался залежалый снег, и белели в низине снежные заносы.

Несколько лошадей, отделившись от табуна, утопая по брюхо в сугробах, направились вверх по склону. Разгребая копытами снег и увлеченно пощипывая прошлогоднюю пожухлую траву, они быстро разбрелись по склону вверх.

В это время заржал жеребец. Утопая в сугробе и большими прыжками вырываясь из толщи снега, он бросился вслед за ними. Жеребец, поравнявшись с кобылами, не переставая ржать, бежал с задранной вверх головой, то лягая передними ногами, то хватая непослушных за гривы, всех согнал вниз.

Лошади спустились на поляну. Снег остался наверху. Они, с жадностью щипая свежую сочную зелень, едва проглядывающую из-под прошлогодней негари, стали приближаться к лесу.

В табуне большая часть были кобылы. Кроме вожака, был еще жеребец. Он был молод. Но, несмотря на это, пытался ухаживать за молоденькими кобылами, что не очень нравилось ревнивому вожаку. Как-то молодой жеребец подошел к сивой стройной кобыле, приставил к ее морде свою, и они стали принюхиваться. Затем стал лизать ее длинную шею. Заметив это, вожак заржал, глаза злобно загорелись, в ярости он набросился на молодого жеребца и стал безжалостно лягать его передними ногами, затем, схватив за холку зубами, потряс его так, что тот еле удержался на ногах.

С тех пор жеребец, избитый вожаком, ходит в стороне от молодых кобыл, и все же, пощипывая траву, искоса поглядывает на них.

На краю леса, притаившись за широким дуплистым стволом дерева с раскидистой кроной, волчица уже который день присматривается к табуну. Вот лошади стали приближаться к дереву. Сарыбет заскулила, стала переминаться с ноги на ногу, легла, положив голову на передние лапы, прищурила глаза и с жадностью стала смотреть на каждую из лошадей, проходящих мимо, щипая траву. Она знала: хотя и заманчиво, ей одной нет смысла бросаться на этих красивых и сильных животных. Ей нужна жертва, которую можно унести без лишних унеси. Волчица взглядом скользит по контурамдвигающихся лошадей. Ищет слабую. Вот появился молодой жеребец, который тащится, шатаясь, и неохотно щиплет траву. Видно, что он нездоров. Взгляд волчицы проходит дальше и останавливается на жеребенке, который идет в стороне от лошадей, ближе к деревьям. Глаза волчицы загорелись. Она, наострив уши, приподнялась на передних лапах, обнажила клыки. Сарыбет уверена, что, сделав пару прыжков, пройдясь по шее клыками, успеет утащить жертву в лес.

Волчица не знает и знать не может, что мать жеребенка, пегую кобылу, ранее зарезала волчья стая, оставив его сиротой. Может, Сарыбет тоже была в той стае? Вообще-то, волчице это сегодня не важно. Она не любит вспоминать прошлое. Для нее главное – удачная охота. Ей без разницы, жеребенок растет сиротой или нет. Волчица с жадностью

смотрит на него и видит в нем мясо – пищу для своих волчат, которые лежат голодные на расщелине скального уступа. Сарыбет даже слышится, как они пищат. Ей хочется видеть, как, наевшись жеребьячьего мяса, волчата, сытые и довольные, лежат на солнцепеке, играют, гоняясь друг за другом. Она каждого из них любит по-своему. Особенно младшего, кругленького, как мячик, радостно и неуклюже бегущего навстречу.

Их отец, известный в округе волк – Ташжюрек, что означает «Каменное сердце», не вернулся с охоты. Вдвоем всегда было легче добывать пищу для волчат.

Уже несколько дней, как Сарыбет без толку следует за табуном. Сколько раз она настраивалась на прыжок. Но в этот момент неожиданно, со вздувшимися ноздрями, появлялся жеребец, будто чувствовал, что где-то рядом находится волчица.

Вот, тихо пощипывая траву, жеребенок приблизился к дереву. Сарыбет раскрыла пасть. Блеснул оскал зубов, над носом кожа собралась в мелкие складки, вслед глухо зарычала. Сжавшись, как пружина, резко оттолкнулась от земли. Волчица уже на лету представляла, как клыки перерезали горло жеребенка и она вся, обрызганная хлынувшей из раны кровью, потащит его в лес.

Но не тут-то было. В ту минуту, когда она думала, что вот-вот схватится клыками за шею жеребенка, произошло неожиданное. Вожак оказался с левой стороны от нее на таком близком расстоянии, что в мгновение, протаранив волчицу, отбросил к лесу. Тело ее от удара широкой и сильной груди жеребца развернулось, задевая ствол дерева, ударилось о землю, покатилося по крутому склону, как камень с горы, и остановилось внизу ложбины. Когда волчица пришла в себя, она лежала, растянувшись на земле. Она подвигала передние ноги, подняла голову, но задние конечности, как бы она ни пыталась, оставались неподвижными. Сарыбет их не чувствовала. Она со страхом посмотрела вверх, на поляну над лесом, откуда еще доносилось ржание жеребца-вожака, встала на передние ноги, волоком таща за собой неподвижную часть туловища, попыталась двинуться в глубь леса.

«Я еще вначале прыжка почувствовала, как ноги тяжело отрывались от земли. Все-таки возраст дал о себе знать в самое неподходящее время. Резок и силен жеребец. Резвость его движений похожа на мою молодость.

Мы с Ташжюреком так молниеносно нападали на кошары, что порой сторожевые собаки даже опомниться не успевали, и когда мы уходили с добычей, они, как бы в свое оправдание, не прекращая громогласный лай, бросались за нами».

Над лесом послышалось ржание жеребца. Это вожак. Он не может успокоиться. «Как же я не заметила его? Помню, когда я на лету приближалась к жеребенку, он с испугу взвизгнул и метнулся в сторону. Несмотря на это, настигнув его, я клыками прошлась бы по его шее, оттянула бы к лесу. До чего была сильной грудь жеребца! Он налетел на меня. Сильным ударом груди унес хвостовую часть туловища, что отдалось нестерпимой болью. В потемневшем сознании я стала видеть силуэт вожака с головой, задранной к небу, вздутыми ноздрями, горящими, как огни, глазами». Сарыбет представила, как жеребец, оказавшись рядом, сильными копытами растоптал ее. Волчица крепко зажмурила глаза. Перед ней встали маленькие волчата. Старшие хулиганистые. У них не хватит терпения находиться в логове на скальной расщелине. Сарыбет представила, как старший выходит на скальный карниз.

Беркут, взглядом пронизывая землю, с каждым разом сужая круги, застыл на месте. Волчица посмотрела на него изучающе. Она его знает. Он самый жестокий из здешних

небесных хищников. Беркут застыл на месте. Сарыбет понимает, что он сейчас в поиске пищи, своими зоркими глазами, как через сито, пропускает каждый сантиметр земли. От его острого взгляда даже мышка не проскочит. Считая, что место, где она лежит, просматривается, волчица попыталась подвинуться под крону дерева с плотной листвой. Ей стало тяжело тащить передними ногами неподвижную часть тела.

Вдруг беркут задвигал крыльями и стрелой полетел вниз. Сарыбет подумала, что он летит на нее, и в страхе, преодолевая острую боль в хвостовой части тела, прижалась к стволу дерева вплотную, насколько могла. Беркут пролетел над ней в сторону скал. Волчица вздохнула. Но тут же ею овладело беспокойство. Она была уверена, что беркут полетел, выследив на скальном карнизе старшего волчонка. Волчица заревела, оскалила зубы. Судорожно двигаясь передними ногами, начала тащить неподвижную часть тела.

Сарыбет, как бы ни пыталась, одолела всего несколько метров пути. «Ты можешь быть настоящим волком только лишь тогда, когда будешь сильным. По молодости я даже не замечала, что беркуты летают в небе. Меня не волновало то, что там, в небесах, есть беркут или его нет. Благодаря своим быстрым ногам, я любую цель достигала мгновенно». Она представила, как примчалась к волчатам быстрее беркута и обласкала их. Видя, что волчата под защитой волчицы, беркут улетел. Но, к сожалению, сейчас все было не так. В небе беркут, а над лесом жеребец. В ушах звенел топот копыт жеребца-вожака. «Если бы не было жеребца, не было бы и беркута. Если бы я была сильной, как в молодости, и жеребец не смог бы меня настичь. Я сейчас с удовольствием смотрела бы, как волчата едят свежее мясо».

II

Нападение волчицы взбудоражило табун. Лошади, сорвавшись с места, неслись на всех парах. Когда вожак, не прекращая своего панического ржания, связанного с возможной потерей целого табуна кобыл, внезапно исчезнувшего из виду, бросился за ними, они были далеко. Сюлемен, как вкопанный, стоял на пригорке и с ужасом смотрел на табун лошадей, мчавшийся в сторону скал, оставляя за собой клубы серой пыли. Он, человек, умудренный опытом, вся жизнь которого была связана с лошадьми, понял, что табун лошадей может нестись так, лишь напуганный волчьей стаей, и остановить его при этом невозможно. Табун мог сорваться в пропасть. Сюлемен, недолго думая, помчался на своем коне наперерез. Надо было успеть увести табун от пропасти. Он понимал, что для этого он должен был оказаться скачущим впереди табуна и вовремя повернуть лошадь в сторону от скал.

То, что лошади мчались быстрее, Сюлемен пытался оправдать тем, что «не может же лошадь со всадником на спине, не таким уж легким на вес, состязаться с диким табуном лошадей». Но такое оправдание Сюлемен внутренне не мог воспринять, потому что перед глазами вставали ужасающие картины, когда лошади одна за другой проваливались в бездонную глубину пропасти. Такие случаи бывали. Он изо всех сил стал наносить удары плетко по лошади, чего до сих пор никогда ни при каких обстоятельствах себе не позволял, и она, как бы понимая его, прибавляла ходу. Вот он вышел перед табуном и поскакал по ходу движения. Лошади, нагоняя его, чуть ли не наступали на пятки. Опасность того, что безумно мчавшийся табун, как сорвавшаяся с гор лавина, мог раздавить его вместе с лошадью, становилась вероятной. Он видел, что до скал на глаз оставалось расстояние, крайне недостаточное, чтобы повернуть табун. Поэтому, боясь не успеть,

стал отходить под крутым углом, отчего лошадь начало сносить с круга. Сюлемен расчетливо наклонился в противоположную сторону, тем самым дал коню возможность сохранить равновесие. Видя, что лошади поворачивались едва ли не у бровки скалы и мчались за ним, радостно вздохнул. Табун нагонял Сюлемена. Он торопил коня. Надо было продержаться, пока лошади не успокоились.

Сюлемен, когда понял, что табун стал отставать, довольный, придерживал коня.

III

Волчица, которая несколько часов назад, злобно оскалив зубы, пританцовывая на ногах, готовилась к прыжку, довольная тем, что недалек час, когда она накормит свежим жеребьим мясом волчат, сейчас лежит не в силах подняться. Вытянув ноги вперед, положив голову на лапы, она беспомощным взглядом просматривает лес, и вдруг в испуге опрокидывает ее назад. В этот миг от резкого движения в глубине поясничных позвонков появляется нестерпимая боль. Она вначале скулит, а потом появляется жалобный, приглушенный волчий вой. Она чувствует себя беспомощной. «Когда ты слабый, желающих властвовать над тобой становится много. Впрочем, если не трогать лошадей, вожак на тебя охотиться не будет. Охота не его дело. Он, тихо пощипывая траву, будет спокойно пастись, охраняя покой кобылиц. Ну а беркут, паря в небе, выследит твоих волчат, схватив их острыми когтями, унесет к скалам, где находится его гнездо, и накормит голодных птенцов. Такова жизнь. Сильный всегда ест слабого». Волчица сжалась от этих мыслей в комок и жалостливо заскулила. Она представила, как острые когти беркута вонзаются в мягкое тело волчонка. Сарыбет по-матерински почувствовала эту боль, ей стало плохо, зарябило в глазах. Она поняла, что волчицей была лишь на земле. Сейчас беркут стал угрозой для ее жизни и жизни волчат. Поэтому она, спрятавшись под кроной дерева с плотной листвой, ищет себе спасение, трусливо высматривает через просветы между листьями небесного хищника. «Где же спутник моей жизни, дорогой сердцу Ташжюрек? Он был сильным и дерзким. Он был волком среди волков. Был жестче меня, безжалостным, молниеносно бросался на жертву. Перед уходом на охоту Ташжюрек, виляя хвостом, радостно сверкая желто-коричневыми глазами, хотел прижаться ко мне, поласкаться. Я, делая серьезный вид, не обратила на него внимания. Не ответила на его ласку, и сама не стала его ласкать. Вот сегодня, когда прошло столько времени, я вижу в глубине его глаз тоску. Он с той охоты не вернулся. Обидно, почему же в тот день я не ответила на его ласку лаской? Может, думала, что он вечен? У волков жизнь рискованная. Каждый выход на охоту может оказаться роковым. Ташжюрек с опущенной головой вышел из логова и потрусил по лесной тропинке. Я долго смотрела ему вслед. Если бы знала, что вижу его в последний раз...»

Беркут летел над деревьями, плавно взмахивая длинными широкими крыльями, и закружился над волчицей. С каждым разом круг становился все меньше, и вот он остановил взмах крыльев, будто перестал дышать, замер на месте. Волчице пришла в голову тревожная мысль, что беркут, расправившись с волчатами, теперь выслеживает ее. Видимо, такие мысли приходят, когда силы покидают тебя. У сильного нет времени думать. Поэтому люди говорят, что волка ноги кормят. Я сейчас не волк, а жалкое существо. Беркут сильного не стал бы трогать. А меня, беспомощно лежащую на земле, как увидит, стрелой метнется вниз. Оглушив сильным ударом крыльев, в мгновение выключает глаза.

Беркут неподвижен. Он на охоте. Застыв на месте, пристально изучает землю, и как только выследит жертву, молниеносно бросится вниз. Волчица, полная страха, прижалась к стволу дерева, готовая слиться с ней. Уверенная, что густые листья кроны большого раскидистого дерева спрячут ее от беркута, облегченно вздохнула. «До чего безжалостна жизнь. Пару часов назад я никого на свете не боялась. Считала себя сильной». Волчица зарычала. «Это он, жеребец, лишил меня сил. Мерзавец! Когда поправлюсь, я тебе покажу, как играть с волчьим родом. Был бы сейчас здесь Ташжюрек, остались бы от тебя одни пятки». Растреволженная волчица хотела встать, но не смогла.

В просвете между листьями посмотрела на небо. Беркут был светло-коричневой окраски, с пятнами на груди, с белым чубом на голове. «У беркута здешних мест на голове нет белого чуба, как же я сразу не заметила, – забеспокоилась она, внимательно смотря на беркута, раскачивающегося на крыльях, – местный все-таки ближе. А что у этого на уме, кто знает... Хотя ни на одного из них положиться нельзя».

Сложив голову на передние лапы, волчица задумалась. Видимо, от слабости клонило ко сну. Глаза стали слипаться. Через время с испугу встрепенулась. Хотела завывать, но сдержалась. Над лесом был жеребец. А в небе – беркут. А она здесь, внизу, искалеченная волчица. Такая она не нужна и волкам. В волчьей стае не любят слабых. «Вот так и получается, что мне нельзя даже быть по-волчьи. Услышав мой зов, волки отзовутся быстро, мгновенно будут тут как тут, но, увидев меня беспомощную, придут в ярость, раздерут, растаскают по кочкам. Для них слабый – не родня». Расстроенная волчица, которая в своей жизни, кроме как раздирать и рвать, ничего другого не знала и не видела, стала, поднимая голову, пугливо смотреть на небо между просветами листвы.

Беркут, будто подвешенный к какому-то небесному предмету, невидимому для глаз волчицы, неподвижно застывший на месте, вдруг шевельнул крыльями, затем, учащенно взмахивая ими, стал торопливо удаляться. С правой стороны, пока Сарыбет опомнилась, прилетел беркут – хозяин этих мест. Он с ходу набросился на непрошеного гостя, выставив вперед когти, готовый порвать его. Но Чубатый спарировал. Волчица, видя, что хищным птицам не до нее, смотрела на них спокойно, без боязни. Ее одолевала мысль, сколько же времени беркуты таким образом могут продержаться в воздухе. Небо же не земля – держать их там, когда силы у них иссякнут. Спокойно отпустит. Переживать не станет. Волчица представила, как беркуты один за другим падали на землю. При таком раскладе у нее исчезал страх за свою жизнь и жизнь волчат. А беркуты стали бы пищей для них. Но, к сожалению, она не могла решать исход боя, идущего между двумя беркутами за место «хозяина» небес. Кто победит, кто упадет на землю побежденным или исход будет ничейным, зависело не от волчицы, а от беркутов, которые бились с переменным успехом не на жизнь, а на смерть. Они то в ярости кидались друг на друга, используя в смертельной схватке все свои возможности, то разлетались в разные стороны. Рвали друг другу перья, которые, подхватываемые ветерком, парили в воздухе и опускались на землю. Волчица смотрела на них, не отрывая глаз. Вот она смотрит на оголенную шею Чубатого. Видит, как отделяются от шеи красные капли крови. В этот момент волчья привычка одолевает ее. Урчит от голода желудок. Она смотрит на небо, ждет, когда Чубатый начнет падать. «Кровь-то у него не может течь бесконечно». Волчица знает, что когда у зверя вытекает кровь, он становится трупом. Но, к сожалению, беркуты сильнее ее. Конца схватки не видно. Один хочет стать хозяином новой территории, другой, защищая свои границы, готов стоять насмерть. Никто из них не собирается уступать. У нас,

волков, все не так. По законам стаи, мы крепко привязаны друг к другу. Как только кто-то из волков где-то завоет, на волчий зов сбегаются все. И на охоту в особых случаях идут вместе – вся волчья стая. Волчица смотрит увлеченно на схватку беркутов, удивляется: «Откуда у них столько сил?»

Вот Чубатый, оторвавшись, ринулся вниз. Хабыр погнался за ним. Чубатый, резко поменяв направление полета, устремился вверх и тут же камнем бросился вниз. Он шел на таран. Хабыр от удара Чубатого еле вывернулся и, развернувшись, схватил его за брюхо. Чубатый отскочил в сторону, прокручиваясь вокруг оси, еле выпрямил крылья. Хабыр, догнав его, ударил крылом. Оба, будто пытаясь собраться с силами, разлетелись в разные стороны.

Сделав на предельной скорости длинную петлю, пикируя, пошли в атаку. В миг, когда должны были столкнуться, взмыли круто вверх, скользя друг по другу грудями, и разлетелись в разные стороны. Паря в воздухе больше чем прежде, на землю полетели перья. Сарыбет потеряла их из поля зрения. Волчица, прищурив глаза, долго искала беркутов в небесном пространстве. Но не увидела. Следом, набрав полную грудь воздуха, довольная, глубоко вздохнула, уверенная, что небо над ней уже было чистым и безопасным. Когда снялось напряжение, волчице стало легко дышать, заурчал живот. Она, подняв голову вверх, приглушенно завывала. В это время недалеко от нее, прошуршав в траве, в небо взвилась птичка. Рядом, выскочив из норки, побежала мышка. Волчица хотела броситься за ней, но подняться не смогла. «Вот так, когда нет сил, и мышку не поймаешь».

Волчица, положив голову на ноги, никогда не знающие покоя, повела чутким носом по воздуху, заскулила. С глаз, теряясь в траве, стали капать слезы. Ей вдруг показалось, что жеребец, пританцовывая, с выставленной вперед грудью, сверкающими красными злыми глазами, идет на нее. Сарыбет от испуга отпрянула назад. Жеребец как появился, так и исчез. А позвонки в поясничной части тела дали острую боль, отчего волчица резко взвизгнула. «Коль есть боль, значит, есть шанс на поправку». Она представила себя здоровой и нападающей вместе с Ташджюреком на жеребца.

Перед ее глазами встал Ташджюрек. Были времена, когда сильные ноги носили нас по всему свету так, что думать не успевали. Мы в кошарах появлялись неожиданно для чабанов и, оказавшись посередине отары, с жадностью резали клыками ошарашенных от страха овец и, бросив на спину барашку, исчезали. Бывало иногда и так, что мы попадали в западню, где нас ждали чабанские волкодавы. Встречались собаки более сильные и дерзкие, чем волки. В таких случаях я всегда приходила на помощь Ташджюреку.

Никогда не забуду случай, произошедший в верхней кошаре, когда мы думали, что отару, как прежде, сторожит дворняжка, на которую мы обычно внимания не обращали. Чувствовали себя хозяевами и, оказавшись посередине отары, рвали овец как хотели. В этот раз так не получилось. В тот момент, когда мы, стремительно прыгнув, оказались среди овец, тишину резко нарушил звонкий, оповещающий лай пастушьей собачки. В следующий миг волкодав, оказавшийся между нами и овцами, одним движением схватил меня клыками за правое бедро, швырнул в сторону. В это время Ташджюрек, уже успевший встать на ноги, прыгнул на него. Они сцепились, встав на задние ноги, клыками стали рвать друг друга. Пастушья собачка голосила по всей кошаре. Раздался выстрел, прошедший по ущелью громом.

В таких случаях мы задерживаться не любим. Наше правило – взяв добычу, вовремя уйти. Но Ташджюрек никогда не уйдет, не одолев врага, не посмотрев на него, повергну-

того, сверху. Но и тот, который бьется с ним, в силе не уступает ему. Волкодав несколько раз полоснул Ташджюрека клыком по туловищу. Пошла кровь. Я кинулась на волкодава и так протаранила грудью, что он зашатался. Воспользовавшись этим, Ташджюрек схватил его за горло.

Мы думали, что уже одолели собаку, но в это время появились еще два волкодава, которые с ходу кинулись на нас. Борьба продолжилась. Вспоминать об этом не хочется. В ту ночь мы еле унесли ноги. Бежали насколько хватало сил. Мы, разгоряченные, не чувствовали усталости. Собаки долго преследовали нас. Наконец-то мы оторвались от них. Издалека был слышен собачий лай, выстрелы. Когда кошара осталась далеко, мы, успокоившись, сбавили ход. Ташджюрек стал хромать на одну ногу. С внутренней стороны была видна глубокая рана. У волкодава были мощные клыки, ничем не уступающие волчьим.

В этот раз охота оказалась неудачной. Волчата остались голодными. Пройдя на расстояние, где уже не было слышно лая собак, тяжело дыша, попадали на землю.

Мы поняли, что чабаны тщательно подготовились к нашей встрече. После этого случая стало тяжело брать овец из кошар.

Я, ласкаясь, языком погладила морду Ташджюрека. Он тоже, высунув свой красный язык, прошелся по моему бедру. Стали с изумлением смотреть друг на друга. Он взглядом как бы мне говорил: «Зря ты поторопила меня. Еще несколько движений, и я положил бы этого здорового, неуклюжего на землю. Волк никогда не уступал схватку собаке. Волк всегда есть волк». Я тоже уставилась на него, как бы говоря: «Пусть мы не смогли унести ягненка, зато ушли целыми. Для нас это главное. Если наши головы и ноги будут целы, дичь мы всегда найдем». Я встала. В этот момент увидела, как из-под куста, испугавшись нас, выпрыгнул заяц. Я в два прыжка догнала его и ударом правой лапы свалила, клыком прошлась по шее. Мы были рады. Наши волчата не останутся голодными. До чего они славные, но шаловливые, могут сами на себя навлечь беду. Нежные, как стеклянный сосуд, могут со звоном разбиться и разлететься по сторонам, чего они не понимают. А тут еще беркут охотится. Если выйдут на скальный уступ, он, увидев их, не пожалеет, пулей прилетев, вонзит свои острые когти и унесет. Сарыбет от таких мыслей испугалась, подняла голову, посмотрела на небо. Оно было темно-синего цвета, какое бывает только в горах. Беркута во всем зримом пространстве не было видно. Куда же делись оба беркута – хозяева небес? Боясь, что они вернуться, понимая, что защитить себя от них нет сил, стала смотреть с тревогой на небо и по сторонам. Она никогда не оказывалась в таком тяжелом положении. «Я беспомощна. Нет сил двигаться. Если так, значит, я не волк. Волки все те, которых я боюсь», – забеспокоилась Сарыбет и посмотрела по сторонам. Опять бросила взгляд на небо. Она смотрела, напрягаясь до боли, пронизывая глубину бесконечного небесного пространства. Небо было чистое, без единой крылатой души. Но тем не менее, чувствуя опасность, она хотела быстрее покинуть это место. Хвостовая часть туловища, вся онемевшая, не двигалась. Но зато где-то в глубине, в поясничных позвонках, уже который раз так стрельнуло отдавшейся по всему телу невыносимой болью, что с глаз выдавились слезы. «Раз есть боль, значит есть надежда на выздоровление. Но когда?» Для нее это было очень важно. «Опасность для жизни такова, что мне немедленно надо уходить. Но как?» – волчица задумалась. Перед ней встал Ташджюрек. «Наверное, не живой. Так бы он меня обязательно нашел, завыл

бы на волчьем языке. В нужное время, в нужном месте он всегда выл громко и протяжно, собирал вокруг себя всю волчью стаю. Какой у него был прекрасный голос, голос настоящего самца! А я сейчас, искалеченная, ободранная, вся в ранах, и выть не могу. Если волк увидит кровь, то он и своего родного волчонка может разорвать». Когда такая мысль пришла в голову, она задрожала. Жалобно скуля, вытянув голову вперед, касаясь травы, повела длинной мордой то в левую, то в правую сторону, следом с трудом подняла ее и с печальным выражением глаз посмотрела вокруг и на небо. Если вся округа раньше боялась ее, то сейчас всех в округе, и на земле, и в небе, боялась она, которая за всю свою жизнь никогда не думала о том, что вокруг есть столько опасности и она может стать такой пугливой.

«Гордый Ташджюрек несколько дней ходил, возмущаясь тому, как собака, хотя и волкодав, посмела сопротивляться».

Волчица представила волчат, бегающих рядом с ней. «Они еще маленькие, слабые. Без матери прокормить себя не смогут. В следующем году собирались учить их охоте». Она посмотрела на небо, будто просила помощи. Отец и мать по законам волчьей жизни должны готовить волчат к суровой, беспощадной жизни зрелыми, сильными. Слабому волку нет места в жизни. Поэтому мы старших, отлучив от беззаботных игр, учили мастерству охоты. Ташджюрек был жесток к своим волчатам. Порою они, послушавшись, злили его. То потеряют по дороге добычу или попадут в зубы пастушьим собакам. Он срывался на них, а раз так ударил лапой, что один из них покатился по земле и растянулся. Когда я сделала по этому поводу замечание, дескать, как можно обращаться со своими волчатами так жестоко, он ответил: «Они должны расти настоящими волками. Это наказание за их несобранность. Если будут слабыми – жалеть их никто не будет. Станут пищей для сильных. Они должны уметь давать отпор пастушьим волкодавам. Без этого рожденные волками не станут ими». Старшие действительно выросли сильными по-волчьи. Когда шли в стае, всегда знали свое место. Знали, что того, кто нарушит порядок, вожак может согнать со стаи. Навсегда. Волку-одиночке сохранить свою жизнь в этом жестоком мире тяжело. Мы были за них спокойны.

«Где же они сейчас?» – забеспокоилась Сарыбет, будто хотела их увидеть. Посмотрела по сторонам, и на небо тоже посмотрела. Небо было чистое, темно-голубое, что вершины гор отдавались синевой. Посмотрела вниз и добавила: «Что же мне делать с маленькими? Отца нет. Сил у меня тоже нет. Кто же их накормит? Кто защитит от коршуна?»

Опять заурчал живот. Волчица не нашла сил повернуться. Пытаясь поднять голову, посмотрела вверх и увидела пикирующего беркута. Лишь успела крепко закрыть глаза. Крылья беркута вмиг накрыли ее тело. Он, клюнув несколько раз, лишил ее глаз. Волчица задергалась под ним, растянула ноги по сторонам, но собрать обратно уже не смогла. Они вначале судорожно задвигались мелкой дрожью, а затем застыли на месте. Беркут, размахивая крыльями, нашел себе удобное положение и...

Иса КАПАЕВ

Иса Суюнович Капаев – автор 40 книг на ногойском и русском языках. В 1975 году окончил Литературный институт им. Горького в Москве. В 1974 году дебютировал в журнале «Юность». Опубликованный в журнале рассказ «Верность очагу» удостоен премии журнала. В 1978 году книга «Есть такие парни» стала одним из победителей Всесоюзного литературного конкурса им. Н.Островского и была удостоена премии. Произведения писателя публиковались в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Дон», «Наш современник», «Роман-газета», «Литературная газета», «Литературные знакомства» и других. Книги писателя издавались во всех крупных издательствах нашей страны и за рубежом. Пьесы И.Капаева печатались в российских сборниках и журналах, ставились на сценах народных и государственных театров Северного Кавказа. Исе Капаеву присвоены почетные звания Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, Заслуженный деятель культуры РФ и вручен знак деятеля культуры Республики Казахстан. В 2006 году имя ногойского писателя вписано в энциклопедию «Лучшие люди России», а в 2016 году в энциклопедический словарь «Историки современной России». В 2020 году Иса Суюнович Капаев избран член-корреспондентом Российской академии естественных наук в области литературы и пропаганды знаний. В 2021 году за роман «Саманта» он награжден Большой Литературной премией России. В 2025 году при поддержке Президентского фонда культурных инициатив в Карачаево-Черкесской Республике прошли юбилейные торжества, посвященные 75-летию писателя. На торжествах его наградили Высшей наградой Союза писателей России «За заслуги в литературе». По творчеству И.Капаева неоднократно защищались кандидатские и докторские диссертации, изданы отдельные монографии, его произведения включены в программы для обучения в школах и вузах

В настоящее время является членом Федерального Совета программы поддержки национальных литератур народов РФ.

Карабатыр

Рассказ

Я вспоминаю аул моего детства и тогда вижу его лицо – лицо старика ногойца. А может быть, это и есть лицо аула? Ведь неотделим же лик человека от лика земли. Единственное абрикосовое дерево на его пыльном, соседствующем с нами дворе мне является иногда тоже в облике старика. Ведь люди и деревья бывают так похожи, если к ним внимательно приглядеться.

Порою мне кажется, что все это было очень давно, когда еще не существовало городов, а бескрайние ковыльные степи вздрагивали только под копытами ногойских лошадей, таких же неумолимых, как их всадники.

Вот он мчится ко мне, всадник, сквозь вихрь тысячелетий, и я узнаю в палящей дымке скуластое лицо старика ногойца за нашим плетнем. Вижу идущего на привязи сменного его скакуна. Всадник не хочет терять времени на остановки. Вот он выхватывает из тороки кусок пропитанного лошадиным потом вяленого мяса... Вот припадает иссохшими губами к небольшой ранке на холке коня, чтобы утолить жажду струйкой свежей крови...

Но куда и зачем спешит этот человек?

У ногойского народа черный цвет всегда был в почете. Кара тенгиз – Черное море, ближайшее из морей. Не за темные воды так оно прозвано, а за необъятность свою; море бескрайнее, словно ковыльная степь. Орел-каракус – черная птица. Нет величественней этой птицы в небе! Кара-халк – черный народ. Так подчеркивали древние ногойцы силу и многочисленность своего народа. Карабатыр – черный богатырь. Так зовут моего старика за нашим плетнем. Редкое по теперешним временам имя. Имена, как и мир, тоже меняются.

Мне кажется, что он никогда не знал минут радости. Вся его жизнь была борьбой за существование. Замкнутый, осторожный, ко всему враждебно-недоверчивый, готовый, казалось, в любую минуту к коварной хитрости... Разве это не повадки древнего кочевника? Но почему он остался таким и потом, когда все вокруг менялось в лучшую сторону?

Наши дворы разделял плетень, облепленный заплатами кизяка. Бабушка любила топить печь кизяком, хотя дров у нас было предостаточно. Среди ивовых прутьев плетня я знал одно место, откуда можно было увидеть двор старика Карабатыра. Возле саманной сараюшки на привязи всегда понуро стояла лошадь. Даже когда вышел запрет, старик все равно не расстался с лошастью: возил фураж, воду на полевой стан... В колхозе махнули на него рукой и оставили ему конягу. Они вместе состарились. Как давние товарищи, молча и привычно занимались своей работой – косили сено в дальней балке и отвозили его домой, запасали на зиму.

Я мог часами смотреть на эту лошадь, с хрустом жующую овес. У моего дедушки (тогда я жил у старшей сестры отца, ее я называл бабушкой, а ее мужа – дедушкой) были серый ишак и арба. Но разве сравнишь ишака с лошастью?! Этот ишак мне давно осточертел, я даже перестал на него взбираться, а при случае исподтишка норовил отхлестать ивовым прутком или забытой дедушкиной плетью. Потом этой же плетью доставалось и мне.

А если вдруг во дворе Карабатыра не оказывалось лошади, я все равно часами мог глазеть то на кур, то на кучу круглых речных камней, оставленных здесь еще со времен строительства дома.

При появлении старика я с непонятным испугом отводил глаза, но потом снова лънул к щели, понимая, что он меня не видит. Особенно было жутко, когда я ловил устремленный в мою сторону колючий взгляд. Со всех ног я неся к дому, а старик, загоня кур, злобно кричал: «Вот я вас, собачье отродье...» Но все же у высокого нашего порога я перебарывал страх и оглядывался, успевая заметить, как старик нагибался, хватал камень и кидал в бестолковую домашнюю птицу.

Ох, и боялся же я Карабатыра! Но тогда чем же он притягивал меня, что в нем мне казалось таинственным, что так будоражило мое детское воображение?

Жил он бедно. Но бедность эта не вызывала в ауле жалости к нему. Одет всегда был одет в посеревший старый ватник, ветхие, залатанные ватные штаны. Потертая кожаная шапка-ушанка, побуревшие от времени кирзовые сапоги. Носил он это и летом, и зимой.

Небольшой дом из трех комнат тоже был стар. В нем жили, кроме старика и старухи, еще и сын с семьей, и вдовья дочь с детьми – всего десять душ. Как они там размещались – уму непостижимо!

Говорят, был у Карабатыра еще один сын, старший. Он давно отделился и жил на другом конце аула. Еще поговаривали, что сын жил неплохо и совсем забыл про отца. Старик получал скромную по тем временам пенсию. О них так и говорили: «В этом доме и родственник, и друг – бедность». И еще ногайцы говорят: «Ярлылык – ялгызлык» – «Бедность – это одиночество». Может быть, потому наши соседи жили столь замкнуто?

На улице Карабатыр нехотя кивком отвечал на приветствия и молча проходил мимо. Люди знали его таким всю жизнь и не осуждали. Не осуждали даже за то, что, дожив до седых волос, Карабатыр не посещал ямагат, где собирались его ровесники поделиться новостями и обсудить дела.

Я не помню случая, чтобы Карабатыр переступил порог нашего дома, не помню его, заглядывающего к нам через плетень, – ведь могут же соседи перемолвиться словечком. Нет, такого не случалось. Ни жена его, ни невестка, ни внуки никогда не заходили в чужие дворы. Все это было для меня удивительно, но не настолько, чтобы разбираться и задумываться, – все было привычным.

Однако через двор Карабатыра, от следующих соседей, мы носили колодезную воду для домашней скотины. Точнее сказать, носил я. Бабушка всегда ругала меня за то, что хожу через чужой двор. Но мне, маленькому, неумоготу было с тяжелым ведром делать лишний крюк по улице.

Я знаю, почему еще ворчала бабушка. У аульчан, как, наверное, и всюду, существовала примета: человек с порожними ведрами приносит беду и разорение встретившемуся. Вот и ждал я случая, когда двор старика оставался пуст. Очень уж не хотелось тащиться вокруг. Иногда все же мне попадался навстречу сам старик Карабатыр. Затаив дыхание, я проходил мимо, не сказав обычного: «Арувсизбе?» («Как ваше самочувствие?») Всем взрослым я говорил эти обязательные слова – кроме старика соседа! Мне было мучительно неловко и стыдно оттого, что я не поинтересовался здоровьем старшего. Но, может быть, в этом был отчасти виноват он сам?

Однажды, когда я уже подросток и легко мог нести ведро с водой, я все же отправился к колодцу через двор Карабатыра. «Арувсизбе?» – пролепетал я ему, но он даже не повернул головы в мою сторону. Старший его сын тоже не отвечал мне на приветствие, но тот хотя бы взглядом давал понять, что меня слышит и видит. Жена старика хотя и равнодушно, но всегда тихо отзывалась: «Хорошо, душа моя».

Как-то, возвращаясь через соседский двор, я не заметил в огороде старика (он, согнувшись, окучивал картофель), да еще и забыл закрыть на крючок калитку. И лишь когда калитка за моей спиной резко хлопнула, я оглянулся и встретился с черными жгучими глазами Карабатыра. С его сомкнутых губ готово было, как мне показалось, сорваться проклятие. Но он промолчал, лишь чуть улыбнулся – то ли презрительно, то ли обиженно. Я отвернулся и заспешил к дому.

Таким он бы, наверное, и остался в моей памяти – молчаливым, неприветливым, внушающим непонятный страх, с суровым лицом и колючим взглядом, – если бы не тот день. Произошло это весной. Бывают такие весны, которые запоминаются потом на всю жизнь. И у меня была эта весна...

Небо сияло ясной голубизной. Вдали отчетливо блестели серебряные вершины гор. Близкие равнины покрылись яркой зеленой травой. Пригревало солнце. Пришла пора цветения абрикосовых деревьев. Цвели они и в нашем саду. И цвело единственное дерево у старика Карабатыра. Оно росло перед огородом, где только что посадили картофель и еще не сравнялись свежие лунки. Под деревом лежало старое бревно, на котором теперь часто сидел, грелся на солнышке старик. Прежде чем убежать на улицу к ребятам, я, по обыкновению, прильнул к плетню. Увиденное там, в соседнем дворе, меня поразило. На фоне черных перекопанных рядов картофеля, словно в какой-то сказке, светилось цветущее абрикосовое дерево. На бревне застыл старик, откинув обнаженную голову, подняв лицо к солнцу. Старая кожаная шапка лежала у него на коленях. Короткие серебристые волосы, казалось, тоже излучали легкое свечение. И смуглое морщинистое лицо старика было освещено нежным бледно-розовым светом. Глаза его были закрыты, а костлявая, черная от работы рука машинально гладила серебристый ежик на голове, лоб, щеки, подбородок. Лицо было каким-то отрешенным, по нему блуждала странная, блаженная улыбка. И от этой улыбки, как мне показалось, тоже исходил розоватый свет. Может ли быть такое, чтобы лицо человека источало свет? А может быть, это сама душа проснулась, очнулась – и засветилась? Да, именно так! Так я думаю и по сей день.

Впервые я долго смотрел на старика и не боялся. Он гладил голову, лицо, наклонялся к земле, показывая макушку с щеточкой поседевших волос. Улыбка не сходила с его губ. Потом, не меняя выражения лица, он повернулся в мою сторону. Наши взгляды, казалось, встретились, но я не отступил боязливо, как, бывало, раньше, а продолжал смотреть, ведь он не мог видеть меня. Вдруг Карабатыр раскрыл рот.

– Мальчик! Иди сюда, – по-стариковски ласково окликнул он меня.

От неожиданности я почувствовал дрожь в коленках, присел. «Неужели он меня видит?» – мелькнула мысль.

– Не прячься, я тебя вижу, – сказал Карабатыр все тем же ласковым голосом.

Словно пойманный на месте преступления, уличенный в чем-то нехорошем, постыдном, я готов был провалиться сквозь землю. Мои ноги подогнулись, и я чуть ли

не ползком, осторожно пробрался в сад, перелез через глиняный заборчик и побежал на улицу к приятелям, желая лишь одного – поскорее забыть о происшедшем.

Целую неделю – а это совсем немало для детской памяти – я не мог забыть о случившемся и пуще прежнего боялся встречи со стариком. Ведра с водой таскал в обход, боясь и на улице попасться ему на глаза. Но проходили дни, воду носить было надо – теперь уже двумя ведрами: хоть и тяжело, зато вдвое быстрее. По старой привычке я заглянул в соседский двор – он был пуст. И я рискнул. Сгребаясь от тяжести ведер, я заторопился, желая побыстрее пересечь чужую территорию, и тут мне навстречу вышел из сараюшки Карабатыр с щеткой для чистки лошади. Увидев меня, он улыбнулся, как тогда под деревом. Его зубы сверкнули на солнце.

Деваться было некуда, и я робко проговорил:

– Арувсизбе?

– Арув, мальчик, – неожиданно ласково отозвался он. Потом показал на то место, где я всегда стоял за плетнем, и добавил: – А ноги твои я всегда вижу...

Плетень ведь не доходил до земли, внизу была щель – как я о ней раньше не подумал? И мне вдруг сделалось отчего-то легко и светло. Я облегченно вздохнул, с благодарностью посмотрел в черные глаза старика. Нет, теперь я не боялся его. И совсем не страшное у него лицо! Я глянул на единственное абрикосовое дерево в его дворе – оно излучало, как и тогда, розовый свет. Потом я снова посмотрел на старика, и мне опять показалось, что это свечение исходит и от его смуглого обветренного лица, глаз, улыбки.

Он больше ничего мне не сказал. Я пошел к себе, чувствуя необыкновенную легкость в руках – не так уж и тяжелы два ведра с водой.

Я люблю подолгу всматриваться в картины художников-портретистов. Иногда мне ничего не удастся разглядеть такого, чего бы хотела, наверное, встретить моя душа. Но порою лицо на полотне вдруг оживает, и я ощущаю это трудноуловимое, но в то же время явственное свечение. Так, наверное, бывает с подлинными произведениями искусства. Свечение это для меня всегда несет легкий розоватый оттенок, как у того абрикосового дерева, как у лица старика, сидевшего под ним.

Не знаю, может быть, у других это свечение имеет иные оттенки?

Давно нет старика Карабатыра, нет и его двора с абрикосовым деревом и лошадкой, хрумкающей овес. Разросся и приобрел современный облик аул моего детства. Но мне все время кажется, что это было со мной не тридцать и не сорок, а может быть, тысячу лет тому назад, когда ногайская ковыльная степь заполнена была стуком копыт и свистом плетей. Я оставляю моего старика там, в глубине веков. Потому что история скупа и доносит до нас лишь память о жестоких битвах, о переселениях целых народов, о смене общественных формаций. Трудно в ней разглядеть одинокое абрикосовое дерево и сидящего под ним старика ногайца. Я его оставляю там еще и как укор той роскоши, в которой утопали неизвестные мне владыки. А он был простым тружеником, кочевником, недоверчивым и осторожным в том враждебном и опасном мире. Но и у него были минуты, когда он ощущал себя частью земли, частью солнечного мира, когда он радовался и поклонялся земле и солнцу. Эту способность древние передали нам, сегодняшним людям.

Я верю, что и там, за толщей тысячелетий, существовали такие же понятия, как и у нас, – теплота и нежность...

1983 г.

Мамет Кельдиев (из романа «Саманта»).

Братья были из малочисленного рода Кельдиевых. Кроме них, двух братьев, Кельдиевых в ауле не было. У них были родственники по материнской линии, но они тоже мало общались с ними. Внешне братья были очень похожи друг на друга. Оба смуглолицые, с очень узкими синими глазами, с крючкообразными носами, с жесткими черными усами, волосы на головах торчали ежиком и у обоих серебрились от седины. Только старший брат был на голову выше младшего. И, конечно, характеры у них были разные, даже можно сказать, что противоположные. Хотя они были из малоизвестного рода, братьев знали все, знали и за пределами родного аула. Все из-за того, что за ними были прикреплены довольно странные клички. Старшего брата имя было Умар, но как уже говорилось, все его звали Информацией, младшего Маульта называли Гондурасом. Клички прилипли к ним, когда они уже были взрослыми. Каждая кличка была со своей историей. Разобраться, почему у братьев разные характеры, было трудно. Даже если заглянуть в их недалекое прошлое. Об их детстве никто не помнил, сами братья тоже не помнили. Бывает же так. Отец у них был небольшого роста, здоровье у него было хилое, сам был малограмотный и очень молчаливый. Говорят, что ребенком он пришел в аул из каких-то других мест. Это было в начале тридцатых годов. В ногайских аулах был голод. Опустели аулы. Люди вымирали семьями. Семья Мамета вымерла полностью. Он остался жить каким-то чудом. В ауле не к кому было прибиться. И он, ребенок пяти-шести лет, ушел из аула вслед за проезжающей арбой, которая и привела его в этот маленький аул. Тут его и приютили сердобольные люди. Вырос он на задворках этих аульчан. Мариам, мать сыновей, тоже была молчаливой, высокой, худощавой женщиной. Она была синеглазая. Детям переданся цвет ее глаз. А во всем остальном было много непонятного. Ничего общего с родителями. Возможно, что старшего из братьев с отцом объединяла замкнутость, привычка стоять в стороне от всего, что происходит в ауле, подальше от власти, не замечать плохого, но и хорошему не восторгаться, жить тихо и молча делать свое дело. Но это мало кого характеризует, таких людей в ауле было много, и поэтому он был малозаметный. Вообще надо сказать, что оба брата были трудолюбивыми, они с большим упорством делали порученную работу. Их особо не ценили за это, но и не хулили. Кому-то в этом мире надо было работать. Наверное, это было у них от отца, с детства они не сидели без дела, пасли гусей, овец, когда было необходимо, подсобляли отцу, косили траву, занимались огородом. Старший сын сразу после окончания седьмого класса стал работать в колхозе, во время пахоты был прицепщиком, а в холодную пору работал скотником на ферме. После он призвался в армию, но и там никакой профессии не обрел. Младший брат после восьмого класса выучился на курсах шоферов и стал водителем. Он был совершенно противоположного характера. Разительно он отличался и от отца.

В жизни отца Мамета в послевоенное время произошло одно происшествие, о котором долго вспоминали в ауле. В основном помнили люди старшего поколения. Сегодняшние и даже кое-кто из знавших в лицо Мамета плохо разбирались в этом деле. Поэтому оно предавалось забвению. Сам отец ничего никому не рассказывал. Даже обыкновенных вещей. Со слов аульчан было известно, что Мамет был пришлый,

поначалу переходил из семьи в семью, затем воспитывался на руках аульчанина, у которого не было своего сына, а были дочери, с которыми и рос Мамет. Аульчанин относился хорошо к сироте, у него даже было намерение из воспитанника сделать своего наследника, дать ему свою фамилию. Но началась война, его призвали на фронт, оттуда он не вернулся. Говорят, что он погиб где-то под Харьковом, среди мертвых и живых не числился, таких людей с первого призыва на фронт было много. И Мамет стал работать совсем малым подростком, всю войну он пас колхозных телят. После войны, когда жизнь несколько урегулировалась, его сделали арбачи, возницей. Мамета по состоянию здоровья в армию не взяли. Он был очень худой, похрамывал на одну ногу. Названные сестры, а их у него было три, одна за другой вышли замуж. Мамет остался один. Сестры позаботились о названном братце. В то время был большой дефицит мужчин. Они-то и уговорили одну из своих подруг выйти за него замуж. Мариам деваться было некуда, она была из многодетной семьи, старшей, ее подпирали другие сестры, тогда выходили замуж строго по старшинству. Мулла совершил нека – бракосочетание, собрались человек десять родственников с обеих сторон, съели пару куриц, попили чай, ни гармошки, ни песен – вот и вся свадьба. В то время было модно, чтобы в свадебной одежде невесты обязательно были фабричные туфли на каблуках. Если их не было, то одалживали: у подруг, у родни. Но Мариам вышла замуж в домашних тапочках, туфель не было, и ей не особо хотелось подчеркивать свой рост. У молодоженов, кроме потрескавшейся саманной хаты под камышовой крышей, ничего не было, из утвари старая, выдавшая виды деревянная посуда, для всех приготовлений один чугунный казан, столик-сыпра с двумя табуретками, ветхий тахтамат – деревянный лежак, деревянные ведра и коромысло, чтобы принести воды с Кубани. Родственники со стороны невесты подарили телку. Скоро в доме появилось молоко. Мамет с утра до вечера пропадал по колхозным делам. Мариам приводила в порядок дом и занималась огородом. Пережили послевоенную засуху. Жили бедно, много чего не хватало. Мамет никаких наставлений ей не делал, жена занималась хозяйством на свой лад. Мамет свою работу выполнял хорошо, во всем слушал председателя колхоза. Алимурза – фронтовик, председатель колхоза, жалел его и доверял ему свои личные дела. Мамет был не словоохотливый человек, а это было важно для председателя. Как бы ни был занят на работе, он успевал накопить сена и для председателя, и для себя, накошенную траву отвозил во двор председателя, а после привозил и себе. Надо было накормить лошадь и корову. От лошади и коровы зависела вся жизнь. Засуху преодолели, жизнь тоже стала поправляться. Появился новый урожай. Иногда председатель велел отвезти зерно к себе домой. В этих случаях зерно доставалось и Мамету. Конечно, он получал зерно и за трудодни. Но его было так мало, что полученной из зерна муки никогда не хватало, к концу зимы она полностью иссякала. А надо было иметь продукт питания до следующего урожая. Хлеб был дороже золота. Хотя такие люди, как Мамет, в глаза не видели золота. Еще когда был жив Сталин, у них родился первенец, второй родился чуть позже. Жизнь в ауле улучшалась. Благодаря председателю он исправлял свое положение. Сам немного поправился.

В тот день Мамет с тока отвез во двор председателя три мешка пшеницы. Мешки он замаскировал под накошенную травой. Нельзя было, чтобы кто-то увидел. Когда они с председателем унесли два мешка с арбы в председательский сарай, Мамет

собирался пойти за третьим мешком. Председатель его остановил: «Третий мешок тебе», – сказал он мягким голосом, положив руку на его плечо. С этого урожая до этого он, таким же образом, после председателя, отвозил домой по полмешка. Он не ожидал такой щедрости. Но, как говорят: «Не всегда коту масленица». После радости обязательно должно было что-нибудь случиться. Темной ночью беда постучалась в их дом. Стучали в окно и кричали на русском языке:

– Кельдиев, открывай! Твою мать, вражина!

Недавно сомкнувший глаза Мамет проснулся от этого крика. Проснулась и жена.

– Что случилось? – спросила шепотом она, боясь разбудить спящих детей. Вся семья спала на тахтамате, укрывшись овчинными шубами, младший спал в колыбели.

– Открывай, Кельдиев! – орал снаружи голос, продолжая настойчиво стучать по стеклу.

Мамет как был в нижнем белье, протирая глаза, поспешил к двери.

– Может, бандиты?! – кинула вслед Мариям.

– Какие бандиты? По-русски же говорят, – ответил хозяин и, выйдя в сени, отвернул вертушку запора.

– Мы явились вас арестовать! – рыкнул мужской голос.

Из-за яркого лунного света Мамет разглядел офицерскую фуражку и перекинутый через плечо ремешок, на конце которого висел планшет. И, поняв, что все серьезно, он отступил в сени. Ночной гость, нагнувшись, прошел через двери и грубо втолкнул Мамета в комнату:

– Одевайся! Поедешь с нами! – сказал он и, оглядев комнату, прикрикнул, – Зажги лампу, душпан!

От крика проснулся младенец в колыбели. Жена поспешила взять на руки ребенка и стала убаюкивать. Мамет стоял ошарашенный. Он по-русски плохо понимал, знал только некоторые обиходные слова. Ребенок не успокаивался. Мать быстро качала в руках младенца. Гость вытащил из кармана спички и зажег одну. Он осветил комнату и, увидев на подоконнике керосиновую лампу без стекла, схватил ее и поставил на низкий столик-сыпра. Затем достав вторую спичку зажег ее и приставил к фитилю лампы. Когда зажглась лампа, он взяв ее в руки, осветил женщину с плачущим ребенком, а затем направил свет на Мамета:

– У-у! Морда фашистская! – прикрикнул он.

Мамет весь затрясся от страха. Ребенок заорал пуще. Перепуганная мать стала трясти младенца еще сильнее. Гость поставил лампу на столик-сыпру, после важно достал планшет, раскрыл его, вытащил из нагрудного кармана гимнастерки огрызок карандаша, пододвинув табуретку, сел и, положив планшет на столик, собрался писать:

– Фамилия? – закричал он.

Мамет вытянулся в струнку, не зная, что сказать.

– Фамилия? Мать твою, Кельдиев! – рыкнул гость.

– Не понимай... – выдавил из себя хозяин дома.

– Кельдиев! – проговорил мужчина, делая вид, что пишет на заложенном в планшет листке, резко поднял голову и громко крикнул, – Имя, отчество?! – Мамет молчал, – Ну, дурак дураком! Одевайся! Тюрьма! Тутнак! (Тутнак – тюрьма).

– Зачем тутнак? – взмолился Мамет.

– Потому что: воровайт! Тебе положено тутнак! Десять лет!

Мамет сел с краю тахтамата и заплакал, прикрывая глаза ладонью. Жена не в силах была успокоить ребенка. От слова «тутнак» она сама заплакала навзрыд. От ее рыдания проснулся и старший сын, он испуганно прижался к матери. Ночной гость выдержал паузу, затем кулаком хлопнул по столику и прикрикнул:

– Молчать!

Но никто не собирался молчать. Тогда гость сложил планшет, положил карандаш в нагрудный карман, подняв лампу, осветил лицо Мамета:

– Выйдем! – приказал он.

Мамет, не поняв приказа, утирал слезы. Гость свободной рукой потянул хозяина за холщовую нижнюю рубаху. Выведя Мамета, он прикрыл двери комнаты с плачущей семь ей.

– Воровайт?! – прикрикнул гость.

– Не понимай, – прошептал хозяин.

– Председатель воровайт! Ты! – ткнул пальцем в грудь хозяина, совсем близко осветил его лицо, – Тоже воровайт!

– Не!

– Председатель воровайт, ты воровайт! – повторил он.

– Не видал, – пробормотал Мамет.

– Мать твою! – по-ногайски выругался гость и, близко приставив лампу к лицу, рыкнул. – Зерно есть?!

Мамет вопрос понял и, подойдя к закрому, открыл крышку. Гость осветил лампой содержимое закрома:

– О-о! Зер гут! – сказал он по-немецки, затем по-ногайски приказал. – Насыпай в мешок, да побыстрей!

Мамет, не мешкая, достал мешок, и стал засыпать обеими руками в него зерно. В комнате, где осталась семья, рев приутих.

– Дезертир Мамет Кельдиев! Тюрьма по тебе плачет! Десять лет самое малое! – приговаривая по-ногайски, смотрел как насыпается зерно.

– Не видал, – бормотал Мамет, даже не обращая внимания на то, что гость с ним говорит на родном языке.

Когда хозяин насыпал более половины мешка пшеницы, гость потрогал рукой мешок и приказал:

– Хватит! Завязывай и подымай! – Когда Мамет взвалил на спину мешок, сказал, – Пошли за мной.

Во дворе возле калитки был привязан оседланный конь. Дойдя до коня, гость приказал:

– Ставь на землю!

Мамет поставил мешок на землю. Гость передал лампу хозяину и, подняв мешок, как бы взвешивая, завязал его и кинул перед седлом, затем одним махом лихо вскочил на коня:

– Тюрьма! Тутнак! Десять лет! – пригрозил он и ударил коня каблуком правого сапога по боку задней части.

Он долго смотрел в темноту, откуда еще долго слышался стук подков по каменистой почве.

Когда вернулся в дом, семья совсем притихла. Старший сын, натянув на себя овчину, похрапывал. Младший, не издавая звуков, лежал в колыбели. Жена, разглаживая лоб, еле слышно проговорила:

– Спаси нас, Всевышний!

Мамет поставил лампу на стол и, сделав глубокий вздох и выдох, сел с краю тахтамета.

– За что тутнак? За что? – шептали его губы.

– Отец моих детей, – тихо обратилась жена. – А он на Адемю похож, что через дом живет?

– Похож-то похож. А говорит-то на русском языке! Нет! Это НКВД! Председателя тоже обвиняет, хочет, чтобы я его очернил. Председатель мне как отец! – Мамет заплакал.

– А что ты сказал?

– Сказал: «Спасибо, что не видал!» – муж проговорил смешанное на ногайском и русском языках выражение, оно часто применялась в тогдашнем разговоре аульчан.

– Что же будет?! Аллах мой! – зашептала жена, быстрыми движениями разглаживая лицо.

Все последующие дни Мамет ходил сам не свой.

Это были проделки известного в ауле пропойцы и драчуна Адемю. Фронтювика. А фронтювики тогда бедокурили, вели себя заносчиво по отношению к остальному населению. Особенно Адемю. Он вернулся с войны дважды раненный, при орденах и медалях. Без водки он не мог жить, а напившись, скандалил почти со всеми, часто дрался, а дома до полусмерти избивал жену, которая часто убегала от него огородами к соседям. Как-то она даже пряталась до утра и у Мамета дома. К Мамету он наезжал еще несколько раз, пока полностью у не иссякло собранное зерно. Дармовое зерно Адемю вез в аульский сельмаг и там у русского продавца Кости обменивал на водку. Водку пропивал со своими друзьями. Конечно, такие люди, как Адемю, не умели держать в тайне свои проделки. Чтобы позабавить друзей, он бахвалился, поведал им эту комическую ситуацию. Мамет же до тех пор, пока об этом не узнал председатель колхоза, не мог понять, что это не Адемю. Он жил с бедой в сердце и со дня на день ждал, как к нему явятся энкавэдэшники. И смех, и грех!

О проделках Адемю председателю Алимурзе рассказал один из аульчан. Он такого не мог потерпеть. От услышанного он побагровел, приказал срочно привести Мамета. Когда Мамет зашел, Алимурза яростно затопал сапогами по полу.

– Ты чего молчал?! – гневно закричал он.

– Я думал, это нашальник, – пробормотал под нос Мамет.

– Какой нашальник?! Это пьяница Адемю!

– Я думал НКВД, – виновато сказал Мамет.

Сидевшие в конторе колхозники заулыбались.

Председатель, задыхаясь от возмущения, затеребил воротник кителя:

– Вы посмотрите на него! Адемю энкавэдэшник? Ты же каждый день видишь его?! Он твой сосед!

– Днем он Адемю, а ночью он НКВД! Они же не говорят, кто они, – простодушно сказал Мамет.

Колхозники засмеялись, но логику в словах Мамета уловили.

– Коня! – закричал взбеленившийся председатель. Он резко встал, оттянул полы военного кителя, поправил на груди орден Красной Звезды, хотел взять лежащую камчу, но передумал, махнул рукой и снял висящий на стене хлыст с длинным, как черная змея, плетением, громко стуча каблуками о пол, вышел наружу, на крыльцо.

Когда подвели коня, Алимурза, как молодой джигит, с крыльца запрыгнул в седло. Утром он видел сидящую у оврага кампанию Адемея. Ему давно хотелось проучить аульских забулдыг. Особенно Адемея – главного зачинщика. Кампания тоже заприметила мчащегося на коне председателя. Адемей привстал над сидящими и, широко улыбаясь, выставил навстречу всаднику свое раскрасневшееся лицо. Когда конь Алимурзы резко приостановился возле него, развязно проговорил:

– Ну, как маршал Рокоссовский!

– Ты чего распоясался?! Ты чего над людьми издеваешься?! – громко закричал Алимурза.

– Ох, ты! Это над кем я издеваюсь?! Поубавь свой пыл!

– Я тебе поубавлю! Коротышкой сделаю! Чего ты над Маметом измываешься?!

– Ах, над Маметом! Над этим дезертиром?!

– Никакой он не дезертир! Он фронт поддерживал и твою семью кормил! Пьянчужка!

– Ну, ты гад! Я кровь проливал на фронте! – заорал Адемей, рванув ворот своей гимнастерки.

– Это тебе за гада! – Алимурза наехав на коне, хлестнул хлыстом Адемея.

– Больно! – вскрикнув, Адемей сквозь зубы процедил, – Падло!

– А это за падло! – еще раз хлестнул председатель.

Адемей отскочил в сторону и стал искать камень:

– Падло! Да я тебя! – еще раз процедил сквозь зубы он.

Но председатель не отставал, опять и опять наезжал на коне и хлестал. Адемей отбежал как можно дальше, принял бойцовскую стойку, затем быстро сунул руку в рот и, вытащив съемные челюсти, засунул их в карманы галифе. Он часто в драках разбивал свои челюсти и ему приходилось за новыми ехать в город.

– На безоружного, слезай с коня, посмотрим кто кого! – заорал Адемей.

– Не буду я о тебя марать руки! Если еще раз выдашь себя за кого не следует, за компрометацию органов я тебя на Колыму отправлю! – закричав, Алимурза со всей силы хлопнул хлыстом о землю, рядом с Адемеем.

Адемей отскочил в сторону, но свою прыть не убавил:

– Ой, ой! Посмотрим, кто на Колыму пойдет?! – зашепелявил он беззубым ртом.

– Я тебе сказал! Еще раз повторится – по полной программе загремишь! – погрозив хлыстом, Алимурза развернул коня и умчался...

После случившегося происшествия Адемей экзекуцию над Маметом не производил. Об этом случае люди старшего поколения часто рассказывали друг другу. Умилялись над поведением Адемея, удивлялись наивности Мамета. Но умерли фронтовики: и Адемей, и председатель колхоза Алимурза, вслед за ними умерли Мамет и его жена. История потеряла ценность. Даже Информация, наслышанный об этом, не знал сути происшедшего, не мог в деталях рассказывать об этом. У него и память была плохая, и не мастак был он говорить, пересказывать. Подробный рассказ об этом он услышал на сороковинах покойного отца. После того, как мулла прочитал молитвы

и поели ритуальные кушанья, люди разошлись, а седобородый аксакал Ажи-гирей, позвав его, усадил на скамью и неторопливо рассказал всю историю.

– Простодушный был Мамет, пусть в раю обретет место, – добавил аксакал.

– Интересно, а кто дети этого Адемея? – спросил Информация.

– Кто, кто?! А ты не знаешь? Павлик Морозов! Правда, эта кличка к нему плохо прилипла. С его кличкой такая история. Сын Адемея после окончания института стал работать в профкоме совхоза. Так он на первом же собрании заявил, что надо завести персональное дело на коммуниста Адемея Бекова. После люди долго Темирбека называли Павликом Морозовым из-за того, что он пошел против родного отца.

– Вот это да! Темирбек сын Адемея? Раньше, пока не переехали, они жили рядом с нами. Интересная информация!

– А ты не знал?

– Откуда мне знать? Нас, детей, в такое не посвящали.

– Так знай: Адемея сын Темирбек. Он же Павлик Морозов! Так мы, взрослые, называли за спиной. Семья-то была нехорошая. И сын, как и отец, был драчливый, затем он стал работать в городе профсоюзным деятелем. Поднялся. Все его звали Темирбек Адемеевич или просто Красный Темирбек. А Павлик Морозов была слишком обидная кличка, ею обзывали за спиной. За нее Темирбек мог по морде дать.

– Удивительно! – произнес сын Мамета, тогда он еще не носил свою кличку.

Чтобы там ни говорили о Мамете, он вырастил своих сыновей. Успел и поженить обоих. Даже успел отделить старшего Умара и вселить в небольшую мазанку.

Джамиля делает лето

Рассказ-быль.

Все ожидали зиму, а ее не было. Часто шел дождь, с востока дули ветра, иногда стояли настоящие весенние деньки. Хотя давно минул Новый год, не было самой главной приметы зимы – снега. У нас на Кавказе, нет-нет, да и бывают такие теплые зимы. Особенно дети с нетерпением ждали снега. Им поскорее хотелось достать из чуланов и кладовок припрятанные санки, ботинки с коньками, хоккейные клюшки и шайбы, чтобы вдоволь насладиться настоящими зимними играми и забавами.

Джамиля тоже ждала зиму. Ей было всего три годика, и она еще по-настоящему не узнала, что такое снег. В прошедшем году она была совсем маленькой: прошлая зима была с затяжными вьюгами и очень холодной, папа с мамой редко выводили ее на улицу, так как она часто болела – из-за этого она толком и не запомнила эту пору года. В этом году она подросла, окрепла, и ей очень хотелось увидеть снег.

Брат ее, Каплан-гирей, каждое утро подбегал к окну и с сожалением произносил:

– Опять нет снега, что за зима?! Что за жизнь?!

Джамиля тоже надувала губы и, поддерживая брата, говорила с огорчением:

– Что за жизнь без снега?..

В тот день папа встал раньше всех и, зайдя в детскую, торжественно сказал:

– Дети, а у нас настоящая зима!

– Ура! – закричал Каплан-гирей, выскакивая из-под одеяла, затем, подбежав к окну, воскликнул: – Ого! Сколько снега!

Джамиля тоже подбежала к окну и, затаив дыхание, повторила за братом:

– Ого! Сколько снега!

Каплан-гирей быстро умылся и поторопил маму с завтраком. Позавтракав раньше всех, он оделся и выскочил на улицу. Через некоторое время вернулся с налипшим на одежду и обувь снегом. Лицо его покраснело от холода. Он не скрывал своего восторга:

– Мама, как там хорошо! Если б ты знала! Всюду снег!.. У всех ребят санки. Я тоже хочу кататься. Дайте санки и мне.

Мама вытащила из кладовки санки. Брат Джамили как быстро прибежал, так же моментально исчез из дому.

Джамиля, сидевшая за завтраком, нахмурилась, отодвинула от себя тарелку с едой.

– Что с тобой? – спросила мама.

– Что с тобой, доченька? – встревожился и папа.

– Санки хочу, – готовая расплакаться, сказала Джамиля.

Дома кроме тех санок, что забрал Каплан-гирей, других не было. Папа, сразу все поняв, сказал:

– Мама будет нам готовить обед, а мы с тобой пойдем на Зеленый остров.

Джамиля, услышав про Зеленый остров, даже обрадовалась. Место, о котором говорил папа, находилось за городом. Папа все лето водил ее туда. Там они катались на качелях и каруселях, заходили в сказочные теремки, ездили на тачанке, в которую был запряжен пони, загорали и купались в озере. Джамиле очень понравился этот парк на острове, она знала, что и зимой там хорошо.

В автобусе, по дороге на Зеленый остров, Джамиля не отрывалась от окна и с удивлением смотрела на заснеженную улицу. Ее волновало, как все могло побелеть, почему так сильно изменилась природа? Не переставал волновать этот вопрос и тогда, когда они спустились и перешли через мостик на территорию Зеленого острова. Здесь, на знакомых ей тротуарах, снег не убирался. Обувь вязла в белом снегу. Джамиле очень хотелось потрогать снег руками, но папа не отпускал ее руку. Первым не выдержал папа, он отпустил руку девочки, нагнулся, сгреб в руки снег, сделал снежок и швырнул его далеко, в сторону деревьев. Джамиля, отойдя от папы, тоже нагнулась и потрогала пальцами снег.

– Не бойся! Сделай снежок! – подбодрил ее отец.

– Ладно, – сказала Джамиля и, взяв в руки снег, попробовала на язык.

Папа рассмеялся.

– Вкусный? – спросил он.

– Нет. Совсем не сладкий, – улыбнулась Джамиля.

– Это не мороженное, это снег, – объяснил папа.

– Я думала, что это сахар, – и Джамиля еще раз попробовала его на вкус.

– Его нельзя кушать, будет горлышко болеть, – наставительно проговорил папа и, отдав свой снежок Джамиле, взял ее за руку. Они пошли дальше по аллее.

Джамиле было интересно все вокруг. Ее глаза разбегались, и у нее сразу возникло немало вопросов.

– Папа, а почему на деревьях нет листочков?

– Они будут летом.

– А куда они сейчас подевались?

– Осенью они падают с деревьев, зимою находятся в земле, а летом снова вырастают.

– Вот как? А я и не знала, – удивлялась Джамиля и тут же задавала новый вопрос. – А цветы где? Здесь так много их было! – она хорошо помнила растущие на газонах огненно-красные петушки, белые и желтые розы на зеленых кустарниках.

– Они тоже вырастут летом.

– Вот как? А я и не знала! – продолжала удивляться Джамиля.

Вдруг она увидела стоящего впереди на аллее верблюда и обомлела. Она помнила его с прошлого лета. Верблюд жил тут же, в парке. Она с папой даже подносила ему травку, но сейчас все равно было боязно, и она на всякий случай подвинулась ближе к отцу. Когда они его прошли, Джамиля, все оглядываясь в сторону верблюда, спросила:

– Он весь дрожит! А ему не холодно?

Папа остановился и, показывая рукой в сторону животного, сказал:

– Видишь, какая у него длинная шерсть, она очень теплая. Из его шерсти сделаны наши домашние одеяла.

– Ого! Целое одеяло на верблюде! – воскликнула Джамиля.

Пройдя немного по аллее, она посмотрела на деревья и спросила:

– Папа, а деревьям без листочков не холодно?

Папа растерялся, стал думать, как ответить. Джамиля поняла растерянность отца и сама ответила:

– Они, наверное, привыкли к снегу, да?

– Конечно, – обрадовавшись, поддержал ее отец и повел девочку в сторону озера.

Джамиля озеро не узнала. Летом из-за густых зеленых ив, растущих на берегу, не было достаточного кругозора, а сейчас сквозь оголенные деревья хорошо было видно озеро, похожее на огромную белую чашу.

– Летом мы здесь купались, помнишь? – спросил папа.

– Купались? – вопросительно ухмыльнулась Джамиля. – А где же вода?

– Вода замерзла, превратилась в лед, – сказал папа.

– Как в холодильнике?

– Да, – сказал папа.

Джамиля покачала головой, это было для нее удивительным.

После Джамиля с папой катались на санях с запряженным маленьким пони. Джамиле было очень весело. Затем прошли к качелям и карусели, где никого не было, к такому же безлюдному сказочному городку с деревянными теремками. Вскоре у Джамили замерзли руки. Папе пришлось дышать на ее руки, и он еле-еле отогрел их. Он велел дочери держать руки в карманах, потому что она забыла надеть варежки. Но вскоре у Джамили стали мерзнуть ноги. Папа, чтобы ноги согрелись, велел прыгать на одном месте или идти к автобусной остановке. Джамиля закапризничала, ей никак не хотелось покидать Зеленый остров. Тогда папа поднял ее на руки:

– Зайдем к дяде художнику, его мастерская недалеко от озера, – и он понес ее на руках.

Когда они пришли в мастерскую, художник стоял у мольберта и, глядя в окно, рисовал.

– Гости дорогие, заходите, – обрадовался бородатый дядя.

Джамиля подошла к нему и спросила:

– Дядя Художник, а что вы рисуете?

– Я рисую зиму, снег, – ответил дядя Художник.

– А почему вы рисуете зиму, снег? Я замерзла. Я хочу, чтобы вы нарисовали лето, – смущенно сказала Джамиля.

– У меня есть картины, на которых нарисовано лето. Я тебе сейчас их покажу. А чтобы ты согрелась, сейчас поставим чай и будем его пить с яблочным вареньем.

Дядя Художник поставил чайник на печку и стал показывать картины с нарисованным летом. Джамиля с большим интересом рассматривала нарисованные цветущие яблони, ярко-желтое подсолнуховое поле, растущие на зеленом берегу белые ромашки, голубое небо с ярким солнцем, от этого ей в самом деле стало тепло.

– Я согрелась от лета, – сказала она и даже сняла свое синее пальто и красную вязанную шапочку.

Затем все они вместе сели за стол пить чай с яблочным вареньем. Чай был вкусный, а еще вкуснее кисло-сладкое варенье. Джамиля, хотя и знала, что это нехорошо, но не могла сдержаться удовольствия и после каждого глотка с восторгом чавкала. Всем было хорошо в наполненной множеством картин теплой мастерской. Много говорили, много шутили. Дяде Художнику не хотелось расставаться с гостями, и только когда стало темнеть, он проводил их до автобусной остановки.

Джамиля вернулась домой довольная прогулкой. Мама хотела позвать ее к столу кушать, но усталая Джамиля прилегла на диван и тут же уснула. Мама пыталась ее разбудить – все было напрасно, тогда она осторожно раздела ее и уложила в свою кроватку.

Ночью Джамиля кашляла, у нее болело горло, поднялась температура. Сквозь сон она слышала, как мама ругала папу за то, что позволил ей есть снег, и за то, что так долго гуляли на холоде. Мама и папа всю ночь ухаживали за больной Джамилей. Наутро у нее совсем пропал голос. Она пыталась что-то сказать, но ни единого звука не выходило из ее рта. Мама сильно разволновалась и послала папу за лекарствами в аптеку. Каплан-гирей, как только поел, опять убежал на улицу. Мама пошла на кухню, чтобы приготовить что-нибудь вкусное. Джамиля заскучала одна в комнате. Она встала с кровати и, взяв со стола альбом и цветные карандаши, легла обратно в постель.

Через некоторое время папа вернулся с лекарствами.

– Что ты делаешь? – спросил он.

« Я делаю лето », – хотела сказать Джамиля, но у нее только шевельнулись губы.

Папа взглянул на рисунок и, увидев на нем нарисованное голубое небо, желтое солнышко, деревья с зелеными листочками и разные цветы, догадался, что Джамиля рисует лето...

Вскоре Джамиля выздоровела, но рисовать не бросила, рисовала каждый день... А когда подросла еще на год, то ее рисунок взяли на проходившую в городе выставку детского рисунка.

Перевод с ногайского

Владимир РОМАНЕНКО

Владимир Петрович Романенко – член Союза писателей России, член Союза фотохудожников России, кандидат технических наук, кандидат филологических наук, доктор Философии Оксфордской образовательной системы, действительный член Европейской академии естественных наук, заслуженный работник Культуры РФ и КЧР. Живет в Зеленчукском р-не Карачаево-Черкесской Республики, работает в Специальной астрофизической обсерватории РАН с 1 июня 1978 г. С первых дней появления в Карачаево-Черкесии проявил себя в искусстве как поэт, писатель, драматург и фотохудожник. Перу В. П. Романенко принадлежат поэтические сборники, повести и рассказы, пьесы – всего более 20 книг. Среди его произведений прозы есть и романы – «Тайна золотого Голду», «Товарищ лейтенант», «Поздние жаворонки». Одним из самых значительных событий в литературной жизни Карачаево-Черкесии стала публикация сборника «Легенды Архыза». В последние годы вышло также четыре литературно-художественных фотоальбома.

Архызские сказания

Сказание о Суук-Джюрек

Давно это было, очень давно, так давно, что точно никто и не помнит, когда ...И земля была совсем другая – в лесах и в горах было обильно зверя и птицы, реки были глубоки, а трава была такая густая и высокая, что не видно было человека, а то и всадника, который пробирался по полевой тропе. И люди, которые жили на этой земле, были совсем другие – ее заселяли гордые великаны, сильные и красивые, мирные и щедрые, и пасли они своих овец, растили своих детей, строили свои дома из крепкого камня. А когда приходил в такой дом гость – будь то случайный путник или долгожданный друг, встречали его добрым кубком настоянных горных трав, чашей айрана и лучшим куском баранины из котла. И был такой гость в доме самым почитаемым и самым дорогим человеком, а когда уходил он, дарили ему еды на семь дней и провожали до тех пор, пока он сам не скажет, что дальше

может идти или ехать без помощи. И был в этих местах большой и богатый аул, в котором жили юноша по имени Карабек и девушка, которую звали Алтынкыз. С ранних дней детства знали они друг друга, и когда выросли, пришла к ним любовь, светлая и чистая как небо над горами в ясный осенний день. Прошло время, и Карабек стал настоящим джигитом, сильным и статным, с черными, как смола, кудрями. И Алтынкыз стала первой красавицей, да не только в родном ауле – из самых дальних мест приезжали знатные гости посмотреть на нее и посвататься, богатые дары предлагали и ей, и ее отцу, но всем отказывала красавица.

– У меня уже есть жених – самый красивый и самый лучший на земле – мой Карабек, только его люблю и только ему отдам свою руку, – говорила она, когда кто-нибудь просил ее покинуть вместе с ним родительский кров. Сядут, бывало, Карабек и Алтынкыз вместе верхом на лихого скакуна, и помчатся по долине быстрее воды в реке, быстрее самой резвой косули. Смеется от радости Карабек, смеется от счастья его невеста и выются ее золотые волосы по ветру. Потому и назвал ее отец таким красивым именем – Алтынкыз – золотая.

Однажды проезжал через аул знатный князь из соседней страны и остановился он на ночлег в доме родителей Алтынкыз. С большими почестями приняли и его, как самого желанного гостя, но увидел князь юную красавицу и потерял после этого и сон, и покой. А наутро пришел он к отцу Алтынкыз и сказал:

– Что хочешь тебе отдам! Табуны попросишь – все отдам, саблю золотую попросишь – любую выбирай, денег попросишь – бери хоть всю казну! Только дай мне в жены твою красавицу дочь!

На это отец красавицы ему ответил:

– Счастье моей дочери принадлежит только ей одной и больше никому. Ее и спрашивай, как она решит, так и будет.

Бросился тогда князь к Алтынкыз просить ее стать женой, но Алтынкыз и ему рассказала о Карабеке. Рассвирепел тогда князь и закричал:

– Не пойдешь добром – силой возьму! Весь аул ваш сровню с землей, если захочу, все ваши джигиты падут от метких стрел и острых сабель моих бесчисленных всадников, и будут над ними кружиться черные вороны! А первым из убитых будет твой Карабек! И будешь ты все равно качаться поперек моего седла.

Сказал так князь и ускакал прочь. А уже через двадцать дней вернулся он к аулу с несметным числом своих воинов. Все джигиты вышли им навстречу с оружием, и когда сошлись они в долине для битвы, земля загудела от топота коней, а воздух зазвенел от ударов звонких сабель. Мало было их – защитников аула. Один за другим падали они на землю, сраженные в схватке, и скоро только Карабек остался отбиваться от наседавших на него захватчиков. Но слишком неравны были силы, и Карабек тоже погиб в бою под ударом сабли.

Когда князь ворвался во двор Алтынкыз, вышла она из дома и сказала:

– Ты хотел завоевать мое сердце, князь? Тебе это удалось, возьми его, вот оно!

Рассекла она ударом кинжала свою грудь, вырвала из нее сердце и бросила к ногам князя. Замер князь, потрясенный увиденным, и больше не смог сдвинуться с места, так и застыл навсегда...

Прошли века, все погибшие в тот день окаменели и превратились в горы.

Высоко в небо подняла вершину Рыжая гора, а у ее подножья плещется озеро Суук-Джюрек-Кель, повторяющее своими очертаниями сердце – остывшее сердце Алтынкыз. Недалеко от нее высится Карабек – черная гора с двумя вершинами – джигит, рассеченный надвое саблей. А на месте древнего аула появился новый – аул Архыз. Остыло живое сердце красавицы, но в нем осталось столько любви, что каждого, кто коснется воды Суук-Джюрек, тоже ждет любовь, светлая и чистая, как ясное небо, которое отражается в нем в солнечный день...

Сказание про Перстень Удачи

В горах Западного Кавказа, там, где небольшая горная речка Кяфарь выходит из сырого лесистого ущелья, сохранились развалины древнеаланской крепости. Мощные стены укрывали, когда-то царский дворец, церкви византийской постройки, кладбище, на котором хоронили царей и их приближенных.

Больше тысячи лет назад здесь жил могущественный владыка Алании по имени Агур и владел он несметными богатствами и неисчислимым войском, правил своим государством сильно и мудро, преумножая его влияние и славу из года в год. Но больше всех богатств дорожил он серебряным перстнем с камушком из лазурита, который когда-то ему привезли из Страны Пуштунов в подарок к двадцатилетию. И не то чтобы перстень этот был очень уж дорогим или редкостным, но, когда носил его Агур на правом безымянном пальце, удача сама шла к нему в руки: все торговые сделки оказывались выгодными, все битвы завершались его победами, все болезни обходили стороной и его, и его царство. Когда у царя родился сын, назвал его царь Гендером и души не чаял в своем наследнике. Гундар рос, лучшие наставники из разных стран учили его наукам, искусствам и боевому мастерству. Через двадцать лет он превратился в крепкого рослого юношу, и многие девушки вздыхали с тайными надеждами, глядя ему вслед. И вот, когда пришел срок, Агур призвал сына к себе и сказал:

– Ты стал совсем взрослым, ты должен выбрать себе в жены лучшую девушку нашего царства. Сегодня вечером во всех уголках нашей страны объявят, что в последний день этого месяца во дворце будет роскошный праздник и смотрины невесты. А тебя я прошу, будь внимателен и осмотрителен в своем выборе, не ошибись. Среди тех, кто захочет быть твоей женой, наверняка могут быть коварные и корыстные властолюбивцы. А чтобы удача сопутствовала тебе, надень этот перстень на правый безымянный палец – и все будет хорошо.

Поблагодарил Гундар своего отца, низко поклонился ему и надел драгоценный отцовский перстень.

Пришло время смотрин, приехали во дворец десятки невест со всего царства и даже из соседних стран. Все они были так красивы, что даже много повидавший в своей жизни Агур удивился – в одном дворце столько красавиц! Особенно привлекала всеобщее внимание невысокая черноволосая девушка с серыми глазами изумительной чистоты, красивым певучим голосом и стройная, как сосенка в густом

лесу. Она была так хороша, так весела и проворна, что Гундар, взглянув на нее один раз, больше не смог отвести глаз, да так и остался рядом с ней до конца праздника. Царь Агур радовался выбору сына, но когда иногда он вглядывался в глаза его избранницы, виделось ему в них что-то страшное, чужое, и так становилось жутко, что мороз пробежал по его коже. «Это все потому, – думал царь, – что со мной нет заветного перстня...» Когда торжество подходило к концу, Гундар подвел сероглазую красавицу к отцу и матери и сказал им:

– Вот моя невеста и лучшей мне не надо. Через два дня она приедет со своими родителями, и мы уговоримся о свадьбе, а пока я провожу ее немного – до дворцовых ворот.

– Хорошо, – сказал царь, но почему-то смутная тревога снова поднялась в его душе и уже не проходила до самого утра.

А Гундар довел девушку до ворот, хотел было попрощаться с ней и возвратиться во дворец, но она, не оборачиваясь, пошла дальше. Гундар почувствовал вдруг, что не может остановиться и продолжает идти за ней, словно околдованный. Хотел он догнать свою невесту, но и это ему не удалось – она все время шла впереди и только призрачный ее силуэт был различим в свете полной луны. Хотел юноша крикнуть и позвать стражу, но и это у него не получилось – голос почему-то пропал, и так и не смог он произнести больше ни звука. Шел и шел он за ней дальше. Ночь заканчивалась, луна уже коснулась вершины Горы Семи Родников, когда Гундар увидел, что стоит он у входа в пещеру. Тут девушка обернулась, и сын Агура содрогнулся от ужаса – он увидел, что перед ним вовсе не красавица, а безобразная каменная старуха с кривыми зубами и глубоко запавшими глазами. Расхохоталась она и сказала:

– Долго не могла я, горная ведьма Фаура, подойти к царю Агуру, крепко охранял его перстень Пуштунов, да не знал царь, что перстень этот нельзя передавать по наследству, иначе он теряет свою силу. Его можно отнять, украсть или продать – только тогда он снова обретает власть над Удачей, потому что Удача любит сильных, дерзких и богатых! Теперь настал мой черед владеть этим сокровищем!

Сказала она так, схватила Гундара за руку, сорвала перстень с лазуритом с его пальца и исчезла в пещере. Очнулся юноша от колдовства и тоже бросился в пещеру вслед Фауре. И опять никак не мог он настигнуть ее, только видел перед собой светящийся силуэт и слышал стук ее шагов. И тогда схватил Гундар большой камень и бросил его изо всех сил в ведьму. Удар камня был так силен, что Фаура рассыпалась на куски, которые разлетелись в разные стороны, а ведьмина голова ударилась в потолок пещеры да так и осталась там, зацепившись за один из каменных выступов. Перстень упал и, наверно, укатился в одно из маленьких подземных озер, а пещера сразу погрузилась во мрак... Долго пытался Гундар отыскать перстень отца, но так и не смог этого сделать. «О горе мне, не простит мне отец этой страшной потери и моего легкомыслия! – думал он – Пока не найду отцовский подарок, не вернусь домой...»

Наутро, когда Агуру сказали, что его сын исчез, бросился царь на поиски, вся стража месяц искала Гундара, но никто не смог найти никаких следов. Весь остаток жизни оплакивал царь своего единственного наследника и проклинал тот час, когда снял с руки Перстень Удачи.

...А Гундар до сих пор пытается отыскать отцовский талисман. Если вы войдете в пещеру, которая находится недалеко от горы Семиродники, вы увидите прозрачные ручьи и маленькие речки, свисающие с потолков каменные люстры, которые во времена Фауры, наверно, излучали свет. Пройдите по узкой галерее в просторный зал с озером и маленьким водопадом. Там, на высоком своде в свете фонаря, будет видна каменная голова пещерной ведьмы. Теперь погасите свет фонарей, и вы отчетливо услышите чьи-то шаги – это Гундар, сын Агура, ходит и ходит по пещере... Но только обязательно погасите свет. Гундар боится, что те, кто пришел – это люди отца, которые могут найти его и силой вернуть во дворец к разгневанному владыке.

ПРОЗА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Людмила БИРЮК

Людмила Дмитриевна Бирюк родилась в 1946 году, в Ростове-на-Дону. Окончила Краснодарский государственный педагогический институт. Автор историко-приключенческих повестей и романов, а также рассказов, очерков, критических и литературоведческих статей. Печаталась в московском издательстве «Вече», в российских газетах и журналах. Член Краснодарского регионального отделения СПР, лауреат муниципальной премии им. Анатолия Знаменского, лауреат конкурса Главы Республики Карелия им. Г.Р. Державина.

В садах Лицея

Рассказ

Камер-фрейлина Варвара Михайловна Волконская не любила Царское Село. С тех пор, как во флигеле дворца разместился Лицей – привилегированное училище для дворянских отпрысков, княжна лишилась покоя. В ее комнаты постоянно доносились смех, громкие голоса и топот. Она не могла понять странной прихоти государя. Зачем великолепное строение, возведенное императрицей Екатериной II для великих княжон, было отдано тридцати мальчишкам-непоседам в одинаковых синих мундирах с красными стоячими воротниками?

В то утро занятия в классе профессора Кошанского начались чуть позже обычного. Извинившись за опоздание, раскрасневшийся Николай Федорович обвел сияющими глазами своих воспитанников. Он был самым молодым преподавателем Царскосельского лицея и всегда старался оживить занятия какой-нибудь выдумкой. Лицейсты любили его за то, что он пробуждал в них стремление к творчеству. Иногда, придя на урок, профессор говорил: «А теперь, господа, будем пробовать перья...» Но на этот раз Кошанский огоршил лицеистов сюрпризом:

– Господа! Имею честь сообщить новость, которую только что узнал на педагогическом совете. Переводной экзамен по русской словесности у нас будет принимать Гавриил Романович Державин!

На миг воцарилась тишина. Потом, словно опомнившись, все заговорили разом:

– Сам Державин?!

– Разве он еще живой?

– А он нас не срежет? Боязно как-то...

Кошанский поднял руку, требуя тишины:

– Успокойтесь, друзья мои! Державин никого «резать» не собирается. У него другая цель. Он желает послушать наших молодых поэтов. Кого, по-вашему, можно ему представить?

– Тосю Дельвига!

– Кюхлю и Олосеньку!

– И Француза! – крикнул юный князь Горчаков по прозвищу Франт, обернувшись к сидевшему позади Александру Пушкину.

Тот вспыхнул и отмахнулся от него обкусанным гусиным пером. Пушкину не нравилось прозвище «Француз», которым его с первых же дней наградили однокашники-лицеисты. Разве он виноват, что в родительском доме с ним чаще говорили по-французски, чем по-русски?

– Не дуйся, mon amié... Французский – это язык дипломатии! – спокойно промолвил Горчаков. – Но для Державина тебе непременно следует сочинить русскую оду. Причем, высоким штилем!

Кошанский с сомнением покачал головой. Пушкин писал изящные, легкие стихи, но в «высоком штиле» юный поэт явно не преуспел.

В Лицее уроки проходили оживленно и доброжелательно. Преподаватели обходились без жесткой муштры, а воспитанники не позволяли себе намеренного озорства. Так было заведено с самого начала, с незабываемого 19 октября 1811 года, с пламенной речи профессора философии и права Александра Петровича Куницына, которую он произнес в присутствии императорской семьи, почетных гостей и первых воспитанников: «Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями... Но при сих высоких добродетелях сохраните ту невинность, которая блистает на лицах ваших!»... Кошанский был другом Куницына, хотя и упрекал его за чрезмерное вольтерьянство и насаждение в Лицее идей «естественного права». А Куницын с жаром доказывал, что такое право дано человеку от рождения, и никто не может его насаждать или отменять.

Выждав паузу, Николай Федорович снова обратился к лицеистам:

– Господа, нет сомнения в том, что на экзамене свои стихи прочтет барон Дельвиг. Слог его превосходен, он первым из лицеистов напечатался в «Вестнике Европы». Далее, я бы предложил выступить Илличевскому, Кюхельбекеру... и, пожалуй, Пушкину. Надеюсь, никто не желает оспаривать мой выбор?

Неожиданно поднял руку вертлявый Павел Мясоедов, которого лицеисты называли «Мясожоров» или просто «Мясо». Покойный директор Лицея Василий Федорович

Малиновский дал ему довольно нелестную характеристику: «Способности весьма ограничены, слабого понятия, слабой памяти, докучлив, пылок...» Лицеисты посмеивались над ним, но без зла.

– Почему в список поэтов всегда попадают одни и те же? – возмутился Мясоедов.
– Я тоже хочу прочитать Державину свое сочинение! И нечего смеяться, господа! Вы не верите в мой талант?

– П-почему же? В-верим, – заикаясь, проронил долговязый Вильгельм Кюхельбекер. Даже сидя на стуле, он казался выше всех. Нелюдимый из-за тугоухости, но романтичный и ранимый Кюхля, бывало, становился мишенью для шуток и эпиграмм. Однажды первый остряк Лицея Олосенька, то бишь, Алексей Илличевский, нарисовал на него карикатуру, снабдив ее надписью: «Вы знаете, что такое Бехелькюхериада? Это есть длиннейшая полоса земли, производящая торг мерзейшими стихами; у нее есть провинция «Глухое Ухо»...» и т.д. Не дочитав до конца, Вильгельм выбежал из Лицея в парк и бросился в пруд. Но даже утопиться толком он не сумел: зацепился за корягу, застрял в тине, и вскоре его вытащили, мокрого, жалкого, нелепого... «Если ты еще хоть раз позволишь себе подобные шутки, – сказал Илличевскому бледный от гнева Пушкин, – я вызову тебя на дуэль!» Олосенька дурашливо съежился, показывая, как ему страшно, но больше к Кюхле не приставал...

Дрожа от нетерпения, Мясоедов развернул листок со стихами.

– С вашего позволения, Николай Федорович, я прочту несколько строф!

– Извольте, любопытно будет послушать...

Новоявленный поэт, приняв артистическую позу, объявил: «Ода на восход солнца»! И начал торжественно декламировать:

– Уж с запада грядет румяный царь природы...

– Неужто с запада? – прервал его Илличевский.

По рядам лицеистов прокатился хохот. Опешив, чтец замолчал, в недоумении глядя то на товарищей, то на учителя, который тоже не мог удержаться от смеха.

– Что вас так развеселило, господа?

– Друг мой, – улыбаясь, промолвил Кошанский, – дело в том, что солнце встает на востоке. И хотя поэтам позволительно допускать некоторые вольности, но не до такой же степени...

– А мне нравится! – иронично заявил Илличевский. – Я бы продолжил так:

Уж с запада грядет румяный царь природы,
И удивленные народы
Не знают, что же им начать...

Он на миг замолчал, подыскивая слова.

– Ложиться спать или вставать! – закончил строфу Пушкин.

Лицеисты снова рассмеялись и стали аплодировать экспромту. А рассудительный Иван Пушин, по прозвищу Большой Жанно, заключил, прервав общее веселье:

– Не обижайся, Мясоедов... Ты сам ответил на свой вопрос – почему тебя не включили в список стихотворцев! – он немного помедлил и решительно обратился к профессору. – Если вы хотите знать мое мнение, Николай Федорович, то первым нашим поэтом я считаю Пушкина!

Они подружились еще на вступительных экзаменах. Их фамилии в списке стояли рядом, и комнаты тоже были рядом. Поначалу Пущин расстроился, узнав, что номер его ученической кельи – 13, но худенький, похожий на арапчонка Саша Пушкин, заметив его растерянность, весело сказал:

– Если хочешь, Жанно, давай меняться. У меня – четырнадцатый!

Чтобы не прослыть трусом, Пущин наотрез отказался, а вскоре и вовсе позабыл, что живет под «несчастливым номером».

В крохотных комнатах лицеистов было все необходимое: узенькая кровать, комод, бюро, столик для умывания... Через легкие перегородки можно было свободно, не напрягая голоса, переговариваться хоть до глубокой ночи. Пущин был единственным соседом Пушкина, у которого с другой стороны комнаты была глухая стена.

– Жанно, ты спишь? Скажи, зачем ты назвал меня первым поэтом? Пусть перед Державиным выступают любители высоких од! А у меня нет ничего, что могло бы ему понравиться.

– Он тоже баловался забавными куплетами. Помнишь?

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках...

Пушкин подхватил:

– Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девОчкам
На моих сидеть ветвях...

– Сам Державин доказал, что сочинять можно в любом роде поэзии! – назидательно заметил Пущин.

– Ты прав... Но все же он не песенками прославился, а одами: «К Фелице», «Бог», «Водопад»... Знаешь, Жанно, я хотел бы сочинить стихи столь же великие, но по-своему! Без громоздких строчек, без устаревших слов, так, чтобы всем было понятно – и мудрецам, и гусарам, и поэтам, и их лакеям...

– Уверен, что у тебя получится! Ты ведь не Мясожоров...

– Да что вы все пристали к бедному Мясу! Кстати, у него отличный эпитет: «румяный царь природы...»

– Он украл эту строчку у поэтессы Анны Буниной. Почти слово в слово!

– Вот как? – зевая, удивился Пушкин. Значит, ошиблась Бунина, а позор достался Мясожору?

– Бунина не ошиблась. У нее описывается не восход, а закат солнца: «Блеснул на западе румяный царь природы. Скатился в океан, и загорелись воды»... – Пущин нараспев стал читать стихотворение «Сумерки». – По-моему, недурно для женщины, а, Саша?

Ответа не последовало. Пушкин спал...

Зиму княжна Варвара Волконская так же не любила, как и остальные времена года. Но зима, по крайней мере, имела то преимущество, что парковые скульптуры, оскорблявшие ее невинность, теперь были укрыты досками. Что касается шума, производимого лицеистами, то он ничуть не утих, скорее наоборот. В перерывах между занятиями будущие столпы Отечества с радостным визгом высыпали из дворца, кидались снежками и штурмовали снежные городки.

Напольные часы в комнате княжны пробили полдень. Пора отправляться на прогулку с императрицей, которой доктор прописал свежий воздух в любую погоду. Сравнивая себя с Елизаветой Алексеевной, сухопарая старая дева не могла подавить невольной горечи. В этом году им обоим исполнилось тридцать шесть, между ними даже завязалось нечто вроде дружбы, но тайная зависть отравляла душу княжны Варвары. Она всего лишь фрейлина... А между тем род Волконских, восходящий к черниговской ветви Рюриковичей, был древней рода немецкой принцессы Гессен-Дармштадской-Баденской. Но главное даже не в этом. Обиднее всего, что волосы Елизаветы были гуще, глаза яснее, улыбка милее. Годы, проведенные в штате фрейлин, обернулись для Варвары Михайловны нескончаемым болезненным испытанием. А тут еще этот Лицей! В дни тезоименитства Елизаветы воспитанники, поголовно влюбленные в императрицу, устраивали настоящую вакханалию: всю ночь пили горячий шоколадный гоголь-моголь, пели серенады и давали представления в Китайском павильоне...

Однако, пора одеваться, а горничная Наташка, как на грех, куда-то запропастилась!

Устав трясти серебряный колокольчик, княжна сердито поджала тонкие губы и выглянула в окно. Так и есть! Вот она, окаянная! Любезничает с каким-то смуглым лицеистом, ростом ей по плечо. Нет, в ее время правила были строже, считалось, что дворянину не пристало беседовать со служанкой. Это все либеральный дух Лицея дурманит головы благородным юношам. А Наташка-то, мерзавка... Так и вертит хвостом перед школяром, а тот счастливо смеется, выставив белые африканские зубы. Фи!

Наконец горничная, спохватившись, тревожно спрашивает о чем-то у своего «кавалера», и тот достает брегет. Сблизив головы, они вдвоем глядят, который час, и лицеист вдруг неловко целует ее в щечку! Наташка отскакивает, как ужаленная, и бежит к подъезду дворца. Княжна злорадно предвкушает ее появление...

Снег нежно хрустел под ногами. Пушкин задумчиво шел по аллее Екатерининского парка, поглядывая на заиндевшие деревянные домики, где до весны будут жить его любимые античные герои. Мысленным взором он видел их, словно наяву, – своих «белых кумиров»! Всех знал по именам, воспевал в стихах. Именно здесь, в садах Лицея, ему впервые стала являться Муза. Где еще он мог сочинять так упоительно легко?

Здесь крепла и мужала его детская душа. Он гордился колоннами и обелисками, возведенными в честь победы над турками: ведь это его предок, морской артиллерист Иван Ганнибал, сжег турецкие корабли и взял крепость Наварин...

Здесь слышал он тревожные отзвуки грозы 1812 года. Мимо Лицея суровым строем шли полки на войну с Наполеоном, а лицеисты провожали их. При звуках барабана и

трубы мальчики выбегали из класса, кричали слова приветствия, молились, обнимали родных и знакомых. А вечером после занятий собирались в «журнальной комнате», читали свежие газеты, обсуждали воинские подвиги. Профессора приходили к своим воспитанникам и объясняли ход войны, разговаривая с ними, как со взрослыми, ничего не приукрашивая, ничего не скрывая. Вместе с русскими воинами лицеисты мысленно обороняли Смоленск, сражались в Бородинском бою, проваливались под неокрепший лед Березины... Все это было свежо в памяти и просилось воплотиться в стихи. И Пушкин теперь знал, о чем напишет в своей оде: об этом парке, ставшем ему родным, о славе своего Отечества, о героических сражениях прошлого и нынешнего времени.

И назовет он свое сочинение так: «Воспоминания в Царском Селе».

За неделю до экзамена Дельвиг, Илличевский, Кюхельбекер и Пушкин были вызваны в директорский кабинет. После смерти Малиновского обязанности директора временно исполнял полковник Фролов, ревнитель армейской дисциплины, ставленник Аракчеева. Он-то и решил провести перед экзаменом репетицию «парада поэтов», дабы заранее ознакомиться с сочинениями, которые будут представлены Державину. На репетиции присутствовали словесники Кошанский и Галич, любимец Лицея правовед Куницын и прибывший из Петербурга министр народного просвещения Алексей Кириллович Разумовский. Выслушав сочинения юных поэтов, преподавательская коллегия уединилась на совещание, на котором был вынесен вердикт: до творческого экзамена допустить всех четверых. Министр Разумовский особенно похвалил оду Пушкина, но велел непременно вставить в нее имя Державина.

– Ваше превосходительство, – возразил Куницын, – истинный поэт должен быть свободен в своем творчестве!

– Что значит – свободен? Вы хотите сказать, что растите вольнодумцев?

Куницын вспыхнул:

– Свобода мыслей процветает в Лицее с первых дней его существования! Мы растим патриотов и неподкупных государственных мужей, а не льстивых слуг!

Он хотел сказать что-то еще, но Фролов предостерегающе остановил его пристальным взглядом. Кончилось тем, что Пушкина уговорили упомянуть в оде имя Державина, в результате чего в ней появилась довольно неуклюжая строчка: «Державин и Петров героям песнь бряцали...». Александр был недоволен, а тут еще друг подлил масла в огонь:

– Саша, зачем ты приплел забытого стихотворца Василия Петрова? – удивился Жанно.

– Для размера! – огрызнулся Пушкин.

Чтобы отвести душу перед экзаменом, юный поэт снова стал искать встречи с прелестной горничной Наташей, которая намеренно была с ним так любезна. Но она как в воду канула! Напрасно в ожидании девицы Александр мерз у заснеженных ступеней

дворца, напрасно кидал камешки в ее окно. Лишь однажды взметнулась занавеска, приоткрыв испуганное личико Наташи, и тут же снова опустилась, словно символ безнадежности. Друзья, как могли, помогали ему: пытались выследить барышню, дежурили под ее окном и даже начертили план расположения ее комнаты и лестниц, ведущих к заветной обители.

В конце концов, Пушкин решился нанести красавице тайный визит. Поздним вечером через арку, соединяющую Лицей с покоями дворца, он проник в прихожую, а потом долго блуждал по лестницам, пытаясь разобраться, на каком он этаже. Канделябры на стенах были притушены. В потемках Пушкин пробирался по длинному коридору, как вдруг ему показалось, что впереди мелькнуло белое платье. Без сомнения, это была она! В два прыжка он достиг желанной цели и, обняв девицу за талию, запечатлел на ее губах страстный поцелуй. Целую минуту они стояли, слившись в сладостном порыве, прежде чем Пушкин понял, что ошибся. Это была не Наташа, а фрейлина Варвара Волконская!

Обескураженно выпустив ее из объятий, он пролепетал по-французски:

– Ради Бога, извините, княжна! Я принял вас за горничную...

Варвара Михайловна оскорбленно отпрянула.

– Что-о? Какая неслыханная наглость! По-вашему, я похожа на горничную?!

– В темноте немудрено ошибиться. Вы грациозны, словно юная девушка! Простите...

– Грациозна, как моя горничная? Вы это хотите сказать? Сударь, ваш поступок заслуживает сурового наказания! И не надейтесь, что я не узнала вас... господин Пушкин! – торжествующе добавила она.

Утром 8 января в актовом зале Лицея было нарядно и празднично. Паркет сверкал, в огромные окна лился солнечный свет, посередине стоял длинный стол, накрытый красным сукном с золотой бахромой. Вдоль стен были расставлены кресла для почетных гостей – столичной знати, важных чиновников и генералов. Все ждали приезда Державина.

Лицеисты сбегались вниз, к парадной двери, боясь упустить любую мелочь. Пухленький близорукий Дельвиг пробрался вперед и, потеснив долговязого Кюхлю, стал рядом с Пушкиным.

– Мне непременно надо быть поближе к Державину, – объяснил он, волнуясь. – Я решил подойти к нему и поцеловать его божественную руку, написавшую «Водопад!»

– Правую или левую? Может, он левша?

– Ты невыносим!

В этот момент входные двери распахнулись, в проем ворвался свежий морозный воздух, а вместе с ним – припорошенные снегом гости, среди которых лицеисты по многочисленным портретам узнали Гавриила Романовича Державина! Лакеи сутились возле него, обмахивая щетками снег с плисовых сапог, принимая шубу и бобровую шапку. Державин был в старомодном екатерининском парике и в красном мундире тайного советника, увешанном множеством орденов. Он раскланялся с ми-

нистром просвещения и профессорами, весело поздоровался с лицеистами, а потом подозвал швейцара и запросто спросил:

– Где тут у вас нужник, братец?

В устах «божества» этот вопрос прозвучал так простодушно, что общее напряжение и робость мгновенно пропали, всем стало легко. Когда лакеи бережно увели старика, Пушкин насмешливо спросил:

– Что же ты, Тося, не поцеловал ему руку?

– Не знал, какую – правую или левую! – парировал Дельвиг.

Лицеистов пригласили в зал, уже полностью заполненный гостями и родственниками воспитанников. Профессора заняли места за экзаменационным столом, а когда появился Державин, публика взорвалась аплодисментами, на что поэт ответил легким поклоном и сел на отведенное ему место, рядом с Разумовским. Устроившись в уютном кресле, старик тут же прикрыл глаза. Полковник Фролов бросил вопросительный взгляд на министра и тот, пожав плечами, дал знак начинать экзамен.

Один за другим выходили лицеисты и читали стихи Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова... Разумеется, звучали и творения Державина: их разбирали, цитировали, ими восхищались. Затем настала очередь лицейских поэтов. Гаврила Романович сразу очнулся и внимательно выслушал Дельвига, Илличевского и Кюхельбекера. Всем он дал вежливо-благодарный отзыв, но при этом глаза патриарха глядели устало. Видно было, что экзамен его утомил. Последним вызвали Александра Пушкина.

Он вышел на середину зала и, остановившись в двух шагах от Державина, попросил позволения начать. Поэт кивнул и оглядел хрупкую фигурку смуглого кудрявого юноши. «Арапчонок!» – мелькнуло в голове, и больше он ни о чем не успел подумать...

Ему вдруг почудилось, что в зале зазвучала музыка. В одно мгновение она наполнила наслаждением все его существо, она опьяняла и оживляла одновременно. Музыка исходила из уст этого мальчика, читающего стихи, лучше которых Державин никогда ничего не слышал. Старческие глаза его широко раскрылись, он невольно привстал, приложив ладонь к уху, весь подавшись вперед. Жадно ловил он каждое слово льющих к нему стихов, в которых явственно слышались отзвуки великой поэзии прошлого, но в то же время раздавался новый, неведомый голос. И весь зал, уставший от трехчасового экзамена, тоже словно пробудился ото сна, внимая необыкновенному отроку. А когда он смолк, в зале воцарилась звенящая тишина. Все боялись пошевелиться...

– Я не умер! – воскликнул Державин, протягивая через стол дрожащие руки. – Вот, кто заменит меня!

Увидев слезы восторга на его морщинистом лице, Пушкин вдруг тоже разрыдался и в волнении выбежал из зала.

– Верните его! – требовал старый поэт. – Я хочу его обнять!

– Немедленно разыскать! – приказал директор Лицея, полковник Фролов.

– За ним уже послали! Сейчас приведут! – заверили его профессора.

Но в тот день Пушкина так и не нашли. В одном мундире он убежал в зимний сад и, не чувствуя холода, бродил по дальним аллеям, пока не успокоилось его бешено стучащее сердце...

На лицейском экзамене не было императорской четы. Государь председательствовал на Венском конгрессе, а Елизавете Алексеевне нездоровилось.

Но весть об успешном выступлении Пушкина достигла и ее ушей.

– Кто мог подумать, что этот невзрачный мальчик сможет потрясти великого Державина? – поделилась императрица с фрейлиной.

Та саркастически усмехнулась:

– Ваше величество, его подвиги не исчерпываются одним стихосложением. Он весьма способный молодой человек... способный на все!

И, понизив голос, Волконская в подробностях поведала о безобразном поведении Пушкина.

– Надеюсь на вашу защиту, государыня, и прошу примерно наказать наглеца!

Растерянная и огорченная Елизавета Алексеевна попыталась смягчить разгневанную княжну.

– Он не хотел вас оскорбить! Нечаянно ошибся, приняв за...

Государыня не договорила, заметив вспыхнувшие щеки фрейлины.

– За кого, ваше величество? За горничную Наташку? Меня, княжну древнего рода! Непременно подам прошение, чтобы Пушкина выгнали с позором!

Но в отсутствие императора никто не мог исключить воспитанника из Лицея, и княжне пришлось набраться терпения.

Когда русские войска вернулись из заграничных походов, Александр I посетил Царское Село. Вместо солдафона Фролова он назначил нового директора – Егора Антоновича Энгельгардта, который возродил свободный дух Лицея и его традиции. Как родных детей, любил он своих воспитанников, а больше всех – Александра Пушкина, в котором видел будущую гордость России. Когда император передал ему жалобу княжны Волконской, Егор Антонович, ни минуты не колеблясь, грудью встал на защиту юного поэта.

– Я не требую его исключения, – миролюбиво сказал царь. – Но пусть извинится.

– Он уже просил прощения у княжны! Сказал, что, мол, обознался...

– Вот это старую деву и обидело, – хохотнул Александр. – Велите ему еще раз объясниться с ней, в письменном виде, в стихах! Он же у вас поэт?

В тот же вечер княжне Варваре передали письмо от Пушкина:

On peut fort bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon;
Mais pour une garce, – oh, mon Dieu, non!

Что в переводе с французского означало следующее:

Мадемуазель, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую обезьяну;
Но за грацию, – о боже, нет!

Задохнувшись от возмущения, княжна гордо выпрямила спину и решительно отправилась жаловаться императрице. Елизавета Алексеевна сидела у камина, зябко кутаясь в плед. Бледной рукой она поднесла к глазам листок с пушкинской эпиграммой. Уголки ее губ слегка дрогнули, но она сдержала себя.

– Не обижайтесь, милая! И не держите зла на Пушкина. Кто знает, быть может, эти четыре строчки будут жить века?

Княжна Варвара Михайловна Волконская благополучно дожила до восьмидесяти восьми лет. Она всегда была строга, благонравна и с гордостью рассказывала молодым барышням, что за всю жизнь ее только однажды поцеловал мужчина. «Но зато какой... – томно вздыхала она. – Вы не поверите!»...

Юрий ВАСИН

Юрий Геннадьевич Васин – поэт, автор-исполнитель, драматург, член Союза писателей России, Национальной ассоциации драматургов и Гильдии драматургов. Руководитель проекта «Южная школа драматургии».

Автор поэтических сборников «Рубикон» и «Пуля-дура». Лауреат Всероссийского фестиваля «Песни Боевого Братства», обладатель гран-при Международного фестиваля «Афганский ветер».

Лауреат Всероссийского конкурса «Монолит», финалист Международного драматургического конкурса «Действующие лица». Читка пьесы «Ласточка» прошла в Астраханском ТЮЗе. Пьеса «Серая зона Донбасса» поставлена Вольским драматическим театром (г. Вольск, Саратовская обл.) и Забайкальским драматическим театром (г. Чита). Произведения опубликованы в журналах «Краснодар литературный», «Родная Кубань» и других. Награжден грамотой губернатора Краснодарского края «За вклад в поэзию Кубани». Ветеран боевых действий.

Ефрейтор Машенька

Колонна военной техники из БМП, пары бортовых «КамАЗов», загруженных под завязку, и «Урала» с личным составом медленно передвигалась по размокшей грунтовой дороге вдоль густой лесополосы. Майский ливень облепил тяжелые машины грязью и погрузил в глубокие колеи с дождевой водой. В заваленном вещмешками и другим военным скарбом кунге*, в дальнем углу, на куче вещей сидела молоденькая ефрейтор-санинструктор, вцепившись в санитарную сумку. Огромный, обтянутый пикселем шлем на ее голове, постоянно сползающий на глаза и бронежилет, выданный явно на вырост, не могли не вызывать улыбку. Бойцы перебрасывались короткими незначительными фразами, бросая частые взгляды на симпатичную девушку. Щеки ее горели от мужского внимания, а коренастый улыбчивый лейтенант и его десяток молодых бойцов не могли нарадоваться хорошенькой попутчице.

– Товарищ санинструктор, а почему вы молчите всю дорогу? – обратился к ней лейтенант.

Девушка пожала плечами.

– Понятно. Военная тайна. Что ж, бывает, – произнес он как можно серьезней.

Она улыбнулась в ответ, поправила шлем и тихо сказала:

– И совсем не тайна...

– Да? А как вас зовут, прекрасная незнакомка?

– Ефрейтор Самсонова, – отчеканила санинструктор звонким голосом.

– Замечательно! А имя у ефрейтора Самсоновой есть?

Она смущенно выдавила:

– Маша.

– Красивое имя. А я Николай. Вот мы уже и познакомились. Машенька, а вы замужем?

– Нет, – еле слышно ответила ефрейтор и опустила глаза.

– Ну, это не беда, это мы быстро поправим!

Парни заулыбались.

– Мы еще до места доехать не успеем, а к вам, товарищ санинструктор, уже очередь выстроится из больных да калечных. Я их знаю, – он кивнул в сторону бойцов, – да и чего греха таить, я и сам такой... Но только вы с ними построже, пилюли какие-нибудь приготовьте погорше, чтоб желание сразу пропало от службы отлынивать. А если там шуры-муры всякие, вы не стесняйтесь – сразу ко мне. Есть у меня средство волшебное, всю дурь из головы напрочь отшибает.

– Вместе с головой, – хихикнул курносый здоровяк.

– А это как получится, – философски заключил командир.

«Урал» с трудом полз по колее. Кунг сильно раскачивало, как во время хорошего шторма.

– Машенька, вот личный состав интересуется, как вы, имея такую миниатюрную фигуру, нас, здоровенных мужиков, с поля боя под огнем противника вытаскивать собираетесь?

– Я постараюсь, – гуще порозовев, пролепетала Маша.

– Так мы и не сомневаемся! – хохотнул курносый и продолжил: – Товарищ лейтенант, вы поосторожней, вдруг она родственница силача Самсона? Может нашему санинструктору знаменитый Железный Самсон по наследству силу передал?

Девушка отрицательно покачала головой.

– А жаль. О! Так может, вы в спортзале с утра до ночи на скакалке тренируетесь?

– Тормози, Дон Жуан недоделанный, не на танцульки едем, – прервал его сорокалетний солдат, который всю дорогу ехал с закрытыми глазами и, казалось, дремал, прислонившись головой к стене кунга, – ты прыть свою для укропов побереги, – отрезал он, не открывая глаз.

– Правильно говоришь, Семеныч, – поддержал его лейтенант, – хватит лясы попусту точить.

Машины сильно тряхануло на ухабе.

– Мария, – продолжил он, – ты наш боевой товарищ, поэтому, если какая помощь понадобится, обращай смело. Мы тебя в обиду не дадим!

Мария обвела всех бойцов взглядом и улыбнулась еще детской открытой улыбкой. Ее женское чутье подсказывало, что за этими суровыми мужиками она будет как за каменной стеной.

– А теперь для тех, кто в танке, – лейтенант развернулся к бойцам. – Если попадем под раздачу, негоже все перекладывать на хрупкие плечи нашего санинструктора! Сам погибай, как говорится, а товарища... Меня все услышали.

– Услышали, командир.

– Вот и славно. Кстати, – обратился он к девушке, – Маша, а какие цветы ты любишь?

– Ромашки.

– Ромашки – это хорошо. У меня мама ромашки...

Закончить он не успел. Прогремел взрыв, второй, третий. Грузовик резко повернул влево, запрыгал по ухабам и, уткнувшись во что-то, остановился.

– С машины! Бегом! – прокричал лейтенант.

Бойцы горохом высыпали наружу и, пригибаясь ниже к земле, бросились прочь от «Урала», ставшего отличной целью для корректировщика.

Били крупным калибром, прицельно. Похоже, что это место, практически у самой линии фронта, присмотрели уже давно для артиллерийской засады, ждали только подходящей цели, и вот болтающийся в небе беспилотник обнаружил колонну с пополнением. Дальше было делом техники, снаряды ложились кучно, безжалостно разрывая и металл, и плоть.

Лейтенант посмотрел на санинструктора. Девушка сидела в углу кунга с закрытыми глазами, сжавшись в комочек и прижав кулачки к лицу. При каждом разрыве тело ее вздрагивало и сжималось все сильнее... Времени на какие-то разговоры и объяснения не было, он схватил ефрейтора в охапку и спрыгнул с машины. Счет шел на мгновения. Отбежав несколько метров от грузовика, они повалились на землю.

– Маша, Маша! – он сильно тряс ее за плечо своей здоровой пятерней. – Ефрейтор, твою мать! Ты меня слышишь?

Девушка открыла глаза, непонимающе посмотрела на Николая.

– Ты меня слышишь? – повторил он.

Она утвердительно закивала в ответ.

– Сейчас же в посадку бегом! Короткими перебежками! Ты меня поняла?

Ухнул взрыв. Девушка снова от страха закрыла глаза. Голова ее, казалось, сжалась в хрупкие плечи по самый шлем. Лейтенант опять встряхнул ее:

– В посадку, перебежками! Пошли! – и бросился вперед.

Пробежав несколько метров, он упал под куст и обернулся. Она сидела на прежнем месте, обхватив голову руками. Затем поднялась и медленно побрела прочь от посадки, в сторону поля.

– Ложись! – заорал лейтенант. – Ложись!

Она не слышала его. В ушах стоял пронзительный, разрывающий мозги звон.

– Ложись, дура! – Николай бросился к Марии и повалил ее на землю.

Рядом разорвался снаряд.

Ефрейтор очнулась оттого, что не могла дышать. Грузное обмякшее тело лейтенанта придавило ее к земле. Неистово работая руками и ногами, Маша стала выбираться из-под раненого.

– Я сейчас, потерпи, родненький, потерпи!

Николай что-то прохрипел.

– Я сейчас, только бинты достану и перевяжу... И будешь, как новенький. И все хорошо будет... Бинты, бинты...

Она смотрела по сторонам, ища взглядом медицинскую сумку.

В голове промелькнула страшная догадка, что весь ее медицинский скарб остался в «Урале».

Кабина машины уже горела. Языки пламени начали облизывать борта. Еще несколько мгновений – и огонь охватит весь грузовик целиком. Маша с проворством дикой кошки заскочила в кунг. Едкий дым не давал дышать и резал глаза.

А вот и сумка ее с красным крестом среди вещмешков и прочего брошенного имущества. Теперь назад, к раненому лейтенанту.

– Коля! Товарищ лейтенант! Я сумку нашла! – девушка, откинув клапан, стала доставать бинты, марлевые салфетки. Где-то тут было и обезболивающее...

Она не сразу заметила, что Николай перестал хрипеть, и так же суетливо хлопотала над лейтенантом, убеждая его, что все будет хорошо и он скоро обязательно поправится. Но лицо его побелело. Глаза смотрели в вечность.

– Родненький, ну что же ты!? Я сумку нашла, сейчас перевяжу тебя, потерпи...

И вдруг какие-то доселе неведомые чувства обиды и злости ворвались в ее душу. Обиды и злости на себя, на свое бессилие. На врагов, безнаказанно расстреливающих беззащитную колонну. Мозг заработал жестко и холодно с какой-то невероятной скоростью. Какая-то неистовая неведомая сила поднялась из сокрытых, потаенных глубин и наполнила хрупкое тело девушки. Быстро собрав перевязочный материал и перекинув сумку через плечо, Маша поволокла погибшего лейтенанта в посадку. Ей не хотелось оставлять его здесь, у горящей машины, на растерзание вражеских снарядов. Что происходило с ней, она не понимала, но вдруг грузный Николай стал для нее не тяжелее тряпичной куклы. Она затащила тело в еще дымившуюся большую воронку.

Внезапно сквозь непрекращающийся грохот обстрела Маша услышала стон. Даже не стон, а чередующийся с нецензурной бранью утробный рев. Недалеко от нее, прислонившись к дереву, лежал курносый здоровяк. Он изо всех сил старался зажать руками пульсирующий из бедра алый фонтанчик.

Быстро перетянув жгутом ногу, Мария оттащила бойца в воронку. Там, ловко распорвав брючину, ввела обезболивающее, и четкими уверенными движениями стала накладывать повязку, будто этим она занималась всю свою жизнь, все свои двадцать лет, а не только на занятиях в медучилище да практике в районной больнице. Память моментально доставала из потаенных своих уголков все необходимые знания и умения.

– Вот видишь, кость цела. Значит, скоро бегать будешь, как лось. А ты матом ругаешься...

– Ты извини меня, – курносый попробовал улыбнуться, чувствуя уходящую боль, – не со зла я...

– Да ладно, – улыбнулась она в ответ. – Ты тут пока полежи... Я сейчас посмотрю, может, кому еще помощь нужна, и вернусь. Обязательно вернусь...

Обстрел прекратился так же неожиданно, как и начался. И хотя длился он всего несколько минут, казалось, что прошла целая вечность. Девушка сидела в воронке рядом с тремя спасенными ею бойцами и плакала. Слезы катились по испачканному кровью лицу. Внутри была пустота и вдруг навалившаяся усталость.

Вот так прошло боевое крещение санинструктора ефрейтора Марии Самсоновой.

А по краю дороги росли ромашки, раскрыв навстречу солнцу свои корзинки.

Николай ИВЕНШЕВ

Родился в селе Верхняя Маза Куйбашевской области. С переездом на Кубань связано занятие литературой. Первый рассказ «Тетьа Щука» опубликовал столичный журнал «Октябрь» в 1987 году в рубрике «Новые имена». С тех пор написано большое количество рассказов, несколько повестей и романов, печатавшихся в толстых российских журналах: «Октябрь», «Наши современники», «Юность», «Кубань», «Урал», «Москва», «Слово», «Родная Кубань» и др.

Заслуженный работник культуры Краснодарского края, лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия» «Душа прикоснулась к душе», премии журнала «Москва», лауреат премии «Литературной газеты» им. Антона Дельвига, награжден также Почетной грамотой Союза писателей России.

Сахарная голова

Сахарная голова издали похожа на пулю.

Гигантская, запыленная цементной пудрой пуля.

Пройти на вершину не так-то легко. Нужно миновать прилипшие к этим склонам домики, гаражи и сараи. Это пригород Новороссийска, называемый адыгейским словом Шесхарис, что значит «всадник» или «дозорный».

Два раза в сутки подают сюда воду из роскошного, цветущего даже осенью Новороссийска. Люди как-то нехотя жалуются – мол, в двадцать первом веке живем. Число роковое, напоминающее выигрыш в карточной игре.

Наивно думал я, что слово Шесхарис произошло от известной песни «Шизгара» середины двадцатого века.

Странно и смешно, что и сам Новороссийск в те времена прибалтненная молодежь, стилиги называли Норфолком. А то как же? Новороссийск, как морской полис, близок к загранике. Здесь впервые в России, еще в СССР появился завод по производству «Пепси-колы».

Пачка нелегальных сигарет «Винстон» тогда стоила 3 рубля, «Пепси» – 50 копеек. Морские модные клеши с нацепленными понизу лампочками, «Пепси-кола», «Винстон»: и ты – на коне. Ты – всадник, ты – шесхарис. Все девушки этого пахнущего цементом, корицей и каштановым цветком города – твои.

Шесгаре... Шесгаре...

Однако, поднимаясь по каменистой узенькой дорожке вверх, ближе к Сахарной голове, вольно не попоешь. Дыхалку сразу же перехватывает, и базальтовый камень подворачивается даже под подошвами кроссовок.

Хотя на дороге есть площадки для отдыха, откуда широко и шикарно видны портовые краны. Это ворота сухогрузов и нефтеналивных танкеров. Сверху кажется, будто эти краны сделаны из спичек. А коробки – разного рода пакгаузы и ангары, гаражи и склады.

Выше взгляд – там мощная линия электропередач, гигантские буквы «А», влитые в стальной, с рыжими проплешинами грунт.

Конечно, всего этого не было, когда молоденькие, плохо обученные мальчишки прямо со студенческой скамьи или из равнинного села пришли сюда, чтобы держать линию обороны. Море и горы для них были невиданными. Да и винтовки тоже. А словосочетание «Сахарная голова» было некой абракадаброй. Они даже шутили, карабкаясь, как зеленые жуки, на гору:

– Поднимемся, сахару наедемся. Вдоволь.

– А я еще себе наколю, в деревню пошлю.

А еще говорили так:

– От нее, видать, и пули отскакивают, как от брони. Эх, каску бы! Говорят, на передовой уже получили.

Мальчишки, кажется, воевали в «буденовках», которые для них в начале века нарисовал художник Васнецов.

Наивные, некоторые и вправду верили в сладкую вершину.

Только не лейтенант, выпускник института истории, философии и литературы Павел Коган.

Он-то знал, что Сахарная голова – метафора. Гора похожа на дореволюционный сахар, который продавался и в таком развесе.

Павел. Павка.

Самое распространенное тогда имя.

Перед войной вышел роман Николая Островского «Как закалялась сталь». И все юноши того времени хотели быть похожими на Павку, с горящими глазами строящего Новый Мир, состоящий из труда, боев и справедливости.

Из труда.

Первый завод по производству цемента был построен здесь. «Цемент» Федора Гладкова – это второй роман, который читали столичные подростки.

Их послали сюда защищать завод и порт, откуда в двадцатые годы уплывали к чужим берегам другие русские люди, что потом обозначили термином «исход».

В сентябре эти сопки, еще не горы, покрывались сухой травой, вереском. Коган считал эту цепляющуюся за сапоги «проволоку» разрыв-травой.

И вспоминал свою красавицу жену Лену, глаза которой сияли и ночью. Она была весела и часто говорила: «Паша, что ты такой сумеречный? Будто о вечном задумываешься, притягиваешь к себе всякие горести».

Лена, он знал, теперь уехала на курсы переводчиков с немецкого в город Ставрополь-на-Волге (теперь это – Тольятти). И писем от нее не было. Она мечтала о море: взять в ладошку пригоршней морской воды и увидеть там выплывающий бриг.

Его солдаты (а Павел Коган был лейтенантом) верили в тушенку. Что вот слезут с горы – с этой, самой сладкой, и корабль привезет каждому по две банки.

Вместо тушенки двадцатилетний командир читал им свои стихи и стихи Эдуарда Багрицкого. Иные посмеивались, говорили: «Складно», «Ишь ты!» Другие вздыхали и глядели на покрытое туманным флером море.

У Павла Когана была проблема с глазами. Он обманул комиссию, когда просился на фронт, выучил наизусть всю таблицу Сивцева для проверки зрения.

По сути, из этой мрии и вырвались немецкие снаряды, и стали ковырять «голову». Она действительно была крепкой, снаряды выбивали лишь мелкие камни. Удивительно, как росла трава тут... И густо!

Потом неприятель пошел в атаку.

Сентябрь – месяц роковой. Многие стихи написаны о сентябре, о грустной поре расставания. Сентябрь, двадцать третье. В азартной карточной игре – перебор.

На равнине любая пуля жужжала пчелой, когда пролетала мимо. Эти же щелкали сухо, будто орехи кололись.

На вершину фашистов пускать было нельзя – ведь тогда неприятель займет плацдарм, с которого удобно вести бой и «щелкать» наших бойцов.

Подниматься можно было только в небо. Не вниз. И поэт встал. Он был поэт и никакой не лейтенант. Павел в этот миг поверил в чудо. Зачем? Ведь надо было уползать за камни, что и делали его бойцы. Они уползали и стреляли по фашистам, по головам.

...А боли поэт и не почувствовал. Ни жужжанья, ни клацанья. Резануло лишь, как будто острыми сухими лепестками...

Спускаться с вершин этого хребта еще труднее. Зато, когда оглянешься, увидишь не седую пулю вместо этих юных гор, а солдатские каски, испещренные запекшейся кровью и известью.

Кто-то из классиков сказал: «Море смеется!» Но это далеко не всегда. Чаше гул от него, эти валы волн заставляют задумываться, ведь именно к морю приходили древние философы, жили в бочках, ходили по берегу с фонарями и стенаниями: «Ищу человека».

В принципе, люди всегда находятся. Вот же – он, погибший на другом берегу этой Цемесской бухты. О нем, наверное, потом написал выживший в войне поэт Семен Гудзенко: «Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины. Разрыв, и лейтенант хрипит. И смерть опять проходит мимо».

Смерть прошла и мимо Гудзенко, и мимо жены Когана Елены. В послевоенное время она взяла себе псевдоним Ржевская. Елена Ржевская.

А в войну была переводчиком. И в Берлине сорок пятого входила в группу поисков Адольфа Гитлера. Потом ходила легенда, что у нее хранилась челюсть главного фашиста. Впрочем, это она нашла врача-стоматолога, который точно сказал, что зубы принадлежали Гитлеру.

Жена Павла Когана – опять не из научных источников – была разведчицей. А потом писала книги. Дожила до 96 лет. В своих мемуарах заметила, что муж ее всегда был близок к смерти. Он как бы искал ее и писал о своей жертве... Кто это теперь поймет... Пророком был.

Был, был, был...

И остался.

Мимо Сахарной головы проходит Сухумская трасса. Геленджик. Кабардинка.

Под Кабардинкой случилась страшная катастрофа. Утонул лайнер с туристами, назывался он «Адмирал Нахимов». Этот корабль был в качестве трофея взят у побежденного Берлина. Раньше величественное судно так и называлось – «Берлин».

До сих пор корабль на дне, погибло 423 человека.

Замечу кстати и не кстати: на этом пароходе снимался фильм «Дамы приглашают кавалеров».

Крупнейшая черноморская катастрофа... И после этого...

После этого знака стал крушиться Союз Социалистических Республик. И «мальчики иных веков» стали почему-то думать не о времени большевиков.

Мальчикам было все равно. А их наставники «славно» поглумились над историей. Мол, она была неправильной.

Вспомнили лишь хорошим словом в театре на Таганке в спектакле «Павшие и живые» (Когана играл Борис Хмельницкий).

А потом – тишина.

Подзабыли. Кто они такие – Кульчицкий, Майоров, Николай Отрада, Павел Коган? С «Интернационалом» на губах умирали. Романтики они. Непрактичные. Р-р-рромантики! С пуль в голове! Ха-ха.

Именно!

С пуль!

Безбожник Франсуа Вольтер написал: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев».

Это кому как. А Коган, еврей Павел Коган, признался: «Я – патриот, я воздух русский, я землю русскую люблю».

Его память отметили тем, что на вершине шестисотметровой сопки соорудили выложенную камнями надпись. Но вот говорят, что и надписи скоро придет каюк. Гору срывают. Этот известняк крайне нужен для производства цемента. Гудят на горе механизмы. Невдалеке громада цементного завода. И порт. Вот теперь из него вывозят самый крепкий строительный материал, связавший раньше все республики Советского Союза. Новороссийский цемент влился и в новый, отстроенный после жуткого землетрясения цветущий город Ташкент.

Гудят экскаваторы, разрывают сказочную траву. И, кажется, всю нашу недалекую историю.

Неужели всю историю – на помойку?! И «люди Флинта», пирата Флинта, «песенку поют».

Вот ведь и про книгу «Как закалялась сталь» напрочь забыли, в музей Николая Островского в городе Сочи ходят одни лишь китайцы. В городах настроили памятников. Собачкам. Огурцам. Кошечку. Для прикола все. «Клево» ведь сфоткаться на

фоне громадного кошеля?! «Вьется по ветру Веселый Роджер». Флаг. На нем – череп с костями!

Поют другое: «Обручальное кольцо – не простое украшение. Здесь судьбы моей решение – обручальное кольцо». Да и что здесь такого?! Кто-то везет кавалькадой, кильватерной колонной брачующихся сфотографироваться у танка-памятника, кто-то – у трактора СТЗ, кто-то – у мошны.

Но, но буду несправедлив, коль не скажу о теперешнем Новороссийске.

Есть здесь и улица Павла Когана. Дом № 15, где квартировал поэт–лейтенант, мемориальная доска с надписью: «И если бой, то я с тобой, эпоха громкая моя».

Город красив. И вечером, и утром. Он в Краснодарском крае самый, пожалуй, именитый. И здесь историей все дышит. В этом доме жил молодой Всеволод Мейерхольд, задумавший организовать здесь экспериментальный театр. Сюда приезжала и жила, и ставила свою пьесу «Женский вопрос» самая читаемая писательница тех времен – Надежда Тэффи. Артисты – из рабоче-крестьянской молодежи.

Неподалеку, в Анапском районе, жила и руководила местным муниципалитетом Лиза Пиленко, ставшая поэтом Елизаветой Кузьминой–Караваевой и перед Великой войной – матерью Марией, ушедшей в газовую камеру концлагеря Равенсбрюк вместо молоденькой еврейской девочки. Она поменялась с этой девочкой номерами.

Патриот ли она? Или кто еще? Христианка. Монахиня. Поэт. Французенка? Нет, русская.

О ней Блок писал, восхищаясь: «Когда вы стоите на моем пути... И думаете о вечном...»

И здесь дышит современность как-то чисто, мускулисто, порывисто, влюбленно. Говорят, что бывший руководитель города Владимир Синяговский отстроил великолепную набережную с миллионами огней. Церковь на берегу – в память влюбленных Петра и Февронии, святых наших... Да, да, да!

И это так. Это вполне так.

Ну, не он, конечно, лично, а команда его.

Ради этого жертвовал собой, ребятами, поэзией Павел Коган.

Здесь у морского порта возвышается громадина корабля «Михаил Кутузов». Здесь в сентябре золотятся как-то по-особенному искристо листья специальных – новороссийских – кленов.

И уже начинает горьковато пахнуть палой листвой.

Город не для туристов. Он для своих. Для моряков, их жен и детей.

Осенью и зимой здесь дуют обжигающие, стальные ветра под названием «бора».

Наверное, это напоминание о войнах! «О, сколько их ушедших в эту бездну», – писала Марина Цветаева.

Но, но взгляните-ка в чудесное стекло подзорной трубы, которое не бесплатно (время такое – разрыв-трава!) дается любопытным.

– Где там Сахарная голова?

– А!.. За поселком Шесхарис.

– А... Там... Вот, чуть левее... Да какая же это голова, голова ты садовая, это бригантина. Бригантина поднимает паруса. И сквозь этот туман она хорошо видна. Желтые ребра шпангоутов, алые, а то и белые – кому как нравится – паруса. И на палубе – дозорный, всадник, шесхарис – Павел Коган.

Скелет в рассрочку

Жена умерла давно, а он уже ее и не помнит. Сожмет глаза, позовет: «Люба! Любана! Любовь Тимофеевна!» Она не является. Пусто. Темно в глазах. Как зимой без снега. Лишь когда приходит ее мать, Алексеевна – проверять, все ли на месте, – смутно вспоминается Любана. Как она губу вздергивает, когда что-то не так. И лоб волнами идет, зигзагами...

Все же хорошо, что родичаются они с тещей. Не так одиноко. Дашка-то в городе. И в станицу ее танком не затащишь, говорит:

– Тьма у вас. И татаро-монгольское иго землю копытит!

Сергей всегда спорит:

– Доца! А как птички на рассвете поют, когда солнце лучиком прозвенит! Никакой филармонии не надо.

Дашка от этого дикого сообщения делает круглые глаза:

– Ты давно оттуда?

– Откуда?

– От верблюда. Из дур-до-ма.

Вот так, отдельно: дур-до-ма. Без всяких яких.

Сергей Власов на дочь свою не обижается. Более того, ополоумел: вывернул из кармана деньги, которую занял у Петра Тимофеевича Лобаня. Легко.

Лобань – мужик дошлый, все у него с полным верхом. Но сам сухой, в трещинах. Лобань шутил по этому поводу: «От жадности высох».

Сергей потряс пачкой денег, как в детстве погремушкой, и Дашуня наспех обняла отца, прижала к груди деньги.

– Зачем, зачем? – в ее глазах запрыгали зайчики.

– Мне не жалко! – смело заявил отец.

Ему было чрезвычайно жалко этих незаработанных денег. Обида кусала. Не на дочь, на жизнь. Не поймешь, яка. Для того чтобы погасить долг, надо ой как горбатиться на китайца. Китайца звали Лю Ши, в просторечьи – Лешка.

В четверг утром непременно являлась Алексеевна. Оглядывала все: шкаф, проржавевший холодильник, тяжелую, как трехтонный самосвал, чугунную швейную машину «Зингер».

«Зингер» достался Сергею по наследству от бабушки Зины. По семейному преданию, швейную машину ей оставил отступающий немец. Эрлих, или Эрих. Он этот «Зингер» у кого-то спер. Да вот драпали немцы, и не удалось на мотоциклет взвалить швейный агрегат. Маховое колесо мешало.

Алексеевна обнюхивала каждую вещь в доме, будто вещи были скоропортящимися и могли протухнуть или скиснуть. Порой и губу вздергивала, как Люба (явилась – не запылилась). Обнюхав, Алексеевна плюхалась на облупленный «австрийский» стул и начинала свои антимонии.

– Вот, – вздыхала она. – Счас ученые додумались удобренья вносить каплями с земли, а не с воздуха сыпать. Любу-то нашу ведь с воздуха и траванули, все почки этот «ростар» съел. Если бы дожила до этого времени, ничего бы с ней не сделалось.

Она промокала глаза рукавом своего цветного, в полоску, халата.

Сергей привык к этому суждению. И отвечал как по писаному.

– Ронстар, – поправлял Сергей Власов. – И зачем он нам, этот рис? Однако, политика!

– Политика! Дочуня в серую мышку превратилась в последнее-то время. Серая, че... – стул под Алексеевной скрипнул, качнулся, – в уборну не сходишь. А я, Серег, заметила: кто этот рис ест, у того непременно глаза делаются узкими, как зернышки. Надо бы у Митрофаныча спросить, что за загадка така.

– Сказки бабушки Анфисы! – равнодушно ответил на это зять. – Вон у нашего китаезы глазищи широченные, как колеса у КамАЗа.

– Дак они сейчас рис-то не употребляют в пищу, – не сдавалась Алексеевна. – Русские котлеты рубают за мил душу. Вот у твоего Лешки буркалы-то ажник синие. С проблеском. Ты, я слышала, бумагу получил. Денюшки назад требуют. Петр Тимофейч такой. Как жила сухой. Ты на коленочки встал?

– Вставал уже, – угрюмо буркнул Сергей. – Унизился. Ниче, выкрутимся. Жил хватит.

Алексеевна оживилась.

– Ну, к китайцу дуй. Он помягче, чем Петр Тимофеевич, – она привстала со стула, потом опять опустилась, хрусть – стул выдержал. – Вот-вот! Выкрутишься... Посодят. Придут эти... Приставы... Опишут все.

– Нечего описывать, – озорно взглянул на тещу Власов. – Голь перекатная.

Он хлопнул ладонью по ляжке, как танцевать собирался или деревенскую частушку врезать.

– А потом эти – отниматоры, что ли? Так их называют?

Сергею показалось, что теща – в принципе, грамотная – специально дурочку ломает. И говорит сказочным языком, будто былинку читает.

– Пусть! Пускай содят! Отдохнем мал мала, – он подыграл Алексеевне, а внутри екнуло. Ведь могут заграбастать. Могут.

– А к Лю Шу этому ходил, просил помощи?

– Ходил. Толку-то. Мягче он. Десять яиц дал. У виска пальцем крутит. Не может дать даже пяти тыщ на взнос. Грит, огурцы пожелтели от сильного солнца. Нет прибыли, себе в убыток все работают. Скоро, грит, вам совсем платить не станут, а вы все равно в теплицу залезете, привыкли потому как.

– И залезете! – обрадовалась теща. – Нет бы плюнуть желтому Лешке прям в морду. Мы, мол, вас давили в сорок пятом. Яйца съел?

– Сразу же... Это японцев давили... Самураев. С Китаем дружба навек. Так я хозяину и «Зингера» предлагал. Не, не хочет. Отворачивается. Конечно, в металл можно сдать, но дадут с гульки... Херню дадут.

– «Зингера» не вздумай сдавать, память о баб Зине... – Алексеевна подняла вверх короткий указательный палец. – Но если кто хорошие деньги обещает, не раздумывай. Пусть забирает. Памятью сыт не будешь. А у тебя вот, кроме рисовой крупы, ничего в шкафу-то и нет. Э-хе-хе! Яйца слопал. Весь десяток... Надо ж. Ну да, они у китайцев мелкие. Вот я тебе че скажу, зятек. Жениться тебе надо! Срочно. У меня на примете есть одна, Валентина Петровна. Постарше тебя, но уж ватрушки печет... Проглотишь – не заметишь.

– Мам! Ты че? Из психушки сбежала? «Я упала с самосвала, тормозила головой»? Я ж не могу Любане изменить. Не-е-е-е! – Сергей часто называл Алексеевну «мам».

– Ватрушка одна, дивуй, как у подсолнуха шляпа. Дурак ты! Дак твоя Любаня там, на небе-то, наблюдает. Сыт ли ты, ухожен ли. Еще спасибо скажет этой Валентине Петровне. Она немного... Она немного косит и чуток с придурью... Но у нее индоутки! Семнадцать голов. И в поплин одевается. Дур-р-рак будешь, если не женишься. Любаня наблюдают! Не сумлевайся!

Сергей вроде обиделся. Но все ж пересилил себя. И решил спросить:

– Мам, а ты не знаешь, где эти самые... С-скелеты покупают?

Алексеевна дернула головой, поправила золотой гребешок в волосах, пошарила глазами по комнате. Замерла.

– Ты че?.. Че? Зятек! Белены объелся? Окстись! Скелет нашел, что ли? Может, фрицы оставили, когда драпали.

– Хм... А на кой фиг мне скелет-то этот?

– Чей скелет?

– Все равно ж закопают. Червя на ужин. А тут – для науки. Наверное, в городе, в медицинском институте берут скелеты. За мил душу. Мне Пал Палыч Мордяков сказал: «В рассрочку покупают. Не сразу всю сумму выдают. Заботятся, чтобы не пропил».

– У Митрофаныча спрошу, где шкелеты собирают, в каком цеху, – она засмеялась звонко, как Люба, и пальцем крутанула. – Эх-х! Дурында! Говорю тебе, женись лучше, а то тараканы вон какие из головы ползут. С орех. Я тебе плохого не посоветую. Продашь скелет, так люди засмеют. Стыдоба какая!

– Че тут смешного? Для науки ж... Правда, у меня он согнутый будет. Дешевле, значит.

Алексеевна посмотрела на Сергея, как на старый чайник. Волнами лоб пошел. Убедилась, цел ли. Вразвалку поплюхала к двери. Дверь плечом открыла. Глаза на зятя кинула.

– Приходи седни. Котлетой угощу с пюрешкой. Сам уж как шкелет стал. Скоро и кости исчезнут, – она опять ломала неграмотную дурочку.

Не успела за Алексеевной дверь захлопнуться, как тут же нарисовался длинноногий парнишка с папкой под мышкой. Добрый молодец. Как цыпленок из яйца.

– Описывать? – прозрел Сергей.

Парень стал успокаивать:

– Да вы не тревожьтесь, проформа такая. Продадите чего-нибудь и погасите.

Сергей подумал: «Непрофессионал. Что за проформа? Может, платформа? Недолго ему в приставах нежничать».

Парень дергал коленкой и хлопал себя по карманам. По всем. Будто искал чего.

– Курить? – спросил Сергей.

Тот проглотил слюну:

– Ага!

– Счас я... Тут дочка приезжала. Оставила иностранные. Тонкие, как гвозди.

Он порылся в ящике машинки «Зингер» и вынул оттуда пачку. Отдал сигареты приставу.

– А вот «Зинку» в счет долга не возьмете?

Пристав побелел. В желтый рот сигарету сунул. Жует.

– Швейную машинку так зовут – «Зингер», «Зинка» по-русски.

Парнишка опомнился:

– У антиквара надо оценивать. А так – не положено. Кочкотаров фыркнет. В пыль сотрет.

– Да ты погляди, маховик пошупай. Вертолет, а не машина.

Молодец виновато улыбнулся.

Сергей понял: связываться не хотят.

– А отниматоры когда приедут?

Пристав жалко улыбнулся, бегло.

– Нечего у вас... Как-то вы... это... тихо живете, – и коленка вздрогнула. – Ну, я... побежал...

Загреб ногой, как петух навоз, и скаканул за дверь.

В эту ночь Сергей спал дурно. Сны останавливались, как чумной поезд на разных станциях. Когда что-то в жизни плохо выходило, то Сергею Власову снились вокзалы.

Давно это случилось. В городе-герое Волгограде у него из рук выдернули чемодан. Он затрясся, тут же милиционера нашел, застыл перед ним, как лист перед травой. И все его дрожь била. Милиционер и запер гражданина Сергея Александровича Власова на сутки. За дрожь. Подозрительно больно. А в чемодане всего ничего. Белье, мочалка для батяни и три бумажки мелких денег. Вот с тех пор и снились вокзалы. Даже во сне с перрона кричали: «Калач–на–Дону-у-у, Фролово-о-о, Арчеда-а-а... Не хотите ли малосольных огурчиков? Картохи-и-и...»

В конце концов сны с вокзалами доконали. Глаза разлепил. И думы, как у них на огуречном конвейере.

Нет, ни на какой Валентине Петровне он не будет жениться. Пусть у той хоть тысяча индоуток. Че? Это предательство по отношению к Любане. Она с неба наблюдает. Там бинокли всем раздают, морские. С диоптриями. Вот и наблюдает. Ревнивая Любаня-то. Однажды на природе с Надькой Кучеровой танцевал и за сиську случайно подержался. Так она эту Надьку к речке подтолкнула, к пологому берегу, и стала в воду мордой тыкать. Вот какая резкая Любаня. Стерва, сто процентов. А потом Любаня хлопала на плече: «Ты меня не любишь. Остыл»...

Сдаст «скелет». А что делать? Что? Ждать, когда из хаты выпихнут? Все же хорошая идея пришла... Конечно, можно было у Дашки спросить денег, та в «Магнит» порошки продавать устроилась, но как-то стремно у дочери просить. Лучше в город двинуть! Да в тот институт попасть. Сейчас, наверное, много охотников скелет свой продать. Очередь. Ну, хоть запишется и доложит приставам: «Ваше величество, погодите маленько, погашу задолженность». Решил-порешил. У Митрофаныча Алексеевна спросит.

...И вот кто-то по голове – бац! Как кувалдой пудовой. Реально. Елкин дрын и елкин-палкин! Вроде Алексеевны голос, но грубее: «Ишь, че удумал! Родной скелет продать! В рабство! Там его зачухают, замочалят. Это ж все равно, что доцу на панель выставить». Стул, на котором днем сидела Алексеевна, скрипнул.

Понял, дошло: грубый голос этот – не тещин, а его собственный. Встал, поглядел на себя в Любино зеркало, прилепленное в прихожей. Это был он, Сергей Константинович Власов собственной персоной.

Свежати́на

– Каким ножом Борьку решать будем?

– Дедовым.

– А может, у Лешего свой... На всякий случай приготовь. Леший когда обещал?

– С утра...

Не прошло и часа, как явился Мишка Летенков по прозвищу Леший – мужичонка мелкий, но живой. Все у него, как на смазанных шарнирах. Он был одет в синий комбайнерский комбинезон, доставшийся от отца. Спереди – большой оттопыренный карман. В нем-то и был длинный и узкий, завернутый в ветошь ножик.

Мишка, шмыгнув носом, сразу его достал и показал. Мол, для дела пришел.

Хозяин Иван Погорелов одобрительно мыкнул:

– М-м-м-мы, может, грамм этак сто для храбрости?!

Леший помотал головой:

– Целкость теряется.

Все в станице знали, что Мишка – человек недалекий, придурковатый, но крайне необходимый. Люди ведь белоручками стали. Их жалость берет: ни курицу, ни порося, ни какую другую тварь заколоть не могут. «Чепетильные», – пояснял Леший. Он еще раз дернул носом, взглянул на Марью Петровну и перевел зеленые, дурашливые глаза на Погорелова:

– Ну, егерь, показывай фронт работ!

Он знал свою незаменимость, поэтому не деликатничал.

Клетушок с кабанчиком располагался в углу, между двумя сараями. Там утробно урчало или хрюкало.

– Как звать-то?

– Иваном!

Леший тонко рассмеялся:

– Не тебя, скотину!

– Борисом звать!

– Борь-Борь, значит. Ладно, егерь. Счас кувалду прихвачу, а ты кольцо просунь, ослобони калитку, он сам побежит ко мне в лапы... Счас оборудую!

Леший стал совершать круги по двору вроде бойцовского петуха. И приговаривать:

– Борь-Борь-Борь!

– Ты чего?

– Счас, счас... Надо с разбегу брать.

В руках у Лешего оказалась кувалда. Где он ее взял? Не из своего же великого кармана вытащил...

Находившись вдоволь, Леший сделал отмашку.

Дальше все понеслось стремительно, круче, чем в кино. Леший пропеллером разматывал кувалду.

Из хаты выскочила Марья Петровна и зазевала:

– Может, музыку включить, с музыкой жутче?

Леший вздохнул, опустил кувалду на серый пористый бетон. Помешала.

– Чудно! – Мишка облизал губы. Маленький, жилистый, блоха.

И тут эта блоха пружиной подскочила. Взвилась кувалда. Звук тупой, деревянный, как по пустой бочке. Леший отскочил и немедленно ринулся к рухнувшей туше, всадил в нее свое узкое оружие. Ножик будто в резину впился. И не было ни кровинки. Борька вздрагивал копытами и переваливался с боку на бок. А потом появилась струйка.

– И все дела! – хмуро улыбнулся Леший. – По кумполу. И все дела.

В серьезной улыбке чувствовалось удовлетворение.

Как кукушка из ходиков, выскочила хозяйка, зевнула то же самое:

– Музыку?

Увидев кабана, всплеснула руками и опять исчезла.

Молча палили паяльной лампой. Вырезали требуху. Пахло жженой щетиной.

И уселись на дощатые ступеньки крыльца курить.

– Жизнь! – вздыхал Иван Погорелов.

– Жизнь, – вторил Леший.

Тут скрипнул дверью молодой, длинношей, с резко вычерченным кадыком сын Степа. Он поводил глазами по двору.

Погорелов всполошился:

– Ты, Степ, уйди. Это того. Борьку мы... Того... Я ж сообщал...

Сын лишь головой мотнул:

– Как?

А отец каялся:

– Ты, Степ, того... Не переживай. Все рано его б порешили. Грипп, говорят, свиной на нас спустили. С самолетов. Так уполномоченные ходят с тетрадью. Уколы ставят... Свиным-то. До смерти усыпляют. Конкуренция... Москвичи хозяйства наши к рукам прибирают. Вот оно и грипп – того свиным.

У Погорелова вышло: «Хрипппп».

Степан завыл. Раскачивался, схватившись за живот.

– В хату! – цыкнул на него батяня.

Сын послушался.

Леший, вытирая ножик соломой и засаленной тряпкой, глядел на лезвие, как глядят в темное стекло при затмении.

Погорелов вздохнул:

– Хорошо – успели, а то пришлось бы порося всего Шарику на тележке везти.

Леший знал, что Шарик – это Мишка Роликов. Он живет на Огородной и поедает все. Даже гнилое мясо.

Самогонки выпил Леший с устатку, стакан всего. Затискал в комбайнерский карман почки, сердце, еще какую-то требуху. Кишки вываливались, висели.

– Понесу Ваське.

– Коту, че ли? – вклинилась Марья Петровна, – Нежель коту?

Из кухни волной шел запах жареного мяса.

Погорелов сказал, как в пустоту:

– А мы тебе свой ножик припасли. От деда. Он им фрица заколол.

Леший откликнулся:

– Нельзя таким животное колоть.

Леший был уже не нужен. Он это понимал. Покашлял, посипел прокуренными бронхами, ушел. А тут подоспело мясо. Надо садиться, чин-чином. Праздник. Све-

жати́на. И мать, и отец с трудом вытянули Степана из угла. Он упирался. Отец слегка тыкал его в плечо:

– Чего уж, чего уж!

Марь Петровна всхлипнула и глаза вытерла:

– Не по своей воле! С музыкой бы надо для удовольствия.

– А-а-а-а! – взвыл Степан, морщась и отфыркиваясь, выпил самогонки.

– Охо-хо! В жизни пригодится, – воркотнул по-домашнему Иван Погорелов. – А то наткнется на каких-нибудь. На жулье! Они его напоят и разуют-разденут догола.

– Че ты балакаешь, дурень! На каких он нападет! – Марья Петровна разрезала на тарелке сына мясной кусок тем самым дедовым темным ножиком.

А часа через два Степан проснулся на своем диване. В углу.

Он вспомнил, что пил самогонку и ел... того поросенка, которому выносил рисовую шелуху, размоченный хлеб и комбикорм. Борьку уминал!

В глаза лез топырящийся свиной фарфоровый пятак. Степан встряхнул голову, словно из воды вылез. От жалости своей отряхнулся, от слез. Вспомнил Пашку Житинского. Зачем вспомнил? Неизвестно. Тот Житинский Пашка притягивал всех своей суровой наглостью. Его любили и боялись. Он был редок, как тот же Леший или обожающий мясо с гнильцой Шарик.

– Че я вам, пацаны, калякаю. Крысы, они подарочки любят. Духи, деньги, цацки. Во-о-о, лявры, точняк!

И от Житинского удалось отвязаться. Глаза сжал-разжал. И тут Жанна из воздуха вышла. Жанка! Из какого воздуха?

Он очнулся, очухался у ее двери. Странно, что мясо Жанна взяла сразу, лишь по-кошачьи протянув:

– Мя-я-я-ясо! А я как раз собиралась. Проходи, Степ. На рынок... Собиралась. Телек сейчас врублю.

Она нырнула сквозь цветастую, в кубиках, занавеску за одежный шкаф и оттуда уже явилась в темно-вишневом халате, разрез которого показывал сочную, загорелую ногу. И сразу чмокнула Степана в щеку:

– Вот ты какой, а я думала, ты – не такой!

Отскочила и стала нарезать круги по широкой комнате. Руки сзади сцеплены. Это был разбег, какой недавно делал у Погореловых на дворе Леший.

– У меня есть ликер! Ма-а-а-алиновый!..

Она сделала еще круг и взмахнула широким атласным рукавом.

Объявила, как на сцене:

– Скатерь-самобранка, – усмехнулась, – сама бранит!

Степану пришлось пить приторно-сладкую розовую жидкость. Жанна прижималась к нему щекой. И эта щека – вот неожиданно! – пахла свежатиной, пахла густо.

– А потом мяска пожарим! Мяска!

Жанна – добрая, она даже всхлипнула, когда Степан рассказал о том, каким понятливым был поросенок, как Борьке нравилось, когда его за ухом почесывают.

И этот умный поросенок кивал своим фарфоровым пятком.

Жанна всхлипнула и стала играть металлическим бегунком на халате.

Ветер из форточки шевелил кубики на шторке, как будто строил из них лабиринт. Он давно любил Жанну и прижимал ее руку к щеке, к губам, ко всему ласковому

и голому, прижимал, будто мягко вдавливал в себя. Прижимал, пока не понял, что сам-то... плачет.

И как это хорошо все. Ее тело, губы... все.

Неужели убитый Борька эту радость принес? Странно как.

– А? Что ты говоришь?

Сквозь слезы – сладкие, незнакомые – высказал:

– Жанна, выходи за меня замуж, мы ведь уже!.. Уже и так, уже...

– Ты что, глупенький, никак не можно. Никак! Учусь я. А закончу – в театральный буду поступать. Не переживай, милый, у нас же телефоны... И встретимся как... будь...

ПРОЗА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Владимир СОРОКИН

Владимир Иванович Сорокин родился в Саратове. В 1980 году окончил Симферопольское высшее военно-политическое строительное училище, служил в рядах Вооружённых сил СССР. Член Союза писателей России, председатель Крымского регионального отделения Союза писателей России. Лауреат международного литературного фестиваля «Крымская Альгамбра» (2002), Всероссийской литературной премии «Белуха» имени Г. Д. Гребенищикова (2017). Печатался в литературных изданиях «Радуга», «Черное море», «Алые паруса», «Берега Тавриды», «Золотой Пегас», «Дон», «Москва», «Севастополь», «Литературная газета», «Литературный Крым». Автор сборника рассказов «Пыль на погонах», повести «Балбесова гора».

Ополчение

– Да иди ты со своим ополчением! Знаешь куда?!

Алексей с раздражением провел пальцем по экрану дисплея, бесцеремонно оборвав бессмысленный и беспредметный, по крайней мере, как ему казалось, разговор.

– Задолбал! – произнес он вслух не в силах погасить внутреннего раздражения.

Наверное, уже третий день кряду Алексея донимал телефонными звонками его бывший однокурсник по военному училищу Валерка Протасов. В обычной жизни они пересекались с ним пару, от силы, тройку раз в год, обменивались дежурными фразами: «Как дела? Как здоровье?» и потом опять надолго исчезали из поля зрения друг друга. А тут, смотри, звонит по десять раз на дню, да ладно, если бы по делу, а то... Алексей всегда относился с большой осторожностью ко всякого рода предложениям о поддержке той или иной политической силы.

«В этом деле, – резонно рассуждал он, – надо держать ухо востро, а то и глазом не успеешь моргнуть, как окажешься втянутым в какую-нибудь авантюру».

– Мужчина, не проходите мимо, берите сувениры!

Обернувшись, Алексей увидел совсем юную девушку, которая держала в руках толстые пучки разноцветных лент. Впрочем, это только на первый взгляд ленты ка-

зались разноцветными. В одной руке она сжимала оранжевые, в черную полоску, Георгиевские ленты, а в другой – ленты, раскрашенные в цвета российского триколора.

– Мне по две штучки и тех, и тех, – попросил Алексей.

– Да, пожалуйста, – с радостью согласилась девушка.

Алексей не сразу определился, какую из лент прицепить к петлице, но, в конце концов, остановил свой выбор на Георгиевской.

Осмотревшись по сторонам, он неожиданно обнаружил, что за размышлениями не заметил, как оказался на центральной площади города. Еще вчера все новостные телеканалы крутили видеоролики, на которых радикалы пытались свалить памятник Ленину, а сегодня здесь царила тишь да благодать. Только вытоптанные клумбы да одинокий гражданин в старомодной пыжиковой шапке с плакатом: «Руки прочь от вождя мирового пролетариата» напоминали о вчерашних драматических событиях.

Чуть ниже гражданина, прямо на гранитных ступенях постамента, расположилась группа казаков в разномастном казацком одеянии. Алексей слабо разбирался в хитросплетениях казацкого форменного обмундирования. Но среди стоявших можно было заметить и темно-синие, с ярко красными лампасами шаровары, и долгополые черкески, и кубанские, с белыми крестами по красному верху, отороченные каракулем шапки. В самой середине компании в залихватски заломленной на затылок папаше крепко стоял огромный седобородый казак. В руках он держал инкрустированную зеленым перламутром гармонь, которая в его медвежьих лапах казалась неестественно мелкой, напоминающей концертино. Перебирая по клавишам своими толстыми, покрасневшими от стужи пальцами, он горланил луженой глоткой о том, как ему любить, и что-то еще про батьку атамана. Стоявшие рядом казаки и ростом пониже, и статью пожиже, невпопад подпевали ему хором неслаженных, чуть хриплых голосов.

– Цирк уехал, а клоуны остались, – невольно усмехнулся Алексей, с интересом разглядывая станичников.

Немного в стороне от импровизированного казацкого хора собралась довольно внушительная группа военных отставников. Возможно, там были не только отставники, но на большинстве из стоявших красовались офицерские, преимущественно морские, парадные фуражки. Над их головами свежий февральский ветер трепал множество разноцветных стягов: российских, советских, военно-морских сил и десантных войск и еще каких-то, ранее Алексеем не виданных. Не вполне трезвая личность в полном парадном обмундировании капитана третьего ранга советского военно-морского флота держала в руках написанный, скорее всего тут же, на скорую руку, плакат: «Штаны пропью, но флот не опозорю!!!»

За спинами бывших военных, с противоположной стороны от памятника вождю мирового пролетариата, виднелась еще одна группа граждан. В руках они держали преимущественно крымско-татарские, цвета морской волны, флаги и «жовто-блакитние» верноподданнические прапора. Все это разномастное действо напомнило Алексею какой-то заурядный, плохо отрепетированный балаган.

«И вот это, – с грустью подумал он, вспомнив уговоры своего сокурсника, – он называет ополчением?»

Алексей, прошел еще немного вдоль строя «отставников» и неожиданно уперся взглядом в выставленные прямо на парапете портреты. Из-под черных, похоронных рамок на него укоризненно взирали молодые ребята, убитые пару дней назад, где-то

там, в пекле «майдана». Чувство стыда, или скорее чувство неловкости, неожиданно настигло Алексея. Там, глубоко внутри себя, он понимал, что в этот раз отсидеться не получится, что в этот раз все зашло слишком далеко, и он обязан сделать выбор, определиться, на чьей стороне он находится, и что он, конкретно он, может положить на алтарь отечества.

«Ребята положили жизнь, – подумал Алексей, – но вопрос: ради чего? Что от этого поменялось? И что может изменить чья-то смерть в принципе?»

Впрочем, вопрос выбора перед Алексеем не стоял, все его внутреннее существо противилось «майдано-бандеровской», коричневой с «жовто-блакитним» оттенком идеологической мути. Но за последние годы он как-то смирился, свыкся с подобным положением вещей, стараясь не замечать нарастающего разгула украинского национализма. Он выработал в себе некое умение смотреть на происходящее вокруг как на явление природы, остановить которое, или хотя бы повлиять на которое, он был не в силах.

– О! – услышал Алексей за спиной чей-то удивленный возглас. – Я его, можно сказать, целыми днями по телефону вызваниваю, а он, оказывается, тут как тут, собственной персоной.

Обернувшись, Алексей увидел своего сокурсника, с которым он всего несколько минут назад говорил по телефону. Молча пожав Протасову руку, он продолжил рассматривать траурные портреты, всем своим видом демонстрируя, что к прерванному телефонному разговору он возвращаться не намерен.

– Под Уманью, – тихо и как-то очень буднично произнес Протасов, – наших тоже порядком положили.

– В каком смысле «положили»? – переспросил Алексей, исподлобья взглянув на приятеля.

– Два автобуса расстреляли, – пояснил Протасов, – наши крымские ребята из Киева с «антимайдана» домой возвращались, так их там, прямо на дороге и подкараулили. Кого сразу, на месте, пристрелили, а кто до сих пор в без вести пропавших числится.

– Врешь! – не поверил Алексей.

– Если бы, – вздохнул Протасов. – Дорого бы я отдал за то, чтобы это оказалось неправдой.

Замолчали. В душе Алексея непроизвольно стало нарастать дикое, неуправляемое раздражение. Чувство вины за гибель неизвестных ему людей, там, в огне майдана и на безлюдном шоссе под Уманью, жгло его сердце, наполняя душу чувством необъяснимой тревоги безысходности.

– Зайдем, – предложил Протасов, кивнув в сторону расположенного неподалеку кафе, – а то ведь день Советской армии и Военно-морского флота неотмеченным остался, не по-людски это.

– Хорошо, – согласился Алексей, – давай зайдем..., чего не зайти-то.

Несмотря на довольно раннее время, мест в кафе не оказалось, даже барная стойка, расположенная в дальнем углу зала, была плотно облеплена посетителями. В основном это были крепкие чернявые мужчины, облаченные в кожаные куртки и овчинные дубленки. В кафе было смрадно, шумно и как-то неуютно.

– Вот это да, – удивленно произнес Протасов, осматриваясь по сторонам, – и че это они сюда приперлись в такую рань?

– Наверное, за тем же самым, что и мы, – предположил Алексей.

– День Советской армии и Военно-морского флота отмечать, что ли?

– Ага, – подтвердил догадку приятеля Алексей, – исключительно ради этого. Смотри, – указал он рукой в дальний угол зала, – там, по-моему, столик освобождается.

– Нам с другом, – обратился Протасов к подошедшей официантке, – водочки, грамм по сто пятьдесят, и закусить чего-нибудь.

– Мы сегодня спиртного не отпускаем, – с безразличным видом сообщила официантка.

– Как это? – не поверил Протасов. – У вас что, сегодня постный день?

– День у нас самый обыкновенный, – официантка сделал вид, что не поняла юмора, – или заказывайте, или освобождайте столик, – поставила она вопрос ребром.

– Хорошо, хорошо, – пошел на попятную Протасов, – но пиво-то, я надеюсь, в вашем заведении в наличии имеется?

– «Черниговское», – сообщила официантка.

– Ладно, давай два бокала «Черниговского» и каких-нибудь салатов на закуску.

Проводив взглядом официантку, Протасов, не поднимая глаз, принялся вертеть в руках хрустальную перечницу, возникла неловкая, томительная пауза. Алексей почувствовал, что его давний приятель, с которым они «съели» не один пуд «курсантской соли», не решается заговорить с ним о чем-то очень важном, о том, что или объединит их сегодня, или разведет по разным сторонам баррикад и, возможно, разведет уже навсегда.

– Ты с ними? – наконец, в лоб спросил Протасов.

– Нет, – ответил Алексей.

– Да какого же рожна ты тогда кочевряжишься?

– Ты про ополчение, что ли?

– А про что же еще? – удивился Протасов.

– Ну, хорошо, – согласился Алексей, – я постараюсь тебе кое-что растолковать. Вот ты, – ткнул он указательным пальцем прямо в лоб приятеля, – на первый взгляд, производишь впечатление взрослого адекватного человека, с большим жизненным опытом, дослужившегося до майора, командовавшего батальоном...

– Военно-строительным отрядом, – поправил его Протасов, – а это, между прочим, на целый ранг выше, я бы и до полковника дослужился, если бы Союз не развалили.

– Конечно бы, дослужился, – согласился с его доводами Алексей, – и я бы дослужился, да все бы мы до чего-нибудь дослужились, если бы... Но, как известно, история сослагательных наклонений не приемлет. Но дело даже не в этом, – непроизвольно махнул рукой Алексей. – Чем объяснить, что ты, имея такой колоссальный армейский опыт, не понимаешь элементарных вещей? Ведь твое ряженое ополчение способно только песни горланить да водочку втихаря у постамента вождю мирового пролетариата употреблять. С кем ты, с этим войском воевать собрался, Валера?

– Ну, это ты зря, – возразил Протасов, – у нас, между прочим, все по-серьезному, и ты правильно заметил, уж в чем, в чем, а в формировании военизированных подразделений я кое-что смыслю. С командным составом, правда, туговато, но это временные трудности. А эти, которые на площади песни горланят, к нам вообще никакого отношения не имеют.

– Хм, вон оно как, – усмехнулся Алексей, – военизированные подразделения, говоришь? Небось, ты уже и личный состав по взводам распределил, и командиров назначил, и списки составил?

– А то как же! – самодовольно улыбнулся Протасов. – Как учили, нас теперь голыми руками не возьмешь.

– А ты, случайно, не задумывался, как твои деяния трактует закон?

– В каком смысле? – не понял Протасов.

– А здесь один смысл, вернее криминальный умысел, – уточнил Алексей, – с точки зрения закона, все, что ты делаешь, трактуется как создание незаконных вооруженных формирований. Да не просто формирований, – поднял Алексей вверх указательный палец, – а формирований с целью свержения законной власти. Двадцать лет, Валера, но это по минимуму, а то и на пожизненное загреметь можно.

– Какой закон?! Ты сейчас о чем, вообще? – возмутился Протасов. – Ты посмотри, что в стране происходит. Кончился твой закон, какие-то ублюдки муниципалитеты захватывают, чиновников в мусорных баках зеленкой обливают, милиционеров дубинами до смерти забивают, а ты говоришь: «закон». Значит, им можно, а нам нельзя? Значит, для нас закон существует, а для них нет? Или ты думаешь, что у нас все по-тихому обойдется, что нас убивать не станут?

– Не обойдется, к сожалению, – согласился Алексей, – но сейчас эти «ублюдки», как ты выразился, и есть власть. И что бы они ни сделали, что бы ни сотворили, новая власть всегда будет на их стороне, а вы для их власти так навсегда и останетесь незаконным бандформированием. Это диалектика жизни, Валера. А списки ополчения, которые ты с такой тщательностью составлял, наверняка уже лежат на столе у какого-нибудь чина из СБУ.

– И что, что ты предлагаешь? – пожал плечами Протасов. – Сложить лапки и ждать, когда тебя убивать придут?

– А ты готов умереть за идею? Или, еще лучше, убить кого-то за идею?

– Готов, – решительно произнес Протасов, – только не за идею, а свою землю, за свою семью, за свою честь, в конце-то концов.

– Боже, какой пафос, – похлопал в ладоши Алексей. – Но это, как ни крути, только эмоции, а есть еще и элементарный расчет. Какой смысл втягиваться в драку, если заранее знаешь, что обречен на поражение? Это все равно, что с финкой на паровоз переть. За спинами этих «ублюдков» власть, полиция, армия, Евросоюз, Америка. А с кем ты? С казаками да гармошками? Тебя этот дисбаланс не смущает?

– А Россия? – с волнением в голосе произнес Протасов. – А Краснознаменный Черноморский флот? Ты думаешь, что они допустят, чтобы в городе-герое русской славы Севастополе разместились военно-морская база США?

– Господи! – Алексей непроизвольно приложил ладони к вискам. – Да что же у тебя за каламбур в башке-то творится? Да сдала твоя Россия, давно сдала и Севастополь, и Югославию, и Грузию, вот теперь дошла очередь и до Украины. Никто, слышишь, никто из-за нас с тобой голову на плаху класть не станет, да и третью мировую войну из-за Крыма начинать никакого резона нет. Сольют нас, Валера, как миленьких сольют, да что там сольют, слили уже.

– И что теперь делать? – с дрожью в голосе произнес Протасов.

Алексей понял, что подобные мысли посещали и его приятеля, но он, судя по всему, гнал их от себя, пытаясь спрятаться за напускной бравадой бывалого вояки.

– А что тут поделаешь?! – вздохнул Алексей. – Или закопаться ниже плинтуса и делать вид, что происходящее тебя не касается, или «рвать когти», пока не поздно.

– То есть? – произнес Протасов зловещим шепотом. – Ты! Ты предлагаешь мне вместе с этой оголтелой сворой топтать святое Знамя Победы, кричать: «Хайль Гитлер?! Слава Украине?!» И лизать сапоги бандеровскому отрепью?! И при этом делать вид, что происходящее меня не касается?! Да кто же я буду после этого?! Да как же я буду жить с этим?!

– Да что ты все про себя да про себя?! – Алексей тоже перешел на повышенный тон. – А о семье своей, о близких своих ты подумал? Ты им живой и здоровый нужен, понимаешь? А глобальные политические проблемы, уверяю тебя, и без нас найдется кому порешать.

– Так! – решительно произнес Протасов, поднявшись из-за стола. – Политические дебаты прекращаем. Не знаю, что там происходит в глобальной политике, а сейчас и здесь нам нужно не допустить срыва заседания парламента. Мы республика, понимаешь, республика, и от того, какое решение сегодня примут депутаты, очень многое будет зависеть. Ты со мной, – пронзил он Алексея пристальным взглядом, – или под «плинтус»?

– Да куда же от тебя денешься, – примирительно произнес Алексей, – а с этим, что делать будем? – показал он на два бокала нетронутого пива.

– После допьем, – решил Протасов, бросив на стол двухсотгривенную купюру.

На улице прохожих заметно прибавилось. «Прохожие», объединенные в небольшие группы, человек по десять-пятнадцать, подтягивались к правительственному зданию, где должно было начаться заседание Верховной Рады. Алексей с удивлением обнаружил, что флаги с российским триколором и красные советские стяги, которые во множестве попадались ему еще утром, куда-то исчезли. Теперь повсюду виднелись только крымско-татарские и «жовто-блакитные» полотнища, а кое-где и зловещие, напоминающие траурные ленты, красно-черные флаги «правого сектора».

– А куда же наши-то подевались? – спросил Алексей, едва поспевая за приятелем.

– Да черт их знает, – с раздражением произнес Протасов, с трудом пробираясь сквозь толпу зевак, – давай с той стороны зайдем, – предложил он, – напрямую нам уже не пробиться.

Действительно, огромная толпа, состоявшая из плотно прижатых друг к другу людей, не оставляла ни малейшего шанса пробиться к главному входу правительственного здания.

– Да вот же они! Наши! – обрадовался Протасов, когда приятели в обход, с трудом, но все же сумели протиснуться ближе к центральному входу.

Старые знакомые, которых Алексей еще утром наблюдал на центральной площади города, плотным кольцом охватили по периметру правительственное здание, преградив, таким образом, путь радикалам.

– Ну, слава Богу! – с облегчением произнес Протасов, когда они наконец-то добрались до места. – Ребята из Севастополя подтянулись, без них бы нам здесь, ох, как туго пришлось.

– Где тебя носит? – набросился на Протасова подошедший сзади мужчина в камуфляжной куртке и джинсах, заправленных в высокие армейские берцы. – Быстро становитесь вон там, – указал мужчина в сторону казаков, – сейчас для нас самое важное – главный вход защитить.

Алексею показалось, что какая-то неведомая сила подхватила его и потащила в указанное мужчиной в камуфляжной куртке место. Оказавшись плечом к плечу с седобородым казаком, он, зажатый в плотное кольцо из человеческих тел, теперь безвольно раскачивался из стороны в сторону, подверженный волнообразным ритмам движения толпы. Чернявые ребята из кафе (некоторых Алексей даже узнал) теперь стояли к нему лицом и так же, как и он, ритмично раскачивались из стороны в сторону. Агрессии не было, стоявшие безразлично взирали друг на друга, очевидно, не до конца понимая, зачем они здесь оказались и что от них, собственно, хотят.

– Банду, ге-е-еть! Банду, ге-е-еть! – слышались из дальних рядов нестройные возгласы. Толпа не сразу, но все же подхватила призыв, с каждой секундой все громче и громче выкрикивая лозунги.

– Россия! Россия! – гром голосов, словно по команде раздавшийся за спиной Алексея, лавиной накрыл нестройные возгласы оппонентов.

– Украина! Украина! – заорал в ответ хор голосов с противоположной стороны.

Стороны, еще немного порвали глотки, но разогреть толпу до нужного «майданного» градуса не получалось.

Неожиданно по противоположной стороне прокатился невнятный ропот. Затем ропот перешел в одобрителный гул, улюлюканье, какие-то выкрики, которые было сложно разобрать.

– Слава Украине! – пронесся над толпой писклявый фальцет.

– Героям слава! – раздался в ответ хор слаженных голосов.

Красно-черных флагов заметно прибавилось.

– Пипец! – услышал Алексей за спиной чей-то возглас. – «Правосеки» из Киева на подмогу прибыли, теперь держись!

Действительно, сквозь цепи плотно прижатых друг к другу людей стали пробиваться какие-то подозрительные личности, было понятно, что делали они это далеко неспроста.

– На провокации не поддаваться! – пронеслось по цепи.

Алексей как-то сразу зацепился глазами за пролезшего в первый ряд «правосека», очевидно и «правосек» выделил Алексея в качестве потенциальной жертвы. Какое-то время они пристально смотрели в глаза друг другу, пока гость из Киева не вскинул руку в нацистском приветствии и не прокричал:

– Слава Украине!

– Хайль Гитлер! – слышалось Алексею.

– Слава Украине! – снова и снова орал «правосек»

– Хайль Гитлер! – снова и снова слышалось Алексею.

Не владея более с расправившими его эмоциями. Алексей рванулся вперед.

– Стой! – кто-то попытался удержать его за плечи. – Ты что, не видишь!? Он же тебя провоцирует!

Но удержать Алексея в этот момент, наверное, не смогла бы уже никакая сила. Ведомый внутренними, внезапно пробудившимися инстинктами, он ощутил непреодолимое желание вцепиться в глотку этому брызгавшему слюной мерзавцу.

Что произошло дальше, Алексей запомнил смутно, вернее он вообще не понял, что произошло. Внезапно что-то темное и бесформенное, по крайней мере, так ему показалось, возникло перед лицом. Затем послышался протяжный писк гармони, и только после этого он услышал чей-то удивленный возглас:

– Ах, ты ж бя... такая!!!

Когда предмет, закрывающий обзор, исчез, перед взором Алексея предстала широкая спина казака. Казак держал в левой руке гармони, в меха которой по самую рукоятку был воткнут нож с плексигласовой наборной ручкой. «Мерзавец» с расквашенной физиономией и подкосившимися коленями безвольно висел на руках близстоящих товарищей. Боковым зрением Алексей заметил, как несколько человек, интенсивно работая локтями, пытались пробиться к месту происшествия.

– Это не мы, слышишь? Это не мы, нам не нужна кровь!

Пожилой мужчина в высокой каракулевой папахе, явно татарской национальности, пытался в чем-то убедить стоявшего перед ним казака. Затем, повернувшись, он что-то громко выкрикнул на татарском языке.

– По-русски говори! – потребовал казак.

– Правый сектор вперед не пускать! – прокричал старик.

Подчиняясь команде, протестующие, стоявшие в первых рядах, плотно сомкнулись локтями, а некоторые из них еще и накрепко сцепились руками. Но именно в этот момент где-то там, у центрального входа, послышался звон битого стекла. Толпа, ведомая инерцией тысяч человеческих тел, качнулась было вперед. Но тут же замерла в тревожном ожидании.

– Прорвали, суки! Оцепление провали! – пронеслось над толпой.

– Все к центральному входу! – орал мужчина в берцах. – Не дадим захватить здание!

Но куда-то бежать или просто перемещаться в пространстве не представлялось никакой возможности. Зажатые в каменном мешке внутреннего двора, люди напирали друг на друга, но без особой надежды, а возможно и желания, сломить сопротивление защитников правительственных апартаментов.

В какой-то момент толпа неожиданно притихла, возле центрального входа обозначилось едва заметное движение, но что именно там происходило, было непонятно.

– Все! Баста! – стали разноситься возгласы. – Приехали, кина не будет!

– Какого кина?! – прокричал стоявший рядом с Алексеем казак. – Толком объясните!

– Кворума нет, – ответили ему, – заседание перенесли!

– Вот же ж, сука, – возмутился казак, – мы тут, понимаешь, жилы рвем, а у них, видите ли, кворума нет. Да иди ты, – безадресно крикнул он, – знаешь куда, со своим кворумом!

Как-то в один миг спало напряжение, толпа, постояв еще несколько минут, стала потихоньку рассасываться.

Но Алексей продолжал стоять, не было сил сдвинуться с места, до него только сейчас стал доходить смысл произошедшего. Ведь не окажись рядом с ним казак, то нож с плексигласовой наборной ручкой торчал бы сейчас не в мехах гармони, а в его сердце, и шансы остаться в живых были у него, ох, как невелики. Алексей осмотрелся по сторонам, пытаясь отыскать Протасова, но тот как сквозь землю провалился.

«Да Бог с ним, – подумал Алексей, – никуда не денется, позвонит, рано или поздно».

Сделав над собой усилие (налитые свинцом ноги показались ему неподъемными), он медленно пошел вдоль гранитного парапета небольшого, отключенного на зиму, фонтана. Сразу за фонтаном Алексей неожиданно столкнулся с группой казаков, которые, судя по всему, с жаром обсуждали последние политические события.

– Спасибо вам, – произнес он, подойдя поближе и слегка склонив голову, – спасибо огромное, от всего сердца.

– За что же ты нас благодаришь? – удивился седобородый казак.

– Вот за это, – указал Алексей на порванные меха, висевшей на его плече гармони.

– А-а-а, – протянул казак, очевидно узнав Алексея, – тогда с днем рождения тебя, паря, считай, что ты сегодня заново родился. Гармонь, правда, жалко, дедова гармонь-то, но да ладно, – махнул он рукой, – как ни крути, она в бою пострадала.

– Вы, главное, посты, посты на ночь выставьте, – принялся с жаром говорить Алексей, – они не успокоятся, не получилось днем, они обязательно ночью нагрянут. Если потребуется, то я и с вами дежурить останусь.

– Ты на себя в зеркало посмотри, – посоветовал Алексею седобородый казак, – на тебе ж лица нет, ты же белый как полотно. Тебе сейчас в пору не в сторожа наниматься, а водочки грамм триста хряпнуть, да выспаться как следует. А за посты не беспокойся, у нас не забалуешь.

– Еще раз спасибо, – поблагодарил казаков Алексей, – за все, огромное спасибо, – он повернулся, чтобы уйти.

– Пстой! – окрикнул его седобородый казак. – На, вот, – протянул он Алексею сделанную из напильника с плексигласовой наборной ручкой заточку, – сохрани на память.

Алексей медленно шел по улице, мысленно он вновь и вновь возвращался к драматическому эпизоду, который произошел с ним сегодня во время митинга. Все глобальные политические процессы сосредоточились сейчас для него на острие заточки, которая лежала в кармане его куртки. Только сейчас его настиг страх, страх за собственную жизнь, только сейчас он стал осознавать, насколько зыбкой была эта грань, грань между жизнью и смертью.

«Казак прав, – подумал Алексей, преодолевая неприятную дрожь, охватившую его тело, – надо накатить».

Неожиданно во внутреннем кармане куртки завибрировал телефон, Алексею не сразу удалось выудить его оттуда.

«Прокопенко Александр», – прочитал он экране дисплея, это был еще один его сокурсник. Пару лет назад, встретившись на юбилее училища, они обменялись телефонами, однако общение их ограничивалось в основном отправкой по «WhatsApp» друг другу «поздравленок».

– Слушаю, – ответил на звонок Алексей.

– Здорово, сепаратист! – радостно орал в трубку Прокопенко. – Вы что там, с глузду съехали, чи шо!? На хрена вам эта «Рашка» сдалась? Вы с головой-то дружите вообще? Перед вами Европа! Понимаешь, Европа двери открывает, а вы назад в какую-то срань лезете.

Алексей не смог переключиться на разговор, не смог сразу понять о какой «срани» говорил с ним Прокопенко.

– Ты сейчас про что говоришь? – решил уточнить он.

– Да про то же самое, – ответил Прокопенко, – перед вами сумасшедшие перспективы открываются, к вам же теперь вся Европа отдыхать попрется, а это тебе не гопота донецкая, знаешь, какие это «бабки»? На золоте жрать и спать будете.

– Постой, постой, – остановил сокурсника Алексей, до него постепенно стал доходить смысл разговора, – а причем здесь ты? А причем здесь Европа? Вы какое к нам имеете отношение?

– Да вы, как я погляжу, – усмехнулся Прокопенко, – в Крыму все малахольные какие-то, собственной выгоды не понимаете. Все, Леша! Все, кончилось ваше время, если ты еще не понял этого, можешь считать, что мы уже в Европе. А с теми, которые особо не понятливые, мы церемониться не станем, два дня назад мы ваших придурков всю ночь как зайцев по лесам гоняли.

– Саня, – тихо произнес Алексей, в его сознании возникла чудовищная догадка, опровергнуть и подтвердить которую ему сейчас предстояло, – а ты где живешь?

– Как где? – удивился Прокопенко. – Под Уманью.

То, что произошло с Алексеем в следующий момент, с точки зрения психиатрии, очевидно, трактовалось как нервный срыв. Телефонный звонок выбил из фундамента его подсознания, придавленного огромной массой событий и впечатлений, накопленных за последние дни, маленький камешек, вернее крохотную эмоциональную песчинку. Стена рухнула, лавина понеслась вниз, сметая на своем пути все устои, правила, принципы, переминая и переламявая, казалось бы, вечные, незыблемые законы бытия.

Что он орал в трубку, Алексей не помнил, скорее всего, что-то не вполне приличное. Когда он вернулся в действительность, то обнаружил себя стоящим посередине улицы с плотно прижатым к уху отключенным мобильным телефоном, несколько случайных прохожих с любопытством взирали на него.

– Извините, – произнес Алексей, засовывая в карман мобильный телефон.

Войдя в квартиру, Алексей, не снимая куртки, прошел на кухню и поставил на стол бутылку водки. Поразмыслив несколько секунд, он достал из кармана заточку и зачем-то положил ее рядом.

– Ну и как это прикажете понимать? – услышал он за спиной голос жены.

– А-а-а, Наташа? – с удивлением произнес Алексей, будто встреча с женой в собственной квартире была для него неожиданностью. – Собери чего-нибудь на стол по-быстрому.

– А по какому поводу гуляем? – поинтересовалась Наташа.

– Да так, – пожал плечами Алексей, – у одного хорошего человека, впрочем, – запнулся он, – может быть, и не очень хорошего человека, сегодня случился день рождения.

– А эту гадость, – указала Наташа на заточку, – ты где взял?

– Нашел, – ответил Алексей первое, что пришло на ум.

– Вечно ты всякую дрянь в дом тащишь, выбрось ее немедленно, чтобы я ее больше не видела.

Отодвинув штору, Алексей положил заточку на подоконник. Когда, сняв куртку и помыв руки, он вернулся обратно, стол уже был сервирован на две персоны, Наташа тонкими ломтиками дорезала на разделочной доске замороженное сало.

Не дожидаясь завершения процесса сервировки, Алексей откупорил бутылку и до краев наполнил стопки.

– Ну что, – произнесла Наташа, приняв из его рук рюмку, – нехай ему щастит, удачи ему по жизни!

– Кому? – не понял Алексей.

– Ну, этому, не очень хорошему человеку, день рождения которого мы сейчас отмечаем.

– А-а-а, – протянул Алексей, – ты про это, удача ему сейчас, ох, как бы не помешала. Залпом опрокинув стопку, Алексей, не закусывая, налил себе еще одну.

– Что? – поинтересовалась Наташа, внимательно наблюдая за мужем. – Неужели все так хреново?

Алексей ответил не сразу, присев за стол, он какое-то время внимательно рассматривал налитую в рюмку жидкость, затем резко отодвинул ее в сторону.

– Сначала они снесут наши памятники, – отрешенно заговорил он, – потом они разрушат наши храмы, затем они поглумятся над нашими святынями и только после этого они доберутся до нас. Впрочем, нас, как таковых, к тому времени уже не останется, мы превратимся в послушную, безмолвную, убогую биомассу. И мерилom нашей свободы, чести, счастливой жизни станет обыкновенный плинтус.

– При чем здесь плинтус? – не поняла Наташа.

– Да просто таким, как мы, не оставят иного способа существования, как забиться под плинтус и не высовываться.

– Хорошо было им, – задумчиво произнесла Наташа.

– Кому? – не понял Алексей.

– Ну, тем людям, шестьдесят лет назад. Легли спать в России, проснулись на Украине, ни тебе митингов, ни социальных потрясений, ни идеологических перекосов, тишь да благодать, красота. Вот было бы здорово, если бы и сейчас так: уснули на Украине, а проснулись в России.

– Тогда время было другое, – возразил Алексей.

– Время всегда одинаковое, – не согласилась Наташа, – тогда люди были другие, они войну прошли и что такое фашизм им объяснять было не надо. А эти нынешние зигующие? Подонки сами не ведают, что творят.

Утром Алексея разбудил Арсений. Арсений был псом деликатным, поэтому каждый день ни свет ни заря он осторожно, чтобы не потревожить домашних, принимался тыкать своим влажным носом руку хозяина, приглашая его разделить с ним радость утренней прогулки.

– И чего тебе не спится, рыло лохматое? – недовольно бурчал Алексей, набрасывая на плечи куртку. – Завели животное на мою голову.

Выйдя из подъезда, Алексей сначала попытался присесть на скамейку, но передумал, холодок замороженных за ночь досок ощущался даже через куртку. Закурив, он от нечего делать принялся наблюдать за Арсением, который с щенячьим восторгом носился по окрестностям.

«Ну и что теперь делать? – в который раз задавал себе Алексей риторический вопрос. – Что делать? Что делать? – повторял он. – Уезжать отсюда надо, пока не поздно. Легко сказать: «Уезжать», а как? Продать квартиру? Не дадут, таких «же-

лающих», которые захотят продать свое имущество, сейчас будет десятки, если не сотни тысяч. И потом, зачем что-то покупать, когда можно это «что-то» взять даром, необходимо только создать соответствующие условия и народ сам побросает свое добро, а уж «условия» создавать они умеют. Купить халупу в каком-нибудь селе под Воронежем? А гражданство? Переходить на нелегальное положение и подрабатывать дворником? Ну, ладно я, а дети? А внуки? С ними-то как быть?»

Какие бы варианты ни прокручивал в голове Алексей, он отчетливо понимал, что бежать ему некуда, да и что-то менять в жизни было уже поздно.

– Здорово, Лексей!

Оторвавшись от размышлений, Алексей увидел Михалыча, соседа с верхней площадки.

– Здравствуй, Николай Михалыч, – пожал он соседу руку. – А ты здесь какими судьбами, в такую рань?

– Дак, – неопределенно протянул Михалыч, – с ночной я, ты че, не знаешь, я ж теперь на насосной дежурю. Папироской не угостишь?

– Да кури на здоровье, – Алексей протянул соседу открытую сигаретную пачку.

– Слыхал, – поинтересовался, Михалыч, прикуривая, – люди, когда я в троллейбусе ехал, говорили, что сегодня ночью будто бы все правительственные здания позахватывали?

– Кто? – переспросил Алексей, от недоброго предчувствия к его горлу подкатился ком.

– Знамо, кто, – произнес Михалыч с деловым видом, – правосеки, кто же еще? Больше-то не кому.

– Арсений! Ко мне! – прокричал Алексей, не в силах совладать с вскипевшими внутри эмоциями.

Осторожно, чтобы не разбудить домашних, Алексей вынес вещи на кухню, одевшись, он отодвинул занавеску, чтобы взять с подоконника заточку.

– Ее там нет, – услышал он за спиной голос жены. – Ты куда собрался?

– Прогуляюсь, – ответил Алексей, пытаясь пройти к входной двери.

– Что ты задумал? Не пуцу, – Наташа загородила проход.

– Голыми руками, слышишь? – зловещим шепотом произнес Алексей. – Голыми руками я эту мразь душить буду!

Резким движением отодвинув в сторону жену, он выскочил на площадку.

– Алексей! – кричала ему вслед Наташа. – Алексей! Вернись, я прошу тебя, не делай этого!

«Сволочи, скоты, мразь бандеровская, это вам с рук не сойдет, не на того напали».

Алексей шел по предрассветным улицам родного города, города, где он родился и прожил свою жизнь, где родились его дети, внуки. И сейчас, в эту минуту он остро и очень отчетливо понимал, что нет и не будет в его жизни ничего, кроме этого города, ничего, кроме этих улиц, домов, парков и скверов. И его личное счастье каким-то непостижимым образом вдруг стало неотделимо от счастья и благополучия сотен тысяч таких же, как он, у которых, как и у него, нет ничего ближе и роднее этого города, этой земли.

– Гражданин! – услышал Алексей голос патрульного. – Сюда нельзя, по этой улице проход закрыт.

Старший лейтенант, насколько мог разобрать звание Алексей (бронежилет скрывал погоны), пристальным настороженным, взглядом изучал раннего прохожего.

– А в чем, собственно, дело? – возмутился Алексей. – Мне просто пройти, и все.

– Соседняя улица свободна, ступайте в обход, – посоветовал милиционер.

«Да, – возмущенно думал Алексей, – быстро «переобулись», неужели им настолько все безразлично, неужели они не понимают, какой власти они служат?»

Пройдя по соседней улице, как и советовал милиционер, Алексей оказался рядом с домом правительства. Стало совсем светло, ночная мгла постепенно растворялась, утренний рассвет неумолимо наполнял окружающее пространство светом зарождающегося дня. На центральной площади Алексей снова наткнулся на милицейское оцепление. Молодые ребята, по виду «срочники», взяли в плотное кольцо здание Совета Министров, проникнуть за оцепление не представлялось никакой возможности.

– Гражданин, – снова услышал Алексей старую песню, – проход закрыт, сюда нельзя.

– Да что же вы за люди такие?! – возмутился Алексей. – Неужели вы не понимаете...

Но закончить фразу Алексей так и не смог. Было ли это наваждением, или это был божий промысел, не суть важно, но именно в этот момент, Алексей готов был поклясться, что все происходило именно так, именно в этот момент первый пред-рассветный луч, пробившийся сквозь свинец низких облаков, осветил на здании правительства Российский триколор.

Алексей не поверил увиденному, он непроизвольно закрыл глаза, но, открыв их через секунду, к великой радости обнаружил, что видение не исчезло – над зданием Совета Министров гордо реял Российский флаг.

Слезы хлынули разом, в груди что-то заклокотало. Алексей понял, что не в состоянии управлять нахлынувшими на него эмоциями. Обняв за тонкую шею стоявшего перед ним мальчика в милицейской форме, он зарыдал, упершись головой в нелепо топорщащийся на его груди бронежилет.

– Гражданин! – испугано спросил милиционер. – С вами все в порядке?

– Со мной все в полном порядке, – едва владея эмоциями, произнес Алексей. – Теперь с нами со всеми все в порядке.

Сейран СУЛЕЙМАН

Сейран Сулейман (Сейран Акбаралиевич Сулейманов) родился 18 февраля 1979 г. в Узбекской ССР (г. Фергана). С 1991 года проживает в Крыму. В 1996 г. окончил Красногвардейский лицей для одаренных детей. В 2002 г. окончил филологический факультет (специальность – филолог-тюрколог) Крымского государственного инженерно-педагогического университета. Работает главным редактором газеты «Янъы дюнья» («Новый мир»). Автор пяти книг – сборники рассказов, стихотворений, публицистика.

Литературные произведения автора печатались в Крыму, в Москве, в Татарстане, Азербайджане, Турции и Узбекистане. Произведения автора вошли в антологию «Поэзия. Современная литература народов России» (Москва, 2017), в антологию «Современная литература народов России: Поэзия и проза» (Москва, 2024). Участник ряда международных симпозиумов и фестивалей. Переводчик. Член правления Крымскотатарского союза писателей. Заслуженный журналист Крыма. Лауреат международной литературной премии им. Махмуда Кашгари.

Камень

Рассказ

*Камень тяжел на своем месте
(крымскотатарская пословица)*

Я – камень. Удлиненный камень, что стоит неподвижно на своем месте. Я не такой, как, например, изумруд, рубин, алмаз, топаз, которых поэты воспевают как приносящие богатство или исцеление, а самый обычный серый камень. Когда-то я долгие годы провел в скорбном положении, запертый в слепом колодце, и не видел света белого. А прямо сейчас я держу на своих плечах высокую стену, одна сторона которой обращена к бескрайнему морю. Эта стена сложена из камней, уложенных друг на друга: некоторые из них почти круглые и длинные, как я, некоторые – неправильной формы и немного толще.

Думаю, без меня наша стена давно бы рухнула. Некоторые из наших каменных друзей, не выдержав сильных ветров, беспощадных ливней, нас невольно покинули. Теперь

несколько из них лежат, словно камешки, на обочине дороги рядом с нами. Хотя я не вижу моря со своего места, их я вижу и днем, и ночью.

Интересно, молчаливая Луна, которая видит все ночью, видит ли и нас, когда смотрит на землю?

Стена, которую я держу над собой, стояла и будет стоять еще долго. Да, она выдержит все, пока я есть. Если какой-нибудь дурак по ошибке, ненароком выкинет меня, не положив на мое место другой, такой же крепкий и выдавший виды камень, то конец у стены будет печальный. Она тут же рухнет. Не останется камня на камне, не останется головы на плече.

Я тоже многое повидал в жизни. Но не знаю, сколько мне лет. Вы когда-нибудь видели камень, который знает свой возраст?! Помню, в старые времена, когда меня еще не было даже в колодце, люди одевались и вели себя иначе. Я с тех пор практически не изменился. Море не изменилось, скалы не изменились, но я знаю, что человек менялся из года в год, из поколения в поколение. Бедные люди, кем бы они себя ни возомнили, как бы ни хотели всегда оставаться опорой мира, они не могут жить так же долго, как камни, их жизнь подобна вечернему солнцу.

Такие вещи, как алчность, ненасытность исходят, не от нас, а от людей. И эгоизм, и милосердие могут жить в сердце, как частичка плоти внутри человека. Но любое сердце, как бы много и долго оно ни выдержало, в конце концов перестает биться. Что бы люди ни делали, рано или поздно они умирают. У меня нет сердца, я камень внутри и снаружи. Я камень с головы до ног. Что бы я делал, будь у меня сердце и немного ума?!

Одно из величайших чудес в мире опять-таки связано с людьми: они знают, что такое любовь. Даже если мы треснем, мы не сможем узнать, что это такое. Чувство милосердия и любви в сердце одного человека дороже всех нас, то есть дороже всех камней в бренном мире. Хотелось бы почувствовать эту любовь хотя бы на день... Но для этого все равно нужно сердце! Нам нужно сердце не из камня и не из железа!

В последнее время меня гложет одна мысль: есть ли хоть кто-то в мире, кто бы меня ценил?! Например, тот, кто потерял деньги, очень сожалеет об этом, даже жалуется, или, скажем, если я потеряюсь, кто будет меня искать, кто обо мне позаботится? Неужели это и есть моя судьба, доля обычного камня?! Но разве судьба розы лучше моей? Конечно, цветущая роза очень красива, изящна, у нее приятный аромат. Но и она, помимо своей воли, однажды начинает увядать, становится безжизненной. Тогда никто даже не посмотрит на нее: на розу, чьи лепестки увяли.

Если я и восхищаюсь, то восхищаюсь птицами, а не цветами. Свободными птицами, которые расправляют крылья, разговаривают с облаками в небе, наблюдают за миром, птицами, которые могут садиться рядом с цветами и петь... О, если бы я жил на свете птицей, а не камнем!

Вы нигде не увидите птицу, завидующую камням, но камня, восхищающегося птицами, можете и не искать: вот он, этот камень я.

Меня сжимают невидимые, безжалостные оковы. Оковы внутри меня. У меня есть силы удержать стену, но я слишком слаб, чтобы сломать оковы. Все, что у меня есть в этом мире, – это мои путы и тяжелая стена надо мной. Стена тоже нуждается во мне, как и я в ней. Если спросят: «Кому ты нужен?», я отвечу: «Стене надо мной, Богу над нами». Бог ведь, возможно, не напрасно создал такой обычный, наподобие меня, камень.

2025 г.

Подстрочный перевод с крымскотатарского

ПРОЗА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Алексей БЕРЕГОВОЙ

Член СП России с 1990 года, автор девятнадцати книг прозы, пятнадцать лет возглавлял Ростовское региональное отделение Союза писателей России

Игрушка

Рассказ

Звезды были белые-белые, спускались длинными нитями на крышу этого большого жилища. Может быть, это от слез, что вытирал злой ветер из глаз. Он выскакивал из-за угла с лихим посвистом, закручивал беспорядочно разбросанные сухие листья на дорожке и мчался к ней, а ей казалось – он живой, специально носится вокруг дома, чтобы нежданно удариться в нее куском колючего холода. Он шлепал ледяной ладонью по спине, поддавал под бока и убегал, оставляя ей дрожащие длинные звезды и этот одинокий большой дом.

Она стояла среди голых молодых деревьев и тоскливо смотрела на окна. Они тоже были белые, но широкие, светлые, за ними прятались тепло и запахи, запахи – самые неповторимые вещи на свете. Она стояла и с безнадежной мукой истекала взглядом, а окон становилось все меньше и меньше, они пропадали, наливались поблескивающей чернотой неба, будто погасшие звезды, укладывались спать.

Мелко позванивала застекляневшая пожухлая трава под ногами, со скрипом постанывали тонкие деревья в объятиях безжалостного ветра, на дороге битыми зеркалами валялись застывшие лужицы. И тишина, тяжелая, плотная, висела над спиной, давила, давила, пригибала к земле. А где-то далеко отсюда, и потому беззлобно и ватно ревели вонючие чудовища, они всегда непонятно куда-то спешили и не признавали ничего на своем пути – только успевай отскакивать.

Она не любила их и боялась. Она знала, чем заканчиваются встречи с ними. А этот двор, далекий от них, ей нравится. Еще сегодня она была здесь счастлива. Она пришла сюда с двумя мальчишками, и дети сразу окружили ее, ласкали и играли с ней целый день. И все время угощали чем-нибудь вкусным. За много дней она наелась досыта, даже не то что наелась, она почти непрерывно ела полдня, не веря себе и не понимая, почему так случилось. Детей было много, каждый ей что-то приносил, а потом она играла с ними, весело и преданно бегала наперегонки, как бегают только с настоящими друзьями. Она играла со всеми, но помнила тех мальчишек, с которыми пришла, все время искала их глазами и, найдя, успокаивалась. Она была постоянно рядом с ними. Они были рядом с ней. Ей казалось, она знает их давно, всегда, и только они – эти мальчишки с короткими носами и в вязаных шапочках – достойны ее беззаветной любви. И она старалась показать им свою любовь.

Потом провалилось за деревья огромное солнце, и в небе вспыхнули большие белые глаза. Они так хорошо открылись, что день продолжался – она так и думала, ей казалось, этот день счастливой игры теперь никогда не кончится, и она всегда будет так же бегать между деревьев и любить своих новых друзей. Но появились крикливые женщины, и дети стали исчезать. Последними ушли ее мальчишки. Они долго гладили ее по голове, ласково что-то говорили, а потом захлопнули дверь перед ее носом.

И сразу на мир свалилась вот эта самая тишина. Тяжелая и плотная. Тревожная и тоскливая. Повисла камнем на шее. Поползли черные тени. Корявые и длинные. Они шевелились и угрожали. Колючей проволокой хватали за ноги. Выскочил из-за угла ветер, плоско врезался в деревья, закачал, выдавил из них скрипящий стон. Откуда он взялся? Неужели и раньше был? Нет, он только ждал, когда к ней придет одиночество.

И только окна еще что-то обещали. Они звали и подмигивали. Дразнили и по-доброму улыбались. Она отошла от дома в круг белого глаза и стала смотреть на окна. Но ветер теперь ее видел очень хорошо и выгнал оттуда – она отступила к темным кустам.

Так где же оно, счастье? Почему так быстро пропало? Ведь от него всем бывает хорошо. А сегодня всем было хорошо целый день, она не сомневалась. Так зачем же менять хорошо на плохо? Она ничего не понимала... Все куда-то ушли, и вот теперь она стоит здесь одна и мелко-мелко дрожит. От холода. От обиды. От пустоты. А звезды над ней все удлинялись, дробились на множество точек, точек и пропадали. Насовсем. Навсегда.

Почему этот ветер не терпит ее здесь? Привык хозяйничать по ночным дворам и улицам, и гонит, гонит. Вот уже начал бросаться чем-то мелким, колючим. Точно песком, только стылým и острым. Но пахнувшим чем-то чистым, свежим и непонятным.

Окна были ненадежными и хрупкими. И все продолжали исчезать. Теперь, чтобы перевести взгляд с одного на другое, ей приходилось поворачивать голову. Она тревожно водила по ним глазами и боялась минуты, когда исчезнет последнее. Она не хотела этого. Она не любила быть одной. Она не могла быть ненужной.

Ну вот и последнее пропало. И тишина – мертвая, стылая. Даже не слышно рева чудовищ. Не слышно совсем ничего. Только ночь, такая длинная и несправедливая. Ночь, как жизнь. Ночь, как судьба. Пустота...

И все же она ничего не понимала. Она еще посмотрела по сторонам, потом вверх: звезды пропали тоже – и вдруг, сама не зная почему, завывала протяжно и тоскливо, вложила в голос больное сердце. И в этот вой вместились все. Что было и что будет. Весь враждебный, недобрый мир...

– У-у, пошла, зараза! – раздался злой до хрипоты мужской голос и в нее полетел камень...

Птицы и люди

Притча

«Птицы, как люди.

Люди, как птицы...»

Из песни

Есть на земле птицы, которые зовутся павлинами. Они любят и уважают только себя и еще делают вид, что уважают и берут пример со стервятников, но это неправда, это лишь из страха, что те могут склевать и их, на самом же деле, они ненавидят стервятников даже больше, чем другие птицы, потому что им еще приходится прятать ото всех свой страх. Все, что они могут, это важно надуваться, расправлять свои красивые перья и стараться внушить любовь к этим перьям всем окружающим. Они прекрасно живут в неволе – в зоопарках – и все время требуют корма. Люди посмотрят на них, поудивляются, даже повосхищаются мгновение и уходят, тут же забыв о них до новой встречи.

Есть птицы-стервятники, они все время непрерывно клюют и клюют – все, что им попадается: свежатину и падаль, живое и мертвое – клюют и никак не могут наклеваться, хотя порой уже лопаются от корма. Они не любят и не уважают никого, даже себе подобных, стараются отнять корм друг у друга, зато все остальные птицы их ненавидят за жадность и ненасытность, неразборчивость и беспринципность. Люди остерегаются их и при возможности, – уничтожают.

Есть маленькие, серые птички – соловьи, неприметные и на вид неказистые, они куда-то исчезают и кажется, что их нет вовсе. Но приходит время, и они появляются, и тогда дарят всем радость. Они щедры до безумия, потому что дарят эту радость не кому-то конкретно, а всем, рассыпают ее в окружающее их пространство и при этом никогда не требуют корма. Потом они исчезают, чтобы через некоторое время вернуться с новой радостью. Их любят все, даже стервятники снисходительны к ним, только павлины никак не могут понять их: быть таким щедрым и ничего не просить взамен? Люди обожают их, хотя не всегда о них помнят.

Есть небольшая глупая птица – курица, которая мало следит за собой, не думает выставиться напоказ, любит ковыряться на мусорных кучах, способна жить практически в любых условиях и при самом плохом корме, не гордая, не самолюбивая, которую особенно не уважают павлины из-за того, что она им близкая родственница и своим видом напоминает о прошлом, но которая, жертвуя собой, обеспечивает людей пищей: мясом и яйцами. Люди просто без нее жить не могут, хотя и мало думают об этом.

Вот так и люди в нашем мире. Есть павлины и есть стервятники, есть соловьи и есть куры. И есть разделенные меж людьми понятия: что лучше и что важнее, что красивее и что нужнее, и много-много других понятий, к которым мы все пытаемся относиться по-разному, но жизнь всегда оборачивает их к нам лишь одной стороной. Нужно избавлять мир от стервятников, чтобы не было угрозы дарящим радость соловьям и дарящим пищу курам, чтобы не было страха и ненависти, жадности и зависти, чтобы все уважали и любили друг друга.

Нужно избавлять мир от павлинов, чтобы не было подмены фальшивой павлиньей радостью и красотой истинной соловьиной радости и красоты, чтобы не отбирали они корм у кур в обмен на напыщенную, ничем необоснованную важность, чтобы все стали искренними и скромными, доброжелательными и равными друг другу.

Виктор ВИРЧЕНКО

Виктор Олегович Вирченко родился в городе Таганроге. Окончил железнодорожное училище. После службы в армии работал помощником машиниста. Двадцать лет преподавал в школе в качестве педагога дополнительного образования. В молодости посещал литературное объединение «Чайка», стихи публиковались в «Таганрогской правде». В 2015 году начал писать прозу. Издал шесть книг: сборник стихов, сборник рассказов и повести. В 2023 году вступил в Союз писателей России. Регулярно печатается в альманахах и газете «Донской писатель».

Как в сказке

Выпорхнув от стоматолога с новенькими зубными протезами, Людмила Денисовна забыла снять бахилы. Когда шла по скверу, прохожие ей улыбались. «Надо же, все смотрят, наверное, неплохо выгляжу», – думала радостная дама. И вдруг кто-то окликнул, как в детстве:

– Люся!

Она вздрогнула от неожиданности и обернулась. На скамейке сидел, опираясь руками на палочку, старичок в шляпе.

«Русские народные галлюцинации», – подумала Людмила Денисовна и прибавила ходу.

И снова:

– Люся! Постой!

– Вы меня?

– Тебя, тебя, Царапкина!

Старичок глядел на нее и так знакомо улыбался.

– Не может быть! – всплеснула руками Людмила Денисовна. – Вовка! Вовка Найденов! – и подошла к нему.

– Ну, здравствуй, однокашница! Куда торопишься?

– Да куда уж нам торопиться?
– Это верно.
– Слушай, Вовка, а как ты меня узнал? Ведь после школы прошло столько времени!
– Шестьдесят лет, Люсенька! Но ты совсем не изменилась.
– Шутишь?
– Нет, вполне серьезно. Какой была красавицей, такой и осталась!
– Спасибо! – кокетливо кивнула Царапкина, прикрыв от удовольствия глаза.
– А что, сейчас так модно? – спросил Вовка, указывая на бахилы.
– Ой! – сказала Людмила Денисовна, присела рядом и быстро освободилась от улик.
– Не переживай! – успокоил кавалер. – Подумаешь, бахилы. Я вчера вообще в очках спать улегся! Спасибо, не раздавил во сне.

Минут сорок они наперебой рассказывали друг другу, что произошло с каждым более чем за полвека. Она – как всю жизнь учила детей в школе, как в последние годы потеряла всех близких. Он – про Север, про город Сургут, где проработал до пенсии. И про то, что тоже остался один.

Вовка болтал как заведенный. Он был рад, что нашел свободные уши, а Царапкина, что ей уделили столько внимания. В этот летний полдень судьба подарила двум одиноким людям возможность наговориться. Но радость продлилась недолго.

От избытка впечатлений Людмила почувствовала головокружение и в следующий миг упала в обморок. Хорошо, что сидела.

Пока находилась без чувств, ей привиделось, что летит по воздуху. Над ней удаляющийся кукурузник и парашют, который почему-то не раскрывается.

Она видит сверху, что муж Анатолий, инструктор по прыжкам, стоит на зеленой лужайке с букетом ромашек. И все девчонки из городского аэроклуба тоже стоят внизу и машут ей руками.

И тут она осознает, что и муж, и девчонки давно умерли, и что она сейчас тоже погибнет, разобьется в лепешку.

Вдруг у самой земли возникает человек в белом. Он подхватывает Людмилу Денисовну сильными руками и мягко опускает на землю. «Архангел Михаил», – мелькнула догадка.

Когда открыла глаза и сфокусировала зрение, то увидела, что над ней склонился врач в халате. А из-за его спины выглядывает испуганный и плачущий Вовка Найденов. Потом ее уложили на носилки и засунули в скорую помощь. «Бедные мои котики, как там они?» – переживала Людмила Денисовна по пути в больницу.

Но в приемном отделении ждал еще один сюрприз. После того, как ей измерили давление, посмотрели язык и заставили поводить глазами, доктор вдруг спросил:

– Людмила Денисовна, а вы меня совсем не помните?

Она удивленно посмотрела на полного седого мужчину в очках и отрицательно покачала головой.

– Валера Наливайко. Ваш ученик, – сказал доктор и, краснея, покосился на молоденькую медсестру.

– Боже ты мой! – второй раз за день всплеснула руками Царапкина.

Бывший ученик не обнаружил у нее никаких опасных симптомов. Предложил пройти бесплатное обследование, полежать несколько дней в стационаре, от чего Людмила Денисовна отказалась наотрез: «Какой стационар? На кого я котов оставляю?»

На прощание врач пожурил:

– О здоровье нужно заботиться больше, чем о котах. Обращайтесь, если что! – дал визитку и выписал направление на ЭКГ.

Время снова пустилось вскачь. В городе бушевало лето, но в жару хворые подружки сидели по домам. Одиночество Людмилы скрашивали только любимые коты.

В день рожденья она не ждала гостей. Кто вспомнил, поздравил по телефону и в «Одноклассниках».

Звонок в дверь был полной неожиданностью. «Наверное, соседке что-то понадобится», – подумала Людмила Денисовна и пошла открывать.

На пороге стояли с цветами и сумками двое мужчин.

– Ну, признавайтесь, мальчишки, откуда вы узнали про мой день рожденья? – спросила Людмила Денисовна, хлопоча перед гостями.

По старшинству первым ответил Вовка Найденков:

– Ты родилась в один день с Маяковским, девятнадцатого июля. Легко запомнить!

– А я запомнил, когда заполнял вашу больничную карту. – ответил Валерий.

Усевшись за праздничный стол, гости подняли бокалы за здоровье именинницы. Болтали о том о сем, смеялись. Вовка читал стихи собственного сочинения, которые писал еще со школы, а Валера Наливайко напомнил учительнице, как она занималась с ним дополнительно химией по просьбе его матери. Уверял, что занятия не прошли даром.

В разгар веселья, глядя на торт со свечами, Людмила Денисовна сказала:

– В такое чудо трудно поверить. Живу как в сказке!

Потом они в обнимку сидели на диване и, как в былые времена, пели песни: «Рябину», «С горочки», «Каким ты был».

Улыбка весь вечер не сходила с лица счастливой женщины. Она даже прикрыла глаза от удовольствия. А когда все затихло, именинница с удивлением обнаружила, что сидит в пустой квартире и гладит любимых котов.

Марина ГАНЗЕНКО

Марина Юрьевна Ганзенко родилась в 1991 году в Ростове-на-Дону. Окончила ДГТУ по специальностям «экономика», «мировая экономика» и ЮФУ по специальности «юриспруденция». В 2019 году стала призером конкурса «Степные всполохи-2» в номинации «Поэзия» и лауреатом первой степени конкурса «Степные всполохи-3» в номинации «Проза». Член Союза писателей России. В 2022 году стала победителем конкурса научно-фантастического рассказа «Земля-Заря». Дважды была удостоена премии губернатора Ростовской области для творческой молодежи. Публиковалась в «Литературной газете», журнале «Дон_новый». Автор сборников фантастических рассказов «Питер 2070» и «Люди будущего».

Крик

Рассказ

Все было как во сне. Регина смотрела пристальным взглядом на бордовую полосу носков, одетых на ноги ее умершего мужа. Бордовый цвет был его любимым. Драматичным, страстным, наполненным чувствами. Боже, Денису, наверное, будет очень холодно под землей в этих тоненьких летних носках! Зря Регина передала в морг именно их. Ее последний дурной выбор в качестве жены.

В церкви пахло ладаном. Было многолюдно. Отпевали сразу четверых покойников. Регина стояла недвижимая, оцепеневшая, деревянная. Священник пел, зачитывал отрывки из Библии. В какой-то момент в руках новоиспеченной вдовы оказалась зажженная свеча. Как это произошло? Регина приложила немалые усилия, чтобы повернуть голову в сторону. Рядом с ней стояла сестра Дениса, сотрясаемая рыданиями и всхлипами. «Даша», – хотела обратиться к ней Регина, но сил произнести это имя не нашлось.

Хоть бы проснуться!

Служба подходила к концу. Родственники Дениса по очереди целовали ленточку, лежавшую на лбу покойника.

Пусто. Больно. Сложно двигаться.

– Милая, подойди к Денису, – услышала сквозь стеклянную стену Регина.

– Конечно, мам.

Несколько шагов. Короткое прикосновение губ к чертовски холодной ткани. Последний взгляд на лицо любимого.

Несколько десятков грустных, опухших от слез лиц. Дениса все любили. Он был невероятно обаятельным человеком... и очень добрым.

Он был столь особенным для Регины, что она готова была ради него на все. Столь настоящим и живым, что рядом с ним можно было просто быть собой. Ради него можно было даже отказаться от чего-то очень важного.

– Ему даже не исполнилось сорок! – сказал чей-то мужской голос, когда незнакомцы с безучастными лицами стали закидывать крышку гроба землей. Осенний ледяной ветер обжег щеки Регины. Как она здесь оказалась? Женщина закусила губу. «Удивительно, как быстро специально обученные люди закапывают гробы!» – промелькнуло в ее голове на долю секунды. Как найти в себе силы двигаться, дышать, говорить? Регина вышла из ступора, только когда мама потянула ее за руку.

Кожаное сидение машины. Ресторан, специализировавшийся на поминальных обедах. Бордовые скатерти на столах. Регина сама их купила и отвезла в ресторан накануне похорон. Это отдавало безумием, но Регина не могла допустить, чтобы Дениса поминали, сидя за салатовыми столами. Денис не любил лето, ему вечно было нестерпимо душно.

Сквозь пелену тумана кто-то что-то говорил, кто-то плакал. Может быть, поесть? Регина не помнила, когда ела в последний раз. Странно, чувства голода совсем не было. Кажется, женщина окончательно потеряла связь со своим телом.

Находиться в банкетном зале становилось нестерпимым. Стены начали сдавливать покатые плечи вдовы. Регина одернула черное платье и вышла в коридор. На веранде поминального ресторана чуть вдалеке стояла с сигаретой в зубах сестра Дениса, Даша. Она беседовала с коллегой Регины, которую Регина пригласила разделить ее горе, лишь потому что та единственная из коллектива обняла ее после страшного и очень неожиданного известия.

Даша пребывала в непрерывном нервном движении: то дернет плечом, то вытрет платком нос, то накрутит на палец кудрявую прядь волос:

– Она не любила Дениса. Ни одной слезинки! За десять лет не родила ему ребенка. Только работой и была занята, – выплюнула Даша, продолжая свой танец горя, не обращая внимания на невестку.

Регина потрогала свою щеку. Сухая.

– Пойдем пройдемся, – шепнул Регине на ухо родной мамин голос.

Теплая рука. Каменистая дорожка, петлявшая среди клумб. Желтые листья вокруг. Какое-то время две женщины шли молча бок о бок.

– Я все слышала, Регин, – прервала молчание мама, когда садик поминального ресторана перешел в неказистую пригородную дорогу. – Представляю, как тебе больно. Здесь неподалеку есть речка. Пойдем туда.

– Даша не виновата, – с усилием выдавила из себя Регина. – Каждый переживает потерю по-своему.

– Она обожала Дениса. Я знаю. Но эти постоянные пожелания завести побольше детей... на каждом семейном празднике. Я видела, как ты каменела каждый раз. Я никогда не спрашивала... Кто-то из вас не мог иметь детей?

Дорога между деревьями упиралась в обветшалый деревянный мост через речушку. Регина устала на свои ботинки.

– С чего ты взяла?

– Я видела, как в детстве ты нянчила пупсов. Никогда бы не поверила, что ты по своей воле отказалась стать матерью.

Регина сделала несколько больших шагов, оказавшись на середине моста.

– Денис не мог иметь детей. Я отказалась от материнства ради него. А теперь у меня и его нет.

– Почему он не сказал об этом своей родне... или хотя бы сестре. Они были с ней так близки...

– Денис мог обсудить с сестрой что угодно, но только не это. Всегда отшучивался.

Солнце медленно тонуло за линией горизонта. Небеса окрашивали воду в золотые, рыжие, бордовые оттенки.

– Поплачь, милая! – прошептала мама. – Станет легче.

– Не могу. Я – теперь совершенно пустой сосуд. Во мне нет ни одной слезинки, – призналась дрогнувшим голосом Регина.

– Тогда кричи!

Регина покачала головой. Колющая тишина обняла ее оцепеневшие плечи, но Регина могла поклясться, как слышит, как каждая веточка, каждая сухая травинка, каждая капля воды в ручке кричит что есть сил.

Ольга ЛОЗБЕНЕВА

Ольга Владимировна Лозбенева по профессии учитель русского языка и литературы, юрист, член Ростовской областной коллегии адвокатов.

Член Союза писателей России. Лектор общества «Знание».

Публиковалась в газетах «Таганрогская правда», «Донской писатель», в альманахах «У солнечных часов», «Берега», «Дон и Кубань», «Вехи Таганрога», в журнале «Дон_новый», на страницах электронных журналов и сайтов. Коллективные сборники «Желать, надеяться, любить...» «Я пробую перо...», «Рождалось слово...», «Золотое перо Дона», сборники рассказов «И смех, и слезы», «Петров день». Переведена на болгарский язык, опубликована в Болгарии.

Лауреат газеты «Российский писатель» 2017г.

Живет и работает в г.Таганроге.

Крокусы

– Сожалею, Виталий Сергеевич, но банк не может согласиться на реструктуризацию, – грустно сказала девушка, консультант, и подала сидящему напротив молодому мужчине папку с бумагами.

Тот чуть кивнул головой, встал, буркнул «до свидания» и пошел к выходу.

Аккуратно открыл запачканную грязью дверь черной «Тайоты», опустился на водительское сидение, погладил в кожаной оплетке руль: «Три года день в день кредит платил, год всего остался, а навстречу не идут! Сволочи!»

Он повернул ключ в замке зажигания, тронулся с места и выехал на дорогу, ведущую в его офис.

– Где денег взять, а? – то ли себе, то ли кому-то неведомому адресовал вопрос.

Виталий Сергеевич ехал не торопясь, стараясь объезжать многочисленные ямы, кое-где скрытые лужами. По авторadio звучала реклама. Он поменял станцию – салон наполнила какая-то грустная мелодия. Выключил радиоприемник, и тут же нахлынули раздумья: «Новых заказчиков нет... Этот козел еще договор расторгает, деньги придется возвращать... Заберут машину... И что делать? Пешком ходить?»

Он почувствовал, что машину ведет в сторону. Включил аварийку, остановился, вышел посмотреть.

– Твою дивизию! – крикнул он, увидев, что переднее колесо стоит почти на диске.
– Все-таки поймал яму. Одну объезжаешь – в другую попадаешь!

Он поменял на докатку-бублик пробитое колесо, положил его в багажник и свернул к ближайшему сервису: «Не задался день!»

Пока латали колесо, Виталий Сергеевич, сидя на мягком диване в комнате ожидания, медленно потягивал из пластикового стаканчика капучино. Раздался телефонный звонок, и он немедленно полез в карман пальто, брошенного рядом.

– Да, Лен.

– Ты знаешь, что принес из школы наш сын? Ты хоть как-то можешь на него повлиять? Я не понимаю, за что мы платим репетиторам?! – понеслось из трубки.

– Не таракти, скажи, что случилось?

– Что случилось?! А то случилось, что тройку по английскому принес! А по алгебре два!

Виталий Сергеевич молчал.

– Я не знаю: или он такой тупой, или репетиторы никуда не годятся! Тебе, конечно, на ребенка наплевать! Но у него ЕГЭ не за горами! Тебе некогда им заниматься! Ты ж все время на работе! Одна я... каждый день... то в школу, то на английский, то к репетитору...

– А кто за все это платит?! – раздраженно перебил он супругу.

– А что толку?!

– Действительно, что толку деньги тратить впустую?! Отказывайся от репетиторов!

– С ума сошел! У него ЕГЭ не за горами!

Виталий Сергеевич отключил телефон: «Пустой разговор! Только опять поссоримся!»

В комнату заглянул администратор сервиса: «Готово!» Застегивая на ходу пальто, Виталий Сергеевич рассчитался за работу, тихо вздохнул: «Одни убытки!» – и направился в офис.

В офисе пахло кофе. Секретарша, полная женщина средних лет, пила ароматный напиток и разбирала почту. Устало взглянув на вошедшего Виталия Сергеевича, подала письмо:

– Из налоговой.

– Эти чем порадуют? – он вскрыл конверт. – Недоимка. Требуют оплатить, судом угрожают! Людмила Леонидовна, – обратился он к секретарше. – Сделайте, пожалуйста, кофе.

– Проблемы? – спросила она, включая чайник.

Виталий Сергеевич кивнул.

– Вы, я вижу, тоже что-то нерадостная.

– А чего радоваться? – пожала плечами Людмила Леонидовна. – Повода нет.

Она подала чашку горячего кофе. Виталий Сергеевич взял ее, подошел к окну, посмотрел вдаль. Серое февральское небо растянулось над городом. «То ли дождь пойдет, то ли снег, то ли хрен знает чего!» По улице ходили люди. Кто-то торопливо, кто-то медленно. Но все хмурые, серьезные, погруженные в свои мысли. Вдруг перед

его взором появилась женщина. Немолодая, в шляпке, украшенной искусственными цветами, в старом пальто, из-под которого выглядывало длинное, когда-то нарядное, но давно вышедшее из моды платье. На бледном лице вырисовывались губы, окрашенные яркой помадой. Но не это привлекло внимание Виталия Сергеевича. А то, что она улыбалась.

– Говорите, повода для радости нет? – обратился он к секретарше. – А вот? – он кивнул в сторону женщины.

– Так это ж помешанная! Давно ее не видела. Может, в «дурке» была.

– По-вашему, только сумасшедшие могут радоваться?

Людмила Леонидовна пожала плечами:

– Ну, без повода... Чего бы ей радоваться? Одинокая, пенсия минималка, черные риэлторы кинули. А она улыбается.

Секретарша покрутила пальцем у виска.

А женщина села на скамейку и продолжала улыбаться. По-доброму, искренно.

– Пойду покурю, – Виталий Сергеевич надел пальто и вышел на улицу.

Он подошел к скамейке, присел рядом с женщиной:

– Не помешаю?

– Крокусы расцвели! – услышал он в ответ приятный голос.

– Что?

– На клумбе.

Виталий Сергеевич посмотрел на клумбу перед собой. В углу ее из-под земли пробивались зеленые стрелки листьев, а над ними, как солнце, распустились желто-оранжевые цветы. Рядом под остатками снега проклевывались яркие сиреневые и нежные белые бутоны.

– Надо же! А я и не заметил.

– Скоро весна! – женщина поднялась и, также улыбаясь, медленно пошла по улице.

Виталий Сергеевич долго смотрел ей вслед, потом откинулся на спинку скамейки, запрокинул голову и увидел, что небо посветлело, а в воздухе он уловил слегка дурманящий запах талого снега, влажной земли и раскрывающихся почек. На душе стало светло и умиротворенно. Он улыбнулся.

Александр Николаевич Можаяев член СП России. Публиковался в журналах «Дон», «Москва», «Наши Современники», «Молодая Гвардия», «Отечественные записки» и многих других. Лауреат Всероссийской премии «Имени В.И.Белова», «Имени А. Дельвига», «Золотое перо Руси», международных конкурсов «им. А.Платонова», «Молитва» и многих других. Проживает в хуторе Можаяевка Ростовской обл.

За чертой

После Медового Спаса ночное небо все чаще роняет звезды. За моей спиной, окрасив нежной охрой макушки деревьев, вставала луна. Нужно переходить, пока она не осветила реку и не выявила меня, идущего вброд к черному враждебному берегу. Одному мне известными тропами просачиваюсь за «ленту» к Нижнему хутору. Там, в небольшом флигельке, живет на своей даче «Пенсионер». На вид он младше меня, выправка выдает в нем бывшего солдата. О нем я практически ничего не знаю, кроме того, что он все еще кем-то работает в оккупированной украинскими нациками Станице, и это дает ему возможность беспрепятственно передвигаться по району. Меня встречает насторожено и не очень дружелюбно. А может, он просто проверяет меня своими провокационными вопросами.

– Зачем ходишь? – спрашивает он.

– Кому-то надо ходить...

– Твоему «Майору» надо, пусть он и ходит...

– Ему нельзя...

– А тебе можно? – усмехается он. – Ты ему звезды на погоны зарабатываешь, и не факт, что вернешься...

– Какая разница, кому звезды, кому кресты – лишь бы поскорей все закончилось.

– Не для того это все затевалось, чтоб быстро закончилось, – вновь усмехается «Пенсионер». – Простой раз на тебя ставили растяжки. Знаешь?

– Знаю. Я два раза не хожу одной дорогой...

Однажды я, по глупости, поинтересовался, как его звать.

– Тебе важно, как я назовусь? – кривятся его губы. – Ну, скажем: Александр Сергеевич Пушкин. Звучит? Условности... Зови «Пенсионер», и я не обижусь. И тебе представляться не стоит. Мне достаточно знать, что ты Атаман, от кого и зачем пришел... Хорошо знаешь карту? – спрашивает он.

– Знаю... – отвечаю я.

– Поворот на Пшеничное – первый блокпост. Постоянно два БМП. Бывает и Т-72, но не постоянно... К Югановке и Камышному передвижные блокпосты, бывают здесь, здесь и здесь... Сопровождение – БТРы. А вот перекресток на Теплое, с правой стороны уже построены крестообразные бетонные укрепления. В каждой секции вкопано по «Булату»... Здесь постоянно человек тридцать...

– Это здесь... – ткнув карандашом в карту и показывая свою осведомленность, говорю я.

– Да, здесь... – кляцнув от досады зубами, «Пенсионер» комкает карту, и, бросив ее в камин, тут же сжигает.

– Мне не нужна карта, – поняв свой «косяк», говорю ему. – Я хорошо знаю местность...

– Ладно, проехали... – примиряюще говорит он.

Следующий раз, рассказывая о дислокации украинских войск, он подкрепляет свои слова нарисованными от руки на чистых листах схемами.

– Зрительная память крепче, – поясняет он мне, прежде чем сжечь их. – И передай своим, что знакомый им человек устроился в администрацию, но, по понятным причинам, на связь выходить не будет. Все через меня...

Вернувшись домой, набираю номер «Майора».

– Есть новости... – говорю я всего лишь два слова, как и условлено.

– Сейчас буду... – отвечает он тоже двумя словами.

И пока он едет ко мне, я на листе бумаги восстанавливаю по памяти все схемы, которые час назад чертил для меня «Пенсионер».

Зима в 2014 году пришла рано. Уже во второй половине ноября с верховьев Деркула дунул студеный ветер, когда он стихал, небо прояснивало, звезды становились ярче и зримей, и первый мороз прочно сковывал зябь. По реке двинулись нескончаемые караваны шуги. Где-то в камышовых заводях по ночам жалобно вскрикивал одинокий лебедь.

«Что же ты, дуралей, остался? – в сердцах думал я. – Скоро скует реку и гибель...»

К декабрю Деркул стал, лишь на перекатах еще бурлила вода. Переходить стало легче. Одна беда – выпал снег.

– Сейчас они читают твои следы, – говорит мне «Пенсионер».

– Я тоже читаю их следы, – отвечаю ему. – Если вижу их тропу – иду по ней «против шерсти». Наверняка никого не будет...

– До поры, пока не оставят на ней кого-то... Они уже знают твой «почерк»...

– Пока не оставляли... – говорю я, но на заметку предупреждение «Пенсионера» принимаю.

– А это что у тебя? – кивает на висящую на плече сумку.

– Сменная обувь... После перехода, прежде чем заходить к тебе, переобуваюсь. Чтоб спутать следы...

– Маскарад... – насмешливо хмыкает «Пенсионер», но вижу: мой «маскарад» ему нравится.

– Как там наша казачья Станица? – бодрым голосом спрашиваю я.

– Какая там Станица... – ухмыляется он. – Це зараз украинске село, и размовляты там требо лишь на державной мове.

– Справляешься?

– А то як же! Я колы захочу, краснише хохлов размовляю.

– Станишанам туго придется...

– Да там уже и станишан не осталось. «Освободители» как пришли – грабежи и изнасилования що дня. Обычное дело... Народ побежал, кто куда. Проценто десять осталось, – в основном старики, которым и деться некуда.

– И что ж на это новая «влада»?

– Молчаливо поощряет. Видимо, есть установка: очистить район от населения. Вечером нос со двора не кажи – забьют до смерти, – никто и не заметит.

– Ничего, скоро народ вернется...

– Возвращаться уж некуда, – грустно усмехается «Пенсионер». – Ты знаешь, сколько домов в Станице осталось?

– Там больших боев вроде не было, а наши по Станице не бьют...

– Не бьют, – согласился «Пенсионер». – Но этим позарез нужно, чтоб били! Поставят в жилом дворе минометы, обстреляют позиции у «Князя Игоря» – и ходу. Ждут, чтоб ответка прилетела, а ответка не прилетает. Кто ж по своим домам стрелять будет... Вот «освободители» и взялись освобождать оставленные дома. Все начисто выгребут, потом двери-окна вынут, крышу снимут, до стен доберутся... Глядь, а от дома и фундамента не осталось. Сейчас уже добрая половина станишанских домов до Львива переихала... При немцах такого беспредела не было...

– Как быстро все поменялось, – с горечью говорю я. – Давно ли в одном строю ходили? И народ на всех был один, и армия одна...

– Эх, армия... Сейчас не армия все решает... Зайдет к командиру полка какая-то сопля зеленая, которая и срочную не служила и кажет: «Будешь робыты, як я скавав». И полковник тянется перед ним, потому что сопля эта из «Правого сектора», и как она скажет, так и будет. А ели не будет, то и полковника этого завтра не будет здесь. Сейчас офицерье спешно меняют, – с западной примороженных присылают. Звездочки на погоны дорисовали – и вперед!

Вечер был промозглый и тихий. На западе еще теплился призрачный свет былого заката, а с востока уже напозла тьма. Вдали на горе, едва различимые, уныло дремали курганы. Тени на снегу наливались густой синевою, и в холодном сумраке едва угадывались привычные ориентиры.

За «лентой» я не увидел свежих следов украинского патруля, и это меня взволновало. Обычно они натаптывают их еще по светлому. Если до сих пор не прошли, то могут выйти навстречу или, затаившись, ждать где-нибудь на подходе к хутору. Самое надежное – пройти звериной тропой. Это долго и утомительно, зато безопасно – зверь близь человека не ходит. Когда-то по такой тропе мы с Жекой гнали на Кубанца кабанов. «Теперь сам, как кабан, продираюсь этим путем», – с усмешкой думаю я.

В Нижний хутор вошел уже в полной тьме. Когда-то с веселой ватагой мы ходили здесь со своими колядками из двора в двор, поэтому мне знаком тут каждый проулок, каждый светящийся окнами дом. Сейчас тут непривычно тихо, даже молчат собаки. Так бывает, когда в хутор заходит волчья стая. И не мудрено, с приходом киевских «освободителей» многие дома опустели.

В черной тьме стоит высокий, с вытянувшейся во всю длину открытой казачьей верандой, родительский дом Носача. Николай Павлович умер давно, лет двадцать назад, Анну Дмитриевну похоронили в позапрошлую зиму. С началом войны Носач заколотил досками ставни и больше не показывался здесь. Угрюмо и пусто на широком дворе. На какой-то миг мне вспомнился свадебный шатер, важно вышагивающий меж рядами столов Кудин, огромный Бармалей, покорно роняющий на плечо Людки свою, тогда еще кудрявую, голову, Павел Николаевич, лихо распахивающий меха гармони, с посвистом скачущий на присядках и далеко выбрасывающий свои полуметровые лапы Жека... Вспомнился Носач, растерянно улыбающийся гостям, и невеста Маша, слегка запрокинув голову, восторженно глядящая на своего суженного... Тру щеки, протираю глаза; мне становится тоскливо и грустно, и я ускоряю шаг.

На твердой уезженной дороге, чтоб спутать свои следы, переобуваюсь и иду к знакомому дому «Пенсионера». Скоро у жаркой печурки я отогреюсь, «Пенсионер» напоит меня горячим чаем, и пока я, обжигая губы, буду отхлебывать его мелкими глотками, он расскажет прифронтовые новости, исчертит большой белый лист своими схемами. «Запомнил?» – спросит меня, и, не дожидаясь ответа, скомкает и бросит его в огонь.

Вот и известный домик. Я схожу с дороги и тут замечаю, что стежка во двор не чищена, снег, выпавший пару дней назад, не натопан. С трудом приоткрыв калитку, протискиваюсь во двор. Вслушиваясь в тишину, несколько минут стою без движения. Дверь в дом приоткрыта, но на заметенных ступеньках ни одного следа. Недобро смотрят на меня черные окна. Тихо скрипнула дверь. Я понимаю: это легкий ветерок сдвинул ее с места, но у меня привычно немеют виски. Жуть начинает владеть моим сознанием, и мне уже видится, что из каждого черного окна, неотрывно следят за мною чьи-то жадные глаза. Сдерживая дыхание, все еще раздумывая, переступаю с ноги на ногу. Зловеще громко пищит под ногами схваченный морозом снег. Осматриваюсь вокруг себя и делаю шаг к калитке. Снова вслушиваюсь. В морозной тишине, где-то в черном непроглядном саду, враждебно потрескивают на холоде деревья.

Наверное, мне нужно было переступить через свой страх и войти в дом, но чей-то голос внутри меня говорил:

«Что ты увидишь в этом распаханном мертвом доме? Пустоту?»

«Быть может, мертвое тело...» – отчаянно спорю я.

«Мало ты видел мертвых тел?»

«Но...» – ищу и не нахожу возражений.

«Если там пустота, то к чему тебе тревожить ее, – резонно говорил голос. – А если там мертвое тело, то чем ты ему поможешь?...»

Выйдя со двора, по-воровски озираясь, бреду по пустой улице. У меня здесь много знакомых, и я бы мог узнать у них о произошедшем, но сейчас я никому не доверяю, поэтому не хочу никого видеть, и не хочу, чтоб здесь видели меня. Если «Пенсионер» еще жив, это может ему навредить.

Неожиданно, ослепив меня, в глаза ударили светом фары, взревел мотор, и машина двинулась мне навстречу.

«Засада!...» – прокричало внутри меня.

Я влетаю в первый попавшийся двор, бегу мимо дома в чей-то темный заснеженный сад, перескакиваю через изгородь другого двора, спотыкаясь и падая, пробиваюсь через сугробы туда, где виднеется поросшее лесом старое русло Деркула. Я слышу, что

машина проехала мимо, что где-то уже далеко, очнувшись от зимней дремы, отчаянно лает мне вслед какая-то собачонка. Можно бы остановиться, перевести дух, обдумать дальнейший путь, но чей-то безумный голос продолжает гнать меня своим криком:

«Бежать, бежать, бежать!..»

Потеряв дорогу, бегу наугад, и молодые ветки деревьев больно хлещут меня по лицу.

Скорей, скорей, скорей!.. К спасительной реке, по которой начертана незримая граница. Возможно, где-то на этом пути ждет меня засада... Наверняка ждет. И я, сам того не ведая, бегу на нее...

Все так похоже на старую детскую игру, когда на песке проводили длинную черту, и, перешагнув ее, мы прорывались к чужому знамени. Противная сторона хватает тебя, швыряет на землю, бьет, но у тебя лишь одна задача: вырваться, увернуться, убежать за свою черту. И едва ты ее переступишь, никто уже не смеет к тебе прикоснуться, и ты можешь смело показать язык своим некогда грозным, но теперь уже беспомощным противникам.

Где этот противник, где спасительная черта, где я?.. Замедляю шаги, наконец, останавливаюсь среди ночной непроглядной сини, вслушиваюсь в нее, – до меня отчетливо доносится стук шагов, и я слышу рядом с собой чужое дыхание... Нет, это не чужие шаги, это, заглушая все земные звуки, стучит мое сердце, глухо гудит в висках кровь, и мое хриплое дыхание заполняет собой тишину. Осматриваюсь. Вон там вдали черная стена тополей и прибрежных верб. А за ними спасительная черта. Нужно только дойти до нее... Меня смущает только то, что при переходе я не видел чужих следов. Возможно, эти чужие люди греются сейчас водкой в каком-нибудь пустующем доме, но неведение всегда страшит.

«А если они пришли позже и теперь ждут меня?.. Где ждут? Где они могут ждать меня?.. По логике там, где я переходил...»

Я делаю крюк, удаляясь от места своего перехода. Задержав дыхание, вслушиваюсь в звенящую бездну и, уже обреченно, иду в темную чашу потрескивающих на морозе тополей. Спасительная черта уже рядом, но как громко скрипит снег под моими ногами! Когда-то в далеком детстве мне было так же страшно входить в пугающий своими скрипами и вздохами ночной лес, – всюду мне мерещились демоны и неведомая лесная нечисть. Но тогда, наученный своей бабушкой, я знал: стоит лишь мне осенить себя крестным знаменем и прошептать: «Господи, спаси и помилуй», как все эти бесы превращались в сказочные безобидные персонажи и утрачивали способность нанести какой-нибудь вред. Нынешняя нечисть, сторожащая меня у черты, много страшней – крестом и молитвой ее не возьмешь. С каждым шагом я жду чужого окрика, и это ожидание самое мучительное на моем пути. Вот он и склон, внизу лед, река. Теперь меня никому уже не взять! Даже мертвый я успею достигнуть своей черты!

Больно ударяясь, скатываюсь на выступающий у берега козырек осевшего и обломившегося льда, качусь на спине к своей незримой черте. Вот она, где-то здесь! Сейчас сделаю шаг, переступлю ее, и уже никакие демоны не посмеют ко мне прикоснуться. Только сейчас, приходя в сознание и начиная осознавать себя, ощущаю сильную боль в своей искалеченной ноге, и удивляюсь: «Как я с этой болью сумел проделать свой путь?»

Теперь, уже в полной безопасности, я осматриваюсь и пытаюсь понять, где нахожусь. В мирной тишине даже не слышен стук моего сердца, и лишь с протяжным постреливающим хрустом, катящимся вдоль берегов, привычно оседает лед. А как

радостно и безмятежно сияют здесь звезды! Ярко горит жемчужная россыпь Млечного Пути, Большая Медведица, задрав свой ковш, смотрит на неподвижную Полярную Звезду. Из-за яра сонно выкатилась запоздалая луна, – замигали под ногами золотистые искорки снега. Я начинаю угадывать это место, – исстари зовется оно Малашкиной ямой. Вон под яром чернеет промоина, – она здесь всегда. Когда-то, играя на этом месте в хоккей, мы, запарившись, поочередно подползали к ней, и пили из нее деркульскую воду. Знакомая верба свесила к реке свою могучую ветвь. На ней располагались наши болельщики. Мне почудилось, что даже сейчас я слышу их крики: «Ку-дин, Ку-дин! Же-ка, Же-ка! Са-ня!...»

Засмеявшись от счастья и необъяснимой радости, припадая на ногу, я иду к своему берегу. Вот и мой дом. Мне кажется, что я не был здесь целую вечность, но Виктория вдруг сказала, что сегодня я пришел на удивление рано.

– Это было последний раз... – говорю я.

– Да?!. – радуется она.

– Наверное...

Беру телефон, набираю знакомый номер.

«Может завтра? Что толку?.. Нет, он просил сегодня...»

Идет вызов.

– Да, – спокойно произносит «Майор».

– Новостей больше нет, – говорю в трубку.

На другом конце затянувшееся молчание.

– Я понял... – наконец произносит он.

Незадолго до Рождества вновь позвонил «Майор».

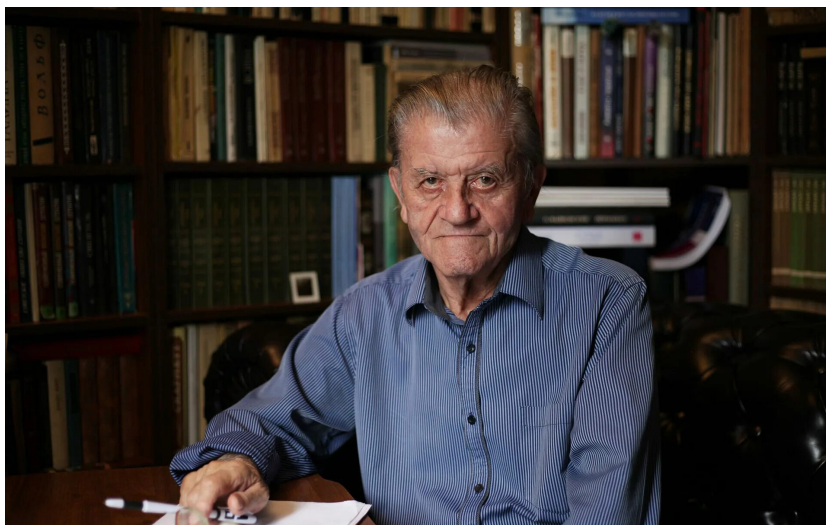
– Ты на месте?.. Сейчас буду... Есть разговор... – бодро произнес он.

Мне нравится стиль его работы, я давно изучил его. Если ему что-то нужно, он никогда не попросит и тем более не скатится до пафосной чуши, типа: «Родине надо...» После непринужденного разговора, как бы между прочим, произнесет: «Было бы здорово, если б кто-то смог пойти на ту сторону...»

Что ж, дорога мне известна. И лед на реке все еще крепок... И жена у меня умница, не станет отговаривать, не скажет банальной глупости: «Будь осторожен». Лишь молча перекрестит в дорогу.

ПРОЗА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ – АЛАНИИ

Сергей ХУГАЕВ

Сергей Заурбекович Хугаев – осетинский советский писатель и поэт, переводчик русскоязычных и зарубежных авторов на осетинский язык, литературный критик. Народный писатель Северной Осетии.

Осетинская скрипка

Рассказ

Грису Плиеву

1

Стол был старинный, антикварный, и так же старо было зеленое сукно, которым он был покрыт и которое местами потерлось и вылиняло до темных лоснящихся пятен.

На столе, в желтом свете лампы, свисающей с потолка на длинном шнуре, лежала осетинская скрипка; по сторонам, против друг друга, сидели двое: один – тучный, бритый наголо, другой – маленький и щуплый, в очках. Когда он даже едва заметно двигал головой, его круглые очки озорно поблескивали, словно они жили своей жизнью и радовались тому, что так близко видят скрипку.

– Говорят, он здорово на ней играет, – сказал очкарик.

– Конечно, играет. Еще бы не играет! – сказал другой с готовностью и явным удовольствием от того, что может это подтвердить. – И не только играет. Он и поет. И сам же песни пишет. А ты думал!.. – он медленно поднял руку, приложил ладонь к виску и снова застыл, и теперь его круглая бритая голова казалась еще круглее и больше.

Они снова замолчали. В позе бритого угадывалось намерение потрогать скрипку, взять ее в руки, а другому, очкарику, не хотелось, чтобы он трогал ее: он вдруг раз-

глядел в ней образ мирно отдыхающего горца – горец устал от косьбы и прилег на своем лугу, подобрал колени, заложил руки под голову... И, будто удивляясь своей фантазии, очкарик то и дело мелко покручивал головой, и снова мерцали его круглые очки.

– Скрипка – это вещь, – сказал он наконец, и, немного оживившись, распрямил спину и взглянул на другого: – Знаешь, как Горький о скрипке говорил?

– Горький? Который про цыган и бродяг пишет?

– Писал. Большой был писатель. Он говорил, что женскую красоту возможно только на скрипке сыграть, да и то лишь тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает. Видишь?.. Ни словами эту красоту не выразить, ни красками – а только скрипкой. Скрипка – это сила.

– Охота было врать твоему Горькому, – сказал бритый, устало проведя ладонью по затылку.

– Не скажи, – блеснул стеклами очкарик, предупредительно подняв кверху указательный палец.

– Да и, небось, не об осетинской скрипке он говорил.

– Скрипка – она везде скрипка. В человеческую душу только скрипка может заглянуть. Ее звук любой омут рассеет. Как она душу проймет, так ничто ее не проймет.

Бритый опустил руку на стол.

– Сюда-то он зачем ее притащил? Или он хочет для нас концерт устроить? – спросил он таким тоном, будто искал ссоры. Глаза у него были выцветшие, пепельно-серые, усталые, но беспокойные.

– А что, если вызвать его? – снова оживился очкарик, заблестев стеклами. – Может, отправим за ним караульного?

– Ну, допустим, привели его. И что потом?

– Потом мы попросим его сыграть.

– Допустим, он и сыграет, и споет: что потом? Через минуту весь комиссариат сбежится сюда, как по тревоге.

– Да будет тебе. Какая там тревога...

– У этих стен уши есть. Не забывай этого.

– Уши! Все об этих ушах говорят, а я еще ни одного не видел... Уж очень мне захотелось скрипку послушать, – очкарик встал и легко потянулся, приложив руки к пояснице и разогнув спину. Тут он заметил смычок, лежавший рядом со скрипкой, со стороны бритого. Он был похож на маленький лук, из которого стреляют мальчишки. Очкарик уперся руками в стол. – Нам еще не следовало его брать. Поторопились мы.

Бритый криво усмехнулся и поднял голову, и под его затылком взбухли тугие жирные складки.

– Это не мы поторопились, это время нас торопит. Время, время! Ему нет дела до наших соображений, оно ждать не станет. Оно бы, конечно, хорошо, если бы время могло подождать, как один охотник поджидает другого, у которого ремешок на арчи распустился. Время не ждет.

– Он человек видный, крупный. Слишком уж он знаменит и уважаем в народе.

– В том-то и вся соль, что знаменит и уважаем. Народ как мыслит?.. Раз такой человек с новой жизнью не согласен, стало быть, что-то не так с этой новой жизнью, и надо с ней бороться. Это просто, как дважды два.

Очкарик согласно кивал, поблескивая своими круглыми стеклами, но было видно, что его сомнения не так легко рассеять, и он тихо, будто самому себе, сказал:

– Слишком осетин, слишком патриот, слишком коммунист...

– А ты хочешь, чтобы мы на цыган и бродяг охотились? Нет, нам от них никакой пользы, нам нужны только головастые, только головастые и рогастые олени нужны нам! – сказав это, бритый сердито и решительно ударил ладонью по кнопке звонка, привинченной к столешнице.

Дверь тут же открылась, и в комнату вошел дежурный. Видно было, что это обычный сельский парень, и форма, которая была на нем, не могла это скрыть, а только оттеняла его национальность и сословное происхождение.

– Забери это, – бритый указал на скрипку и смычок. – Снеси вниз и оставь у начальника охраны. Пусть он передаст в семнадцатую камеру.

– В семнадцатой ведь Гино сидит? – лицо парня просветлело, глаза оживились.

Бритый посмотрел на него, как бодливый бык.

– Гино там сидит, Нино там сидит, – это тебя не касается!

Дежурный как бы подтянулся, выразив покорность, но радость, затеплившаяся в его глазах, не погасла. Он шагнул к столу и бережно, будто это был спящий ребенок, взял скрипку в руки, глядя на нее с жалостью и умилением.

– Что уставился?! – раздраженно вскрикнул бритый. – Скрипки никогда не видел?!

– Ничего не уставился. Просто смотрю. Или в этом доме на скрипку и смотреть нельзя?.. Никогда не думал, что я здесь скрипку увижу.

– Странно, не правда ли, что здесь не дают скрипичных концертов?

– Странно то, что и в других домах редко скрипку услышишь. Что же это за дом, если в нем никогда скрипка не пела! И оружие, и утварь – все у них на стене висит. А скрипки – нет. А ведь все их оружие не стоит одной скрипки...

– Скрипки? – снова насупился бритый.

– Скрипки, клянусь святым Хетагом.

– И, когда абреки угонят твой скот, ты бросишься в погоню со скрипкой в руках?

– Из дома, где скрипка на стене висит, никто не выйдет с дурным умыслом.

Бритый медленно обвел парня взглядом с головы до ног. «Посмотрите-ка на него!» – говорили его глаза. А рот сказал:

– Никак, ты тоже на ней играешь?

– Играю. Так... немного, для себя.

– Ступай тогда, если для себя. Только, смотри, внизу на лестнице не заиграй.

– Не буду. Будто я не знаю, где нахожусь, – и, взяв со стола и смычок, дежурный вышел.

Бритый положил руки на стол, распрямив кисти, и принялся их рассматривать, как если бы хотел найти, чем они отличаются одна от другой. Дело Гино не давало ему покоя: что с ним делать? Как заставить его говорить? Как заставить его вымолвить хотя бы одно только слово?.. Да хотя бы полслова! От этой работы с ума можно сойти! Шутка ли – назвать человека врагом того самого государства, за которое он всю жизнь боролся. Да что там назвать! Сделать так, чтобы он сам врагом назвался. Чтобы лично расписался в том, что он враг!

Бритый встал. Кажется, сегодня он в первый раз встал со своего места. Он тяжело прошел вдоль стола в одну сторону, затем в другую. Потом, подобно очкарику, оперся

руками в стол и уставился в то место, где лежала скрипка. Очкарик тихо покашлял, но бритый его не слышал. Он думал.

2

Гино стоял у окна. Впрочем, какое это было окно! Только щель шириной с ладонь и длиною в две пяди поднималась над уровнем тротуара, словно оно было предназначено для того, чтобы смотреть в черную землю, а не на белый свет. Но хорошо, что у него есть хотя бы эта щель. Иначе он задохнулся бы во мраке. Гино видел только ноги прохожих, и то лишь стопы и лодыжки. Большею частью то были женские ноги. Хорошо бы, если бы он мог видеть и колени, или хотя бы голени. Тогда бы не так ему было тоскливо. Чтобы ему колючки рвать голыми руками, кто это окно в землю погрузил! Что может быть красивее женских коленей! Как они радуют глаз, какие сладостные вздохи – вдохи неслышные, тайные – исторгают они из мужского сердца!

Гино стоял и смотрел, запрокинув голову, в узкую полоску света, и ему припомнились те строчки. Он их и на осетинский язык пробовал перевести. Это было, когда он учился в Ардонской духовной семинарии. Гино был рад этим стихам, как неожиданному привету из далекого прошлого:

...Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум, и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры...
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладелый,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

Сперва он прошептал эти строчки на русском языке, а потом, все так же глядя в полоску света, принялся искать по закоулкам памяти строки своего юношеского перевода, а когда нашел и разложил их в нужном порядке, тогда прочитал и на осетинском. Он читал их снова и снова и радовался и за себя, и за Пушкина.

Мелькали в узкой полосе света ноги незнакомых людей: кто спешил в одну сторону, кто в другую. И тут он понял, чего он хочет: он тоже хочет – идти. Но не так, как проходят люди над его головой – торопливо, суетно, – нет: идти по-настоящему. Закинуть котомку за плечо, впрячься в скатку шинели, взять в руку посох – и идти и идти! Шагать и смотреть только вперед, не оглядываясь на этот лживый мир. Шагать прочь от этого дома, чтобы больше и не слышать о нем. Ни об этом доме, ни о других, что вокруг стоят. Кто и зачем их строил – бог знает. Но возводили-то эти стены рабы, обездоленный люд гнул здесь свои спины, кровоточащие от ударов плетей. Сколько боли и обиды заключено в этих толстых, глухих стенах! А те, которые ходили здесь с плетями, – каким богам смели они молиться, на какие блага, на какие радости они смели рассчитывать в будущем для себя и своих детей?.. Нет, чистые, светлые дома

стоят только там, в горах, – дома, сложенные из белого гранита, настолько чистого, что он звенит от самого легкого прикосновения!.. Дома, над которыми поднимается в небо чистый, как молитва, дым, и на порог которых выходит ранним утром горец с белым пастушьим посохом, – и стоит и озирается кругом – не нуждается ли кто в его помощи.

Он, Гино, вновь пойдет по этим дорогам. Пойдет по-настоящему, далеко. Потом сядет где-нибудь на вершине горы, и будет играть на своей скрипке и петь. Петь песни новой жизни. О, если на этом свете есть счастье, то и он, Гино, будет счастлив! Он будет строить новую жизнь, ходить по обновленной земле и петь песни о свободном, счастливом мире. Его отпустят. Не может быть, чтобы не отпустили. Порасспросят о том, о другом – и отпустят. Как в первый раз его отпустили, так и теперь его отпустят. Ведь не нашли в нем изъяна – ни в его работе, ни в его душе, – а с тех пор что могло измениться! Тогда отпустили: никакой, дескать, на тебе нет вины. А теперь какая на нем может быть вина!.. Да, но тогда его несколько месяцев держали-терзали: а это как?.. Почему никто не понес за это наказания? Разве это не странно, что никого не спросили: ну-ка, за что вы держали безвинного? Разве это не вина – лишить свободы безвинного? Почему не нашлось никого, кто их спросил бы, указав на них пальцем? Почему никто не встряхнул их, взяв за шкуру? В том-то и дело. Если бы тогда кто-нибудь крепко встряхнул их, его бы не арестовали во второй раз. Так оно и бывает, когда неправых не призывают к ответу. Нет, какая-то кривда завелась в жизни, пустила в ней корни. Надо будет ему попристальней присмотреться к этой кривде, как только его отпустят. Если он сам будет бессилён выкорчевать ее, то он и в Москву пойдет, хоть пешком пойдет, по-настоящему. Самому Сталину расскажет об этой кривде, – а уж он-то, Сталин, найдет на нее управу.

Люди над ним все шли и шли. И Гино глядел на мелькание их ног. Интересно, кто они? Среди них, возможно, есть и его знакомые или даже друзья – ему было бы приятно знать это наверняка. А по ногам человека не узнаешь. Его и по лицу не всегда узнаешь... Может быть, и его Лена теперь также ходит по улицам, по коридорам. Стучится в одни двери – ее шлют к другим, шлют с этажа на этаж, из кабинета в кабинет. Сжалось тоскою сердце Гино: с кем только не приходится говорить его Лене – его милой, его добронравной Лене! Должно быть, всякий видит по ее глазам, что она ищет сочувствия, просит милости, – ах, как не идет к ее светлому и благородному лицу это выражение! Совсем не идет. Не она должна умолять их, а они должны бы умолять ее, потому что она чище их всех, чище и красивее – и душой, и внешне, и выше их воспитанием и образованностью. Не ходить бы ей по этим кабинетам! Его и без того выпустят. Рассмотрят как следует его дело – и выпустят. В прошлый раз ведь тоже не сразу выпустили. Целых полгода держали. Кажется, то было лет шесть-семь назад. А теперь, конечно, скорее выпустят...

Лязгнул замок, заскрипели дверные петли – протяжно, тоскливо. Никто их, эти проклятые петли, не смажет, чтобы не щемили сердце своим заунывным воем. А иногда ему кажется, что это не петли скрипят, но тяжелая дверь, отворяясь, делает слышным вопль этих напитанных страданием стен, а потом, возвращаясь на место, снова наглухо замыкает им уста... Он обернулся. На пороге стоял, сгорбившись, пожилой человек в осеннем пальто и фетровой шляпе. Пальто показалось Гино слишком уж широким и длинным, так, словно оно было человеку чужим, и его вот только что,

за дверью, прежде чем втолкнуть сюда, набросили ему на плечи. Вошедший стоял на месте и дрожал, будто от озноба. Опасаясь, что он может упасть, Гино подошел к нему и, взяв под локоть, подвел его к железной койке, которую накануне, скрежеща по цементному полу, притащил в его камеру охранник. Едва добравшись до койки, человек свалился на нее и затих.

3

– Меня отпустят, отпустят, – говорил Гино. Он сидел на своей койке, склонившись вперед и оперевшись локтями в колени. – Не может быть, чтобы не отпустили,

– Это хорошо, что ты в это веришь. Вот только почему ты так в это веришь? – спросил его новый знакомец, которого накануне бросили к нему в камеру и который так и не шелохнулся ни разу за всю ночь.

– У меня снаружи много дел, очень много. У меня нет времени здесь прозябать.

Сокамерник смотрел на Гино как бы устало и безразлично. Глаза у него были воспаленные, красные, а брови красивые, черные, гладкие и длинные, как у женщины, и в них отчетливо виднелись отдельные седые волосы.

– Нет времени! – сказал еще раз и громче прежнего Гино.

– В чем они тебя обвиняют? В каком преступлении?

– Откуда мне знать! – всплеснул Гино руками. – Они говорят, что я связан с врагами советской власти. Еще бы не связан! – связан тем, что я всю жизнь, сам себя не жалея, бился против них! Чем другим, будьте вы неладны, я могу быть с ними связан?! Нет, здесь что-то другое... – Гино взглянул на сокамерника и, заметив, что тот смотрит ему в глаза, добавил: – Совсем другое!

– Вот-вот, в том-то и дело, что здесь что-то совсем другое. Вот только что это, что?... Нет у этого другого ни имени, ни рода, да прервется их род – тех, кто к нам это другое принес! Разве это правильно? – в кои-то веки мы вздохнули полной грудью, – а нам тут же кулаками глотки заткнули: не смей дышать! Ты знаешь ли, что многие теперь свои котомки в изголовье держат, вместо подушки, чтобы быть готовым, когда к ним явятся эти... синие фуражки!.. В таком страхе как человеку жить, как работать, как за столом посидеть? – новый знакомец помолчал и глубоко вздохнул, и Гино отчего-то показалось, что в этом вздохе было больше удовлетворения, чем тоски. – Но ты прав. Тебе нечего опасаться. Тебя по ложному доносу взяли. А кого по ложному доносу берут, того правдивое сердце не может не открыться. А вот я пропал так пропал. Видно, судьба моим детям по миру пойти.

Он замолчал, а Гино, сидя напротив, все смотрел и смотрел на него. Его сокамерник видимо сник. Он сидел на краю койки, бессильно сгорбившись, его длинное и просторное пальто сложилось на нем в крупные, бесформенные складки, только голова с острым носом торчала наружу. Он показался Гино похожим на сидящую на ветке нахохлившуюся ворону, и Гино искренне подсадовал на себя за такое сравнение. Он тряхнул головой и опустил глаза в землю.

– В чем ты провинился?

– Подрался я с ними.

– С кем?

– С этими... синими фуражками.

– Как же такое случилось?

– Да так. Это было у нас, в селе. Мы сидели за столом, поминали односельчанина. Едва старший встал с рогом в руке, чтобы сказать «рухсаг» – вдруг подступили к нему с обеих сторон. Один, в штатском, забрал у него рог и говорит: «Гражданин, вы задержаны». Все на минуту опешили, потом разом задвигались, слышались возмущенные возгласы. Где это видано, чтобы у старшего, который для молитвы поднялся, рог из руки вырвали!.. Тот, глядя на свою пустую руку, спрашивает: «Может быть, вы меня с кем-нибудь перепутали?» – «Мы врагов советской власти ни с кем не перепутаем!» Я подошел ближе. «Вы, – говорю, – дайте «рухс» сказать человеку, а потом делайте, зачем пришли, он никуда не убежит». Они все, как один, ко мне повернулись: ты еще, дескать, не указывал нам, как и что нам делать! «Да разве такое случилось на земле Осетии, чтобы у сидящего на тризне старейшины поминальный рог отняли и слова сказать не дали?!» Тогда возопил тот, что был в штатском: «Так ты хочешь, чтобы мы, делая свою работу, свою государственную работу, на цыпочках ходили из почтения к вашим завшивевшим традициям?!» – он резко махнул рукой, выплеснул араку нам под ноги, а пустой рог бросил на стол. У меня глотку перехватило, так что вздохнуть не мог. Подскочил я к нему, схватил его за грудки. Что я говорил, я и сам не сознавал, но говорил и говорил, глядя в его выпученные глаза. Только отдельные мои слова и обрывки фраз осели в памяти, и позже я время от времени слышал их эхо, как будто кто-нибудь другой внутри меня снова выкрикивал их. «Да ведь вы, – дескать, – сами враги народа, раз за его лучшими сынами охотитесь, хватаете их и бросаете в жернова своей адской машины... Или вы думаете, что этот самый народ слеп и не видит, кто ему враг, а кто друг?! Все он видит, и рано ли, поздно ли – заскулите, как та лиса из нашей притчи, что нож проглотила; так и знайте!..» Пока я его за грудки тряс, наши парни обступили незваных гостей со всех сторон; я испугался, комитетчика бросил, стал было парней увещевать, – да уж поздно было: разве их остановишь, этих необъезженных жеребцов! Немного потоптали их наши ребята, те даже не решились оружие из кобур вынуть... А позапрошлой ночью, когда уже спать ложился, заявились ко мне: ты, дескать, публично, перед целым селом, собравшимся на поминки, подстрекал народ бунтовать против советской власти!

Гино грустно смотрел на собеседника.

– Какой ты фамилии? – его вопрос прозвучал так, будто он не спрашивал его, а в чем-то с ним соглашался.

– До сих пор из Дзиболаевых был. Гугус мое имя.

– А я Гино, Бараков.

– О, Гино! – Гугус взглянул на Гино широко раскрытыми глазами. – Да помогает тебе Бог во всем... Значит, и таким, как ты, от них житья нет!.. Я вот что хотел спросить. Отсюда каждый день наверх водят?

– Кого?.. – рассеянно спросил Гино. – Кто водит?

– Да вот эти... проклятые... которых всех с собачьей скалы надо бы сбросить.

– Зачем?.. То есть, зачем им нас наверх водить?

– Как зачем? Допрашивать, тело и душу истязать. Хоть сегодня оставили бы меня в покое, чтобы в себя пришел. Тебя вчера допрашивали?

– Нет. Не только вчера, но уже несколько дней ни с кем не говорил, кроме тебя. Наверное, видят, что нет на мне ничего, а отпустить меня им жалко, вот и держат, –

сказал Гино тихо и как бы отрешенно. Он думал о том, что, как только он будет на свободе, он непременно напишет историю Гугуса Дзиболаева – о том, как и за что его арестовали. Это будет или рассказ, или очерк, или публицистическая статья, но обязательно будет. Об этом нельзя не написать. В самом деле, разве это люди? – их бы там всех на месте перебить, как бешеных собак!

– Завидую я тебе, – сказал спустя минуту Гугус. – Ни в чем не чувствовать за собой вины! Даже если твою душу сквозь игольное ушко станут тащить – и тогда оставаться спокойным, зная, что тебе нечего скрывать!

Гино промолчал: ему казалось, что Гугус говорит сам с собой. Тот опять зашевелился на месте и вздохнул несколько раз кряду – вздохнул глубоко, с чувством:

– Вот оно – счастье, настоящее счастье – чистая совесть! Чистая, как вода наших родников! Чтобы ни единой песчинки злого помысла!

Гино поднял голову, посмотрел на Гугуса. Его слова, да и тон, с которым они были сказаны, показались ему несколько нарочитыми, пафосными. Как если бы он уже не раз произносил их прежде, стараясь добиться нужной выразительности. Гино подумал, что, Гугус, может быть, участвует в народной самодеятельности, в каком-нибудь драмкружке: сейчас сельские клубы повели активную работу. Должно быть, Гугус играет в каких-нибудь постановках... А хорош, наверное, бывает Гугус, выходя на сцену в этом своем пальто, что висит на нем, как на вешалке... Тут мысль Гино оборвалась, и он усмехнулся над собой: будто Гугус все роли в одном и том же пальто играет!

– Да, – продолжал тем временем Гугус, – делать свою работу, такую важную и трудную, и при этом не споткнуться ни на одной ступеньке, ни на одном уступе! Даже в сердце своем не обругать, не проклясть никого – ни тех, кто выше тебя стоит, ни тех, кто ниже. Со всеми уметь в согласии жить. А главное – с собой! У нас в народе ведь как говорят? – «Злой человек и себя не любит». Потому и видно сразу, что он злой.

Гино вдруг стало жаль Гугуса: слишком уж он чувствительный человек. Как близко он принял к сердцу его, Гино, положение! Будто ему своих забот мало. И все-таки его нужно было чуть поправить, и Гино сказал:

– Жить в согласии – это одно, а быть согласным – другое. Согласия у меня только с врагами никогда не было, а в чем-нибудь несогласным я только с друзьями бывал. И тогда я им прямо, глаза в глаза говорил, в чем и почему я с ними не согласен. Громко говорил, чтобы мои слова не только их уши, но и сердце услышало.

– Слышит тебя мое сердце, Гино, слышит, – поспешил с ответом Гугус, утвердительно тряхнув головой. – Насквозь проникают меня твои слова. Но время такое... плохое время. Нынче человек сам себе не доверяет, сам на себя боится донести!.. Потому и говорю, что завидую тебе, что восхищаюсь твоей убежденностью.

Гино посмотрел на Гугуса, на его бледное лицо и красные глаза: о чем переживает этот человек! Ему бы о детях своих переживать, а он о времени рассуждает.

– Ты говоришь, тебя позавчера взяли, – сказал Гино. – А где ты провел ту, первую, ночь?

– А что там осталось от той ночи! Привезли, усадили под лампой, положили на стол бумажки и стали вопросы задавать: когда и кем был завербован, какие мне давали задания, кто мои сообщники, кто у нас был главный...

– Да ведь тебя за другое арестовали?

Гугус на мгновение замер, словно ему задали вопрос, совершенно не относящийся к делу.

– Будто я их сам об этом не спрашивал! – горько усмехнулся он.

– И что они?

– Это, дескать, наше дело вопросы ставить, а твое дело – отвечать. Понял, дескать?

– И что ты?

– А что я? Дескать, понял...

– А потом?

– Потом бросили меня в какой-то темный угол, пришли двое и принялись мне бока мять. Били, пока я боль чувствовал...

– погоди, а как они узнали, что ты перестал чувствовать боль?

– Кто? Те двое?

– Да, да. Те двое.

– Наверное, по тому узнали, что я больше не кричал и не двигался. Когда я пришел в себя, я лежал на какой-то ветоши. Все тело болело так, будто меня трактор переехал. Ни спины не мог разогнуть, ни ног. До рассвета не мог пошевелиться.

– До рассвета, говоришь?

– Да. Пока не рассвело.

– А когда рассвело, ты уже мог встать на ноги?

– Да. Может быть, не потому мог, что рассвело. Но ведь свет – это не пустяк. Незря у нас молятся Боны-рухс-бардуагу в тех домах, где больной человек лежит.

– Значит, их двое было? – спросил Гино.

– Кого? – спросил и Гугус, подняв на него будто рассеянный взгляд.

– Тех, что били тебя.

– А, тех... Да, кажется, двое.

– Значит, ты их не видел?

– Как бы я их увидел в такой темноте, что хоть глаз выколи!

– Тогда почему ты знаешь, что их двое было?

В глазах Гугуса промелькнуло будто какое-то беспокойство, и Гино удивился: что могло его смутить, если только ему это не показалось?.. Ах, ну конечно: ведь он сам Гугусу не что иное, как допрос устроил!.. Еще бы ему не обеспокоиться. Ведь этак он может подумать, что он, Гино, здесь затем и сидит, чтобы вывести у него все то, о чем он наверху умолчал. Тем более, что он сам был когда-то один из них, из «синих фуражек». Откуда Гугусу знать, что он расспрашивает его только затем, чтобы потом, когда он выйдет на свободу, написать его, Гугуса, историю, чтобы лучше, во всех деталях понять и его положение, и его состояние...

– Может, и больше было, – сказал Гугус, будто чем-то обидевшись. – Но точно не один. Это, знаешь ли, не одно и то же – двумя руками тебя избивают или...

– Да, да, конечно... Тело человеческое чувствительно... Слабо, слабо тело, – пробормотал Гино и, вздохнув и опустив голову, снова погрузился в свои мысли. Может быть, ему удастся чем-нибудь помочь Гугусу. Ведь прежде это ему не раз удавалось. Сколько дел он сам рассмотрел, иногда забирая их у своих подчиненных, сколько несправедливых обвинений снял с самых разных людей, распахнув перед ними двери темниц: ступайте, добрые люди, по своим бедным домам!

Ему уже ни о чем не хотелось спрашивать Гугуса. Не глядя, он развел руки по сторонам, пошарил ими по своей койке; левой рукой нашел среди складок потрепанной солдатской шинели скрипку, правой – смычок. Потом распрямил спину, вздохнул и, поставив скрипку на левое колено, заиграл и запел:

Расплодились волки беззаконно,
Горы и ущелья наводнили.
Род олений весь согнав в загоны,
Резать их по одному водили.

Гугус мотнул головой и растерянно оглянулся через плечо, как если бы кто-нибудь невидимый вдруг хлопнул его по темени, потом бросил тревожный взгляд в одну, в другую сторону – что это?! Разве это всего лишь скрипка, разве это всего лишь песня? Гугус хотел было встать – зачем, он и сам не знал – от этих звуков и валун подвинулся бы на своем от века належащем месте! – он подался телом вперед, но так и не поднялся, потому что почувствовал крупную дрожь во всем теле. То была не просто скрипка, то была не просто песня – то был сам свет Божий, от которого нельзя укрыться, который проникает в тончайшие поры бытия и делает вещество прозрачным, как воздух. И Гугусу показалось, что он сам стал звонким и прозрачным, как стакан, сквозь который смотрят на свет, чтобы узнать, мыт ли он.

Он посмотрел на Гино, уже не стараясь скрыть смята и невольной мольбы, выразившейся на его лице. Хорошо, что Гино не смотрел на него. Гино никуда не смотрел. Глаза Гино были закрыты. Наверное, так он лучше видел тех волков и оленей, о которых он пел:

Резали оленей, пировали,
И никто не встал за род олений.
Прежде чем убить, рога ломали –
И стоял над миром рев олений.

Нет, под этим небом еще никогда не пелось подобной песни! – так думал Гугус. Если бы когда-нибудь прежде люди слышали эту песню, то сегодня мир был бы совсем другим. И люди были бы другие. Потому что – как тяжел становится от нее человек! – но, сколько он, Гугус, становился тяжел телом, столько же он становился легок и вдохновлен душой, как если бы он был кувшином, а песня Гино была вином, и он наполнялся этим вином – и становился все тяжелее, а на душе у него становилось все легче! Всем своим существом Гугус почувствовал желание действовать – сделать что-нибудь, – что? – что-то большое, настоящее, что-то такое, к чему не всякий способен, такое, о чем молва пойдет по миру. И он все удивлялся на себя: что с ним сделалось? Неужели это сделала песня? Подавленный и просветленный сладким бременем песни, Гугус вдруг вспомнил старого ксанца Цицо, который был его соседом в то время, когда он еще жил в селе, в горах. Цицо, бывало, говорил: «А вы как думали!.. Песней, если хочешь, убить можно. Песня – что небесная пуля, из тех самых, которыми Всевышний чертей, землю заповивших, истреблял. Но песня не только убить, она и воскресить может... Так, что мертвец встанет из гроба...»

Мысли Гугуса перепутались и заметались в разные стороны, они то сталкивались, проглатывая одна другую, то сливались в сплошной мерцающий вихрь, который он наблюдал словно стороны, словно мысли были не в голове у него, а кружились вовне, в сумеречном воздухе камеры, – и Гугус снова встряхивал головой и беспомощно озирался по углам. Да, пожалуй, убить песня может. Убить человека легко. Но из гроба поднять?! Что же, что из гроба! Пожалуй, иного может и из гроба поднять!.. Только не его, не Гугуса. Его, Гугуса, пожалуй, и убить не сможет! Потому что слаб он, Гугус. Потому что продал он свою честь. Можно ли убить человека, который и без того уже мертв!..

Позабыли волки, что настанет
Божий суд, и честный, и недолгий,
Он на кряжах виселиц наставит,
Чтоб на них висели люди-волки.

Гугусу представился бесконечный ряд виселиц, торчащих на горных хребтах и отрогах и четко выделявшихся на фоне чистой небесной сини. Он снова дернулся вперед, будто желая встать, – и снова остался на месте: закончилась ли песня Гино или у нее есть еще продолжение? Зачем ему нужно встать, несмотря на дрожь в коленях, он не знал по-прежнему, но уже почему-то твердо решил, что он должен встать на ноги, если Гино кончил петь. Он поднял голову и посмотрел – но вместо сидящего в полусумраке Гино снова увидел торжествующую небесную лазурь и черные столбы виселиц с висящими на них волками, бессильно свесившими серые когтистые лапы. Гугус присмотрелся – и с ужасом узнал в одном из волков самого себя. Петля крепко стянула ему шею, и он выпростал из пасти окровавленный язык. Другие волки висели покойно и смирно, он же, волк Гугус, мерно раскачивался, будто ветер нарочно качал лишь его... Гугус вздрогнул и с усилием глотнул, издав пересохшим горлом какой-то деревянный стук. Видение развеялось.

Гино полулежал поперек койки, прислонившись лопатками и затылком к стене и положив скрипку себе на грудь. Пальцы его левой руки неспешно двигались по грифу вверх и вниз, едва касаясь струн, как если бы он мысленно наигрывал какую-то мелодию. Его глаза были закрыты, и он будто даже не дышал: наверное, сделав глубокий вдох, он выдыхал воздух медленно, протяжно, как требует того тихое, вдумчивое пение. Лицо Гино разгладилось и представлялось Гугусу совершенно спокойным и беззаботным. Но это было лишь внешнее впечатление: сейчас Гино переживал о многом, а больше всего о нем, о Гугусе. Что станет с его семьей, его детьми, если его не отпустят? На что они будут жить? Но, быть может, отпустят еще. Чем бы ему можно было помочь? Чем и как?

Гино все больше сочувствовал Гугусу. Да, добрый он человек. Добрый, но слабый. От слабости, а не от силы он вступил в ту схватку, и теперь он, возможно, не устоит, проиграет. Но тем больше он заслуживает того, чтобы о нем написать... Немного странный он: вроде бы сельский человек, а в то же время как будто и не совсем сельский. И говорит он простым народным языком, а интонации у него как будто книжные, литературные. Как он, интересно, справляется с сельскими-то работами и хлопотами?... Как живет с соседями?... Запевает ли он, сидя с ними за досужим столом?

Наверное, запекает. Там, в селах, хорошо поют... Гино подумал, что пора бы ему уже открыть глаза и взглянуть на Гугуса: так же ли он сидит, как сидел, или, может быть, он уснул? Если Гугус не спит, Гино скажет что-нибудь. Спрашивать больше ни о чем не будет, а просто что-нибудь скажет. И пусть тогда и Гугус что-нибудь скажет, если не спит... Вдруг раздался в камере громкий и отчетливый возглас:

– Прости, Гино!

Гино услышал эти слова, но они не сразу дошли до его сознания. Он хотел уже прислушаться к их смыслу, но в следующее мгновение его оглушил звук выстрела, который словно длился целую вечность и заполнил собой весь мир. Даже на войне он не слышал такого грохота. Даже пушечные залпы турок не гремели так ужасно.

Гугус лежал, откинувшись навзничь, его голова неловко уперлась в стену и склонилась на сторону; широкие и бесформенные складки пальто полностью скрывали очертания тела. Из правого рукава виднелся вместо руки наган.

Гино стоял, держа в одной руке смычок, в другой скрипку, и не двигаясь смотрел на тонкий сизый дымок, струившийся из дула нагана.

Перевод Ирлана Хугаева

Март, 2020

Изатбек ЦОМАРТОВ

Изатбек Рамазанович Цомартов родился 19 марта 1942 г. в сел. Заманкул Северной Осетии. В 1960 г. окончил Заманкульскую среднюю школу. Работал грузчиком на военном заводе в г. Владикавказ, затем проходчиком в тресте «Тульшахтподземстрой» г. Москвы.

В 1965 г. поступил на филологический факультет Северо-Осетинского пединститута. Окончив его в 1970 г., преподавал русский и осетинский языки и литературу в средней школе родного села.

С 1972 по 1975 г. – литературный сотрудник газеты «Растдзинад». В 1975 – 1976 учебном году преподавал русскую литературу и основы литературоведения в Кулябском пединституте им. А. Рудаки (Тадж. ССР). С 1976 г – корреспондент республиканского радио Северной Осетии, потом редактор книжного издательства «Ир», главный редактор республиканского радио, ответственный редактор газеты «Растдзинад». Сейчас – заместитель председателя Союза писателей РСО-Алания.

В 1975 г. вышел сборник его рассказов «В лунную ночь». После этого выпустил книги повестей и рассказов: «Светились горы в лунном сиянии», «Запоздалое раскаяние», «Мост из волосинки», «Призрак», «Подсолнух» и роман-дилогию «Угасшие мечты». Его кредо – критическое отношение к негативным явлениям нашей действительности.

Светились горы в лунном сиянии

Рассказ

Старик медленно взбирался по горному склону. Острые колючки терновника, будто кошачьи когти, цеплялись за его старые вылинявшие галифе, норовя вырвать клоч, вонзиться в усталое тело. А утомился он сильно. Ноги подкашивались, но старик упрямо шел. Какие-то внутренние голоса нашептывали ему:

– Не останавливайся! Не оглядывайся назад, не то воля твоя ослабнет, и...

– И что? – перебивал другой голос.

– Что – «что»? С пустыми руками в село возвращаться нельзя... Еще до захода солнца ты должен быть возле «Орлиного гнезда», чтобы засветло найти целебную траву. Ты

обязательно должен ее найти. Впрочем, можешь и вернуться. Ведь тебя туда никто не гонит. Разве это какая-то повинность? Вернись и никто даже не упрекнет. Приляг вон там, на зеленой лужайке, отдохни в тени, а потом вместе с вечером придешь в село...

Ну нет! Он должен добраться до вершины горы. Должен убедиться, что еще крепок. Лишь там, на вершине, он полнокровно ощущал жизнь. Лишь там, где, стуча рогами, бьются упрямые туры, его сердце наполнялось надеждой...

Возможно, нынче он в последний раз отправлялся в этот путь. «В последний раз». Как эти слова печалат сердце! Нет. Он не хочет с этим смириться. Он еще будет глядеть на мир с вершины вон той скалы. Жизнь так просто не обрывается.

Размышления отвлекли его, и старик пошел совсем медленно, но, спохватившись, прибавил шаг. Обязательно надо идти, пока ноги послушны, пока кровь струится в жилах... Болат не привык возвращаться с полдороги...

Колючий терновник остался позади, но теперь узенькую тропку обвивал жесткий плющ.

Если бы Болат был молод, разве плющ – препятствие? Он ходит по этим тропам, едва оставив колыбель. И кажется, нет здесь места, где бы ни ступали его босые, израненные острыми камнями ноги. А горы не утомили его, нет. Чем дальше Болат живет на свете, тем горы ему милее, тем больше он привязывается к ним.

Годы... годы... Болат забыл, сколько лет живет в объятиях гор. Да он толком и не знает, сколько ему самому лет. Мать говорила, что появился он на свет как раз, когда она с его отцом сажала картошку. А в какой это год они сажали картошку? Поди разберись.

Болат остановился на скальном выступе и замер.

Сланцевые пласты, похожие на свежераспиленные доски, слегка разошлись: кажется, они вот-вот обвалятся и увлекут его с собой на дно ущелья, откуда приглушенно доносится рокот речной воды. С двух сторон, словно две сторожевые башни, высятся горы. Между ними – лес. На темно-изумрудной зелени золотыми слитками сверкают под солнцем пожелтевшие деревья. А еще дальше, как алмаз в серебре, горит ледник.

Вся эта красота рождает в груди Болате непонятное ему самому чувство: хочется превратиться в орла и, расправив упругие крылья, парить в небесной сини.

Болат вскидывает голову, смотрит на еще далекую вершину и насмешливо вздыхает:

«Что ж, шагай-шагай, раз до сих пор считаешь себя юнцом. Отдохнул немного и хватит».

Неловко ступив на камень, он пошатнулся.

«Должно быть ты, Болат, совсем постарел, нет больше сил. И голова стала кружиться, – говорит он себе. – Если не принесешь целебный корень, как взглянешь в глаза соседке, больной Афассе? Больной человек всем верит, от всех, бедняга, ждет помощи».

– Не бойся, дорогая Афасса, – обращается он к соседке, словно та рядом, – вылечу тебя. Неужели старый Болат, который излечил себе язву желудка, даст тебе умереть? Может, если бы ты решилась поехать в город, врачи скорей помогли бы тебе. Ну ничего. Не бойся, дорогая, я отыщу для тебя лекарство, и никакие врачи не понадобятся... Эту траву мне отец показал, а он был отличным лекарем. Ей-богу, к нему даже из Кабарды и Ингушетии ездили. От каких только болезней он не излечивал! И от язвы, и от кашля, и от зоба, и от холеры... Камни в почках таяли от его лекарств, точно весенний снег, а сбить давление или унять сильный жар – это для него, что семечки щелкать. – Болат невольно улыбнулся, вспомнив, каким ловким лекарем был его отец, но тут же

вздыхнул: – Эх, знай люди, какие лекарства под ногами топчут, берегли бы эти травы как великую драгоценность. Что может быть на земле неказистее репейника? А он для холеры, экземы и дизентерии незаменимое лекарство...

Старик шел, пока дорогу ему не преградили заросли ежевики. Ветки кустарника переплелись, как змеи. Заскоружлой рукой он сорвал несколько ягод, бросил их в рот. Морщинистое лицо передернулось от оскотины. Старик нагнулся, стал искать среди желто-зеленых листочков ягоды поспелее. Он нарвал полную пригоршню и, осторожно перешагивая через кусты, чтобы не затоптать их, направился к одинокому камню. Опустившись на него, собрался было поднести ягоды ко рту, но рука застыла в воздухе: краем глаза он зацепился за выступ той самой скалы. Откровенно сказать, он уже давно боролся с собой, стараясь на скалу не глядеть. Он даже специально сел к ней спиной, чтобы прогнать неотвязные думы. Но эти наивные ухищрения не помогали: скала притягивала, точно магнит, будила в душе горькие воспоминания...

И сердце не выдержало – старик обернулся. Глаза его печально остановились на кривом дубе у самого обрыва. Кажется, дунь ветер посильней – и дерево сорвется в пропасть. Но дуб держится, намертво вцепившись корнями в родную скалу.

Много лет назад для Болат на всем свете не было дерева красивее, чем этот тогда еще молодой шелестливый дубок. Болату хотелось иметь такие же крепкие корни и также навсегда быть связанным с родными горами...

От охвативших тревожных воспоминаний старик, сгорбившись, застыл, точно каменное изваяние. Взгляд его прикован к дереву, а перед взором стоит прекрасное лицо той, кто была ему дороже всех на свете. А сердце щемит, щемит. Сколько лет Уната вот так приходит к нему и внезапно, будто тень, исчезает!..

С тех пор, как она оставила его одного, прошло больше полсотни лет, а Болату кажется, что тяжкое горе свалилось на него лишь вчера. Время притупило боль, но она до сих пор занозой сидит в сердце.

– Уната, моя маленькая косуля, уж лучше бы ты забрала меня с собой, – горестно шепчет Болат.

– Ты сам не захотел... – слышится ему певучий голос, в котором, кажется, заключена вся нежность природы. – А для меня, что на этом, что на том свете – одна радость: быть с тобой.

Радость. Да, Болат знал, что такое радость, когда они с Унатой, молодые, красивые, освещенные закатными солнечными лучами, бежали к своему заветному дубу. Как горячо он обнимал Унату.

– Я не смог, Уната, последовать за тобой.. – Губы старика едва заметно шевелятся. – Я и сам не знаю, почему не смог. Видно, ты оказалась мужественней меня.

– Так зачем же ты меня винишь?

– Что ты! Что ты, солнышко мое! Винить тебя я не собирался. Это я так... от чрезмерной боли сердца. Молодым я думал: моя любовь к тебе постепенно присохнет, как кровоточащая рана. Но я ошибся. Чем больше старею, тем больше тоскую по тебе. Мне надо, чтобы ты всегда была со мной...

– Это не любовь! Просто ты устал от одиночества, и тебе кажется, что ты все еще меня любишь.

– Ты не права, Уната. Все эти годы только о тебе и думаю. Укладываясь на ночь, я мысленно заключаю тебя в свои объятия и, разговаривая с тобой, засыпаю. А про-

сыпаясь на рассвете, я всегда желаю тебе доброго утра. Когда устану от работы, стоит представить, как ты прикасаешься к моему лицу своими теплыми руками, и усталость улетучивается. Сердце мое бьется только благодаря тебе, Уната. Мне часто грезится, что я еще совсем молодой и ты вот-вот прибежишь к нашему дубу. Помнишь, как хорошо нам было здесь тогда?.. Мне не забыть то счастливое время. Не забыть. Эх, лучше бы нам вместе сбежать на край света. В жизни надо быть дерзким, надо брать судьбу за плотку, а я все время ждал чего-то от небес. Какой же я был дурень, когда надеялся, что твой отец поймет нас?! Легче ягненку дожидаться пощады от голодного волка.

Подперев голову руками, старик сгорбился еще сильнее. Перед его глазами теперь стоял отец Унаты.

– Интересно, сколько ты рассчитывал прожить, ненасытный шакал? Зачем тебе было столько добра? Ведь никого после себя не оставил. Единственную дочь, и ту погубил. Да ей твое богатство было и ни к чему. Природа сотворила Унату для любви, а ты, злодей, оборвал ее юную жизнь. Будь навеки проклято твое имя! Пусть солнце навсегда померкнет для таких, как ты! Впрочем, после гибели дочери, какое солнце тебя могло греть? Что посеешь – то пожнешь; зло твое на тебя же и обрушилось. Как собака, подох ты в одиночестве. А твое бессчетное богатство пошло по ветру. Теперь все прах – и твой роскошный, как дворец, дом и твоя могила.

Болат заставил себя посмотреть вниз, на село. Низенькие домишки, словно вспугнутые коршуном куры, раскрыли плоские крыши, укрывшись под горой на северной стороне ущелья. Домишек осталось совсем мало, да и то многие пустуют: люди бегут в города.

Старик долго задумчиво глядит на село. Оттуда явственно доносятся звуки гармонки, громкое хлопанье в ладоши, пение мужчин, звуки выстрелов. Это на дворе Унаты такое веселье. Ее отец на этот раз не поскупился, решил всему селу показать, какой почет оказывает дочери, как сильно любит ее. Да и как не радоваться?! Он вырвал свою дочь из объятий голодранца Болат и теперь выдает за такого-же богача, как сам.

Сердце Болат колотится в груди от обиды и гнева, а ноги, против воли, бредут на свадьбу. «Как бог не обрушит на этот двор каменный обвал?!» – стискивает зубы Болат в бессильной ярости. Ему кажется, весь мир с издевкой хохочет над ним, даже на круглом лице луны застыла ехидная улыбка...

Прочь, прочь надо бежать с этого свадебного пиршества, не то не выдержит, разорвется сердце. Почему жизнь так жестока? Бороться с ней – нет больше сил!

Болат распахнул калитку и бросился в горы, к кривому дубу, у которого они обычно встречались с Унатой. Обхватив ствол, он медленно опустился на землю. Рыдания душили Болат. Он не помнил, сколько пролежал под деревом. Вдруг ему почудились чьи-то всхлипывания. Он прислушался.

– Уната! – выдохнул радостно.

Она бежала к нему, еще более прекрасная, чем всегда, в своем белом свадебном наряде.

– Болат! – девушка прильнула к его груди. Он принялся осыпать ее поцелуями, не в силах вымолвить ни слова.

А луна теперь смеялась с высоты, радуясь их счастью и кутая их в свой сотканный из серебристых лучей полог.

– Она побежала вот сюда! – разорвал тишину резкий мужской голос, усиленный горным эхом. И тут же всю округу заполнил шумный гвалт.

Болат и Уната, вздрогнув, будто их огрели плетью, замерли в испуге.

– Бросимся в пропасть, – пролепетала Уната, высвободившись из объятий юноши.

– Нет, Уната, лучше убежим!

– Куда?! Сюда ведет только одна тропа и по ней уже идут похитители моей души.

– Давай пока спрячемся за кустами. Может, не заметят.

– В белой одежде они меня сразу увидят и схватят. Отец меня теперь все равно убьет, ведь я сбежала со свадьбы. Давай прыгнем в пропасть. Смерть с тобой, Болат, мне не страшна.

– Вон они! Вон они! – раздались крики совсем близко.

Болат растерялся на миг. Вдруг Уната быстро поцеловала его, и он не успел опомниться, как из темного ущелья до него донесся ее предсмертный душераздирающий крик. Потом его долго били ногами и волоком тащили в село, но Болат ничего этого не чувствовал. Очнулся он в темнице.

Не зря говорится: человек все стерпит. Он и в самом деле, видно, способен все терпеть, иначе как вынести те страдания и муки, которые Болат испытал в тюрьме? Они и сейчас ему порой снятся, и тогда, проснувшись в холодном поту, он ходит взад-вперед по двору, как ночной сторож. В темноте на его кашель громким испуганным лаем отзывается соседская собака...

Болат с трудом оторвал взгляд от дуба. Медленно поднялся и тревожно посмотрел на заходящее солнце.

«Ой-ей-ей, как я задержался! Если буду идти так медленно, и до ночи в село не вернусь».

«А к кому тебе туда торопиться? Или, может, тебя семья ждет?» – снова ехидно заговорил внутренний голос.

«Что ж теперь досадовать, раз не женился вовремя. Впрочем, мне и не нужна была жена. Люди, казалось, только обо мне и судачили: «Заведи, говорили, семью, приведи в дом хозяйку, мужчина без потомства жалок». Потом стали откровенно насмехаться: «Знать, Болат не уверен в себе, раз не женится...» Выходит, надо благодарить людей за их насмешки. Не будь их, я бы так и не испытал отцовского чувства...

Правда, бедная моя хозяйка понимала, что люблю я только Унату. Оттого, видно, раньше времени и сошла в могилу. Если я провинился перед тобой чем-нибудь, прости. Пусть земля будет тебе пухом. А волю твою я выполнил: наш сын окончил институт. В городе, на работе, его ценят, уважают. Только вот одно плохо – по-осетински он почти перестал разговаривать...– Болат тяжело вздохнул.– Очень мне это неприятно. Словно мой сын родным горам изменил. А моего внучонка и вовсе не учит родному языку. Говорю ему:

– Неужели, несчастный, в твоём далеком городе тебя кто-нибудь неволит: хоть дома-то разговаривай на языке, который дан тебе с молоком матери. Тогда твой сын будет предан горам.

А он мне:

– Не я в этом виноват – время такое».

Болат снова вздохнул:

– Эх!.. Правда, сын заботлив. Все приглашает к себе. На старости лет, говорит, хоть что-нибудь, отец, увидишь, приезжай в город. Почему, спрашивает, ты отказываешься во вред себе?.. Он еще молод, не понимает, где вред, где польза. А повзрослеет – будет

еще кусать локоть. Будет мучиться, подобно раненой лани, когда потеряет великое сокровище – родной язык и родные горы. Растратить это сокровище легко. Как живая рыба может ускользнуть. Да не испытать ему этого несчастья! – Болат молитвенно поднял руки. – Это все равно, что оказаться у края гибели... Пока я жив, нельзя этого допустить. Опоры нашего дома должны быть крепки. Об этом придется заботиться сыну, когда меня не станет. Ему жить, ему и заботиться... – Болат посмотрел на реку: эта маленькая река впадает в большую, а та – в море. Я видел море, отдыхал на его берегу. Красиво, ничего не скажешь. Все же море-то не было бы таким огромным и прекрасным без вот этих пенистых речек. Они – корни его сердца, без них оно бы высохло. Природа невозможна без этих маленьких речек – они ее украшение. Как было бы хорошо, если бы сын понял это своевременно!..

Старик снова потихоньку зашагал. Осталось идти совсем немного, но чем выше он взбирался, тем труднее преодолевал подъем.

«Турам намного тяжелее приходится, чем овцам, но их жизнь настолько же и красивее, – подбадривает себя старик. – Ты прожил жизнь не овцой, а туром, не подкачай же, Болат, напоследок. Вспомни, как, бывало, возил из лесу дрова на красном быке. На подъеме бык не мог тащить подводу – совсем выбивался из сил. А начнешь сбрасывать дрова, бык, словно устыдившись такого позора, принимался тащить воз. Его морда покрывалась пеной, ребра тяжело вздымались, но он все же вытаскивал тяжеленный воз на вершину. Так неужели ты, Болат, окажешься слабее его? Ведь ты – человек, мужчина! Нет, на вершину ты взберешься во что бы то ни стало! Горы, они крепки, но человек крепче гор. Если бы было не так, за долгие века твой народ вымер бы, язык его перестал бы существовать. А народ живет, будет жить, и будет, как колокол, звенеть в горах родной язык!..»

То ли от усталости, то ли от дум кружится голова. Споткнувшись о сухую корягу, Болат упал. В ладонь вонзился острый камень, и из раны пошла кровь. Болат поискал глазами вокруг себя подорожник и, не обнаружив его, обмотал руку платком.

– Не беспокойся, Афасса, рана не помешает мне: я найду сегодня лекарство.

Это обращение к соседке – больше внушение самому себе: мол, не бойся, Болат, ничего не случилось. А выступившая кровь – не беда. Радуйся, что она в тебе еще есть!

«Не так. Все это, милый, не так. Просто ты из кожи вон лезешь, чтобы выглядеть мужчиной, но силы-то давно покинули тебя».

Ах, до каких пор этот внутренний голос будет издеваться над ним.

Неведомый зверь острыми когтями впился в сердце. От боли потемнело в глазах. Потом все куда-то поплыло. Но пощипывание раны в ладони словно бы вернуло Болату в реальность. Он размотал платок, потряс рукой – крови уже не видно.

Болат еще несколько мгновений постоял неподвижно, размышляя, как обойти новую скалу, преградившую ему дорогу. Если пойти по тропе справа – можно свалиться в пропасть. А туры бегают по этой тропе как по гладкому асфальту. Но как ему, старому, равнять себя с турами? Болат повернул налево.

...Когда он взобрался на вершину, солнце совсем низко склонилось к горам, расстилая багровое марево. Серые облака бежали над ним, подобно стая туров.

Болат вынул из кармана кривой складной нож, раскрыл его и, низко согнувшись, принялся искать траву. Он знает, что в эту пору ее нелегко найти. С весны до поздней осени, как только удавалось урвать время от крестьянских дел, Болат собирал самые

разные растения. Не для себя – для людей. Кто к нему только не приходил со всякими болезнями! И ни одному больному он ни разу не отказал. Иногда, смущенно улыбаясь, словно в чем-то провинились, к нему приходили врачи. Он понимал их смущение и делал вид, что намного меньше их разбирается в болезнях. Хотя про себя думал, что это не так. Пожалуй, не осталось болезни, о которой он бы не прочитал в книгах. Он хоть и стар, а все помнит.

Разве не приятно сейчас думать о людях, которых излечил? Теперь надо помочь Афассе. Он снова представил худое, изможденное лицо Афассы с печальными глазами, полными надежды, и принялся неторопливо переходить от одной травы к другой.

Нужная ему трава так хитро маскируется, словно скрывается от врагов. Наверное, не хочет попасть в руки недостойного. К тому же, листья в эту пору уже высыхают, поэтому искать ее еще труднее. Трава – зверь, а Болат – охотник: не раз и не два он ее находил. Он узнает ее по запаху. Все места, где она растет, у него на примете.

Ага, вот попался один стебелек возле камня, чуть подальше тянутся еще два. Встав на колени, будто в молитве, Болат принялся осторожно их выкапывать...

Солнце скрылось за склонами гор. Невидимый живописец перекрасил голубое небо в темные тона. Боясь оставить землю без сторожа, на смену солнцу выступила среди облаков серебристая луна.

Болат выпрямился и устало огляделся. Казалось, горы доверчиво сообщали ему какую-то тайну. Болату представилось, что он ровня горам.

Надо бы еще поискать траву, но теперь ее уже не найти. Возвращаться в такой темноте тоже не следует: можно свалиться в пропасть.

Когда он здесь был в последний раз, то оставил свое старое пальто под кустиком. Теперь оно пригодится – придется спать на нем. Ну и что? Ведь это ему не впервой.

Болат бережно спрятал найденные стебельки в карман, хотел убрать и нож, но не успел – помешал какой-то странный шум. Он судорожно сжал рукоять ножа и замер в ожидании: сейчас из-за камня выскочит опасный зверь, и придется вступить в схватку. По телу пробежала дрожь. Нет, Болат ему так просто не дастся. Кто столько раз устоял перед ударами жизни, разве может отступить перед зверем?

Рядом, шурша, посыпались мелкие камешки, Потом он услышал какой-то очень знакомый звонкий стук, и все стихло. Посмеиваясь над собой, Болат обогнул скалу и поднялся на маленькую площадку.

Прямо перед ним, будто застыв в раздумье, стояли, вперившись друг в друга, два тура. Внезапно они ринулись в бой, как заклятые враги, сшиблись, и эхо снова подхватило звонкий стук их искривленных рогов. А рядом, не обращая внимания на разъяренных драчунов, мирно паслись другие туры.

Болат стоял и завороченно смотрел на этот поединок, боясь пошевелиться и спугнуть туров, опасаясь, что эта сказочная ночная картина бесследно исчезнет.

А горы светились в лунном сиянии...

ПРОЗА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Владимир БУТЕНКО

Владимир Павлович Бутенко родился в хуторе Дарьевка Ростовской области в семье учителей. Прозаик, поэт, композитор, переводчик. Главный редактор журнала «Литературное Ставрополье». Член Союза писателей России. Лауреат Международной литературно-исторической премии «Росс непобедимый» им. В. Ганичева Союза писателей России, Международного открытого конкурса изданий РПЦ «Просвещение через книгу», Всероссийской премии журнала «Наш современник», дипломант Международного форума славянской культуры «Золотой Витязь». Трижды лауреат премии в области литературы губернатора Ставропольского края. Автор более тридцати книг прозы и стихотворений, публиковался за рубежом. Снятый по повести В. Бутенко «Девочка на джипе» фильм стал победителем кинофестиваля «Хрустальный источник» и участником многих зарубежных кинофестивалей. Живёт в Ставрополе.

Победа сердца

...Ах, Мишель, Мишель, надлежит ли поручику, командиру лихой сотни, принимать так близко к сердцу вошедшую в силу весну, свежесть перволистья и мимолетную пресную свежесть талой воды, доносимую ветерком из подворотен и дворцовых палисадов? Что за сентиментальная слезливость при виде звездного узора, выложившего небо вдоль Невского проспекта, по которому мчалась карета в дом Карамзиных? Впрочем, здесь, в Петербурге, светила казались как будто ближе и родней. А на Кавказе, куда по воле службы он должен отбыть, ночи были всегда неприветливо таинственны, – не обычная темнота, а тьма тьмущая ложилась на горы

и ущелья, зачастую окутанные туманной пеленой. И когда среди вершин все же открывалось небо, причудливыми косяками и по южному ярко вспыхивали звезды, его преследовало ощущение таинственной торжественности и незримого присутствия высших сил, проникающих исподволь в душу, полня ее и восторгом, и мятежной тревогой, и предчувствием кончины...

Лермонтов ехал на прощальный ужин, рассеянно поглядывая на фасады зданий и встречные экипажи. Мягко сгущались апрельские сиреневые сумерки. В памяти всплывали посвященные ему строки Додо Ростопчиной. Как талантлива милая княгинюшка, ставшая другом за время его отпуска! Поэтическое напутствие Евдокии Петровны (она позволяла называть себя Додо только близким) было ответом на его стихотворение. Оба они были известны публике, как писатели. Но княгиня, не переставая хвалить лермонтовские стихи, как бы подтверждала его неоспоримое лидерство в русской поэзии.

Одобрительные отзывы, в этот свой приезд, слышал он повсюду. Известность, пришедшая со дня написания «На смерть поэта», ширилась. Разошедшееся в рукописях, это стихотворение принесло ему, однако, не упоение славой, а осуждение самодержца и ссылку на Кавказ. «Отправлен по следам Пушкина», – подумал он тогда о горечью. И эти негаданные испытания, постигшие его, как бы навек связали с любимым поэтом. Немилостью и страданиями окупилось каждое написанное им слово! И странно, только в последнее время, после выхода книг и журнальных публикаций, он стал осознавать, что его творчество нашло широкий отклик в обществе. Иные не стесняются твердить ему: «первостепенный поэт», «продолжатель Пушкина», «надежда отечественной словесности», что неизменно вызывало в душе и протест и... отзвук обволакивающего, глубоко таящегося тщеславия. И, замечая в себе это двойственное чувство, досадуя за слабость свою и зависимость от чьих-то снисходительных слов, вместо благодарности Лермонтов отвечал довольно сдержанно, иногда – язвительно, ставя почитателей в тупик.

Демон просыпался в душе его. Он едва удерживался, чтобы не объявить с вызовом, что пишет не ради того, чтобы одаривали любезностями и почетом! Он ведь и сам не мог решительно понять, откуда дар сочинительства. Знал лишь одно, что волен в желаниях и пишет о том, что подсказывает разум и требует сердце! И это до мук болезненное творческое самозабвение не ведает границ, ничто не могло и не может поколебать его. «Вдохновение» – понятие индивидуально означенное. Для него же, прежде всего, это – являющийся вдруг божественный зов. Будто бы полнится душа неведомым гулом, которому сопутствует порыв слитых воедино мыслей и чувств, возносящих в чудное, непостижимо сладостное забытие...

Лермонтов, заметив в проем улицы мелькнувшую Неву, с необоримой тревогой снова вспомнил о приближающемся отъезде, и почему-то на сей раз с иронией припомнил строки милой Додо:

Ему – поклоннику живому
И богомольцу красоты, –
Там нет кумира для мечты,
В отраду сердцу молодому!

Да уж какие там, на военных перепутьях, кумиры! Снова экспедиции в глубь чуждого края, в аулы, ожесточенные схватки с горцами, запах крови, убитые и раненые... А все-таки чеченцы – славные ребята, храбрые воины. Умирают с высоко поднятой головой, бьются изо всех сил и до последнего патрона. Да и не было случаев, по словам сослуживцев, среди них предательства. А сколько раз в жизни светской знати, в офицерском кругу стерегла его клевета, ложь, измена!..

Весь сегодняшний день он не находил покоя, расстроенный неожиданным приказом Клейнмихеля, дежурного генерала генштаба (хотя до этого дана была отсрочка), прервать отпуск и в течение 48-ми часов выехать в свой полк. Стало быть, недавнее предсказание гадалки, воспринятое им тогда с пренебрежением, не пустые слова!

Ничто не помогало ему вернуть твердость духа, – даже чтение романа Купера. Он пробовал сочинять, но мысли рвались. И снова на миг усомнился он в своем поэтическом назначении, как было давеча на балу у графа Воронцова-Дашкова, когда спросил у писателя Сологуба, верит ли тот в его талант? Беллетрист, неизменно державшийся с надменностью, разразился панегириком, а в глазках его таилась что-то скользкое, недружелюбное...

Тот бал дорого стоил ему за желание привлечь к себе дам, пофорсить: он надел армейский сюртук с подрезанными фалдами. Великий князь Михаил Павлович заметил это. Выходка только что приехавшего с Кавказа поручика, непочтение к форме в присутствии царственной особы грозила неприятностями. И если бы не хозяйка бала, великодушная и мудрая графиня, которая вывела своевольца через черный ход, а затем уговорила Великого князя снизить к молодости Лермонтова, то наверняка бы последовал арест...

Повеселел он лишь под вечер, просматривая свои скромного вида, недавно вышедшие книжки: «Герой нашего времени» и «Стихотворения». Обе были тиражом в тысячу экземпляров, пестрили корректорскими ошибками и цензурными исправлениями. И все же это, напечатанное по настоянию друзей, как бы материализованное творчество – роман, двадцать шесть стихотворений и две поэмы, – было теперь для него самым дорогим. Книжки обрели собственную жизнь, они, по уверению приятелей, перехватывались из рук в руки, вызвали споры. И все же, как этого еще мало, ничтожно мало! Он представлялся при знакомствах по-прежнему не стихотворцем, а любителем, хотя намеривался издавать журнал, сочинять романы, жить в столице, вращаться в кругу родных по духу людей. А вместо этого обязан носить мундир, служить на Кавказе в действующей армии, терпеть опалу Великого князя и самого царя!

«Должно быть, мой недостаток в том, что слишком впечатлителен и помню многое из прошлого, – больно отдалось в душе. – Не забываю ни радостных дней, ни страданий. Очевидно, поэтому возник слух, что у меня дрянной характер? Да, я часто неестественен в силу дурацкой природной застенчивости. Но, видит Бог, никому не желал зла и не делал его сознательно. «Зло порождает зло», – это свое убеждение приписал Печорину. Еще в молодости придумал я шкалу чувства, которое принято называть собственным достоинством, как-то: самолюбие, гордость, высокомерие, спесь. Две последние степени присущи негодьям и глупцам. Они не в состоянии оценить добро и добродетель, могущество разума. Меткую шутку или оговорку воспринимают как оскорбление. Французик Барант, трусишка и подлец, среди подобных личностей. И разве могу я покорно сносить их пренебрежительность, диктат, угрозы?

Христос и Магомет не доступны оскорблению, ибо недостижимы в своей мудрости и силе духа... Да и дьявола оскорбить невозможно, как это ни звучит кощунственно. А мы, смертные, суетно мечемся. И нет среди нас ни одного святого, и никогда не будет! Потому искусство и поэзия даны роду человеческому в утешение – это ясно понимал Пушкин, – лишь они способны примирить с невзгодами, потерями и с неизбежностью кончины. «Мы рождены для вдохновенья, для чудных звуков и молитв». Именно так, именно так... Все строки, посвященные тем, кого я любил и ненавидел, это – история моей души. Она не менее интересна, чем история какого-то народа или государства, как написал в предисловии к новому изданию «Журнала Печорина». Увы, многое было сочинено мною по случаю, небрежно, наспех. Да я и не собираюсь ранние шалости обнародовать! Юношеский бред, а не пьесы... Хотя излишне отполированные и изукрашенные стихи, бывает, мало трогают. Пушкин нарушал грамматику, добиваясь совершенства. Да и мне, у Краевского, пришлось отстоять свою ошибку: «Из пламя и света рожденное слово». Слова иногда командуют по-этом. Да и нечего делать, если «из пламени» в строку не ложится... «

Он вновь с грустью стал размышлять о том, что служба не позволит ему всецело отдаться литературе. Мысли об расстроенной из-за дуэли с Барантом женитьбе на княгини Щербатовой, что дало бы шанс на выход в отставку, живо напомнили ему о прекрасной вдовушке и о других женщинах, которыми увлекался и любил...

Любил... Но можно ли так назвать состояние души, исполненной радости и страха, умиления и ревности, которое он мальчиком испытал к милой конопатой девчушке? И как определить любовь, если чувство это, умирая к одной, возникает, но уже совершенно иначе – к другой? Что это: мечта, жажда наслаждений, желание подчинить женщину своей воле, инстинкт продолжения рода или поиск нечего неоткрытого еще в самом себе? «Любить... но кого же? На время не стоит труда, а вечно любить невозможно...» Его обвиняют в байронизме. Да, он сполна отдал в молодости дань моде. Но ныне думает и чувствует по-новому! И запасов из пережитого хватит еще надолго, не на один роман...

Где ты, юность чистосердечная, и первая страсть, до сих пор бередящая душу? Даже теперь, спустя одиннадцать лет, таилось в памяти состояние потерянности, которое угнетало в Середникове, имении Столыпиных, где гостил он вместе с бабушкой. Семья Сушковых проживала по соседству и наезжала туда. Он познакомился с Екатериной, Катенькой – «Черноглазкой», как звали ее родные, и – влюбился. Девушка была старше его и готовилась «на выданье». И ухаживание университетского полупансионера восприняла как забаву, сделав его своим «чиновником по особым поручениям». Живая, с причудами и острым умом, Катя и благоволила, и дурачила, и доводила до слез откровенными насмешками.

В юности он впервые осознал, что бог наградил его весьма заурядной наружностью, страшным несоответствием между тем, как выглядел внешне и – миром внутренним. С детства испытывал Михаил некую зависть к добропорядочным семьям, к мальчикам, у которых были родители. А он, выросший в глухом пензенском имении, окруженный дворней и воспитателями, был лишен родительской ласки. Он почти не помнил покойной матушки, был разлучен с отцом, которого бабушка отрешила от воспитания сына. Одиночество, окружавшее его с ребяческих лет, разбрасывало тенета, обособляло. Рисование, чтение книг да поэзия, милость Господняя, добрым

волшебством отогрели маленькую душу и наполнили его существование смыслом. Он помнил себя постоянно сочиняющим: то стихи, то эпиграммы, то послания, то прозаические этюды. Он с радостью записывал свои произведения в рукописном журнале. Бабушка Елизавета Алексеевна относилась поощрительно к его поэтическим опытам, которые захватывали все настойчивей и упоительней!

И вот тогда, встречаясь с Катенькой, зная, что приземист, неуклюж, он смиренно терпел выходки длинноволосой фурии и, не смея признаться в любви, как оглашенный, писал стихотворения, в которых воспевал ее и выплескивал боль несбывшейся мечты: «С тобою грех мне лицемерить, ты слишком ангел для того...» То, что другим подросткам, с приятным лицом и фигурой, давалось заведомо и безо всяких усилий, ему нужно было доказывать, подавать себя в выгодном свете, увлекать речами и остротами, именно завоевывать внимание прелестниц. Они же эту его вынужденную защиту, способ самоутверждения воспринимали как желание выделиться.

С той печальной влюбленности взял он на вооружение эту манеру поведения, привычку дерзить, вести себя в обществе подчеркнуто независимо. С близкими людьми, которыми дорожил, он был одним, простым и откровенным, а среди светской коловерти, среди чуждых ему людей, вельмож, карьеристов, самонадеянных мерзавцев, точно надевал маску! И молва о Лермонтове, злобном, мстительном и надменном, благодаря языкам, которые «страшнее пистолета», неслучайно гуляла по обеим столицам. Что ж, «белеет парус одинокий»... Белеет, но не в бушующем море, а во мраке бездушных, убийственных гостиных...

И все же ни одна женщина впоследствии не позволяла себе так пренебрегать им, как мадмуазель Сушкова! Особенно мучительно было вспоминать, как вместе с другой «этот ангел» учинил ему допрос, притворно-строгим, театральным голосом, требуя, чтобы не только сознался в своем чувстве, но и подробно описал, в чем оно заключается. А он, пламенея во все лицо, взирая на «предмет своей страсти» затравленным волчонком, что-то мямлил, говорил невпопад срывающимся голосом...

Через четыре года он отомстил ей! Узнав, что родители Алексея Лопухина, университетского приятеля, против женитьбы его на Екатерине Сушковой, Мишель приударил за этой прослывшей в свете кокеткой. Ловко вскружил голову, что и расстроило предполагавшуюся свадьбу. И, посчитав миссию выполненной, порвал с влюбленной пассией, назвав ее в письме к кузине Александрин Верещагиной «летучей мышью, которая цепляется за все, что придется». Возможно, с той, которую прежде обожествлял в стихах, он обошелся жестоко, но побеждать в себе беса, увы, удавалось не всегда...

Господь ссудил ему повстречать тогда же, в юности, небесное существо! Это Варя, Варенька, сестра друга по университету. У милых Лопухиных он бывал почти ежедневно. Но однажды весенним закатом, направляясь в кругу молодежи в Симонов монастырь, ко Всенощной, Михаил оказался на скамье повозки рядом с этой темноглазой, очаровательной мечтательницей. И оба они почувствовали, что произошло нечто странное, необыкновенное в эти минуты! Они вдруг увидели друг друга, ощутили неведомое блаженство от этого открытия, так желанно сблизившего их. С этой поездки он всецело принадлежал своей возлюбленной, столь ранимой и несравненной Вареньке! Впервые в жизни повстречал он женскую душу, понимающую его! Точно по мановению свыше, стихи Михаила стали иными, – глубже и напряженней. Он

уже не ощущал себя «нищим», тем героем своего стихотворения, которое посвятил Сушковой, – он теперь уже не мог им быть, ибо девушка отвечала взаимностью. Ах, сколько счастливых часов провели они вместе, сколько нежных и взволнованных слов сказано было ими, какими неудержимыми и восторженными были признания!

...Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей...

Лермонтова оторвал от воспоминаний громкий надсадный вороний грай. Птицы, обсыпавшие верхушку старой липы, устраивались на ночлег. Их крики зловеще, громче колес, отдавались в весенних потемках. К счастью, возница повернул в переулок. Впереди, напротив зауженных газовых фонарей, лоснились булыжники мостовой. В открытое окно второго этажа углового здания выплескивалась чудесная мелодия, – кто-то играл знакомый этюд Шопена.

Он поежился, поправил на шее завязанный платок и с горькой усмешкой подумал, что, пожалуй, до скончания века будет нести в сердце вину и сожаление о том, что так самоуверенно отнесся к обещанию Вареньки ждать, выйти за него замуж, когда «милый Мишель», окончив юнкерскую школу, станет офицером. Она, всем сердцем преданная ему, хотя отец и недолюбливал избранника, наверняка сдержала бы свое слово. Стараясь сохранить покой в доме Лопухиных, Мишель переписывался не с ней, а с ее сестрой Марией. Незримая нить, связывающая влюбленных, казалась неразрывной. Однако служба в лейб-гвардейском гусарском полку во многом изменила его, бросив в коловерт светской жизни. Блистательные балы, изобилие молодых красавиц и дам, всевозможные увеселения и пирушки закаруселили среди высшего столичного круга. То, что он волочится за Сушковой и не скрывает этого, разумеется, стало известно Варе. А он не мог объяснить, – да это было и невыносимо! – что «делает роман» ради ее же брата Алексея...

Навек запомнился ему и тот день, когда подали письмо, в котором сообщалось, что Варвара Лопухина дала согласие стать женой отставного майора Бахметьева. От столь внезапной потери он едва не лишился сознания! Ведь даже представить было невозможно разрыв с той, которую и на расстоянии любил сокровенно и знал, что любим, и верил в бесконечность этого обоюдного молодого чувства...

Карета остановилась. Окна дома Карамзиных были освещены, вдоль улицы стояли экипажи приехавших гостей. Лермонтов легко взбежал по ступеням крыльца. В прихожей, сбросив на руки седовласого лакея шинель и подав форменную фуражку, отрывисто бросил:

– Доложи!

А сам подошел к высокому зеркалу. Он надел сегодня армейский мундир без погон. На шее черный шелковый платок траурно контрастировал с белоснежным воротником рубашки. Лицо показалось ему смуглей и бледней, чем обычно. А глаза – устало опустошенными и грустными. Эту ночь, обуреваемый раздумьями, он действительно спал скверно. Светлый вихор надо лбом выделялся среди темно-русых волос шире, чем прежде. «Неужели седею?» – удивился он своему неожиданному открытию...

– Милый Лерма! Как я рада вашему приезду! – прозвучал за спиной звонкий голос Софьи Николаевны, хозяйки салона. – Все уже давно вас ждут!

Он порывисто обернулся, взял руку этой чертовски обворожительной женщины, припал губами к ее отдающей лавандовой свежестью ладони и взглянул исподлобья. Сердце екнуло: «Покинуть этот дом, эту красавицу, круг родственных душ... Покинуть ради биваков, невежественных болванов и диких аулов...»

Однако ничем не выдал своего смятения:

– Я нахожу покой, дорогая Софи, только здесь. Возможно, сегодня последний раз в жизни.

– Полноте, Мишель. Прошу не стенать и не хныкать, чтобы предстоящая дорога выдалась легкой! Идемте, Додо заскучала...

В гостиной было многолюдно: Ростопчина, Александра Смирнова, братья Карамзины, Вяземский. Среди незнакомых дам сидела в уголке Наталья Николаевна Пушкина. Они были лишь знакомы. Лермонтов уловил ее сосредоточенный взгляд и, улыбнувшись, издалека кивнул. Она ответила легким движением головы. И ему, доныне еще разделявшему мнение людей о причастности жены к гибели поэта, вдруг захотелось подойти и поговорить с избранницей Пушкина, повенчанной с ним пред алтарем...

– Ну-с, сердечный друг, не припасено ли вами чего-нибудь новенького? – лукаво блестя глазами, спросила Софи. – Уж побалуйте, господин поручик, своим талантом.

– Наверняка бы соблаговолил, ежели б ведал, под каким соусом его готовят, – отшутился Лермонтов, прищуриваясь от яркого света. – Увы, нынче я с пустыми руками.

– Так напишите сейчас, как в прошлый приезд, год назад! – предложила Александрин Смирнова, урожденная Россетти, со свойственным южанкам веселым упрямством. – Поглядели в открытое окно и – сочинили шедевр. Или почитайте стихотворение по выбору.

– Позвольте лучше напомнить строки, написанные мной в вашем альбоме:

Что ж делать?...Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

– Грустить сегодня запрещено! – решительно возразила хозяйка и, взяв Лермонтова под руку, повела к Ростопчиной. – Дорогая Додо, заставьте улыбаться Мишеля. По крайней мере, уймите его сплин.

И он с трепетной радостью поцеловал руку поэтессы, маленькую и легкую, как у девочки. И продолжительным взглядом ответил на взор ее, теплый и слегка печальный. Додо для прощального вечера выбрала карминное платье из штофа, украсила

грудь рубиновым колье. Высокая прическа, открывшая маленькие розовые ушки, в которых сияли треугольные серьги, очень шла ей, делая еще моложе и прелестней.

– Вы сегодня выглядите, как греческая богиня! – шепотом молвил Лермонтов.

– Почему же – греческая? – удивленно вскинув свои длинные ресницы, спросила приятельница.

– У вас – классический античный профиль. Если живым вернусь с Кавказа, непременно нарисую ваш портрет. Я думаю, для успеха женщины, пишущей стихи, необходимо непреложное условие: она должна быть красива. Предмет искусства и поэзии, прежде всего, – любовь. Представьте пигалицу, вопиющую о собственном чувстве. Нос картофелиной, глазки, как зернышки, ноги коротки, точно у оловянного солдата, а сия чувственная особа страдательно молит: «О, приди ко мне, мой любимый и страстный! Я осыплю тебя поцелуями!»

– C'est trop! – протестующе воскликнула Ростопчина.

– Кроме жалости и отвращения, это уродство ничего вызвать не может. А нашему брату многое прощается. Мужчина не обязан пленять красотой! Более того, красавчики вызывают у меня отторжение. Мужчина должен быть храбр, умен и великодушен. И ему, женскому рабу, достаточно пасть пред ней на колени. Она – владычица мира. Вот я и говорю, Додо, что бог дал вам талант в придачу к красоте!

– Да, не хотела бы я попасть к вам на язычок, – то ли с укором, то ли с сожалением проговорила княгиня. – Вы, Лерма, всегда бросаетесь в крайности. Внешность дается богом и природой. И если есть среди нас земная богиня, несравненная по красоте и уму, то это – Натали Пушкина. Потеря мужа, это страшное несчастье, изменила ее, но не сделали менее прелестной. Разве может кто-либо сравниться с ее скульптурной фигуркой или глазами, отливающими, как мокрый чернослив?! Она – совершенство!

– Узнаю поэтическую натуру! Но так ли это? Не слишком ли была она при жизни мужа благосклонна к тем, кто волочился и оказывал недвусмысленные знаки внимания? – перебил Лермонтов.

– Mon ami, вы противоречите сами себе, – укоризненно покачала головой Додо и усмехнулась. – Сначала вы мне доказывали, что женщина обязана быть прекрасна, а теперь хулите ее за то, что ею восхищаются.

– Ничуть, о мудрейшая! Я говорю о нравственности.

– Упрекнуть Натали, поверьте, даже мне, существу пристрастному, не в чем. Софья Николаевна – ее подруга. Она находилась в доме Пушкиных в тот час, когда Александра Сергеевича привезли с дуэли. Вы, много переживший, знаете, – горе измеряется глубиной. Натали была на грани умопомешательства. И только недавно прервала отшельничество в родовом гнезде. Нет, Мишель, вы относитесь к Наталье Николаевне несправедливо. И будете об этом жалеть...

Лермонтов промолчал. Неторопливо достал из кармана мундира табачную коробку, прикурил пахитоску от свечи канделябра. Вновь уловив добрый, опечаленный взгляд приятельницы, дрогнувшим голосом произнес:

– Жутко тоскливо. Прощаюсь! И чувствую, как благодатно мне в вашем кругу, вообще, в столице. Сегодня, когда ехал по Невскому, увидел удивительно ясные и чистые звезды, как будто говорившие одна с другой. И слезы навернулись... Почему-то еще сильнее полюбил природу, перестал судить людей по прежним меркам. И все

больше думаю о российском обществе, о народе нашем, – и приглушенно заговорил по-французски. – *Ce qu'il y a de pire, ce n'est pas qu'un certain nombre d'hommes souffre patiemment, mais c'est qu'un nombre immense souffre sans le savoir.*

– Слова достойны афоризма, – согласилась Додо, исподволь наблюдая, как некоторые из гостей раскланиваются с хозяйкой и выжидающе медлят у двери. – Мишель, с вами хотят проститься.

Эти минуты, когда он прощался с приятелями, пожимал руки незнакомым молодым людям, среди которых запомнился прапорщик, глядевший на него с благоговением, растрогали Лермонтова. Минув кружок Ростопчиной, к которому присоединились братья хозяйки, гвардейские офицеры, он пошел вдоль ряда кресел и стульев, расставленных так, чтобы гостям было удобно общаться. Именно в этот момент собеседницы Натальи Николаевны, раскланявшись, покинули ее. И она совершенно случайно оказалась на пути Лермонтова. Не скрывая удивления в своих огромных, завораживающих глазах, Натали приятельски протянула свою руку. А он, ощутив, как кровь прихлынула к вискам, странно оробел... Неловко поцеловал ее выше запястья.

– Мы одновременно бывали у Карамзиных не один раз, но... Почему-то вы избегали меня, Михаил Юрьевич, – с доверительной улыбкой проговорила Пушкина, и он отметил ее приятный грудной голос и отчетливое произношение. – С того дня, когда моя сестра передала мне листок с вашим стихотворением «На смерть поэта», я заочно полюбила вас как человека и единомышленника. Я нашла в нем некое утешение, поняла, что мою скорбь разделяют другие. В такие страшные дни это важно. Потом я узнала, что вы были наказаны ссылкой на юг, и это еще больше заставило меня относиться к вам с уважением. Поэтому я хочу, пусть и запоздало, поблагодарить вас за стихотворение и за то, что всегда хорошо отзываетесь о моем Александре. Мне об этом говорили и Жуковский, и Вяземский.

– Польщен чрезвычайно вашей оценкой моих опытов, – Лермонтов смело посмотрел в глаза Натали. – Я только слышал о вас, встречал вас, но совершенно не знал... Каюсь! Точно незримая преграда разделяла нас. Не знаю, почему свет так враждебно настроен ко мне. Я никому не делал зла, старался быть искренним. А за это подвергся отчуждению и остракизму!

– Мне это знакомо особенно, – понимающе кивнула Наталья Николаевна. – После гибели мужа весь мир, казалось, восстал против. Только самые близкие остались рядом. Возможно, бог и наказал меня за что-то, но только не за измену. Как заметил Ларошфуко: «Великое чудо любви заключается в том, что она унимает кокетство». Мне оно было неведомо, потому что никто не мог даже сравниться с моим Сашей...

– Я счастлив выразить вам, самому близкому человеку Александра Сергеевича, восхищение его творчеством! Я никогда бы не постиг тайных глубин поэзии, если бы не стал прилежным учеником Пушкина. Я не преувеличиваю!

Наталья Николаевна заинтересованно сосредоточилась, и его окатил озноб от сознания, что перед ним первая красавица России, любившая и любимая гения. Ее русые волосы были расчесаны на пробор и уложены с необыкновенным искусством, так что локоны ниспадали к ушам, открывая лоб, который пересекала по верхнему краю фероньерка, золотая цепочка с изумрудом. Восхитительно сидело на ней зеленое платье, с шаровидными рукавами, облегающее грудь и узкую талию. Нечто магнетическое было в выражении ее лица с чудесной матовой кожей, в ее плавных жестах...

– Сначала я переписывал его произведения в тетради, затем переделывал их, придумывал иные окончания. Сочинил, подражая Пушкину, целую поэму «Кавказский пленник». С ранних лет я бывал на Кавказе, лечился минеральными водами. Тема знакома, вот и вообразил трагические картины... – Лермонтов смущенно покраснел и вдруг спросил: – Наталья Николаевна, будьте откровенны, могли бы мои произведения понравиться вашему покойному мужу?

– Я убеждена, что он не сдержал бы восторга, как всегда встречал новые таланты. Иногда он снится мне, и мы беседуем, хотя я не запоминаю, о чем... Я до сих пор как бы чувствую его присутствие... Вы наверняка бы стали с ним друзьями!

Лермонтов посмотрел в сторону, стараясь скрыть предательски повлажневшие глаза. Сердце колотилось как бешеное.

– Сегодня у меня самый печальный и самый счастливый вечер в жизни, – признался он, повысив голос. – Счастливый потому, что я узнал вас и услышал то, о чем даже не мечтал. А печальный... верней, прощальный, оттого, что уезжаю на Кавказа... Точно камень лежит на груди... Намедни ездил я с приятелем к ворожее. К той самой Александре Филипповне, что предсказала вашему супругу смерть от «белого человека». А Дантес, как мне известно, блондин... И она нагадала, что больше мне не быть в Петербурге, что «ожидает меня отставка, после которой уже ничего не пожелаешь». Я посмеялся было, поскольку в тот день продлили отпуск. Ан вышло, что она не ошиблась.

– Милый Михаил Юрьевич, не верьте предсказательницам. Это от лукавого. Нами распоряжается Господь. Вы молоды и умны, вас ожидает блестящая будущность! Только об одном вас прошу: поберегите себя там, в баталиях кавказских. Будьте благоразумны. Теперь вы принадлежите не только себе, но России. Я буду ждать вашего возвращения. Сердце мне подсказывает, что все будет славно!

– Если я вернусь, я заслужу ваше прощение за былую отчужденность. Я ведь воспринимал вас как бесчувственную светскую львицу, неприступную красавицу. А нашел близкого по духу человека...

– Мне вас прощать не за что, – ласково возразила Натали, вставая. – Напротив, я винюсь, что раньше не сказала вам, Михаил Юрьевич, о любви к вашему творчеству. И особенно рада, что, вопреки всему, вы подошли ко мне, как к другу... Извините. Il faut partir!

Карамзины с удивлением наблюдали за этой затянувшейся беседой, зная враждебность Мишеля к Пушкиной и дивясь столь быстрой перемене, произошедшей с ним.

Вечер подходил к концу, и Лермонтов все острее ощущал безвозвратный бег минут. Наконец, лакеи открыли двери в столовую, и оставшиеся гости двинулись туда.

– Наталья Николаевна тронута, что вы подобрили к ней и наговорили комплиментов, – с радостью сообщила хозяйка, ведя его под руку. – Жаль, что уехала. Мы с ней дружны. Я не знаю сердца отзывчивей и добрей, чем у нее... Мне кажется, Мишель, у вас улучшилось настроение. Уж не она ли тому причиной? Повержены в прах?

– Повержен. Но не только красотой. Вы правы, Софи. Есть сила иная, неодолимая... Я побежден ее сердцем.

Судный камень

В хуторе Анна Акимовна слыла женщиной справедливой и отзывчивой и, несмотря на почтенный возраст, была открыта простым житейским радостям. В разговорах с бабами частенько шутила:

– Я все свои годочки за спину закинула – и не оглядываюсь, не считаю, сколько их там...

Всегда аккуратная, сухонькая, с колкими зелеными глазами, она оставалась такой же расторопной и похватной, как в молодости, когда выступала на клубной сцене с гармошкой. И недаром именно к ней набивался, прилаживался в сожители вдовый учитель Ершов из соседней станицы.

И когда гроыхнула входная дверь, качнув занавеску, Анна Акимовна подумала, что пожаловал ухажер-пенсионер, – обещал поделиться свежим подсолнечным маслом.

Но в горницу вломился, сверкая бритой башкой, незнакомый мужик. Громила в кожаной куртке. Бегло окинув комнату, он схлестнулся глазами с настороженным взглядом хозяйки.

– Здорово, мамаша. Анна Акимовна вы будете?

– Считай, не промахнулся.

– Нам мазать не положено... Ну, ладушки. Встречайте гостя! Брата своего... Только аккуратно. У шефа инсульт был... Георгий Акимович, вас ждут!

Если бы незнакомец обернулся чертом или объявил, что приехал сам президент России, казачка растерялась бы меньше, чем сейчас, услышав имя младшего брата, сгинувшего лет тридцать назад.

Тот, кто вошел, мало чем напоминал Жорку. Жесткое, скуластое лицо, помеченное на левой щеке шрамом, в глубоких глазницах – холодноватые, бутылочного оттенка глаза, увеличенные линзами очков в тонкой золотой оправе. Чужой как будто, далеко не добрый человек. Но одет по благородному: ворсистое черное пальто до пят, бордовый шарф, светлая сорочка с галстуком.

Сняв широкополую шляпу, он передал ее бритоголовому. Вглядываясь в лицо хозяйки, хрипловато поздоровался:

– Ну, со свиданьем, Анюта!

– Здравствуй, коли не шутишь... Чи ты, Жора?

Гость блеснул рядом матовых фарфоровых зубов, улыбнулся шире и распахнул руки. Обнялись. Вдохнув резкий аромат одеколона, Анна Акимовна хотела было выжать слезу, но не получилось. Просто завздохала, закачала головой.

– Ну, ты прямо как снег с неба... И не чаяла свидеться. Слава богу, живой! А мамочки с папочкой давно нет... Я им памятник на двоих поставила. Из гранита. Посмотришь...

– У нас программа расписана на весь день, – вполголоса напомнил бритоголовый, давая понять, что менять ее нежелательно.

– Ну, тогда раздевайтесь, садитесь, – пригласила взволнованная хозяйка.

Громила принял от шефа одежду, повесил ее и присел на диван. В черном свитере, обтягивающем плечи, и джинсах, он походил на какого-то заграничного актера. И Анна Акимовна удивилась, когда брат представил:

– Это Сэм, помощник.

– Американец?

– Мы теперь все почти американцы... Ну, нянька моя, как живешь? Помнишь детство наше?

– Да уж, понянчила тебя! Бусорный был и чернющий, вроде грачонка, а зараз жизнь присолила!

– Присоли-ила, – усмехнулся Георгий и провел жилистой ладонью по серебристому ершику. На ее тыльной стороне синела наколка.

– Мне, братушка, хвалиться нечем. Пальцы, видишь, скрючило. Суставы к непогоде жуют, мочи нет. И мужа, Жорик, похоронила.

– Не называй так! Это слово позорное. Означает – мелкий жулик, – резко перебил гость.

– Сердце у него не выдержало. Всю жизнь на тракторе ишачил. Летом в кабине – пятьдесят жары, зимой – двадцать мороза. Да еще пил! По фляге самогона с соседом выщеживал. Один сынок, Серега, остался. Да невестка и внук, да куры на дворе и кошка серенькая. Вот и вся компания! – хозяйка перевела дыхание. – Ну, гостей байками не кормят! Я картошечки поджарю. Соленья у меня. Можно яишню...

– Не дергайся, не надо, – с усмешкой остановил Георгий. – У нас все свое. Сейчас стол накроют... Ты получаешь пенсию?

– А как же! В аккурат – на хлеб, соль и спички. А воду бог и бесплатно дает. Сильно меня обидели. Насчитали девять тысяч. Вкалывала в колхозе сорок два года – и вот моя цена!

Брат повернулся к помощнику с помрачневшим лицом.

– Секешь, что суки творят... Была передовой дояркой. На съезде партии фоткалась с генсеком, Леней-шепелявым, а теперь – на мусорку... Скажи Оксане, пусть заходит!

Улучив момент, пока не было посторонних, Анна Акимовна поинтересовалась:

– Ты проведать чи по делу?

– И то, и другое. В депутаты избираюсь. Хоть и живу в Подмосковье, а на родине шансов больше. Мотаюсь по участку с командой.

– А в тюрьме... долго отсидел?

– Отмотал по полной. Больше об этом не спрашивай. Замнем для ясности!

– Чи женат? А по какой части работаешь?

– По той же самой, сестренка. Есть шелупонь, а есть солидные люди, как я. Авторитеты. У меня, кроме всего прочего, – акции нефтянки, шоу-бизнес. Хочу построить завод минеральной воды в станице Майданской. Там водичка не хуже нарзана.

Впорхнула с баулом в руке блондинка, удерживая улыбку на кукольном личике, прощebetала приветствие и стала расставлять на клеенке пластмассовый столовый набор. Анна Акимовна предложила свою посуду, но Георгий не разрешил. Девушка быстро управилась. От запахов копченостей, осетрового балыка, порезанных на четвертушки апельсинов у хозяйки, питавшейся однообразно, засосало под ложечкой. Увидев, как Сэм водружает на стол бутылки с заграничными ярлыками, Анна Акимовна вскинулась и заспешила в погреб за винцом и малосольными помидорами.

Над подворьем, над степью донской, осиянной блеском солнца, оседали паутинки. Теплынь бабьего лета обволакивала, умиротворяла. Анна Акимовна приостановилась

на крыльце, ловя ласковые полуденные лучи. На улице стояли два огромных черных автомобиля. Дверца ближнего была открыта, играла иностранная музыка. Еще два плечистых мужика в таких же куртках, как у Сэма, курили, опершись спинами о частокол.

Пока брала миску, отмыкала погреб и черпачком вылавливала со дна кастрюли помидоры, семьдесят дум передумала. И радовалась, что нашелся Жорка, и побаивалась его, не раз сидевшего в тюрьме. Может, от полиции скрывается? Потому и явился, насочинял про выборы? С детства вел он себя непредсказуемо, но всегда стоял за справедливость. Защищал обиженных друзей. Неплохо учился и после восьмилетки поступил в автодорожный техникум. Да связался с ростовскими урками, на краже попался. С того дня и пошел под откос. Второй раз осудили за воровство. А в третий – посадили надолго, за убийство ювелира. Вот и выходит, с юности не бывал в хуторе. Все Замаховы – многочисленная родня – стыдились Жорки, даже имени его не поминали. На тюремные письма отвечала мать, а батя не простил. Несколько раз и ей, старшей сестре, присылал арестант поздравительные открытки. Она их выбрасывала. И вот теперь, спустя столько лет, ворохнулось в душе покаянное чувство, что не поддержала брата в трудную минуту, не согрела словом. А если бы навалились они всей семьей, может, и жизнь Георгия сложилась по-иному.

К самому застолью подгадал моложавый атаман Подрясов, усатый, в форме казачьего офицера и скрипучих сапогах. Замахов встретил рослого есаула довольно сдержанно.

– Догнал?

– За вашими «мерсами», Георгий Акимович, разве успеешь? Я в райцентр заскочил. Договорился насчет встречи в администрации. А ровно в пять ждут на элеваторе.

– У нас в семь тридцать ужин в Ростове, – возразил Сэм. – С «замом» губернатора.

– Тогда я на четыре перенесу, – засуетился атаман и пошел обратно к двери, на ходу стуча пальцами по экрану смартфона. Вскоре он вернулся со двора, сообщил, что все улажено.

Замахов властно глянул поверх очков – и все смолкли. Устоялась тишина. Хозяйка заботливо обежала глазами: у всех ли вилки и тарелочки, всем ли наливо?

– Многое у меня есть. Многого достиг. А захочу – еще больше будет! Я человек состоятельный! – с бравадой произнес Георгий Акимович и внезапно понизил голос.

– А знаете, чего нельзя купить?

– Уважение людей, – самоуверенно изрек атаман.

– Можно. И ты мне в этом, ваше благородие, помогаешь... Нельзя купить дом, в котором родился. В том смысле, что у каждого он свой. И я сегодня – здесь!

Замахов, дернув кадыком, опрокинул рюмку домашнего вина. Вслед за ним атаман молодецки хватил водки. Анне Акимовне было приятно, что брат предпочел всем напиткам домашний мускат. И когда подошла очередь говорить хозяйке, от волнения она вдруг стала оправдываться.

– Извиняюсь, что я в домашнем... Знала бы – нарядилась. И пирогов бы напекла! Ну, да ладно... Думала, Жора, нет тебя. Зарезали или еще что... А ты объявился. За нашу встречу!

– Быть добру! – громкоголосо вставил есаул.

Смущенная Анна Акимовна чокалась с гостями, а сама, теплея сердцем, посматривала на солидного брата, ловила его темный, как бы ушедший в глубину взгляд.

Потом «толкал речь» Подрясов, хваля кандидата и призывая помогать землякам, которые, конечно, окажут ему доверие. Оратора слушали нехотя: помощник время от времени заглядывал в папку, девица хлопотала над тарелочками. Однако, как они ни отвлекались, ловили каждое слово шефа.

Замахов первым отложил вилку. Посидев в задумчивости, скользнул взглядом вдоль стола и грубо скомандовал:

– Кабак закрыт! Дергайте на воздух. Хочу побыть с сестрой.

Помощник и эскортница тотчас вышли. А есаул, обидевшись, что его выгоняют из-за стола, не спеша дожевал ветчину и до дна допил водочку. Встав, сощипнул с рукава мундира пушинку. Нарочито медленно захлопнул дверь.

Анна Акимовна никак не могла подстроиться под брата. Его настроение постоянно менялось. В нем, родном человеке, точно бы таился бес, исподволь прорываясь наружу. И вот опять: с лица исчезла суровость, и повеселевший Георгий наклонился к ней.

– Подарка не привез. Сама выберешь, – и достал из внутреннего кармана пиджака запакрованную пачку купюр, положил под руку сестре.

– Пол-лимона. Верней, полмиллиона, – поправился он. – Делай с ним, что хочешь.

– А зачем столько? – сдвинула брови Анна Акимовна. – Я не возьму.

– Бери, когда дают, беги, когда бьют... Так нас отец учил?

– Забери обратно! – настойчиво повторила хозяйка. – Я не нищая. Еще сама картошку сажаю. Сын помогает, вот что!

– Ты меня, милая, не обижай, – с нажимом сказал Георгий, вкладывая в слова такой потаенно недобрый смысл, что у Анны Акимовна похолодела спина. – Бабки эти чистые. Не привык, чтоб отказывали... Считай, что заработала. Когда приедут гаврики с телевидения, – расскажешь обо мне. Похвалишь.

Но Анна Акимовна уже оправилась от неприятного чувства.

– Ага! Жди. Расскажу правду. И хорошее, и то, как ты девчонке косу обрезал и учителя чернилами облил.

Георгий с натянутой улыбкой обнял сестру за плечи. Она отстранилась.

– Я тебя, Жорка, побаиваюсь.

– Опять обижаешь. С чужими – и я другой. На мне клейма ставить негде... А в твоём доме тот, что был в детстве... Ты думаешь, я в депутаты лезу? В натуре отбираю голоса, чтоб прошел нужный «наверху» человек. Бью понты, короче.

– Эх, бедовой ты, бедовой. Все крутишь-вертишь... А жена, дети есть?

– Были бабы. Последняя загуляла. Наказал. Сын в Германии живет.

Беседу нарушило появление светловолосого мальчишки. Он юркнул в дом и, прищурив алычинки темно-синих глаз, смело уставился на приезжего дядьку. Замахов, догадавшись, что это внук сестры, подмигнул:

– Ты кто такой?

– Иван Замахов, – заученно выпалил пострел.

– Да это мой наследник, – посветлела лицом Анна Акимовна. – Дня не утерпит. На гармошке учится... Ну возьми, Вань. Не робей!

Щуплый мальчуган принес из спальни старинный инструмент. Взгромоздился на стул и поставил на колени двухрядку. Просунул под потертый ремень ладошку, блеснув зеленым перламутром кнопок. И, подняв глаза к потолку, растянул меха.

Гость, подавшись вперед, послушал знакомые с детских лет мелодичные переборы. Но довольно скоро потерял интерес – Ванюшка играл еще неумело. Думая уже о чем-то своем, Георгий встал и, проходя к вешалке, провел ладонью по верхнему краю мехов гармошки, точно погладил. Затем неторопливыми движениями надел пальто, обернул шею шарфом и кивнул на дверь:

– Пойдем, Анюта, по саду погуляем.

Едва за ним закрылась дверь, как внук удивленно округлил глаза:

– А кто это?

Анна Акимовна убрала деньги в карман фартука, сдернула с верхней полки забытую гостем велюровую шляпу и ответила первое, что пришло на ум:

– Депутат. Когда-то жил у нас...

Свита ожидала у машин. А Георгий брел по тропе сада, вороша черными лаковыми туфлями облетевшую листву. Фиолетовые тени падали с двух сторон. Ветерок тянул из степи, неся горчавинку полыни. А в стороне, за околицей, отчетливо темнело крестами и пирамидками кладбище. Георгий посмотрел туда с застывшим лицом. А затем прикипел взглядом к родительскому дому, хорошо видимому с речного берега. Не одному поколению Замаховых был он жизненной пристанью, и поныне казачье строение, белостенное и высокое, с резным фронтоном и кирпичной трубой выглядело надежным.

– Экскурсию проводишь? – простодушно спросила Анна Акимовна, хотя веселости в ее голосе было маловато. – Как по музею.

Шутка почему-то задела Георгия, он поморщился. Промолчал.

– Раз ты нашелся, братушка, то должен чаще приезжать.

– Я постоянно в делах. Гость ненадежный. Как говорится, демисезонный фраер... А ты такая, как была, с душой ясной... Может, вам церковь построить? Я помогу.

– Было бы хорошо! Только верующих в хуторе горстка. А молодежь про бога только на Пасху вспоминает. По телику ее другому учат. Американскому.

Пологим спуском брат направился к реке. Бережок зеленел сквозь старые засохшие стебли порослью пырея, кое-где торчали вешки цикория с блеклыми голубенькими цветками. Плес был неширок, отделен плотной стеной рыжего камыша.

– Какая вода! До дна видно, – оживился Георгий. – Как-то в самую жару, днем поймал сома. Подфартило!

– А помнишь, как дед тебя на камень ставил за то, что не хотел огород поливать? Вон он, рядом с пеньком, – показала рукой Анна Акимовна.

Замахов свернул к угластому плитняку, на котором в прежние времена вязали камышовые маты. Взойдя на серую твердь, повернулся к сестре.

– Дед называл его судным. В старину казаки на таких камнях разборки делали. Не виновен – горилку пить, дали приговор – камень на шею и в Дон!

– А тебе много приговоров выносили? – сорвалось с языка, и Анна Акимовна не придавала этому особого значения.

Но лицо Георгия вдруг побагровело, отчего шрам на щеке проступил отчетливей. И в одно мгновение внутренний бес овладел братом! Перед Анной Акимовной пред-

стал мрачный, с тяжелым взглядом отчужденный человек, готовый на что угодно. По всему, он воспринял ее слова как унижение, и только усилием воли сдерживал себя, молчал. Она испугалась так, что закололо сердце. Но, осмелев, с примиряющей улыбкой попросила:

– Ты не обижайся, братушка. Я без умысла.

– Я просил не лезть в душу! – выговорил Георгий сдавленным голосом. – Зачем тебе, сколько у меня ходок? Или хочешь еще сама судить? Давай. Оглашай состав преступления...

– Ты что, Жора. Я ваших законов не знаю.

– Вижу, мой приезд тебе не в жилу. Не можешь принять таким...

– Для меня ты любой – брат! Не входи в раж, опомнись.

– Давай! Суди, родная...

– Я не бог, – уже тверже проговорила Анна Акимовна. – А твоя сестра. Кровь у нас одна, да растеклась в разные стороны. А в библии прописано: не суди и не судим будешь.

Замахов, отвернувшись, прошел мимо нее. Остановился. И сама не зная почему, Анна Акимовна подошла к брату и надела ему на голову шляпу. Он порывисто обернулся.

– Скучаю по матери, – вдруг с обжигающей болью признался Георгий. – Только она одна не бросила... У тебя есть фотографии?

– А как же! И молодая. И уже в летах.

– Я сниму на смартфон.

– И заberi на память шкатулку! – горячо стала убеждать Анна Акимовна. – Она в ней письма твои хранила.

В доме Георгий не задержался. По несколько раз снял фотокарточки матери. Осмотрел ореховую шкатулку старинной работы и согласился принять в подарок. Еще раз прошелся по всем комнатам, точно хотел покрепче запомнить каждую мелочь. Напоследок выведала Анна Акимовна, в какую сторону они поедут и засуетилась:

– Как раз подвезете до магазина. А то пешком – далековато.

Вместе с Ванюшкой сели на заднем сидении «Мерседеса». В полиэтиленовом пакете Анна Акимовна передала шкатулку в руки брата. Вероятно, для лучшей сохранности обернула ее старыми газетами.

– Потом достанешь. Смотри, чтоб не украли, – строго предупредила Анна Акимовна. – Очень дорогая!

Сэм, сидевший за рулем, переглянулся с Георгием Акимовичем и снисходительно промолчал, трогая автомобиль с места.

– Ты о сыне расскажи, – обернулся Георгий. – Может, ему помочь?

– Нет! Что ты... Он на заработках, на Урале. Вахтовик. Хочет и семью перевезти. А я против! Как это можно родину бросить! Мы ему хороший дом построили. А невестка в детском саду воспитательницей.

– Звони, если что.

Анна Акимовна и Ванюшка долго махали вслед машине, в которой уехал Георгий. Внук не мог устоять на месте от радости: он впервые прокатился на крутом «Мерседесе»! Его подмывало быстрее рассказать об этом пацанам...

Вечером, уже в потемках, непоседа пришел снова. Как репей пристал – учи да учи! И пришлось Анне Акимовне поневоле взять двухрядку.

– Мой отец привез ее с войны. Тышу раз эта гармошечка на свадьбах и на проводах играла! Потому и западают кнопки. Ну, слушай. «Возвернулся казак поседелый»!

Она прокашлялась, строго взглянула на внука. Растянула меха – и голоса ожили, ведя нежную и печальную мелодию, им ладно вторили басы. В глазах казачонка блеснул восторг! Ему казалось, что еще немножко, и он поймет, как нужно перебирать пальцами, чтобы звучала такая манящая музыка.

– И-и-эх, ды-а-а, возве-ернулси кы-ыазак по-оседелы-ый...

Распевно и сильно, точно перед темной пропастью, тянула Анна Акимовна, водя мехами. Ванюшка подпевал и неотрывно следил за ее руками, не замечая, что на щеке бабушки блестит слезинка.

Поздним вечером Анна Акимовна вышла во двор, чтобы запереть погреб. Глаза ее давно не различали в небе звездочек, а видели только большие созвездья. И теперь переплетения огнистых ручейков волнующе сияли над степью. И снова с грустью вспомнилось о брате. Вряд ли срастутся их судьбы! И завернул Георгий в хутор попутно, а не потому, что истосковался. Все карточки сфотографировал, а захватить на могилу матери минуты не нашел. Хоть и обменялись номерами телефонов, а вряд ли позвонит. Особенно после того, как обнаружит в шкатулке свои деньги. Эта уловка пришла ей в голову, когда речь зашла о матери. «Видно, нас мамка с небес помирила», – перекрестилась Анна Акимовна. Однако подспудно томило сомнение: не зря ли отказалась от царского подарка? Серега бы машину купил... Но жалеть поздно и не о чем. Да и какие у Жорки могут быть «бабки чистые»? Если покопаться глубже, окажутся они – темные. Недаром планиду избрал – грешную, преступную. Это у нее, хуторянки, деньги от земли-матушки и заработаны честным трудом. Взяла бы подачку – никогда бы руки не отмыла. И стыд носила в душе.

В доме шелкали электронные часы, светясь циферблатом. Утекало времечко, утекало... Анна Акимовна решила никому не говорить о том, что приезжал брат. Так, дескать, дальняя родня. А вот соседок и Ершова на угощение пригласить надо, – деликатесы остались и бутылки заморские. Посиделки теперь не часты. Раскололи народ Горбач и Ельцин. Одни разбогатели, другие – рублики считают. Не стало равенства. Точит людей зависть и обида от несправедливости. Волками друг на друга смотрят... Хорошо, Господь ее снова от греха отвел. Не поддавалась искушению. И осталась такой же, как была всю жизнь. И от этой мысли на душе Анны Акимовны стало легче, точно сбросила с плеч камень.

А ночью опять разболелась душа. До зари не сомкнула глаз. Плакала.

Ирина КАЛУС

Ирина Владимировна Калус родилась в 1974 г. в г. Армавире в семье военнослужащего. Окончила филфак Армавирского госпедуниверситета (1996), отделение английского языка и Высшую философскую школу при АГПУ; Московский Междисциплинарно-исследовательский центр по специальности «практическая психология» (2009). Доктор филологических наук (2004).

В 2004 -2017 гг. – профессор кафедры русской литературы Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (ныне МПГУ); в 2018-2021 гг. – профессор кафедры литературы во МГИКе. В 2022-2024 гг. – профессор Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки. С 2024 г. – профессор кафедры русской филологии и литературного творчества Пятигорского государственного университета

С 2010 г. – основатель и главный редактор литературного журнала «Парус». Автор пяти монографий и более 200 статей по истории русской литературы и литературной критике, стихотворных переводов со словацкого и чешского, многочисленных интервью с деятелями культуры.

Публиковалась в журналах «Москва», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Наша молодежь», «Парус», газетах «Завтра», «День литературы», «Литературная Россия», «Российский писатель» и др. Участник телепередач «Игра в бисер» и «Точка зрения». Лауреат премий журналов «Молодая гвардия» (2004) и «Москва» (2010) в области литературной критики. Член Союза писателей России.

Цвет неба

Когда оставалось дня три до назначенного срока, мне приснился сон: я веду за руку мальчика лет пяти, с волосами цвета спелой пшеницы, голубоглазого, улыбающегося. Сон был настолько отчетливым и неожиданным, что я тут же проснулась, медленно села на кровати, устроилась так, чтобы было удобно животу, и начала смотреть в окно. Почти рассвело, но все спали, поэтому в палате, как туман, стояла густая утренняя сумеречная тишина. Можно было погрузиться в нее и какое-то время побыть в покое, сосредоточившись на своих мыслях.

Прогулки запретили, чтобы никто ненароком не простудился, не заразился – в разгаре была эпидемия – и не поскользнулся на заледенелых дорожках роддомовского двора. Все сидели в заточении. По коридорам гулять тоже не велели – оставалось лежать на своих кроватях. Я днями напролет обживала свое маленькое пространство и пыталась отвлечься от назойливой болтовни соседок.

Единственной моей подругой здесь была Мария – только с ней я и любила говорить. Мы понимали друг друга с полуслова и всегда выходили на какую-то особенную глубину в общении, иногда смеялись, даже творили: в предновогодние дни смастерили из шариков и ленточек импровизированную елку и верили, что скоро наше пребывание здесь счастливо закончится.

Посмотрев на заснеженную крышу пристройки, видную из окна, на еще светящийся тусклым светом фонарь, я перевела взгляд на декабрьское небо: оно было темно-серым, с белой пеной облаков по краю – обещали новый снег и усиление морозов.

Не включая свет, встала и подошла к раковине, чтобы умыться. В утренней полутьме посмотрела на отражение в зеркале: на бледном лице – карие глаза с синяками вокруг, взъерошенная каштановая челка. Да, настоящее привидение – надо привести себя в порядок.

День прошел стандартно: обход, капельницы, уколы и посещения столовой с унылой пресной едой, где меня опять поймали с кетчупом. Пыталась написать обещанную статью в литературный журнал, но мысли буксовали, дело продвигалось медленно. Скрашивали больничную жизнь беседы с Марией и звонки родным, где я давала волю эмоциям и от души ругала назначенные мне неприятные процедуры, которые считала совершенно лишними. «Держись! Будь мужиком!» – шутила Мария.

Вечером, когда все заснуло, я в отчаянии вперила взгляд в серый потолок. Сегодня врач сказала, что если через три дня роды не начнутся, то мне «помогут» – будут прокалывать пузырь железной спицей.

Было жутко. Больше всего переживала за того, кто шевелился внутри. Я погладила живот: «Давай, малыш, выходи поскорее, нас торопят». Меня охватывали ощущение безысходности и желание сбежать. Почему мною и моим телом распоряжаются другие люди? Хочется верить в их милосердие и профессионализм, но к чему эта спешка с родами? А вдруг все идет хорошо – и врачи просто ошиблись на один-два дня со сроками? Зачем в здоровый организм, переживающий такой сокровенный период, вторгаться иглами и железными спицами? Беременность я переносила легко и чувствовала себя в бодром здравии.

А вдруг в новогодние праздники врачей и медсестер не окажется на месте? А если они и придут, то будут погружены в свою праздничную суету и не уделят мне должного внимания... По больнице гуляли «страшные истории» про новогодние роды, а меня весь персонал и так открыто и беспардонно шпынял за то, что решилась завести ребенка «в таком возрасте».

Я вернулась мыслями к своему сегодняшнему сну, который мы потом обсуждали с Марией, – об улыбающемся мальчике. Голубоглазый малыш? У меня? Разве такое может быть? Но, конечно, я любила его заранее, каким бы он ни родился. Только надо было дождаться. Главное – дождаться...

При мыслях о крохотном человечке, еще только ждущем появления на свет, но которому уже грозит железная спица, на глаза у меня навернулись слезы. Вскоре я уже не сдерживала рыданий, впав в глубокое отчаяние, обводила невидящими глазами потолок и стены палаты, скользила взглядом по мутному пятну фонаря в окне.

Я прочла все молитвы, которые знала наизусть, своими словами обратилась к ушедшим родным, и мне стало немного лучше. «Не я первая, не я последняя», – успокаивала себя шаблонной фразой, переключившись на размышления о своей семье. «Мама, папа, дедушка Андрюша, бабушка Нюра, миленькие...» – шептала я в серый предрассветный сумрак палаты. Делалось легче, но до конца тревога не уходила. Я перебирала в голове судьбы своих родных и вспомнила мамин рассказ про ее отца, моего дедушку Андрея, который три дня раненый лежал в предгорьях Альп. Что он в те три дня чувствовал и как прожил их? Сегодня никто из нас уже не знал и представить этого не мог.

Наступил первый день нового года. На моем счету числился тайный побег из роддомовского заточения (больше чем на сутки!), веселый поход в супермаркет, где я с наслаждением, с девятимесячным животом широко вышагивала за тележкой, встреча праздника в кругу родных и любимая комната с небесно-голубыми в серебряную искру обоями.

– Я вас не видела. И ночью проверять не буду. Только чтобы на «скорой» сюда не возвращались, иначе всех под монастырь подведете, – громким хриплым голосом говорила всем «мамочкам с кроватками внутри» пожилая дежурная медсестра, явно уже проводившая старый год.

Вернувшись в свою палату, к ночи я опять погрузилась, было, в тревожные мысли про железную спицу – завтра наступал срок, объявленный врачами. Но через несколько минут вдруг почувствовала – начинаются роды!

«Наконец-то! – прошептала я, бросив благодарный взгляд наверх. – Наконец-то!»

...Он аккуратно подтянул себя поближе к дыре – так, чтобы лучше были видны седовато-синие клочья тяжелых облаков. Сегодня с утра моросил мелкий колючий дождик, но даже скудный унылый свет обложных туч казался ему той поддержкой, без которой внутри зарождалось отчаяние. Он вдыхал холодающий терпкий запах опавших дубовых листьев и сырой земли, перемешанный с небесной влагой, думал

о своем плачевном положении и о том, что нужно быть сильным и не сойти с ума в этой земляной яме.

Дыра, служившая одновременно окном и входом в его небольшое убежище, была чуть осыпана по одному краю покоричневевшими листьями, ветками и лохматыми комьями рыжей глины. Эту крохотную землянку рыли наспех, но Андрей, несмотря на высокий рост, отлично в ней помещался – да и о комфорте ли рассуждать на войне?

Оставшись один, он надолго до самого вечера приклеился взглядом к краю дыры и уже запомнил рисунок его очертаний, похожий на географическую карту какого-то таинственного острова. Когда край дыры начинал плавиться, а потом двоиться в глазах, он чуть смещал фокус и смотрел в небо. Наверху сменяли друг друга дождевые тучи, оставляя размазанные акварельные следы. Постепенно темнело. Его серо-голубые глаза сперва вбирали густую блекло-синюю небесную гуашь, а потом – сизую, набирающую яркость мглу. Иногда он смежал веки и его тянуло впасть в дрему, но сверху и снизу слишком ощутимо веяло прохладой – он ежился и, преодолевая боль, глубже вдыхал сырость осеннего леса, как будто ища точку опоры в зыбком пространстве, снова, делая усилие, упирался глазами в жидкое темное серебро небесной бездны.

Ноющая боль в левой ноге была гораздо неприятнее, чем сырость и холод. Эта боль то не давала уснуть, то наоборот – погружала в состояние, близкое к нереальному – похожему на сон наяву. Периодически он отчаивался и впадал в панику или, поднимая глаза к дыре, грезил несбыточными надеждами на то, что вот-вот ребята вернутся за ним на машине и что в этом случае он очень скоро окажется в теплом и сухом, наполненном белым светом госпитале с доброжелательными улыбочками сестричек. Но потом спохватывался: автомобилю сюда не проехать, а чтобы добраться до линии фронта, нужно пересечь Австрию и Венгрию, и тогда только начнется СССР – Украина!

Осенью 1944 года советские войска освобождали Карпаты и готовили рывок на Вену, поэтому в глубокий немецкий тыл забрасывали разведчиков-парашютистов со специальными заданиями. Высадка группы, в которую входил Андрей, прошла для него не очень удачно.

Теперь же – его первая ночь в земляной яме была хоть и тихой, но не украинской, а австрийской и таких ожидалось как минимум еще две, а то и... он даже не хотел думать о худшем.

Вопреки здравому смыслу, Андрей то и дело воображал себе всякую всячину: представлял свежий хлеб, только что вынутый из печи, завернутый в белый, с ярко-красными ромбами и крестами по краям, рушник; видел парное молоко, галушки со сметаной, горячий жирный борщ, тоже красный и густой; потом откуда-то выплывали карие глаза крепкой селянки в белой блузе с красной же вышивкой.

Он вспоминал, как незадолго до войны в их маленьком зауральском поселке мать со звучным именем Мила-Людмила пекла хлеб, как она быстрыми чеканными движениями рубила капусту и ловко утрамбовывала крошево в деревянной кадушке, как он, крепкий шестнадцатилетний парень, возвращался с братьями с поля, его мышцы гудели от работы, и тогда казалось, что он был готов съесть целого теленка.

– Матушка, опять бурьян рубишь? – всю зелень и овощи он называл бурьяном.

Она вскидывала на него такие родные синие глаза, улыбалась и тут же опускала их, молча продолжая шинковать крепкий кочан.

Даже сейчас, в этой земляной норе, ему помстился запах свежей капусты. Он поднялся – но тут же понял, что это тянет прелой сырой листвой и мокрой глиной.

Андрей не голодал – товарищи оставили ему почти всю тушенку, сало и сухари. Были даже сушки из груши-дички, которые сам засушил на отдыхе у костра августовскими ночами. Тогда их маленький отряд особого назначения стоял у реки Стырь, на украинской земле. Сушки можно было заваривать как чай, а можно было есть как конфеты.

В действительности он не так уж часто думал о еде – словно и в мыслях был парализован. Больная нога ограничивала его подвижность, и точно так же ограничено было его сознание, уже впитавшее в себя всю зябкость осенней альпийской ночи и одиночество утра, и тоску долгого вечера, безотрадное ощущение покинутости, и физической немощи.

Товарищи должны были вернуться за ним примерно через три дня, выполнив задание.

И вот он, уставший от шока первой боли, от того, как мучительно доставали пулю, от перевязки и осознания себя раненым, уже лежал на ворохе сухих листьев и еловых веток в расширенной звериной норе под откосом пологого склона. Вход в нору засыпали землей и привалили камнем для маскировки. У противоположного края вверху пробили для Андрея небольшую дверь-окно.

Он начал ждать, когда за ним придут, почти с первой минуты своего одиночества. В этом постоянном ожидании прошли первые сутки, потом протянулись еще один день и еще одна ночь. Над ямой, где-то наверху, на склоне, кто-то каждую ночь хрустел ветками; он догадывался, что это звери. Но близко подойти они не решались – видимо, интуитивно не желали познакомиться с его автоматом, чуя ружейную смазку и сгоревший порох.

Пару раз, когда хруст веток раздавался в угрожающей близости, Андрей нащупывал рукой единственную гранату. Но шума без лишнего повода он поднимать не хотел, помня слова Валентиныча: «Ты должен раствориться в лесу – быть тише воды, ниже травы». Поэтому Андрей не разжигал костра, чтобы не привлечь внимания дымом.

Дважды в сутки он с большим трудом выбирался из своего логова по нужде, настороженно ловя лесные звуки и в то же время отпуская в себе чувство условной кратковременной свободы от заточения. Он полной грудью вдыхал ароматы осени, мысленно сливался с уходящими на горную грядку рядами деревьев, скользя глазами к той линии, где гора переходила в небо, и замирал в позе, позволявшей не чувствовать раненую ногу. Он наслаждался ощущениями открытого пространства, видами лесных гористых далей, кожей чувствуя свет, обступивший его со всех сторон. Он обтекался взглядом рельефы наваленной под деревьями, скрученной и покоричневевшей листвы.

Разрешив себе пятнадцать минут такого отдыха, Андрей опять полз к своей норе, стараясь переваливаться по выступающим камням и не сильно ворошить ковер из листвы, потом медленно совершал погружение в полутьму, где все сгущалось – сырость, запахи, пространство и, как ему казалось, время.

«Что может чувствовать человек, похороненный заживо?» – эта мысль в первые сутки его одиночества назойливо сверлила мозг, обдавая душу холодящим неверием в свое спасение. Ему казалось, что сейчас он, будто подвешенный за раненую ногу, болтается на хлипкой веревке над пропастью – и чтобы чудо спасения совершилось,

должно сложиться в одну цепь сразу множество благоприятных обстоятельств: если, выполняя задание, выживет его группа, если за ним вернутся, если найдут, если не решатся бросить его вот так... Но нет, они не способны на такое предательство... Если он дожидется своих без приключений, если враг не найдет его раньше...

«Вот и могила моя», – он гнал от себя эту фразу, начинавшую все отчетливее звучать внутри него ближе к вечеру вторых суток и притягивающую другие, не менее мрачные: «Я – как раненый волк в волчьей яме»; «Они не вернутся»; «Они изменят маршрут»; «Нарвутся на немцев или попадут на минное поле»; «Они задержатся на неделю или на две, загнанные в ловушку или вынужденные идти в обход, а когда за ним придут – будет уже поздно...». Но потом он вспоминал серые, слегка прищуренные глаза командира и немного успокаивался: «Не-ет, Валентиныч за версту почует недоброе – хоть зондеркоманду, хоть патруль, хоть мину, искусно замаскированную в жухлой листве. И все у него всегда возвращались – вернутся живыми и на этот раз. Только дожидаться. Главное – дожидаться».

Образ командира перекрывал поднимавшуюся было в его душе волну паники и даже, казалось, утихомиривал боль в ноге. Тогда Андрей засыпал.

На вторые сутки к вечеру он ощутил необъяснимое беспокойство. Усилилась боль в ноге; ему даже показалось, что он чувствует какой-то не совсем обычный жар – липкий и тяжелый, распирающий изнутри, сдавливающий виски.

Раньше наступления ночи, против воли, начал впадать в дрему. Одновременно пытался выползти из ее засасывающей трясины, но на него неотвратимо надвигался какой-то другой, особый сон – как казалось, опасный и смертельный. Только тянущая, пекущая боль возвращала ему сознание – но возвращался он снова в сон. Погружаясь в свою боль, Андрей хотел очнуться, пошевелить рукой или хотя бы повалиться на бок, чтобы вытащить себя из мутной дремы – но тело его будто сковало невидимыми цепями, в то время как сознание в панике металось так, что было уже трудно дышать.

И вот, прямо в этом парализующем сне, его вдруг прошиб холодный пот, и жар отступил. Казалось, все его тело обдало ледяным движением воздуха, даже волосы на голове зашевелились – огромным усилием воли удалось открыть слипшиеся веки, и тут он увидел их.

У противоположной стены стояли двое – маленького роста, они были похожи на гномов. Он чувствовал, что они сердятся, необъяснимо понимая это по их беззвучным жестам недовольства. По лицу Андрея продолжал течь сквознячок. Он не мог понять, как они помещаются в его низкой пещере, не мог себе объяснить их появление, но явственно ощущал, что его присутствие раздражает их.

С невероятным трудом, наконец, вскинув голову к спасительному «окну», Андрей пытался нащупать глазами свою дыру в небо. На фоне черноты горной альпийской ночи она была практически незаметна, но вот он увидел две едва заметные светящиеся точки и, ликуя, понял, что это звезды: «Нашел!»

Звезды были его спасительным якорем с самого детства – с тех времен, когда в ночном, лишь угадывая по редким знакомым звукам, где пасутся стреноженные кони, он ложился у почти погасшего костра и, немного отползая от спящих мальчишек, смотрел в бездонный черно-синий купол, в его усыпанную мириадами мерцающих точек чарующую бесконечность, наполненную смыслом и несущую какое-то важное

послание. Много ночей своего детства он провел, пытаясь разгадать небесные знаки. Как опытный мореход, проплывал руслами знакомых созвездий, силился разглядеть самые маленькие и незаметные точки, которые кроме него никто не видел.

Как-то мать сказала ему, что с неба смотрят глаза его деда с бабкой. И Андрей, еще будучи мальчишкой, пытался выбрать, какие же из звезд – самые родные для него. Иногда он был уверен, что видит именно их, иногда – вообще ничего не мог разглядеть сквозь туман и облака. Порой они светили как-то по-другому, и тогда он выбирал себе новые яркие точки. Мерцая, они распускались в его воображении как диковинные небесные цветы.

Но любые звезды он всегда считал своими хранителями, чем-то добрым и неизменным – тем, что держит на себе весь свет и бездонный темный океан ночного неба.

Вот и сейчас, когда точки звезд замерцали в дыре, он вспомнил своего деда – дедушку Федю. А когда перевел взгляд на то место, где только что были гномы, увидел в темной стене лишь едва заметные тающие тени.

«Господи! – Андрей схватился за крестик, зашитый в левом кармане гимнастерки, – Неужели я тронулся умом? Кто они? Показалось?» Он боялся всматриваться в окружающую темноту, но глаза помимо его воли обшаривали скудное пространство. Он не знал, ползти ли ему наружу или оставаться в норе, не знал, где найти себе убежище.

Через какое-то время, обессиленный от явившейся жути, он кое-как заснул, прижимая оловянный крестик правой рукой.

Утро выдалось по обыкновению серым, но ветер утих и дождик уютно шуршал по лесному ковру. Андрей, преодолевая себя, подполз к дыре, подтянулся на руках и высунулся из норы. Ему показалось, что вдали он слышит залпы орудий. Почти не дыша, он вслушивался и вглядывался во все стороны, но ничего не уловив наверняка, выбросил тело на сырую листву и долго лежал, глядя в свинцовое небо, затянутое серебристо-серой паутиной, и ловил ртом пыльцу из дождевых капель. Вчера там, в небе, мерцали светлые точки, спасшие его от гномов, от отчаяния и сумасшествия. Сегодня верхушки гор утопали в густом тумане и на помощь вечерних звезд рассчитывать не приходилось.

Он подтащился к замаскированной с вечера пустой банке из-под тушенки, на дне которой скопилось немного дождевой воды. Вода была еще и во фляге, поэтому Андрей опрокинул содержимое жестянки в сложенную ковшом ладонь и умыл лицо. «Третий день», – подумал он. И беспокойство снова зашевелилось в нем, отдавая болью в ногу.

Спустившись в нору, он позавтракал холодной тушенкой, сухарями и сушками и, открыв вещмешок, достал из него миниатюрные, не больше ладони, походные шахматы. Разложив их на земле под световым пятном, начал партию, мысленно беседуя с Алексеем Петровичем – фельдшером из Бердичева, постоянным партнером по любимой игре.

Шахматы на время отвлекли Андрея от боли и тревоги. Но после обеда он вернулся в ставшее за эти три дня привычным тревожное состояние. И вдруг услышал, а скорее почувствовал, как кто-то или что-то подкрадывается к нему, продвигаясь по лесу. Он чуть высунул голову из норы и понял, что не ошибся. На этот раз звуки и ощущения были вполне реальными, он не спал.

Раздался глухой крик напуганной птицы, слышался хруст веток. У Андрея упало сердце: «Живым не сдамся!» Рука потянулась к гранате, всегда лежащей рядом. Впрочем, их, воздушных десантников из отряда особого назначения, подготовленных для диверсий в тылу врага, в плен и так не брали. Обнаружив наколку на руке в виде «крылышек», фрицы убивали парней на месте, считая их особо опасными.

«Вот и все... А может, не заметят...»

Хруст и шорохи приближались. Андрей запоздало глянул на свою зияющую дыру – эх, надо было замаскировать ее как следует... Но поздно. Он отполз к дальней стене и замер в отчаянном ожидании, пока не услышал глуховатый голос командира:

– Андрюшка, живой?

В голове взорвался и разлетелся цветным фейерверком пушечный залп...

Андрей не сразу смог зашевелить губами, и вот они с трудом разомкнулись:

– Валентиныч...

Он не смог справиться с собой, по лицу потекли слезы. Слова застревали в горле, он только улыбался, смущенно сжимая губы. А Валентиныч с Жориком и Костиком, двумя худыми сероглазыми братьями, уже тащили его из норы. На земле они молча обняли полулежащего и обсыпанного прелой листвой Андрея, и только тогда он со всей силой почувствовал, как не хватало ему в эти три дня живого человеческого тепла, прикосновений огрубевших рук, звуков знакомых голосов и, главное – самой настоящей уверенной радости от того, что все невероятным образом сложилось, что счастливая звезда его не подвела.

Еще три дня они тащили Андрея лесом на волокуше из еловых веток. Сначала он пытался идти сам, опираясь на плечи Жоры и Кости, и даже прошел несколько километров, пока нога не распухла и не начала болеть совсем уж нестерпимо. Пришлось снова лечь на волокушу.

К вечеру третьего дня они вышли к «точке», где их ждал транспортник Ли-2.

Когда в ночи они летели к Украине, Андрей бредил. Позже ребята рассказывали ему, что он все время просил показать ему небо.

В госпитале, как ему и мечталось, действительно было тепло и сухо. Только не пахло ни борщом, ни галушками – тем, кто мог есть сам, давали щи и кашу, а вместо симпатичных сестричек дежурила сухая, согбенная, но на редкость черноволосая старуха Анна, которую все называли «бабой Нюсей». Когда Андрея привезли из операции, она озабоченно вздохнула, но потом, блеснув карими глазами, улыбнулась:

– Хорошо, нога на месте осталась, не отпилил ее тебе наш Горыныч.

Андрей медленно приходил в себя. Слова бабы Нюси звенели и громыхали в его голове. Он закрывал глаза и ему мерещился летящий по небу карликовый Горыныч с тремя головами.

– На, попей вот.

Баба Нюся подошла и протянула ему граненый стакан с водой. Андрей с трудом взял стакан в руки, посмотрел сквозь стекло на множасьее во всех гранях отражение старухино лица, а потом, со ставшим для него привычным усилием повернул голову на бок. Он словно прилип к койке и уже не слышал голоса бабы Нюси, продолжающей что-то говорить про «Горыныча». Из кровати, прямо с подушки, через

окно, сквозь сетку ветвей опавшего клена ему было видно светлеющее небо с еще угадывающимися на нем точками звезд.

«Мне кажется, так это было», – за три дня до родов говорила она Марии.

И потом еще часто возвращалась мыслями к той истории о дедушке – к истории, подробностей которой никто не знал и уже не узнает.

Ей не хватало воздуха после родов еще дня три. Она не могла вставать без опоры, не могла пройти десятка неспешных шагов без одышки, не могла есть, сразу начиная задыхаться. Но рядом мирно сопел носом крохотный младенец с голубыми глазами и льняным чубчиком, отличающийся редкостным спокойствием, деловитостью и деликатностью одновременно. Ей казалось совершенно невероятным сочетание всех этих качеств.

Он был невозмутим, когда в роддоме отключили отопление и все сознательно мыслящие пациенты впали в панику; он безропотно лежал, как солдатик, там, куда его положили, не сдвигаясь с места даже на миллиметр; он послушно давал себя запеленать и всегда точно знал, чего хочет. Но самым невероятным был цвет его глаз: густой, муаровый, насыщенный – темно-голубой – как цвет дождевых облаков, хранящий память об осеннем небе Австрии, о раненом русском солдате, пролежавшем три дня в земляной яме, о дождливом сумраке и о звездах, смотрящих на всех, кто их хочет увидеть.

Девятого мая они с малышом лежали в ее любимой комнате с небесно-голубыми в серебряную искорку обоями. Он проснулся и заворочался, зачмокав губами. Пришло время кормления, и она устроилась поудобнее.

– Сейчас, малыш, я расскажу тебе одну историю.

ЧАСТЬ III. ДРАМАТУРГИЯ

ДРАМАТУРГИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Зарина КАНУКОВА

Зарина Саадуловна Канукова – кабардинский поэт, писатель, драматург, переводчик, общественный деятель. Живет и работает в Нальчике, главный редактор региональной газеты «Горянка».

Член Союза писателей России, Союза журналистов России; член Ассоциации писателей Абхазии, Союза журналистов Абхазии. Заслуженный журналист КБР; заслуженный деятель искусств Абхазии.

Пишет на кабардинском и русском языках. Автор 12 художественных книг. Произведения переводились на русский, абхазский, немецкий, турецкий, фарси и хинди.

Жили-были и всегда

Пьеса-триптих

*Безымянных героев не связанных между собой сюжетов
объединяет потребность любить и быть любимыми.*

Действующие лица:

в первой части «Старик и Старуха»:

СТАРИК – 80 лет

СТАРУХА – 80 лет;

во второй части «Отец и Сын»:

ОТЕЦ – 60-65 лет

СЫН – 20-25 лет;

в третьей части «Мужчина и Женщина»:

МУЖЧИНА – 35-40 лет

ЖЕНЩИНА – 30-35 лет

Старик и Старуха

В комнате на старом диванчике сидят Старик и Старуха.

СТАРУХА: Жили-были Старик и Старуха...

СТАРИК: Жили кто? Говори громче.

СТАРУХА: Старик и Старуха жили.

СТАРИК: Где они жили?

СТАРУХА: В сказке они жили.

СТАРИК: В сказке говоришь? Тогда говори правильно: в сказке жили.

СТАРУХА: Хорошо. Жили-были в сказке...

СТАРИК: В сказке не живут. не правда это.

СТАРУХА: Сам так захотел, теперь споришь.

СТАРИК: Ты всегда одну и ту же сказку рассказываешь. Она что, о нас? Эти Старик и Старуха – мы что ли?

СТАРУХА: Ну, похожи на нас, но они там живут, в сказке.

СТАРИК: А мы где живем?

СТАРУХА: А мы в жизни живем.

СТАРИК: Мы из жизни? Мы живые, получается?

СТАРУХА: Ну да, мы живем в жизни, значит, живые.

СТАРИК: Нет, не так. Мы не из жизни.

СТАРУХА: Это почему же?

СТАРИК: Потому что мы не выходим к живым, в жизнь, наружу. Мы тут сидим взаперти, ты мне сказки рассказываешь, как маленькому.

СТАРУХА: Это потому, что мы постарели. Пока силы были, мы к людям выходили.

СТАРИК: Давай еще выйдем. У нас есть родственники, соседи, снаружи кто-то есть.

СТАРУХА: Хорошо, хорошо, выйдем.

СТАРИК: Когда выйдем?

СТАРУХА: Когда все будут дома, в выходные дни выйдем.

СТАРИК: Все дома, каждый вечер все дома. Мы можем каждый вечер выходить.

СТАРУХА: Да, да, можем каждый вечер... И вот, значит, жили-были в одной деревне Старик и Старуха.

СТАРИК: В какой деревне они жили? Как деревня называется?

СТАРУХА: А деревня называлась Невидаль.

СТАРИК: Нет такой деревни.

СТАРУХА: Есть.

СТАРИК: Нет.

СТАРУХА: В сказке есть.

СТАРИК: Я не хочу в деревню из сказки, хочу в нашу деревню поехать. Бубу проведать.

СТАРУХА: Буба, бедный, помер давно.

СТАРИК: Буба помер? Когда?

СТАРУХА: Позапрошлым летом.

СТАРИК: Вот как? А я почему не знал?

СТАРУХА: Знал, нам говорили.

СТАРИК: Значит, ты мне не говорила!

СТАРУХА: Говорила, просто два года прошло, и ты забыл.

СТАРИК: Буба помер... а дальше что?

СТАРУХА: Дальше? Значит, на окраине деревни Невидаль жили-были вдвоем Старик и Старуха. Однажды к ним из лесу пришел Медведь.

СТАРИК: Подожди. Говорили, что Таисия болеет, не встает уже. Она поправилась?

СТАРУХА: Твоя племянница? Нет, больше не вставала, померла тоже...

СТАРИК: Не померла, племянница моя – она живехонькая, поправилась точно. Бреешь все, чтобы не ехать в деревню.

СТАРУХА: Даже если и живая была, мы бы и не смогли до деревни добраться, вдвоем-то... Мы не могли – это ладно. Хоть живой была бы, да нет ее тоже.

СТАРИК: Кого еще нет? То есть кого уже нет?

СТАРУХА: Зачем тебе обо всех знать?

СТАРИК: Я хочу знать! Я хочу знать, к кому могу поехать, а к кому уже не могу!

СТАРУХА: Хорошо, начнем с твоих. Тошки нет, Арины не стало, за ней следом Дуня ушла, Тина. Они друг за дружкой как-то... Илья помер, бедный, не болел, ничего, взял да тихо ушел... Костя, он пораньше вроде...

СТАРИК: Неправда! Никто не умер! Врешь ты все! Обо всех врешь! Сказки тут сочиняешь!

СТАРУХА: Ну вот, теперь ты будешь твердить одно и то же. Замучаешь меня, захочешь поехать ко всем. Будешь рваться на улицу. Я тебя еле одену, мы дойдем до дверей, да там и останемся сидеть...

СТАРИК: Почему? Мы присядем на дорожку?

СТАРУХА: Мы давно присели на дорожку.

СТАРИК: Все из-за тебя! Мы сидим, не выходим никуда! Вот и затекли ноги!

СТАРУХА: Это у тебя ноги затекли, и мы не выходим.

СТАРИК: Мне бы до гаража дойти – я бы тебе показал, как удирают из города! Машина-то моя жива?! Заведу ее и поеду в деревню. А тебя не возьму с собой!

СТАРУХА: Это почему ты меня не возьмешь?

СТАРИК: А ты никогда не радовалась этим поездкам.

СТАРУХА: Это я не радовалась?

СТАРИК: Ты! Ты вообще не радуешься, не улыбаешься! А я женился на тебе, потому что ты смешливая была. Хоть что брякну – ты смехом заливалась.

СТАРУХА (*лицом к лицу, улыбается во весь рот*): Вот, улыбаюсь.

СТАРИК: Нет, лучше не надо. Я не на беззубой старухе женился.

СТАРУХА: У меня еще есть несколько зубов, а у тебя вообще ни одного. И машины твоей уже давно нет.

СТАРИК: Как нет? Куда она делась?!

СТАРУХА: А туда же, куда и гараж.

СТАРИК: А гараж куда делся?

СТАРУХА: Продали.

СТАРИК: Кто продал?

СТАРУХА (*делает вид, что не расслышала*): И вот из лесу пришел к ним Медведь. «Ты меня узнаешь, дедушка?» – спрашивает он Старика. «Видеть тебя видел где-то, но не припомню где, не вспомню кто ты» – отвечает Старик.

СТАРИК: ...не вспомню, кто ты ...

СТАРУХА: «А ты узнаешь меня, бабушка?» – спрашивает Медведь у Старухи. «Хоть шкуру ты сменил, я тебя признала. Но давай Старику пока не скажем, кто ты. Встань вон в тот угол, постой тихонько...» – отвечает Медведю Старуха.

СТАРИК: ...встань в угол, постой тихонько... (*громко*). Это наш сын продал гараж! Почему ты мне этого не сказала?!

СТАРУХА: Ты же вспомнил? Значит, я сказала.

СТАРИК: Да, вспомнил! А почему ты разрешила продать?!

СТАРУХА: А зачем нам машина и гараж? Мы ведь старые уже...

СТАРИК: Но он хотя бы забегал иногда, просил машину...

СТАРУХА: Он и сейчас забегает. И невестка приходит, и внуки...

СТАРИК: Приходят? Правда?

СТАРУХА: Приходят, конечно, ты просто... их не всегда узнаешь. Или забываешь, что приходили.

СТАРИК: Ты всегда говоришь, что я все забываю! А я не забыл бы, если приходили!

СТАРУХА: Есть хочешь?

СТАРИК: Не хочу я есть! Не буду! Ты меня в деревню не пускаешь! Сына не зовешь! Детей не приводишь, увидеться нам не даешь!

СТАРУХА: Мы и в деревню съездим, и сынок к нам придет, и дочка вернется...

СТАРИК: Правда? Поедем в деревню?

СТАРУХА: Конечно!

СТАРИК: Бубу проведем?

СТАРУХА: И Бубу проведем...

СТАРИК: Когда?

СТАРУХА: Ну дай досказать...

СТАРИК: Ладно, досказывай.

СТАРУХА: Жили-были Старик и Старуха...

СТАРИК: Не начинай заново! Ты это уже говорила!

СТАРУХА: Точно? А до какого места я дошла?

СТАРИК: Медведь уже пришел! Дальше продолжай !

СТАРУХА: Да, да. Медведь . Потом из лесу прибежала Лиса. И тоже в домик к Старику и Старухе. «Узнаешь меня, дедушка?» – спрашивает Лиса. «Видеть тебя видел где-то, но не припомню, где, не вспомню, кто ты», – отвечает Старик. «А ты узнаешь меня, бабушка?» – спрашивает Лиса у Старухи. «Хоть шкурку ты поменяла, я тебя признала. Но давай старику пока не скажем, кто ты. Встань вон в тот угол, постой тихонько...» – отвечает Лисе Старуха. И Лиса пошла, встала во второй угол.

СТАРИК: Лиса пошла и встала в угол... А когда дочка приходила в последний раз?

СТАРУХА: Недавно приходила.

СТАРИК: А я почему не помню, чтобы она приходила?!

СТАРУХА: Я тебе напомним. Баранину, что она приносила, мы еще не доели! Я тебе в обед предлагала, помнишь?

СТАРИК: Баранину помню, свежая... А дочку не помню... Лица не припомню даже.

СТАРУХА: Баранину, если помнишь, и то хорошо. Котлетки говяжьи приносила невестка. А красные яблочки – внучка. Она специально для тебя твои любимые выбирала.

СТАРИК: Вспомнил!

СТАРУХА: Вспомнил?

СТАРИК: Вспомнил. После Лисы пришла Белочка.

СТАРУХА: Какой молодец! Правильно ! Значит, прибежала Белочка из леса и спрашивает у Старика: «Узнал меня, дедушка?» – «Я видел тебя не раз, но вот имени припомнить не могу», – ответил Старик. Повернулась Белочка к Старухе и спрашивает: «А ты, бабуля, признала меня?» Старуха ей тихо говорит: «Признала признала... Но Старика не скажем, как тебя зовут. Поди пока, встань вон в тот угол». Белочка послушно встала в третий угол...

СТАРИК: А ты знаешь, почему я больше люблю эти красные яблочки?

СТАРУХА: В детстве вы с Бубой ели такие.

СТАРИК: В саду у них только на одном дереве росли такие. Смотришь – вроде кожа плотная, а надкусишь – мякоть такая сладкая, мягкая. Одно за другим мы ели, не могли остановиться...

СТАРУХА: Дать тебе яблоко?

СТАРИК: Нет, не хочу. У этих, что Томка принесла, вкус другой...

СТАРУХА: Так ты вспомнил, что она приходила?

СТАРИК: А я и не забыл! Я всех внуков помню! Старший в военной академии учится. Средний в этом году школу заканчивает. Томка... Томка в десятом или девятом классе?

СТАРУХА: Ох, я сама не помню, в каком она классе... Но отличница и самостоятельная такая! И в аптеку ходит, и за яблочками...

СТАРИК: Белочка встала в угол и притихла.

СТАРУХА: Все звери притихли по своим углам. Старик со Старухой легли спать. Как только они заснули, Медведь вышел во двор, дрова наколот, воды принес. Лисичка встала у печи, пирогов румяных испекла, а Белочка водой побрызгала и подмела все полы.

СТАРИК: Ты пропускаешь опять. Белочка своим пушистым хвостом подмела все полы...

СТАРУХА (*засыпая*): Да, да, Белочка пушистым хвостом полы подмела, чисто-чисто...

СТАРИК: Всю работу по хозяйству переделали и тихо, не разбудив хозяев, звери разошлись...

СТАРУХА: И тихо разошлись...

СТАРИК: Только вот забыли кое-что: Медведь свою шкуру медвежью, Лиса свою шкурку лисью, Белочка свою маленькую шкурку с пушистым хвостом...

СТАРУХА: И тихо разошлись все звери...

СТАРИК: Буба помер, Илья помер... Арина, Тина...

СТАРУХА (*засыпая*): И тихо разошлись все звери...

СТАРИК (*смотрит на спящую старуху*): И сын придет, и невестка придет, и все, что нужно, принесут... У нас и так все есть... Все здесь есть... Но давай в деревню поедem. Бубу проведаем... Так хочу в деревню...

СТАРУХА (*проснулась*): А? На каком месте мы остановились?

СТАРИК: Куда-то мы дошли точно, Старуха.

СТАРУХА: На каком месте?

СТАРИК: Дошли...

СТАРУХА: Жили-были... Жили-были...

СТАРИК: Слышишь? Я перед тем, как в деревню-то поеду к Бубе, хочу тебе что-то сказать.

СТАРУХА: Что ты хочешь мне сказать?

Старик что-то шепчет на ухо старухе. Та заливается смехом.

СТАРУХА: Скажешь тоже! Да ладно...

СТАРИК: Ну правда же. Я самую видную, самую ладную отхватил.

СТАРУХА: Так то когда было... Сейчас страшная такая ...

СТАРИК: Сейчас ты свет мой в окошке и в душе моей свет... Лица твоего уже не вижу...

СТАРУХА: И ты мой свет... Я-то своего лица не знаю, как твое...

СТАРИК: А там уже какая разница – твое, мое...

СТАРУХА: Яблочко хочешь?

СТАРИК: Нет, давай поспим лучше.

СТАРУХА: Давай поспим...

Обнявшись, засыпают.

Отец и Сын

Квартира в многоквартирном доме. В гостиной обшарпанная мебель: диван, стол, стулья, телевизор. В прихожей вешалка с мужской верхней одеждой. Дверь в ванную комнату, дверь во вторую комнату. Отец и сын в гостиной. Сын сидит на диване, Отец одевается.

ОТЕЦ: (*влезая в пиджак*): Сколько лет этому костюму? Мы его еще с твоей матерью выбирали. Вот как ее не стало, я белых рубашек и не носил, так что пусть это новое начальство не обижается – приду к ним вот так вот, не при параде .

СЫН: Ты так радуешься. Давно ты так не радовался.

ОТЕЦ: Да я больше из-за тебя радуюсь, сын. Два месяца держишься. Такого раньше... не было...

СЫН: Не было, так есть. Вот тебе тоже раньше грамот не давали. Теперь главное – сходить забрать ее. Просили же не опаздывать.

ОТЕЦ: У меня много грамот. Сегодня меня не из-за грамоты позвали. Звание мне присвоили, сын, «Почетный работник транспорта». Так вот. Раз столько лет баранку крутил... Положено. Хотя не всем дают. И неловко как-то, вот я выйду, мол, смотрите, мне положено, а другим, значит, нет...

СЫН: Это минутное дело. Вышел – забрал грамоту и ушел.

ОТЕЦ: Да... Иду, иду... Как там на улице? Холодно? Может плащ сверху надеть?

СЫН: Да нет! Не холодно. Но ты надень на всякий случай.

ОТЕЦ: Кажется, не нужно. Но как скажешь. Ты же выходил.

СЫН: Надевай, Надевай! *(с вешалки берет пальто и протягивает отцу)*.

ОТЕЦ: Так это мое старое пальто. Сейчас ведь в пальто не ходят.

СЫН *(убирает пальто)*: Можно и так! Да, можно и так. Там тепло. Я даже вспотел, когда возвращался.

ОТЕЦ *(что-то ищет)*: Сейчас пойду, как деньги найду...

СЫН: Вот мелочь. Тебе хватит. Это сдача. Хлеб покупал же утром, а это сдача...

ОТЕЦ *(присел и смотрит на сына)*: Ты молодец. Ты знаешь, что ты молодец? И я тебе доверяю.

СЫН: Я сам говорил тебе, что мне можно доверять... Вышел, купил хлеб, вернулся... Что тут такого?

ОТЕЦ: Ты сможешь. Ты же можешь, как все!

СЫН: Только не начинай, не говори со мной так...

ОТЕЦ: Я просто рад. Два месяца. Без отравы этой, без дружков, пропади они... И дальше сможешь, справишься.

СЫН: Мне врач мозги выносит. И ты не начинай. Иди уже...

ОТЕЦ: Врач... хороший врач.

СЫН: Да, да! Все хорошие! Все правильные! Иди уже! Тебя ждут твои внизу.

ОТЕЦ: Меня ведь ждут. Я вот зачем деньги искал – вспомнил! Они же захотят отметить это дело. Там рядом с гаражом на месте нашей бывшей столовки кафе какое-то открыли. Туда и поведу всех троих. Я ведь давно ни с кем не встречался. В люди не выходил. А звание так неожиданно. Они вот, разузнали, позвали и сами даже пришли, сопровождают! *(ищет деньги)*. И я их потом, раз в дом не позову, надо в столовку, то есть в кафе повести, я так думаю... *(не находит, что ищет)*.

Сын лениво отходит в сторону, отводит взгляд.

Просто... Я не нахожу деньги, половину пенсии ... Ты что, взял? *(Сын, не отвечая, заходит в ванную и закрывает изнутри дверь. Мужчина стоит перед закрытой дверью)*. Ты взял деньги и встретился со своими дружками... Открой дверь и покажи свои руки. Открой дверь.

СЫН *(за закрытой дверью)*: Папа, уходи.

ОТЕЦ: Тихушник такой. Выкрал деньги. Учужал, где прячу. Ты украл мои пять тысяч. А полтинник взял на хлеб. Такой послушный вышел и вернулся с хлебом. Сдачу принес. Молодец какой. Где пять тысяч?

СЫН: Иди уже, тебя ждут там.

ОТЕЦ: Ты сперва открой дверь.

СЫН: Иди забери свою грамоту.

Мужчина стучит в дверь, стучит изо всех сил. Начинает выбивать дверь плечом, бьет ногами.

ОТЕЦ: Тебе мало мучений? Мало, да? Заново все хочешь? И мне, и себе ад устроишь опять? Обещали тебе дозу? Или сразу, сразу тебе?.. Открой дверь, я сказал! Вышибу ведь, своих позову, вынесем тебя с этой дверью.

Дверь не поддавалась. в ответ молчание. Мужчина сник, сел под дверью.

Эх, сынок, сынок... С матерью твоей я говорил всю ночь, и она, мне показалось, радовалась. Ты же два месяца продержался. Такой ад прошел... А мама твоя... Она от туда все видела. За тебя вот порадовалась. И за меня тоже. Мне так показалось... Она привычку такую имела, когда чем-то довольна была, руку – в бок и бровь – в дугу. Вот такой мне привиделась вчера ночью... Я ей говорю: вот, мне звание дадут и, значит, к пенсии прибавку. А там, глядишь, сын лечение закончит, в себя придет, работу ему найдем... Она мне улыбается, улыбается, и что-то тихо говорит, тихо-тихо.

«Пускай», – вроде сказала. Я отвечаю : «Пускай, так пускай». Она лоб так поморщила, еле я расслышал: «Не выпускай». Я тогда не понял, о чем она. А оно вот так, о чем... Она при жизни-то упрекала меня, что я грубоват с тобой. Пару раз упрекнула. Я потом старался, как мог, помягче. Хотя надо было, наверное, строже. Мальчик все-таки. Она тебя баловала слишком. Любила очень. Чувствовала, что неладное может случиться, пыталась возле себя удержать. Во двор даже одного не выпускала. Так они в школу пришли. Тебя заприметили почему? Тебя именно. Воронье над птенцом собралось, накрыло чернотой своей. По венам пустили отраву. А кому они так пустили – считай, вычеркнут из нормальной жизни. И обратной дороги нет. Но я матери твоей обещал... Она так меня просила... И помягче с тобой чтобы я... И чтобы спас... И вот опять ночью сказала : «Не выпускай». А я не сразу понял. Я-то думал, уже забрал тебя у вороньей стаи, больше дорогу к ним искать не будешь. Двадцати им нет, а они черные изнутри, морщинистые все... Словно тени, на живых и не похожи. А помирают в муках каких. Я сам видел... Тебя, скелетика моего живого, я сколько раз держал, в судорогах да муках. Меня будто нет уже самого – я боль твою пока проживал, сердце мое огнем выжгло и золой оно стало.

Всех забыл, всех оставил, родню, друзей. Тебя по врачам водить и дома с тобой сидеть – вот и все мои дни.

«Вылечи его, вылечи, пожалуйста... Не бросай , не бросай... У него никого нет...» – все твердила твоя мать, так и завещала... И вот ночью пришла ведь, сказала :»Не выпускай... Воронье в подворотне накроет...»

А я поверил, что обратно человеком стал. Выпустил. Думаю: пусть поймет, что доверяю. А он... Хлеб купил, сдачу принес... Старика обрадовал... А сам ждал, когда я уйду...

«Не выпускай...» «Не выпускай...» Выпустил! *(вскочил на ноги)*

Что он делает? Что он там делает? Сейчас закачает себе по венам и станет обратно вороном! Чернотой станет!

Открой дверь! Открой дверь! *(бьет руками и ногами в дверь, просит открыть)*

Открой, сыночек, открой! Не дай себя накрыть тенью! Ты только открой дверь – все воронье разлетится! Ты не из этой стаи! Тебя мать называла как? Голубок мой! Ты помнишь ведь? Голубок... Мать вспомни. Потерпи один день, один час. Выйди, выйди наружу... Дальше легче станет... Ты столько терпел! В тебе столько воли! На троих хватит, сколько воли в тебе! Открой, мой родной! Открой дверь. Не начинай все сначала. Не уходи в темноту... Выбери свет, жизнь выбери. Жизнь – она разная ведь. Счастье есть, сынок, есть оно, счастье. Поверь мне. Если не остановишься, ад начнется снова... И твой ад – мой ад... Но я боли уже не чувствую... А тебе больно очень будет... Душу твою раздирали, как ты это вынес, только я знаю... Открой, сыночек...

*Дверь открывается, на пороге сын, он падает с ног.
Отец подхватывает его на руки. Еле удерживая от падения, сажает на пол.*

СЫН: Ты всегда так. Сперва по-плохому, потом по-хорошему. Как с дверью – не смог сломать, потом гладишь ...

ОТЕЦ: А что мне делать?

СЫН: Ты меня винишь в смерти мамы! А сам? Сам ее не мучал? Ты хотел, чтобы она родила тебе сына! Ты ее упрекал, что она не может родить.

ОТЕЦ: Я называл сыном тебя.

СЫН: Назвал, но не считал. Не любил меня никогда. И к маме меня ревновал.

ОТЕЦ: Это не правда! Не любил – не возился бы так с тобой!

СЫН: Не возился бы ни дня, из-за мамы все. Маму ты любил, меня не хотел...

ОТЕЦ: Тебя колотит всего... Ты не принимал ничего... Сынок... Ты же...

СЫН: Ты никогда меня не любил. Ты меня винишь в смерти мамы!

ОТЕЦ (*обнимает сына, тот трясется, не может себя контролировать*): Послушай меня. Послушай, поверь. Я не мог тебя не полюбить. Я твою маму одну ни разу встречал. Вы были как одно целое – женщина с льняными волосами и ты, светлый, кучерявый, пятилетний малыш. Я всегда любил детей, а соседских пацанов таскал на спине. А за баранку сел, как-то время упустил, долго не женился. А мама твоя в автобус вошла – словно в жизнь мою впорхнула. И с тобой же! Я вас катал, помнишь? Помнишь, как ты папкой меня назвал? Мы еще с мамой не женаты были. Как я мог тебя не полюбить? Ее частичку... мою частичку. Ты спал между нами на кровати, пока во второй класс не пошел. Ты помнишь?

А что она не родила еще... Я не попрекал ее никогда. Хотеть хотел ребеночка, не скрою, но я ее здоровье берег... Помнишь, она долго в больнице лежала, мы с тобой ходили вместе, проводывали? Так вот, после этого я сказал ей: все, хватит, сын у нас есть, раз Бог больше не дал, сына растим, радуемся... Сын ты мне, родной... с пяти лет. Вот и все... Ты сильный, ты справишься... Ты ... завязал со всем этим. Ты смог...

СЫН: Пока мама живая была, ты и не разговаривал со мной... А теперь говоришь без умолку...

ОТЕЦ: Так тогда я весь день работал, вечером уставший приходил. И поговорить некогда было...

СЫН (*бросает скомканную купюру*): Вот твои деньги. Иди уже...

ОТЕЦ: Ты ... встречался с ними?

СЫН: Встречался. Сказал, чтобы дозу нашли, но деньги не отдал. Если придут, не открою, закроешь меня снаружи, и все.

Стучат в дверь

ОТЕЦ: Конечно, нашли. Они, и чтобы не нашли! Убью заразу...

*Резко встает и идет к двери. Сын тяжело встает и пересаживается на диван.
Отец возвращается в комнату с наградным знаком и бумагой.*

Это мои друзья... Сами сходили и забрали наградной этот... лист... медаль... Короче, это все.

СЫН: Говорил я тебе, иди, опоздаешь...

ОТЕЦ: Если бы вышел, точно опоздал бы, навсегда...

*Стучат в дверь. Стук громче и громче.
Стучат два сердца. Тихо-тихо.*

Мужчина и женщина

Холстяцкая квартира, мало мебели. Мужчина: открывает дверь и впускает Женщину, на пороге обнимаются, проходят в комнату.

МУЖЧИНА (мягко): Мы же договаривались сегодня куда-то сходить?

ЖЕНЩИНА: Я не могла ее оставить и сейчас вышла ненадолго. Ей сегодня хуже стало...

МУЖЧИНА: Сегодня?

ЖЕНЩИНА: Сегодня.

МУЖЧИНА: Ты не могла от нее отойти и сегодня.

ЖЕНЩИНА: И сегодня, и вчера... И завтра.

МУЖЧИНА: Сегодня – это сегодня. Вчера – это вчера.

ЖЕНЩИНА: Сегодня, вчера, завтра – все одно. Все одинаково.

МУЖЧИНА: Если ты делаешь одинаковым – тогда одинаково.

ЖЕНЩИНА: Я не делаю. Само собой становится одинаковым.

МУЖЧИНА: Ты разве не так хочешь?

ЖЕНЩИНА: Я....

МУЖЧИНА: Ты!

ЖЕНЩИНА: Не я.

МУЖЧИНА: Ты не решаешься жить.

ЖЕНЩИНА: У меня просто такой случай...

МУЖЧИНА: Я хотел тебя сегодня повести в ресторан. Ты была согласна.

ЖЕНЩИНА: Сегодня.

МУЖЧИНА: Сегодня.

ЖЕНЩИНА: Сегодня?

МУЖЧИНА: Сегодня!

ЖЕНЩИНА: Сегодня моей маме стало хуже. Я же написала тебе.

МУЖЧИНА: Ты почти каждое утро мне пишешь, что маме стало хуже, а к вечеру пишешь, что ей стало лучше.

ЖЕНЩИНА: Потому что почти каждое утро ей плохо, потом мы снимаем боль, снижаем давление... В общем, лучше ей...

МУЖЧИНА: Думаю, ты просто ей сказала, что я тебя куда-то пригласил. И ей стало хуже. Ты испугалась того, что... натворила, и не вышла.

ЖЕНЩИНА: Сегодня?

МУЖЧИНА: Сегодня.

ЖЕНЩИНА: Что значит «натворила»?

МУЖЧИНА: Это я просто на твоём языке сказал.

ЖЕНЩИНА: На моём языке?

МУЖЧИНА: Мы знакомы два года.

ЖЕНЩИНА: Мы знакомы два года.

МУЖЧИНА: Встретились мы с тобой в аптеке. Ты покупала для мамы лекарство.

ЖЕНЩИНА: Я покупала для мамы лекарство.

МУЖЧИНА: Ты все эти два года, что я тебя знаю, так и живешь: для мамы, рядом с мамой...

ЖЕНЩИНА: Я ухаживаю за ней, она болеет. И ей все время нужны лекарства.

МУЖЧИНА: Ей нужен постоянный уход, она не может встать сама. Ты сидишь с ней день и ночь. Иногда украдкой мы встречаемся.

ЖЕНЩИНА: Встречаемся, когда получается вырваться. Когда получается, да.

МУЖЧИНА: Год назад я сделал тебе предложение. Ты сказала об этом матери, ей стало хуже, настолько хуже, что месяц не отходила от нее вообще. Мы оставили свою глупую идею о свадьбе и занимались только лекарствами, врачами... И вот ей вроде бы становилось постепенно лучше, настолько лучше, что ты могла иногда приходить ко мне. Я тебя пригласил в ресторан, снова хотел сделать тебе предложение выйти за меня замуж.

ЖЕНЩИНА: Я поняла, что ты мне снова это скажешь. Но маме я не стала говорить... Ей сегодня утром вот... стало плохо...

МУЖЧИНА: *(тихо)* : Ей сейчас лучше, верно?

ЖЕНЩИНА: Да, ей лучше, но мне надо...

МУЖЧИНА: Ты вернешься к ней сегодня, ты сама убедишься, как она, лучше ей, хуже... Но пока ты здесь, скажи мне, ты выйдешь за меня замуж?

ЖЕНЩИНА: Маме стало... хуже...

МУЖЧИНА: *(тихо)*: Я о состоянии твоей мамы уже спросил тебя утром. А сейчас спрашиваю о другом.

ЖЕНЩИНА: Пока она не выздоровеет, я не смогу тебе ничего сказать...

МУЖЧИНА: Но за эти два года ей то плохо, то лучше, то хуже, то чуть получше. Значит, так может идти и дальше. Дальше – еще два года, еще четыре и очень-очень долго. Поэтому я бы хотел услышать от тебя «да» или «нет». Ты выйдешь за меня? «Да» – есть такой вариант ответа. Есть вариант «Нет». Выбирай!

ЖЕНЩИНА: Я не могу так, не могу... сегодня ничего сказать.

МУЖЧИНА: А я не могу себе позволить перейти из сегодня в завтра без твоего ответа. Садись *(ставит перед ней стул, она машинально садится)*, сиди и не двигайся.

ЖЕНЩИНА: Почему я должна сидеть и не двигаться?

МУЖЧИНА: Я буду тебя рисовать!

ЖЕНЩИНА: Правда? А ты умеешь рисовать? Я не знала!

МУЖЧИНА: Я сам не знаю, сейчас узнаю.

ЖЕНЩИНА: Как интересно. И у меня будет мой портрет?

МУЖЧИНА: Будет!

ЖЕНЩИНА: Как здорово!

МУЖЧИНА: И пока я пишу твой портрет, ты должна мне ответить на мой вопрос. Ты выйдешь за меня?

ЖЕНЩИНА: Я ... должна идти к маме... Я же ненадолго пришла. Я тороплюсь вообще-то.

МУЖЧИНА: Я тоже тороплюсь... жить *(взял бумагу, карандаши, рисует)*.

ЖЕНЩИНА: Да хоть десять портретов нарисуешь, я сегодня тебе ничего не смогу ответить. Какое замужество, там моя мама ...

МУЖЧИНА: «Да» или «Нет» ?

ЖЕНЩИНА: Ты такой интересный. Нет, ты очень многое для нас сделал и делаешь. Ты мою маму жалеешь, я сама в этом убедилась... Ты даже хотел нас с мамой к себе забрать. Я очень это все ценю... Но мама не сможет никуда из своей квартиры переехать! Она привыкла жить в своей комнате!

МУЖЧИНА: Два варианта ответа.

ЖЕНЩИНА: Ты такой интересный. Что я ей скажу?

МУЖЧИНА: Что ей скажешь? Скажи: «Мама, ты знаешь, что я встретила человека, он ухаживает за мной, тот, который с лекарствами нам помогает. Обязательно ей скажи, что помогать буду всегда. И скажи, что мы любим друг друга и решили пожениться. Говоришь ей так сегодня. Конечно, если любишь меня...

ЖЕНЩИНА: Я люблю тебя...

МУЖЧИНА: Сегодня идешь домой и говоришь ...

ЖЕНЩИНА: Сегодня?

МУЖЧИНА: Вот как закончу твой портрет – вот сразу.

ЖЕНЩИНА: А ты долго еще ?

МУЖЧИНА: Ну раз ты так торопишься, и я не совсем художник, то ... не так сильно тебя задержу.

ЖЕНЩИНА: Ты такой интересный. Думаешь, я не хочу, чтобы мы поженились?

МУЖЧИНА: : «Да» , «Нет», «Согласна»...

ЖЕНЩИНА: Вот так сразу?!

МУЖЧИНА: (*показывает два пальца*): Два года...

ЖЕНЩИНА: А мама болеет семь лет... И у нее нет никого, кроме меня. Папа давно умер...

МУЖЧИНА: Голову чуть-чуть вбок поверни, пожалуйста.

ЖЕНЩИНА: (*послушно повернула голову*): Я не могу ее оставить!

МУЖЧИНА: Еще немного в сторону как бы посмотри...

ЖЕНЩИНА (*смотрит в сторону*): Как я ее оставлю?

МУЖЧИНА: Я не говорил, чтобы ты ее оставляла.

ЖЕНЩИНА: Ты интересный... Она не может к тебе переехать, она хочет жить в своей квартире.

МУЖЧИНА: Она хочет умереть в своей квартире.

ЖЕНЩИНА: Как ты можешь так говорить? Как ты можешь? Ты желаешь ей смерти? Ты ждешь? Потому что потом я буду свободна... (*голос дрожит*)

МУЖЧИНА (*прерывая рисование*): Подожди, подожди... Ты сама подумай. Если бы я желал смерти твоей маме, разве приводил бы к ней врачей? Хороших врачей... Не приводил бы. И в больницу лечь не предлагал бы... Если бы меня впускала, я бы и внутрь заходил, проводывал бы ее... Но вы не пускаете к себе, и я приношу лекарства, на пороге передаю для нее... Если бы вы переехали ко мне – тут ей комната отдельная, и я все буду делать, что нужно. И мы вместе будем.

ЖЕНЩИНА: Я ни за что не смогу ее уговорить сюда переехать...

МУЖЧИНА: Я сейчас дорисую твой портрет.

ЖЕНЩИНА: Ты потом отдашь его мне?

МУЖЧИНА: Если скажешь «не выйду за тебя», он останется у меня.

ЖЕНЩИНА: Знаешь что? Я не хочу, чтобы ты рисовал! Порви его! Порви его сейчас же!

МУЖЧИНА: Нет, нет. Голову вбок, пожалуйста.

ЖЕНЩИНА: Я не хочу! *(вскочила)*

МУЖЧИНА: С мамой рядом ты можешь сутками сидеть. А портрета ради? Портрета на память!

ЖЕНЩИНА: Зачем ты так говоришь? *(плачет)*

МУЖЧИНА: Не плачь. Не плачь, пожалуйста. Я не хочу портрет плачущей тебя.

ЖЕНЩИНА: Я не плачу.

МУЖЧИНА: Кто знает, когда ты уйдешь, я буду плакать, разлядывая тебя на рисунке...

ЖЕНЩИНА: Пожалуйста, не говори так. Я просто не знаю, что мне делать. Ты ее не видел. Она такая маленькая стала, высохла вся. Как воробышек. Она даже сама не ест, только из ложечки. Посадишь – сидит весь день, поможешь лечь – лежит...

МУЖЧИНА: Ты говорила, что она встает.

ЖЕНЩИНА: Если поддерживаю! Она сама не встанет, что ты?! И вообще, я ей не доверяю. Вдруг упадет, не дай Бог.

МУЖЧИНА: Пожалуйста, повтори свой наклон головы.

ЖЕНЩИНА: *(машинально реагирует на команду)*: Она сама маленькая, но кровать у нее большая. И она ни за что в другую кровать не ляжет.

МУЖЧИНА: Это разве проблема? И кровать перевезем.

ЖЕНЩИНА: Нет, это невозможно! Это огромная кровать! В двери вообще не войдет! А без кровати маму я куда уложу?

МУЖЧИНА: Может, там у тебя не мама в квартире живет?

ЖЕНЩИНА: А кто?

МУЖЧИНА: Не знаю. Может, у тебя ребенок есть и ты его прячешь?

ЖЕНЩИНА: Нет. Мама...

МУЖЧИНА: Я шучу... Грубо так пошутил. Понимаешь, если бы я иногда не звал тебя наружу, ты бы забыла, что на улице дождь бывает и снег падает.

ЖЕНЩИНА: Это мама моя...

МУЖЧИНА: Сначала она была мамой. Но теперь это твой ребенок... Если бы просто мама, ты бы справилась... Ты бы понимала, что должна жить сама. Ради кого-то еще... ради будущих детей, например...

ЖЕНЩИНА: Она, как ребенок, беспомощная...

МУЖЧИНА: Хотя бы так. Как ребенок, но не ребенок.

ЖЕНЩИНА: Ее все бросили, и сын, и старшая дочь, все кроме меня!

МУЖЧИНА: Что? *(чуть не уронил карандаш)* Ты же говорила, что у нее никого нет.

ЖЕНЩИНА: Есть... Но их же нет рядом? Мы с ними не разговариваем!

МУЖЧИНА: Но, оказывается, есть в природе кто-то еще, кроме тебя, кто мог бы, кто обязан сидеть с больной мамой.

ЖЕНЩИНА: Так они не будут с ней сидеть!

МУЖЧИНА: Кто там еще под большой маминой кроватью прячется?

ЖЕНЩИНА: Зачем ты так про кровать? Там спал папа!

МУЖЧИНА: А ты спала со мной. А до меня ты ни с кем не спала. Значит, мужа ты там точно не прячешь.

ЖЕНЩИНА: Я больше ничего от тебя не скрываю. Я вообще не умею обманывать. Меня мама так воспитала... И сейчас она сразу понимает, когда говорю неправду... Я вот сказала, что скоро вернусь... Я должна идти... Она ждет.

МУЖЧИНА: Иди...

ЖЕНЩИНА: А ты... Не спросишь меня больше?

МУЖЧИНА: О чем? Нет.

ЖЕНЩИНА: Почему? Ты разве не хочешь ?

МУЖЧИНА: Что я хочу?

ЖЕНЩИНА: Как? Ты сам говорил! Спрашивал, выйду я за тебя замуж или нет...

МУЖЧИНА: Когда?

ЖЕНЩИНА: Сегодня.

МУЖЧИНА: Сегодня?

ЖЕНЩИНА: И сегодня, и до этого, и пока ты рисовал, я должна была подумать и дать ответ...

МУЖЧИНА: Портрет я помню, как начал рисовать. Но чтобы просил дать ответ... не помню. И портрет такой вот получился...

Мужчина протягивает лист, женщина берет в руки рисунок.

Нравится?

ЖЕНЩИНА: Да.

МУЖЧИНА: Возьми тогда.

ЖЕНЩИНА: Ты отдаешь его мне?

МУЖЧИНА: Отдаю. И ... тебе пора домой. Сегодня ты задержалась у меня.

ЖЕНЩИНА: Сегодня, да...

МУЖЧИНА: Твоей маме хуже ведь стало...

Женщина тихо выходит, мужчина закрывает за ней дверь. Тут же стук в дверь.

Мужчина: открывает – на пороге стоит она.

ЖЕНЩИНА: Я вернулась

МУЖЧИНА: Ты, наверное, что-то забыла.

ЖЕНЩИНА: Да, я забыла сказать, что последнее лекарство, что ты достал для мамы, помогло, оно оказалось очень хорошим...

МУЖЧИНА: Не бойся, я вас не оставлю. Если не выйдешь замуж за меня, все равно буду помогать. Но сегодня ты вступишь меня к своей матери и познакомишь с ней.

ЖЕНЩИНА: Сегодня?

МУЖЧИНА: Сегодня.

Конец.

Перевод с кабардинского автора

ДРАМАТУРГИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Виктор КУСТОВ

Родился 9 июня 1951 года в Смоленской области. По образованию горный инженер – окончил Иркутский политехнический институт Красноярского края. Работал в газетах в Иркутске, Саяногорске, Красноярске, Черкесске, Ставрополе. Член Союза журналистов СССР. Член Союза писателей России с 2002 года. Участник Всесоюзного совещания молодых писателей СССР в 1984 году. Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Драматургия» (пьеса «Время шутов»). Автор книг прозы, публицистики, пьес. Дважды лауреат губернаторской премии имени Андрея Губина. Главный редактор литературного журнала «Южная звезда». В настоящее время живёт в Ставрополе.

Я – кавказец

Моноспектакль

Я – кавказец...

Что, не похож?..

А некоторые говорят, похож...

Когда пацаном с родителями в Сибирь приехал, считали, что похож... Может потому, что нос не курносый... И загар хорошо пристает... В Сибири в те времена, как и сейчас, кавказцев особо не было. А те, что были, из общей массы не выделялись. Лезгинку если танцевали, то исключительно по праздникам и в помещении. Или когда их чествовали за ударный труд. Как, к примеру, нефтяников, когда те нефть находили. Среди них немало было кавказцев. В остальных профессиях тоже встречались, но нечасто. Единичные особи.

На рынках?.. Да, на рынках не единичные.

Грузины в основном.

С цветами и фруктами...
С усами...
Сейчас вот усы приклею...

Похож?..
Ага, «аэродрома» не хватает.

Вот, надел.
Теперь похож?..

Вот и я говорю...

Не знаю, как сейчас, а во времена моей юности и в Иркутске, и в Красноярске мимозу на Восьмое марта только у них можно было купить.

Вот сейчас вспомню... Да, примерно так: «Случай, малчык, купи сваей дэвачка... Дэвачка рада будет, пацелуй даст...»

Смелый народ, между прочим. Сибирь, мороз под тридцать, а то и за, а они в осенней одежке, с «аэродромом» на голове...

А отчего у них «аэродром» в почете?..

В России в советские времена шляпа была в почете, а у них – «аэродром»... А вы представьте: в шляпе и мимозой торговать...

Вот так...

Купите у такого?..

Не купите.

А теперь кепчонку, которую московский мэр времен капиталистической интервенции и оголтелой прихватизации в моду ввел...

Сейчас, под него...

А теперь купите?..

Вот именно...

«Аэродром» – это имиджевый атрибут торговца. Оповестительный знак. Издалека виден. Как светофор. Нельзя не заметить.

А шляпа... Ну, шляпа, это скорее фонарь... Который днем выключить забыли, вот и бросается в глаза, хотя совсем не нужен.

А кепочка мэрская – это хотя и не «аэродром», но намекает, что-то у ее обладателя есть на продажу, только надо не во всеуслышание спрашивать, приватно...

Но это я так, к слову... Отступление от темы. Импровизация.

Н-да, сам не ожидал, что к таким выводам приду...

Так о чем я?.. Ах, да, об истории.

Я впервые море увидел, когда студентом был. Каспийское. Есть в Азербайджане такое местечко, где нефтяные вышки из моря не торчат. Тогда не торчали, теперь не знаю. Бузовны называется. Это на электричке от Баку чуть больше часа ехать. Железная дорога вдоль берега идет. По одну сторону насыпи в том месте пляж большой и море. По другую – то, что дачами называлось: домики на песке и кусты виноградные...

Не вру, так было. Сейчас, наверное, виллы стоят, не узнать...

Я там одно лето жил. Отдыхал после сессии. Мой знакомый своего знакомого, бакинца, капитана каботажного плавания, уговорил мне, студенту, прикатившему из холодной Сибири, чтобы отогреться, разрешить на его даче пожить.

Жаркое лето было. Вода в море под тридцать градусов, на суше за тридцать. Медуз мелких... Удобнее всего было без плавков плавать, тогда некуда им забиваться... До обеда в море еще терпимо, а потом свариться можно. И ночью никакой прохлады. В мокрую простыню...

Вот так... То ли римлянин, то ли грек древний...

Завернусь, посплю, пока от сухости она не захрустит, и по новой... Так раза три за ночь.

Была у меня там знакомая... Девочка... Зуля. Зульфия. Губы тонкие, злые... Лицо маленькое, смуглое. Да и сама вся маленькая, гибкая... Нет, ничего не позволяла, только целоваться. Времена такие были. Нравственные... Азербайджанка. Но, похоже, с примесью турецкой крови...

А еще был дедушка Хасан. Мы с ним вдвоем на все дачи бездельничали... Нет, вру, бездельничал я. Дед Хасан сторожил дачи. По-русски он знал: «малчык»; «ходы суда»; «ай-йй-йй», «дэвачэк нэлза»... А может, и больше знал, но ленился язык ломать.

И у него была большая палка-посох...

Вот эта...

Нет, конечно, шучу. Я бы ее не сохранил за столько лет. Да и дедушка не отдал бы. Скорее отходил бы этим посохом...

Он вставал раньше меня. Может, даже раньше солнца, потому что, когда я шел к морю, он уже сидел на железнодорожной насыпи. Насыпь была довольно высокой, и с нее хорошо просматривались все дачи. Он молча отвечал на мое робкое «здрасьте» и провожал пристальным взглядом выцветших глаз из-под кустистых седых бровей, который не скрывал знания всей моей подноготной...

...А вообще азербайджанцы веселые и добрые люди. Только в отличие от грузин не такие шумные.

Но также к деньгам, как к мусору, относятся. Относились тогда, во всяком случае. Надо тебе что-то купить, давай, что у тебя есть, никто в обиде не будет... В автобусе мелочи сколько загреб, водителю отсыпал, тот мелочиться, пересчитывать не станет. А нечего сыпать, было у меня такое, иди так, с Аллахом...

А город Баку мне понравился. Набережная красивая.

По старому городу побродил. Не один. В метро от жары прятался. Не московское, конечно, но под землей...

И национальных мелодий наслушался...

Теперь как услышу эти звуки, чувствую волнение...

Зной в них.

Шуршание песка.

Шелест теплой волны.
И тонкая Зуля...
Сейчас звук добавлю...

А еще. Муслим Магомаев... Полад Бюль-Бюль оглы...
Кого послушаем?..
Давайте Полада, его мало кто сейчас помнит...

...В Тбилиси я только проездом был. «Мимино» много раз смотрел.

А еще «Не горюй». Очень понравился. Замечательные в этом фильме грузины. Не унывающие, темпераментные, щедрые...

«Боржоми» доставал по благу, когда студенческое питание на желудке отразилось. Теперь вот покупаю свободно в магазине. Правда, совсем недавно завозить разрешили. Даже «Боржоми» разрешение власти требуется... И этикетка другая. Произведено уже не в Грузинской Советской Социалистической Республике, а...сейчас посмотрим... в Грузии.

«Бабушку, Илико и Иллариона» читал. Нодар Думбадзе написал. Грузин... Может, кто еще помнит. В одной стране все-таки жили...

Вот эту его книжку я в библиотеке нашел. Прочту. Чуть-чуть... О грузинской любви.

«Справа от моего села протекает река Губазоули, слева – небольшая речушка Лаше, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды сваи. И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии. Я люблю его больше всех сел на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада...»

Дальше сами, если захотите, прочтете. Я думаю, в библиотеках книги Думбадзе еще сохранились. Хотя для многих Грузия сегодня ассоциируется с другой фамилией. И с любовью к другой далекой заморской стране... К другим ценностям. Эти другие ценности в какой-то мере коснулись и меня. Один из родственников Думбадзе, я думаю, все-таки из дальних родственников, самых дальних, сильно меня огорчил. Уже когда по разным странам мы разбежались. Немножко, как это сказать по деликатнее, нечестным оказался...

Но я не сомневаюсь, это дальний, очень дальний родственник, хотя и фамилия у него такая же...

А так больше с грузинами дороги не пересекались.

Если, конечно, не считать самого великого грузина, который державу создал, когда меня еще и в помине не было. И в этой державе я потом рос и вырос. И много чего узнал и пережил, пока держава великого грузина не рассыпалась...

А последнее время ни в кино грузин больше не вижу, ни книг не встречаю, и грузинского, такого оптимистичного, мужского многоголосья за щедрым по-южному столом не слышу... Жаль, если в памяти других народов только «аэродром» и останется...

В Ереване я тоже коротко был.

В командировке.

Только и успел в знаменитый Сардарapat, музей этнографии, заглянуть. Правда, смутно уже помню, что там меня поразило. Думаю, прежде всего непостижимость времени.

Ну, а Ереван, как и большинство старых городов, и похож, и не похож на многие другие такие же древние. Я, честно говоря, архитектурным памятникам и музеям предпочитаю движение улиц. Нравится прохожих разглядывать. Выражение лиц...

У армян – контрастные, запоминающиеся.

Отношения наблюдать... Землячеством они крепки. Вероятно, следствие пережитого в двадцатом веке. В начале века – турецкое нашествие, в конце – разрушительное землетрясение в Спитаке...

Характеры... Как у всех народов, разные..

Черты... Наверное, трудолюбие... Во всяком случае, трудолюбивых армян я на своем веку больше встречал, чем ленивых...

Армяне по обе стороны Кавказского хребта живут. Трудно сказать, на какой стороне их больше.

У меня друг был, Леша. По эту сторону хребта. Отец – русский, мать – армянка. Дед по матери – купец первой гильдии.

Армяне умеют торговать. Когда казаки ставропольскую крепость заложили, без них обойтись не смогли, некому было товар привозить. Пригласили. Офшор гарантировали. Те рынок основали, первые улицы вокруг него под крепостной стеной выстроили...

Так вот, Леша точно знал, что дед его, ростовский купец, где-то в своем саду, который потом вместе с особняком стал территорией советского учреждения, клад зарыл. В то время миноискатели еще свободно не продавались, поэтому, прежде чем нам темной ночью отправиться на поиски спрятанного от реквизиции советской властью Лешиного наследства, надо было этот военный инструмент добыть.

...Нет, не такой... Это уже современный. Теперь клады можно свободно искать. А мы пару лет искали доступ к военным закромам, думаю, уже на примете у контрразведки были. Но не успели продажного интенданта найти, грянула перестройка, не до кладов было...

Потом Леши не стало... Молодой был, а вот не выдержал перемен...

Другой друг, чистокровный армянин, на той стороне Кавказского хребта детство оставил. Родная сестра тоже там. А на этой стороне женился на русской девушке. Дом построил. Сынов вырастил. Родителей уже на этой стороне похоронил...

...В прошлом веке две большие охоты на людей были. Сначала на армян. Потом на евреев... Армяне вторыми после евреев христианство приняли. И Арарат, их священная гора, в Турции. Хотя хорошо из Еревана видна.

Вот такая у них история.

А у меня короткая командировка была. К пограничникам. Еще советским. В Октемберянский район.

На заставу. С заставы до Арарата тоже рукой подать... Впечатляет.

Жаркие дни были, середина лета, а тут белоснежный конус перед глазами. Взглянул – и уже не так жарко...

На турецкой стороне за речкой муэдзин периодически на молитву приглашал. В аккурат над мечетью и вздымалась пристань Ноя... Я у погранцов бинокль брал, чтобы разглядеть муэдзина. Ну и Арарат, естественно.

...Это уже современный бинокль, у погранцов полевой был...

И вот, как сейчас, все смотрел, смотрел... Но так ковчега, или что там от него осталось, не разглядел...

Муэдзина?..

Муэдзина разглядел. Старичок. Худенький. С седой бородкой, такой длинной, клинышком...

А может, не увидел ковчега, потому что вглядеться времени не хватало. С утра жизнь пограничную разглядывал, а по вечерам с офицерами предавался застольным беседам. В первый день комсомольские активисты с Октемберяна, ныне Армавир называется, нагрянули. С канистрой коньяка. Прямо с завода, из дубовой бочки.

Коньяк армянский, я вам скажу, самый лучший был в те времена. Тем более, с завода, без обмана. Я думаю, он и сейчас самый лучший, поэтому его и заставили называть арманьяком. Честной конкуренции ведь не бывает, это отмазка, мол, французы первые... Пил я французский, не лучше. А на мой вкус, так хуже... Если только настоящий армянский, а не подделка.

Так вот, канистра стояла возле стола, и лейтенантик, недавно прибывший на заставу, виночерпием был. Разливал по старшинству. Сначала гостям – таков закон гостеприимства на Кавказе, потом старшим по возрасту. И только после этого старшим по званию... Ну а ему как шопе, то есть обслуживающему персоналу, пить не позволялось. Так, пригубить...

Н-да, интересные у нас беседы были. Интернациональные...

Ну и пару раз я с дозором границу обошел.

Через контрольную полосу при мне только звери ходили. А на турецкой стороне, так же, как на нашей, тогда мирно жили.

На этом мои познания о той стороне Большого Кавказского хребта исчерпываются. На той стороне только бывать довелось. Жить – на этой.

Одни горные вершины только с разных сторон видим. Раньше знали, теперь больше догадываемся, что по обе стороны неплохие люди живут.

По эту сторону, где я живу, государство одно, а народов множество. И у каждого своя история. Когда попал в эти места, первое время голова закружилась. Потерял ориентацию во времени и пространстве. Так потерял, что мои новые знакомые решили меня привести в чувство традиционным методом.

И собрались мы, представители разных национальностей, у молодого в те времена карачаевского писателя Муссы Батчаева на его даче над только что опавшей после паводка Кубанью. Это сегодня он классик, а тогда был просто талантливый автор. И дачка у него была по стандартам того времени – маленький, в пару комнат, домик с увитой поздним винным виноградом верандой. На ней за столом мы и сидели. Июньским южным томным вечером.

Зной уже спал. Наступил час блаженного ничегонеделания.

И душевного отдохновения.

Классик еще не знает, что он классик и ведет себя как простой смертный. Пьет вино и поддерживает разговор.

О чем?

О том, о чем в то время не принято было говорить официально. О депортации карачаевского народа и возвращении на родину.

Юсуф Созаруков, тогда начинающий карачаевский поэт, пишущий на русском языке, помнящий казахские степи, обиды не скрывал.

Мусса – постарше, помнящий больше и лучше, выдержаннее. У него уже несколько книг переведены на русский и вышли в Москве.

Я сейчас одну покажу...

Вот она.

А в этом сборнике есть повесть «Аул Кумыш».

Кто бывает в Теберде или Домбае по дороге через Черкесск, его обязательно проезжает. Большой аул. Родина Муссы. Здесь он и похоронен.

«Не приходилось ли тебе когда-нибудь бывать в обычном карачаевском ауле, известном, прямо скажем, лишь тем, что он никому не известен? Почему? Да потому, что такой аул прячется в горах, в укромном месте, в стороне от людских широких дорог. И ты будешь прав, если скажешь, что он, по всей вероятности, непричастен к существованию на земле всех семи больших и семидесяти мелких чудес. Ты прав – к этому он непричастен.

Итак, будь у нас гостем, путник!»

Будь гостем, приглашает карачаевский классик Мусса Батчаев.

Гостю уважение и защита.

Завоевателю – отпор.

Я вот задумался тут, как от толерантности, то есть терпимости, к дружбе вернуться. Чем можно объединить множество народов, собранных в этих предгорных и горных местах?.. И была ли дружба в державе под названием СССР?

Была.

И русских в Грозном, Махачкале, Нальчике, Черкесске много жило. И не боялись друг друга. Не точили кинжалов. Заводы строили, землю пахали... Национальную интеллигенцию возвращали...

Не элиту. Элита – это у животных. Это когда больше, но не умнее. У интеллигенции главное богатство не в кормушках да на счетах – в интеллекте. Оттого и понимала интеллигенция национальных меньшинств, какую возможность ей советская власть предоставила: своей маленькой культурой войти в большую, бессмертную... Своей краской, нитью влиться в волшебное большое полотно...

Между прочим, у карачаевцев собственная письменность появилась только в начале прошлого века, уже после Октябрьской революции.

А вообще карачаевцы – потомки половцев. Так ученые считают. Но не все. Половцы были степняки, а карачаевцы живут в ущельях....

А вот калмыки были горцами, а теперь живут в степях. Поэтому Пушкин и выправил «сына степей» на «друг степей калмык»...

Далеко их занесло в свое время от прародины. Но религию собственную не теряли по дороге.

А в ущельях мир другой...

Довелось мне бывать в карачаевском ауле, выше которого только белые вершины, а верхушки деревьев остаются под подошвами. И услышал я там такую легенду.

Жила в этом ауле перед Великим Октябрем воинственная карачаевка, которую даже мужчины уважали и слушали. И когда докатилась сюда молва о том, что творится в долине, решила она закрыть свой аул, свою страну от враждебного мира. Там, где Кубань прорезала самое узкое ущелье, поставила отважных джигитов, чтобы те никого не пропускали. Но все-таки прошел как-то отряд то ли красных, то ли белых и забрал то, что хотел, прежде чем перейти в другое ущелье. Тогда она решила завоевать неведомую ей Москву, откуда те пришли. Для этого, она посчитала исходя из численности прошедшего отряда, ей нужно было двести отчаянных джигитов. Молодых, горячих. И велела она собрать всех подростков в одном месте и обучать их воинскому искусству...

У этой легенды не ясен конец. Воспитала ли она подростков в отчаянной любви к родному ущелью и в непримиримой злости к внешнему миру или не успела?..

А может эту легенду придумали уже после возвращения из изгнания аксакалы для укрепления духа.

Но что точно было – это наказ старейшин тем, кто возвращался: на родной земле рожать без усталости, чтобы народ множился и занимал свою землю, вытесняя чужаков...

Да, несколько слов о калмыках...

Это ведь тоже Кавказ. Его история, во всяком случае.

У этого народа вера самая древняя и мудрая. Настолько мудрая, что их не слишком и видно. А история длиннее многих шумных государств-новоделов.

Такая же длинная история и у ногайцев. Те тоже спокойные... Словно знают неведомое остальным....

Народы как люди: рождаются, взрослеют, стареют...

Юные народы – драчливые.

Старые народы – мудрые.

У старых народов и летописцы мудрые.

В те времена, когда познакомился с классиком карачаевской литературы, я и с классиком ногайской подружился. И был тогда Иса Капаев молод, но уже известен далеко за пределами своей родины. Всей читающей стране. В журнале «Юность» печатался.

Сейчас покажу, как этот журнал в те годы выглядел.

И книжки у него в Москве уже выходили.

Вообще Москва в то время любила кавказцев.

Вот, прочту для затравки, как раньше писали...

«Быстрая езда на грузовике волнует не меньше, чем стремительная скачка на горячем аргамаке.

Я стою, опираясь руками о железо кабины, нахлобучив кепку на самые глаза. Встречный ветер, перемешанный с песком и пылью, хлещет в лицо. Впереди необъятная, пахнущая зноем степь. Синий горизонт как бы в одной упряжке с солнцем – не догнать ни на каком скакуне... Белые ковыли, серые полыньники, зеленые разливы люцерны, желтизна пшеничных полей мчатся навстречу. Кажется, все однообразно в этой степи. И вдруг среди седого ковыля, как неожиданная мысль – сверкнет одинокий алый мак...»

Что тут скажешь... Орда. Хан Ногай и его потомки. Немного осталось от этого великого народа.

И черкесов теперь не намного больше.

Черкесы прославились черкеской с блестящими газырями и буркой.

Черкеска – это бальное платье для джигита.

Вот, надел – и я уже джигит.

Бурка – это маленький домик на одного. Накинул сверху на плечи... Теперь ветер, дождь, метель не страшны...

А прославлены черкесы Михаилом Юрьевичем Лермонтовым историей о красавице Бэлле... Это вы знаете.

Еще один народ с историей, разделенный хребтом, – абазины-абхазцы... Народы-братья...

По разную сторону Кавказского хребта.

В девяностые годы прошлого века мой знакомый абазин Азамат, бывший комсомольский, а затем партийный функционер, немало средств и сил вложил, помогая своим братьям стать свободными... От грузин...

До этого я не сомневался, что эти два народа, грузинский и абхазский, – братья.

Что Нодар Думбадзе и Фазиль Искандер – братья.

Вот у меня томик Искандера. Этот искать, как книгу Думбадзе, не пришлось. Искандер давно уже не был на своей родине. Можно сказать, он по месту проживания – москвич. Но не по прозе...

Вот, прочту, чтобы поняли, что я имею в виду....

«Порывы озонистого воздуха порою трепали его голос, как белье на веревке, иногда слишком сильный порыв ветра, оборвав кусок недослышанной мелодии, уносил его с собой и вышвыривал ее на берег. Иногда наоборот, как бы заталкивал назад в его поющий рот уже спетую часть песни, но Арменак, напружинившись, вышибал ее из глотки последующим куском мелодии, и в воздухе несколько мгновений дребезжали куски мелодии, заклинившиеся и рвущиеся в разные стороны, как сцепившиеся собаки».

Это из «Сандро из Чегема».

Да, беспокойно стало на Кавказе в конце прошлого века... Одна война заканчивалась, другая назревала...

Осетины – народ маленький, но гордый.

Впрочем, как все горцы.

Я во Владикавказе на военных сборах был. Служить в армии не довелось, военная кафедра была, офицерское звание получил. Лейтенанта...

А военная форма мне идет. Сейчас оцените...

...Вот как китель сидит... Живот сразу втянулся, плечи шире стали...

Не понимаю, отчего пацаны от армии косят. Надо же где-то себя мужчиной в полной мере ощутить...

Сейчас вот еще фуражечку...

Вот так...

Теперь другая форма, в ней таким молодым трудно выглядеть...

Так вот о сборах. Для информации: в Советском Союзе офицеров и солдат, вышедших в запас, периодически собирали для повышения военной квалификации. Узнать, что в уставе, тактике, вооружении изменилось, и пострелять на полигоне. Из боевого оружия и из прочей техники, если к ней приписан.

Владикавказ – город с историей.

Через него шла единственная дорога, Военно-Грузинская, на Тифлис-Тбилиси. А там дальше и в турецкий Арзрум, куда Александр Сергеевич Пушкин съездил и путешествие это описал.

Во Владикавказе врач Михаил Булгаков прожил почти целый год. Одна тысяча девятьсот девятнадцатый.

Здесь появился один из первых русских театров на Северном Кавказе.

Это после перестройки Северная Осетия стала основным производителем водки. До этого другие ценности преобладали...

Но в этом городе всегда было много военных.

Мы тоже там на сборах изучали, что еще изобрели люди для убийства друг друга. На полигоне тренировались поражать мишени. Хорошо, что картонные.

У меня получалось.

Я все-таки когда-то охотился.

Пока не понял, как это неправильно – лишать жизни беззащитное существо. Оправданием может служить только необходимость защититься или выжить.

Спортивная охота – это убийство.

Для кого-то Чечня была спортивной охотой...

А у Льва Толстого кунак был, чеченец Садо. Толстой ему плохонькое ружьишко подарил, а Садо в ответ дорогую шашку. А потом и коня. И от своих воинственных соплеменников защитил... Можно сказать, русскую литературу спас...

Выходит, им война была не нужна.

А кому она нужна?..

Никто не сознается.

Я не везде на Кавказе был.

Но много имен знаю.

Имен, впечатанных в историю. И это не имена толстосумов или начальников. Это имена тех, кто ткал общий ковер духовности.

Ковер дружбы.

Кайсын Кулиев – балкарец. Алим Кешоков – кабардинец. Разные народы, разные культуры. И человеческая дружба до конца дней. И оба в памяти народной.

Расул Гамзатов – певец, без которого Дагестан безголос.

Веками учил ты и всех, и меня
Трудиться и жить не шумливо, но смело,
Учил ты, что слово дороже коня,
А горцы коней не седлают без дела.
И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых, и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потоков и гор горделивых.

Это Гамзатов о своей родине, о Дагестане.

Тем, что есть, не дорожим... Не дорожили, поэтому и державу разрушили. Всем так захотелось свободы, самостоятельности... А ведь неплохо жили на национальных окраинах. Лучше, чем в русской глубинке – на той же смоленщине или вологодчине...

И примеряла местечковая власть, уставшая от догмата Москвы, как малыш одежку взрослого, как бы сама распоряжалась... И как тот же подросток, уверена была: знает лучше и больше взрослого... Не подозревая, что заводы, фабрики, колхозы и все, что работало при советской власти, при импортируемом с Запада новом строе полных прилавков не нужны станут.

Думали, что изобилие товаров важнее дружбы.

Не ведали, что Западу своего наработанного, произведенного, выращенного девать некуда и не заводы нужны в большой стране, а большой, голодный, жадный до материального изобилия базар.

Ишак, перед которым так долго маячил клок сена, вдруг понял, что может его достать...

Нет, мы, конечно, не ишаки. Но иногда бываем не умнее их.

Обижены были чеченцы, карачаевцы и те же калмыки на власть Советов?

Обижены.

Но не более, чем столичные диссиденты.

Вернувшись в родные места после изгнания, они жили бок о бок с русскими. А мы бок о бок с ними. Вместе строили, производили, выращивали... Они женились на русских... И наоборот. Детей рожали, которые одинаково два родных языка знали...
Две культуры.

Говорят, я не сын
этих гор, этих рек –
Не потрафил строкой
ритмам горского вкуса.
Не слышал стихов
седолавый Казбек,
Не затеплилась песнь
в изголовье Эльбруса.
Лгут. Бессовестно лгут!
Я метался меж скал.
Шат-гора и Казбек –
тема тайны глубокой,
Ведь не зря же здесь гений
поэта витал,
По ущельям струя
свет души одинокой.
Он терзался и пел.
Я шагнул ему вслед
И с вершин оглядел
дорогие просторы,
И, как тысячи стрел,
в сердце скопища бед,
Стон берез и полей
обреченные взоры.
Да, там горе и скорбь!
И я ринулся с гор
В бой за Русь, как солдат,
от родного порога.
Пораженья мои –
дням бесстыдства укор,
Я же пел и пою,
что далось мне от Бога.

Это стихотворение из вот этого томика «Моя журавлиная Русь» народного поэта Карачаево-Черкесии Михаила Бегера. Он родился в Черкесске, здесь вырос и стал поэтом.

Настоящим русским поэтом.

Более двух сотен лет назад пришли сюда казаки. То ли народ, то ли сословие. Я думаю, все же сословие.

Сословие, занимавшее место между дворянами и разночинцами. Со своим менталитетом. Схожим с сибирским.

Почему так думаю? Искожу из личного опыта. Жена у меня считала себя сибирячкой. Выросла на берегу Байкала. Гордилась этим. Обижалась, если напоминали, что родилась она, правда, в другом месте. А тут вдруг решила своей родословной поинтересоваться. И выяснилось, что оба ее деда, репрессированные в тридцатые годы, казаки. По отцу – донского войска, по матери – кубанского.

Вот и задумалась. Но характер, со стороны виднее, казачий у нее. Другое дело, что не особо разнится он с сибирским. Оба на воле да на преодолении препятствий замешаны.

Нет, не случаен Кавказ в истории России.

Как и Россия в истории Кавказа.

Свободолюбие и искусство политической дипломатии – вот основные уроки, получаемые на Кавказе и по сей день.

И именно Кавказ оплодотворил русскую культуру.

Но не только русская культура вышла оплодотворенной из многонационального горнила и социальных катаклизмов этого исторического соединения места и времени. Общественная мысль, критерии оценки элит, гражданские постулаты общества и отношения человека и государства начали формироваться именно здесь. Военная верхушка и терпеливые солдаты, проповедующие патриотизм, казаки, предпочитающие опасную свободу безопасному прозябанию в крепостничестве, ссыльные вольнодумцы, отчаянно-безрассудные, вышедшие на «декабрьскую площадь», рискованные авантюристы всех мастей и творческие люди – вот кто устремился сюда, на эти просторы, одержимые поиском новизны отношений, чувств, красок, звуков...

Сюда шел отборный люд, уверенный в себе, в своей удаче, фарте...

Все вместе, народы разных национальностей, вер, культур, все мы – кавказцы...

И неважно, что я родился совсем в другом месте России.

Живу на Кавказе.

А значит, кавказец.